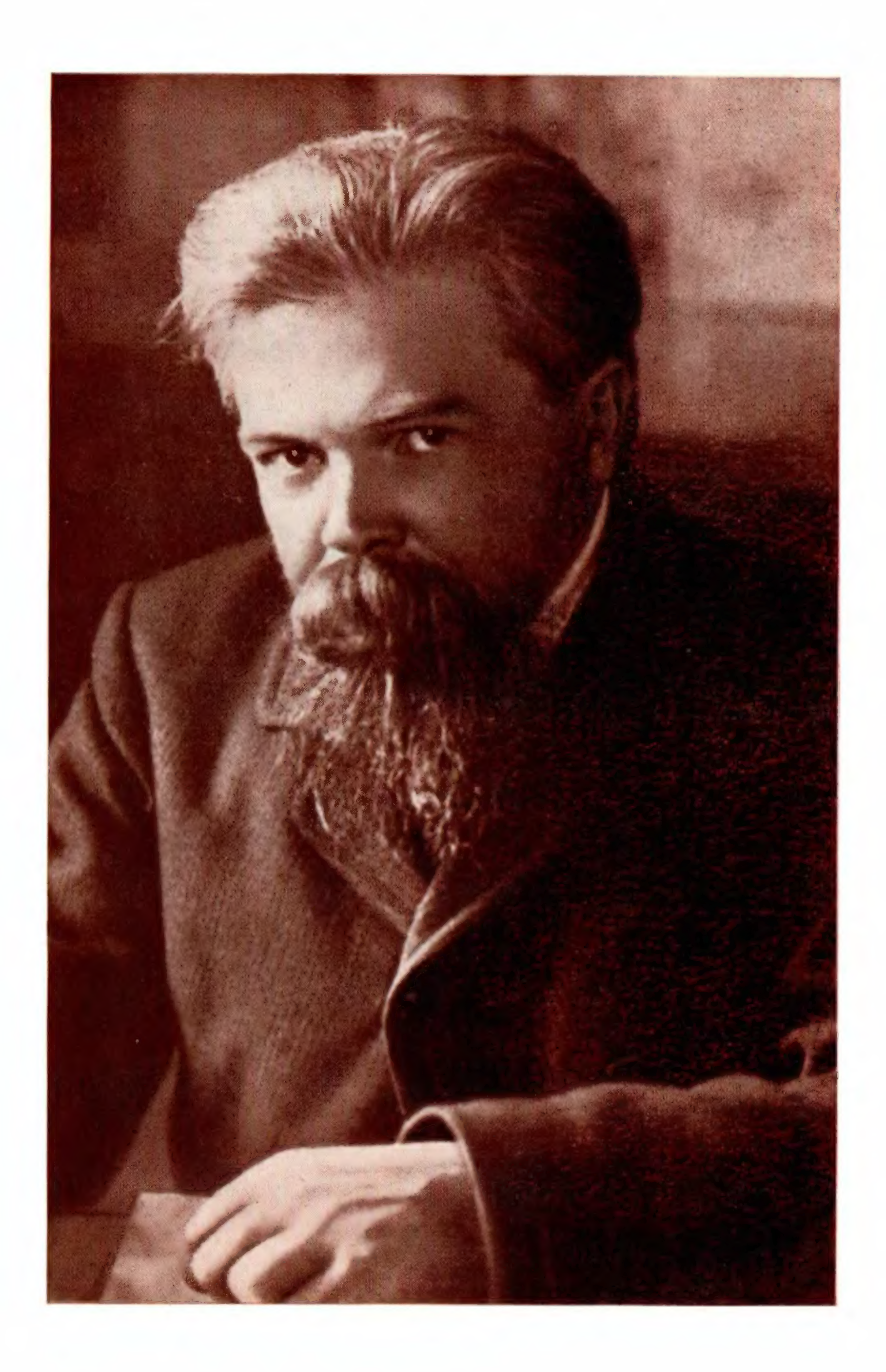
Н. А. РУБАКИН ИЗБРАННОЕ 1

Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

«КНИГА»

ТРУДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КНИГОВЕДОВ

Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

В ДВУХ ТОМАХ

Составление, краткий биографический очерк и комментарии профессора А. Н. РУБАКИНА

Том первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1975

028
Р82

Вступительная статья *Б. А. Смирновой*
Реальный комментарий *А. А. Беловицкой*

Р $\frac{61001-047}{002(01)\text{-}75}$ 8-75

© Издательство «Книга», 1975 г.

А. Н. Рубакин

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУБАКИН

Г. В. Плеханов, близко знавший Н. А. Рубакина и долгие годы друживший с ним, когда-то писал о нем: «Среди русских писателей Н. А. Рубакин занимает особое место». Это «особое место» было совершенно необычайным.

Каждый писатель любит книги, любит свои произведения и очень чувствителен к мнению читателей о своих произведениях. Н. А. Рубакин поставил вопрос об отношениях между читателем и книгой, читателем и писателем на совершенно другую почву. Он задался вопросом изучить — а почему читатель чувствителен к тому или другому писателю, какая внутренняя связь между личностью писателя и читателя, почему та или иная книга действует на одного читателя и не действует на другого? Какая закономерность во влиянии книги и писателя на читателя? Иначе говоря, Рубакин поставил вопрос об изучении читателя, в то время как раньше и писатели и критики изучали главным образом личность и психологию писателя.

Но Рубакин не только поставил проблему изучения читателя и его взаимоотношений с писателем и с книгой. Он писал научные книги, понятные и нужные для любого, самого неподготовленного читателя; изучал интересы и желания читателей в связи с их социально-экономическим положением и их психическим типом; создавал для них литературу в соответствии с их типами, составлял индивидуальные и массовые программы чтения; занимался проблемами организации библиотек и «библиотечного ядра»; создал научную теорию, изучающую психологию читателя и книги, читателя и автора. Иначе говоря, Рубакин первый не только у нас, но и во всем мире попытался поставить на научную основу вопрос о причинах воздействия книги на читателя.

Надо сказать, что ни происхождение, ни характер социальной среды, в которой он родился и рос, не подготовляли Рубакина для такого рода деятельности и творчества. Он вышел из купеческой среды, где книгой не интересовались, чтение считали вздорным занятием. Общие, характерные для мелкой буржуазии

всех стран мира черты в этой среде обострялись недостатком культуры, устаревшим складом жизни, предвзятыми и зачастую дикими понятиями. Здесь только кратко изложена биография Н. А. Рубакина, более подробные сведения о жизни писателя читатель найдет в книгах: «Лоцман книжного моря» А. Н. Рубакина (М., 1967), «Под шифром «Рб» Л. Э. Разгона (М., 1966) и в его же очерке «Последний энциклопедист», напечатанном в сборнике «Пути в незнаемое» (1964, вып. 4), «Н. А. Рубакин» К. Г. Мавричевой (М., 1972).

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 г. в маленьком, глубоко провинциальном (несмотря на свою близость к столице — Петербургу) городке Ораниенбауме, ныне переименованном в город Ломоносов.

Отец его, купец второй гильдии Александр Иосифович Рубакин, торговал лесом, содержал бани и имел несколько домов в центре города. В одном из них и родился будущий писатель. (Улица, на которой находился этот дом, ныне по постановлению Ломоносовского исполкома названа именем Н. А. Рубакина.) Отец Николая Александровича был человеком в делах очень честным, но неудачливым и в конце своей жизни растерял почти все состояние. По-видимому, хотя он был потомком старинного купеческого рода, не имел он коммерческой жилки. Верный своей среде, он не стремился дать двум сыновьям, Михаилу и Николаю, образования и с ранних лет стал приучать их к торговле. Происходил он из старообрядцев, был религиозен, уважал начальство, но не любил из чисто плебейской гордости чиновников и дворян. В течение 18 лет он был городским головой своего родного города. На сына он оказал очень мало влияния.

Мать же Николая Александровича, Лидия Терентьевна, тоже из старинной купеческой старообрядческой семьи, была типичной «шестидесятницей», знакомой с идеями своего времени, пламенной сторонницей свободы и образования, а также борьбы за права женщин. Она много читала, любила книги и собирала их, училась сама — дома, так как не получила систематического образования, самостоятельно выучилась французскому языку и даже переводила с него книги. Она участвовала в кружках, в которых бывал Д. Писарев. На сына она оказала большое влияние, приучила его к чтению, внушила ему любовь к книгам и к знанию и добилась того, что оба сына поступили в реальное училище в Петербурге, куда семья переехала в 1875 г.

Оба брата кончили реальное училище. Младший, Михаил, пошел в Технологический институт и сделался инженером. А старший, Николай, твердо решил идти в университет. Но для этого требовалось сдать экзамен на аттестат зрелости, в частности по древним языкам, которые в реальном училище не преподавались.

Училища Николай Рубакин не любил. Преподавание было сухим, скучным. Только учитель русского языка относился к Рубакину хорошо и прочил ему будущность писателя. Когда речь

зашла о поступлении в университет, молодой Рубакин проявил все свои способности: за 13 месяцев он подготовился самостоятельно к экзаменам и сдал их блестяще.

Отец Рубакина вначале был против образования сыновей, и только мать его смогла отвоевать для сыновей право продолжить учение. Отношение отца к образованию сына изменилось после того, как шестнадцатилетний юноша напечатал в журнале «Детское чтение» (1877 г.) свою первую научно-популярную статью «Обоготворение животных» и даже получил за нее гонорар в 16 рублей. Это заставило отца, не желавшего, чтобы сын стал писателем, готовившего его для коммерческой деятельности, иначе взглянуть на профессию, которую еще мальчиком избрал Николай Рубакин. Раньше отец противился тому, чтобы сыновья продолжали образование в Петербурге, в высших учебных заведениях, а после публикации статьи согласился на это. Николай поступил в университет, на естественное отделение физико-математического факультета.

Характерной чертой Николая Александровича Рубакина было то, что он чуть ли не с самого детства наметил свой жизненный путь и следовал ему неукоснительно всю жизнь. Поставив перед собой цель — стать ученым, он добился этого. Решив быть энциклопедистом, он им стал. Решив заняться популяризацией науки для трудящихся — рабочих и крестьян, он стал любимым ими популяризатором научных знаний и пропагандистом самообразования.

Еще студентом Рубакин обнаружил это призвание — быть энциклопедистом, стремиться знать все. В Петербургском университете, по окончании которого он получил золотую медаль за свою научную работу, он прослушал не только курс естественного отделения физико-математического факультета, но и курсы двух других факультетов — юридического и историко-филологического.

Уже в студенческие годы он сблизился с революционными деятелями, примкнул к научному кружку, которым руководил Александр Ульянов, брат В. И. Ленина, затем вступил в так называемую «Студенческую корпорацию» — легальную организацию, но с ярко выраженной либеральной направленностью. Она находилась с самого своего зарождения под наблюдением полиции. Как член этой организации Рубакин был арестован в начале 1886 г., но вскоре выпущен и отдан под «гласный надзор полиции». Он обвинялся в хранении и распространении нелегальной литературы. Этот арест изменил весь ход жизни Рубакина.

Огромное влияние на Рубакина оказали трагические события — арест и казнь Александра Ульянова, которые сделали из Рубакина революционера, хотя и не профессионального, боровшегося против самодержавия и капитализма. К этому времени у него уже были многочисленные знакомства среди революционеров. Со многими он познакомился через свою первую жену —

Надежду Ивановну Игнатьеву, дочь одного вологодского чиновника. С начала 80-х годов Рубакин под влиянием своего окружения, связанного с революционным движением, усиленно изучает социалистическое учение. Всю жизнь Рубакин оставался человеком прогрессивным, демократически настроенным. Однако в своих воззрениях он не был последователен. У него не было достаточно четкой и ясной политической позиции. Он колебался между народниками и марксистами, примыкал к эсерам и т. д.

В эти годы Рубакин находился под влиянием либеральных народников, дружил со многими видными народниками, в частности был горячим поклонником Н. К. Михайловского — главного представителя народничества в литературе 60—90-х годов прошлого века, был близок с С. Н. Кривенко, С. И. Южаковым, В. П. Воронцовым и другими представителями народничества.

В 1900 г. Рубакин примкнул к партии социалистов-революционеров. Не участвуя активно в их работе, Рубакин писал революционные книжки и брошюры под различными псевдонимами. Он ушел из их партии в 1909 г.

С другой стороны, Н. А. Рубакин был очень близок с крупнейшими представителями марксизма, с Г. В. Плехановым, А. В. Луначарским, был в переписке с В. И. Лениным.

Нелегальные книжки Рубакина — он чаще всего писал под псевдонимом Сергей Некрасов — распространялись социал-демократами. Е. Д. Стасова, с которой он был хорошо знаком и которая много лет работала под его руководством в основанном им при библиотеке музее подвижных пособий, рассказывает в своих воспоминаниях, как она и другие агенты «Искры» распространяли брошюру «Ничего с нами не поделаешь». Е. Д. Стасова тогда не знала, что автором этой брошюры был Н. А. Рубакин, и только от меня, уже в 50-х годах нашего века, узнала об этом.

В 90-е годы Рубакин выдвинулся и как писатель, и как руководитель таких крупных прогрессивных издательств своего времени, как издательство О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и др. Под его редакцией в издательстве Поповой вышел ряд крупных переводных работ социального характера, принадлежащих перу европейских ученых. Тогда же Рубакин написал и издал большие художественные произведения, в которых выведены образы революционеров: «Под гнетом времени» — о борьбе против церкви, «Вечная слава» — о гражданском долге ученого.

В 90-х годах Рубакин много путешествовал по России, собирая наблюдения и факты из жизни рабочих и изучая читателей. Этот материал отразился в его публицистических рассказах, где фигурирует новый, еще не описанный в русской литературе тип сознательного и революционно настроенного рабочего.

Когда в 90-х годах в издательстве О. Н. Поповой, которым заведовал Н. А. Рубакин, стал выходить первый легальный русский марксистский журнал «Новое слово», одним из первых авторов этого журнала был Н. А. Рубакин. В этом журнале он напе-

чатал ряд очерков о новом типе русского рабочего-бунтаря. Его рассказы «Взыскующие града», «Лицом к лицу», «Искорки» впервые в русской литературе рисовали этот новый тип рабочего, борющегося за свои права. По словам сотрудника журнала В. А. Поссе, Рубакин был самым талантливым из сотрудников «Нового слова». У него рабочие «не выглядят бессловесными страдающими существами, как у писателей народников. Это борцы с окружающей их несправедливостью, требующие, чтобы общество России для своих граждан стало обществом, на точном основании справедливых законов управляемым»[1]. Рубакин писал, что «рабочие, в силу своего социального положения, гораздо лучше, чем другие слои и классы, понимают необходимость в изменении существующих порядков» и уже «начинают идти впереди наших стремлений, их критическая и творческая мысль ушла вперед так далеко, как быть может и не снилось нам»[2].

За издательской деятельностью Рубакина внимательно следила царская полиция. Она отмечала, что Рубакин выпускает книги «тенденциозного» содержания (так тогда царские чиновники именовали книги прогрессивного направления). Цензор Елагин о рассказе «Искорки» писал в Петербургский цензурный комитет: «Статья эта, ярко и талантливо написанная, не нуждается в комментариях для признания ее крайне тенденциозной и невозможной даже в бесцензурном издании».

Высказывание цензора подкреплялось секретными донесениями Департамента полиции, в которых указывалось, что Рубакин «является личностью крайне деятельной, принимающей на себя поддержку зарождающихся в разных местах кружков для чтения и библиотек, в которые им посылаются книги тенденциозного содержания... Рубакин, пользуясь своими связями и знакомствами, устраивает на учительские места рекомендованных ему лиц либерального и даже противуправительственного образа мыслей... рекомендуя при этом приобретать такого характера сочинения, как произведения Маркса, Минье...» и т. д.

В одном из своих писем от 8 сентября 1893 г., перлюстрированном охранкой, Рубакин писал своему корреспонденту: «Пользуйтесь случаем добыть сочинения Маркса, книга очень интересная для провинции... Через неделю, вероятно, будет уже поздно, книги будут проданы».

Книга для Рубакина была источником знания, орудием пропаганды, революционного действия. Свою любимую формулу «Культурная работа — это средство, революция — это цель» — позже он дополнил другой знаменитой формулой: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость».

---

[1] «Искорки». Спб, 1901, с. 170.

[2] Любинский С. Б. К истории первого марксистского журнала в России. — «Звезда», 1972, № 4, с. 197.

Несмотря на глубокую революционность этих лозунгов, сформулированных им с начала жизни, Рубакин сам «затуманил» их. Так, он воспринял и считал основной истиной формулу Александра Галесского: «Несправедливо человеку владычествовать над человеком ни посредством денег, ни посредством силы, ни посредством образования». Эта расплывчатая формула, созданная человеком другой эпохи и другого мира более 1500 лет тому назад, не могла, разумеется, выразить отношение социалистического учения к общественному неравенству и к борьбе классов. И хотя в дальнейшем Рубакин в своих научных трудах по библиопсихологии говорит об экономическом неравенстве, о диалектическом подходе к изучению действительности и к пониманию любой науки, на деле видишь, как глубоко засела в нем расплывчатая и устаревшая формулировка далеких времен. В привязанности к таким туманным, лишенным ясного социального содержания формулировкам сказывалась нечеткость идейных позиций Рубакина, эклектизм его мировоззрения — то, что сделало его противником всякой полемики, за что его критиковал В. И. Ленин. «Надпартийность», которую он провозглашал, привела к тому, что он остался в значительной степени чужим, вернее не стал своим ни для революционных социалистических кругов, для которых он был слишком мягкотелым, буржуазным либералом, ни для буржуазных либералов, которые его считали слишком «красным», слишком революционером.

Со стороны кажется, что жизнь Рубакина была тихой, спокойной, протекала в непрерывной работе «среди книг». На деле же она была беспокойная и нелегкая. В детстве и в юности — чуждая ему среда среднего купечества, среда, которой он не поддался, выбился из нее, ушел. Самостоятельную жизнь он начал на бумажной фабрике, арендованной его отцом. Там он познакомился с рабочей средой, сблизился с нею, начал свое изучение читателей.

В бытность студентом Рубакин подвергся первым репрессиям царского правительства.

Впоследствии, когда Н. А. Рубакин уже стал писателем, его неоднократно ссылали, более того, он даже был выслан за границу «навсегда» министром внутренних дел Плеве. Только после того, как Плеве в 1904 г. был убит боевой организацией социалистов-революционеров, Рубакин получил возможность вернуться на родину.

Тем не менее в 1907 г. ему пришлось как политическому эмигранту покинуть Россию. Он продолжал жить и работать в Швейцарии многие годы после революции. Но и там, всю его жизнь, как он сам писал и как это действительно было, он «работал для России, всегда и только для России».

Он был действительно глубоко русским и пламенным русским патриотом. Но в то же время был последовательным интернационалистом, убежденным сторонником социализма, энтузиастом

Революции, которую он воспринял с восторгом. Однако вследствие долгой жизни за границей он оторвался практически от русской жизни, многого в ней не понял.

В период после Первой русской революции — в начале своей эмиграции в Швейцарии — Рубакин, живя в Кларане, завязал тесные связи и дружеские отношения с русскими политэмигрантами, жившими тогда в Швейцарии, в частности в той же местности, где жил и он и где находилась его библиотека. Рядом с ним жили Луначарский, Трояновский, Крыленко, Инесса Арманд, Вера Фигнер и много других будущих крупных государственных и партийных деятелей Советского государства. Они широко пользовались его библиотекой, особенно В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Тогда же состоялось и личное знакомство Рубакина с Лениным, который постоянно брал книги в его библиотеке или выписывал их по почте, когда жил в Женеве, Цюрихе и других городах.

Когда началась первая мировая война, около Кларана в Монтре возник русский клуб, в который вошли, с одной стороны, русские политэмигранты, жившие в Швейцарии, а с другой — состоятельные русские, приехавшие на отдых или для туризма в Швейцарию и не вернувшиеся в Россию из-за войны. Рубакин был одним из создателей и руководителей этого клуба, в котором выступали Членов, Крыленко, Трояновский, Луначарский и в котором выступил с докладом о войне В. И. Ленин.

После революции Рубакин продолжал жить в Швейцарии, так как здоровье его значительно ухудшилось. Материальное положение его в это время было тяжелое, приходилось довольствоваться небольшими случайными литературными заработками. Советское правительство назначило ему особую персональную пенсию, которая позволила ему жить и работать до конца дней, на эту пенсию он содержал библиотеку и все время пополнял ее. Ему присылали в дар свои книги многие выдающиеся ученые и писатели.

В первые годы после революции (1918—1919) Рубакин написал на французском и немецком языках ряд брошюр о причинах и характере Великой Октябрьской социалистической революции (Что такое русская революция; Биография В. И. Ленина и другие). Они были изданы во Франции, Швейцарии, Германии, Чехословакии. В этих брошюрах он разъяснял причины и сущность социалистической революции, знакомил с биографиями ее выдающихся деятелей. Окрепли его международные связи. Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях Международного института интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций и сыграл видную роль в ознакомлении зарубежных стран с советской литературой. Советские книжные органы — издательства, Книжная палата, ВОКС, Библиотека им. В. И. Ленина — присылали ему множество изданий для ознакомления. У Рубакина установились связи среди европейских

ученых и писателей, в частности он очень сблизился с Р. Ролланом. Он резко протестовал против Версальского мира и сурово осудил первую мировую войну.

В Швейцарии было создано большинство теоретических работ Рубакина, закончено второе издание крупнейшей его работы — «Среди книг». Здесь же Рубакиным была разработана и его теория библиопсихологии, написан ряд научно-популярных книжек, собрана вторая библиотека, еще больше и лучше первой. В Швейцарии же им был основан Международный институт библиопсихологии, в который он привлек ряд крупных европейских ученых — психологов и библиографов.

Во время второй мировой войны в Швейцарию бежало из фашистской Германии много советских военных и гражданских лиц, томившихся в немецких концлагерях. Советские люди, интернированные в швейцарских лагерях, связались с Рубакиным, некоторые даже приезжали к нему домой в Лозанну. Рубакин очень сердечно к ним относился, снабжал их книгами из своей библиотеки. Всего он передал для лагерей около 10 000 книг из своей библиотеки. В тяжелых условиях жизни вдали от Родины русские книги были для этих людей огромной радостью, поддерживали в них бодрость и веру в будущее. Рубакину посчастливилось дожить до победы советского народа, которую он воспринял с огромной радостью, но которую пережил всего на один год — он умер 23 ноября 1946 г.[3].

Условно деятельность Рубакина можно распределить по нескольким основным направлениям: теория и практика библиотечного дела, руководство самообразованием и создание огромной научно-популярной литературы, изучение читателя и книги, разработка теории чтения, с классификацией читателей по их психологическим типам. На деле все эти направления тесно связаны друг с другом и составляют единое целое в деятельности Рубакина.

Рубакин сыграл огромную роль в деле просвещения русского народа, прежде всего рабочих и крестьян. Еще мальчиком он начал писать научно-популярные статьи для малограмотного и неподготовленного читателя. В то время в России только небольшая часть населения обучалась в школе, школ для народа было мало, знания в них давались самые элементарные.

В конце 80-х и начале 90-х годов в России появился новый читатель — городской рабочий и крестьянин на селе. Рубакин их называет начетчиками — устаревший термин, который обозначал книголюба, любителя чтения. В трудящихся массах родилась необычайная тяга к знанию, а следовательно, и к книге. Появилась, наконец, огромная тяга к самообразованию. Рубакин разделял образование в России на четыре категории: началь-

---

[3] Урна с его прахом была перевезена в Москву и захоронена на Новодевичьем кладбище.

ное, среднее, высшее и самообразование. В условиях того времени самообразование приобретало особое значение, поэтому деятельность Рубакина была очень своевременной. Рубакин выступил именно тогда, когда появился новый читатель из трудящихся масс, требовавший книг и руководства самообразованием. В ответ на потребность масс в самообразовании во многих городах и учреждениях были созданы программы для самообразования, правда, не всегда точно отражавшие нужды новых читателей. Рубакин считает, что проблема самообразования была четко поставлена в 1893 и 1894 гг. Вот как он пишет в «Среди книг» о зарождении нового читателя: «С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке,— внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа. И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках».

В то время Рубакин не мог прямо назвать условия царского режима и капиталистической эксплуатации, на которые он здесь намекает в форме, вполне понятной тогдашнему читателю.

«Этот нарастающий читатель начинал,— пишет дальше Рубакин,— и к тому же усиленным темпом, не только «почитывать», но и «подумывать», он даже как будто готовился к действию, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности, не только в столицах, но и в провинциях, целым рядом тяжелых бедствий начиная с конца 80-х и начала 90-х годов. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до необычайных размеров книгоиздательская деятельность... с Павленковым и с только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе...»

Н. А. Рубакин выдвинул идею о необходимости самообразования, которое одно только могло дать знания широкой массе жаждущих его крестьян и рабочих. Но Рубакин правильно считал, что самообразование — это основа образования для всех, оно необходимо и тем, кто кончил школу. Теперь мы знаем, что оно необходимо и в наше время, потому что только самообразование делает человека всесторонне образованным.

Прежде всего Рубакин разработал план распространения знаний при помощи библиотек, расширяя и обогащая свою собственную библиотеку, открытую для всех. Но библиотеки могли охва-

тить только сравнительно немного людей, живущих недалеко от них. Подавляющее большинство городов в России не имело библиотек, библиотеки не располагали средствами. В 1895 г. Рубакин выпустил одну из самых замечательных своих книг — «Этюды о русской читающей публике», в которой на основе огромной документации и личных наблюдений показал ужасающую картину народного просвещения в России, печальную судьбу библиотек и книг.

В этой же книге он выдвинул идею изучения читателя, принцип подбора для него подходящих книг на основании определения его психического типа, изучения его жизненных условий, классового и экономического положения и т. д. Идеи, высказанные и обоснованные в этой книге, Рубакин развивал и углублял всю жизнь.

Доказывая необходимость научно-популярных книг для народа, Рубакин вместе с тем резко критиковал теорию «особой литературы для народа», сторонники которой считали, что народ не созрел для чтения серьезной литературы, не понимает ее и что для него надо писать особые книжки, вроде как для детей. Рубакин показал, что народ жаждет знаний, что он может самостоятельно выбирать то, что ему нужно, если дать ему возможность приобретать книги по дешевой цене. А книги тогда были дороги и практически недоступны для рабочих и крестьян.

Изучая русскую научную литературу того времени, Рубакин видел, как мало было научно-популярных книжек, а по целому ряду важных вопросов и отраслей науки они вообще отсутствовали. Преобладали к тому же книги переводные, рассчитанные на другого, более культурного читателя.

И вот Рубакин принял решение, которое теперь нам кажется невероятно трудным: он решил сам написать популярные книжки по всем вопросам науки. За свою жизнь он создал свыше 280 научно-популярных книжек.

Книги эти были написаны ясным, простым языком, их мог понять самый малограмотный читатель. А тогда в России 75% населения было неграмотно, да и у грамотных не было ни средств, ни возможности читать, пополнять свои знания, привыкать к книге, к чтению.

Рубакин не только создавал научно-популярные книжки, он учился у своих читателей писать их; выработал свой язык, изучая язык своих читателей. Насколько его книжки были любимы читателями, видно из того, что они разошлись в количестве свыше 20 млн. экз. Не было сколько-нибудь грамотного рабочего или крестьянина в России, который не читал бы книжек Рубакина и не знал бы его имени.

Читатели знали Рубакина не только по книгам. Рубакин вел с ними личную переписку, давал советы, составлял программки для чтения применительно к психическому типу каждого читателя. С 1889 по 1907 г. он переписывался с 5189 читателями, а с 1911 по 1915 г.— еще с 5507, а всего за свою жизнь он был в переписке

с более чем 20 000 читателей. Почти вся переписка сохранилась в его архиве.

Он составил для своих корреспондентов свыше 15 000 индивидуальных программ чтения и самообразования.

Такого размаха просветительской работы, выполненной одним человеком, не знала Россия.

Постоянное общение с читателями, изучение их, работа с библиотеками, с издательствами, в журналах — все это позволило Рубакину разработать принципы изучения читателя, использования книг, наиболее экономного в смысле времени и средств, индивидуализации чтения. Вся теоретическая работа Рубакина основывалась на его громадном личном опыте, личных наблюдениях, документации, полученной непосредственно от читателей. Созданная им позже наука — библиопсихология, наука о читателе, чтении, авторе и книге, явилась результатом экспериментальных наблюдений и обработки фактического материала.

Рубакин придавал особое значение тому, что он называл «революционизирующей» деятельностью. Она заключалась в том, что он в своих легально изданных книжках так остро ставил вопрос, что возбуждал у читателя критическое и даже революционное отношение к действительности. В книгах «Под гнетом времени», «Среди борцов» он так показывал борьбу с церковью и религией в прошлом, что читатель неизбежно задумывался о борьбе в настоящем. Описывая жизнь в колониях и поведение там английских и других колонизаторов, автор возбуждал ненависть к эксплуататорам-колонизаторам и других стран, в том числе к царскому правительству. Книги Рубакина сыграли огромную роль не только в общем просвещении масс трудящихся, но и в возбуждении у них революционного духа.

Рубакин считал, что каждый человек может быть не только читателем, но и писателем. Даже письма читателей к нему он рассматривал как начало писательского труда. Некоторые из его читателей впоследствии стали известными писателями — А. С. Новиков-Прибой, А. А. Демидов, Павел Низовой и др. Рубакин направил их на путь писательства. Неудивительно, что на всю жизнь они сохранили любовь к нему.

Рубакин разработал принципы организации библиотечного дела. Исходя из того, что «библиотека должна быть отражением Вселенной», Рубакин предложил в каждой библиотеке создавать «библиотечное ядро», т. е. круг книг для чтения, который отражал бы эту Вселенную, был бы тем минимумом, который нужен каждому человеку для понимания жизни и Вселенной.

В области самообразования Рубакин проделал колоссальную теоретическую и практическую работу, создал разнообразные рекомендательные каталоги, написал «Письма к читателям о самообразовании», «Практику самообразования».

Еще мальчиком в библиотеке своей матери Рубакин научился, как он говорил, «фехтовать» книгой, т. е. узнавать тип и ха-

рактер читателя и давать ему те книги, которые, по его мнению, для этого читателя «подходили». Отсюда родилось и его теоретическое положение о «подходящей» книге, развитое им впоследствии в созданной им новой науке — библиопсихологии.

В 1921 г. Н. А. Рубакин выпустил в Париже двухтомный труд на французском языке (в переводе сына — А. Н. Рубакина) под заглавием: «Введение в библиологическую психологию». В этой книге уже было высказано большинство идей, легших впоследствии в основу его книги «Психология читателя и книги», вышедшей в Москве в 1928 г.

В статье «Тайна успешной пропаганды», написанной в 1926 г., Рубакин говорит, что созданная им наука «библиопсихология» «экспериментально доказывает, а теоретически обосновывает главный принцип научно поставленной пропаганды: бытие — это значит та реальность, которая поставляет каждому из нас самый материал для наших дум и чувств... Социальная среда или строй социально-экономических производственных отношений — таков тот источник, который поставляет каждому из нас тот запас горючего материала, какой и воспламеняется искоркой — словом».

В конце 20-х и начале 30-х годов работы Рубакина стали предметом резких нападок со стороны советских критиков и книговедов, и родившаяся из этих работ созданная Рубакиным новая наука — библиопсихология — была объявлена мелкобуржуазной идеалистической теорией.

Наиболее правильная критика этой теории была выражена в письме Карпинского Рубакину от 16 февраля 1923 г. Резко критикуя противоречия автора и путаницу многих его понятий, Карпинский тем не менее указывал, что «буржуазия не только не заинтересована в осуществлении Ваших идей, а как раз наоборот».

В настоящее время многие из идей Рубакина получают признание и вызывают живой интерес. Исследования Рубакина в области библиопсихологии были использованы в психолингвистике, разрабатываемой проф. А. А. Леонтьевым и др.

Теория библиопсихологии была встречена с большим интересом, но и с неменьшей критикой в Западной Европе и в США, и этот интерес продолжает расти. В 1968 г. в Англии издательством Клайв Бингли в Лондоне было предпринято издание «Классиков книжного дела» и первой в этой серии была книга «Николай Рубакин и библиопсихология» под редакцией С. Симсовой.

В СССР число статей, посвященных изучению работ Рубакина в области библиопсихологии, за последние годы значительно выросло. Появились и работы, отмечающие положительные идеи Рубакина в этой области. Таковы, например, статьи Ю. А. Сорокина «Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина и смежные науки» («Книга. Исследования и материалы», 1968, сб. 17, с. 55), его же «О статье Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды»

в сборнике «Речевое воздействие (Проблемы прикладной лингвистики)» в 1972 г. В этом же сборнике впервые напечатана и статья Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды».

Мы думаем, что в работах Рубакина имеется много еще недостаточно известных, глубоких мыслей, которые будут разрабатываться нашими книговедами. «Шелуха» будет отброшена, а оригинальные, новые, глубокие мысли станут достоянием советского книговедения.

Громадное наследие Рубакина сейчас изучается, из него берется все современное, актуальное, его идеи проникают в современное книговедение.

Изучение читателя, изучение психологической стороны действия книги на читателя — все это представляет огромный интерес для современных критиков и литературоведов. Можно смело сказать, что Рубакин первым указал на то, что в книжном деле изучение читателя так же важно, как и изучение писателя.

Для настоящего издания отобраны из огромного наследия Рубакина его основные работы, наиболее характерные для него и наиболее интересные для современного читателя. Это важнейшие его труды: «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования» и Введение к «Среди книг», представляющее очень большой интерес. Все помещенные в двухтомнике произведения Н. А. Рубакина внутренне связаны одно с другим. Мысли о читательских типах, о «подходящих» и о «хороших» книгах, об организации библиотек уже появились в «Этюдах о русской читающей публике», снова всплыли в более широком и углубленном виде в «Письмах к читателям» и в «Практике самообразования».

Чтобы дать представление об объеме деятельности Н. А. Рубакина, приведем некоторые статистические данные о его трудах. Желающих ознакомиться с перечнем всех произведений Н. А. Рубакина мы отсылаем к указателю Фридман и др. «Труды Н. А. Рубакина. Библиография» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 151—206) и к большой научной работе Л. М. Ивановой, А. В. Сидоровой, М. В. Чарушниковой «Архив Н. А. Рубакина» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 64—150). Здесь же мы приводим только цифровые данные о работах Н. А. Рубакина.

Данные эти были составлены самим Н. А. Рубакиным и его секретарем М. А. Бетманн. Они заканчиваются 1934 г. Но и после этого Н. А. Рубакиным было еще опубликовано немало статей.

С 1875 по 1934 г. Н. А. Рубакиным было опубликовано: 350 журнальных статей, 280 книг и брошюр, 15 руководств для самообразования.

Составлено 15 000 индивидуальных программ для чтения и самообразования.

47 книг Рубакина было запрещено и уничтожено царской цензурой.

С 1894 по1906 г. Рубакин принимал активное участие в работе нескольких крупных издательств в России (О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и т. д.).

Научно-популярные книжки Рубакина издавались на 28 языках.

В 1919—1920 гг. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал 22 книжки и брошюры Рубакина тиражом 1 420 000 экз. С 1923 по 1928 г. советскими издательствами было переиздано еще 23 книжки Рубакина (тиражом 166 000 экз.).

Всего с 1889 по 1928 г. разошлось свыше 20 миллионов экземпляров книг Рубакина.

Рубакин собрал за свою жизнь две большие библиотеки. Первая — в Петербурге (80 000 томов) — была им подарена Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования в 1907 г.

Вторая, почти в 100 000 томов, особо ценная по подбору книг, была им завещана Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, где она находится и поныне, составляя особый фонд — «фонд Рб».

Произведения Н. А. Рубакина печатаются с сокращениями. Опущены места, имеющие, как образно говорил сам Рубакин, «интерес пункта и момента», т. е. подробности, важные для того времени, но утратившие ныне свой интерес, излишне детальные статистические данные, списки имен и названий, ныне явно устаревшие, мало говорящие современному читателю. Пропуски отмечены знаком <...>.

Тексты публикуются по современным нормам орфографии и пунктуации, с сохранением характерных особенностей слога автора, ряда сокращений, принятых Н. А. Рубакиным.

Под строкой приведены некоторые примечания, данные Н. А. Рубакиным в его изданиях. Здесь же помещены необходимые по ходу чтения текста пояснения составителя — А. Н. Рубакина (с пометой — *Сост.*) и редактора (с пометой — *Ред.*).

Развернутый общий комментарий к работам в конце каждого тома принадлежит перу сына Н. А. Рубакина — профессора А. Н. Рубакина. Реальный комментарий, подготовленный А. А. Беловицкой, дается в конце каждого тома, комментируемые места в тексте отмечены знаком *.

Б. А. Смирнова

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ КНИГОВЕД

Наука и культура в России второй половины XIX века своим развитием обязаны в немалой степени «частным ученым», как их именовали в официальных переписях[1]. Это были люди, которые бескорыстно и самоотверженно осуществляли крупные научные замыслы, разрабатывая свои научные идеи, как правило, прогрессивные и плодотворные. Среди них выделяется Николай Александрович Рубакин, которого А. В. Луначарский в беседе с советскими библиотечными работниками охарактеризовал как крупнейшего талантливого деятеля народного просвещения[2]. В этой оценке с Луначарским перекликается Ромен Роллан. В послании к французским учителям он назвал Рубакина замечательным представителем передовой русской интеллигенции, который «...сумел стать живой энциклопедией и просвещал свой народ»[3].

Работа по просвещению масс, обреченных на темноту и невежество в гнетущих условиях самодержавия, которую вела в России демократическая интеллигенция, отражала, разумеется, различные направления освободительного движения эпохи. Но в целом она помогала пробуждать политическое сознание «низших слоев пролетариата», а также крестьян и мелких ремесленников, которые неспособны были «...выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения»[4]. Это лучше всего понимали сами пропагандисты марксизма. В набросках незаконченного очерка о Н. К. Крупской[5], над которым Рубакин работал в 20-е годы, он вспоминает, как она со

---

[1] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., «Мысль», 1971, с. 198.

[2] См. в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 208.

[3] Роллан Р. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 13. М., 1958, с. 110.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 26.

[5] Н. А. Рубакин о Н. К. Крупской. Публикация А. Кравченко. — «Сов. педагогика», 1961, № 2, с. 124—126.

своей подругой — тоже учительницей воскресной школы — пришла поблагодарить его за доклад в Петербургском комитете грамотности. Он анализировал материалы, полученные по программе изучения читателей. Молодые учительницы высказали благодарность Рубакину не только за доклад, но, как он вспоминал, и за «...веру в рабочий класс и его светлое будущее». «Я, народник, — писал Рубакин, — получил за свою анкету одно из первых приветствий — от марксистов». Несмотря на идеалистические заблуждения Рубакина, марксисты высоко оценивали объективно революционизирующее значение его многосторонней просветительской деятельности.

В своих научных гипотезах и исследованиях Рубакин нередко опережал свое время. Именно поэтому его основные работы сохраняют непреходящую ценность и в наши дни и вызывают большой теоретический и практический интерес. Всей деятельностью Рубакин как бы предвосхитил современные взгляды на книговедение как на совокупность различных отраслей практики и научного знания, относящихся к созданию, изготовлению, распространению, хранению и поиску книги. При этом Рубакин всегда связывал эти отрасли с изучением психологии читателей, их взаимодействия с книгой и общими проблемами чтения в жизни общества.

Чуть ли не со второго класса реального училища работая в библиотеке своей матери, Лидии Терентьевны Рубакиной, убежденной шестидесятницы, Н. А. Рубакин постепенно пришел к выводу, что даже наилучшая книга по-разному воспринимается разными читателями и ее влияние зависит и от типа читателя, и от типа самой книги.

Рубакин стал изучать читателей и изучать книги с точки зрения их восприятия различными группами читателей. Он столкнулся с тем, что для основной массы читателей не существовало истинно научной литературы, которая была бы в то же время истинно популярной. Значит, исходя из возможностей читателя, надо такую литературу создать. Это и побудило его к написанию научно-популярных книг для наименее подготовленных читателей: рабочих и крестьян, а также к подготовке и изданию подобной литературы в современных ему передовых издательствах. В издательстве И. Д. Сытина был даже создан специальный «Отдел Н. А. Рубакина».

Произведения Н. А. Рубакина неоднократно переиздавались и распространялись. Общий тираж их превысил 20 миллионов, что далеко опередило привычные для того времени тиражи. Некоторые из этих книг печатались за рубежом революционными организациями и ввозились нелегально в Россию.

Общественная активность Рубакина выразилась в том, что он был одним из инициаторов создания (в конце 1896 г.) писательской организации, которую современники называли «Союз писателей». В марте 1901 г. Союз был закрыт за единодушный про-

тест против полицейской расправы над студенческой демонстрацией на Казанской площади[6].

Изучение читателей легло в основу не только разработанных Рубакиным принципов популяризации научных знаний, но и целой системы самообразования и системы библиографической пропаганды, с которой он органически связывал изучение читательской психологии.

Общеизвестен девиз Рубакина, который он пронес через всю жизнь: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!» Библиотеку же он называл «ассоциацией книг». Он разработал также систему организации деятельности библиотеки и использования всех библиотечных средств таким образом, чтобы раскрыть перед читателем широкие горизонты науки и общественной жизни.

Рубакин — автор блестящих статистических работ, на основе которых он делал публицистически острые выводы. Его работа «Россия в цифрах» имеет подзаголовок: «Несправедливое устройство русского государства, показанное цифрами».

В. И. Ленин в нескольких статьях использовал данные, собранные Рубакиным, отмечал яркость и злободневность их подачи[7].

Среди статистических работ Рубакина есть и первые в России труды по книжной статистике. Рубакин не только работал почти во всех отраслях книжного дела, но и в каждой отрасли выдвигал новые проблемы, одновременно предлагая оригинальные и в большинстве случаев прогрессивные методы их решения, причем стремился сам осуществлять эти предложения. Итак, выражаясь современным языком, Рубакин был социологом чтения, писателем, издательским редактором, статистиком книжного дела, теоретиком и практиком библиографии и библиотечного дела, теоретиком и организатором самообразования. Советские деятели книги справедливо называют Рубакина выдающимся русским книговедом.

Капитальные труды Рубакина — «Этюды о русской читающей публике», «Письма к читателям о самообразовании», «Практика самообразования», указатель «Среди книг» — пронизаны его основными идеями о книге и чтении. Заметим, однако, что наряду с прогрессивными, сохраняющими и ныне свое значение, у него немало и ошибочных положений — неприемлемых с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, а также устаревших в свете современной науки.

Рассмотрим прежде всего его вклад в социологию чтения, так как именно изучение читателей легло в основу деятельности

---

[6] Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч., с. 253—254.

[7] Ленин В. И. Буржуазные дельцы-финансисты и политики. — Полн. собр. соч. Т. 23, с. 258—259.

Рубакина — писателя-популяризатора, библиотекаря и библиографа.

Родоначальником читателеведения называли Рубакина на Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам книговедения (1974 г.), подчеркивая, что разработанная им библиопсихология при всех присущих ей противоречиях и недостатках явилась отправной точкой современного научного изучения читателя.

В работе «Этюды о русской читающей публике» Рубакин применил психологический, исторический и статистический методы исследования. Умение работать со статистическим материалом помогло ему сделать глубокие и убедительные выводы о состоянии книгоиздания, распространения книги и периодики, а также библиотек в России. Он показал тесную связь проблем книжного дела в его тогдашнем понимании с проблемами книгопотребления, восприятия книги читателем, которые уже включает в себя современное советское книговедение. Он первый высказал мысль о том, что история литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история читателей этих произведений. Интересно, что с этой мыслью Рубакина в известной степени перекликается в наши дни труд известного советского ученого — академика М. В. Нечкиной «Загадка художественного образа» (М., 1972). Один из разделов этой книги озаглавлен «Читатели как творцы истории».

Рубакин стремился к социальному анализу различных групп читателей, называл условия среды и характер труда одним из важнейших факторов, влияющих на чтение и восприятие прочитанного. Его программа изучения читателей была построена таким образом, чтобы получить сведения о том, какие книги и в каких слоях общества находят наиболее благоприятный отклик. Если до Рубакина составители программ изучения читателей имели в виду народ вообще, то Рубакин стремился дифференцировать читателей именно по отдельным слоям общества. В частности, он первый среди объектов изучения выделил читателей «из командующих и привилегированных классов». При проведении современных социологических исследований учитываются такие методы, предложенные Рубакиным, как, например, изучение всей массы читателей какого-либо социального слоя одновременно с изучением отдельных читательских индивидуальностей из этой же части (группы) населения.

Сохраняют значение мысли Рубакина о влиянии на опрашиваемых личности опрашивающего, о необходимости выяснять особенности жизни в той местности, где собирается материал.

Остаются в силе и такие методические положения Рубакина, как ведущая роль естественного наблюдения, исследование читателя в «самих очагах чтения» — библиотеках, необходимость систематического и длительного наблюдения и разнообразия ис-

точников исследования, в том числе привлечения библиотечной статистики и документации.

За три четверти века до того, как в общественные науки все шире начали проникать математические методы, Рубакин предложил свое определение читаемости писателя (см. т. II, с. 141—142), которое современные советские социологи математизировали и назвали формулой Рубакина: $Q=S/(nm)$, где Q — читаемость данного автора в данной библиотеке, S — число выдач книг данного автора, n — число томов (экземпляров) его произведений в фонде конкретной библиотеки, m — число читателей, обратившихся к ним [8].

Рубакин сделал важные и прогрессивные выводы из своего исследования, прежде всего резко осудив издание так называемой «народной» литературы, доказав, что читатель из народа ее не приемлет и в ней не нуждается. «Народу нужны не «народные» книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак», — с гневом писал Рубакин. Главное же — он зорко подметил важный социальный процесс: «Нарастание читателя в народе», «Читатель становится умственным центром», «Нарастает новая интеллигенция из народа».

При всех этих значительных выводах Рубакин не смог развить их до конца. В своей типологии читателя Рубакин не пошел дальше довольно расплывчатого обозначения «современный (или светский) начетчик — сознательный любитель книги». В своих «Этюдах о русской читающей публике» Рубакин не смог увидеть и описать лучших передовых читателей — рабочих из «передовых слоев пролетариата», по ленинскому определению [9], которые сумели осознать свои классовые интересы и стремились к знаниям для революционного изменения общественного строя. Именно из рабочей интеллигенции большевики сформировали ряд выдающихся профессионалов-революционеров.

Этот тип читателя был выявлен и описан в произведениях Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, М. Горького, о нем говорит Н. К. Крупская в воспоминаниях о преподавании в воскресной школе.

С глубоким уважением к пролетариату, с верой в его неистощимые духовные силы В. И. Ленин писал: «...среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов...» [10]. Расплывчатость рубакин-

---

[8] Подробную характеристику Рубакина как социолога чтения см.: Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России. — В кн.: Проблемы социологии печати. Вып. I. Новосибирск, 1969, с. 52—67.

[9] Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 268.

[10] Ленин В. И. Там же, с. 269.

ской характеристики «современного начетчика», одинаково относящейся и к крестьянину и к рабочему, особенно ясна при ее сравнении с этими проникновенными словами.

Ошибочным был и недифференцированный подход Рубакина к «привилегированным классам». Трудовая интеллигенция оказалась в одном ряду с чиновниками всех рангов, купцами, предпринимателями и пр. Главный же недостаток работы Рубакина заключался в абсолютизации читательской психологии, что привело его к глубоко ошибочному заключению, будто невозможно объективно выявить положительные и отрицательные стороны книги — ее содержание и оценка якобы зависят от того, какой читатель ее читает.

Эти положения Рубакина не приняли многие из тех, кто его высоко ценил. Ромен Роллан выступил против утверждения Рубакина, будто содержание книги подчиняется индивидуальности читателя[11].

Разумеется, эти ошибочные положения ни в коей мере не уменьшают исторических заслуг Рубакина в развитии социологии книги и чтения, в постановке проблемы восприятия прочитанного. Необходимо также отметить, что Рубакин не удовольствовался достигнутым в разработке библиопсихологии, а живо следил за развитием психологической науки. Он послал И. П. Павлову свой труд о библиопсихологии и получил ответ, в котором великий русский ученый указал ему на трудности в определении типов высшей нервной деятельности, а следовательно, и типов читателей. Очевидно, в знак своего уважения к трудам Рубакина по психологии чтения И. П. Павлов прислал ему первое издание своей книги «Двадцать лет изучения высшей нервной деятельности» с дарственной надписью (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

Идеи Рубакина о самообразовании и его поистине титаническая деятельность по переписке с читателями, занимающимися самообразованием, наиболее полно отражены в работах «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования». И в других своих произведениях Рубакин постоянно возвращается к этой проблеме и подчеркивает ее значение для писателей-популяризаторов, работников библиотечного дела и библиографов.

Актуальны и интересны мысли Рубакина о разных путях применения самообразования и вытекающем отсюда неоднозначном определении его. Вокруг нас и для нас идет, никогда не переставая, педагогический процесс. Не только подрастающее поколение надо воспитывать и обучать, но и взрослых, — говорил Рубакин, предвосхищая идею непрерывного образования, которую ЮНЕСКО выдвинула перед странами-участницами как од-

---

[11] Архив Н. А. Рубакина. — В кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им В. И. Ленина. Вып. 26. М., 1963, с. 112.

ну из важнейших проблем народного образования сегодня. Рубакин характеризует самообразование как метод самовоспитания, так как в итоге чтения человек не только накапливает знания, но, что не менее важно, — под влиянием книг изменяется поведение самого читателя.

Самообразование в царской России было также средством самостоятельно приобрести знания для тех, кто в силу социальной несправедливости был лишен этой возможности.

В письме к Н. К. Крупской [12] Рубакин горячо присоединяется к ее мнению о том, что самообразовательное чтение научно-популярной литературы помогает школьной учебе. В этом письме Рубакин со справедливой гордостью называет себя фанатиком и практиком популяризации. Вспомним, что и популяризатором он стал, чтобы помочь просвещению народа с помощью самообразовательного чтения, «чтения хороших книг».

В своей рецензии на «Письма к читателям о самообразовании»[13] Н. К. Крупская отметила прежде всего «лирическую сторону дела», как она выразилась, говоря о самом стиле книги: «...читателю невольно передается любовь автора к книге, его вера в великую силу знания». «Не во всех вопросах можно согласиться с автором, далеким от классовой точки зрения, — пишет далее Надежда Константиновна, — но его громадная заслуга, что он сумел поставить вопросы самообразования в правильной перспективе». Что же Н. К. Крупская считала особенно ценным? Среди других верных, по ее мнению, мыслей автора она выделяет мысль о всесторонности самообразования — о том, что оно должно знакомить с целым циклом знаний (сейчас мы говорим о комплексности самообразовательного чтения). Затем Надежда Константиновна присоединяется к тому, что необходима индивидуализация изучаемого материала. И, наконец, — что книга только тогда приносит пользу, если вносит нечто новое в практическую деятельность читателя.

Со свойственной ему горячностью Рубакин неоднократно заявлял, что самообразование без повышения общественной активности читателя не может быть истинным самообразованием.

Н. К. Крупская предлагала советским библиотекарям проштудировать рецензируемую ею книгу ввиду особой ценности этого труда не только в библиотечной, но и вообще внешкольной работе.

В то же время Н. К. Крупская резко критиковала Рубакина за отбор рекомендуемых книг.

Отмечая ценность системы самообразования, разработанной Рубакиным в другой его работе — «Практика самообразования», журнал «Помощь самообразованию»[14] в то же время указывал

---

[12] Подробно см. в кн.: Рубакин А. Н. Рубакин. М., 1967, с. 123—124.
[13] Крупская Н. К. Пед. соч. в 10-ти т. Т. 10. М., 1962, с. 22—24.
[14] «Помощь самообразованию», 1925, № 3, с. 91—92.

на присущий Рубакину недостаток — «неопределенную разносторонность», т. е. все то же отсутствие ясной цели в приобретении знаний, а также провозглашение аполитичности при рекомендации литературы в помощь самообразовательному чтению.

Противореча сам себе, Рубакин недооценивал революционизирующее влияние самообразования. Защитники русского самодержавия делали более последовательные выводы из его работ. В 1914 г., после выхода в свет «Практики самообразования», реакционная критика яростно обрушилась на нее. Некто Облеухов выступил со специальной брошюрой «Самообразование как орудие подготовки революции». Это был полицейский донос на Рубакина. Мракобес рассматривал его призывы к самообразованию как «...фабрикацию десятников революции»[15]. Здесь он оказался дальновиднее самого автора.

Для Рубакина проблемы самообразования были неотъемлемы от библиотечного дела и библиографии. Уже сам по себе такой подход был новаторским и смелым в дореволюционные годы.

Определяя библиотеку как «орудие борьбы общества за лучшее будущее», он видел ее главную задачу в том, чтобы «возможно большее количество возможно лучших книг могло проникнуть в возможно широкий круг читателей».

Чтобы обеспечить эту задачу, Рубакин, будучи сам библиотекарем-практиком, прежде всего рассматривал и выдвигал наиболее рациональную организацию комплектования. Он разработал оригинальную, хотя и во многом спорную теорию книжного ядра, выдвигая два обязательных условия «рационального» комплектования книжного фонда общеобразовательной библиотеки. Первое — энциклопедичность состава фонда (Рубакин любил повторять, что библиотека должна быть книжным отражением Вселенной, предлагая читателю литературу по всему циклу наук). Второе необходимое условие — давать читателю возможность «...по любой науке идти вперед и вверх с любой ступени лестницы», т. е. с любым уровнем подготовки к ее восприятию.

Естественно, что Рубакин первый из русских книговедов начал разрабатывать типологию книги. Он предложил взять за основу этой типологии разработанные им принципы библиопсихологии, и сейчас представляющие интерес для социологов чтения. К первой группе он отнес книги интеллектуального типа (главным образом научные). Ко второй — книги эмоционального типа (главным образом беллетристические произведения). К третьей — книги активного типа, побуждающие человека к действиям (книги по прикладным знаниям, указывающие, что и как де-

---

[15] Облеухов Н. Самообразование как орудие подготовки революции (о книге Н. А. Рубакина: Практика самообразования). Б. м. и г. (1914), с. 11, 19. См. также: Архив Н. А. Рубакина, с. 74.

лать). Если последний тип сочетается с первым, получается пропагандистская книга, если со вторым — книга агитационного характера.

Излагая эти предложения, советский исследователь деятельности Рубакина, однако, справедливо отмечает их неполноту, противоречие взглядам самого Рубакина, так как здесь не учтено разнообразие воздействия книги на читателя в зависимости от читательской индивидуальности и от условий среды [16].

Характерно для отвлеченно просветительских взглядов Рубакина, что он не учитывал цели, с которой обращается к книге сам читатель, определяя своеобразный социальный заказ автору, т. е. применяя современные термины, целевое назначение издания (в современном советском книговедении существует точка зрения, что это и есть главный типообразующий фактор) [17].

Рубакин разрабатывал и другую фундаментальную проблему — библиотечно-библиографическую классификацию. Схема, предложенная им во втором издании указателя «Среди книг», ныне устарела и представляет собой интерес только для специалистов. Однако необходимо отметить новый для того времени и прогрессивный взгляд Рубакина на схему систематического каталога как на одно из средств руководства чтением и помощи самообразованию. До Рубакина никто еще не сближал так решительно и смело библиотечный каталог с практикой его использования в общеобразовательной библиотеке [18]. Он считал, что библиотека должна знакомить читателя с циклом различных наук и предлагать лучшую литературу по каждой из них, а дальше пусть читатель выбирает, кому какая книга интересна, и читает их в таком порядке, какой ему предпочтительнее (см. ст.: Несколько слов о системе чтения. — «Воспитание и обучение», 1891, № 9, с. 283). Эта мысль приобретает актуальное значение в современных условиях расширения цикла научных отраслей и развития книгоиздательства.

Характерная черта: все эти глубокие и передовые взгляды на комплектование уживались у Рубакина с предложением, которое он настойчиво повторял, а именно — иметь в фонде библиотеки «книги-приманки», «книги на разводку читателей» — даже бульварную литературу для читателей с еще не развитым, неразборчивым вкусом, которых может оттолкнуть от библиотеки отсутствие подобных «ходовых» книг. Это предложение подверг спра-

---

[16] Подробно см. в кн.: Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. М., 1972, с. 75.

[17] См., например: Черняк А. Я. О типологии произведений литературы. — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. М., 1974, с. 3—16. Ротапринт.

[18] Эта сторона деятельности Н. А. Рубакина глубоко раскрыта в статье: Эйдельман Б. Ю. Классификационные идеи Н. А. Рубакина. — В кн.: Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 15. Л., 1964, с. 159—173. Первая предприняла изучение классификационных идей Н. А. Рубакина Е. П. Арефьева, защитившая диссертацию на эту тему в Моск. гос. ин-те культуры.

ведливой критике современник Рубакина, выдающийся и бескомпромиссный теоретик и практик библиотечного дела и библиографии — К. Н. Дерунов. В то же время он приветствовал прогрессивные идеи Рубакина в области библиотечного дела — в первую очередь о роли библиотеки в идейной жизни общества[19]. Нельзя пройти мимо рубакинского определения местного (краеведческого) отдела общественной библиотеки: его задача не «собирание печатных редкостей», а «развитие общественного сознания и общественной активности». В известной мере Рубакин предвосхитил взгляд, принятый уже в советском библиотековедении, — о том, что библиотека должна занимать определенное место в системе народного просвещения, а не только выдавать книги напрокат. Эта точка зрения в последнее десятилетие широко распространяется также в передовой зарубежной публицистике (писал об этом, в частности, Андре Моруа).

Все это позволяет сделать вывод, что впервые в России и один из первых в мировой библиотечной практике Рубакин применил научные методы многостороннего анализа библиотечного процесса[20].

Наконец, для советского библиотековедения представляют интерес личные особенности Рубакина как библиотекаря-практика, который умел оказывать помощь читателям и в то же время профессионально обогащать свои знания с их помощью. Об этом сохранились свидетельства таких «абонентов» его библиотек в России и в Швейцарии, как Н. К. Крупская и Г. В. Плеханов. Крупская тепло вспоминала о «массе сведений, столь необходимых при занятиях с рабочими» (письмо от 8 апреля 1911 г.), о ценных указаниях (письмо от 15 янв. 1917 г.), которые она получала от Рубакина в годы преподавания в воскресной школе[21]. Еще более интересны свидетельства, сохранившиеся в переписке Рубакина с Г. В. Плехановым: не только Плеханов благодарил Рубакина за подбор необходимых ему книг, но и Рубакин писал, что знакомство с литературой по темам, интересовавшим Г. В. Плеханова, было ему и полезно и интересно[22].

Рубакин высоко оценивал роль библиотеки, рассматривал ее как учреждение, находящееся на службе общества. Библиотеку своей матери, более 80 тыс. томов, которые в основном были приобретены им лично, на собственные литературные заработки, он передал в дар Всероссийской лиге образования, а в ее лице «всему петербургскому населению и прежде всего — петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции».

---

[19] Дерунов К. Н. Избранное. М., 1972, с. 146.

[20] Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: итоги и проблемы. М., 1973, с. 16—17.

[21] Н. К. Крупская — Н. А. Рубакину. 2/II—1909 г., 18/IV—1911. Пед. соч. Т. 11 (доп.). М., 1963, с. 121; 15/I—1917. — Там же, с. 175.

[22] Подробно см.: Машкова М. В. Г. В. Плеханов и «Среди книг» Н. А. Рубакина. — «Сов. библиография», 1963, № 6, с. 83—101.

Библиографические труды Рубакина представляют собой важный этап в развитии русской библиографии[23]. Рубакин поставил перед нею новую задачу: не ограничиваться учетом заглавий, как это было принято, а раскрывать содержание книг, понимая под этим не только фактические сведения, но и характеристику идейного содержания, что получило, как известно, одобрение Ленина[24].

Дореволюционная прогрессивная русская библиография была прочно связана с передовой библиотечной практикой и быстро обогащала ее новыми типами библиографических пособий, а следовательно, и новыми методами пропаганды книги. Эта связь библиографии, адресованной новому демократическому читателю, и передовой практики общеобразовательных библиотек была одним из характерных явлений эпохи. Рубакин внес значительный и разносторонний вклад в составление библиографических пособий в помощь самообразованию.

Программы чтения, рекомендательные каталоги и указатели литературы по сути дела явились своеобразной формой пропагандистской и просветительской деятельности демократической русской интеллигенции. Они были взяты на вооружение большевиками и на страницах большевистской печати получили свое наивысшее развитие[25].

Вводный очерк к указателю «Среди книг» — это первое в России руководство по теории и практике библиографии.

Библиографическая деятельность Рубакина без сомнения была подготовлена всеми его многосторонними связями с книжным делом и прежде всего с библиотечной практикой, точно так же, как его фундаментальный труд «Среди книг».

Как библиограф Рубакин начинал с составления печатных каталогов книжного фонда библиотеки своей матери. В 1875, 1879, 1889, 1896 гг. эти каталоги выходили в свет. Следующим этапом были уже не каталоги конкретной библиотеки, а составление примерных каталогов разного типа (типовой каталог — по современной терминологии), чтобы, пользуясь ими, библиотекарь мог со знанием дела и комплектовать книжный фонд и рекомендовать книги читателю. Таков был путь к созданию своеобразного универсального библиографического указателя, необходимого и для комплектования, и для руководства чтением, и для самообразования.

Одновременно Рубакин практически разрабатывал внутрикнижную библиографию совсем особого рода: списки литерату-

---

[23] Подробную характеристику этой стороны деятельности Рубакина см. в кн.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969, с. 453—455.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

[25] Подробнее см. в кн.: Смирнова Б. А. Деятельность Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в области рекомендательной библиографии. М., 1964, с. 13—15.

ры, приложенные к его научно-популярным книгам и брошюрам, указывали читателю путь вверх по ступенькам лестницы знаний, что, как было сказано выше, Рубакин считал главной задачей библиотеки. К своей брошюре «Крестьяне-самоучки» Рубакин приложил краткий список универсального характера. Это была попытка очертить круг знаний, необходимых, по его мнению, «современному начетчику» крестьянину, после того, как в брошюре он показал на примере конкретных людей — своих корреспондентов, что дало им разностороннее самообразовательное чтение. Подобные указатели литературы — прообраз кругов чтения в советской библиографии и современных книжных закладок типа «Что читать дальше».

Рубакин первый из библиографов поставил вопрос о необходимости библиотекарю пользоваться библиографическими пособиями, подчеркнул важность хорошо организованного справочно-библиографического аппарата библиотеки. В 1-м издании «Среди книг» он привел список пособий, необходимых для библиотекарей, и сопроводил его указаниями, как использовать то или другое из них.

Недостаточно оценена попытка Рубакина разработать схему классификации категорий (видов) библиографии[26]. Во втором издании указателя «Среди книг» эта схема приобрела довольно ясные очертания. Видно, что Рубакин стремился выделять только главные признаки каждой категории. Первая — каталожная библиография — регистрирует книги вне зависимости от оценки содержания. Ко второй — рекомендательной библиографии — Рубакин отнес указатели особо рекомендуемых книг, пособия для самообразования, программы домашнего чтения и т. п. Третья категория библиографии, по мысли Рубакина, была призвана отражать развитие научно-философских и литературно-общественных течений и давать представление не о лучших книгах, а о тех, которые являлись своего рода вехами исторического процесса. Эту категорию Рубакин назвал эволюционно-философской. Наконец, к четвертой он отнес библиографию психологическую, еще нарождающуюся. По его мысли, она должна была развиваться на основе изучения психологии различных читательских групп. Интересно, что указатель «Среди книг» Рубакин относил к третьей категории с элементами четвертой.

Разработка классификации видов библиографии прошла долгий и сложный путь и хотя сейчас практически вырисовываются границы отдельных видов и основа деления — ее общественные функции, но теоретически схема все еще остается дискуссионной.

Можно считать, что первая предложенная Рубакиным категория обозначается сейчас термином «учетно-регистрационная».

---

[26] Приоритет в этом отношении принадлежит М. В. Машковой (см.: Указ. соч., с. 453—455). Однако выдвинутые ею положения не бесспорны.

Задачи эволюционно-философской категории в известной мере совпадают с одной из функций научно-вспомогательной библиографии — подытоживающей. Сохранился термин «рекомендательная библиография», вобрав в себя и библиографию психологическую, так как при разработке рекомендательных пособий обязательно учитываются особенности психологии (восприятия, стимулов чтения и др.) отдельных читательских групп. Однако сейчас этот признак, который получил наименование «читательская установка», справедливо относят и к другим видам библиографии (кроме учетно-регистрационного). Таким образом, Рубакин сказал первое слово и в такой важной проблеме теории библиографии, как ее научная классификация, наиболее приблизившись к современной схеме советской классификации видов библиографии соответственно общественной функции каждого вида. Эта прозорливость не была случайной, ибо четкость назначения каждого библиографического указателя всегда живо интересовала Рубакина, который прежде всего заботился о широком практическом применении библиографических пособий.

Наиболее прославил Рубакина его труд «Среди книг», подобного которому не было в мировой библиографии. Все — начиная с замысла дать для самообразования и библиотек «...обзор русских книжных богатств в связи с историей идей», с раскрытия содержания огромного книжного массива новыми и оригинальными способами (предварительные замечания, расположение и пр.) и кончая привлечением к своему труду ученых и общественных деятелей, было смелым новаторством. Хотя Рубакин и не проявил должной последовательности в этом важном деле, тем не менее привлечение В. И. Ленина к составлению «Предварительных замечаний», — несомненно, историческая заслуга Н. А. Рубакина [27]. Сохранились письма Г. В. Плеханова к Рубакину, в которых он давал подробные дружеские замечания во время подготовки второго издания книги, когда Рубакин жил уже в Швейцарии. Эти замечания помогли Рубакину внести в свой труд важные изменения и дополнения, в том числе — значительно расширить перечень работ В. И. Ленина, причем среди них Рубакин указал также запрещенные цензурой и вышедшие нелегально (этого принципа он придерживался неукоснительно).

Г. В. Плеханов отнесся к труду Рубакина с величайшим сочувствием и интересом. Сообщая ему свои замечания о подборе книг по марксизму, Плеханов писал: «Умоляю Вас, обратите внимание на то, что я говорю против Туган-Барановского. Ей-богу же он портит Вашу работу, а я ею дорожу» [28]. (К сожалению, здесь Рубакин не прислушался к голосу Плеханова, что и по-

---

[27] См.: Ленин В. И. О большевизме. — Полн. собр. соч. Т. 22, с. 279—280.
[28] Цит. по статье М. В. Машковой (см. прим. 22).

служило одной из причин справедливой критики в ленинской рецензии.)

Оба издания указателя «Среди книг» (1906 г. и 1911—1915 гг.) вышли в годы политического и культурного роста масс — сначала в связи с Первой русской революцией, а затем — в период подъема рабочего движения, когда ответ на вопрос «что читать» приобрел «...не только общекультурное, но и важнейшее политическое значение»[29].

Появление второго издания «Среди книг» как ни одно другое библиографическое издание вызвало широкий отклик прессы всевозможных политических течений и оттенков. На страницах большевистской печати глубокую и всестороннюю оценку указателя дал В. И. Ленин[30].

Ленинская рецензия представляет собой методологическую основу советской библиографии, и поэтому ей был посвящен ряд трудов и исследований. Однако только в последние годы главные положения рецензии были раскрыты с достаточной полнотой, а именно глубоко проанализирована не только критическая, но и положительная сторона оценки В. И. Лениным работы Рубакина и сделан верный вывод, что В. И. Ленин «...исходил из того, что она может в известной мере содействовать выполнению демократической программы просвещения народа»[31].

Общая направленность подбора литературы была прогрессивной. Стремление Рубакина дать обзор книг в связи с историей идей через предварительные замечания к каждому отделу также получило одобрение В. И. Ленина. Однако он подверг острой критике продекларированную Рубакиным «надпартийность», исключение какой бы то ни было полемики. Отказ от полемики Рубакину не удался ни в этом, ни в других его библиографических трудах, которые пронизаны скрытой полемикой — худшим видом полемики, по определению Ленина.

В. И. Ленин раскрыл также эклектизм Рубакина, его противоречивость, попытки примирять непримиримые точки зрения. В. И. Ленин рассматривал библиографию как одну из форм идеологической деятельности, видел в ней отражение процессов общественной жизни, борьбы классов и партий и обосновал важнейший принцип библиографии — принцип партийности. Этот ленинский вывод нельзя связывать с каким-либо отдельным видом библиографии[32], как это, к сожалению, делали некоторые советские исследователи, подменяя принцип партийности «прин-

---

[29] Подробную характеристику исторической обстановки см.: Фонотов Г. П. Общественно-политическое значение рецензии В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина «Среди книг». — «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 23—34.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

[31] «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 7. Передовая.

[32] Брискман М. А. Рецензия В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина и ее методологическое значение. — В кн.: Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской. Т. 22. Л., 1971, с. 242—255.

ципом рекомендательности», т. е. относя ленинские указания только к рекомендательной библиографии.

Разумеется, наиболее отчетливо проведен принцип партийности в дореволюционных большевистских рекомендательных пособиях в помощь самообразованию, где абстрактному идеалистическому пониманию самообразования Рубакиным противопоставлена последовательная партийность.

Особенно интересен с этой точки зрения «Указатель книг для самообразования и как руководство при составлении библиотек рабочих организаций и клубов», помещенный во 2-м издании большевистского календаря «Спутник рабочего», вышедшего в свет в 1914 г.[33] — почти в одно время со 2-м томом труда «Среди книг» (2-е изд.), к которому относилась ленинская рецензия.

Прежде всего большевистскому указателю присуща ясность цели — выработка марксистского мировоззрения. Этим определяются темы разделов указателя. Не цикл наук вообще, но книги по естествознанию для воспитания материалистического взгляда на природу; история — для знакомства на конкретном материале с законами общественного развития; произведения великих русских революционеров-демократов, посвященные коренным проблемам общественной жизни России, и, наконец, раздел «Вопросы теории и практики» — литература по марксистской философии, политической экономии и социализму, а также по злободневным текущим вопросам. Литература была подобрана и расположена таким образом, чтобы привести читателя-рабочего к знакомству с основными теоретическими трудами по марксизму.

Высоко оценивая Рубакина, видные деятели большевистской партии следовали за Лениным в его критике рубакинской «надпартийности», а вернее — скрытой полемики и эклектизма.

«Не сосчитать, сколько раз Рубакин пропагандировал аполитизм, надпартийность просветительной работы, восставал против тенденциозности, — говорил А. В. Луначарский в названной выше беседе. — И столько же раз оказывалось, что он вовсе не аполитичен». Точно так же и в своей рецензии на «Письма читателям о самообразовании» Н. К. Крупская указывала, что, подбирая литературу, Рубакин вовсе не удержался в провозглашенной им надпартийности, «выбросил все марксистские книжки». Н. К. Крупская решительно высказывалась, что рубакинский подбор литературы неприемлем для советского библиотекаря.

Видный деятель Коммунистической партии В. А. Карпинский, который много лет переписывался с Рубакиным, с дружеской иронией писал ему, отмечая в его труде по библиопсихологии «...отсутствие у автора определенной, ясно выраженной общей точки зрения в вопросах психологии и философии» (16 февр.

---

[33] Подробную характеристику указателя см.: Левина С. С. Страницы истории большевистской библиографии. — «Библиотеки СССР», 1970, вып. 4, с. 81—83.

1923 г.): «Дорогой «книжный червяк!»[34] Неужели-таки солипсизм — это самая подходящая теория для активного человека — человека практики, как Вы?»[35]

Для решения современных проблем советского книговедения, для дальнейшего распространения и улучшения пропаганды книги важно осмыслить исторический опыт, великое культурное наследие прошлого. За последние годы, особенно за истекшее десятилетие, советские исследователи немало сделали, — в частности для анализа и освещения различных сторон деятельности Н. А. Рубакина. Однако этого недостаточно.

Для эпохи научно-технической революции характерно непосредственное проникновение науки в практику, а также небывалое ранее участие широких слоев практических работников в научных исследованиях. Это проявляется и на всех участках работы с книгой. Так например, в фундаментальных исследованиях, проведенных в последние годы («Библиотека и научная информация», «Книга и чтение в жизни небольших городов» и многих других) участвовали десятки библиотечных коллективов, сотни рядовых библиотекарей и библиографов. Создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги, охватившее тысячи энтузиастов.

В постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г., 26 мая) партия требует дальнейшего подъема всей работы с книгой в нашей стране. Для этого важно непрерывно повышать уровень всех участников этого великого культурного дела, в том числе знакомить непосредственно с такими трудами деятелей книги прошлого, которые составляют неотъемлемую часть культурных богатств нашего народа.

Работники советского книжного дела, вышедшего на передовые позиции мирового создания и распространения книги, являются преемниками славных традиций русской науки и культуры. Руководствуясь ленинскими указаниями в оценке замечательного наследия Н. А. Рубакина, они с живым интересом и несомненной практической пользой ознакомятся с его избранными трудами, представленными в книге, которая предлагается их вниманию.

---

[34] Один из псевдонимов Н. А. Рубакина.

[35] Письмо В. А. Карпинского к Н. А. Рубакину от 16 февраля 1923 г. Публикация А. Б. Сидоровой в кн.: Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 26. 1963, с. 400.

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ

Факты, цифры и наблюдения Н. А. Рубакина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Читатель, где ты?» Этот вопрос, как известно, лет десять — двенадцать тому назад поставил покойный М. Е. Салтыков.

Вряд ли нужно доказывать, какой интерес и какое значение, и теоретическое, и практическое, имеет ответ на этот вопрос. История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история *читателей* этих произведений. История литературы не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей, история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде. Читающая публика, в широком смысле этого слова, — вот та арена, на которой главным образом и прежде всего происходит эта борьба, впоследствии захватывающая даже нередко и полуграмотную, и неграмотную массу. Поэтому ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент. В читателе, так сказать, отражается общественная жизнь, как в капле воды отражается окружающая среда. По настроению читателей мы имеем возможность до некоторой степени судить и о настроении среды. И стремления и тревоги общества тотчас же отражаются на выборе книг, которые требуют для чтения некоторые — именно наиболее чуткие элементы из среды читающей публики. Каковы бы ни были те условия, в которых этим читателям приходится существовать, раз начинает мучить и волновать тот или новый вопрос, они тотчас же начинают искать из числа существующих книг такие, которые в данном случае наиболее могут их удовлетворить. С другой стороны, равнодушное или апатичное отношение читающей публики к выбору книг, в свою очередь, служит прекрасным показателем общественного настроения. Читать «что-нибудь», глотать, подобно страусу, все, что придется, это ли не характерный признак читательского настроения?.. История читающей публики — одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития.

Изучение читающей публики имеет интерес и с другой стороны. Изучение читателей и почитателей помогает изучению писателя. И обратно: изучение писателя помогает понять его почитателей. Даже более, писатель, как это уже давно замечено, до некоторой степени неотделим от своих читателей. Между читателем и писателем, между психическими свойствами первого и свойствами второго существует до такой степени тесная и тонкая связь, что они действительно составляют в известном отношении единое целое. Они не могут существовать один без другого. <...>

Каждому писателю в большей или меньшей степени соответствует та или иная читательская среда, более или менее определенная общественная группа, совокупность лиц, считающих этого писателя выразителем своих чувств, желаний и идей. Какой именно группе служит тот или иной мыслитель, поэт или публицист? Какие стремления или вожделения он собою отражает? Ответ на этот вопрос прибавляет весьма интересную и существенную черту к характеристике данного писателя.

Раздаются голоса о *литературном* оскудении, об упадке влияния лучших произведений лучших авторов на толпу, которая вполне удовлетворяется одним литературным хламом, выбрасываемым ежедневно на улицу в «изрядно большом количестве». Правы ли эти голоса? Не изменилась ли самая *область* влияния литературы? Не передвинулся ли центр тяжести из одних общественных групп или слоев в другие? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследование читателей — именно сравнительное изучение читателей из разных общественных групп или слоев, напр., читателя из привилегированных классов и из народа.

Изучение читателя имеет не только теоретический интерес. О читателе рассуждали и рассуждают очень много. На него то возводят всевозможные обвинения, то сетуют о нем, то добродушно над ним посмеиваются, а то и зло глумятся, иногда возлагают на него «надежды России», а иногда видят в нем такую «силу», которую не мешало бы сократить, спеленать, убаюкать и т. д. Нечего и говорить, что все это проделывается голословно или, в лучшем случае, на основании фактов, собранных в каком-либо уголке, в салоне, в канцелярии, на улице и т. п. Судя об этом читателе a priori, гг. рассуждающие склонны бывают обобщать любой факт, подхваченный с ветра, лишь бы он пришелся им по вкусу, и не замечают явлений массовых, исторических, не через всякую щелку и видных. По весьма понятным причинам, особенно в серые дни и бесцветные ночи, когда перспектива так обманывает, частное легко кажется общим, а общее — частным. Между тем на этом незнании читателя, на этих голословных рассуждениях о нем строятся не только платонические отношения к нему, но, к сожалению, и очень решительные мероприятия весьма реального свойства. Защитникам всяких литературных кон-

венций, по крайней мере тем из них, которые искренне убеждены в полезности таковых, прежде чем заключать эти конвенции, тоже не мешало бы хорошенько присмотреться к самой читающей публике, исследовать эту публику в количественом и качественном отношениях.

Но есть еще одна сторона дела, особенно интересная: знать читателя — знать сколь возможно лучше и ближе — может ли этого не желать тот, кто дорожит распространением своих идей? О воспитательном, руководящем значении литературы, впрочем, мы здесь говорить не будем. О нем уже многое было говорено, да к тому же это и слишком сложный вопрос.

Спрашивается теперь, много ли сделано до сего времени относительно изучения читающей публики? Российский читатель, и «серый» и «полукультурный», и наиболее интеллигентный, остается иксом. Он не известен не только в качественном, но даже и в количественном отношении, несмотря на то, что кое-какие материалы, позволяющие определить этот икс хоть с приблизительной точностью, не только существуют, но и ежегодно накопляются. Особенно мало сделано по отношению читателя из привилегированных классов. За последние восемь или десять лет и общество и печать больше интересовались и интересуются читателем из народа. Этот читатель изучается и en masse[1], и в отдельности; частные лица и общества (Спб. и Московский комитеты грамотности, Харьковское общество распространения грамотности *) собирают сведения о том, что он читает и как он читает, какие книги удовлетворяют его потребностям и почему, как должно составлять научно-популярные книжки, чтобы со стороны читателей из народа встретить хороший прием, быть понятными и, главное, интересными; как должно быть организовано распространение хороших книг в народной среде и т. д. Успехи народной литературы, сделанные еще за последнее время, показывают, что изучение читателя из народа имело громадный практический интерес и помогло развитию самого дела, которое так затемнялось тем, что составители «народных» книжек не знали своего читателя и третировали его à l'enfant[2].

Изучение читателя из народа показало, например, что никакой «особой» беллетристики для него не нужно, что смешение литературы детской и народной — курьезная и непростительная ошибка и т. д., словом, изучение читателя из народа реабилитировало этого читателя в глазах тех, кто в силу известных исторических условий привык смотреть на этого читателя сверху вниз. Чтобы доказать то, что, по-видимому, так ясно и понятно само собою, потребовалось тщательное и разностороннее изучение. Факт, характерный для нашей либеральной интеллигенции.

---

[1] в целом (*франц.*).
[2] как ребенка (*франц.*).

Ниже мы покажем подробнее, каковы именно практические результаты этого изучения.

В наших очерках мы намерены лишь сделать попытку хоть несколько разобраться в материалах, накопившихся до сего времени. Тщательная, разносторонняя разработка их — дело будущего. На такую разработку мы не претендуем.

Во избежание всяких недоразумений считаем не лишним условиться заранее, что мы будем подразумевать под термином «читатель из командующих или привилегированных классов» читателей из дворян, чиновников, духовенства, купечества, офицерства и вообще всех тех, кого сам народ очень метко зовет «чистыми господами» или «чистой публикой»; под словами же «читатель из народа» — читателей из крестьян, фабричных рабочих и солдат.

Что касается материалов, которыми мы пользовались при составлении наших этюдов, то они настолько пестры и разбросаны, что затруднительно даже перечислить их. На первом плане мы должны поставить рукописные ответы на наш «Опыт программы исследования литературы для народа»[1]. Этот «Опыт» был составлен нами в 1889 г., при участии нескольких народных учителей, учительниц и др. лиц. При составлении «Опыта» имелись в виду исключительно литература народная и читатель из народа. По многим причинам на широкое собирание сведений по этой программе я не рассчитывал. Но результаты оказались более значительными, чем можно было ожидать. В разных дальних и близких уголках нашлись люди, сочувственно отнесшиеся к моему начинанию. С 1 сентября 1889 г. по 1 января 1894 г. я получил материалы, относящиеся к различным вопросам «Опыта программы», от 458 лиц. В этом числе преобладают учителя и учительницы (213), есть ответы от фельдшериц и фельдшеров, священников (6), фабричных рабочих (91), крестьян (58) и разных лиц, близко принимающих к сердцу вопросы народного образования.

Из 458 лиц, приславших нам за промежуток времени 1889—1894 гг. какие-либо материалы, заметки, наблюдения и т. п. по нашему «Опыту программы», около 13% (61 чел.) принадлежат к жителям городов губернских, уездных, заштатных, железнодорожных станций, местечек и т. д.

Собранные таким образом материалы крайне пестры и разнообразны, напр., большие тетрадки, содержащие ответы почти на все вопросы «Опыта программы», мелкие заметки по тому или иному вопросу, наброски деревенских впечатлений, даже автобиографии, деревенские дневники и т. д. По моему адресу

---

[1] Помещен первоначально в № 5—6 «Рус. богатства» за 1889 г., затем вышел отдельным изданием, которое теперь вполне уже разошлось. Краткий отчет по собиранию материалов по этой «Программе» помещен нами в «Рус. богатстве» (1891 г., № 7).

прислано несколько тетрадок материалов, собранных по программе А. Пругавина *, письма разных лиц, близких к народу, более 2500 письменных работ, сделанных деревенскими и фабричными читателями по прочтении ими разного рода книжек — популярно-научных и других, кроме того, разные печатные материалы (отчеты, газетные и журнальные статьи и вырезки и пр. и пр.). <...>

На втором месте среди имеющихся у нас материалов мы должны поставить отчеты различных провинциальных библиотек, как общественных, так и частных, как помещенные в разных периодических изданиях, так и изданные отдельными брошюрами (412 отчетов из 109 библиотек). На третьем месте стоят рукописные и печатные уставы, правила и условия различных библиотек, присланные в 1889 г. в Спб. комитет грамотности в ответ на разосланный этим последним ряд вопросов о положении различных учреждений, служащих целям народного образования. Затем следуют: различные заметки и корреспонденции о деятельности и положении библиотек, появлявшиеся в провинциальных и столичных периодических изданиях; различные официальные издания: издания Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, издания губернских статкомитетов, памятные книжки и календари разных губерний, а также земские сборники, доклады и отчеты зем. управ и т. п., статьи разных авторов, ссылки на которых сделаны в своем месте. Два этюда о читающей публике («К характеристике читателя и писателя из народа» и «Книжное оскудение») представляют из себя доклады Спб. комитету грамотности, прочитанные мною на общих собраниях комитета в 1890 и 1893 гг. и затем напечатанные первый — в «Северном вестнике» (1891 г., № 4—5), второй — в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12). В настоящем издании они являются в дополненном, а отчасти — переработанном виде.

I

БОГАТЫ ЛИ МЫ КНИГАМИ?

План, которого мы намерены держаться в нашем изложении, таков: сначала мы постараемся нарисовать ту книжную обстановку, в которой родится и вырастает русский читатель и в которой он развивается; затем мы будем говорить о самом читателе, о его физиономии, вкусах и потребностях, насколько это выражается в том предпочтении, какое он оказывает разным отделам библиотечных каталогов и разным авторам данного отдела.

Обстановка, в которой родится и вырастает русский читатель, как известно, очень резко отличается от той, в которой находится читатель западноевропейский. Этот последний растет, развивается среди грамотных людей, среди книжного обилия, среди все-

возможных приспособлений со стороны государства и общества для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения их в массе. Если абсолютные цифры вновь выходящих книг иной раз не поражают своею величиною, то быстрое обращение книг с избытком заменяет их количество. Библиотека, книжный магазин, даже редакция газеты или журнала — такое же необходимое и обычное явление не только в больших, но даже и в маленьких городках, как и школа. Сама жизнь толкает читателя к книге, жизнь, идущая шумно и суетливо, требующая постоянного к себе внимания, постоянного участия в общем ходе вещей, не дающая человеку возможности сидеть где-нибудь в уголке и быть лишь совершенно посторонним зрителем ее, до которого и общему ходу вещей нет никакого дела, и ему нет дела до общего хода вещей... Каждый сознает, что есть какие-то нити, соединяющие самым тесным образом его бытие с общим бытием. Чтобы хоть одним глазком взглянуть из своего угла на это целое, чтобы быть наготове ко всякому участию в жизни этого целого — то в выборах на общественные должности, то иначе как, — западноевропейский человек должен читать усиленно, читать газеты изо дня в день, должен знакомиться с господствующими течениями жизни политической, социальной, религиозной, следить за успехами науки, техники, философии. Связь между этим читателем и книгой установилась крепко, связь историческая, вошедшая в плоть и кровь последних поколений. События новейшей истории, расширившие область самоуправления и всесословных учреждений, призвавшие к участию в общем ходе вещей народные массы, закрепили эту связь тесно и неразрывно. Книга и газета нужны западноевропейскому читателю как воздух, как вода [1].

На почве этой-то потребности и развивается и книгоиздательское, и книгопродавческое, и библиотечное дело.

Постараемся теперь проследить положение этих дел в России. Чтобы положение это сделалось для читателя яснее и выступило рельефнее, мы пойдем к нашей цели, так сказать, спиралью, постоянно суживая круги. Пройдя по всем этим кругам, мы в достаточной степени характеризуем ту книжную обстановку, ту почву, на которой родится и вырастает русский читатель. Затем мы перейдем уже к характеристике этого читателя по разным общественным группам.

Богаты ли мы книгами? По-видимому, даже очень. Ежегодно в России печатается на русском языке около двадцати миллионов экземпляров разных книг, с лишком пять тысяч названий книг, не считая журналов и газет. Статистику журналов и газет мы сегодня оставим в стороне, отложим до другого раза. Лишь

---

[1] Характеристика западноевропейского читателя далеко не отвечает сегодняшнему положению вещей.

чтобы предупредить возможные возражения, мы заранее отметим факт, что нет другой страны в Европе, где периодических изданий было бы так мало, где они расходились бы в таком ничтожном количестве экземпляров. Общее число журналов и газет в России — около девятисот, в семь раз меньше, чем в Германии, почти в пять раз меньше, чем во Франции, почти в 4 раза меньше, чем в Англии. Даже такие маленькие страны, как Бельгия и Испания, перещеголяли нас в этом отношении. На один миллион жителей приходится периодических изданий в Швейцарии 230, Бельгии 153, Германии 129, Франции[1] 114, Норвегии 89, Великобритании 88, Испании 68, Италии 51, Австрии 43, Греции 36, Сербии 26 и России 9. В такой же печальной пропорции находятся и числа, показывающие количество экземпляров периодических изданий, расходящихся ежегодно в России и за границей. Эти цифры показывают, что ссылаться на журнальную статистику, в опровержение печальных выводов из статистики книжной, едва ли справедливо. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение *, что иллюстрированные издания дают своим подписчикам ежемесячные приложения книжек романов, повестей и т. п., выписывает же эти журналы провинция. Но ведь это делают и журналы иностранные, в соответственно большем числе. Кроме того, девятнадцать миллионов таких приложений, как, напр., приложения «Родины» или «Луча», вряд ли могут служить фактом утешительного свойства. Из всего этого видно, что журнальная статистика отнюдь не может служить опровержением наших выводов. Предположим даже, что русские читатели читают в три, четыре, пять раз больше периодических изданий, чем книг, и в этом случае картина все-таки неутешительная.

Почтовая статистика показывает, что в 1891 г. в числе внутренней иногородней корреспонденции было отправлено 112 916 127 штук абонементных периодических изданий. Другими словами, с небольшим один экземпляр на одного российского обывателя *в течение целого года,* или же пять экземпляров на одного грамотного в течение того же промежутка времени. Нельзя сказать, чтобы это было много[2]. В то самое время в Швейцарии приходится на 1 жителя 29,99 экз., в Бельгии 16,41 экз., в Дании 25,64, в Германии 18,3, во Франции 10,86, Италии 4,32, Швеции 13,38, даже в Сербии 1,51 (почти в $1^1/_2$ раза больше, чем в России). Переводя эти цифры на число грамотных, получим разницу тоже весьма значительную[3].

Впрочем, сделав эту оговорку, мы оставим журнальную статистику в стороне и будем говорить лишь о книгах. В 1887 г.

---

[1] По сведениям Annuaire de la Presse во Франции одно периодическое издание приходилось в 1893 г. на 25 000 жителей.

[2] Цифра заимствована из ст. Л. Павленкова («Ист. вестник», 1894).

[3] См.: Otto Hübner's Geographische-Statischen Tabellen, 1894. Цифры относятся к 1892 г.

вышло 5442 назв. (18 540 390 экз.), в 1888 г. немного меньше (5317 назв., 17 395 050 экз.), в 1889 г. несколько больше (6420 назв., 18 777 891 экз.), в 1890 г. больше названий (6262 назв.) и меньше экземпляров (18 353 126), в 1892 г. значительно больше и того и другого (7188 назв. и 24 819 933 экз.[1]), а в 1893 г. 7722 названия в 27 224 903 экз. Но как ни велики эти цифры, они не поражают своей величиной. Принимая население России без Финляндии в 110 628 676 душ (по свед. 1890 г.), мы увидим, что на каждую душу в 1890 г., напр., вышло ни больше, ни меньше, как по 0,16 книжки, т. е. 4 книжки на 25 человек или 56 названий на миллион человек. Уже одна эта цифра показывает, до какой степени каждая книжка, вышедшая из типографии, тонет и исчезает в массе людей. Довольствоваться таким малым количеством книг может лишь *полуграмотная и неграмотная* масса. На самом деле так оно и есть. В 1886 г. Европейская Россия выставила лишь 29,45% грамотных новобранцев, а в 1887 г. 31,34%. Остальным миллионам душ печатная бумага ни к чему не нужна, разве что на папироски. Еще печальнее покажется положение дела, если принять в расчет, что не всякую печатную бумагу можно назвать книгой. В 1887 г. из общего числа вышедших книг 3¼ миллиона было книг справочных, т. е. главным образом, *календарей:* в 1888 г. было почти четыре миллиона их (25%), в 1889 г. 4¼ миллиона, и, наконец, в 1892 г. 5 303 382. Из этого видно, что справочные книги прогрессируют у нас из года в год... Отбросим из остальной суммы вновь выходящих книг те, которые идут в народ, которые потребляются читателями из народа, отбросим учебники, идущие главным образом к тем, кто еще только присоединяется, так сказать, к культурным слоям человечества, оставим только книги научные и беллетристические, которые, несомненно, расходятся почти исключительно в культурных слоях и которые поэтому особенно характерны для читателей этих слоев. Книги по философии, истории, по политической экономии, по юридическим наукам, естествознанию и т. п. читает в настоящее время привилегированный класс; беллетристика в дорогих изданиях попадает главным образом тоже в его руки. Из всей массы вновь выходящих книг на его долю приходится ежегодно от 5½ до 6½ миллионов экземпляров или от 3000 до 3700 названий книг, почти недоступных народной массе по языку или по цене. Предположим, что к привилегированным классам принадлежит одна десятая часть населения городов — эта цифра будет не выше, а скорее ниже действительности; предположим затем, что все привилегированные классы грамотны (чего, в сущности, сказать нельзя, так как из торгового сословия попадаются нередко люди неграмотные), словом, сделаем все допущения в лучшую сторону и, в конце концов, получим, что на каждого человека из командующих классов выходит еже-

---

[1] Цифры берем из работ Л. Н. Павленкова («Ист. вестник», 1887—1893).

годно от трех с половиной до пяти экземпляров книг или *меньше чем два названия на тысячу человек.* По такой микроскопической капле увеличиваются наши книжные богатства из года в год. За шесть лет (1887—1892 гг.) не было случая, чтобы в течение года вышло более 46 книг по философии, более 467 по наукам историческим, более 250 по наукам политико-экономическим; увеличивается из года в год лишь число тех книг, которые нужны главным образом специалистам, — книги по медицине, технологии, сельскому хозяйству. За шесть лет число их названий возросло с 788 до 1000, а число экземпляров увеличилось почти вдвое. Число книг по отделу географии и путешествий падает из года в год (144 в 1888 г. и 95 в 1893 г.); политическим и общественным вопросам (по терминологии г. Л. Павленкова) тоже не везет. В 1890 г. вышло всего 15 названий таких книг (!). Даже беллетристики (кроме драматических произведений) и то выходит ежегодно всего лишь около 500—600 названий: в 1889 г. — 541 (1 761 390 экз.), в 1890 г. — 508 (1 687 718), в 1892—644 (2 041 097) и в 1893 г. — 629 (2 043 973 экз.).

Значение этих цифр будет еще меньше, если принять в расчет не только количество, но и качество книг. Наш книжный рынок обогащается новыми книгами на самом деле еще медленнее, чем показывают эти цифры. Во-первых, есть книги, которые появляются на рынке не в первый раз, а выходят вторым и третьим изданием. Таковых в 1893 г. было из 7782 названий 1396 (около 22%). Из периодических изданий извлечено 480 названий, которые тоже нельзя приписать к новинкам. По одной беллетристике в 1892 г. было 94 повторных издания (из 644), т. е. около 15%, есть повторные издания и по другим отделам. Во-вторых, число названий, обозначенное выше, должно быть уменьшено, так как очень часто на книжном рынке одновременно появляются одни и те же книги в разных изданиях. В 1887 г. появилось сразу 163 названия соч. Пушкина в количестве 1 781 375 экз.; в 1892 г. — 10 разных изданий Кольцова (86 950 экз.). Даже в 1893 г. сочинений Пушкина было выпущено 14 названий (92 700 экз.), а соч. Кольцова — 9 названий (61 200 экз.). Нет ни одного романа Золя, нет ни одного произведения Жюля Верна, которое не появилось бы на русском рынке сразу в нескольких изданиях, к тому же находящих себе сбыт. В 1888 г. сочинения Одоевского, Марлинского, Фонвизина и Грибоедова появились сразу и в петербургских, и в московских изданиях, в этом году то же испытала на себе «Палата № 6» Чехова. Такие явления встречаются обыкновенно каждый год. Новое, действительно новое, прибавляется на книжный рынок по капле, но из новых творений многие, как мухи-поденки, живут лишь от восхода до заката солнца, и затем трупы их исчезают во тьме ночи или в свете нового дня, имеющего своих поденок.

Русского читателя обвиняют в погоне за новым. Это неправда. Русский читатель до настоящего времени в значительной степе-

ни живет стариной. Он читает и перечитывает не только Пушкина и Лермонтова и раскупает сотни тысяч томов их сочинений: он покупает и творения писателей прошлого века, и 20-х, 30-х, не говоря уже о 40-х годах. В 1888 г. напечатано 1800 экз. сочинений Фонвизина в Москве, 4025 экз. сочинений Полежаева (там же), 5000 Дельвига, 5000 Богдановича, 5000 Марлинского, 5000 Кукольника, в 1892 г. 15 000 экз. сочинений Одоевского в Петербурге и 2400 его же в Москве, Растопчиной, Измайлова, Екатерины II, Карамзина (в издании Суворина и журн. «Север»*). В последние годы стало даже обычаем, что иллюстрированные издания привлекают к себе подписчиков, обещая им творения писателей, уже пережившие срок литературной собственности, и эти творения расходятся вместе с журналами в десятках тысяч экземпляров. А. С. Суворин, поместивший в свою «Дешевую библиотеку» писателей XVIII века и 30—40-х гг., только угадал этот общий дух. Повторные издания этих сочинений показывают, что в глубине России еще живет читатель, которому по плечу писатели этих годов, которому, быть может, не лишнее знать и то, что дают ему эти писатели. Можно было бы думать, что произведения старинных писателей находят себе читателей только из числа учеников и учениц, читателей, так сказать, по обязанности. Мы, основываясь на ответах наших корреспондентов и на наших личных наблюдениях, думаем, что это не так. Подписчики «Родины»* и «Нивы», расходящихся в почтенном количестве среди духовенства, среди чиновничества и других «служилых» лиц в провинции, читают и находят удовольствие и в Ломоносове, и в Фонвизине, и в Карамзине. Литературные течения по всей читающей России катятся, если можно так выразиться, волна за волной. Уже прошло почти сто лет, как над передовыми читателями пронеслась волна псевдоклассицизма, семьдесят с лишком лет, как пронеслась волна сентиментализма Карамзина, затем романтизма Жуковского и т. д., и т. д., но где-то там, в недрах провинции, эти волны катятся до сего дня, разбегаясь кругами во все стороны, захватывая все большую и большую массу людей и уступая дорогу следующей волне. Нечего удивляться, что там, где еще катится волна XVIII века, не пользуются вниманием, не встречают одобрения произведения конца XIX. Есть читатели, у которых «Бедная Лиза» Карамзина исторгает слезы, читатели, которые не видят всей ходульности и фальши произведений подобного рода; есть читатели, которым «Душенька» Богдановича нравится больше, чем «Мертвые души» Гоголя, читатели, на нервы которых не подействуют лиры современных поэтов, но которым приходится по душе Державин и даже Ломоносов... Литературное развитие отдельного человека, предоставленного самому себе и лишенного руководства и указаний на что-нибудь лучшее, да и не имеющего под руками этого лучшего, — литературное развитие такого человека имеет много аналогичных черт с таким же развитием общества. Аналогию можно вести и даль-

ше: как влияние другого, более культурного народа ведет к упразднению или, по крайней мере, сокращению промежуточных ступеней, так точно и влияние живой личности, влияние школы ускоряет движение старых литературных волн, наступление новых...

Эти старые книги, возрождающиеся на рынке новыми изданиями, исчезают довольно быстро в провинциальной, да, вероятно, и в столичной глубине. Произведения авторов новых печатаются далеко не всегда в больших количествах экземпляров, да и расходятся далеко не так скоро, как это можно было бы ожидать. Пятое издание Некрасова, вышедшее в 1888 г. в количестве 15 000 экз., не распродано до сего дня, издание соч. Островского (7200 экз. в 1888 г.) тоже. Сочинений Майкова напечатано всего 2600 экз. — в два раза меньше, чем Кукольника; повторение этого издания потребовалось лишь в 1893 г. Правда, все наши классики находятся в издательском плену, откуда, по известной статье устава «о цензуре и печати», выбрались лишь немногие, и гг. издатели продают их по такой цене, что только и могут покупать люди более или менее состоятельные. Но почему бы ни расходились в таком ничтожном на всю Россию количестве наши классики, факт остается фактом: наших классиков целым сотням тысяч, миллионам грамотных людей неоткуда и узнать. Шесть или семь тысяч экземпляров на полторы тысячи городов России, это выйдет по четыре, по пяти экземпляров на город. О классиках иностранных не приходится даже и говорить. Собрания их сочинений, существующие на русском языке, доступны еще меньшему кругу читателей, что, впрочем, не мешает приверженцам литературной конвенции желать еще большего ограничения этого круга.

Нет ничего удивительного, что новые издания лучших авторов попадают далеко не во все города... Между тем произведения тех писателей, которых издатели пустили в свет по дешевой цене и потому в большом количестве, в течение нескольких лет разошлись в читающей массе в 5—6 раз большем количестве и быстрее, чем дорогие классики в десятки лет. Припомним успех трехрублевого издания Некрасова, успех первых изданий Успенского (20 000 экз.). Но и это, по-видимому, огромное количество тонет в обширных пространствах Российской империи... 20 000 экз. на 5 миллионов читателей из привилегированных классов, по 1 экз. на 250 человек. Что же тут удивительного, что среди этих «классов» встречаются люди, не знающие даже имен тех писателей, которыми должна бы была гордиться вся страна? Если бы издания Достоевского, Тургенева, Островского и других печатались через год, если бы они расходились ежегодно до десяти тысяч экземпляров, так и тогда они приходились бы по одному экземпляру на сотню человек из привилегированных классов, по одному экземпляру на тысячи квадратных верст Российской империи...

Впрочем, издание сочинений выдающихся авторов — явление далеко не частое. В 1888 г. вышло таких изданий всего 22 названия. Остальные сотни названий принадлежат книгам иного рода — русским и переводным, и в этих сотнях названий, в этих миллионах экземпляров беллетристических книг теряются знаменитые имена. В 1890 г. более двухсот названий принадлежит иностранным авторам, в 1892 г. из 664 — переводных 140, а из них много произведений «бульварных». Не забудем, наконец, и изданий московских торговцев Никольского рынка — Земского, Леухина и др. Эти издатели поставляют свой лубочный товар не только народу, но и «командующим классам». Разве в народ идут изданные ими пятирублевые «Пантеоны всех наук», тоже пятирублевые «Разбойники Чуркины», разве для народа составляются и издаются «Настольные книги холостым, с общепонятными рисунками» (ц. 3 р.), «Бездны удовольствий для молодых людей, любящих повеселиться», «Весельчаки с новым шиком» (ц. 3 р.)? Эти чисто лубочные книги потребляются читателями из привилегированных, хотя и далеко не культурных классов, и печатаются в таком же и даже большем количестве экземпляров, чем сочинения Тургенева, Островского, Гончарова.

Мы уже видели, какое ничтожное количество научных книг выходит ежегодно. Но и это ничтожное количество пролетает, так сказать, *над головами* читателей. Л. Павленков весьма старательно выписал все наиболее замечательные научные книги, вышедшие в 1888—1890 гг. Получился целый ряд имен и названий, несомненно, очень почтенных, заслуживающих внимания ученых людей, представляющих из себя, быть может, и ценные вклады в науку, но вряд ли имеющих какое-либо значение для читающей толпы. Все эти книги для немногих избранников, специалистов, не имеющие в виду потребностей даже и культурной массы... «Серапион Владимирский», «Митрополит Евгений», «Монеты царствования Александра II». В числе 474 медицинских сочинений, вышедших в 1890 г., — 74 докторских диссертации, 39 небольших брошюрок, составляющих извлечения из специальных журналов и газет. То же число диссертаций было и в 1892 г. Если увеличение числа изданий в некоторых научных отделах было вызвано юбилейными событиями, пишет г. Л. Павленков, то в медицинском отделе таким юбилеем в 1892 г. была холера. Ею и объясняется, что число медицинских сочинений было в 1892 г. на 159 более, чем в 1891 г. А в 1893 г. оно опять уменьшилось. Уменьшилось в 1893 г. и число исторических книг на 33 названия и 45 615 экз. — скачок довольно крупный и достойный особенного внимания. Не следует ли искать объяснения ему в охлаждении интереса нашей публики к вопросам историческим и интереса к исторической жизни вообще, равно как и затруднительными условиями разработки этих вопросов? Зато нет ничего удивительного, что со времени недавней голодовки несколько оживился отдел сельскохозяйственных знаний, в которых теперь

так любят видеть спасительную панацею от всевозможных зол и бед, нечто вроде гомеопатического средства, более удобного, чем всякое другое?..

Стоит только познакомиться с каталогом вновь выходящих книг, чтобы заметить, что все научные отделы располагаются в два резко разделенные этажа, имеющие между собою очень мало общего, — если не считать общую бедность и оскудение: верхний этаж — сочинения специальные, доступные лишь избранным читателям, специалистам; нижний этаж — произведения скорее похожие на детские и народные, чем на научно-популярные. В шестидесятых годах, в период увлечения популяризацией естественно-исторических наук и всяких иных знаний, существовал, кроме этих двух этажей, еще и третий — средний, от которого теперь остался лишь едва заметный след. Сочинения Шлейдена, Россмесслера, Тиндаля, Уоллеса, Котты, Бюхнера находили себе путь в культурную *толпу*; теперь же именно такого рода произведениями научные отделы и оскудели. Старые популярные книжки разошлись, новых не имеется. Пересчитайте, много ли выходит научно-популярных книг, — вы сосчитаете их чуть ли не по пальцам. Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжать свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. до сего времени запрос имеется. «Ботанические беседы» Ауэрсвальда и Россмесслера продаются по удвоенной цене, некоторые сочинения Уоллеса, Тиндаля, Фогта тоже... Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет умственных потребностей целого класса людей. Специально научные сочинения летят над головою, а такие, хотя и прекрасные сами по себе, сочинения, как Кайгородова, М. Богданова, ползут по земле... Только немногие издатели, как, напр., Ф. Ф. Павленков, направили свою деятельность на издание научно-популярных книг, доступных культурной массе, и в этом его положительная и огромная заслуга.

Что в области литературы научно-популярной наблюдается оскудение особенно сильное, доказывается множеством фактов. Это могут подтвердить все преподаватели, добросовестно интересующиеся тем, что читают их ученики: сплошь и рядом не из чего выбирать. Московская комиссия по организации домашнего чтения, существующая при учебном отделе Общества распространения технических знаний, на первых же шагах своей деятельности натолкнулась на затруднения, зависящие от недостатка книг на русском языке по всевозможным отраслям наук и вместе с тем доступных, по возможности, широкому кругу читателей. Комиссии пришлось самой приступить к переводам и издательству книг через неутомимого И. Д. Сытина. На первом плане она принялась за издательство книг по истории — отдел наук, кото-

рый, казалось бы, мог бы быть богаче, чем другие... Стоит посмотреть списки книг, составленные комиссией по естественным наукам, чтобы воочию увидеть, что при их составлении комиссия должна была считаться с недостатком научно-популярных книг на каждом шагу. Достаточно для характеристики этой бедности книгами указать еще на тот факт, что в настоящее время на русском языке не существует ни одной книги, из которой читатель, получивший образование ниже среднего, мог бы познакомиться с геологией: маленькая книжка Гейки (изд. Пантелеева), книги Циттеля, Ляйелля (Основы геологии) давно разошлись; такая же книжка, как проф. Соколова («Прошедшее и настоящее земли»), дает лишь несколько отдельных очерков по геологии. Наиболее популярной книгой по геологии в настоящее время должен быть признан... первый том *университетского* курса проф. Иностранцева. В положении не лучшем, чем этот, находится и отдел биологии, и в особенности отдел химии. Этой науке особенно не везет, и бедность ее популярно-научными книгами особенно поразительна. Пусть интересующиеся этим вопросом перелистают соответствующие страницы «Книги о книгах» * — там в числе рекомендуемых книг фигурируют или далеко не популярные, или написанные задолго до того времени, когда была формулирована периодическая система элементов, т. е. совершенно устаревшие.

Кстати, отметим здесь, что огромное большинство (около 85%) научно-популярных книг, существующих на русском языке, — книги переводные. Этому-то отделу литературная конвенция больше всего и угрожает опасностью *, от которой не имеют никакой возможности предохранить российского читателя, не получившего среднего образования, но стремящегося к нему, наши русские популяризаторы, которых можно перечесть по пальцам... Центр тяжести литературной конвенции лежит именно здесь. Она отзовется не только на распространении книг, но и на распространении знаний. Она несомненно уменьшит количество популярно-научных книг на русском языке, так как для этой категории книг вопрос о цене — вопрос особенно важный. Всякое повышение цены уже отражается на распространении книги. Дорогие, специальные труды, доступные немногим, от этого, *быть может*, так не пострадают, как пострадают те, которые доступны многим... Говорю «быть может», потому, что и здесь вопрос остается все-таки спорным: специальные труды печатаются в малом количестве экземпляров.

Что широкая публика, жаждущая самообразования, стремящаяся продолжать образование, начатое в каком-либо учебном заведении, имеет чрезвычайно скудную наличность книг, способных удовлетворить ее потребности, — это отлично знают все, кому мало-мальски знакома наличность нашей научно-популярной литературы и знаком читатель ее. И малые запросы этого читателя нечем бывает удовлетворить, нечего ему указать, даже

оставляя в стороне вопрос о том, может ли он достать указываемую книгу. Специалисты, люди, стоящие в своем деле на научной высоте, имеют более богатый выбор книг, чем люди, желающие взбираться на эту высоту. Другими словами, научная литература способна удовлетворять по своему содержанию лишь меньшинству, а не большинству.

Наконец, есть еще обстоятельство, которое сильно благоприятствует бескнижию этого последнего, — это дороговизна книги. Книги дороги. «У нас нет дешевых книг. Наши книжные торговцы и издатели не умеют сойти с проторенного пути» («Неделя», 1893 г.). «Наши издатели привыкли к небольшим по числу экземпляров и дорогим по цене изданиям». «Русского знаменитого писателя легче и дешевле купить в немецком переводе, чем в русском подлиннике. Так, напр., «Обрыв», «Записки охотника», «Отцы и дети» на немецком языке стоят по 30 коп., а в подлиннике совсем нет отдельных изданий их». В изданиях лучших русских авторов царит самая беззастенчивая монополия. Вольф, стоящий в этом отношении на первом месте, выпускает сочинения Писемского в издании, которое стоит 34 р., сочинения Боборыкина стоят около того же. Глазунов отказывается издавать отдельные произведения сочинений Тургенева и Гончарова. Цена на сочинения Некрасова, которые выдержали чрезвычайно быстро два трехрублевых издания, вдруг повышается в новом издании почти в 2 раза — до пяти рублей, разумеется, не к славе наследников поэта... Сочинения Аксакова и Островского находятся тоже в плену, из которого *ни одно отдельное произведение* Островского не выбирается, а из сочинений Аксакова выбираются лишь немногие... Научно-популярные книги испытывают аналогичную судьбу. Из всех издателей научно-популярных книг опять-таки чуть ли не один Ф. Павленков с повторением издания понижает цену книги. Так, им была вдвое понижена цена на сочинения Нордау, Ломброзо, Тиссандье и др. Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве), например, книжки Гёте, Тимирязева, Мензбира, Болла. В то же самое время эта фирма издала «Теплоту» Тиндаля по цене невероятно высокой, против которой знаменитый английский популяризатор, несомненно, запротестовал бы... Немало сделал Суворин своею «Дешевой библиотекой». В последнее время серьезную попытку в этом же направлении делает известная фирма «Посредник», уже сделавшая так много для улучшения народных изданий: она предприняла ряд дешевых изданий для интеллигентных читателей — изданий не только беллетристических (вышли произведения Чехова, Боборыкина, Г. Брандеса, Бьернсона и др.), но и научно-популярных (Фулье, Грота и пр.). Впрочем, все эти попытки немногих отдельных издателей совершенно теряются в массе попыток прямо противоположных.

II
КАК РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ У НАС КНИГИ?

Этот факт не покажется странным, если мы бросим краткий взгляд на организацию распространения книжного дела. Книги не распространяются, между прочим, потому что, во-первых, их некому и негде распространять. Чтобы распространять доступные и интересные книги, нужно, чтобы был на них спрос, а чтобы был на них спрос, нужно по крайней мере, чтобы эти книги были известны. Русская действительность не удовлетворяет или удовлетворяет в весьма слабой степени и тому, и другому из этих условий.

Краткие сведения о книжной торговле наводят на очень печальные размышления. В 1883 г. во всей Европейской России, по сведениям Главного управления по делам печати, было книжных лавок, складов и магазинов 1377, в 1884 г.— 1453, в 1885 г.— 1543. С этого года число их начало падать: в 1886 г. их было лишь 1332, в 1887 г.— 1271. Дальнейших сведений не имеется. Это количество книжных магазинов на все пятьдесят губерний. Мы не станем уже говорить о Кавказе, где в 1887 г. на 12 губерний приходилось 46 книжных лавок, и о Сибири и Средней Азии, где таковых было всего *шесть*. Не забудем, что в Российской империи, по сведениям 1890 г., число всех городов равняется 1281, в том числе 659 в Европейской России, 468 в Привислянских[1] губерниях, 51 на Кавказе, 51 в Сибири и 52 в Средней Азии. На всю Олонецкую губернию, если верить официальным сведениям, приходится всего 1 книжный магазин или лавка, на Уфимскую и Оренбургскую по 2, на всю Симбирскую — 4, Калужскую — 6, Псковскую — 7 и т. д. В пятнадцати губерниях книжных лавок и магазинов от 10 до 20, только в 13 губерниях насчитывается их от 20 до 30 и лишь в *трех* губерниях от 30 до 40. А более 50 нет ни в одной, кроме Петербургской и Московской. Цифры же, характеризующие эти последние, как нельзя лучше рисуют, до какой степени неравномерно распределяются книжные богатства по лицу русской земли. В Московской губернии 177 книжных лавок и магазинов, в Петербургской 283. Вычтите это количество (460) из 1271— и на остальную Европейскую Россию придется 811. Чтобы читатель мог представить точнее, какое количество городов совсем лишено книжных лавок, приведем некоторые цифры. В Архангельской губернии, по сведениям 1887 г., на 12 городов приходится 10 книжных лавок и магазинов, в Вологодской на 13 городов — 9, в Гродненской на 26—14, в Калужской на 14—6, в Черниговской на 34 города — 16, в Херсонской на 23 города столько же (16). Если принять в расчет, что книжная торговля гнездится главным образом в губернских

---

[1] Так назывались тогда местности, захваченные царским правительством в Польше. — *Сост.*

городах, то что же остается тогда на города уездные, заштатные, не говоря уже о больших торговых селах, которые иной раз больше городов? Так, из Георгиевска пишут в «Сев. Кавказ»: «Кроме Манухинских и Шараповских произведений * ровным счетом ничего у нас нельзя приобрести: офеня, торгующий по субботам «оракулами»,— единственный в городе поставщик книг, как для взрослых, некогда учившихся в городских училищах, так и для всех». И не в лучшем положении находятся не один Георгиевск, а многие города Европейской России, тем более, что не всякую лавку, где продаются книги, можно назвать книжным магазином, не всякого книготорговца можно назвать распространителем книг. Чем торгуют книжные лавки в уездных городах? Главным образом, учебниками. О захудалости книжной торговли в провинции, о невозможности нигде купить желаемую книгу, хотя бы самую ходовую (т. е. ходовую в столичном смысле), раздаются голоса и с газетных столбцов, и из писем, получаемых нами. Нельзя ничего купить, кроме учебников, почти исключительно их одних, ни во Владимире губернском, ни в Екатеринославе. За немногими исключениями, книжные магазины, существующие в провинции, до такой степени бедны книгами, что не могут даже ничего *показать* читателю, ничего предложить на выбор. Им остается исполнять, большею частью, лишь полдела, т. е. выписывать книги по заказу, принимать на себя комиссионерскую роль, что по закону дозволяется каждому желающему. А чтобы выписывать книгу, давать заказ, публика или должна эту книгу знать, слышать о ней, или судить по рекламам, по библиографическим заметкам, или покупать, закрыв глаза. Ничего нет удивительного, что путем книжной торговли очень трудно книге проникать в провинцию, а читающей публике почти невозможно знакомиться с книгой чрез книжные магазины. Если и для более или менее состоятельных людей из привилегированных классов приобретение книг сопряжено со многими затруднениями, то что же сказать про людей менее достаточных? Не забудем, кроме того, что в провинции цена на книгу увеличивается расходом на пересылку, который продавцы, не обижая себя, прибавляют к продажной цене книги; что больших процентов скидок не знают даже библиотеки, и, во всяком случае, эти скидки не покрывают почтовых расходов; что, наконец, в последнее время почтовая такса на пересылку произведений печати увеличена,— что уж, разумеется, распространению книг не помогло,— не забудем всего этого — и положение провинциального человека, желающего купить книгу, нам станет ясным.

Выше мы видели, что книжные магазины сосредоточены главным образом в столицах; там же сосредоточено и издательство книг. В 1890 г. в Петербурге было напечатано 2766 сочинений на русском языке, в Москве — 1684, в 1892 г. в Петербурге — 3210, в Москве — 1962. За столицами следуют университетские города — Казань, Киев, Одесса, Харьков — и еще Тифлис. В из-

дательской деятельности в 1890 г. принимал участие лишь 141 город, в 1892 г.— 163 и в 1893 г.— 152. В течение этого года в одиннадцати городах типографии закрылись или бездействовали... Остальные пятьсот городов в печатании книг не грешны. В 1892 г. в пяти губернских городах напечатано лишь по одному сочинению, да и те, вероятно, официальные памятные книжки; в 2 губ. городах по 2, во Владимире (губ.), Костроме и Тамбове по 3, в Пензе и Полтаве по 4, в Калуге, Смоленске и Уфе по 5, в Каменец-Подольске, Самаре, Иркутске, Томске и Радоме по 6; Архангельске и Оренбурге по 7, в таких центрах, как Нижний Новгород и Тверь, всего по 10, в Саратове — 17 и т. д. Почему, спрашивает г. Павленков, производительность наших губернских городов в этом отношении так ничтожна? и не дает ответа на этот вопрос. «Можно, конечно, допустить, — говорит он, — что автор будет печатать свои сочинения более там, где существуют более льготные для сего условия, где это лучше и дешевле, т. е. в столицах, а так как в последних, да еще в университетских городах, кроме того, сосредоточивается более умственных сил, то остальные губернские города остаются как бы обездоленными... Но ведь каждый губернский город не какое же нибудь захолустье, и в нем как в центре известного района сосредоточена высшая местная администрация, имеется по нескольку средних и других учебных заведений, следовательно, должны быть и умственные силы, да и самое типографское искусство поставлено в последнее время на такую ногу, что провинциальные издания мало в чем уступают столичным. Между тем мы видим, что и в таком губернском университетском городе, как Харьков, число изданных в течение года русских сочинений не достигает (в 1890 г.) и ста, в других же, не университетских, не доходит и до половины этого числа, а в Вологде, Калуге и Оренбурге вышло (в том же 1890 г.) по 4 и, наконец, в *десяти внутренних губернских городах ни одного»*. Очевидно, г. Павленков потому и не нашел ответа на свой вопрос, что источников оживления стал искать не там, где следует.

История издательского дела за последние шесть лет обнаружила еще одно явление, неблагоприятное для провинциальных любителей чтения: издательская деятельность концентрируется с каждым годом все более и более; число городов, где напечатаны десятки сочинений, уменьшается, а где напечатаны сотни их — увеличивается.

В 1893 г., сравнительно с предыдущим годом, выражаясь словами г. Л. Павленкова, книгопечатание увеличилось в Петербурге на 351 соч., в Москве на 260, в Варшаве на 57, в Киеве на 89, в Казани на 17, в Одессе на 11; оно повысилось немного и в Вильне, Воронеже, Саратове, Новгороде и Вятке, но зато во *всех прочих городах* (141) *понизилось*. Г-н Павленков дает следующую красноречивую табличку распределения издательской деятельности в 1893 г.

Напечатано всего сочинений на русском языке	7782
Из них в Петербурге и Москве на русском языке	5725
Следовательно, в провинции вообще	2057
Из них в провинциальных центрах	1829
В остальных городах	228

Централизация видна из этой таблички весьма наглядно. Еще нагляднее она, когда речь идет о числе экземпляров:

Всего напечатано экземпляров в 1893 г.	27 224 903
Из них собственно в Петербурге и Москве	23 512 272
В остальных городах	3 712 631

Комментарии излишни.

Такое сосредоточение издательской деятельности делает тем более необходимыми посредников между издателями и читателями. К сожалению, как мы уже указали выше, число книжных лавок и магазинов в провинции уменьшалось из года в год... В результате выходит так, что в центрах избыток книг: склады издателей и торговцев полны ими, издания и остатки изданий продаются букинистам, а там, в России, не только в глухих, но и не глухих углах, книгою не пахнет. Таков *факт,* в разыскание причин которого мы здесь входить не будем, чтобы не вдаваться в изложение многострадальных судеб русского общественного просвещения. Но вот какие явления не редкость на столичном книжном рынке. Всякий, кому приходится иметь дело с петербургскими букинистами, знает, что нередко у них появляются и распродаются по дешевой цене иногда со скидкой 50, 60, даже 80% совершенно новые, неразрезанные книги, издания почтенных фирм, с именами известных авторов. Так, распродавались на толкучке и у букинистов «О богатстве народов» Адама Смита, «История политической экономии» Бланки, «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса, «Жизнь Гете» Д. Льюиса, «Избранные сочинения» Бентама, сочинения Бэкона и т. д., и т. д. Сочинение Арм. Карреля «История контрреволюции в Англии» до сего времени продается вместо 1 р. 75 к. за 25 к., «История индуктивных наук» Уэвелля — вместо 8 р. за 2 р. 50 к., «Физиология» Бони — вместо 10 р. за 2 р. и т. д., и т. д. Стоит лишь посмотреть каталоги петербургских букинистов — и в этих каталогах, в куче хлама, вы найдете и сочинения, подобные перечисленным выше. Как попадают к букинистам эти издания? Все это или залежавшийся в издательских складах товар, купленный букинистами чуть ли не на вес или за гроши, все это — «остатки изданий» или обломки разбитых кораблей — развалины рухнувших издательских фирм. <...> Все эти факты показывают, что в книжном деле обстоит благополучно далеко не все. Книги, попавшие в толкучку, не нашли распространения по своей номинальной цене, издававшие их фирмы, по тем или другим причинам, рухнули. Но вот что достойно внимания: в то самое время, как в Петербурге эти самые книги продаются задешево буки-

нистами, в провинции не только мало кто знает о дешевой распродаже их, но мало кто знает и о существовании этих книг. Их выписывают по номинальной цене, а то и выше цены.

Что касается до букинистов, то провинция совсем не знает и их, разве что продает этим букинистам за гроши на вес книжные сокровища, которые случайно попали в ее глубины. А это бывает нередко. Нам известны случаи, когда помещичьи библиотеки, стоящие тысячи, продавались за десятки и в лучшем случае за сотни рублей; когда, не зная, кому продать книгу, ее сбывали за пятачок на базар, и книга, если не попадала букинисту, покупалась даже неграмотным людом — на папиросы. Так попал, напр., один том Карьера в село Нижегородской губернии, так попал том сочинений Писарева на кронштадтский толкучий базар... Высасывающая, так сказать, деятельность букинистов в провинции недостаточно еще оценена. Правда, торговля подержанными книгами по удешевленной цене помогает перераспределению книжных богатств в обществе, но всякие «Посредники» Гартье (ничего общего не имеющие с известной издательской фирмой народных книг), всякие гг. Мельниковы, Богдановы, Клочковы дают провинции очень мало. Правда, некоторые провинциальные библиотеки, не зная, куда обратиться, обращаются к ним и получают скидку на старые книги; правда, Мельников, Богданов, Герасимов рассылают по провинции свои каталоги «удешевленных книг», но на самом же деле от них книга идет в провинцию по более дорогой цене, чем можно достать ее в Петербурге, даже у тех самых букинистов. Громко заявленная скидка только обманывает покупателей, а в результате — хлам, который не знают, как сбывать здесь, идет в провинцию, и без того лишенную книг вообще, главным же образом книг хороших.

Достойно внимания еще то, что букинисты, делая объявления в газетах о продаже «удешевленных» книг, проставляют сплошь и рядом *повышенные* цены даже на издания, не вышедшие из продажи. Например, роман Джованьоли «Спартак» продается букинистами выше цены, тогда как еще очень почтенный остаток этого издания лежит преспокойно на складе, если не ошибаемся, в «Спб. мастерской учебных пособий». Петербургский букинист «Посредник» ломит, напр., почтенную цену за «Историю кабаков в России», а эта книга до сего времени ее издателем Вольфом не распродана. Еще курьезнее история с сочинениями М. Вовчка, которые долгое время продавались выше цены, а потом вдруг оказались в изобилии у какого-то киевского книгопродавца. Все эти факты свидетельствуют о несомненно плохой организации книжного дела, невыгодной не только для публики, но и для авторов, и для издателей.

Проследим теперь, какова судьба тех книг, которые попадают в провинцию. Хоть и в чрезвычайно ничтожном числе, при всевозможных затруднениях приобретения и рассылки их, книги так или иначе попадают туда. Посмотрим, находят ли к ним

доступ провинциальные читатели. Отправить книгу в провинцию — только часть дела; необходимо, чтобы она не лежала там, чтобы читатели знали о ее существовании, чтобы ее могли брать все желающие. Большой ли оборот делают книги, принадлежащие частным лицам,— говорить об этом много не приходится. Не так уж много таких лиц в провинции, которые имеют более или менее значительные книгохранилища. Слова Мордвинова, сказанные с лишком шестьдесят лет тому назад... к сожалению, далеко не устарели и до настоящего времени. «Известно,— писал Мордвинов,— что богатые люди у нас, большей частью, ничего не читают, а среднего состояния и недостаточные граждане не имеют возможности пользоваться книгами». Картина эта, начавшая было изменяться лет двадцать пять — тридцать тому назад, как кажется, в последнее время снова реставрируется. Только изредка приходится слышать о том, что в провинции у частного человека есть такие книгохранилища, откуда пользуется не одно это лицо. Есть книги у некоторых помещиков. Есть кое-где маленькие, но не дурные коллекции книг у учителей. <...>

С некоторого времени у некоторых органов печати вошло как бы в обычай отмечать и усиленно подчеркивать всякие светлые явления, если дойдет слух о таковом из того или иного уголка. Вследствие этого усиленного подчеркивания получается нечто странное: самые обыденные явления, до того мелкие, что при ином настроении никто не стал бы о них и говорить, превращаются чуть ли не в ласточек, которые делают весну. Радостные ликования по поводу таких ласточек доносятся с разных сторон. Бесспорно, что все это достойно того, чтобы его отметить и поддержать, но не нужно забывать и перспективы: нужно не только отмечать эти светлые явления, нужно *подсчитывать* их и, лишь подсчитав, делать на их основании выводы... Все это мы говорим во избежание упреков в излишнем пессимизме. Мы не закрываем глаз на светлые явления, но, подсчитав их, мы решительно не видим причин радоваться.

Нечего и говорить, что круговращение книг, принадлежащих частным лицам, весьма ограничено и не может быть даже сопоставлено с пользованием книгами из открытых для публики библиотек: у частных лиц обыкновенно книг бывает мало, да, наконец, далеко не все такие лица, имеющие книги, дают ими пользоваться.

Быть любителем *книг* — еще не значит быть любителем *содержания* известных книг. У очень многих людей любовь глубже переплета не идет; книги, роскошно и изящно переплетенные, в красивом шкафу, импонирующие посетителю, являются простою мебелью, которая, как и всякая другая мебель, на прокат знакомым не отдается... Если даже будет доказано, что частных книгохранилищ существует в России немало, то все же нужно будет доказать, что они — сила живая, а не мертвая, что они —

собрания живых душ, а не кладбища... Вряд ли это будет доказано, по крайней мере, для большинства...

Посмотрим же теперь на главный источник круговращения книжного — на общественные библиотеки.

Недавно вышедшая книжка проф. Рейера* о библиотеках в Европе и Америке дает поразительные цифры, которые показывают, до какой степени библиотечное дело поставлено там на широких началах и в каком блестящем положении оно находится. В Северо-Американских Соединенных Штатах насчитывается до 270 городов, имеющих большие библиотеки. В Англии таких городов свыше 225. Таких городов, где не было бы библиотеки, нет. Швеция еще в 1879 г. имела 1880 библиотек (с лишком в 3 раза больше, чем Россия в 1887 г.). Швейцария имеет теперь более 2000 библиотек, в Италии их 1852. Но оставим в стороне эти страны, сравнение с которыми в том или ином отношении так нелюбезно сердцу некоторых публицистов, полагающих, что гнилой Запад нам не указ. Возьмем Австралию, Японию и посмотрим, что говорят цифры об этих странах. Австралия в 1888 г. имела 3 672 000 жителей — немного больше, чем наша Киевская губерния. Между тем в 1887 г. одна Виктория при 1 036 000 жителей имела 314 общественных библиотек с 400 000 томов книг. В Новом Южном Уэльсе насчитывается 200 библиотек с 240 000 томов книг. В Новой Зеландии в 1889 г. была 361 публичная библиотека на 607 000 жителей. <...>

А в Японии даже действует специальный закон, обязывающий каждую общину нести известный библиотечный налог. Закон этот введен японцами по примеру Англии, где всякий город, имеющий не менее 5000 жителей, может установить у себя специальный библиотечный налог (не свыше 5 пенни на 1 ф. стерлингов), если только 10 плательщиков потребуют открытия библиотеки и большинство плательщиков к этому присоединится. В Японии число библиотек с 1888 г. чрезвычайно быстро возросло. Что касается до стран наиболее культурных, то о них могут дать понятие нижеследующие цифры. В Германии насчитывается в настоящее время 1609 публичных библиотек с 27 миллионами томов. Во Франции, Англии и др. странах библиотека имеется в каждом городе, да не является редкостью и в деревне. Они насчитываются тысячами. В Европейской России на все 659 городов 1883 г., по сведениям Главного управления по делам печати, приходилось общественных, частных и вообще публичных библиотек в 1884 г.— 509, в 1885 г.— 545, в 1886 г.— 630, в 1887 г.— 591. В Привислянских губерниях в 1887 г. было всего 68 библиотек, на Кавказе — 56, в Сибири — 12, в Средней Азии — 11. Чтобы понять эти скудные цифры, необходимо поближе присмотреться к ним. Число библиотек с лишком в *2 раза меньше* числа книжных лавок и магазинов. Если последнее, как мы видели, ничтожно, то что же сказать о первом? На всю Архангельскую губернию в 1887 г. было две библиотеки, на губернии Астраханскую, Ви-

ленскую, Олонецкую, Минскую и Область Войска Донского по 3, на Ковенскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Уфимскую по 4. Только в 15 губерниях число библиотек простирается от 10 до 15, в 6 губерниях от 15 до 20, в двух (Пермской и Киевской) было 22—23 библиотеки. Наиболее богатые библиотеками губернии были Курляндская — 30, Смоленская — 32, Московская — 49, Петербургская — 59. Чтобы и эти цифры сделались понятнее, сопоставим число библиотек с числом городов. Нижеследующие цифры, взятые из официальных источников, позволяют сделать это сопоставление. Возьмем сначала губернии центральные, которые было бы грешно относить к медвежьим углам. Во Владимирской губернии в 1887 г. на 16 городов было 12 библиотек, в Нижегородской на 13 городов — 4 библиотеки, Тамбовской на 13 городов — 5, Тульской на 12 городов — 10, Орловской на 12 городов — 8, Курской на 18 городов — 16, Калужской на 14 городов — 10, Воронежской на 12 городов — 9. Затем в Херсонской на 23 города — 12, в Казанской на 15 городов — 14, в Самарской (1884 г.) на 10 городов — 8. Вот табличка, которая характеризует распределение библиотек в следующих губерниях:

	Число	
	городов	библиотек
Архангельская	12	2
Астраханская	5	3
Вологодская	13	9
Волынская	12	6
Минская	11	3
Могилевская	13	9
Олонецкая	7	3
Подольская	17	7
Уфимская	6	3
Ярославская	12	12
Киевская	12	22
Рязанская	12	12
Саратовская	11	13
Симбирская	8	8
Тверская	15	18
Харьковская	17	17
С.-Петербургская	14	59
Московская	16	49

В огромном большинстве губерний число общественных, т. е. открытых для всех желающих, библиотек *меньше* числа городов, другими словами, в этих губерниях в каждой есть такие города, в которых библиотек не имеется. <...>

Вышеприведенные цифры дают полное основание предполагать, что, по меньшей мере, половина городов Европейской России совсем не имеет публичных библиотек, что из двух городов в одном человек, желающий достать книгу на прочтение, должен добывать ее из иногородней библиотеки. Что это предположение близко к истине, можно видеть и по материалам, собранным в 1889 г. Спб. комитетом грамотности. В этом году комитет обра-

тился к различным официальным и частным учреждениям и лицам с просьбой сообщить сведения по различным вопросам народного образования, как школьного, так и внешкольного. В число этих вопросов входил и такой вопрос: «существуют ли в вашей местности какие-либо библиотеки?» Более четверти всего числа полученных ответов гласили, что таких учреждений, как библиотеки, в их местности «нет», «не существует», «не имеется», *«не оказалось»* (sic): вот обычные выражения ответов, полученных Спб. комитетом грамотности. «Публичных библиотек в Дагестанской области не имеется»,— пишет в комитет местный военный губернатор. Председатель Можайской уездной земской управы пишет: «Ни одного из заведений, поименованных в программе Комитета грамотности, не учреждалось и в настоящее время нет, хотя и было бы желательно иметь их». Отрицательные ответы присланы из Киренска, Коротояка, Корочи, от Белецкой и Ковровской уездных земских управ, от начальника Сувалкской учебной дирекции, из Лебедянского уезда. Из Плоцкой губернии, за подписью плоцкого вице-губернатора, тоже получена бумага, что в плоцкой дирекции библиотек не существует, и пр. и пр. Староконстантиновский исправник пишет в Волынский губернский статистический комитет следующее: «Во исполнение циркуляра за № 000, имею честь доложить, что таких учреждений в Староконстантиновском уезде не имеется». Полицмейстер 2-й части г. Владимира-Волынска дословно пишет уездному исправнику, что «общественного и начального учреждения начального народного образования во вверенной мне части города нет. 18 августа 1889 года». Но не будем увеличивать этот хор официальных голосов, дружно тянущих одну и ту же ноту: «библиотек нет, не существует, не оказалось». Заметим только, что эта нота одна из целого аккорда, о котором дает понятие нижеследующий ответ: «Сообщаю Комитету грамотности, что хотя во вверенном мне отделе имеется 42 начальные школы, но в них не имеется ни учительских библиотек, ни музеев, не выписывается никаких изданий для учителей и учительниц на средства как их, так и казенные, не устраивается народных чтений, нет складов для продажи книг, а также нет воскресных вечерних и повторительных школ для взрослых...» Не правда ли, отсутствие библиотек — только частичка, если можно так сказать, всеобщего отсутствия?.. <...>

Но этого мало. Как пять сотен российских библиотек тонут в обширных пространствах России, так тонет и теряется каждая библиотека в массе городского населения. Возьмем те губернии, где число библиотек больше или равно числу городов, и предположим затем, что в этих губерниях в каждом городе есть по библиотеке, которою может пользоваться все население города. Нетрудно понять, что мы предполагаем случай самый благоприятный, от которого родная действительность обыкновенно отстает далеко. Сопоставляя тогда число библиотек с числом городского

населения, мы получаем следующие цифры. На одну библиотеку приходится следующее число жителей городского населения.

в губернии	Херсонской	47 743	в губернии Казанской	14 731
»	Саратовской	22 239	» Симбирской	12 821
»	Харьковской	19 613	» Ярославской	10 362
»	Московской	18 345	» Тверской	8 506
»	Киевской	16 825	» Рязанской	7 537
»	Петербургской	16 523		

Что говорят эти цифры? Они говорят, что библиотеки теряются в массе городского населения, что даже в тех городах, где они имеются, район, приходящийся на каждую, громаден, что нет ни одной страны в Европе, где бы одна библиотека приходилась на столь громадное число жителей.

Библиотек мало; книга, попадающая с большим трудом в провинцию, только в редких случаях делается общим достоянием читающей публики. Но, быть может, если мало библиотек, зато в каждой много книг, и эти книги хорошие? Чтобы ответить на этот вопрос, бросим взгляд на провинциальные библиотеки, сначала общественные, потом частные и т. д.

Захудалость библиотек — явление в настоящее время обычное и широко распространенное. Если бы кто-либо взял на себя труд подсчитать число библиотек более или менее благоденствующих и библиотек захудалых, едва влачащих свое существование, то вряд ли можно сомневаться, что ко второй категории ему пришлось бы отнести добрых две трети всех существующих библиотек. Захудалость библиотек — у нас явление хроническое, такое же хроническое, как спячка в медвежьих углах, как вечное затишье в уездных, как официальная тишь да гладь в губернских. Библиотечное дело оживало лишь тогда, когда оживала русская жизнь; оно падало, когда замирала эта жизнь. Даже тогда, когда и в официальных сферах было признано желательным устройство публичных библиотек по разным городам, усилия в этом направлении разбились о провинциальную тишь и гладь, как о каменный утес. Мордвинов в своем письме к министру внутренних дел А. А. Закревскому (в 1830 г.) свидетельствует, что «публичные библиотеки для чтения заведены только в Петербурге, Москве и Одессе». На его энергичный призыв и на циркуляр министра кое-какие города откликнулись. В 1836 г. публичная библиотека была заведена в Вятке, в Смоленске и Нижнем Новгороде еще ранее (1831 г.), в 1835 г. в Сарапуле, около того же времени в Саратове, в 1832 г. в Кишиневе, в 1834 г. в Екатеринославе и Симферополе, в 1841 г. в Керчи и т. д. Накануне эпохи великих реформ, в 1856 г., по отчету министра народного просвещения, существовало во всей России 49 библиотек! В 1842 г. их числилось 42, и во всех них в совокупности значилось 93 000 томов книг. Быть может, найдутся оптимисты, которые возрадуются, как мы шагнули вперед с дореформенных времен. Пусть они возьмут период еще более древний, тогда библиотек было

еще меньше, чем в 40-х гг. О судьбах этих библиотек может дать понятие судьба одной из них — так они одинаковы. Возьмем для примера библиотеку нижегородскую. В Нижнем Новгороде дворянство для устройства библиотеки предложило пожертвовать 10 000 рублей ассигнациями, собрав эту сумму уравнительно со всех дворян-помещиков Нижегородской губернии. Проект этот в исполнение не был приведен, так как «правительство, вместо обязательного сбора, разрешило дворянству открыть подписку для *добровольных* приношений, что и было исполнено дворянством, пожертвовавшим в том же году на учреждение в городе библиотеки... 1434 р. 48 к. асс.».

Независимо от этого сбора, «для пополнения библиотеки» было прислано несколько сот томов из министерства народного просвещения и нижегородского губернского правления. «Книги были сданы предводителем в архив дворянского собрания, где они и хранились до 1850 г.». В 1837 г. нижегородское дворянство, еще не видевшее библиотеки у себя в губернском городе и пожертвовавшее на нее в семь раз меньше, чем обещало, уже признает необходимым отложить вопрос о библиотеке до более удобного времени. «Но *так как,* по отчетам министерства народного просвещения, публичная библиотека в Нижнем Новгороде *показывалась уже существующей,* то дворянство в феврале 1838 г. распорядилось поместить на первый раз собранные книги в доме благородного пансиона». Вскоре затем собранные книги и пожертвованные деньги перекочевали из пансиона к почетному попечителю гимназии Н. В. Шереметеву, где и пребывали мирно, не тревожимые никем, несколько лет. От 1846 г. мы имеем о библиотеке такие сведения: в этом году «нижегородский губернатор князь Урусов обратил внимание на состояние библиотеки и нашел, что она находилась в *недвижном положении,* что в течение 8 лет ни малейшим образом не умножилась и не улучшилась и что воспитанники пансиона, где хранилась библиотека, книг не читают; переданные же дворянством директору института г. Грацинскому деньги 1434 р. 48 к. ассиг. в течение 8 лет остаются без всякого приращения». Князь Урусов принял меры к улучшению библиотеки: перевел ее в 1847 г. снова в заведование местного губернского начальства и велел составить опись книгам, имеющимся в ней. Там библиотека снова замерла еще на 14 лет. Она ожила, когда ожила русская жизнь. «6-го января 1861 г., на праздничном обеде в думе, по случаю крещенской иордани [1], — читаем в «Нижегородских губернских ведомостях» (1865 г., № 13), — представители всех *сословий* заявили мысль о серьезной необходимости удовлетворить возникающей в обществе потребности читать и для осуществления этой мысли тут же собрали по подписке 1000 руб. с<еребром>». Так было до восьми-

[1] Старинный русский народный обычай в день Крещения купаться в проруби на реке. — *Сост.*

десятых годов, когда снова наступило затишье и стали заметны довольно существенные перемены в библиотечных делах. Повеяло новым духом, и в настоящее время вряд ли можно кого-либо удивить, приводя многочисленные факты захудалости библиотек. К сожалению, этих фактов так много, что, без сомнения, они заставляют волей-неволей признать, что вышеприведенная статистика библиотек не совсем точно выражает действительность — показывает эту последнюю с лучшей стороны. <...>

Если таково состояние библиотек общественных, то нужно ли говорить о состоянии частных библиотек, существующих без всякой поддержки, на свои средства? Не процветает даже большинство столичных частных библиотек, а иные совсем влачат свое существование. <...>

Впрочем, на общем фоне библиотечного запустения блещут кое-где и звезды. Некоторые провинциальные библиотеки, несмотря на все неблагоприятные условия существования, успели достигнуть довольно крупных размеров и развить свою деятельность довольно широко, вернее, успели вырасти быстрее других. Правда, и эти наши *первые* библиотеки — первые только относительно. В то время, как в Бостонской библиотеке 560 тысяч томов, а бюджет ее достигает, по проф. Рейеру, 670 тысяч марок, в то время как из публичной библиотеки в Чикаго выдается ежегодно 1,3 миллиона томов, из Нью-йоркской — миллион томов, из Балтиморской 700 000, Филадельфийской 450 000 и т. д.; в то время как из Манчестерской библиотеки (в Англии) в 1891 г. выдано было 1,5 миллиона томов и т. д., и т. д., число томов и число посетителей наших библиотек везде приходится считать даже в лучших случаях десятками тысяч. <...>

III

БОГАТЫ ЛИ БИБЛИОТЕКИ ХОРОШИМИ КНИГАМИ?

...Ведь одно дело количество библиотечных книг, и другое дело качество их. Чтобы судить о книжном составе библиотеки, нужно выяснить те требования, которые к библиотеке необходимо предъявлять. Здесь мы позволим себе, ввиду чрезвычайно малой разработанности теоретической стороны библиотечного дела, сделать небольшое отступление в сторону, прежде чем рисовать дальше картину наших книжных богатств.

Идеал каждой библиотеки — не только богатый выбор книг, но и известный подбор их. Для того чтобы библиотека могла правильно работать, чтобы она могла служить не только удовлетворению уличных и всяких иных вкусов, чтобы она была не одним развлечением, а могущественным орудием просвещения, каким должна быть книга и тем более совокупность книг — литература, совокупный труд лучших умов человечества, сокровищница его знания, мысли, чувства, стремлений и надежд, — словом, чтобы

библиотека была тем, чем она и должна быть, — в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле или, если так можно выразиться, *библиотечном ядре**, и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла работать, занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книги на прокат, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которые должны быть в каждой открытой для публики библиотеке и отсутствие которых весьма невыгодно отражается на деятельности ее. Подбор книг в этом ядре должен быть и систематичен, и обширен, чтобы каждый запрос мысли, каждый порыв любознательности, в какую бы сторону мировой, общественной или личной жизни он направлен ни был, мог бы быть удовлетворен, чтобы в библиотеке нашлась книга, если и не отвечающая на данный запрос, то дающая, по крайней мере, материал для решения его. Если так можно выразиться, библиотека должна быть *книжным отражением Вселенной*. В основе библиотечного состава должна лежать схема наук, философская схема, распределяющая все явления мировой жизни в известной последовательности и порядке, например, хотя бы схема наук Огюста Конта *, которая есть вместе с тем и схема явлений мира. Можно как угодно относиться к его классификации, изложенной в знаменитом Cours de philosophie positive[1], но нельзя не признать, что для систематизации библиотеки схема О. Конта дает прекрасную руководящую нить. Но не в той или иной схеме и дело. Кому не нравится схема О. Конта, пусть берет схему Спенсера, даже Бэкона, пусть, наконец, хотя бы и выдумывает свою, лишь бы выполнено было главное условие — чтобы на основании классификации явлений природы были классифицированы науки, чтобы на основании этих последних — классифицированы книги. Классификацией явлений природы должен определяться и библиотечный состав, вернее, состав ядра. Это ядро должно представлять из себя энциклопедию, хотя энциклопедию особенную, составленную из разных сочинений, разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Эта энциклопедия, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый minimum наук, абстрактных и конкретных, «чистых» — теоретических — и прикладных. Эта minimum-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна; что касается до maximum'а, то он не может быть определен и граничит с бесконечностью. Maximum определяется состоянием наук в данный исторический момент. С другой стороны, он определяется состоянием библиотечных средств. К сожалению, этот систематический minimum составители библиотек редко имеют в виду. Они гонятся за известными сочинениями, за именами авторов, которые сегодня читаются нарасхват, а завт-

---

[1] «Курс позитивной философии» (*франц.*).

ра забываются навеки, но не гонятся составлять известный цикл книг, уничтожая этим все значение библиотек.

Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но и облегчать всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть такой подбор книг, который мог бы вводить в область знания людей всяких степеней образования, от низших и до высших. На этом основании хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные настолько просто, что они будут по плечу людям, получившим образование начальное или вообще ниже среднего. Это первая категория книг в каждом отделе наук. Затем вторая категория — книги, доступные людям, получившим образование среднее (путем ли саморазвития или в каком-либо учебном заведении); наконец, третья категория — книги специальные, доступные людям с высшим или специальным образованием. При такой постановке библиотека не только развертывает перед подписчиками систему наук, заинтересовывая ими, но и показывает *возможность усваивать ее,* усваивать мировоззрение, вырабатывать взгляды во всех областях жизни и мысли. Раз библиотека составлена таким образом, раз она дает и систему книг по всем наукам, и ряд последовательных ступеней по каждой, — тогда она, действительно, будет иметь общественно-образовательное значение, сможет давать ответы на запросы пытливого ума и о том, «что есть» и «как все произошло», ответы настолько основательные и точные, какие лишь возможны в пределах современного состояния науки... Подбор книг по схеме знаний — таков первый отдел хорошо составленной библиотеки.

Второй ее отдел должен служить удовлетворением запросов еще более мучительных, чем первый отдел, запросов о том, что *должно* быть. В этот отдел входят произведения моралистов и публицистов, лучших поэтов и «мастеров прозы», успевших своими произведениями занять известное место в истории прошлого или настоящего времени. Идеалы человечества, стремления лучших людей всех времен и народов, чаяния и надежды живых и мыслящих существ, поскольку они выразились в произведениях поэзии и прозы, — таково содержание этого отдела. Беллетристика входит в этот отдел, подбор беллетристики должен быть особенно обширен и богат, по тому одному, что беллетристика доступнее толпе, и читатель пользуется, прежде всего, ею. Выразители общественных течений, художники, критики и публицисты должны занимать в этом отделе такое же место, какое они занимали в истории общественных течений. При такой постановке отдел беллетристики является отражением истории человеческих стремлений, как научный отдел есть отражение того, что было и что есть. Критики и публицисты, толкователи и руководители

беллетристов и поэтов, должны сопровождать этих последних и в библиотеке, как они сопровождали их в истории; на каждое мало-мальски выдающееся произведение должна иметься в библиотеке и критика его.

Научный отдел библиотеки дает схему знаний. Сам читатель определяет и решает, каких знаний ему недостает, какие интересны, какие нет. Библиотека *указывает* книги, какие могут читателя удовлетворить. Читающих по *системе* мало; гораздо большее число читателей нуждается в приведении уже имеющихся знаний в систему и пополнении пробелов, замеченных в них. Этой потребности и должен помогать первый научный отдел библиотеки. Второй отдел дает, если можно так выразиться, схему общественных течений. Сам читатель определяет и решает, какие из них находят отклик и отголосок в его душе. Чуждая всяких тенденций, библиотека указывает ему не одно какое-либо течение, а все, по принципу audiatur et altera pars[1]. Сердце, мало-мальски отзывчивое, голова мало-мальски размышляющая, сами решат, на чьей стороне правда, на чьей ложь. Библиотека должна лишь *предоставить возможность* судить и выбирать[2].

Наконец, третий отдел хорошей библиотеки должен быть посвящен текущей жизни, должен заинтересовать читателя ходом вещей, возбуждать живое участие в нем, отправляясь с того места, на котором кто стоит. В этот отдел входят лучшие периодические издания, журналы, газеты и т. п., все заслуживающие мало-мальского внимания новинки печати, отклики на животрепещущие темы. Этот третий отдел должен служить данному месту и данному времени. Сюда должны быть отнесены и местные отделы провинциальных библиотек. «Местная провинциальная библиотека, — справедливо пишет г. Яковлев (библиотекарь в Одесской публичной библиотеке), — не имеет права игнорировать свой край и все те вопросы, которые выдвигает его жизнь. Она должна зорко следить за ними и употреблять все зависящие силы для своевременного удовлетворения тем местным интересам, которые выдвигает общественная жизнь».

Таков, по нашему мнению, должен быть *основной* подбор книг в библиотеке. Пусть вышеуказанные отделы не соответствуют распределению книг в каталогах, где система эта, может быть, и не удобна, но *значение* библиотеки определяется именно ими. Все три отдела должны быть, так сказать, закруглены, чтобы библиотека приносила должную пользу и имела успех. В библиотеке могут быть очень хорошие капитальные книги, которых, к сожалению, только некому читать, и не быть популярных, которых если никто и не спрашивает, то лишь потому, что никто не знает, что они существуют на свете, но которые пустить в оборот, сделать известными — нравственная обязанность библиотеки. Меж-

---

[1] Пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).
[2] Здесь Рубакин отдает дань буржуазной теории книжного дела. — *Ред.*

ду тем если бы заинтересовался читатель вторыми, то, несомненно, добрался бы понемногу и до первых... Такое несоответствие, крайняя неполнота состава, случайность его — основной недостаток огромного большинства библиотек. За системою в подборе книг не гонится никто. Книги покупаются те, на которые есть спрос, которые удается дешево купить, которые попали в библиотеку как-нибудь случайно, которые получены, наконец, в виде пожертвования. У русского человека, как мы видели, в руках и без того мало хороших книг, так что хорошие пожертвования не слишком часты. Наконец, пожертвованиями обыкновенно управляет не совсем общественный принцип: на тебе, боже, что нам не гоже... <...>. Как отличить хорошую книгу от худой, доступную от недоступной? Каталоги большинства публичных библиотек не только ничего не говорят читателю, не помогают ему в выборе книг, но как будто бы и созданы для запугивания этого читателя. Вы находите в них книги специальные и научные, капитальные, которые найдут, положим, 5 человек читателей в год каждая; вы почти не находите или находите мало книг научно-популярных, которые для русской читающей публики особенно-то и нужны и сделать подбор которых, пользуясь литературой 60-х годов, все же еще возможно; наконец, книг первой категории (по нашей терминологии) вы не находите почти нигде, кроме Харьковской общественной (III разряд), Саратовской и частной библиотеки О. Кайдановой в Тифлисе и некоторых других. Библиотеки, претендуя на роль просветительных учреждений, требуют от подписчиков или подготовки, или умения прыгать прямо на третью ступень, минуя первые две. И это происходит совсем не оттого, чтобы не хватало денег на обзаведение «ядром», — на него денег нужно не слишком много, особенно разложив требуемую сумму на несколько лет, — деньги же тратятся, главным образом, на новизну, о которой судят по объявлениям. Происходят недостатки библиотечных каталогов в значительной степени и от непонимания своих задач гг. заведующими библиотеками, будь то отдельное лицо или комитет, состоящий из нескольких членов. Не понимая педагогически-просветительного значения этих учреждений, гг. библиотекари сплошь и рядом относятся совершенно пассивно к тому, чтобы помогать читателю в выборе книг. Редко кто принимает какие-либо меры для округления библиотечного ядра, редко кто руководствуется при покупке книг библиографией наших лучших журналов, которая в данном случае могла бы сослужить хорошую службу. Таким образом, образовательно-просветительный характер библиотеки теряется. Она оказывается не тем, чем должна бы быть. <...>

Но не только не во всех библиотеках имеются сочинения новых беллетристов — есть такие, где нет и классиков. Так, проф. Янжул припоминает, что в Рязанской библиотеке не было полного экземпляра сочинений Пушкина, но зато находились каким-то

образом попавшие туда драгоценные Cahiers[1] и разные французские официальные издания времен Конвента (все они пошли на вес букинисту). В Ржевской библиотеке долго не было Белинского, но зато был большой выбор книг XVIII века, например, путешествие академика Палласа на немецком языке; зато было огромное иллюстрированное описание «Народов России» Георги.

Словом сказать, составом своим не могут похвастать и лучшие библиотеки, в какой бы отдел мы ни заглянули. Даже отделы «местные», существующие при некоторых библиотеках, и те носят тот же характер хлама, собранного с бору да с сосенки. О составе частных библиотек нечего и говорить... Так, одна частная библиотека, находящаяся в большом фабричном центре наших приволжских губерний, насчитывала в 1892 г. всего 857 названий. Всякий, кто знаком с каталогами «удешевленных» книг, рассылаемыми по провинции оборотистыми торгашами, покупающими остатки изданий на вес, а продающими их в розницу, с барышом 100—400%, нашел бы, что эта частная библиотека составлена главным образом по каталогам таких господ. <...> Нам приходилось видеть провинциальные частные библиотеки, состоящие из трех полок книг. Содержательница жаловалась, что в их местности читать не любят. Да кто же станет неинтересные книги и читать? Кого удовлетворят такие составы библиотек? Правда, человек интеллигентный, найдя в такой библиотеке Бокля, будет рад ему. Но ведь не всякого Бокль обрадует: иных нужно еще к Боклю-то приучить.

Печальную картину представляют каталоги частных библиотек и столичных. И те, и другие находятся в огромном большинстве случаев в полной зависимости от самой читающей публики. Они волей-неволей должны прежде всего заботиться об угождении этой публике, об удовлетворении ее вкусов, каковы бы те ни были. Но все эти старания угодить публике поставлены в теснейшие рамки микроскопических бюджетов, из которых мало кто рискует вылезать, из боязни не только остаться без подписчиков, но и без денег. Погоня за публикой, с одной стороны, погоня за дешевыми книгами, с другой, — вот две причины, обусловливающие обыкновенно книжный состав частных библиотек. Необходимым следствием этих причин является, во-первых, чрезмерное преобладание в каталогах частных библиотек книг беллетристических, наряду с чрезмерною скудостью отделов научных, которые представляют обыкновенно пестрейший сброд попавшихся случайно произведений. <...> Раз библиотека сделается для читающей публики «источником воды живой», она привлечет и одушевит все способные к жизни элементы данной местности, и сама будет жива ими. Приспособление библиотеки к низшим вкусам публики — для библиотеки смерть, а не жизнь. Но чтобы служить жизни, самому нужно кое-что знать и понимать, относиться жиз-

[1] тетради (*франц.*).

ненно к содержанию книг, а не только к заглавиям их. Нужно для этого быть мыслящим читателем, а не библиографом из породы книжных червяков. <...> Поэтому нечего удивляться, что библиотеки, разумно составленные и богатые научными книгами, как в былые годы (в семидесятых годах, но не теперь) были библиотеки В. Черкесова и Макалинской в Петербурге или какова ныне Петровская библиотека в Москве, до сего времени остаются явлениями исключительными, хотя у этих библиотек и могли бы кое-чему поучиться все другие. Эти библиотеки сами создавали читателей, делая себя интересными для читателей из интеллигенции, облегчая ей доступ к книгам научным, умело выбираемым. Они сами шли к читателю, а не ждали, когда читатель придет к ним. Обыкновенно же библиотеки переполнены беллетристической дребеденью, а библиотекари, по-чиновничьи относящиеся к своему делу, сплошь и рядом совершенно лишены этой *читательской отзывчивости.* <...>

Было время, когда у нас не только существовало, но отчасти и процветало одновременно несколько журналов, поставлявших на книжный рынок одни переводные романы * («Собрание иностранных романов» изд. Е. Ахматовой, «Библиотека для чтения» Сахаровой. «Переводы отдельных романов» Львова (Лебедева), «Европейская библиотека» Пушкарева, журналы Кехрибарджи, Воронова и др.). Затем все эти журналы в конце 70-х и в начале 80-х гг. быстро исчезли, может быть, не без влияния более серьезных запросов жизни, которые пробудили события этих годов. Исчезнув с журнального рынка, издания этих редакций появились во множестве у букинистов, и так как продавались со скидкой в 60—75%, то и были быстро всосаны провинциальными и здешними (вновь открывающимися) библиотеками. Это явление книжного рынка положило отпечаток на состав частных библиотек, особенно провинциальных. Подлаживание под вкусы публики гармонирует с этим явлением вполне. Если это подлаживание управляет составом большинства столичных частных библиотек, то в провинции вкус публики — полный властелин. <...>

Картина современного положения библиотек, нарисованная нами, довольно печальна. Но могло бы быть и иначе, если бы библиотеки, и общественные, и частные, больше были бы проникнуты чувством солидарности и сознанием, что они служат одному и тому же божеству, если бы между ними было больше связи и взаимной поддержки, если бы библиотеки столичные делились своими дешевыми покупками с библиотеками провинциальными, помогали бы им, как могли, в покупке книг, устроили бы обмен дубликатами, если бы они сознательно продвигали хорошую книгу читателю, указывали на нее в печатных бланках, стенных таблицах и пр., как это делается на Западе, и т. д. и т. д. При этой солидарности и поддержке, при сознательном, активном отношении к делу библиотечная жизнь оживилась бы, опыт и знания одних помогли бы другим; оказалась бы выгода и с мате-

риальной стороны, облегчилось бы приобретение книг, те самые книги, которые ныне приобретаются провинцией со скидкой в 20—25%, приобретались бы со скидкой в 40—50% и от этой дешевизны выигрывали бы не букинисты, обделывающие свои дела и потихоньку набивающие цену на подержанную книгу (что так гармонирует с нынешним духом времени), а библиотеки и читатели... А дешевое пополнение библиотек хорошими книгами увеличило бы число этих читателей. Устроить обмен книгами и дубликатами не представляет никаких затруднений; для этого нужно лишь составлять списки дешевых книг и дубликатов и рассылать их по различным библиотекам. Некоторые библиотеки уже делают попытки такого обмена, напр., Одесская.

Итак, сводя все предыдущее к одному, можно видеть, что у нас не только мало библиотек и что многие из существующих захудали, но что в большинстве случаев и не захудавшие библиотеки похвастать своим составом не могут — состав этот пополняется как бог на душу положил, с бору да с сосенки без плана и без системы. Но этого мало — из предыдущего видны и глубокие органические причины, искажающие самый тип библиотеки, делающие ее наполовину непригодной для публики. Неумение библиотекаря, непонимание им своих задач — только одна из этих причин. То они слепо угождают вкусам публики, то приобретают настолько специальные книги, которые мало кто станет читать. А о систематическом подборе книг, о котором мы говорили выше, к сожалению, почти никто не заботится. Погоня за новизной — вот вся система и весь план. В подборе библиотечных книг повторяется то же явление, какое мы видели в издательском деле: одни книги, приобретаемые в библиотеки, висят, так сказать на воздухе, выше голов читающей толпы, другие — представляют результат слепого подлаживания к ее вкусам. Требовать от читателя, чтобы он читал то, что не вполне понятно или неинтересно, — это значит требовать от него невозможного. Между тем библиотекари слишком мало уделяют забот тому, чтобы сделать состав библиотеки *интересным и необходимым* для читающей *массы*. Но есть и другие причины, мешающие процветанию общественных и частных библиотек. Еще одна из них — это недостаток материальных средств. В огромном большинстве случаев общественные библиотеки, да очень нередко и частные, при современной постановке дела сами себя не окупают, а приносят дефицит. Факты, изложенные нами выше, достаточно объясняют, почему это происходит. <...>

К сожалению, плата за пользование библиотеками, даже общественными, существует почти везде, и нередко она весьма высока. Напр., в Харьковской общественной библиотеке по 1 разряду за одну книгу 30 к. в месяц, за 5 книг 1 р. 10 к. за тот же срок; в Слободской библиотеке от 3 до 6 р., Орловской (Вятской губернии) от 6 до 9 р., Сарапульской от 4 до 10 р., Воронежской от 2 р. 50 к. до 15 р. в год и т. д. Даже в Якутской библиотеке

плата за чтение от 3 до 5 р. в год. Не потому, что эта плата была не по силам подписчикам, представляет она помеху для чтения, а потому, что платить за книгу и за пользование книгой тоже нужно привыкнуть, а у нас книжное обращение находится в той фазе развития, когда привычка эта выработаться в «широкой публике» еще не успела... Вряд ли можно сомневаться, что плата за чтение отгораживает многих и многих «чистых господ» от библиотечных богатств, каковы бы эти последние ни были, как бы загородкой, приобретающей в их глазах размеры китайской стены; вряд ли можно сомневаться, что подписная плата не столько пополняет недостаток денежных средств данной библиотеки, сколько суживает читательский круг, позволяя пролезать сквозь условия подписки только избранным. Кроме подписной платы не только частные библиотеки, но и общественные обыкновенно требуют от подписчиков залог от 1-го до 5-ти и даже 6-ти рублей. Это требование для массы людей представляет еще большее затруднение, чем подписная плата, так как изъять такую сумму из обычного бюджета могут лишь достаточные люди. <...>

Итак, мы видели, что не только состав библиотек оставляет желать много лучшего, но и к имеющейся наличности книжного богатства доступ сопряжен с некоторыми лишениями и затруднениями — платой и залогом. Словом сказать, и та узенькая дверка, которая ведет к книжным сокровищам человечества, наполовину призатворена. Проследив шаг за шагом все районы книжного оскудения, постоянно все суживая и суживая круг наших исследований, мы наконец сделали полдороги. Нашу бедность книгами мы проследили с разных сторон. От времени до времени еще раздаются голоса, что в русском обществе — книг изобилие, книг избыток, книг перепроизводство, что их больше чем нужно, что оскудел читатель, а не книги... Насколько оскудел читатель, это мы увидим ниже. Но надеемся, что из всего предыдущего видно, какое значение, какую цену нужно придавать всем этим голосам. Наша бедность книжная поразительна, затруднения добывать книгу для чтения так велики, как нигде ни в одной стране Европы, не исключая даже Болгарии... Но у кого же мало книг? Только у народа? Нет, разрабатывая статистические и другие данные, мы везде имели в виду, в данном случае, не народ, а привилегированные, командующие классы. И у этих классов бескнижие — хроническая болезнь... Каково же бескнижие русского народа, для которого до сего времени не создано и тех пятисот библиотек, какие находятся в распоряжении «чистой публики», если не считать игрушечных библиотек ценою в *пять* рублей каждая? Во сколько раз мрачнее цифры, характеризующие распределение двух-трех сотен народных библиотек среди 20 миллионов грамотеев из стомиллионного народа? Этих цифр мы вычислять не будем. Приблизительное представление о них составить довольно нетрудно.

Среди читателей из народа, которым мы посвящаем вторую половину нашей книги, бедность книжная еще поразительнее. Они не только лишены книг, но, как мы упомянули, и лишены возможности добывать из библиотек, устраиваемых для них, какие-либо книги, за исключением вошедших в министерский каталог* и в «Опыт каталога книг для средне-учебных заведений»*. Для них в эти читальни допущено всего около 1500—2000 названий книг, из всех вышедших от начала грамотности на Руси, до переживаемого нами fin de siècle'я[1]. Если слишком поражает количественная сторона бескнижия русского народа, еще более должна поразить внутренняя скудость книг, имеющихся для него. На этом темном фоне бескнижия русского народа даже бескнижие привилегированных классов кажется светлым пятном.

Как это ни странно, как ни парадоксально, тем не менее совершенно справедливо, что русский читатель и из привилегированных классов, и из народа воспитывается на *отсутствии* книг; он растет на почве книжного оскудения. Только о столицах, только о немногих центрах провинции этого нельзя сказать, да и то не о всех читателях из привилегированных классов. <...> Письма, лежащие перед нами и написанные людьми самых разнообразных положений, начиная от интеллигентных крестьян и рабочих и кончая учителями, инженерами, священниками, содержат многочисленные жалобы на эту книжную бедность, это книжное оскудение, жалобы подобного рода, жалобы то забитого, то возмущающегося человека, нередко попадаются и на страницах провинциальных периодических изданий. Было бы большой ошибкой видеть в каждой жалобе «случайное отражение случайного настроения» одного лица. Эти жалобы — явление массовое; в них суммируется настроение тысяч людей, провинциальных жителей, грамотеев и любителей чтения из командующих классов. Что же тут удивительного, что книжки, изданные для народа, листовки и двухлистовки, расходятся в большом количестве и среди привилегированной «публики». Этот факт отмечается многими авторами ответов на наш «Опыт программы» и корреспондентами С.-Петербургского Комитета грамотности. Книг так мало, доставать их так трудно, что не приходится пренебрегать офенями и школьными библиотеками. <...>

«Лубочные книги, — пишут нам из Златоуста, — в большом ходу даже и не среди рабочих, а часто попадаются и среди канцеляристов и других подобных лиц, получивших мало-мальское образование. На 18 000—20 000 жителей в Златоусте нет ни одного книжного склада, ни одной частной библиотеки, нет никакой общественной, городской или земской библиотеки, исключая 2 клубных и училищной, которых книги доступны не всем». <...>

Словом, русский человек, уродившийся *читателем* на общей почве книжного запустения, добывает книгу откуда только мо-

---

[1] «конец века» (*франц.*).

жет. К сожалению, даже хитрые усилия достигают цели далеко не всегда. Петербургскому и московскому жителю, особенно такому, который стоит у *книг,* очень трудно или даже невозможно представить во всей безобразной реальности эту невозможность что-либо почитать или необходимость читать то, что не совсем желательно и интересно. Между тем подобные явления — самая обычная вещь на Руси. Что же тут удивительного, что на этой почве, в этой среде полученное когда-то образование выдыхается, умственная энергия пропадает, свежие струи, если и текут где, так не дотекают? Обстановка мучительно однообразная подавляет однообразием впечатлений, загипнотизировывает; лучшие стремления, ничем не питаемые, никем не поддерживаемые, бледнеют, исчезают ни за что ни про что, остается лишь бесцветная, бесцельная, подчас изрытая глубоко мучительными воспоминаниями, — не жизнь, а прозябание.

Да и школа не насаждает любви к чтению; до сего времени она снабжала лишь циркулярами, приглашавшими «читать с осторожностью», и снабжала до тех пор, пока не понадобились другие, еще недавно изданные циркуляры, предлагающие *учить читать,* приохочивать к чтению...

Что же тут удивительного, что на почве книжного и идейного запустения, всеобщей безработицы мысли процветает винт [1], принимающий форму нервно-психической заразы, что культурная Россия опоясана вдоль и поперек, от страны гиперборейской до твердыни византийской, от Вислы до Камчатки гирляндами зеленых столов, за которыми ломают головы и щекотят нервы «культурные интеллигенты». Голова так уж устроена, что над чем-нибудь да ломать ее необходимо, нервы тоже требуют раздражения. Откуда же оно придет в той пустыне, которую мы старались нарисовать выше? Без винта при таком положении дел действительно не могут жить тысячи культурных господ. <...> «Игнорируя потребность чтения, — жалуется одна провинциальная газета, — наше общество заполняет свои досуги исключительно картежной игрой. «Винт» стал у нас «злобой дня». Винтят и днем, винтят и ночью; где соберутся два или три, без винта не обходится. Взрослым подражает и молодежь, и грустную картину представляют собой эти не по летам серьезные, бледные от бессонниц юноши, почти дети, убивающие золотые годы за картами и пивом, не зная, не будучи знакомыми, хотя бы по одним именам, с такими даже корифеями отечества, как Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев...»

«О низших слоях общества и говорить нечего, потребности к чтению ни у кого и никакой. Досуги заполняются шатанием по винным погребам, пивным лавкам и прочим нескучным местам. А между тем в этих низших слоях немало десятков людей, окончивших курс уездного и народных училищ, людей просвещенных

---

[1] Карточная игра. — *Сост.*

хоть незначительными крупицами преподанных им в этих заведениях знаний, которые без поддержки их, без дальнейшего пополнения путем полезного чтения, постепенно стушевываются, переходя нередко лишь в смутные обрывки, лишь в полуграмотность». <...>

В тяжелые исторические моменты, ввиду недостатка учебных заведений, могущих вместить всех желающих, ввиду постановки этих заведений, не вполне удовлетворяющей запросам общества, саморазвитие и самообразование приобретает особое, выдающееся значение. Ими общественная мысль живет и дышит, в них черпает свои силы, в них хранит и питает лучшие традиции прошлого и заветные идеалы будущего. Спрашивается теперь, что делает общество, чтобы облегчить всем желающим дорогу к саморазвитию и самообразованию? Как оно борется с рецидивизмом собственного невежества? Картина, нарисованная нами выше, показывает, как велика наличность средств для борьбы с ним, для расширения и дополнения того, что дала школа...

Сводя к одному все вышеизложенное, мы получаем следующую картину той обстановки, в которой родится и вырастает русский читатель. Этот последний растет и развивается среди неграмотных людей, среди книжного и идейного оскудения, среди различных затруднений для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения книг даже в культурной массе. Книг не только выходит мало в свет, но они и плохо расходятся, за неимением широко поставленной организации книготорговческого дела; так как книжных лавок на Руси меньше, чем каких-либо иных, книги не только плохо расходятся, но и те, которые разошлись, плохо достигают до публики, так как общественных книгохранилищ, библиотек, доступных всем желающим, самое незначительное число, но и из этого числа многие библиотеки захудали и оскудели, не удовлетворяют читателей по своему составу, слишком не приспособленному к той публике, которой библиотеки и должны были бы помогать; наконец, и к имеющемуся составу книг, каковы те ни на есть, благодаря плате за чтение, залогу и другим условиям, дверца призатворена. Ко всему этому прибавим, что сама инициатива общества в библиотечном деле крайне слаба. Не только не предлагается новых путей, но и не расчищаются старые. Нам известна лишь одна библиотека, устраивающая свои филиальные отделения по городам. Подвижных библиотек не существует. Два года тому назад поговаривали было об устройстве библиотек железнодорожных (в вагонах), да так и замолчали. Словом сказать, картина книжного оскудения раскрывается во всей красе. Дальше, кажется, идти некуда. Остается посмотреть, кто входит через эту призатворенную дверь и кто и как пользуется наличными книгами.

Взглянем теперь на этого самого русского читателя, посмотрим, кто он, к каким слоям общества главным образом принадлежит, сколько он читает, что он читает, наконец, как читает.

IV
СОСТАВ НАШЕЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

Уже из предыдущих этюдов можно сделать вывод a priori, что на пустынной почве, к тому же обставленной различными приспособлениями не столько для орошения ее, сколько для осушения, вряд ли встретится обилие плодов земных. Впрочем, к различным выводам a priori нужно относиться с большой осторожностью. Русского читателя, этого неизвестного икса, необходимо изучать, подобно тому, как изучается читатель из народа. Но для того, чтобы подвергнуть его детальному и насколько возможно полному изучению, необходимы материалы, по возможности, точные и богатые. Располагаем ли мы такими материалами? Программ для собирания сведений о культурных читателях пока не существует, хотя с помощью таких программ, несомненно, можно бы было накопить богатейший и интереснейший материал. Сведений о том, какие книги раскупаются привилегированными классами из книжных магазинов и какие журналы и газеты кем выписываются, тоже почти не существует. Последнего рода сведения мы находим лишь в некоторых изданиях губернских статистических комитетов, напр., Архангельского. Но есть другие материалы для характеристики этого читателя, материалы, хотя еще не разработанные, но даже в том виде, в каком они имеются теперь, могущие дать уже многое, а при более рациональной и целесообразной постановке их собирания и разработки могущие дать еще больше.

Наблюдать и изучать русского читателя надо в самих очагах чтения, если не в семейном кругу, который мало доступен для изучения, то в читальнях, в библиотеках, существующих для него.

Дадим себе отчет, что такое подписчик библиотеки. Это такой читатель, который признает чтение своей потребностью, и к тому же потребностью более или менее постоянной, не случайной. Записываются в библиотеку для того, чтобы читать одну книгу за другой, изо дня в день, а то из месяца в месяц и даже из года в год. У подписчиков библиотеки читательские инстинкты, если можно так выразиться, развиты несомненно в большей степени, чем у тех людей, которые довольствуются книгами, добытыми случайно, от знакомых, или 2—3 периодическими изданиями. Библиотечный читатель требует большего для удовлетворения своей потребности. Поэтому, сделав объектом исследования именно этого читателя, мы можем составить некоторое представление и о всех прочих. Всякую библиотеку, где бы она ни находилась, в глухой провинции или в шумной столице, кто бы ею ни заведовал — частное лицо, казна, город, земство и т. д., — можно уподобить маленькой наблюдательной станции, через которую проходят и в которой, при желании, могут быть в достаточной

степени изучены не только сотни, но и тысячи людей, представители самых разнообразных слоев населения, разных возрастов общественных положений и степеней образования. Эта толпа читающей публики, столь же пестрая, с теми же достоинствами и недостатками, как и общество, которое порождает ее, течет через библиотеку, как живой поток: одни входят, другие выходят из числа подписчиков, каждый предъявляет свои требования и свои желания, каждый выражает о прочитанных книгах свои впечатления, указывает, какие книги пришлись ему по душе, какие нет. Если библиотекарь желает не только угождать вкусам публики, если он вдумывается в то, что проходит перед его глазами, а в руках его еще имеется хорошо разработанный механизм библиотечной статистики, то именно библиотекарь лучше, чем кто-либо другой, может ответить на вопрос, кто и что читает. Если бы гг. заведующие библиотеками посерьезнее отнеслись к своим задачам, то, несомненно, каждый мог бы внести свою долю полезного труда в общую и необходимую работу — изучения российского читателя, изучения умственной жизни русского общества в разных его слоях, в разных — и светлых, и темных его уголках. Во всяком случае, нет места более удобного для изучения русского читателя, как библиотеки и читальни. Понимая, что эти библиотеки и читальни существуют для него и живут им (особенно библиотеки частные), читатель чувствует себя в них полным господином. Его требования, его запросы к книге, а отчасти и его мнения о книгах, даже его капризы — перед библиотекарем все налицо. Но библиотекарю интересна не сама личность подписчика. Перед ним стоит не Иванов, не Федоров, *читатель,* один из многих, бесконечно малая часть той или иной общественной группы, дифференциал. Интегрируя же наблюдения, является возможность получить целый ряд образов, настолько точных и обоснованных фактически, что, разумеется, уж они будут стоять тверже и стоить больше, чем всякие рассуждения о читателе a priori. Несколько лет тому назад проф. Лесгафт написал небольшую, но интересную книжку «Школьные типы». В этой книжке, пользуясь данными психологии, с одной стороны, и школьными наблюдениями, с другой, он нарисовал, так сказать, психологические образы учащихся. Подобное этому можно было бы сделать, тоже пользуясь данными научной психологии, и по отношению к типам *читателей* разных общественных групп; получилась бы книжка не менее интересная и не менее, если не более, поучительная и ценная, как материал для характеристики данного исторического момента. Но это дело будущего. В настоящее время достаточного материала для такой работы еще не собрано. Нужно ли доказывать, что гг. заведующие не только общественными, но и частными библиотеками должны были бы отнестись насколько только возможно серьезнее и строже к собиранию материалов, к составлению отчетов своих библиотек и

не смотреть на это дело, как на простое подведение прихода и расхода. <...>

В печати высказывалось мнение, что библиотечные отчеты дают возможность судить о читающей публике лишь отчасти, потому что библиотеками пользуется только та часть населения, которую не останавливают ни залог, ни плата, ни другие условия подписки, ни положение библиотеки в удаленном от них месте города, ни подбор книг в ней, ни всякие иные обстоятельства. Бесспорно, все вышеприведенные условия должны быть приняты во внимание при выводах, но, во-первых, кто бы ни пользовался библиотекой, наблюдения, сделанные в ней, характеризуют этих пользующихся, во всяком случае, более, чем всякие иные, раз эти наблюдения поставлены рационально. Для исследователя даже очень интересно, как отражаются на составе подписчиков затруднения, которыми обставлено пользование книгами, — залог, плата и пр. Если же ставить конечной задачей исследования изучение *типов* читателей, то тем более вышеизложенные возражения не имеют цены. Изучение читателя в платных библиотеках кое-где может идти параллельно с изучением его в бесплатных и служит интересным дополнением к первому; сравнение тех и других наблюдений показывает, что культурный читатель и здесь, и там, как и следовало ожидать, проявляет более или менее одинаковые свойства, т. е. плата за чтение не оказывает большого влияния на читательский спрос. Еще возражают, что подписчики из библиотек берут лишь те книги, которых у них нет и которые они покупать не намерены. Но, во-первых, ведь и те книги, которые они берут, они выбирают по своему вкусу, и, во-вторых, не так уж много и книг на дому у нашей культурной публики, чтобы домашние библиотеки оказывали заметное влияние на спрос книг из публичных библиотек. В огромном большинстве случаев тот именно и подписывается в библиотеке, у кого на дому мало книг... Наблюдения, производимые в библиотеках, и отчеты библиотек, содержащие таковые наблюдения, несомненно, дают возможность составить о читателе из культурных классов такое представление, какого никакие другие материалы не дают.

Этими-то наблюдениями и отчетами мы главным образом и пользовались при составлении этого очерка. Следуя нашей прежней программе, посмотрим сначала, многочисленны ли эти постоянные читатели, называемые подписчиками библиотек; затем посмотрим состав их, какие общественные группы выставляют из себя эти читательские кадры; затем — кадры какой группы многочисленнее. Посмотрим затем, много ли читают эти постоянные читатели и что читают, как распределяются их вкусы между различными отделами библиотечных каталогов и между различными авторами одного и того же отдела.

Просматривая библиотечные отчеты один за другим, отчеты, присланные из разных концов России, вы прежде всего поражае-

тесь чрезвычайно незначительным числом подписчиков в библиотеках. <...> В Уфимской библиотеке за первый месяц оказалось всего 7 человек, — очевидно, публика не набросилась на только что открывшееся книгохранилище, а потянулась в него между прочим, как бы нехотя. <...> Интерес к книге возрастает тогда, когда возрастает интерес к жизни, и именно интерес к общественной жизни, а если этого нет, если день изо дня эта жизнь течет вяло и уныло, если то, что делается, делается без вас, а если что не делается, то сколько бы вы о том ни размышляли, все-таки не будет сделано, если инициатива личности не только не находит поддержки, а встречает преграды, — при такой постановке если не все, то многие, очень многие книги теряют весь интерес. Зато приобретают интерес книги иного рода, чтение которых кто-то остроумно сравнил с курением гашиша. Но ведь и книги, как игра на нервах, долгое время удовлетворять публику не могут; нервы притупляются, книги надоедают; теория, не переходящая в практику, мертвеет. Ничто так не способствует опошлению даже самых возвышенных идей, как именно платоническая любовь к ним. Ничто так не укрепляет любовь к идее, как именно практическое осуществление ее, хотя бы даже при самых неблагоприятных условиях. В те исторические моменты, когда «писатель пописывает», а «читатель почитывает», а практика жизни не соединяет их, — интерес к книге не может быть великим: книга не может захватить и увлечь толпу, не может даже породить рыцарей на час. В конце концов является выход наиболее культурных читателей из библиотек.

Не могут удовлетворять библиотеки и среднюю читающую публику, которая еще не привыкла читать, которая еще нуждается в первом толчке, чтобы приступить к книге с серьезными запросами и искать в ней материалов для их решения. Читатель шестидесятых и отчасти семидесятых годов, так ретиво принимавшийся за чтение книг по научным и по общественным вопросам, как-то отступил теперь на второй план, а его место заняла в значительной степени читающая публика иного рода — публика неустойчивая, только привыкающая к книге и приступающая к чтению, прежде всего, тех книг, которые, как говорится, бьют в нос. Чрезвычайно ничтожное число читателей постоянных, огромный процент читателей переменных — то входящих, то выходящих из числа подписчиков, то бросающихся на книги одного рода, то переходящих на другие, прямо противоположные, — сегодня на Понсон дю Террайля, завтра на Некрасова — таков в общих чертах неустойчивый характер этой текущей через библиотеки толпы. Цифры, которые мы сейчас приведем, показывают не число лиц, пользующихся библиотеками в течение всего года, они показывают число лиц вписавшихся, затем некоторое время почитавших — один, два или несколько месяцев — и снова вышедших из сферы влияния библиотеки. Между этой последней и публикой еще незаметно тесной и неразрывной связи, и ничтож-

ные сами по себе цифры кажутся еще ничтожнее, если вдуматься в их смысл.

Общий факт, наблюдаемый во всех библиотеках, тот, что подписчиков мало, до смешного мало. Другими словами, мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой. Для огромного большинства читателей книга не есть нечто необходимое, она может существовать и не существовать, ее можно прочесть, но можно и не читать. При случае можно и подписаться в библиотеку, для развлечения, а можно обойтись и без нее. Оскудение книжное предполагает само собою оскудение читательское. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое. <...> Даже в Петербурге большинство частных библиотек имеет не более трехсот подписчиков единовременно, большинство же не имеет и того. Самые большие петербургские библиотеки имеют по 1000—1300 подписчиков. Таких библиотек на всю столицу менее *пяти,* если не считать Императорской публичной. Но и эта последняя, несмотря на свои замечательные богатства, не привлекает к себе стольких читателей, сколько, по-видимому, должна бы была привлекать; в то время, как в Мельбурне (Австралии) число ежегодных посетителей равняется 428 000 человек, Императорскую публичную библиотеку посетили в 1891 г. 108 373 человека. Если на весь Петербург приходится лишь 30 частных библиотек, то единовременно пользуются ими не более 9 или 10 тысяч подписчиков или 35 000—40 000 человек. Увеличьте это число вдвое, даже втрое, даже впятеро, приняв в расчет библиотеки клубные, военные, казенные, даже публичную, и то для нашего центра просвещения число лиц, берущих книги из библиотек, не превысит 200 000 человек *всех* классов населения. Сопоставляя эту цифру с цифрой, которую нам дала перепись 1890 г., мы имеем уже право думать, что весьма и весьма значительная часть даже петербургского культурного населения библиотеками совсем не пользуется. <...> Интересно, что в бесплатных народных читальнях, где посетители принадлежат большей частью к классам не привилегированным, процент читательниц женщин, по-видимому, *выше,* чем в библиотеках, которыми почти исключительно пользуются классы привилегированные. Так, стоит сравнить в табличке данные Одесской городской библиотеки и Одесской бесплатной читальни, чтобы была видна эта читательская особенность культурных классов.

В частных библиотеках, даже столичных, наблюдается то же явление: большинство подписывающихся в библиотеках и большинство посещающих читальни — мужчины, а не женщины. Нет ни одной библиотеки, где наблюдалось бы обратное явление. Основываясь на всех тех данных, которые имеются в нашем распоряжении, мы, кажется, имеем право сказать, что, по крайней мере, в том районе, который охватывают эти данные, на Руси

существует гораздо меньше читательниц, чем читателей, меньше, по крайней мере, в 3—4 раза.

Не мудрено, что малая склонность к книге у матерей плохо возбуждает такую склонность и в детях. Оставляя в стороне рассмотрение этого вопроса, не особенно приятного для самолюбия читательниц, мы склонны думать, что наибольшую роль в нарастании читателя играет все-таки школа: в зависимости от веяний, царящих в этой последней, число читателей на Руси увеличивается то быстро, то медленно; уровень развития читателей то повышается, то понижается. Но, как известно, наша школа находится во власти веяний, которые, из опасения вредных книг, ограждают эту естественную любознательность от книг вообще. <...>

Спрашивается теперь, какие слои населения, какие сословия поставляют главный контингент читателей? Читателей поставляют все слои населения, все профессии. Разумеется, было бы особенно интересно знать не абсолютное число подписчиков из такого-то сословия или звания, а процентное отношение этого числа к числу лиц нечитателей. К сожалению, прямых данных для решения такого вопроса не имеется, хотя некоторые косвенные соображения представляют нашу читательскую скудость во всей ее красе. Даже среди лиц таких профессий, как учителя и учительницы, доктора, священники, далеко не все чувствуют настолько сильную потребность в книге, чтобы идти и записываться в библиотеке и получать оттуда материалы для чтения не спорадически, а постоянно. Кто довольствуется каким-либо дешевеньким журналом с премиями, кто берет книги из учительской, часто скудной библиотеки и держит их подолгу, иной раз по целому году, закрывая доступ к этим книгам и другим, кто живет и обходится и совсем без книг. <...>

Но не будем брать отношения — возьмем абсолютные цифры. Тогда в огромном большинстве библиотек, и частных, и общественных, провинциальных и столичных, на первом месте по степени пользования книгами стоит читатель-чиновник и читатель-дворянин. Присутствие в библиотеках среди подписчиков большого количества «людей двадцатого числа» * до такой степени заметно, что обыкновенно на это самое число или следующие за ним два дня и приходится наилучшая выручка в библиотеках. В Великолукской библиотеке за 25 лет ее существования из общего числа подписчиков — на чиновников, служащих и дворян пришлось 35,4%. <...>

Если лица свободных профессий — доктора, актеры, художники и т. п. — занимают одно из последних мест, то лишь потому, что этих лиц не так уж и много на Руси, как всех прочих; офицерство довольствуется в большинстве случаев библиотеками полковыми, а духовенство мало имеет и времени, чтобы читать книги из библиотек. Из Нижегородской библиотеки, напр., в 1892 г. брало книги 15 офицеров и 9 лиц духовного звания, и

из семейств первых 20 женщин, из семейств вторых 6 женщин. <...>

Если присмотреться теперь, как изменяется контингент подписчиков во времени, то все отчеты, какие нам удалось собрать, свидетельствуют об одном: все сословия прогрессируют, но прогрессируют далеко не равномерно и с колебаниями, обусловленными теми коренными явлениями русской жизни, которые определились в значительной степени за последние двенадцать — пятнадцать лет. Так, напр., в Тотемской библиотеке число читающих дворян с 1879 г. по 1886 г. увеличилось, хотя и незначительно, но зато большое число их перешло в отдел бесплатных подписчиков. В это же самое время число платных читателей из крестьян увеличилось с лишком в 9 раз — возросло с 3 до 28. В московских бесплатных читальнях стали читать меньше учащиеся в средних и низших учебных заведениях, чиновники, учителя, духовенство. Стали читать больше фабричные рабочие, ремесленники, крестьяне. <...>

Все эти цифры, все эти факты — не что иное, как внешние признаки знаменательного внутреннего процесса, совершающегося где-то в глубине России, — процесса нарастания читателя в народе, появления его в тех слоях, где до того времени он не водился и водиться не мог. Все эти цифры говорят, что круг читательский расширяется в глубину и ширину, что на смену и, может быть, и на поддержку читателям из культурных классов идут целые толпы читателей из народа, катится читательская волна новая, свежая, жаждущая света, чувствующая глубокую потребность смотреть на мир божий своими собственными глазами, а не через синие стекла узенького окошка, желающая черпать свои знания, обогащая свой мир идей из общей сокровищницы человечества, а не из кратких специальных каталогов. Правда, «Правилами о бесплатных читальнях 1890 г.» все библиотеки, которыми пользуется недостаточный класс населения, ограничены каталогами книг, рекомендованных и допущенных для чтения детей и юношества; но, проглотив эти книги, поняв, по своему разумению, факты, почерпнутые из этих книг, новый читатель на этом не останавливается, идет дальше, в библиотеки общественные, не жалеет ни подписных денег, ни залога, и принимается за чтение тех книг, которые для командующих классов вредными еще не считаются... Интеллигенции, искренне преданной делу народного просвещения, остается только идти навстречу этой народной интеллигенции.

Об этом нарастании читателя мы еще будем иметь случай говорить. Мы лишь отмечаем здесь этот в высшей степени важный факт, имеющий громадное, можно сказать, историческое значение.

V
МНОГО ЛИ ЧИТАЮТ НА РУСИ?

Посмотрим теперь, много ли читают те постоянные читатели, которых из своей среды ежегодно посылают в библиотеки командующие классы. Для ответа на этот вопрос будем опять-таки пользоваться данными из библиотек больших и хорошо обставленных. Русский культурный человек не знает ни той быстроты чтения, ни того количества прочитанных книг, какие на Западе стали давно уже явлением обычным. Из Чикагской библиотеки в 1891—1892 гг. было выдано 2 115 386 томов. В Англии, в тридцати городах (исключая Глазго и Лондон) 5 000 000 жителей насчитывают 10 000 000 требований книг; в одном Манчестере ежегодно выдается $1^1/_2$ миллиона томов. Наши библиотеки выдают не сотни, а лишь десятки тысяч томов в год на прочтение. Так, напр., из Нижегородской библиотеки было выдано на дом в 1892 г. 40 969 томов, в Астраханской 19 735 томов, Самарской 53 959 томов, Саратовской 60 288 (кроме журналов), Воронежской 42 550, Херсонской 21 478, Кронштадтской 50 322 и т. д. Если сопоставить эти цифры, как это делают заграничные отчеты, с числом городского населения, то получим следующее: в Нижнем на каждого жителя выдано 0,6 книги, в Астрахани 0,28, Самаре 0,71, Саратове 0,49, Воронеже 0,75, Херсоне 0,32, Кронштадте 1,1. <...> Нельзя не признать эти цифры весьма скромными. Оправдывать их одними недостатками книжного состава невозможно. Объяснения их мизерности нужно искать где-нибудь в ином месте — в общем тоне русской жизни, чуждой захватывающего интереса, в самих читателях, не привыкших много читать.

Что захудалость русского читателя объясняется не только причинами, лежащими в нем самом, а и причинами внешними, можно видеть из сопоставления статистических данных за несколько лет. Из этих сопоставлений мы увидим, что читатель растет в количественном и качественном отношениях, когда повышается общий тон жизни, сокращается, когда в общественной жизни замечается застой. Библиотечные отчеты богаты фактами, иллюстрирующими такой вывод. Возьмем, например, Астрахань. Этот город читает не только мало, но, до последнего времени, из года в год все меньше и меньше, так как на одного читателя приходится выданных книг все меньшее число. В 1883 г. было выдано из библиотеки подписчикам по 66 томов на человека, в 1884 г. по 55, в 1885 г. по 54,9, в 1888 г. по 49,5, в 1891 по 49,1, в 1892 г. по 42,5 — в десять лет выдача уменьшилась в полтора раза. <...> Возьмем библиотеку Нижегородскую. Из обширного торгового города, имевшего еще в 1885 г. 66 585 жителей, ею пользовалось в 1883 г. 393 человека. Это число в следующем году уменьшилось до 375 и затем снова начало медленно увеличиваться, оставаясь в течение целых трех лет почти на одном уровне (398—413—414). С 1889 г. оно начало возрастать быст-

рее и в 1891 г. достигло до 575. По-видимому, блестящие цифры нижегородских отчетов представляют нижегородских читателей в блестящем виде, но стоит немного вдуматься в них и сравнить количество выданных книг с количеством лиц, пользующихся библиотекой, чтобы опять-таки значение этих цифр сделалось иным. На каждое лицо в 1883 г. было выдано 83,1 книги, в 1884 г. только 75,1; в 1889 г. 69,9, в 1891 г. 67,9. С 1887 г., судя по этим цифрам, читательское рвение, по-видимому, ослабевает. На счет каких же книг идет это ослабление?

На счет периодических изданий. В 1883 г. журналы были в такому ходу, что на каждое лицо, пользовавшееся нижегородской библиотекой, приходилось в течение года 38,5 выдач журнала; после прекращения в 1884 г. двух журналов эта цифра уменьшилась до 33,2, в 1885 г. до 21,4 и до сего времени не достигла прежней высоты, хотя с каждом годом, скачками, то подымаясь, то падая, ползет понемногу вверх и в 1891 г. достигла до 24,8 выдачи на человека. В это же самое время Саратовская библиотека, из года в год поддерживаемая нарастанием читателя из народа, показывает явление несколько иное; там число подписчиков и число книг, выданных в течение года на каждого, возрастает из года в год, и лишь в отчетах за последние 3 года заметны некоторые колебания спроса на периодические издания (уменьшение с 1320 до 1261). <...>

Все вышеизложенное приводит к выводу, что если русский читатель и виноват в том, что он читатель немногочисленный и не ретивый, то в этом виноваты в значительной мере и те условия, в которых ему приходится существовать.

Библиотеками пользуются мало в таких обширных городах, как Нижний, Воронеж и пр. Но что сказать тогда о городах уездных? Там читают еще меньше. Библиотечные отчеты, присланные из глухих мест, показывают, что в некоторых библиотеках число подписчиков считается десятками, напр., в Епифани 70, Суздале 90, не говоря уже о Кургане, где в 1889 г. было всего 24 подписчика. <...>

Интересные данные доставлены нам из одной частной библиотеки, где собраны сведения о числе томов, взятых в течение месяца каждым подписчиком.

Из сотни подписчиков в течение месяца обменяли книги:

от	1	до	5	раз	50	чел.,
»	6	»	10	»	36	»
»	11	»	15	»	11	»
»	16	»	20	»	3	»
					100	чел.

взяли от	1	до	5	книг	33	чел.,
»	6	»	10	»	27	»
»	11	»	15	»	20	»
»	16	»	20	»	4	»
»	21	»	25	»	7	»
»	26	»	30	»	2	»
»	31	»	40	»	7	»

В течение месяца прочитали всего по одной книге шесть человек из ста, по две — столько же, по три — пять человек и т. д.

Из таблички видно, что менее пяти книг в месяц берет из библиотеки ровно треть подписчиков. <...>

Весьма многочисленны случаи, когда в книжке журнала добрая половина статей остается неразрезанной в *течение года и даже более* при четырехстах подписчиках. Отметим еще факт, что тяжеловесные классические произведения некоторых европейских мыслителей возвращаются подписчиками в библиотеку очень быстро, через 6—7 дней. Это тоже не говорит за то, что взятые книги читаются... Вряд ли мы ошибемся, сказав, что из общего числа взятых из библиотеки книг прочитывается от одной трети их до половины... Приняв это в соображение и сделав соответствующие поправки в вышеприведенных цифрах, нельзя не сделать и того печального вывода, что русский культурный человек не принадлежит к числу усердных читателей, а малое усердие его за последние годы, как кажется, становится еще меньше...

VI
ЧТО ЧИТАЕТ НАША ПУБЛИКА?

Посмотрим теперь, какого сорта книги более всего притягивают его внимание. Основной вывод, подтверждаемый всеми фактами и наблюдениями, тот, что русский читатель совершенно не умеет выбирать книг для чтения. Уровень читательского развития прежде всего отражается на умении выбирать книги, выбирать сознательно, целесообразно, с экономией времени и сил. Для этого нужно известное умение, известный практический навык, которого огромнейшее, подавляющее большинство русских читателей лишены. Библиотечная публика обыкновенно спрашивает почитать «что-нибудь» — будь то журнал, роман или научная книга. Если нет одного, берется другое; даже недовольство на отсутствие требуемой книги чаще всего носит характер каприза, а не запроса, не получившего удовлетворения. Имена знаменитейших светил науки и искусства, передовых бойцов человечества за свободу мысли и совести сплошь и рядом совершенно неизвестны читающей толпе. Произведения их, красующиеся в каталоге, ничего не говорят ни уму, ни сердцу; глаза читателя скользят по ним, как и по сотням других. Спрос на книги того или иного отдела в значительной степени среди такого рода публики — явление стихийное. В этом отношении цифры, приводимые ниже, получают особенный интерес. Возьмем сначала три главные категории книг: журналы, беллетристику и научный отдел. Разношерстный люд, пользующийся книгами из парижских муниципальных библиотек, распределяет свое внимание между этими последними двумя отделами чрезвычайно равномерно. Так в 1888—1891 гг. беллетристических произведений было взято из этих библиотек почти такой же процент, как и науч-

ных. Это отношение держится из года в год, поражая русского исследователя.

Заранее можно угадать, что в русской читающей публике ничего подобного такому распределению мы не встретим. Читателю научных книг в России неоткуда и взяться. Тип западноевропейского читателя развивается на почве широкого простора и всевозможной поддержки, оказываемой высшему образованию и правительством, и обществом. Так, даже лица из народа, обучавшиеся в школе только грамоте, имеют возможность продолжать свое образование и, подымаясь со ступеньки на ступеньку, приобретают знания по самым разнообразным отраслям науки. <...> У нас ничего подобного нет и не было. У нас высшее учебное заведение — редкость, окончивший в нем курс — тоже. У нас высшее образование предоставлено или немногим счастливцам-избранникам, или талантливым самоучкам. Цифры, собранные А. Н. Страннолюбским в одной из статей его, отлично характеризуют наше богатство людьми с высшим образованием. В то время как в Германии на один миллион населения приходится 534 студента, во Франции 460, Швейцарии 685, Великобритании 362, Австро-Венгрии 328, Нидерландах 355, Португалии 274 — в России всего-навсего 152. Отношение числа студентов на 1 миллион населения в ней в 4 раза меньше подобного же отношения в Германии и, что тоже достойно замечания, в 5 раз менее подобной цифры в Финляндии. Из общего числа студентов в русских университетах оканчивает курс не более $^1/_3$, следовательно, на 1 миллион населения ежегодно выпускается около 50 лиц с законченным высшим образованием. <...>

Возьмем теперь средние и специальные учебные заведения. По сведениям Центрального статистического комитета, в 1886 г. обучалось там 274 983 чел. (во всей империи). Сделаем ряд предположений в благоприятную сторону; предположим, что специальные учебные заведения дают такое же развитие, как средние, предположим затем, что в тех и других одна пятая кончает курс, что столько же выходит, не кончив курса, но имея уже некоторую подготовку и некоторое развитие, словом, предположим, что в 1886 г. учебные заведения обогатили Россию 55 тысячами людей, вкусивших образование выше элементарного. Что значат эти тысячи людей? Это значит по 2,9 таких образованных человека на 1000 кв. верст, это значит 0,5 человека на тысячу жителей. Так как в России насчитывается 55 271 «населенное место», то на каждое придется химически малая доля образованного человека (0,1). Если взять одни лишь города, где преимущественно и теснится образованная публика, то и в этом случае придется на 1000 городских жителей по 4 «образованных» человека в год. Словом, контингент этих людей, ежегодно выпускаемых учебными заведениями — средними, высшими, специальными, тонет в необъятных пространствах обширнейшей в свете империи, как

горсточка песку в стоячем болоте, не возмущая глубины. и оставляя лишь кое-какую пену на поверхности...

За этими образованными и полуобразованными людьми идет народная масса, из которой только одна пятая получила образование в школах грамоты, школах церковно-приходских и т. д., а четыре пятых так и остаются в темноте, составляя более темный фон общей картины. <...> Чем большей подготовки от читателя требует данная книга, естественно, тем меньше читателей она себе находит, на этом основании специальные сочинения в очень малом ходу в общественных библиотеках. С другой стороны, на спрос такой-то книги влияет, так сказать, отношение этой книги к запросам, которые предъявляет читатель к родимой действительности; не без такого влияния в течение последних десяти лет уменьшился, например, спрос на книги по общественным наукам, который возрос лишь после 1891—1892 гг. Но есть и такие книги, которые, напротив, отрывают, так сказать, читателя от земли в данный исторический момент, становятся особенно по вкусу читателям того темперамента, который наиболее приспособляется к господствующим течениям жизни. Этим, быть может, объясняются кое-какие успехи, сделанные за последние годы в некоторых кругах русского общества метафизической философией, пришедшейся столько по вкусу некоторым его элементам и давшей философское оправдание далеко не философскому бытию. Словом сказать, между книгами, с одной стороны, и читателями с другой, происходит своего рода естественный подбор; каждый отдел каталога притягивает к себе одних читателей, отталкивает других, и обратно, каждый читатель притягивает к себе одни книги, отталкивает другие: это притяжение и отталкивание у одних субъектов проявляется очень резко и определенно, у других почти незаметно, скрывается где-то в глубине... В конце концов борьба читательских вкусов за удовлетворение, нередко неуловимая и трудно поддающаяся анализу, все-таки оказывает свое влияние на выбор книг, выражающийся в цифрах. <...>

В последние годы кое-где книги по естественным наукам стали требоваться больше, так как повысился спрос на книги по сельскому хозяйству, которые нередко в библиотечных каталогах отнесены к этому отделу. Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса. Не счастливится также и наукам общественным и правоведению. Последнее фигурирует больше в качестве справочных книг, а первые до последнего времени понемногу отступали все более и более на задний план. <...>

Книгам из отдела наук политико-социальных больше других не счастливится среди русских читателей. В этом нельзя не ви-

деть некоторых особенностей русского читающего интеллигента. Он как-то привык относиться к окружающей жизни, если так можно выразиться, как бы с одной стороны: то он интересуется вопросами этическими, а все прочие не ставит ни во что, то интересуется вопросами экономическими, и тогда вопросов политических уже почти не признает. Такое хождение вокруг да около, такие односторонние поиски «начала всех начал» — одна из характерных особенностей русского читающего интеллигента, стремящегося отыскать «истинный корень вещей». Такого рода «ищущие» — явление пока довольно редкое в читательской среде, особенно в области общественных наук. В некоторых библиотеках даже книги по философии в большем ходу, чем по общественным наукам. <...>

Богословские книги у русских культурных читателей в ходу менее всех остальных. В известной нам частной библиотеке в течение года при 45 000 выдач всего-навсего было выдано 12 книг богословского отдела, в том числе соч. Фаррара, Робертсона, Ольденбурга («Будда»), Вашингтона Ирвинга («Магомет»), поучения Родиона Путятина и творения монаха Митрофана. Последние 2 книги были взяты первая рабочим, другая прислугой одной подписчицы. Несколько лет тому назад офицерские библиотеки получили предписания выписать духовные журналы. Из этих журналов в известной нам офицерской библиотеке в течение двух лет *ни один* номер не нашел себе читателя. Интересно, что к богословским книжкам русская культурная публика относится довольно ровно во всех городах, колеблясь в пределах от 0,0 до 0,5 книжки на каждого подписчика. <...>

VII
ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ

<...> Если всмотреться в длинные списки требований, помещаемые в отчетах некоторых библиотек и расположить авторов по категориям, то оказывается, что больше всего требуются те научные книги, *которые нужны учащим или учащимся:* учебники, пособия. <...>

Рассмотрение отчетов общественных библиотек показывает нам, что главные потребители научного отдела книг — учащие и учащиеся. Где больше этих читателей, там в большем ходу и научные книги. <...> Так как наибольший процент научных книг, взятых из библиотеки, приходится на учащуюся молодежь, то естественный вывод отсюда, что библиотеки должны несколько специализироваться, чтобы научные отделы могли служить, прежде всего, тем читателям, которым они нужны, библиотеки должны оказывать учащимся какое только возможно содействие и по отношению к выбору книг и по отношению к облегчению пользования ими, а для этого должно уменьшать плату, заме-

нять залог поручительством известных библиотеке лиц и т. п. Так как воспитанники среднеучебных заведений в настоящее время ограничены в выборе книг «Опытом каталога для библиотек среднеучебных заведений», то библиотеки должны постараться завести у себя, по крайней мере, книги по этому каталогу, затем объявить по всем учебным заведениям данного города о своем согласии отпускать книги учащимся на льготных условиях, к тому же книги, указанные гг. преподавателями. Этим существующие постановления не нарушатся, а учащиеся сразу получат доступ к книгохранилищам гораздо большим, чем жалкие школьные библиотеки, на которые раздаются жалобы из разных официальных и неофициальных мест... Для учащихся общественная или частная библиотека должна завести особый разряд подписки, установив минимальную плату для него. Она должна сконцентрировать вокруг себя и учащихся; она должна привлечь последних к *активному* участию в лучшей постановке внеклассного чтения учащихся. При общественных библиотеках должны возникнуть педагогические кружки из учителей и учительниц, которые, несомненно, внесут оживление в самое библиотечное дело. Это дело — несомненно дело живое. Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль. <...>

Некоторые иностранные авторы читаются гораздо больше, чем известные русские писатели. Русский человек, знающий литературу, будет удивлен такого рода сюрпризами. В 1883 г. в Нижегородской библиотеке Эмар читался почти в полтора раза больше Щедрина, Террайль в 1,34 раза больше Печерского, Монтепен больше Островского, Гоголя, Некрасова, Григоровича, Пушкина, Гончарова, Добролюбова (65) и Решетникова (64), почти в 3 раза больше Лермонтова и почти в 5 раз больше Жуковского. В отчете той же библиотеки за 1884 г. на первом месте стоит Достоевский (547), на втором — Террайль (392), тогда же Габорио читали больше, чем Аксакова, а Поль де Кока — больше А. Толстого, М. Вовчка, Грибоедова, Кольцова. Такое распределение читательских требований можно видеть и на требовании журналов: «органы», поставлявшие переводную дребедень, далеко оставляют за собою органы серьезные. <...>

Скажем теперь несколько слов о типах читателей беллетристических произведений. Читатель этот пестрый, гораздо пестрее читателя научных книг: беллетристика притягивает к себе всевозможных представителей человечества, всех рангов и положений. Читатели довольно резко группируются одни около беллетристики переводной, другие около беллетристики оригинальной. К главным потребителям переводной беллетристики принадлежат, во-первых, те, кто только что привыкает к «толстой» книге, — торговцы, лавочники, конторщики, купцы, вообще те, кто получил в лучшем случае образование в начальной школе, кто не требует от книги ничего, кроме развлечения. Эти люди ищут

в книге «приключений с героями», именно с героями, ни с кем другим. Такие читатели не редкость в любой библиотеке. Они приходят обыкновенно по праздникам или в будни по утрам и долго роются в каталоге, ищут заглавий пострашнее и позамысловатее («Полны руки роз, золота и крови», «С брачной постели на эшафот», «Три рода любви» и т. п.); они спрашивают одну книгу за другою, перелистывают ее, смотрят начало и конец — трагическая ли там развязка, смотрят, легок ли язык книги — много ли «черточек» (книги в разговорной форме предпочитаются). Если на какой-либо странице попадется описание какого-либо «раздирательного» события — выстрел, кровь и т. п., если черточек много — читатель берет книгу для прочтения. Одна из особенностей таких читателей — частый обмен книг. Они приходят в библиотеку чуть ли не ежедневно и берут многотомные романы — Террайля («Рокамболь», «Молодость Генриха IV»), Борна (различные «тайны»), Дюма... На вопрос, как они успевают проглатывать так скоро такие большие книги — они отвечают: «а так-с, мы скучные места пропускаем». — А если вы чего не поймете? — «Тогда прочтем и скучные места!» Но так как романы Монтепена, Борна и т. п. особенных усилий мысли не требуют, то, читая с пропусками, читатель только приносит себе пользу, изощряет сообразительность, догадываясь, что написано в пропущенных им местах. Было бы большой ошибкой относиться к таким читателям только отрицательно и смотреть на такое их чтение как на зловредное препровождение времени. «Сногсшибательные» романы занимают свое место в читательской системе; они влекут к книге тех, кто без них, вероятно, и не пошел бы, и, что еще важнее, они находят в голове таких читателей совершенно особый мирок, и образы из этих романов сталкиваются там с образами своеобразными, унаследованными от предков, и из столкновений этих образов получается результат далеко не такой, как, может быть, думают культурные люди, строгие судьи таких читателей... Вот что рассказывает о себе один читатель, сам вышедший из народа, сам прошедший школу такого читательства, небезызвестный в литературе В. И. Савихин: «Стал я чуть не каждый день бегать в библиотеку за книгами, читал их не переводя духа, жег за свечкой свечку, и времени у меня мало стало... Выбором книг, конечно, руководил я сам, и выбирал я, что привелось по заголовку. Были прочитаны: «Ледяной дом», «Таинственный монах» («Интересно и справедливо!»), Поль де Кока «Мусташ», «Сестра Анна», еще что-то («Смешно и зазорно»), «Граф Монте-Кристо» («Захватывающий интерес!»), «Собор Парижской Богоматери» («Сказочного рода письмо, но интересно!»), «Три мушкетера», «Всадник без головы», «Охотники за черепами», «Тайны мадридского двора». Вот это штука! Какой простор, какой полет мысли по этому кипучему морю человеческой деятельности! Какая жизнь! Людей сколько, борьбы... Хорошо! Сижу я на дощатом помосте в своем уютном углу и при

свете свечи созерцаю беспредельные американские прерии, горы, где насыпано грудами золото, страшные толпы краснокожих... Гляжу на Испанию, на Францию. Вижу, как копошатся там графы, маркизы, короли, солдаты, поселяне — все продолжают одно общее дело, все уцепились друг за друга... Э, ребята, да вы все человеки! А ведь я-то думал: маркиз, так уж маркиз и есть, а граф, так уж граф, а выходит, просто, все человеки... Ну-ка я вас еще с подмостка-то, со свечой-то посмотрю...» Этот отрывок весьма поучителен, тем более, что он принадлежит перу человека, который шел и пришел к свету путем саморазвития с помощью книг. <...>*

Библиотека должна *показывать* читателю хорошие или лучшие книги *всех* категорий, напоминать о существовании их, а пусть выбирает и пусть идет вперед сам читатель... Наконец, прогрессивное самовоспитание читателя — факт, хорошо известный каждому заведующему библиотекой... На читателя такого рода книг библиотеки должны обратить особенное внимание. Ведь эти-то читатели, если можно так выразиться, и стоят на границе книжного влияния, которое только что начинает захватывать их в свой водоворот. <...>

Гораздо многочисленнее те читатели, которым все равно, что ни читать, только бы чтение было интересно, которые не ищут идей в книге, не проникают в нее глубже фабулы, которые спрашивают у библиотекаря «что-нибудь» и берут «что-нибудь». Эти читатели, если можно так выразиться, пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики как бог на душу положит, то сбиваются в кучу вокруг одного какого-либо автора, то идут вразброд, бродят туда и сюда, пожирая без разбора всякую травку, какая попадет в зубы. <...>

VIII

ЧИТАТЕЛЬ ИЗ НАРОДА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Факты, собранные нами в предыдущих главах, с достаточной наглядностью рисуют нашу читающую публику из классов привилегированных. Посмотрим теперь, каков читатель из классов не привилегированных, из народа.

Мы уже несколько раз имели случай упоминать об этом читателе. Мы отмечали и его стремление к библиотеке, предназначенной для «чистой публики», и поразительное бескнижие, в котором этому читателю приходится существовать. Сравнительно с его бескнижием бескнижие «культурной» публики положительно представляется светлым пятном. Мы видели, что на одного читателя из привилегированных классов приходится около двух названий вновь выходящих книг в течение года, или около 5 экз. Судя по цифрам, которые мы извлекаем из «Ежегодника, или Обзора книг для народного чтения» (изд. Московского ко-

митета грамотности), в 1893 г. вышло для народа всего 859 названий книг, в том числе больше половины (467) лубочных. Весьма возможно, что цифра эта ниже действительности, так как составители «Ежегодника», при всей их добросовестности, могли пропустить кое-какие книжки. Увеличим вышеприведенные цифры в полтора раза и сопоставим их с числом грамотеев, которое можно предположить в составе русского народа (около 23%). Из этого сопоставления оказывается, что на тысячу человек грамотеев приходится около 0,065 названий, или около 65 названий на миллион. Цифра эта немногим преобразуется в лучшую сторону, если даже к народным книжкам прибавить и всю беллетристику, все духовные книги и пр. По статистическим сведениям г. Л. Павленкова, в 1893 г. вышло дешевых и народных изданий 440 названий и 3 464 490 экз., а вместе с беллетристическими и духовными 2351 название и 11 016 528 экз. Это составит почти *одно* название на тысячу грамотеев или менее пол-экземпляра на 1 человека. Перед этими цифрами бескнижие читающей публики оказывается светлым пятном даже в том случае, если мы в наших вычислениях ошиблись в 2, 3 и даже 4 раза.

Еще печальнее цифры, характеризующие количество народных библиотек и читален. На 23 миллиона читателей вряд ли приходится в настоящее время и сотня бесплатных читален и библиотек, да и те помещаются, в большинстве случаев, в городах. Что касается до прочих «населенных мест», которых насчитывается по сведениям 1890 г. в одной Европейской России 485 462, то обретающиеся там грамотеи и в лучшем случае принуждены довольствоваться библиотеками школьными. Но так как число школ на Руси не достигает в настоящее время и 50 000 и распределены они далеко не равномерно, то отсюда следует, что в огромнейшем большинстве случаев жители деревень лишены каких-либо библиотек. <...>

В последние годы торговля дешевыми или, как их обыкновенно называют, народными изданиями значительно оживилась. Выступили на сцену новые издатели, стало появляться больше хороших книжек. Если сравнить торговлю этими книгами прежде и теперь — значительное ее развитие станет несомненным.

Это оживление торговли дешевыми народными книгами, несомненно, показывает, что спрос на книгу сравнительно с прошлым увеличился, и увеличился именно в тех слоях населения, которым не по достатку книжки дорогие. Раскупает дешевые книжки деревня; раскупает их рабочее, трудовое население городов. Уже по одному развитию торговли дешевыми книгами можно предположить, что где-то «в глубине России», быть может, даже там, где «царит немая тишина», нарождается и нарастает *читатель*. Этот же факт подтверждается, как мы видели, и статистикой общественных библиотек.

Да, читатель нарастает. Правда, это нарастание совершается очень медленно, кое-где так медленно, что иные могут прийти

от этой медленности в отчаяние, и все будут желать лучшего... Тем не менее нарастание читателя совершается неизменно и непрерывно.

Все это давно было замечено и отмечено, и об этом совершенно излишне здесь говорить. Грамотность вызывает стремление к книге; спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности. Как результат этого спроса (и, в свою очередь, отчасти как причина его) является масса дешевых изданий на книжном рынке.

Знаниями, заключающимися в этих изданиях, плохо ли, хорошо ли, но многие тысячи деревенских грамотеев пополняют, или, вернее, *могли бы* пополнять те сведения, какие вынесены ими из школы.

На рынке имеются книги очень разнообразного содержания, как по беллетристике, так и по разным наукам. <...> За последнее же время народная литература, разумеется, не без влияния самого народа, получила даже особенное развитие.

Книжек появилось много — и беллетристических и научных; многие книжки, в появлении на свет которых принимала участие интеллигенция, очень не дурны, иные превосходны. Но, присматриваясь ко всей массе этих «интеллигентных» книжек, нельзя не заметить некоторого весьма своеобразного отношения их творцов к своему делу.

Прежде всего, по отношению к книжкам беллетристического содержания до сих пор упорно держится и отражается на деле специально русский взгляд, о котором мы сказали выше, именно, что для народа должна существовать *особая* литература, упрощенная, потому что эстетические и всякие другие тонкости народу не доступны. При этом, разумеется, забывают, что, как показал кружок Х. Д. Алчевской *, произведения лучших наших авторов понимаются и находят прекрасный прием в деревне; что те же сочинения не всем бывают понятны и в среде так называемых «чистых господ»; что привычка читать всякие книги приобретается крайне быстро, если только экономические и всякие другие обстоятельства откроют доступ к книге.

Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблуждение, столь распространенное даже среди несомненно доброжелательных для народа людей. Очень решительно и определенно высказывается по этому поводу в своем обстоятельном ответе на «Опыт программы» * один читатель из народа: «В литературе для общества попадаются часто скучные и даже глупые, ей-богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мещанину. Ну что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Не бросите ли вы ее, не дочитавши? Так и нам: попадется скучная книга — прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, пред-

назначенных для общества. Нет, народу нужны *не народные книги, а дешевые,* потому что он *бедняк, а не дурак».* <...>

Другое, не менее важное заблуждение относительно народной литературы заключается в том, что литература эта смешивается нередко с литературой детской, одни и те же книги помещаются в общую рубрику книг «для детского и народного чтения». Никто бы против этого не возражал, если бы здесь речь шла о таких книгах для взрослых, которые прочтутся с пользой и удовольствием и детьми; нет, приверженцы этого взгляда как бы приравнивают ум мужика к уму ребенка, совершенно забывая разницу между сложившимся мировоззрением мужика и неокрепшими суждениями ребенка, и пичкают на этом основании деревенского читателя азбучными истинами, облеченными в детские формы.

Быть может, из этого взгляда вытекает третья особенность «особой» литературы для народа; утверждают, что народ наш любит поучения и назидания и так верит им, что до него, до этого наивного, детски простодушного мужика, одного рода поучения допускать можно и должно, а от других следует его ограждать китайской стеной, как будто он без книжек сам ни до чего не додумается. Этот взгляд даже лежит в основе издательской деятельности нескольких довольно крупных фирм, сводящих всю свою работу к какому-то натиранию очков. В этом отношении особенно грешат книжки по русской истории.

Мы в другом месте имели уже случай иллюстрировать примерами все особенности таких взглядов, поскольку они отражаются на книжках. Присматриваясь к ним и делая вместе с тем небольшую экскурсию в область истории, вы не без удивления замечаете в этом «учении об особой литературе для народа» нечто старое, нечто знакомое: вам вспоминается еще не истершееся из памяти народной разделение людей на «белую кость» и «черную кость». Переживание старых воззрений еще удерживается в области литературы. Белой кости доступны и наука, и искусство, все тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена — это нечто невежественное, грубое, без образования, неспособное подняться до отвлеченных суждений. Черной кости нужно все «разжевать, да в рот положить, да смотреть, как бы не подавилась, глотая». Слушая рассуждения об «особой литературе», спрашиваешь себя: что это — трактование ли деревенских читателей свысока или незнание их? Сравните, как говорит со своими читателями автор Никольского рынка *: его разговор — разговор равного с равным; как ни плохи его произведения, но вы не найдете в них этих маскированных третирований свысока, этого квасного поучительного тона, какой претит читателю. Посмотрите теперь на какую-нибудь книжку изданий «Общества распространения полезных книг» *; как часто из-за этой книжки рисуется вам образ элегантной столичной барыни и «барина в шляпе», который считает себя вправе читать мораль на тему «Thue nichts

böses»[1]. Читатель из «черной кости» прекрасно чувствует этот поучительный тон и, наученный горьким опытом, относится к нему с недоверием. «Все нашего брата учат», — насмешливо выразился один рабочий, ученик воскресной школы, возвращая учительнице какую-то поучительную книжку. <...>

Возьмем теперь книжки научного содержания. Присматриваясь к ним, вы тоже замечаете своеобразные особенности в популяризации знания. Несомненно, учение об особой *научной* литературе для народа, т. е. для людей, получивших лишь начальное образование или не получивших никакого, имеет за себя очень много данных. Польза, которую получает какой-либо читатель от той или иной популярной книжки, обусловлена запасом фактического, систематизированного материала, имеющегося в его голове; запас этот в голове мужика необходимо носит отпечаток односторонности, однообразия и, кроме того, относительно беднее, чем запас этот в голове «культурного» читателя. Вести популяризацию во всем блеске стройной научной теории поэтому самому здесь не всегда возможно — нужно справиться с особенностями мировоззрения читателя. Если изучение этого последнего далеко не бесполезно для беллетриста, так для популяризатора оно положительно необходимо. Просматривая существующую популярно-научную литературу, подчас просто поражаешься, как неумело авторы принимаются за свое дело, как мало знают они и тех людей, кому говорят, и условия жизни, в какие поставлены эти люди. <...>

На мировоззрение читателя кладет глубокий отпечаток сама жизнь, те условия, в которых этому читателю приходится стоять, условия экономические, социальные и пр. Со всеми ими необходимо более или менее считаться, вступая в борьбу с мнениями и заблуждениями, которые укоренялись в течение веков. Вот еще примеры, несколько в ином роде, рисующие нежелание авторов обратить внимание на некоторые особенности жизни своих читателей. Очень многие книжки по сельскому хозяйству написаны «для крестьян вообще», без указания местности, какую имел в виду автор. Вследствие этого выходит то, что и хорошие книжки для массы читателей пользы не приносят. Экономические условия нельзя не принимать в расчет при составлении книжек по сельскому хозяйству. Пришлось как-то летом мне беседовать с одним очень умным мужиком деревни Б., близ Ораниенбаума, о «Беседах по земледелию» Котельникова. О книжках был дан отзыв прекрасный; видно было, что многие явления в жизни растений эта книжка читателю уяснила. Он толково рассказал мне о значении фосфорной кислоты в питании растений, о поглощающей способности почвы и т. д. Но когда речь зашла о применении добытых знаний, Иван Максимович сказал: «Хорошо это все, только не про нас — не по нашим местам. У нас как тут сеять

---

[1] «Не делай ничего плохого» (*нем.*).

траву? Вон покос-то какой — все полосами». Второй выпуск «Бесед» уже не прельстил его. <...>

Изучение читателей из народа имеет не только огромный теоретический интерес, в смысле изучения народного мировоззрения,— оно имеет, кроме того, интерес практический. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаниями своих читателей. В одном из своих талантливых «Очерков русской жизни» Шелгунов очень метко заметил, что известный труд «Что читать народу?» заключает в себе вопрос: «... как писать для народа, как с ним говорить, как создать живую и нравственную связь с ним, как установить непосредственные отношения». «Что читать народу?» — добавим мы, вместе с тем содержит и ответ на этот вопрос; если ответ не полон,— во всяком случае, капитальный труд кружка Х. Д. Алчевской содержит много указаний словами самого народа, как писать книжки.

Если тот, кто берется за труд составления книжек для народа, не знает тех, с кем он желает беседовать,— пусть он хоть дорожит указаниями, замечаниями, мнениями этих последних и учится по ним. Эти мнения *безусловно необходимы* составителям научных книжек; эти мнения *полезны* и авторам беллетристических произведений, для создания которых первое условие — талант.

Как бы ни посмотрел кто на эту мысль, как на трюизм или как на ересь, во всяком случае, это трюизм, с которым необходимо считаться. Что касается до обвинения в ереси, то должны признаться: да, мы разделяем эту ересь и думаем, что ее разделяют с нами все, кому приходилось следить за отношением народа к книге и кому удалось познакомиться с наличностью так называемой литературы для народа.

Авторы должны знать своих читателей. Это отнюдь не значит, что они должны подлаживаться под тон народа — наоборот: потому-то некоторые и подлаживаются, что не знают своих читателей, которым это подлаживание претит и внушает недоверие.

Создание популярно-научной литературы, обнимающей всевозможные отрасли знания, в значительной степени еще дело будущего. Но оно должно стать делом русской интеллигенции. Прямо или косвенно — все желающие могут принять в этом деле участие. <...>

Просматривая длинные списки книг, найденных у крестьян в различных местностях России, прежде всего поражаешься огромным преобладанием книг религиозных. Без сомнения, эти списки говорят и о религиозности русского народа, но, разумеется у всякого явления не одна, а несколько причин, его объясняющих. Вот на эту-то мысль и наводят некоторые ответы на наш «Опыт программы». В 168 ответах, словом, почти во всех, которые содержат ответ на 78-й вопрос, говорится, что старики больше любят читать книжки духовно-нравственного содержания.

Один учитель при собирании сведений спросил у мужика, почему у них так мало книг светских. На этот вопрос тот отвечал, что они и рады бы приобретать такие книги, да не всегда могут купить, что желают,— старики не позволяют и заставляют покупать, что им, старикам, больше нравится, т. е. божественные книги. «Старики, от которых зависит приобретение книг,— продолжает автор сообщения, — убеждены, что светские книги не дают ничего хорошего, что, читая их, научишься только плохому; по их мнению, одно только божественное проливает свет. Такое мнение сложилось отчасти потому, что крестьяне, кроме дурных и часто безнравственных книг, вроде «Пана Твардовского» *, «Бовы» * и т. п., мало встречали книг хороших». <...>

Сводя все предыдущее к одному, мы видим, какое огромное (если не решающее) значение имеет для составителей народных книжек, прежде всего популярно-научных, затем книг беллетристических, изучение народа как читателя. Для авторов и издателей книг беллетристических это изучение разрешит такого рода пререкания, как пререкание об особой литературе для народа, о детском элементе в народной литературе и о поучительной миссии ее; оно же может удержать подчас от ошибок... Авторам книжек научно-популярных оно покажет, как нужно популяризировать знания в мало подготовленной массе. Нечего говорить, что сама жизнь подскажет и самые темы, за популяризацию которых должен приняться тот писатель, который своим трудом желает помочь жизни. <...>

IX
ТИПЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА

Библиотечная статистика дает так мало материалов для характеристики читателей из народа, что для ознакомления с ними мы позволяем себе употребить совершенно иной прием. Мы не будем изучать их en masse, а постараемся изучать лишь некоторых из них, постараемся познакомить с различными представителями «читающей публики из народа», именно теми, которые, по нашему мнению, заслуживают особенного внимания в том или ином отношении. Читатели из народа так мало известны, что такое знакомство, думается нам, представляет значительный интерес.

Каковы читатели из народа? Ответы на этот вопрос крайне сбивчивы и неопределенны. Одним читатель из народа рисуется в виде гоголевского Петрушки, другим в образе гончаровского слуги, третьим в образе седовласого, угрюмого начетчика, зараженного расколом, и т. д. Таков ли этот читатель на самом деле? Тщательное изучение и сравнение читателя из привилегированных классов и читателя из народа прежде всего показывает, что первый не так уж хорош, а второй не так уж плох.

Все читатели, к какому бы классу общества они ни принадлежали, на какой бы ступени развития ни стояли, интересны посвоему. Между читателями «культурными» и читателями «из народа», как мы видели, есть разница, но и немало черточек сходства. Петрушки и гончаровские слуги встречаются и среди «чистых господ». Нам лично приходилось быть свидетелем, как «чистая публика» выбирает книжку по объему, по формату, по количеству «черточек» (тех самых, которые ставятся в начале красной строки, в разговорах: «черточки» эти — термин); иные спрашивают романы непременно такие, чтобы «порок не торжествовал». Одна девица настоятельно излагала даже целый рецепт романа, какой ей требуется, и чтобы он непременно кончался свадьбой. Это факт. Другие предъявляют рецепты иного рода. У массы подписчиков в таком же ходу «Рокамболь» — т. е. бесконечная серия антиестественных романов Понсон дю Террайля, Ксавье де Монтепена, сказания об индейцах и пр., и пр., как в народе «Английский милорд». Правда, здесь, в городских библиотеках вы не встретите Бовы, Еруслана и др., но зато есть такие же традиционные симпатии к Дюма, особенно к его «Трем мушкетерам», «Графу Монте-Кристо», к «Сыну тайны» П. Феваля, к разным «Тайнам» и «Сыщикам Лекокам» и др. Кто читает эти романы? Читают их купцы, чиновники, их чада и домочадцы, затем приказчики в разных торговых заведениях. Все это читатели «не из народа», если можно так выразиться. Присматриваясь к их отношению к книге, разговаривая с ними, вы встретите здесь очень большое разнообразие, которое наблюдается и в народной среде. Читатели везде бывают всякие. Одни схватывают только содержание, фабулу данного литературного произведения, другие уже вникают в отношения действующих лиц, третьи усваивают идею, четвертые способны к критическому отношению к этой идее и т. д. Присматриваясь к так называемым читателям из народа, деревенским, фабричным, в сущности, вы находите те же самые градации. <...>

Оставляя пока в стороне читателей мало подготовленных, мы познакомимся теперь с читателями другого рода, которых можно бы назвать *современными начетчиками,* которые, нужно сознаться, имеют не много общего с начетчиками минувшего. На первых не лежит уже библейско-схоластического отпечатка вторых; у них иные интересы, иные стремления, иные отношения к окружающему. Знакомство с ними крайне интересно. Оно не только дает материалы для решения вопросов, поставленных в предыдущей главе, но и открывает некоторые стороны процесса нарастания читателей. Те читатели, с которыми мы сейчас познакомим, почти всем своим богатством знаний обязаны книге. Правда, некоторые из них обучались в начальной школе, но каждый, кто с ними познакомится, хотя бы по тем обстоятельным ответам, которые они прислали мне на «Опыт программы», увидит, что очень многим они обязаны книге, своей любви к чтению.

Все они любознательны. Книга их привлекает; они ловят всякую печатную строку, начиная с клочка газеты и кончая какой-нибудь «Гисторией о падении Трои», изданием 1754 г., купленным случайно на базаре. Все попадающиеся под руку книги поглощаются без всякого разбора; все они оставляют в способной голове какие-либо следы, отрывки, намеки, которые своеобразно перерабатываются, дополняются. Мало-помалу читатель становится книжным человеком; мировоззрение его расширяется; он чувствует свое преимущество в этом отношении над другими сверстниками, односельчанами; уважение, какое крестьяне питают к книге, помогает обаянию книжного человека. Его влияние на окружающих устанавливается само собою и само собой уже возрастает: читатель становится умственным центром, из которого исходит влияние на других. Любовь к чтению, так сказать, индуцируется; эта индукция происходит, незнаемая, в разных уголках России, даже самых глухих. Так нарастает интеллигенция из народа, которая, несомненно, способна понимать интеллигентных представителей из других общественных слоев.

Весьма интересно, хоть издали, хоть одним глазком, взглянуть на этот процесс образования и нарастания читателя. Изучение этого процесса покажет, какое значение может иметь в умственном развитии народа работа интеллигенции в области народного образования вообще и над книгой для народа в частности; ниже будет идти речь об *избранных;* работа интеллигенции над расширением внешкольного образования и над созданием общедоступной книги, несущей в народ науку, знание и понимание различных областей мира, жизни и мысли, должна открыть дорогу для *всех.* <...>

Большинство хочет читать ту книгу, которая со временем может дать пользу в жизни, где есть много доказательств, которые встречаются и при наших глазах: «Раз если ты ее прочитаешь, то будешь иметь в опасном деле предосторожность. Но есть и такие желатели чтения, чтобы только посмеяться. Для того едва ли подействует и полезная цель». <...>

X
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИЗ НАРОДА

Что результаты этой работы, внутренней, глубокой, быть может, заложенной на той же глубине, как работа мысли религиозной,— о которой мы знаем из истории русского рационализма,— что результаты ее, говорим мы, уже определяются,— это несомненно. Не только то интересно и важно, что предъявляются запросы *на* книжку, запросы на чтение вообще, но то, что предъявляются известные требования *к* книжке. Все более и более понимается ее значение.

Говоря так, мы имеем в виду не духовно нравственную книгу, ореол которой создан веками. Мы говорим о книге *светского содержания.* Требования чего-то лучшего, более внушительного, чем копеечная литература, раздаются из разных мест. В ответах на «Опыт программы» почти во всех констатируется это повышение уровня требований. Так, из Смоленской губ. нам пишут, со слов офени-книгоноши, что «народ ноне на книги стал разборчивее». Даже из далекого Сургута сообщают, что маленькие книжки не удовлетворяют взрослого читателя. «Мне приходилось слышать не раз от взрослых читателей, что «мы-де не дети, чтобы читать сказки. Мы можем читать и романы». Одною занимательностью книжки не удовлетворяются. Многие светские книжки, которые «пустое пишут», крестьяне называют *побасенками.* Нам сообщают даже о делении литераторов на «писателей» (кто «хорошее пишет») и «сочинителей» (кто «зря болтает») и деление литературы на «божественное» и на «сказки» или «басни». Басни — это так, пустяки, забава; они не нравятся, их не любят, о них говорят, что из них ничего вынести нельзя. Но только что они поймут, что и в басне содержится правда, нравоучение и т. п., тогда и басни начинают нравиться, их любят и читают. «Вначале, до чтения с туманными картинами,— пишет учительница Петергофского уезда В. Т. Добрынина,— к басням крестьяне относились презрительно; у них даже есть особое слово «побасенки», которым они клеймят всякие пустые разговоры и чтения. Но с тех пор, как читались и объяснялись басни на чтениях с туманными картинами, крестьяне стали смотреть на них совсем иначе, слушают с большим интересом и считают полезным и поучительным чтением. Во всяком случае, взгляд на басни изменился». Тот же процесс совершается и по отношению к другим беллетристическим произведениям и иным книгам. Если книга ничего не дает, она — «пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаньем нервов, как делает это публика столичная. Она требует от книги *пользы.*

О поднятии уровня требований к книге свидетельствуют в своих письмах и ответах на «Опыт программы» и самоучки-писатели и деятели на почве народного образования, выдвинувшиеся из народной массы, представители *народной* интеллигенции, о которых сейчас будет идти речь.

Это тоже читатели из народа, тоже люди, обязанные многим книге, которая заменила им или значительно дополнила школу. Вместе с тем это люди, не ушедшие из своей среды. Они живут в деревне, занимаются земледелием, исполняют все то, что и другие их односельчане, но вместе с тем они сознательно пользуются таким орудием, как грамотность и знания, заключающиеся в книге; одни из них занимаются литературным трудом, другие действуют, устраивая библиотеки, становясь учителями в школах, ими самими основываемых, делаясь добровольными лекторами и т. д. <...>

XI
ЧИТАТЕЛИ ИЗ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Оставим теперь деревню и перейдем на фабрику. При всем различии условий жизни деревенских и фабричных, мы и на фабрике видим то же самое явление, что и в деревне. Мы видим тот же процесс, логический и необходимый, *самонарастания* читателя, процесс, крайне медленный и трудный, встречающий на пути столько различных затруднений, совладать с которыми могут далеко не все, по крайней мере, в настоящее время, когда работа по созданию средств к образованию внешкольному только что начата интеллигенцией. Мы и здесь видим, как грамотность неизбежным образом плодит стремление к книге; одна книга зовет к другой; чтение образует своего рода начетчиков, которые становятся маленькими центрами просвещения, каждый в своей среде. Из *читателей,* в известных случаях, вырабатываются и *писатели,* которые несут с собой и в себе все достоинства и недостатки такой системы, или, вернее, способа образования. Правда, не одной только книге они бывают обязаны этим образованием, но нельзя отрицать и той важной роли, которую играет в их судьбе книга. Образование заменяется начитанностью. Любознательный человек приобретает привычку читать очень быстро. В конце концов, граница между «читателем из народа» и читателем из «чистой публики» стушевывается само собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко, к тому же такой тип, для которого «особая литература» не только не нужна, но и вредна.

Фабричные читатели далеко не одно и то же, что деревенские, потому что и условия жизни, и амплитуда ее на фабрике — совершенно иные. Условия жизни так значительно отражаются на том, что и как читает народ, что последний вопрос нельзя изучать, не касаясь и не изучая первых. Напряжение в фабричной жизни равномернее распределено в году, чем в деревенской; первая требует больше подвижности, она менее консервативна; она несравненно более пропитана духом городской «цивилизации», со всеми ее сторонами — темными и светлыми. На фабрике время года отзывается на чтении книг гораздо меньше: деревня в страдную пору не читает; фабричные и летом, после окончания работ, после «звонка», берутся нередко за книжки. Мужику во время работ не до чтения; фабричного нередко можно увидеть с книжкою и у машины. Это чтение под стук и грохот машин заключает в себе нечто трогательное.

Много различий вы замечаете и в выборе книг для чтения. Религиозные книги на фабрике не в таком ходу, как в деревне; пост не так резко отражается на чтении. Читателям фабричным более любы книги светские. Весьма возможно, что это различие в выборе книг можно рассматривать как продукт различия в

условиях жизни и в близости к природе. Мужик, если так можно выразиться, стоит ближе к сырой, необработанной, менее зависимой от него природе, в которой величие и бесконечность виднее, и внушаемое ими религиозное чувство сильнее. Фабричный далек от этой природы, в его руках — покоренные, регламентированные, так сказать, силы природы; в машинах виднее могущество человеческого ума, мощь гения, изобретательности; фабричный сам господин машины, и сознание *этого* господства заставляет нередко забывать, что эта самая машина подчиняет его владельцу машин. Не в этом ли различии отношений к природе и лежит объяснение малой распространенности среди фабричных духовно-нравственных книг?

Среди фабричных в большом ходу толстые книги. «Стремление к чтению,— пишет нам один фабричный из одной глухой фабрики в Московской губернии, — сильное, но любят читать больше романы и повести, как лубочные, так и не лубочные». Из Онеги пишут: «Против города по ту сторону реки — завод. В рабочей казарме, когда большинство из рабочих проживало там, вследствие неудобства переправы через реку, читаются рабочими совместно сочинения Майна Рида, Эмара, Жюля Верна, Купера, Вальтера Скотта, разные издания Е. Ахматовой и т. п. Книги эти достают из библиотеки при городском училище». Из Ленвы: «Время года, в которое более или менее читают здешние рабочие, точно определить трудно, потому что круглый год они одинаково заняты работами». «Совместные чтения не редкость, особенно между молодежью». В списке книг, приложенном к этому сообщению, находим массу романов вроде таких: «Графиня де Маден», «Рыцарь Родриг», «Дар слова», «Американские степи». Из Губахинских каменноугольных копей: «Рабочие предпочитают светские книги, так что и больше и покупают на свой счет... Берут романы, больше переводные, из конторской библиотеки». «Не так живи, как хочется» Островского понравилось на любительском спектакле только некоторым, между тем как смешные водевили понравились всем без исключения. Вообще большинство здесь предпочитает такие книги, в которых описываются необыкновенные приключения» и т. д.

Но есть и такие читатели из фабричных рабочих, и их не так уж мало, как можно думать, которые исключительно читают книги, изданные для «культурных слоев». Из нескольких фабричных центров нам пишут, что читатели-рабочие покупают и интересуются такими книгами, как сочинения Щедрина, Диккенса, Теккерея, «Очерки из всемирной истории» проф. Петрова, «Русская история» Костомарова и Трачевского, труды Дарвина, Тимирязева («Жизнь растений»), и многими другими. Мы выписываем эти имена на память. Но можно бы было составить длинный список таких книг, которые находят в рабочей среде прием не менее радушный, чем в среде «чистой публики». Разница между двумя группами читателей, между прочим, и в том, что первая

больше *читает* и больше *вникает* в книгу, как в новый неведомый и светлый мир, а вторая больше просматривает ее, как нечто давным-давно известное, хотя бы и понаслышке. Во всяком случае, взгляд на фабричного читателя давно уже пора коренным образом изменить. Читатель этот вырос и продолжает расти с каждым днем.

Сообщения, имеющиеся в наших руках, позволяют сделать этот общий вывод и могут служить некоторыми иллюстрациями чтения на фабриках. Вряд ли можно сомневаться в том, что стремление к свету и знанию среди фабричных сильнее, чем среди крестьян. У нас под руками имеются в высшей степени интересные письменные ответы нескольких фабричных на предложенный им вопрос: что им интереснее было бы знать? «Я желал бы изучить геометрическое правило,— пишет один,— потому что я человек мастеровой, а для человека мастерового геометрия вообще требуется. Но меня не особенно интересует чтение о природе небесных тел. Хотя оно и интересно слушать это чтение, как все это создано премудро, но все-таки нам об этом не так требуется знать, как понятие о геометрии». Другой, напротив, пишет: «Иногда, всматриваясь в чистый небосклон, усеянный миллионами звезд, какие чувства охватывают мою душу! Какое-то наслаждение чувствуешь, рассматривая его, и желание узнать, охватить все!..» <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История последних лет выдвинула вперед дело святое и великое и показала во всей ширине и глубине всем и каждому, сколько добра и света могут внести все желающие в общую сокровищницу народного образования и развития и какими разнообразными путями могут идти к общей цели работники.

Образование народа и его развитие, подъем его теоретической и творческой мысли, его сознательного отношения к окружающей действительности — одна из величайших задач нашего времени. <...>Великое дело требует многих работников, которых если и немало, то нужно еще во много раз больше, которые если и энергичны, то нужны еще более энергичные. Факты, собранные в нашей книжке, надеемся, обрисовывают с достаточной наглядностью нашу читающую публику, как из классов привилегированных, так и из народа. Из этих фактов видно, что если первая не так уж хороша, как это, быть может, кажется, так и вторая не так уж плоха, как, может быть, о ней думают. В той и другой есть положительные качества, которым нельзя не пожелать всякого развития, и качества отрицательные, с которыми желательна самая горячая, упорная борьба. Работников мало. Книг мало. Это неопровержимые факты. Но не так еще мало работников, как мало единения между ними. Не так мало книг, хороших книг, как медленно обращение их в обществе, в народе. Предыдущие страницы достаточно иллюстрировали эти общие положения, облекли их в фактический материал, позволяющий взглянуть на неприглядную действительность, какова она есть. Из них видно, до какой степени необходима дружная, сознательная, целесообразная работа, направленная на борьбу с книжным оскудением в разнообразнейших слоях общества и народа. Быстрое обращение книг — одно из самых необходимейших условий быстрого обращения идей. Русская читающая публика из привилегированных классов словно не торопится мыслить, как бы ожидая, когда наведут ее на кое-какие размышления события вроде неурожая 1891/92 гг. или подобные ему. Раздаются жалобы на дряблость нашей интеллигенции, на

бедность ее знаниями, на притупленность ее понимания. Вряд ли нужно доказывать, что в этих жалобах много есть справедливого, хотя отчасти и не самой интеллигенции в том вина. Ее вина в том, что она мало выделяет из своей среды таких элементов, которые, вместо того чтобы жаловаться на идейное оскудение, принялись бы прежде всего бороться с ним. Кипение жизни, чувства, мысли — заразительны. Жизнь вызывает жизнь. Живые элементы находят отзвук в элементах, еще не потерявших способность к жизни. А таких на Руси не тысячи, а миллионы. Общество должно создать, по примеру Западной Европы, широкую систему внешкольного образования привилегированных классов, а не только внешкольного образования народа. Первые нуждаются в такой системе не меньше, чем второй. Библиотеки и читальни занимают в этой системе одно из первых мест. Необходима дружная работа для распространения и развития библиотек, для пополнения их лучшими книгами; необходимо доводить и доводить до сведения читателя, к какому бы классу он ни принадлежал, что существуют на свете хорошие книги, что многие из них способны раскрыть перед читателем целый мир неведомых еще явлений, совершенно новых и свежих и могучих идей, стремлений, настроений, чувств. Необходимо облегчить возможно широкий доступ к этим книгам, которые нередко теперь гниют по книжным складам или покоятся на пыльных полках малодоступных библиотек.

Дружная, сознательная работа над внешкольным образованием привилегированных классов должна занять свое место рядом с работой в области народного образования. Первая работа лишь пополняет вторую. Спрос на работников по народному образованию гораздо больше, чем предложение, и усиливается с каждым годом. Их необходимо создавать. Правда, за последние 3—4 года библиотечное дело как будто бы начало здесь и там оживать. Доносятся из разных мест сведения о кое-каких светлых явлениях, об открытии и улучшении разных библиотек. Весьма возможно, что нарисованная нами картина в настоящее время не так мрачна. Но, повторяем, немногие ласточки еще не делают весны; немногие светлые явления еще не изменяют общего фона; немногие, даже очень искренние, преданные делу работники делают еще половину, четверть, сотую часть его, если не оживляют, если не одухотворяют своей работы ясным пониманием того, что всякое маленькое дело, во всяком случае, осмысливается лишь своим отношением к делу великому, близкому, дорогому, святому для всех тех, кому дорого и близко счастье родной страны.

Одна из отраслей дела или, вернее, одна из задач интеллигенции — это создание такой научно-популярной литературы, которая дополняла бы знания, полученные в начальной школе и открывала бы к этим знаниям доступ для тех, кто не удовлетворяется тем количеством знаний, какое дает школа.

К этой-то стороне или, вернее, этой отрасли дела, к созиданию научно-популярной литературы мы и желали бы привлечь работников; в ее созидании может и должен принять участие не только круг писателей — в нем могут и должны принять участие все те, кто по своему положению имеет возможность наблюдать и изучать народ как читателя, кто видит его отношения к книге, требования, предъявляемые к ней, кто слышит его отзывы о той или иной книге, о полезности или бесполезности ее, понятности или непонятности, о степени интереса, возбуждаемого ею, и т. д. Пусть до писателей доходят отзывы народа; пусть писатели по этим отзывам учатся писать.

Теперь, в заключение нашего труда, сделаем краткий обзор и сведем к одному все то, что мы старались показать выше по отношению к читателю из народа. Прежде всего, мы обратили внимание на нарастание читателя в тех слоях, которым не по достатку книжки дорогие, в крестьянстве, фабричном и рабочем населении городов и т. п. — рядом с этим мы указали печальное состояние так называемой «литературы для народа», основные взгляды на которую крайне не установились до сего дня и подчас не только странны, но даже смешны. Мы говорили затем, что составители книжек находятся как бы в темном лесу; в области беллетристики идут споры об «особой литературе», о «детских книжках для мужика», о необходимости его «поучать». В области литературы научно-популярной не менее заметно иногда даже полное незнание авторами своих читателей и условий их жизни; научно-популярные книжки пишутся иногда, как бог на душу положит и, в лучших случаях, пользуясь наблюдениями, сделанными в том или ином уголке. Не отрицая огромного значения и таких составителей книг, мы выразили мысль, что делу составления научно-популярных книжек может и должен помочь голос самого народа, к которому нужно прислушиваться и здесь, как везде, и услышать который поможет исследование отношений народа к книге, отношение разных читателей к разным книгам. Мы показали, какое значение могут иметь для составителей книжек отзывы народа о книгах, его указания, замечания, мнения; эти мнения, или, вернее, критика книг читателями из народа, *безусловно, необходима* для составителей научно-популярных книжек; эти мнения *небесполезны* авторам книжек беллетристических. Затем мы перешли к изложению задачи, поставленной нами в начале, — к ознакомлению с теми материалами, которые проливают некоторый свет на внутренний и незаметный процесс нарастания читателя, процесс, ускорить который — одна из задач интеллигенции; мы познакомили с длинным рядом читателей из народа, основываясь на их рукописях и письмах; оставляя в стороне читателей наименее подготовленных, мы остановились на тех, кого назвали современными *начетчиками,* т. е. людьми, обязанными очень многим книге, к которой они привязаны всей душой: эти люди благодаря книгам, всевозмож-

ным книгам, успели накопить в себе известный запас умственной, нет, не только умственной, а, если можно так выразиться, образовательной силы, а эта сила, раз она есть у одного человека, — сама собой, не случайно, а необходимо, передается другому, третьему, десятому, сотням, тысячам; знаменатель этой геометрической прогрессии обусловлен талантливостью и энергией личности. Эта индукция образования книжного напоминает индукцию электрическую. Можно было бы еще сравнить такого *начитанного* читателя с бродильным грибком, который и в закрытом, глухом сосуде производит брожение, и чем больше у него способностей, чем больше теплого доброжелательства к людям, тем больше результаты его *деятельности,* даже результаты одного его существования. <...>

Мы могли бы из имеющихся у нас под руками рукописных материалов, разработка которых, можно сказать, почти не начата, извлечь еще несколько примеров для характеристики народной интеллигенции, не говоря уже о материалах печатных; можно бы было привести еще длинный ряд фактов, несомненно доказывающий прогрессивное нарастание не только читателей из народа, но и народной интеллигенции, идущей на встречу, стремящейся к встрече с интеллигенцией из культурных классов, но, боясь утомлять читателя, мы остановимся и на этом, и спросим в заключение: не свидетельствует ли все, что мы изложили выше, во всей видимой разбросанности и отрывочности данных, что все это, все эти данные — *жизнь,* сама жизнь? Оттуда, отсюда, здесь, там, из дальней Онеги, из соликамской деревеньки, из холодного Сургута, из Московской губернии, и т. д., и т. д. набраны эти данные. И что они говорят! Они говорят о жизни. Самая их отрывочность жизненна. Систем в жизни не встречается... Все это говорит о жизни; десятки знаемых говорят о сотнях незнаемых, десятки замеченных о тысячах незамеченных, которых мы хотя и не знаем, но которые есть. Чтобы существовали герои, ведь нужна толпа: единицы, составляющие толпу, должны иметь в своем настроении нечто аналогичное с психической организацией героя. <...>

СРЕДИ КНИГ

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД
ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ
ЛИДИИ ТЕРЕНТЬЕВНЫ
РУБАКИНОЙ,

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТАВШЕЙ
СРЕДИ КНИГ И НАУЧИВШЕЙ
МЕНЯ ЛЮБИТЬ КНИГУ И
ВЕРИТЬ В ЕЕ НЕПРЕОБОРИМУЮ
И СВЕТЛУЮ МОЩЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящее время[1] в России ежегодно печатается около 15 000 названий книг, в количестве, превышающем шестьдесят миллионов экземпляров. Над распространением этих книг трудятся не менее 5000 книжных магазинов и лавок (не считая книжных ларей, книгонош и т. п.) и не менее 20 000[2] разного рода общественных, клубных и народных библиотек и читален, причем в это число не входят quasi-библиотеки школьные. Десятки тысяч работников стоят около книжного дела, живут *среди книг, в самом* круговороте их обращения, перед лицом десятков миллионов читателей из самых разнородных слоев населения и миллионов людей разного возраста, работающих над своим образованием и самообразованием, перед лицом быстро растущих и развивающихся потребностей умственной и общественной жизни, которая миллионами голосов вопиет о помощи и каждого русского человека властно заставляет вооружаться знаниями и развитием.

Книга — одно из самых могущественнейших орудий просвещения школьного и внешкольного и вместе с тем одно из могущественнейших орудий борьбы за истину и справедливость. Работники просвещения, стоящие около книг и трудящиеся над их распространением, относятся ли они к своей работе сознательно или полусознательно, не могут не делать и, разумеется, делают великое и необходимое дело: они служат *всенародному* развитию и *общественному* просвещению и, являясь их слугами, естественно принимают активное участие в той борьбе культурных, политических, экономических, умственных, нравственных и религиозных, научных и философских течений, которая кипит всюду вокруг.

Но одно дело принимать участие в кипучей исторической борьбе полусознательно и совсем другое дело вступить в нее, так

---

[1] Первое издание «Среди книг» вышло в 1905 г., второе издание, в котором Н. А. Рубакин повторил это предисловие, — в 1911 г. — *Сост.*

[2] В оригинале у Н. А. Рубакина явная опечатка — 20 000 тысяч. — *Сост.*

сказать, во всеоружии книжных знаний, с определенным научно-философским и общественным миросозерцанием, с определенным пониманием, зачем и куда идти и чего добиваться, и какими средствами. Каждый работник книжного дела, если только он не желает быть простой машинкой для выдачи и разноски книг, должен стремиться прежде всего к тому, чтобы относиться к своему близкому, дорогому делу сознательно, стремясь вникнуть в самые основы его и осмыслить свое отношение к работе отношением этой последней к общему миросозерцанию. Поэтому *первая и основная* задача всех тех, кто стоит около книг, заключается в выработке определенного общего миросозерцания. *Вторая их задача,* имеющая своим фундаментом первую, заключается в том, чтобы познакомиться с наличностью книжных богатств, существующих на русском языке и созданных многовековой работой науки и литературы, оригинальной и переводной. Разобраться в этой наличности, выбрать из нее все мало-мальски ценное и достойное внимания, с точки зрения общего миросозерцания — такова *третья задача,* стоящая перед лицом всех работников книжного дела. Но это еще не все. Необходимо не только познакомиться с наличностью наиболее ценных книг, но и расклассифицировать их по определенной схеме, чтобы таким способом определить те пробелы, которые существуют в русской литературе по отношению к тем или иным отраслям знания, философии и искусства. Только познакомившись с тем, что есть на книжном рынке, можно с точностью определить, чего собственно ему недостает и в какую сторону должна быть направлена деятельность всех работников, которые трудятся над созданием и изданием книг для русской читающей публики. Такова *четвертая задача,* стоящая перед лицом этих работников. Но и ею еще не заканчивается их работа: они должны, кроме того, познакомиться *с содержанием* книг, которые проходят через их руки. Но ведь познакомиться посредством чтения с десятками тысяч книг и с их содержанием — это дело в высшей степени трудное, если не невозможное. Для этого требуется время, и даже очень много времени, которого у работников обыкновенно недостает и, кроме того, требуются научные и литературные знания, которые тоже не всегда имеются налицо. Мало чем помогают этому знакомству и рецензии, в которых далеко не всегда излагается содержание книги. Кроме того, на многие книги, вышедшие 10—15 лет тому назад, нет никакой возможности найти рецензий. И тем не менее знакомство с содержанием книг все-таки необходимо для всех работников книжного дела, библиотекарей, книгопродавцев и т. д. Значит, необходимо изобрести какие-либо новые способы для того, чтобы они имели возможность знакомиться и знакомить других с тем, что дают книги, проходящие через их руки. Способы эти должны быть указаны, и работники, стоящие около книг, должны быть так или иначе ознакомлены с тем, что дает и может дать тому или иному читателю та или иная книга. Они

должны держать в своих руках *книжные знания,* или, точнее говоря, книжные источники этих знаний. Они должны знать и понимать, в какой книге найдет тот или иной читатель определенный и обстоятельный ответ на те вопросы души, которые его мучают в данное время. Заглавие книги говорит еще слишком мало. Работники, стоящие около книг, должны быть настолько хорошо знакомы с книжным содержанием, чтобы иметь возможность, в крайнем случае, указывать не только книги, но и главы, и даже страницы таких книг, где читатели найдут материал для решения интересующих их вопросов. Иметь возможность и уметь делать такого рода указания — это и значит держать в своих руках книгу как орудие борьбы за истину и справедливость. Такова *пятая задача,* которую должны разрешить работники, стоящие около книг и сознательно относящиеся к своему делу. Но и это еще не все. Приведя в известность наличный состав и содержание книжных богатств, существующих на русском языке, необходимо оценить их с точки зрения относительной трудности их понимания, их относительной популярности и доступности. И эта оценка всей наличности избранных книг необходимо должна быть сделана, так как без нее вряд ли возможна плодотворная и планомерная работа над распространением книг в самых широких кругах читающей публики с их самой разнообразной подготовкой. В этом и заключается *шестая задача,* которая тоже должна быть разрешена. Только при удовлетворительном решении всех этих задач каждый работник книжного дела действительно будет исполнять ту общественную, в высшей степени важную функцию, которую он, в сущности, и должен исполнять: распространять книги, а значит, и знание, понимание и настроение среди читателей, среди *народа,* понимая это слово в широком смысле. Библиотекарь, книгопродавец, издатель — все это *книжные двигатели.* Все они должны быть настолько знакомы и осведомлены в том, что может дать книга, чтобы на каждый запрос, предъявленный со стороны любого читателя, — «где я могу прочесть по такому-то, в данный момент интересующему меня вопросу?» — иметь возможность дать точный и определенный ответ: «на этот ваш запрос вы, человек, имеющий такую-то подготовку, можете найти желательный вам ответ в такой-то книге». Давать такие указания по всевозможным запросам, от кого бы они ни исходили и к какой бы отрасли науки и литературы ни относились, — это и значит сознательно работать над распространением лучших книг, это и значит, основываясь на требованиях *жизни,* служить, путем распространения лучших книг, и «вечной истине» и «злобе дня». Разумеется, весьма возможно, что многие запросы, идущие со стороны читателей, вовсе не могут быть удовлетворены посредством указаний на существующие книги: ведь эти последние иной раз могут быть распроданы, иных же вовсе нет и даже никогда не было на русском языке. Но коли этих необходимых книг еще не суще-

ствует, то, повинуясь тем же требованиям жизни, необходимо искать путей для их *создания*.

Таким образом, перед работниками книжного дела раскрывается еще одна весьма важная задача: пополнение книжного рынка недостающими и необходимыми книгами.

Вряд ли нужно доказывать, какое громадное значение имеет разрешение всех этих задач на практике. Разрешить их на практике — это значит вооружить всех работников, стоящих около книг, это значит одухотворить их работу теми научно-философскими и общественными идеями, которые являются достоянием нашего времени. Как известно, на книжном рынке существует теперь несколько книг и брошюр, посвященных технической стороне книжного (библиотечного и книгопродавческого) дела. К сожалению, до сих пор нет ни одной книги, которая была бы посвящена идейной стороне его. Но эта-то последняя и нуждается в особенно тщательной разработке. Книга, выпускаемая нами в свет, и представляет скромную попытку такой разработки.

В этом нашем труде мы старались не столько *разрешить* все вышенамеченные задачи, сколько *посодействовать* их разрешению, показать самую возможность разрешения этих задач, оказать посильную помощь всем работникам книжного дела, а также и всем тем, кто работает над своим образованием и самообразованием. Книга эта была задумана нами уже много лет тому назад, именно в 1890 г., когда мы впервые приступили к разработке теоретических вопросов библиотечного дела.

В основу этой книги положена идея, высказанная нами еще в 1893 г.; первоначально в докладе, читанном на одном из заседаний Спб. комитета грамотности, а затем в «Русском богатстве» (1893 г., 11, 12) и в нашей книге «Этюды о русской читающей публике». (См. с. 61—64 настоящего издания. — *Ред.*) <...>

Но одно дело — наметить теоретические основания библиотечной организации, а другое дело — осуществить их на практике. Вскоре после того, как был напечатан в «Русском богатстве» вышеупомянутый наш доклад, читанный в Комитете грамотности, мы сделали попытку составления примерного каталога общеобразовательной библиотеки по вышеизложенному плану и приступили к большой библиографической работе. С первых же шагов мы увидели, что эта попытка должна окончиться неудачей, так как *на русском языке вовсе не оказалось книг* по многим отраслям знания, в особенности же книг научно-популярных и так называемых «народных». Познакомившись с наличностью книжных богатств того времени, мы вскоре должны были прийти к убеждению, что целые отделы каталога, задуманного нами, вовсе не могут быть заполнены за неимением подходящих книг. К этому же убеждению пришел и «Отдел для содействия самообразованию», возникший около того же времени при Спб. педагогическом музее военно-учебных заведений. Этот отдел, в работах которого по составлению «Программ чтения для самообра-

зования» (кстати сказать, выходящих ныне пятым изданием) и нам приходилось принимать посильное участие, с первых же шагов тоже наткнулся на это же непреодолимое препятствие в виде недостатка популярно-научных книг на русском языке и должен был вводить в свои программы, предназначаемые для широких кругов читателей, такие книги, которые требуют от этих последних весьма значительной научной подготовки. С тем же недостатком подходящих книг пришлось считаться и Московской комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при учебном отделе Общества распространения технических знаний. Эта комиссия, по ее собственному заявлению и по вышеуказанной же причине, сама должна была приступить к издательской деятельности и положить основание своей превосходной «Библиотеке для самообразования», издаваемой под редакцией проф. П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова, А. И. Чупрова и др. через товарищество И. Д. Сытина.

Так было в 1893 и 1894 гг. С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке, — внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа. И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках. Этот нарастающий читатель начинал и к тому же усиленным темпом не только «почитывать», но и «подумывать», он даже как будто готовился к действию, то сознательно, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности целым рядом тяжелых бедствий, начиная с конца 80-х и начала 90-х гг. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до небывалых размеров книгоиздательская деятельность, не только в столицах, но и в провинции, с Ф. Ф. Павленковым и только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе. И эта интенсивная издательская работа с тех пор не прекращается и до сего времени. Разумеется, под напором напряженного спроса, возраставшего с каждым годом, русский книжный рынок за последние 12—13 лет сделался неузнаваем, как это и показывает статистика книжной печати [1]. За последние

[1] См. нашу статью «Книжный поток» («Русская мысль», 1903—1904), где мы сделали попытку разработать статистику русского книгоиздательского дела за последние 15 лет.

два года книжное дело сделало дальнейшие и очень крупные шаги вперед. Развитие русских книжных богатств не только не приостановилось, даже под давлением таких великих и всенародных бедствий, как японская война, а даже, напротив, именно во время бедствий книга и сделала (отчасти под влиянием газет) новые и крайне важные завоевания в народной среде. Ныне наблюдаемый рост общественного и народного сознания, как и следовало ожидать, отразился на русском книгоиздательстве в самую благоприятную сторону, и та библиографическая, давно задуманная работа, которая была невозможна 13 лет тому назад, сделалась в настоящее время до известной степени возможной. <...>

В основу нашей книги положен следующий план. Он разделяется на такие отделы:

Первый отдел — теоретический. Здесь идет речь о классификации наук и о классификации книг по наукам, в связи с вопросом об общем образовании, его целях и задачах. Мы стараемся выяснить здесь основные принципы комплектования библиотек, подбора книг для них и распределения книг по степеням относительной трудности их понимания.

Второй отдел — библиографический — представляет из себя примерный каталог большой общеобразовательной библиотеки, удовлетворяющий тем требованиям, которые сформулированы нами в первом отделе. В этот каталог введены нами не только книги, существующие в продаже, но и распроданные. Насколько нам позволили наши библиографические знания и каталоги разных букинистов, у многих из распроданных книг мы ставили в скобках слово (распр.), отмечая там таким способом книги, которые до сего дня еще требуются *самой системой знаний,* но не имеются на книжном рынке. Позволяем себе обратить внимание издателей на эти пометки. Правда, эти наши указания мы считаем далеко не полными, но и они, по нашему мнению, могут сослужить хорошую службу издателям и вообще делу пополнения русского книжного рынка хорошими книгами, хотя и вышедшими из продажи, но далеко еще не утерявшими своего значения.

Третий отдел — приложения. Здесь мы даем, во-первых, краткий список пособий для библиотекарей, который поможет им еще более ориентироваться в деталях книжного и библиотечного дела. Далее, мы даем несколько примерных каталогов небольших библиотечек на разные суммы, причем при комплектовании этих библиотечек мы старались осуществить на практике те же основные принципы, которые изложены нами в первом отделе. Работая над составлением этих примерных каталогов, мы пришли к следующему, как нам кажется, довольно интересному выводу: *в настоящее время уже имеется полная возможность устраивать небольшие общеобразовательные энциклопедические библиотечки по нашему плану — домашние, кружковые, общественные,*

имея в руках очень небольшие средства (от 100 р.). Современное состояние русского книжного рынка позволяет сделать это в достаточной степени. Дело теперь только за организаторами библиотек. Полагаем, что и за ними остановки не будет. Далее мы даем в этом отделе две схемы библиотечных каталогов и, наконец, алфавитный указатель имен авторов, вошедших во второй отдел, т. е. в наш примерный каталог общеобразовательной библиотеки. Этот указатель особенно необходим потому, что, как это будет видно дальше, в распределении книг по отделам каталога мы придерживаемся своей особой системы *дробления рубрик,* весьма облегчающей отыскивание книг *по вопросам,* но значительно затрудняющей отыскивание их по именам авторов.

Четвертый отдел нашей книги представляет собою опыт библиографического указателя *содержания* тех семи тысяч книг, названия которых указаны во втором отделе нашего труда. Этот указатель мы выпускаем отдельным изданием, причем стараемся возможно полнее использовать тот материал, который содержится в книгах, помещенных нами в наш каталог. При составлении этого указателя, мы выдвигали на первый план не столько *фактическую,* сколько *философскую* сторону каждой науки, а в отделе искусства, и особенно в отделе беллетристики, старались наметить этико-философские и общественные вопросы, которые не могут быть чужды мыслящему человеку, серьезно трудящемуся над выработкой своего миросозерцания и сознательно относящемуся к окружающей жизни. По каждому такому вопросу мы старались дать возможно больше библиографических указаний на лучшие произведения как русских, так и иностранных авторов. Те же вопросы жизни мы старались обставить библиографическими указаниями также и научных книг. Таким образом, этот отдел нашей книги представляет из себя список главнейших научных, философских и этических *вопросов,* ответы на которые читатели могут найти в книгах, помеченных теми номерами, какие указаны при каждом вопросе. Читатель, интересующийся одним из этих вопросов, без особого труда может отыскать по этим номерам в каталоге те книги (или главы и даже страницы книг), которые дадут на них ответ, а по римской цифре, приводимой при каждом номере, может судить и о популярности изложения данной книги. Ввиду больших технических и других трудностей составления этого отдела нам приходится выпускать его отдельным изданием, как второй том нашего труда.

Когда наш каталог вчерне был уже окончен и когда уже нужно было сдавать его в печать, мы долго колебались, не решаясь сделать этого шага. Нам хотелось даже отложить опубликование нашей работы еще на несколько лет и заняться самой детальной ее проверкой и разработкой. Нас пугала и останавливала самая сложность работы, которая, исполненная одним человеком за свой страх, не может не иметь весьма серьезных недостатков и

погрешностей, происходящих как по вине самого работника, так и по условиям сложности самой работы, а кроме того (и это очень важно), по ее неизбежной субъективности в оценке не только книг, но даже и авторов. И в самом деле: разве может не быть субъективности при решении таких вопросов, как, напр.: которая из двух рекомендуемых книг заслуживает большего или меньшего внимания? которая из них лучше или хуже и которая интереснее и понятнее? Книги в библиотеке, как и зоологические виды в природе, соединены между собою длинными рядами переходных форм. Вот эти-то последние, как известно, больше всего и затрудняют классификаторов, и та или иная оценка той или иной формы не может не встречать, даже с точки зрения самого оценщика, весьма существенных и веских возражений. И это справедливо не только по отношению к распределению книг по отделам, но и по категориям читателей. Это справедливо даже и по отношению к классификации самих отделов. И книги, и вопросы, и отделы могут быть классифицированы на множество разных ладов и способов. Мы выбрали такую классификацию, которая нам показалась наиболее целесообразной с нашей точки зрения, по отношению к главной нашей цели, — помочь по мере сил возможно широкому распространению лучших книг в возможно широких кругах населения и внедрить в сознание всех русских читателей, что ныне существующая наличность книг на русском языке уже представляет из себя такую лестницу, по которой может и должен идти вперед и вверх всякий желающий, кто бы он ни был, — крестьянин или фабричный, студент или литератор, — и каким бы вопросом он ни интересовался, лишь бы старался вникнуть в самую его глубину. Все науки, все вопросы, в сущности говоря, представляют не *ряд, а круг,* и с какой точки окружности ни начни двигаться по этому кругу — лишь бы была охота да вдумчивость, «пытливость ума» — все равно будешь переходить от книги к книге и от науки к науке, пока не впитаешь в себя цельного, закругленного, законченного и чуждого догматизму научного миросозерцания, осмысленного критическим отношением к окружающей действительности и одухотворенного гуманным общественным настроением, которое требует от каждого человека не только идей, *но и дел.* Каково бы ни было исполнение на практике намеченной нами задачи, какими бы недостатками оно ни обладало — мы решили, в конце концов, теперь же приступить к печатанию этой книги, и побуждением к такому решению служили не только соображения личного свойства, в силу которых откладывать эту работу было равносильно тому, чтобы никогда не исполнить ее. Нас побудили к ее неотложному опубликованию те самые явления, которые совершаются вокруг нас, выдвигая каждый день из народной глубины десятки, а может быть, и сотни тысяч читателей, которые теперь же, неотложно и необходимо и во чтобы то ни стало, *должны* вооружить себя знанием и пониманием, чтобы созна-

тельно творить жизнь, которую они *не могут не творить*. В разных уголках русской земли наблюдается теперь прилив таких читателей. Под их напором буквально ломятся двери некоторых библиотек. Настало время, когда все русские библиотеки и все другие очаги книжного дела обязаны принять активное участие в духовном воспитании возможно широких кругов читающей публики, особенно тех ее слоев, которые стремятся к книге из глубины трудящихся масс. Библиотеки должны теперь же запастись необходимыми книгами, и издатели должны помочь дальнейшему созиданию той лестницы, о которой выше шла речь. Библиотеки должны возможно шире открыть свои двери читателям и, если нужно, то коренным образом изменить свой состав. Если наша работа хоть немного поможет в этом отношении, значит, она не пропала даром.

Книга — сила. Книга — страшная сила. Но в огромном большинстве случаев сила эта находится в скрытом потенциальном состоянии. Сильная своею связью с жизнью и выдвигаемая ее жгучими запросами, идея завоевывает жизнь все-таки очень медленно. Во всяком случае, она проникает далеко не так быстро, как это было бы желательно, в виде назревших и назревающих потребностей жизни. Мы глубоко убеждены, на основании нашего личного опыта и на основании данных, собранных многочисленными исследованиями, что круговращение книг может быть *сознательно ускоряемо*. Задача всех работников книжного дела — помогать этому книжному круговращению, кто где может, кто как может и кто на каком месте стоит.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

Первое издание этой книги вышло в августе 1905 г., т. е. в самое неудобное время для всякого рода библиографических трудов. Тем не менее в два с половиной года, несмотря на довольно высокую цену, все издание было уже распродано, вопреки ожиданиям составителя, отнюдь не рассчитывавшего на столь радушный прием.

Успех первого издания наглядно показывает, до какой степени русский книжный рынок нуждается в общих библиографических указателях и обзорах книжных богатств, имеющихся к услугам русского читателя. Всякий работник книжного дела, всякий учащийся, всякий работающий над своим самообразованием должен эти богатства знать возможно шире, возможно глубже и полнее, для того чтобы искать и находить по любому вопросу такую именно книгу, которая дает достаточно полный и ясный ответ на этот вопрос и более или менее подходит для данного читателя. Но таких общих обзоров до сих пор нет, и составление их представляет чрезвычайные трудности. Чтобы составить такой обзор, необходимо прежде всего иметь под руками огромные количества книг, затем еще большее количество всякого рода оценок, критик, рецензий, описаний этих книг; далее, необходимо изучить и все эти книги и их оценки и, наконец, все это сопоставить с русской читающей публикой — ее нуждами, потребностями, привычками, вкусами.

Нужно ли доказывать, сколь огромное значение имел бы для ее широких кругов такого рода общий обзор, если бы когда-либо и кем-либо он был составлен? Так или иначе сделать, по крайней мере, первую попытку его составления — пускай даже самую слабую, самую несовершенную, — во всяком случае необходимо. Недосмотры и промахи, неизбежные в таком кропотливом труде, впоследствии могут быть сглажены и исправлены; работа единоличная может быть затем заменена коллективной. Но пока что первый шаг лучше не откладывать, и книга, которую мы теперь выпускаем в свет, представляет из себя именно такого рода попытку, такого рода первый шаг. Она настолько отличается от первого издания, что по этому поводу теперь же необходимо сказать несколько слов.

Первое издание этой книги представляло собой сравнительно небольшой каталог наиболее ценных русских книг (до 7500 названий), классифицированных по их содержанию и по трудности изложения. Этому каталогу предшествовало введение, в котором было дано объяснение самого плана каталога и отчасти сформулированы принципы оценки книг и трактовался довольно запутанный и сложный вопрос о классификации наук.

Принимаясь за подготовку второго издания, составитель решил сделать, быть может, чересчур для него смелую попытку и

дать нечто большее — более существенное, важное и необходимое, а именно — не только *каталог* книг, но и *сравнительный обзор* их по особой системе, положив в основу этого обзора не только классификацию явлений и областей жизни, но и *историю научно-философских и литературно-общественных идей.* Положив в основу своей работы анализ *жизни* (а не условную схему наук, работающих над ее разносторонним освещением и изучением), составитель предполагал, таким образом, самим планом каталога приблизить к жизни лучшие книги, ее освещающие и помогающие разбираться в ней. Полагая затем в основу научных и всяких иных теорий и вообще толкований жизни историческую точку зрения, с которой все оттенки и направления мысли одинаково подлежат изучению, если они в достаточной степени уже определились в жизни, составитель старался, таким образом, сделать свой обзор книг возможно объективнее, беспристрастнее, полагая, что «история мнений — лучший, хотя и строгий судья их». Ставя свою работу на такую почву, составитель желал бы прежде всего избежать упреков в пристрастии, полагая, что время, нами переживаемое, прежде всего должно быть временем беспристрастной оценки, а будет нужно — и переоценки всяких программ, — всех без исключения. Таким образом, партийная точка зрения совсем исключена из этой книги и заменена внепартийной, или, точнее говоря, надпартийной (см. § 25 и 73 введения, «Борьба с тенденциозностью и односторонностью оценки»), и потому мы заканчиваем первую часть этого труда (§ 89) следующим образом формулируя принцип, положенный в его основу: «Будем прежде всего смотреть на то, что могло бы соединить людей, а не на то, что разъединяет их» [1].

Таким образом, второе издание этой книги представляет собой *опыт обзора лучших русских книг в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей* — опыт, далеко не совершенный во многих отношениях, но, во всяком случае, *первый* такой опыт, и не только в России. Сколько нам известно, таких обзоров не существует ни на французском, ни на немецком языках, если не считать «Librairie rationaliste», (изд. Reinwald'a) и «Litterarische Ratgeber» (изд. Düresbund'a), — двух очень кратких указателей лучших французских и немецких книг, с небольшими характеристиками их в предварительных замечаниях к каждому отделу. Впрочем, оба эти указателя слишком кратки, односторонни и совсем не преследуют цели, намеченной нами выше.

Эту последнюю, относительно второго издания нашего труда, можно формулировать так.

Мы желали бы дать всем работникам книжного дела, библиотекарям, книгопродавцам и т. д. и всем работающим над своим образованием и самообразованием возможность ориентировать-

[1] Об ошибочности этих взглядов Н. А. Рубакина см. с. 30, 219. — *Ред.*

ся в русских книжных богатствах, познакомиться с общей наличностью тех книг, которые представляют наибольший интерес в целях общего образования и выработки *общего* миросозерцания, составляющего главный и основной фундамент всяких наук и искусств, верований, стремлений; всяких специальных и профессиональных знаний, технических приемов, навыков. Мы желали бы помочь знакомству читателей не только с заголовками и названиями книг, но и их внутренним содержанием и даже характером, *независимо от заголовка,* так, чтобы каждый работник книжного дела и каждый читатель имел возможность найти библиографический ответ на любой вопрос, относящийся к области общего образования, лежащей, в виде общей схемы, в основе нашего труда, — по крайней мере на главнейшие из этих вопросов.

Благодаря трогательно-доброжелательному отношению к этому нашему труду со стороны издателя его, И. Б. Поздеева, всегда относившегося с особой предупредительностью ко всем проявлениям фанатической любви к книге и библиографическим размахам составителя, этот последний решил воспользоваться случаем и подвести наконец итог своему 35-летнему сиденью среди книг, начиная с детского возраста, и мобилизовать все свои библиографические силы.

Две области библиографических знаний положены в основу этого труда: во-первых — изучение книг, во-вторых — изучение читателей. Обе эти стороны мы никогда не отделяем одну от другой, как это было и в первом издании, с той только разницей, что в основе второго издания лежит неизмеримо больше материала, чем в основе первого издания. Непосредственное знакомство составителя с делом самообразования, постоянное общение с читателями, индуктивное изучение их типов по экспериментальному методу, выработанному самим автором, — все это позволило внести во второе издание нечто такое, чего не было в первом.

Вот в кратких чертах общий план второго издания «Среди книг». Сопоставив его с первым изданием, читатель сам увидит, в чем заключаются наиболее существенные перемены, введенные нами во второе издание.

1. Это последнее состоит из двух больших томов. Первый том, ныне выходящий в свет, заключает в себе две части: первая часть — теоретическая, вторая — библиографическая.

2. В первой, теоретической, части мы делаем попытку изложить основные принципы книжного дела, выяснить его основные, жизненные задачи, в смысле сближения книги и жизни. При этом, согласно указаниям работников, мы значительно упрощаем наше изложение. Принимая за основу нашего труда схему общего образования, мы кладем в основу этого плана классификацию явлений окружающей нас жизни — интимной, социальной, космической. Мы говорим о классификации явлений и о классификации наук, в общем плане обзора русских книжных богатств в

связи с планом общего образования, о распределении книг по этому плану, по его отделам, о внутренней организации каждого отдела, о выборе книг для них, о распределении книг по кругам читателей, по их психическим и социологическим типам, по их читательской подготовке. Формулируя основные задачи книжного дела, мы стараемся осмыслить, таким образом, его практическую сторону, дать работникам книжного дела руководящую нить в их работе, в стремлениях многих из них поставить это дело на рациональную почву.

3. Вторая библиографическая часть нашего труда (II часть первого тома и второй том) разделяется, в свою очередь, на два главных отдела. В первый входят отделы изящных искусств (в том числе беллетристика), затем публицистика и этика, в связи с их историей, историей литературы, литературно-общественных течений и критики. Во второй отдел этой части (и во второй том этого труда) входят общественные и естественные науки, математика, логика, гносеология и философия, детский, справочный и библиографический отделы и приложения (алфавитные указатели — именной и предметный).

4. Каждый отдел второй, библиографической части (I и II тома) состоит из двух частей: 1) описательной и классифицирующей и 2) собственно библиографической, перечисляющей названия книг. Описательная часть носит название «предварительных замечаний» и содержит сравнительные обзоры книг в связи с историей теорий и вообще научно-философских и литературно-общественных течений. Читатель найдет в «предварительных замечаниях»: а) общую характеристику каждого отдела, заимствуемую нами из произведений, по возможности, наиболее выдающихся авторов, знатоков данной отрасли жизни и знания; б) более или менее подробное *сравнительное описание* общих руководств и обзоров каждой отрасли знания; в) хронологическое распределение авторов (по эпохам или десятилетиям), а во многих случаях и по странам, с указаниями годов рождения и смерти авторов; г) распределение авторов по главнейшим основным течениям мысли и школам; а иногда, где представлялось возможным (напр., в отделах истории литературы, публицистики, этики и т. д.), по некоторым основным вопросам, изучаемым данной отраслью знания; наконец, е) по кругам читателей (по библиотекам трех основных типов). В «предварительных же замечаниях» мы знакомим читателя, также по большей части посредством цитат из подлинников, с главнейшими теориями наиболее выдающихся авторов и отмечаем наиболее существенные пробелы в русской литературе, указывая при этом те произведения (на французском, немецком, английском, а отчасти и на других языках), которые, по нашему мнению, могли бы пополнить эти теоретически намеченные пробелы.

5. Библиографическая часть каждого отдела разделяется у нас на параграфы, один или несколько в каждом отделе. К каж-

дому параграфу отнесены книги, трактующие, хотя, быть может, и с разных сторон, об одном и том же вопросе, иногда очень частном. Мы не боялись сильно детализировать распределение книг по параграфам, в уверенности, что это не может не способствовать читателям возможно легко находить библиографические указания по любому, их интересующему вопросу. О каком именно вопросе идет речь в книгах, отнесенных к тому или иному параграфу, об этом мы прежде всего указываем в «предварительных замечаниях». Подбирая библиографический материал для каждого отдела, мы всегда старались отделять общие обзоры и руководства от монографий, книги описательные, фактические, систематизирующие и классифицирующие — от теоретических и философских. Каждый отдел мы старались заканчивать философией его. Особенно важное значение мы всегда придавали книгам о методах исследования и изучения (книгам для практических занятий). Иногда мы выделяли книги, имеющие особенно важное историческое значение (напр., в отделе этики, истории, биологии и т. д.). Таким образом, посредством такого распределения книг по параграфам, явилась возможность, по нашему мнению, достигнуть довольно детальной классификации книг *по их характеру,* независимо от заголовков, а это распределение дает возможность читателю, если не всегда, то в огромном большинстве случаев судить о любой книге по месту, занимаемому ею в общей системе. Зная номер интересующей его книги, читатель даже по оглавлению нашего труда может уже определить это. В библиографической же части мы старались распределить книги и по степеням относительной трудности изложения и понимания их. Эти степени обозначены при каждом номере книги римскими цифрами. Книги, отмеченные римской цифрой I, доступны для читателей, получивших образование ниже среднего и начальное. Книги, отмеченные римской цифрой III, — книги специальные, требующие от читателей значительной подготовки. Книги, не отмеченные никакой цифрой (потому что таких большинство), — книги популярные, доступные читателям со средним образованием. Книги, отмеченные цифрою II, доступны для начинающих читателей этой последней категории.

Все вышеизложенное в достаточной степени указывает читателям способы практического использования нашего труда. Из предыдущего же видно, что второе издание «Среди книг» весьма существенно отличается от первого, и не только по числу указываемых книг (в первом издании около 7500, во втором около 20 000), но и по другим внутренним сторонам. Вышесказанное достаточно иллюстрирует *мозаичность* нашей работы — мозаичность, которая нередко повергала и составителя и его помощников в настоящее отчаяние вследствие полнейшей невозможности не только в нужные моменты, но и вообще отыскать ту или другую библиографическую деталь, навести ту или иную точную справку (напр., о цене книги, о ее последнем издании, о ее кон-

фискации и т. п.). На книги конфискованные, ввиду того значения, которое имеет для всякого книготорговца и библиотекаря эта сторона дела, мы старались обратить особенное внимание и возможно тщательно отмечали, которые из них испытывали такую судьбу. Кроме того, ввиду постоянного пополнения списка конфискованных книг мы перепечатываем его полностью во втором томе нашего труда — дополнение, необходимое по нашему мнению, для всякой справочной книги. Старались мы пополнять нашу работу и вновь появляющимися книгами, следя за ними по «Книжной летописи» и по газетам, а затем выписывая наиболее важные для нас новинки. Но, несмотря на все наши старания, печатание нашего труда, по чисто техническим причинам, шло так медленно, что многие новые книги, вышедшие в свет во время печатания, мы все-таки должны были отнести к дополнению, которое и будет приложено ко II т. Отчасти может служить вместо этого дополнения каталог книг за 1910 г.[1] (изд. кн. маг. «Наука»). Ввиду мозаичности нашей работы да не посетует на нас читатель, встречая в ней ту или иную погрешность, пропуск или опечатку, помня, что со стороны составителя было сделано все возможное, чтобы число таких погрешностей было возможно меньше. За указание таковых мы во всяком случае будем весьма признательны.

Переходя теперь к техническим особенностям нашего труда, мы прежде всего должны отметить, что в *его основу положено непосредственное знакомство с книгами,* просмотр и изучение книг, т. е. *работа по сырым материалам,* непосредственно *по книгам,* по возможности, независимо от разных каталогов, рекомендательных указателей, рецензий и т. п. чисто библиографических источников. Только работая таким способом, мы имели возможность распределить книги *по содержанию,* независимо от заголовков и названий. Но, не полагаясь на оценку книг только одного лица, мы постоянно старались все-таки проверять себя посредством возможно широкого знакомства с рецензиями и указателями. Всего нами просмотрено не менее 15 000 рецензий во всех наиболее выдающихся периодических изданиях и все указатели, список которых мы даем в приложении ко II тому. Сравнительное знакомство с рецензиями, нередко крайне противоречивыми, и сопоставление их между собою и с книгами тем более заставило нас положить в основу нашего труда непосредственное изучение самих книг. При составлении «предварительных замечаний» приходилось работать также по большей части по сырым материалам. Особенного труда в этом отношении стоил отдел русской публицистики, история которой, как известно, до сих пор не написана. Чтобы набросать общую схему этой ее истории, пришлось не только перерывать старые журналы, но и знакомиться

[1] Систематический каталог книг, вышедших в 1910 г. С указателем рецензий. М., 1911.

с произведениями разных публицистов непосредственно, а в некоторых случаях обращаться за разъяснениями к самим авторам. Таким образом, для составления «предварительных замечаний» к этому отделу, пришлось произвести не только библиографическое, но и историко-литературное и историческое исследование, которое, при щекотливости темы и мозаичности работы, все-таки не вполне гарантирует от ошибок и промахов, неизбежно связанных с таким трудным вопросом, как определение литературно-общественной физиономии того или иного литературного борца, в особенности же принимая в расчет, увы! довольно часто встречающуюся среди них неустойчивость мнений и тем более настроений.

Следующим приемом работы, который мы считаем нужным отметить, было изучение книг с точки зрения психологических и социологических типов читателей. В основу такого изучения были положены нами не только новые обширные наблюдения над читающей публикой, полученные посредством новой анкеты, произведенной нами в 1908 г., но и новые методы исследования читательства, о которых мы говорим в другом нашем труде, выпускаемом одновременно с этим, — а именно в наших «Этюдах по психологии читательства» (изд. К. Тихомирова. М., 1911 г.) [1], где мы делаем опыт поставить вопрос об оценке книг на психологическую и социологическую почву, стараясь найти возможно научный и точный ответ на основной вопрос книжного дела: «Какая книга, на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действует?». «Среди книг» и «Этюды по психологии читательства», по мысли автора, должны взаимно дополнять друг друга, составляя вместе с «Этюдами о русской читающей публике» единое целое, посвященное истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения. Практической же стороне дела посвящено «Руководство к самообразованию», имеющее выйти в конце 1911 г. или в начале 1912 г. и представляющее из себя опыт практического приложения психо-социологической теории читательства, изложенной в § 82—87 введения к этой книге <...>.

Встречая с разных сторон, и извне и со стороны издателя, такое сочувствие своей работе, составитель имел счастье увидеть, что его старания, несомненно, идут навстречу назревшей потребности книжного дела, а значит, и вообще русской жизни, как бы ни отливала она мрачными и унылыми тонами. Книжное дело, потому что это вместе с тем и дело просвещения вообще, еще с незапамятных времен настолько тесно слито с судьбой вообще культуры, что ни свестись на нет, ни даже остановить своего развития на более или менее продолжительное время оно не может.

---

[1] Отдельное издание не появилось, были лишь отрывки в журналах (См. библиографический указатель в конце второго тома настоящего издания). — *Ред.*

Работа для расширения, а главное — для углубления этого дела всегда нужна, и лишь истина и справедливость от этого выигрывают в наибольшей степени.

Поэтому составитель глубоко уверен, что не совсем бесплодно прожиты им, вдали от горячо любимой им родины, самые глухие и унылые годы российского безвременья, что не напрасно испытаны им всякого рода лишения и что если даже в только что минувшие годы не покидала его ни вера в близкое светлое будущее, ни бодрое настроение, не уступавшие ни на шаг ни унынию, ни усталости, ни хандре, то тем более теперь этим последним не найдется места в душе: книжное дело — одно из тех, которые бодрят, поддерживают, мешают рукам опускаться, а сердцам размагничиваться. Книжное дело даже слабых людей делает сильными. Книжное дело ждет и ждет неутомимых и убежденных работников. И такие, разумеется, найдутся и сделают историческое дело. Общее стремление к самообразованию, к накоплению знания, понимания, настроения тому порукой.

ВВЕДЕНИЕ

КНИЖНЫЕ БОГАТСТВА, ИХ ИЗУЧЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Научно-библиологический очерк

ГЛАВА I

СУЩНОСТЬ КНИЖНОГО ДЕЛА И ОБЩИЙ ОБЗОР ЕГО

§ 1. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КНИЖНОГО ДЕЛА

Надо знать книгу. Надо понимать и ценить книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги — для себя и для других, — распространяя книгу в самых широких кругах населения, в самых глубоких слоях его, действуя ею даже на самых темных, даже на самых неспособных людей.

Такова задача, которая стоит, стояла и всегда будет стоять перед каждым работником книжного дела, какое бы участие в этом последнем он ни принимал, — перед книгопродавцем и библиотекарем, и перед всяким другим распространителем книг, перед издателем и автором, творцом их, перед каждым человеком, кто бы он ни был, если только он принимает хоть какое-либо участие в деле народного просвещения, если только он работал, работает или собирается работать над своим самообразованием или образованием. Нет и не может быть в настоящее время ни одного культурного и даже просто грамотного человека, не говоря уже — в Западной Европе, но даже у нас, в России, который бы осмелился сказать про себя: «Мне не нужно и никогда не было и не будет нужно никаких книг и никаких знаний о них». Нет, всякому из нас нужны эти самые знания — так нужны, что никто из современных нам людей *не может обойтись без знакомства с книгами.* Или откажись от современной культурной жизни, или знакомься с книгами — такова дилемма. Если желаешь жить мало-мальски человеческой жизнью и желаешь расширять, углублять, возвышать ее и делать все напряженнее и напряженнее, — не говорим во имя общего, а даже своего собственного счастья, — знакомься с книгами, с возможно большим числом их, приобретай знания о них, об общем составе книжных богатств, какими может и должно пользоваться современное человечество — в том числе и каждый из нас — я, такой-то, имя рек, — я, где бы я ни жил и кем бы я ни был. Не только специалистам-библиографам, книгоделам и книголюбам надо знать книжные богатства человечества — их надо знать каждому из нас, знать в их целом, и

лучшие книги в каждой такой отрасли, и распределение их по разным отраслям знания и мышления, и распределение по странам и эпохам, по течениям и направлениям научно-философской и литературно-общественной мысли, по авторам и издателям, знать влияние разных книг на разных читателей, — словом сказать, надо знать и совокупность книг, общую сокровищницу умственной жизни человечества, и отдельные книги, и значение их. Но и этого еще мало: надо знать, кроме того, перемены, происходящие с книжными богатствами с течением времени, — их приливы и отливы, нарождение новых книжных богатств, изнашивание, забывание, отмирание старых, перемены в их характере, свойствах, их влияние, т. е. приспособление к миллионам все новых и новых читателей, наконец, — *отношение книжных богатств к общественной психологии.* Другими словами, надо знать не только *книжное дело собственно,* но и его отношение к духовной жизни своего родного народа и человечества и *их социальной исторической жизни.* Иначе говоря, нужно понимать, что судьба книги неразрывно слита с общественной психологией и с историей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дело и служить ему, не вникая в общественную психологию и вообще социальную жизнь своего места и времени. Такова задача книжного дела в самых общих и основных чертах. Помочь ее разрешению или, по крайней мере, ее освещению — в этом и состоит формулируемая тоже в самых общих чертах задача этого нашего труда.

§ 2. РАЗРЕШЕНИЕ ЭТОЙ ЗАДАЧИ — ОДНО ИЗ НАСУЩНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ЖИЗНИ

Задача книжного дела громадна, и не только разрешить, но даже и разрешать ее, несомненно, очень трудно, особенно в наших русских условиях, при недостатке книг, при их медленном кругообращении, при целом ряде условий, правовых и экономических, далеко не благоприятствующих процветанию книжного дела. Тем не менее разрешать эту задачу надо. Надо во всяком случае. Это не только наш долг, наша нравственная обязанность перед родиной, вытекающая, как частный случай, из необходимости для всех нас возможно широкого просвещения, в лучшем смысле этого слова, — это наш прямой долг перед нашими современниками и наш собственный интерес, наша прямая выгода. Мы не можем проходить мимо книжного дела, уже по тому одному, что сама жизнь вопиет миллионами голосов вокруг нас *о книжной помощи.* Из года в год становится все больше и больше книг. Из года в год они получают все большее и большее распространение. Таково характерное — одно из самых характерных явлений нашего времени. Непрерывное нарастание книжных богатств и такое же нарастание их потребителей — читателей — нельзя не считать теперь несомненным проявлением определенного социологического закона, и если и бывают в иных странах

иногда исключения, они всегда кратковременны и объясняются более или менее быстро преходящими причинами. Таково, например, русское книжное затишье, наступившее после 1907 г. под влиянием исключительно полицейских условий, невиданных нигде в Европе со времен великой инквизиции. Да, жизнь миллионами читательских голосов вопиет вокруг нас: «Распространяйте книгу!» И миллионы людей, даже темных из темных, все яснее понимают, что не в силах им дать даже живой человек того, что иной раз им может дать иная, как следует выбранная книга. «Среди книг есть, разумеется, такие, которые мне, такому, каков я ни на есть, могут дать отличнейшие практические советы», — так писал нам недавно из очень глухой провинции один, уже немолодой читатель. «Есть такие книги, которые могут быть моими интимнейшими советчиками и великолепнейшими учителями и профессорами, глубокими толкователями всех условий и нашей и чужой жизни, даже пророками и надежнейшими моими вождями, руководителями, вдохновителями. Помогите мне найти их и укажите, как и где их искать». В интересной анкете, произведенной редакцией «Вестника знания» в 1910 г. и превосходно разработанной А. А. Николаевым, и в другой, еще более широкой и не менее интересной, анкете «Современного мира», затем не столь подробной анкете «Нового журнала для всех» такие же голоса, свидетельствующие о том же, раздаются многими сотнями. Но и эти анкеты — капля в море среди других голосов, вопиющих о том же, и между этими последними много, много таких, которые идут из самых недр народной массы, из самых глубоких слоев трудового населения. И весь этот хор голосов наглядно доказывает, что знание книг и книжных богатств уже сделалось крайне необходимым *народу* и что книга рассматривается теперь и народным сознанием как крайне важная и вполне реальная сила, необходимая и для обыденной жизни, без которой «по нынешним временам уже прожить нельзя». И вот деревенский и фабричный читатель пишут и говорят: «кто книгой владеет, у того, по этому одному, уже есть сила». И миллионы людей желают сделаться сильными при помощи книги. И миллионы сердец и рук тянутся к ней, как к силе. Роются в «указателях лучших книг», «рекомендательных каталогах», читают рецензии и «библиографии».

§ 3. ЖИЗНЬ ЗАСТАВЛЯЕТ РАБОТНИКОВ КНИЖНОГО ДЕЛА СОДЕЙСТВОВАТЬ САМООБРАЗОВАНИЮ МАСС

Самообразование — это характерное явление наших дней, это знамение нашего времени. Слово «самообразование» приходится теперь слышать в устах не только учащейся молодежи, но и фабрично-заводского рабочего, и деревенского крестьянина, и служащего разночинца, приходится слышать в устах и молодых, и пожилых людей, и мужчин, и женщин. Стремление к самообразо-

ванию сделалось своего рода стихийным потоком. Над собственным образованием работают в настоящее время сотни тысяч, если не миллионы людей, и все эти люди ищут книг, которые дали бы им те знания, то развитие, какого требует от них быстро усложняющаяся жизнь. Общесознанное и общепризнанное крайне неудовлетворительное состояние нашей низшей, средней и высшей школы, бесконечные преграды и препятствия в деле распространения знаний, идущие со стороны правящей бюрократии и ее классовых и сословных вдохновителей, заставили, в конце концов, миллионы людей просто-напросто махнуть рукой на стесненное и регламентированное образование школьное и приняться за завоевание себе подобающего места в среде других культурных народов *«своими средствами»,* путем самообразования. Тысячи, если не десятки тысяч «ищущих» и «стремящихся» наполняют воскресные и повторные школы, народные университеты, аудитории популярных чтений; сотни тысяч людей идут целыми толпами в библиотеки и книжные магазины и спрашивают там *определенных,* рекомендованных книг, — рекомендованных то какой-нибудь «программой чтения», то последней книжкой любимого журнала, то просто-напросто каким-нибудь «хорошим человеком». И нет такой отрасли знания, нет такого отдела литературы, книги которых стояли бы, как это было еще очень недавно, тихо и мирно на пыльных полках, тоскливо ожидая, когда же кто-нибудь из самых ретивых читателей нарушит их продолжительный покой. Книги научно-популярные и научные, еще недавно забытые и полузабытые, после непродолжительной передышки, обусловленной историческими событиями, снова пошли в ход, и под давлением общих запросов жизни, можно сказать, все книжные магазины, книгоиздательства, общественные библиотеки, за очень малочисленными исключениями, должны были сделать самые энергичные усилия, чтобы удовлетворить этот быстро растущий спрос на «самообразовательную литературу». С конца девятисотых и с начала девятьсот десятых годов этот спрос проявился и в низах народной массы, в среде трудящихся классов, на фабрике и в деревне, и перелом народного сознания, происшедший в 1904—1908 гг., благотворно и мощно отразился на развитии тех же стремлений к самообразованию: и в деревню и на фабрику идут все в большем и большем числе толстые научно-популярные и научные книжки. И деревня и фабрика, даже в экономических и политических тисках, работает над самообразованием в лице многих сотен, тысяч, если не миллионов людей. Вышло словно само собой так, что именно удовлетворение потребностей самообразования сделалось главной задачей огромного большинства ныне существующих библиотек и книжных магазинов, книгоиздательств и вообще распространителей книг. С этой потребностью читающей публики все они теперь уже *не могут не считаться.* Они не могут не служить ее удовлетворению, если только не желают покрыться плесенью и умирать в жизненных болях. Или

помогай читателям или умирай — такова дилемма. Общественные библиотеки и книжные магазины волей-неволей должны делаться *общественными орудиями самообразования.* Частные люди должны были невольно служить тому же делу. Таким образом. настоятельные требования жизни сделали то, что удовлетворение *запросов самообразования* стало основной задачей общественных библиотек и книжных магазинов, не говоря уже о частных лицах, работающих над тем же для самих себя или помогающих. по мере сил и знаний, другим в той же работе.

Рядом с этим стремлением к самообразованию, несомненно, подвигается вперед, хотя и медленным темпом, до сих пор находящееся в казенных тисках образование. Учащиеся ныне считаются у нас миллионами, и знание книги тем более им необходимо, чем выше они успели подняться по школьной лестнице. Это последнее приходится расширять, углублять, дополнять, а то и переделывать тоже «своими средствами», и эта переделка «казенных знаний» тоже разлилась теперь широкою волною по «святой Руси». И для этого тоже требуются книжные знания. И из среды учащихся тоже раздается все больше и больше голосов, их ищущих, и жизнь вопиет и их голосами: «Книга — сила. Мы хотим получить эту силу в наше распоряжение».

Надо всем этим людям эту силу теперь же дать или, по крайнее мере, давать, давать и давать самым энергичным образом. Надо понять, изучить книжные богатства, книжные сокровища человечества, чтобы служить, с помощью их возможно детального знания, этой рвущейся к книге народной массе. Служить, повторяем, теперь же, не теряя ни дня, ни часа, «кто где может и кто как может, и кто на каком месте стоит». Необходимо распространять и распространять не только книги, но и знание о книгах — и о методах их распространения, о их производстве, круговращении, распределении, о их чтении. Нужно дать знания и о тех способах, с помощью которых каждый человек действительно может отыскать по любому вопросу, интересующему его в данное время, такую книгу, которая «именно ему даст то, что нужно ему», как пишет нам тот же цитированный выше читатель-друг. «Вооружайтесь же знаниями о книгах сами и вооружайте ими всех других, с кем вы сталкиваетесь», — так пишет нам другой читатель, и мы не можем не придавать громадного значения этому его совету...

§ 4. СОКРОВЕННАЯ СУЩНОСТЬ КНИЖНОГО ДЕЛА

На основании довольно многочисленных данных, собранных в этом нашем труде, и на основании многолетней практики в области книжного дела мы лично, решительно и определенно, тоже присоединяемся к выше выраженной читательской вере в громадную силу книги и позволяем себе утверждать то же самое: нет такого человека, который не мог бы найти теперь по любому

предмету и любому вопросу (если только это не самый мелочной, частный вопрос) такую книгу, которая именно этому читателю откроет глаза на этот самый вопрос и введет в его суть. *Теперь всякий может найти такую книгу,* которая действительно захватит его душу, возбудит его мысль и даст ему действительно ценное, обширное, научное, достоверное знание и понимание, поскольку это уже сделалось достоянием современной науки и литературы. «Есть, словно для вас лично приготовленная, такая книга — ищите! Найдите ее и прочтите — и сделаетесь от этого не только просвещеннее, но и сильнее».

Но как ее находить, эту книгу, эту самую нужную, самую подходящую для данного читателя, в данный момент, в данной обстановке его личной, а также общественной и исторической жизни? И где искать-то? И какими методами, приемами и способами? Вот вопросы, которые подлежат подробному и возможно точному обсуждению и исследованию, как теоретическому, так и практическому. *Найти научный ответ именно на этот вопрос, думается нам, — это и значит понять самую сущность книжного дела* — не только чтения, но и распространения и, наконец, производства книг. Даже при настоящем уровне библиографических знаний уже имеется значительная возможность найти ответы на вышепоставленные вопросы — ответы действительно научные, т. е. фактически и философски обоснованные, такие ответы, значение которых не может не сказаться *немедленно на всей практике книжного дела.*

§ 5. ЗАДАЧА НАШЕГО ТРУДА

В этом нашем труде мы ставим себе нижеследующие задачи:

Во-первых, помочь читателям и всем работникам книжного дела в их знакомстве с *общей наличностью* русских книжных богатств.

Во-вторых, помочь их знакомству с *распределением* этих книжных богатств по разным отраслям знания.

В-третьих, помочь знакомству их с книжными богатствами в каждой отрасли знания в отдельности и освещающими каждую область жизни.

В-четвертых, познакомить, хотя бы в самых общих, основных чертах, с распределением этих богатств в пространстве и времени, т. е. по странам и по эпохам, по национальностям, их создавшим, и по историческим периодам, с которыми совпало это созидание.

В-пятых, помочь внутренней идейной оценке этих богатств с исторической точки зрения, с точки зрения истории научно-философских и литературно-общественных идей, находящих в этих книжных богатствах свое отражение и выражение.

В-шестых, помочь знакомству, тоже хотя бы в самых общих чертах, с наиболее выдающимися произведениями и литератур-

ными именами в каждой отдельной области, с наиболее известными авторами, работающими в данной отрасли литературы и науки и, по возможности, с их теориями, по крайней мере главнейшими из них, излагая эти последние цитатами из их собственных произведений.

В-седьмых, познакомить с распределением книжных богатств по кругам читателей, по основным типам их.

Наконец, в-восьмых, познакомить с распределением русских книжных богатств по трудности изложения, т. е. по тому, какой подготовки требует та или иная книга от своего читателя.

Все эти задачи, по крайней мере, в своих общих, основных чертах могут быть до некоторой степени разрешены как теоретически, так и практически, по мере наших сил и не на основании одних общих соображений, а на основании непосредственного знакомства с русскими книгами.

Мы намерены в нашем дальнейшем изложении следующим образом идти к разрешению вышенамеченных задач, на которые, естественно, распадается наша общая, основная задача,— иначе сказать, задача всего книжного дела.

§ 6. ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КНИЖНЫХ БОГАТСТВ

Прежде всего мы попробуем ответить на такой вопрос: какие же именно требования может и должен предъявлять читатель, т. е. всякий человек, к этим книжным богатствам и к их общей наличности — что может и чего не может он от них требовать? Далее, мы поищем ответа на такой вопрос: в какой же мере ныне существующие книжные богатства удовлетворяют этим требованиям, как в целом, так и частями,— во-первых, теоретическим, во-вторых, практическим. При этом мы пойдем в нашем изложении от общего к частному, от общих требований к частным применениям их.

Итак, прежде всего, стоя перед лицом многих миллионов книг, ежегодно появляющихся в сотнях тысячах все новых и новых названий, спросим себя, под грохот печатных станков и шумливую суету библиотек и книжных магазинов, какие же требования можно и должно предъявлять к этому мощному, вечно нарастающему книжному потоку в его целом? Что он должен давать человечеству, *должен* давать во всяком случае, если только книжные богатства не простая груда бумажного мусора, печатной макулатуры.

Всякая книга, какая бы она ни была, кто бы ее ни написал, ни напечатал, правительственное ли учреждение, частный ли человек, враг ли человечества, или друг его, варвар или просвещенный мудрец, — прежде всего подлежит нижеследующей оценке: *оценке* с точки зрения мыслящей, чувствующей, страдающей человеческой личности. Всякая книга должна, раз она, так сказать, появилась в свет, дать ответ на такой вопрос: что ты, книга,

можешь дать мне, личности человеческой, мне — такому, каков я есть, моему уму, моему чувству, моей жизни, борьбе, которую я веду, работе, которую я делаю или намерен делать, в тех условиях, в которые меня поставила судьба-фортуна или судьба-злодейка? Что ты, книга, даешь вообще личности человеческой, потому что каждый человек к тебе, книге, может и должен предъявлять именно такой вопрос, прежде чем даже взглянуть на тебя и подойти к тебе? Будь эта книга — устав какого-нибудь учреждения или свод законов, ученый трактат или сборник стихов, философское рассуждение или поэма, роман, высшее произведение художественного творчества — все равно, вопросы, предъявленные выше к книге, это вопросы, которые относятся одинаково *к каждой* книге. Ты, книга, что, собственно, представляешь из себя и какому именно господину служишь? И какие именно перемены ты намерена или можешь внести в мою и вообще человеческую жизнь? Каковы же твои намерения, цели и средства? Мне, личности человеческой, далеко не все равно, какой ответ ты даешь на все эти вопросы. Я, личность, — судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даешь или можешь дать, и в рай или в ад кромешный ты стремишься превращать те условия, в которых я живу в настоящее время. От твоего, книга, ответа, который я сам же в тебе прочитаю, то на строках, а то и между строк, зависит всецело — я друг или враг твой. Отсюда следует: критерием всякой книги, пробным камнем ее всегда была, есть и будет личность человеческая.

§ 7. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: ПРИМАТ ЛИЧНОСТИ

Спрашивается теперь, стоит ли останавливаться на доказательстве этой как будто избитой и всем известной истины? Опираясь на пачку писем, лежащих перед нами, мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. До сих пор есть еще на свете люди, и их немало, в том числе и среди работников книжного дела, которые недостаточно ясно и прочно усвоили вышеуказанный критерий для оценки всяких книг и книжных богатств.

«Для меня человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества», — писал Белинский, искренне и глубоко раскаиваясь, что он когда-то мог считать эти последние выше личности человеческой, забывая, что все эти понятия — не более как отвлеченные фикции, лишенные и индивидуальности, и души, и тела. Мы живем в целом мире таких общих слов, которые нередко принимаются за критерий и при оценке книг: «книга, полезная для общества вообще», «для народа», «для правительства», «для человечества» и т. д... Приступая к оценке книжных богатств человечества, прежде всего отбросим в сторону все эти фетиши и поставим во главу угла нашей библиологической системы как главный критерий для оценки *всех* книг и *всяких* книг — личность. Личность человеческая и есть тот естественный центр,

вокруг которого, как около центра тяготения, кружатся все явления, все элементы человеческой истории. «Все в истории существует через нее, в ней и для нее: все виды социальной жизни суть только разные системы отношений между личностями; какое бы учреждение мы ни взяли, оно, в конце концов, создается, поддерживается, изменяется совокупною деятельностью личностей, так или иначе отражается на их характере, так или иначе влияет на их судьбу; точно так же и каждый продукт деятельности человека существует только в его сознании, является памятником, характеризующим его настроение, и определяет дальнейшую деятельность личности. Как субъект, творящий культуру, и как объект, испытывающий на себе ее влияние, личность и есть то реальное существо, через которое, в котором и для которого существует и государство, и экономические отношения, и общественная жизнь, и право, и философия, и мораль, и религия, и наука, и литература, и искусство, — и есть тот центр, посредством которого, в котором и для которого они связываются между собою»[1]. «История тоже делается людьми, и деятельность личности не может не иметь в ней значения»[2]. Книжные богатства тоже созданы людьми, существуют для людей, оцениваются людьми. И каждая отдельная книга, и все они, вместе взятые, все книжные богатства человечества, вся литература, в самом широком смысле этого слова. Исходя из этого, мы прежде всего должны понять и помнить, что как суббота существует для человека, а не обратно, так и книга тоже существует для человека, а не обратно. Любовь к книге, ради книги не должна существовать. Можно любить книгу лишь поскольку любишь человека — отдельную человеческую личность и человечество, совокупность их. Жалости достойны те любители книг, книголюбы и книгоеды, которые, забывая человека, любят книгу ради ее самой, забывая, что живая сила человеческой мысли и чувства, в ней кристаллизованная, только тогда проявляется как сила, когда вселяется в человека снова. Примат, первенство человеческой личности над книгой — таков первый основной принцип книжного дела, которого (в этом надо признаться) очень многие любители книг и работники книжного дела часто вовсе не придерживаются. И этим работникам нельзя не сказать: любите книжное дело, любите книгу, но то и другое не ради них самих, а ради человека, который в них нуждается, и любите их постольку, поскольку они этому человеку действительно дают что-то для него нужное. И эта истина, в сущности, элементарнейшая, часто также забывается, и мертвая и мертвящая любовь к книгам как к каким-то фетишам и к книжному делу как к манипуляциям с этими фетишами занимает место действительно живого служения живому общественному делу, живым людям. Часто встречаются такие книж-

[1] Кареев Н. И. Осн. вопросы философии истории. Изд. 2-е. Спб., 1897. 281 с. (Здесь проявляются идеалистические взгляды Рубакина. — *Ред.*).

[2] Г. Плеханов. За 20 лет. Изд. 2-е, с. 478.

ники, библиографы и всякие иные любители книг, ценители печатной бумаги, обложек и переплетов, книжных редкостей ради редкостей, независимо от того содержания, носителем которого эти редкости являются, книжные гробокопатели. Они тоже не должны забывать, что даже наука археология, занимающаяся тем же делом, раскапывает могилы для уяснения окружающей нас жизни, ходом, а значит и пониманием которой заинтересованы опять-таки живые, мыслящие, чувствующие человеческие личности.

§ 8. ВТОРОЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: ПРИМАТ ЖИЗНИ НАД КНИГОЙ

Другой вывод из того же основного принципа книжного дела, т. е. из примата личности, состоит в следующем: *говоря об оценке книг, прежде всего нужно думать не о книге, а о жизни, ею отражаемой и выражаемой.* Нет и не было такой книги (да, пожалуй, и быть не может), которая отражала бы жизнь во всем ее целом, во всем ее бесконечном разнообразии и величии. Книга всегда одностороння, жизнь, напротив, всегда и бесконечно разностороння. Книжное содержание всегда более или менее схематично, жизнь не укладывается ни в какие схемы, и эти последние всегда временны и преходящи. Жизнь — это сама реальность; книга, сравнительно с нею, всегда отвлеченна. Жизнь нераздельна, книга никогда не трактует о всех, а лишь о немногих сторонах жизни; ради удобства их рассмотрения и изучения книга не может не делить нераздельное целое на части. Это — прием ума, в сущности, идущий вразрез с нераздельностью жизни. Но не в том беда, что человечеством выработан такой прием, — разумеется, в силу необходимости, — а в том, что результат этого приема, логический вывод, начинает занимать в человеческом уме место нераздельной реальной жизни, и книжная отвлеченность оттесняет на второй план реальность, т. е. самую жизнь. Уяснить все значение этой простой истины для правильного понимания самой сущности книжного дела, как нам кажется, на основании нашего личного знакомства с его работниками и вообще любителями книг, еще труднее, чем понять все значение примата человеческой личности для того же дела. Мы со школьной скамьи приучаемся мыслить жизнь не в ее единстве, а в ее раздробленности. Мы учимся делить неделимое, подмечать прежде всего отдельные его стороны и, разделяя их в своем уме, забывать, что вне нашего ума они ведь неразделимы. Каждая наука, как известно, изучает жизнь лишь с какой-либо одной стороны — химия с химической, психология с психологической, история с исторической и т. д., и, изучая все эти науки в отдельности, мы мыслим все эти сторóны не отдельными сторонами, а отдельными *областями* жизни: вот тут химическая, а где-то дальше психическая, а еще дальше — историческая, тогда как на самом деле, т. е. в жизни,

все это отнюдь не *отдельные* области, а одна-единственная область, т. е. та же жизнь, только изучаемая с разных сторон. Все они — нераздельные части целого, а его нужно делить только для того, чтобы лучше изучить. Но, изучив, а также и во время изучения, нельзя и нельзя забывать прямо противоположного и не менее необходимого логического процесса, который состоит в том, чтобы *снова складывать в одно целое* то, что мы только что мысленно разделили. За анализом нельзя забывать синтеза. Как известно, давным-давно вошло в обычай распределять все литературные произведения по разным отделам, напр., на искусства и на науки, а эти отделы делить снова и снова на подотделы и целый ряд других, еще более детальных и частных рубрик. Принято по таким рубрикам распределять и книги, и нам приходилось не раз слышать сердитую воркотню книголюбов на такие книги, которые никак не укладываются в приготовленные для них рубрики, или укладываются во множество рубрик сразу. Нередко бывает, что именно такие непокладистые книги особенно-то и интересны с точки зрения жизни, потому что они-то и не грешат односторонним подходом к этой последней. Таковы, напр., «Этюды оптимизма» проф. Мечникова, «Чудесный век» Уоллеса и т. д. Но таких книг, к сожалению, не много, и какие бы книги мы ни имели в виду — по беллетристике, по искусствам или по наукам, — не следует забывать все той же жизни, нераздельной и разносторонней в ее вечности. В любом, даже самом простом, жизненном факте всегда сосредоточивается множество сторон — в его рассмотрении, понимании, изучении всегда участвует множество наук. Вот, напр., вы, читатель, человек определенного сословия и общественного положения, читая эту мою книгу, изданную в Российском государстве, по всем правилам российского свода законов, — представляете из себя по этому самому факт *юридический* и поэтому подлежите изучению и уже изучены в *этом* отношении, *с этой* стороны, *наукой права. Вы* — явление правовое. Вы, покупатель этой книги, человек такого-то общественного класса и экономического положения, пользующийся такими-то доходами: рентой, прибылью или заработной платой, или живущий в таких-то экономических тисках, уже по этому самому изучены и изучаетесь экономическими науками. Вы — явление экономическое, социальное. Вы, читатель, живущий в определенный исторический момент, представляете собой частичку русской истории, ее деятеля или ее жертву. Вы — во всяком случае исторический факт. Вы — явление историческое, продукт исторической среды, исторического развития. Вы же и факт географический, потому что вы — человек определенной расы и племени и занимаете определенное место на земном шаре как *житель* данной страны. Вы же и факт психологический, потому что в это самое мгновение в вашей душе совершается бесконечно сложный ряд психических явлений, изучаемых психологией: поле вашего сознания — безграничная арена их. Тут и мысли, и чувства, и

желания, и надежды, и мечты, и интересы, и аппетиты, и инстинкты, и потребности. Вы же как организм — и анатомический и физиологический факт. Вы же и факт химический и физический, потому что в нашем теле есть и химическая и физическая стороны, вы представляете собой очень сложный комплекс силы и материи, всевозможных физических явлений, до электричества включительно, вы — настоящий поток вечно превращающегося вещества. Вы же и факт космический, иначе сказать, астрономический, потому что и силы и атомы, из которых вы составлены, — нераздельная часть планеты Земли, с нею несущиеся в пространстве. Другими словами, в вас, лично в вас, как бы сосредоточен целый ряд фактов, изучаемых одновременно множеством наук. Но вы-то сами — факт единый и нераздельный. Вы — воплощение и представление жизни в ее целом. Вас, как и всю жизнь, в ее целом, одновременно изучают все науки. Нет такой науки, которая не имела бы никакого касательства к вам. Но, как бы все науки ни были раздельны, вы-то, как человеческая личность, все-таки нераздельны, да таковым всегда и останетесь. Вряд ли нужно доказывать, что все эти соображения приложимы для *всех* фактов и для *всех* наук, какие только существовали, существуют или будут существовать, не говоря уже об утилитарном значении разных наук в деле устройства человеческой жизни. Все они в своей совокупности освещают нераздельную жизнь и ее факты, в том числе и вас лично как один из фактов ее. *Иначе сказать, наука — схема, жизнь — все.* И этого-то не следует забывать, имея в виду книжные богатства и изучение их.

Отбросим же навсегда в сторону всякую схоластику и всякие односторонние книжные очки. Не будем забывать ни на минуту все *служебное* значение отвлеченности и анализа. За книгой и книжным изучением не будем забывать жизни и ее ощущений.

Все вышесказанное, как это уже видно и из предыдущего, имеет непосредственное отношение к пониманию самой сущности книжного дела и к общей оценке и расценке всех книжных богатств в их целом. Вывод из всего вышесказанного таков: *все подразделения, все сортировки книжных богатств на отделы, подотделы и проч. — все условны, все неточны, все относительны.* Самая суть дела не в том, чтобы правильно распределять книги по тем или другим отделам, а в том, чтобы изучать и понимать с их помощью единую, нераздельную, бесконечно сложную жизнь, а значит, и личность человеческую, стоящую в жизни, с человеческой точки зрения, на главном месте.

§ 9. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: КНИГА — ОРУДИЕ

Далее не следует забывать, что книга не более как орудие, которое создает и которым действует в своих целях все тот же человек, человеческая личность, и поскольку различны цели, которые выдвигаются этой последней, постольку различно и разно-

образно и применение этого орудия — книги. Она — орудие передачи знания, понимания, настроения от того, кто книгу пишет, тем, кто ее читает или будет читать; тонкое орудие психического воздействия творца книги на самую пеструю и разношерстную толпу — толпу разных времен и народов; орудие, способное переходить из страны в страну, из века в век; орудие особенно могущественное, потому что им можно воздействовать исключительно на психику человека и даже на психику общества, т. е. на то, что вообще очень трудно поддается воздействию. Но, как и всякое орудие, книгу едва ли можно назвать хорошей, полезной, благотворной самое по себе, независимо от оценки тех рук, которые ею пользуются в данном случае как орудием. Давно уже сказано, что хорошая вещь топор, но им можно сделать с одинаковым успехом и самое хорошее, и самое скверное дело: и выстроить превосходный дом, и отличный корабль, и всякое другое деревянное сооружение, но им же можно и отрубить единым взмахом голову величайшему человеческому гению. Так к книге и относятся разные люди по-разному. В руках одних — она орудие расширения и углубления жизни и вообще ее переделки в сторону света и свободы; в руках других книга — орудие борьбы против тех же самых начал, орудие угашения духа и затемнения света, орудие гнета, насилия над человеческой личностью, орудие всякого унижения и топтания этой последней, вплоть до глумления над нею включительно. Известны тысячи тысяч примеров, что даже произведениями величайших светочей человечества насильники сплошь и рядом пользуются для своих самых гнусных целей. Костры инквизиции горели, оправдываемые ссылками на евангелие. Произведения свободолюбивых греческих классиков служат до сих пор очень распространенными орудиями для угашения духа молодых поколений. Тысячи тысяч книг и других произведений печати написаны и пишутся специально для оправдания всякого рода заведомых гнусностей, специально для отупления человечества, главным образом молодых поколений. В особенности это можно сказать про учебники, подлежащие одобрению правительства и написанные по его указке, правительства, всегда состоящего из представителей командующих классов, сильных политически и экономически и не останавливающихся ни перед какой несправедливостью, чтобы сохранить свое привилегированное положение. Сотни тысяч книг написаны в защиту этого положения и в оправдание всяких несправедливостей и преступлений, вплоть до смертной казни включительно. Далее, всякому известно, что про одну, даже очень солидную и внушительную книгу, именуемую «Сводом законов» (и не только России, но и всякого другого государства), издавна сложилась народная пословица, что эта книга «вроде как дышло: куда захочешь, туда и воротишь». И пред лицом миллионов фактов, которыми уже подарила и до сих пор еще дарит нас окружающая жизнь, фактов из области религиозной, умственной, политической и вообще

социальной жизни, мы не можем не прийти к тому выводу, что книга действительно не что иное, как орудие в руках человека, ее творца и распространителя, да ничем иным и быть не может. Поэтому говорить о том, что книга уже как таковая представляет собой нечто хорошее, не приходится. Самая суть вопроса о пользе или вреде книги не в ней самой, а в том, кто и как, и в каких целях действует ею как орудием. Ниже нам еще придется говорить о влиянии книги и об условиях, при которых это влияние бывает то благотворным, то вредным, в зависимости от той почвы, на которую падает содержание книги.<...> Этого принципа и не должны никогда упускать из виду работники книжного дела. Они должны изучать эти самые условия — и внутренние, психические, и внешние, социальные, и всякие другие, и побольше и посерьезнее думать и размышлять о них, если хотят, чтобы и их собственная работа сделалась наиболее плодотворной.

§ 10. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП КНИЖНОГО ДЕЛА: КНИГА КАК ОРУДИЕ ДОБРА, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИСТИНЫ.

Из всего предыдущего нельзя не сделать одного вывода, который имеет, несомненно, громадное значение для всей постановки книжного дела, для его понимания и оценки и, наконец, для настроения лиц, в нем принимающих участие. Да, книга действительно не более как орудие. Да, чтобы решить вопрос о том, приносит ли это орудие, в конечном итоге, вред или пользу человеческой личности и всему человечеству, — нужно сосредоточить внимание на тех *условиях,* в которых применяется книга. Но именно потому, что вопрос о пользе или вреде книги — это вопрос условий, она как орудие и является орудием света, свободы, справедливости, правды. Эту великую и знаменательную истину работник книжного дела должен не только понять, но и *почувствовать.* Она должна до глубины души захватить его, потому что понять эту истину — это значит понять и оценить самого себя, свою работу, свою жизнь, ее смысл, ее самое внутреннее, глубокое значение. Пусть среди книжных богатств человечества существует и еще долго будет существовать заведомо много разной книжной дряни и требухи; пусть эта требуха пользуется особым покровительством властных или ловких господ, пользующихся ею в своих низменных целях, чтобы наводить туман на человеческое сознание, порабощать его, в тех же целях, путем культивировки обмана, мрака и невежества, пусть политические или социальные хозяева положения хотя бы даже сознательно и планомерно работают над производством и распространением своей тенденциозной и заведомо лживой «литературы» — все равно не им принадлежит будущее. И не только будущее, но и настоящее. Давно сказано: «и если только останется на свете хоть один умный и честный человек и хоть одна умная, честная книга — даже этого будет достаточно, при некоторых социальных условиях,

чтобы темный из темных и тихий из тихих уже понял свое положение и чтобы одна-единственная книга, говорящая правду, сильнее подействовала на него, чем сотня самых ложных и гнусных книг, принудительно распространяемых». *Условия самой жизни* заставляют людей вокруг нас отличать ложь от истины, нелепость и обман от правды.

«Люди любят истину, — сказал когда-то Д. Г. Льюис, — не потому, что она истина, а потому, что на ней основываются те или другие мнения, которые считаются необходимыми для их счастья. Вот что составляет вечную природу прогресса человечества» *. Тоже давно сказано, что ложь и несправедливость невыгодны огромному большинству людей и прежде всего трудящимся классам населения. Поэтому-то именно самые условия социальной жизни и борьбы, кипящей за их изменение к лучшему, делают миллионы людей крайне восприимчивыми к словам справедливости и истины. И правда: что такое истина, как не соответствие мнения с фактами, или, как выражается тот же Д. Льюис: «*согласие выводов* с чувствованиями» *? Сколько ни называй всенародное бедствие «недородом», а кровожадность Наполеонов и Тамерланов и их отродий «божественной» или «человеческой» «милостью», все равно факты от этого названия все-таки остаются фактами, и даже самые искренние мнения, им поддакивающие в этом, никому истиной не покажутся — факты, всем очевидные, в конце концов даже самых тупоумных людей заставят признать истину истиной, вопреки самым горячим уверениям тех, кто заинтересован в распространении лжи. Если истина действительно страшная сила, так именно благодаря своему соответствию с фактами жизни и с интересами большинства, т. е. трудящихся классов. *Сравнительно с книгой, сеющей ложь, книга, сеющая истину,* действительно представляет собой страшную силу. Именно книга последнего типа и является такой книгой, которая необходима большинству человечества. Лишь благодаря сочувствию этого последнего книги, служащие истине, не сходят с читательского горизонта в течение веков и тысячелетий и получают громадное распространение. Еще многие тысячи лет тому назад книга в руках лучших представителей человечества сделалась одним из главных орудий их борьбы за истину и справедливость, и *именно это орудие* придало этим людям страшную силу. «Бойтесь, бойтесь кротких и невооруженных, если в их руках истина», — так советовал один средневековый проповедник средневековым гонителям истины. Далее, что такое справедливость? В согласии со всеми великими религиями человечества, самая суть всякой человеческой справедливости, в формулировке Л. Толстого, сводится к одному основному правилу: «Не делай другим того, чего не желаешь, чтобы тебе самому делали». Иначе говоря, в формулировке поэта: «Живи и жить давай другим». Ту же идею современный философ (Г. Спенсер) формулирует так: «Всякий человек волен делать все то, что он хочет,

лишь бы он не нарушал ничьей свободы»[1]. Но ведь к этому-то и сводится самое страстное, задушевное желание всякого человека, за исключением тех, кто именно на нарушении чужой (политической, экономической и духовной) свободы и строит свое благополучие. Справедливость прежде всего необходима большинству человечества, т. е. опять-таки тем же трудящимся классам, его составляющим, и всякая книга, действительно служащая справедливости, не может не находить себе самого горячего отзвука в сердцах всех трудящихся и обремененных, всех оскорбленных и униженных. Таким образом, книга, являющаяся в их борьбе за свое существование носительницей истины и справедливости, — это и есть книга, представляющая собой страшную силу и могущественнейшее орудие в этой борьбе. Это и должны понимать и помнить все работники книжного дела. *Только такие книги представляют собой страшную силу, которая служит истине и справедливости,* а все те, кто работает в противоположном направлении, обречены на бессилие, так как жизнь трудящихся классов, в конечном итоге, более или менее быстро опровергает их. Степень же этой быстроты зависит не от чего иного, как от сознательности читающей и мыслящей массы, от степени развития ее сознания. Поэтому работники книжного дела и все те, кто так или иначе причастен к книжным богатствам человечества, должны ясно и определенно относиться к книге как к могущественнейшему орудию борьбы за справедливость и истину. Они не могут не принимать в этой борьбе участия, не могут не служить, кто как может и где только может, той же справедливости и истине.

§ 11. ТРИ ВЕЛИКИЕ СИЛЫ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В КНИГЕ: ЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ, НАСТРОЕНИЕ

Попробуем теперь сделать некоторые выводы из вышеизложенных принципов, непосредственно относящихся к нашей практической задаче. Первый вопрос, возникающий перед нашим сознанием, заключается в следующем. Исходя из основного принципа личности, принимая в расчет ее и ее стремления, имея затем в виду прежде всего не схоластические интересы книги, а именно интересы жизни, одним из могущественнейших орудий для переделки которой в интересах истины и справедливости и трудящегося большинства человечества является книга, — нам предстоит теперь приступить к разработке книжных богатств и к оценке их с вышенамеченных точек зрения. Нужно ли доказывать, что далеко не всякое произведение печати имеет интерес с этих точек зрения? Нужно ли говорить о том, что многие и многие из них

[1] Здесь особенно ярко сказываются расплывчатые представления Рубакина об истине и справедливости, лишенные четкого классового подхода. Некритически цитируется мысль Г. Спенсера, проповедующего явно буржуазную идею свободы. — *Ред.*

заранее могут и должны быть оставлены в стороне и выброшены из нашего обозрения? Как известно, есть литература. Есть произведения печати, которые можно назвать произведениями «ни для кого», за исключением их авторов, наслаждавшихся, быть может, самим процессом их созидания; есть литература минутного интереса, «литература момента» — совокупность печатных эфемерид, напоминающих муху-поденку, живущую лишь от восхода до заката солнца; далее, есть «литература пункта или уголка», для него только и интересная; литература «документов» и «деталей» и т. д., объявлений, уставов, отчетов, циркуляров и прокламаций и т. п. — вихрь печатной бумаги, характерная особенность которого — его специальный интерес лишь для того момента и пункта, для которых он был предназначен, и недоступность для широких кругов читателей. Несомненно, для общей характеристики текущей жизни и такая литература представляет собой своеобразное собрание печатных документов, и историк не может оставить ее без внимания. Но, во всяком случае, не в этой груде печатных произведений надо искать центр того влияния, которое оказывает на человечество литература в лучшем, в самом возвышенном, благородном смысле этого слова. Для нас, живущих нервной и деятельной жизнью XX столетия, литература прежде всего представляется всемирной сокровищницей трех величайших сил — сил, необходимых для каждой человеческой личности для того, чтобы «ориентироваться и устроиться во Вселенной». Вот эти три великие силы: во-первых, знание, во-вторых, понимание, в-третьих, настроение. Не всякое печатное произведение содержит в своих недрах эти три силы. Но для широких кругов грамотного человечества именно их-то и приходится искать в книге, ради их-то проявления, накопления, развития и стремиться к книге. Правда, все эти три силы до некоторой степени неотделимы одна от другой и встречаются более или менее вместе. Но не во всякой книге они находятся в равных количествах, и иные книги прежде всего дают знание, другие будят мысль, третьи воздействуют на настроение — прежде всего и больше всего на него. На значении этих трех духовных сил необходимо несколько остановиться, чтобы термины, выбранные нами, не возбуждали в читателях недоразумений.

Что такое знание, понимание, настроение? Под первым мы понимаем знание, прежде всего, *научное,* соответствующее возможно строгим требованиям научной достоверности и точности, в связи с успехами науки в данный исторический момент, — знания фактов и законов их, т. е. обобщений этих фактов, обобщений, определенным образом формулированных, — знание настоящего в связи со знанием прошлого, из которого развилось ныне существующее, знание систематизированное, цельное, глубокое и широкое, дающее в своей совокупности возможно полную концепцию всего мироздания, знание, дающее возможно широкий научный кругозор, закругленное общее миросозерцание. Под вторым

мы понимаем силу критической мысли, уменье вникать в явления жизни, ничего не принимая на веру и добиваясь прежде всего достоверной, проверенной истины, уменье, как говорит В. Лесевич *, «сводить данное явление к его причине», ясность мысли и стремление к такой ясности, находящее свое полное удовлетворение лишь тогда, когда объяснение фактов приведено к понятиям, фактически обоснованным *, «способность ориентироваться в новых для нас данных опыта» *, развитие в себе самом свободной и независимой ни от каких авторитетов мысли — свободной в лучшем смысле этого слова. Под третьим мы понимаем настроение этическое и гуманное — общественное, без которого немыслимо правильное отношение к явлениям окружающей среды, никакая оценка этих отношений, никакое мало-мальски энергичное наступательное действие живой человеческой личности, направленное против тех сторон жизни, которые, с точки зрения этой оценки, не выдерживают критики и должны быть изменены. Чтобы быть борцом за лучшее будущее и работником во имя его, — а жить полною, настоящей жизнью, не будучи ни тем, ни другим, невозможно ни в наши, ни в какие другие времена, — необходимо реагировать на окружащее. Без этого реагирования никакое общее образование, никакое, даже самое глубокое и научное, миросозерцание ни к чему. Но чтобы реагировать на окружающее, необходимо иметь в своей душе не только знания и идеи; необходимо еще, чтобы они были там органически соединены — высокие идеи с чистыми знаниями. Факты и идеи должны не только светить, но и волновать. <...> Наше знание, понимание, настроение — это три нераздельных элемента живой человеческой личности.

Работник книжного дела должен служить, посредством распространения книг, не только распространению *знаний,* но и критического отношения к окружающей действительности, умения вникать в нее, умения вникать в окружающее в любом месте и в любое время. Другими словами, он должен помогать человеку в деле развития его понимания. Но и этого еще мало — работник книжного дела должен давать людям, кроме того, некоторый комплекс эмоций, настроений, чувствований, без которых немыслима не только духовная, но и всякая иная жизнь. Знание, понимание и настроение — три силы, кристаллизующиеся путем печати в книге и сохраняющиеся в потенциальном состоянии в библиотеке — совокупности книг. Большая и непростительная ошибка — понимать основные задачи книжного дела как распространение одних только знаний посредством распространения книг. Его задачи более широкие и более боевые. Поэтому всякий работник книжного дела должен прежде всего составить себе понятие о таком подборе книг, который давал бы *все три* вышеперечисленных элемента духовного развития человеческой личности — то есть знание, понимание, настроение.

§ 12. КНИГИ КАК ОРУДИЕ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ДУХОВНЫХ СИЛ

Все книги, которые только существуют или существовали на свете, могут быть прежде всего распределены по трем великим духовным силам, о которых здесь сейчас шла речь, смотря по тому, какой из этих трех сил данная книга служит больше и запас какой из них она в наибольшей степени собой представляет. Есть книги, дающие настроение, или, точнее говоря, настроения, в их бесконечных разнообразиях и оттенках, от боевого настроения революционного борца до расслабленного причитания размагниченного нытика, от мечтаний и тоски влюбленного Вертера до мировой скорби Фауста, до «философских горений» Фихте, до огненной убежденности Дж. Бруно и т. д. Критическая мысль, «понимание» также имеет бесконечное число оттенков. То она представляет собой острое лезвие тончайшего анализа, то орудие гениального творчества, мощный синтез творящего гения, указывающего новые пути в целях перестройки миропонимания всей жизни, то осторожное, кропотливое, вдумчивое и добросовестное исследование ученого. То же можно сказать о накоплении знаний и о их бесконечном разнообразии, о трудах исследователей, работающих над изучением разных сторон единой жизни и отдающих многие годы и даже всю свою жизнь делу собирания, констатирования бесконечно большого числа бесконечно мелких фактов, — ученых, делающих смелые и точные обобщения и выводы, создающих научный синтез и стремящихся выразить в кратких и точных формулах все разнообразие явлений жизни. Идеальная книга совмещает в себе все три силы — знание, понимание, настроение (например, такое соединение их можно видеть в «Истории английской литературы» Тэна, «Исторических письмах» П. Лаврова). Обыкновенно же эти силы встречаются в разных количествах и пропорциях. Есть литература настроений — типичной представительницей ее могут служить так называемая «изящная словесность», агитационная литература, некоторые произведения религиозной мысли, напр., «Слова верующего» Ламенне. Есть литература критической мысли, представителями которой могут служить произведения теоретического, обобщающего, абстрактного характера, некоторые философские произведения и многочисленная полемическая литература. Есть, наконец, литература знаний и фактов, систематизированных, классифицированных, описанных, оцененных и т. д.

При виде всякой книги невольно возникает вопрос — какой именно из трех духовных сил данная книга служит и в какой степени? В зависимости от этого, как мы увидим дальше, находится не только пользование книгой как оружием, но и практическое значение ее в данное время и в данном месте. Из всех этих сил наиболее практическое значение имеет, несомненно, настроение. В зависимости от его количества и его потенциаль-

ной энергии (напряжения) находится не только сила книжного влияния на данного читателя, но, в значительной степени, и сила усвоения книжного содержания читательским *большинством,* а значит, и степень исторического значения всякой книги. Работники книжного дела должны обращать особенное внимание на научные книги, написанные с настроением, и для каждой отрасли знания иметь подбор таких книг. По относительному напряжению трех духовных сил — знания, понимания и настроения — все печатные произведения могут быть распределены на три главных отдела. Во-первых, литературу интимную, литературу *личных переживаний,* литературу разных и всевозможных индивидуальностей, типичной представительницей которой могут служить произведения изящной литературы, а также произведения некоторых других изящных искусств (в особенности музыки); во-вторых, литературу *социальной среды,* регистрирующую и оценивающую ее явления, — литературу той общественной атмосферы, в которой мы все рождаемся, растем и действуем, которою мы все дышим, в которой нередко задыхаемся; и, наконец, литературу *среды космической,* регистрирующую и оценивающую явления природы (органической и неорганической). В произведениях, относящихся к первому типу литературы, несомненно, преобладает настроение. Именно их она регистрирует и оценивает. В литературе третьего типа, напротив, преобладает знание, и идеал этой последней — объективное, беспристрастное знание, регистрирующее факты и оценивающее лишь достоверность их и правильность их сообщения, а также выводов из этих последних. Литература социальная занимает промежуточное положение между этими последними: не лишенная настроения, она вместе с тем стремится к объективности. Что касается до понимания, то в лице исторической и экономической науки, а также статистики и некоторых других научных дисциплин, как уже было замечено выше, оно во все времена, всегда и всюду представляло собой не что иное, как «слугу настроения», и если объективное изучение всего существующего является идеалом и понимания, то лишь в области литературы космической идеал этот достигается в удовлетворительной степени; в литературе же социальной и интимной до этого последнего очень далеко. Понимание — та связка, которая охватывает собой все три литературы и соединяет их в единое целое силою человеческого суждения, с точки зрения ума, потребностей, запросов и интересов человеческой личности.

Распределение всех книжных богатств по вышеперечисленным трем типам литературы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как мы увидим несколько ниже, оно не может не быть принято в расчет при более детальной классификации книжных богатств по более детальным рубрикам. Следует при этом отметить, что распределение их по тем же трем рубрикам вполне совпадает и со степенью читаемости этих трех литератур. Литература настроений всегда была, есть и будет ли-

тературой самой читаемой. Литература наиболее объективная, которая в огромном большинстве случаев является и наиболее отвлеченной, — наименее читаема. Социальная литература и в этом отношении занимает среднее положение. Каждый исторический момент, каждый уголок Вселенной, каждая отдельная личность выдвигала, выдвигает, всегда будет выдвигать свои особые запросы на настроение, знание, понимание. Эти последние подлежат своеобразному распределению в пространстве и времени. Какое же настроение где является преобладающим? Какова цена этому настроению с точки зрения основных требований истины и справедливости? Надо ли бороться с ним или помогать ему? А если помогать или бороться, то каким именно способом? Какие же именно книги являются лучшими орудиями в данном отношении? Какие же именно книги являются наиболее важными для данной общественной группы, для данной личности? Вот вопросы, стоящие не только перед каждым работником книжного дела, но и перед каждым человеком, и знакомство с литературой настроений имеет в этом отношении громадную практическую ценность. Само собою является необходимость иметь в голове запас библиографических данных в ответ на вышеизложенные вопросы.

Но это не только относительно литературы настроений. Те же вопросы с небольшими изменениями можно предъявлять и к литературе социальной и даже космической. Работники книжного дела и всякие другие распространители и читатели книг должны вооружать себя систематически, имея в виду все эти три литературы вместе и отнюдь не одну из них.

§ 13. РАЗНЫЕ КАТЕГОРИИ РАБОТНИКОВ КНИЖНОГО ДЕЛА И НЕОБХОДИМЫЙ МИНИМУМ ИХ ЗНАКОМСТВА С КНИЖНЫМИ БОГАТСТВАМИ

За этими наиболее общими классификациями всех книжных богатств человечества должна следовать их классификация более детальная. Но прежде чем перейти к этой последней, нельзя не сказать несколько слов для предупреждения некоторых могущих встретиться недоразумений. Говоря о книжной классификации и вообще о книжных богатствах и наиболее целесообразном пользовании ими и предъявляя к работникам книжного дела определенные требования, необходимо не упускать из вида и степень практического осуществления этих требований. Вряд ли нужно доказывать, что миллионы людей, имеющих дело с книгами, сотни тысяч распространяющих книги и десятки тысяч работников-специалистов стоят и всегда будут оставаться на самых разнообразных уровнях книжных знаний и далеко не в одинаковой степени могут использовать их.

Даже самое понятие — «работник книжного дела» — понятие очень общее, и в него входят самые разнообразные категории не

только профессионалов-работников — библиотекари, книгопродавцы, издатели и авторы, с одной стороны, а с другой — все распространители книг, и среди них прежде всего учителя, учительницы, члены просветительных обществ и других просветительных учреждений, земские деятели и т. д., вообще работники самых разнообразных категорий. Можно ли предъявлять требования, изложенные в этой книге, в одинаковой степени к представителям всех этих пестрых категорий? Да и нужны ли столь детальные книжные и философские знания, о каких дальше будет идти речь, всем работникам книжного дела, напр., книгопродавцам, приказчикам книжных магазинов и т. п.? На этот вопрос, думается нам, не может быть иного ответа: «могий вместити, да вместит». Всякое знание, всякое сведение о книгах, находящееся в распоряжении человека, пользующегося так или иначе книгами, не может не пригодиться. Чем больше у него таких знаний, тем больше у него силы. Но, разумеется, не о максимуме знаний в данном случае нам приходится вести речь, а о необходимом минимуме их. Бесспорно, разные категории работников книжного дела для его целесообразного совершения требуют разной степени книжной подготовки. Некоторые работники могут делать свое дело недурно и с меньшей подготовкой, чем какая требуется от работников других категорий. Так, напр., далеко не все требования, которые должно предъявлять к библиотекарю, можно предъявлять и к книгопродавцу — и обратно. Этот последний должен, напр., лучше знать издательское дело и распределение книг по издателям, по годам и месту издания, но в меньшей степени книги, давно изданные, имеющие исторический интерес, журналы и журнальные статьи, за справками о которых и за покупкой которых публика к торговцу новыми книгами не обращается. Но букинист, торгующий оптом и в розницу старыми журналами, не может пренебрегать и такого рода знаниями. Знакомство с библиографическими редкостями и историей их имеет для торговца-«антиквара» даже особенный практический интерес, так как это позволяет набивать цены на распроданные книги. Знакомство со степенью их распроданности имеет очень большое значение и для покупателя, так как только на этой почве мыслима борьба с непомерным аппетитом разных господ букинистов, вроде Косцова, Чернова, Клочкова, Перевозкина, Шибанова и т. п., спекулирующих на библиографическом невежестве провинциальных покупателей. Несомненно большие сведения о книгах, в особенности же народных детских и популярных и даже научных, должен иметь каждый народный учитель, каждая учительница, и именно сведения, касающиеся книжного содержания, их внутреннего, идейного характера, сведения о месте, занимаемом данной книгой в истории литературно-общественных и научно-философских течений. Литература злободневная, текущая должна быть хорошо известна этой категории работников книжного дела, тоже и всем другим общественным деятелям, принимающим мало-

мальское участие в общественной жизни, если они в нее хоть немножко вдумываются и не желают окончательно быть ее пешками. Всякий мыслящий человек должен вырабатывать в себе творца жизни, по крайней мере, в той области, в которой ему приходится работать. Без знакомства с книжными богатствами человечества немыслима никакая творческая работа в более или менее крупных размерах. Для всех таких работников не должно быть и речи о каком-либо минимуме книжных знаний. И всем им мы говорим: не жалейте ни времени, ни труда, чтобы ими запасаться. Но еще более строгие и широкие требования приходится предъявлять к издателям, а тем более к авторам книг. Издатели должны иметь самое ясное представление о книжных богатствах не только своей родной страны, но даже и чужих стран и сознательно работать для планомерного расширения этих богатств посредством издания оригинальных и переводных книг. Издатели должны быть превосходными оценщиками *всякой* книги и уметь с наивозможной тонкостью определять значение, направление и вообще удельный (относительный) вес всего того, что они сами издают или что раньше издано другими. Книжные знания, которые мы старались сосредоточить в этом нашем труде, по нашему глубокому убеждению, представляют собой минимум того, что должен знать всякий издатель. Что касается до авторов, то не приходится даже говорить о том, чтобы этот минимум был достаточен и для них. Наш труд — это лишь введение в изучение минимума. Всякий автор в своей области должен быть знаком с книжными богатствами настолько детально, чтобы иметь возможность намечать интересные для него пробелы в них, которые он как автор и мог бы заполнить своими литературными работами. Это приложимо не только по отношению к литературе научной, но отчасти даже и к художественной, по крайней мере, для избежания перепевов старых тем, не всегда искупаемых новизною и художественностью формы. От издателя и от авторов нельзя не требовать особенно сознательной, планомерной работы для развития книжных богатств в их целом. Миллионы миллионов вопросов еще вовсе не затронуты в литературе. Есть бесконечное число пробелов во всех отраслях знаний и искусства. Миллионы других вопросов почти вовсе не разработаны — они еще ожидают разработки, ищут и зовут работников; миллионы книг устарели, выдохлись, нуждаются в обновлении, переработке, расширении, углублении и т. д. Разумеется, для собственного удовольствия отчего же не писать о том, о чем пишется, не обращая внимания ни на требования жизни, ни на современное состояние книжных богатств. Отчего не издавать кой-каких книг, если есть деньги. Но не на авторах и издателях такого рода держится и не ими развивается книжное дело, и не их усилиями действительно прогрессируют, делаясь все более и более ценными, книжные сокровища. Книжный рынок ждет сознательных и сведущих работников-творцов, сознательно идущих

на то, чтобы планомерно заполнять пробелы и зарывать пропасти. И не таких, которые бы делали свое дело с глазами, полузакрытыми их невежеством, а как люди действительно зрячие и знающие, что они делают, и умеющие постоять за исполнение взятых на себя задач, хотя бы ценою жертв со своей стороны, и уже, во всяком случае, не боясь всякого рода неприятностей. Светлый образ Ф. Ф. Павленкова, знаменитого русского издателя, искреннейшего книголюба, неутомимейшего борца за истину и справедливость, боровшегося за этот свой идеал посредством внедрения книги в самые широкие читательские круги, пусть будет руководителем для всех русских издателей, путеводной звездою и примером для их работы, в смысле ее широты, глубины, самой определенной целесообразности, ее глубоко общественного, философски-научного значения. Не приходится доказывать, что всей пишущей братии особенно необходимо быть хорошими знатоками книжных богатств. Ей даже стыдно говорить о минимуме знаний: ей нужно думать лишь о максимуме их. Повторяем, нет такого знания о книгах, которого не мог бы применить, т. е. пустить в оборот, вдвинуть в читающую толпу *всякий* работник книжного дела, будь он простой, скромный приказчик, будь он издатель, автор, земец и т. д., а об учителях и учительницах и говорить нечего. Для всех работников книжного дела всегда должно существовать одно общее правило, и вот какое: всегда при всяком случае старайся запасаться возможно бо́льшим количеством возможно разносторонних, широких и глубоких знаний о книжных богатствах вообще и о разных книгах, в частности; возможно больше ройся в книгах и возможно больше читай о книгах — сколько только можешь, как только можешь, к какой бы категории книжных работников ты ни относился, кем бы ты ни был среди них. Мы старались сосредоточить в нашем труде именно те книжные знания, которые, по нашему мнению, необходимы в более или менее одинаковой степени всем категориям работников книжного дела и вообще всем тем лицам, которые нуждаются в разностороннем знании книг.

§ 14. В МИНИМУМ КНИЖНЫХ ЗНАНИЙ ВХОДИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗНАКОМСТВО С ТЕМИ КНИГАМИ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. ЧТО ТАКОЕ КНИЖНОЕ ЯДРО?

В общей сокровищнице книжных богатств, созданных исторической жизнью человечества, существует некоторый центр, некоторое ядро, около которого группируется, сосредоточивается все наиболее крупное, увесистое, ценное. Можно заметить, при более или менее внимательном рассмотрении, центральное ядро и в бесформенной массе книжных богатств. К этому центральному ядру должны быть отнесены все произведения человеческого ума, чувства и воли, создания человеческого гения и таланта, тоже наиболее крупные, увесистые, ценные, наличностью чего, в сущности, и измеряется общественная сторона книжных богатств в их целом. Сравнением с этим книжным ядром опреде-

ляется идейная ценность всего прочего, существующего в печатном, рукописном и даже устном виде. Все прочее представляет собой как бы распыление или эманацию этого ядра, пересказы и комментарии, перетасовки и перестановки, им же нет числа и меры. Нужно ли доказывать, что главное внимание в области книжного дела должно быть направлено на возможно подробное знакомство именно с этим ядром этой, в полном смысле слова, всемирной литературы? Знакомство с книжными сокровищами, составляющими это всемирное литературное ядро, должно стоять на первом месте в системе знаний, необходимых в области книжного дела. Это-то книжное ядро и должно быть подвергнуто возможно детальному изучению, систематическому и разностороннему. Все, что добыто знанием и мышлением, все завоевания человеческих стремлений, знания и воли и лучшие выражения этих проявлений человеческой души необходимо искать именно в этом литературном ядре. В нашем дальнейшем изложении мы будем говорить поэтому только об этом последнем.

Спрашивается теперь, что оно из себя представляет? В конечном выводе, всякая литература как порождение ума, чувства и воли как отдельных личностей, так и общества — всевозможных общественных групп, национальностей и всего человечества как единого целого — представляет собой не что иное, как книжное отражение: во-первых, отражение человеческой души, во-вторых, общества человеческого, в-третьих, всей Вселенной, поскольку она изучена до настоящего момента умом человеческим. Книжные богатства в целом представляют собой литературное зеркало жизни, литературное выражение космоса, рассмотрение его с разных сторон, синтез которых ведет, в конечном итоге, к его общему пониманию. Знание, понимание, настроение жизни концентрируется ярче всего именно в этом ядре. Изучение Вселенной немыслимо без изучения, точнее говоря, без помощи изучения книжного ядра. Образование, самообразование, в конечном итоге, сводится к тому же. Знакомство с книжным ядром необходимо для каждого образованного человека вообще и всех работников книжного дела в особенности. Этим и определяется необходимый им всем минимум книжных знаний. Да и для всякого человека, если этот последний желает сделаться мало-мальски образованным.

И правда, что значит быть образованным? Это значит, прежде всего, — знать и понимать возможно шире, глубже и разностороннее жизнь как в отдельных ее проявлениях, так и во всем целом, самого себя и все окружающее как в его прошлом, в его истории, так и в настоящем, а насколько возможно, и в будущем. Но знать и понимать жизнь для человека действительно образованного — этого еще недостаточно. Есть нечто особенно важное и необходимое для каждого из нас и для человечества в его целом. Это нечто — *творчество,* способность к работе созидания, к инициативе, к переделке окружающей жизни. Человек во вре-

мя процесса своей жизни не может не вносить в нее кое-чего своего, не может не изменять, не дополнять ее, не переделывать, не творить, не разрушать. Какие же переделки и изменения должен он вносить в жизнь? Что и в каком направлении творить и разрушать? Какие задачи себе и другим поставить? К каким целям и идеалам стремиться? На все эти вопросы всякий мыслящий человек тоже не может не искать ответов, к тому же возможно определенных, точных, глубоких и ясных. Это тоже одна из насущнейших задач образования — и именно образования общего — одинаково необходимого и важного для всех людей. В тот же круг естественно входит еще одна не менее важная задача — умение действовать, творить, проводить свое в жизнь — задача чисто практическая, прикладная, но ею-то и измеряется не только истинность предыдущих двух, но и их справедливость, т. е. их нравственное значение, их житейская сила, их жизненный смысл. Усвойте определенный, законченный круг возможно точных знаний; определите цели вашей жизни, ваших стремлений, вашей работы, научитесь осуществлять их как в целом, так и в мелочах, на практике, и в вашей личной и в общественной жизни — таковы задачи образования. Таковы задачи *общего* образования, т. е. такого, которое необходимо *для всякого человека,* кто бы он ни был, и во всяком случае — для огромнейшего большинства людей. Всякий, кто желает жить мало-мальски человеческой жизнью, кто стремится углублять, расширять, украшать ее, делать ее и возвышеннее и напряженнее, в отличие от жизни общественных болот и лесов, не может не мечтать, не может не стремиться к общему образованию, не может не желать сделать из себя нечто большее, нечто лучшее, чем то, что он теперь представляет собой. Общее образование — цель очень многих и многих людей в настоящее время. Во имя блага, как личного, так и общественного, всячески надо помогать тому, чтобы эта цель сделалась целью всех, — помогать всеми возможными способами распространению общего образования в самых широких кругах. Каждый работник книжного дела, каждый распространитель книг, каждый учащий и учащийся должен думать прежде всего об общем образовании — и своем собственном и других и, прежде чем сделаться специалистом в какой-либо одной области, должен хорошенько понять и усвоить самые основы общего образования, по той простой причине, что всякий человек рождается не специалистом, а человеком вообще.

Общее образование занимает поэтому центральное место в области образования вообще, а книги, служащие общему образованию, занимают центральное место среди образовательных книг вообще. Отсюда следует, что всякий работник книжного дела, всякий стремящийся к образованию (своими или школьными средствами), всякий распространитель книг и борец за истину и справедливость, действующий книгой как орудием, прежде всего должен хорошенько изучить именно круг общеобразователь-

ных книг. Это и есть, если можно так выразиться, минимум минимума, нечто такое, что необходимо наиболее широкому кругу грамотного человечества.

Помогать общему образованию возможно большего числа людей — такова главная задача. Эта задача не может не соединять всех работающих над этим великим делом в одну дружную и многочисленную семью. И соединять их не насилием, не принуждением, а любовью к свету как одному из первых и самых необходимых условий для осуществления идеала справедливости на земле. Кто бы вы ни были, мой читатель, — библиотекарь или книгопродавец, переводчик или издатель, автор или вообще распространитель и читатель книг, учащий или учащийся, — все вы должны запастись именно знанием этого книжного ядра, а это последнее для всех вас в своих главных, основных чертах *одинаково.* Все вы должны получить представление, во-первых, о круге знаний в их целом, о *системе* их, во-вторых, о лучших книгах, существующих ныне в каждой отрасли знания, о их оценке, их характеристике и т. д. Если вы библиотекарь — в вашей библиотеке необходимо должен находиться систематический подбор книг, удовлетворяющий запросам читателей к общему образованию. Если вы книгопродавец, вам нужен *тот же* список общеобразовательных книг, потому что большинство покупателей — все те же стремящиеся к образованию. Если вы издатель, то, лишь познакомившись с наличностью общеобразовательного ядра, вы можете себе составить представление о том, что вам издавать. Если вы вообще человек, стремящийся к самообразованию, — вы должны отдать себе отчет в существовании всех отраслей знания как единой системы и лучших книг в каждом отделе его. О широком литературном развитии пишущей братии, о необходимости возможно полного и глубокого знакомства ее с книжным ядром уже было сказано выше. *Центральное место в деле изучения книжных богатств занимает изучение книжного ядра, а изучать это последнее одинаково важно для всех работников книжного дела.*

Здесь мы можем еще более сузить, но вместе с тем и сделать более определенной эту задачу нашего труда, которую мы формулировали выше. В дальнейшем нашем изложении мы будем говорить не об образовании вообще, а только об *общем* образовании, и не о книжных богатствах вообще, а только о тех, которые являются лучшим, т. е. наиболее ценным орудием общего образования.

§ 15. ТЕОРИЯ КНИЖНОГО ЯДРА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Теперь нам предстоит ответить на следующий вопрос: какие же именно книги, имеющиеся в книжном ядре всемирной литературы, наилучшим образом могут удовлетворить целям общего образования? Ответить на этот вопрос самым определенным об-

разом можно лишь одним способом, а именно — составить список таких книг. К этому, в конечном итоге, и сводится решение поставленной нами в начале этого труда задачи. Такой список мы и даем во второй части его, где читатель найдет каталог лучших русских книг, оригинальных и переводных, по каждой отрасли знания. Все эти книги там указаны и представляют собой в своей совокупности, по нашему мнению, ядро русских книжных богатств, и с этим-то ядром и должны познакомиться возможно детальнее все работники книжного дела и все стремящиеся к образованию.

К детальному изучению книжного ядра мы теперь и переходим. Мы будем говорить о нем как о едином целом, и так как это самое ядро представляет собой некоторую совокупность книг, некоторую библиотеку, особым образом, по особой системе составленную, то мы в нашем дальнейшем изложении и будем называть это книжное ядро *общеобразовательной* библиотекой, а комплект книг, для нее необходимых, каталогом *общеобразовательной библиотеки*. Далее, встречая у нас это последнее название, не следует забывать, что этот библиотечный каталог есть вместе с тем — каталог книжного магазина, ставящего своей задачей помогать делу общего образования; тот же каталог представляет собой и пособие для самообразования и образования, для читателей разных типов. Дело библиотек, книжных магазинов и самообразования — дело общее, и интересы всех их — интересы общие. Учение о библиотечном ядре представляет собой связующее звено для всех отраслей книжного дела, а служение возможно широкому распространению и возможно быстрому круговращению книг, входящих в состав этого ядра, — вот общая задача, и только при ее разумной и целесообразной, правильной постановке и практическом осуществлении возможно и материальное процветание вышеупомянутых просветительных учреждений. Упоминаем об этом, имея в виду российскую книжную рутину и узкое понимание книжных интересов, чем сильно грешат, как известно, некоторые книгопродавческие круги и некоторые отдельные книгопродавцы.

Переходим теперь к теории библиотечного или вообще книжного ядра и постараемся изложить эту теорию по следующему плану: прежде всего мы дадим общий очерк этой теории, набросаем ее самые основные и наиболее характерные черты так, чтобы наш читатель с наибольшей ясностью мог представить конструкцию этого ядра в его целом. Далее мы постараемся изложить детали этой конструкции, идя от общего к частному, — от распределения отделов к распределению книг по отделам, затем к описанию и характеристике самих книг, к распределению их авторов в пространстве и времени и, наконец, к характеристике некоторых наиболее важных литературно-общественных и научно-философских течений и некоторых наиболее выдающихся авторов.

ГЛАВА II

ОБЩИЙ ОЧЕРК ТЕОРИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ЯДРА

§ 16. ПО КАКОМУ ПЛАНУ И В КАКИХ ЦЕЛЯХ ПОДБИРАТЬ КНИГИ ДЛЯ БИБЛИОТЕК И КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ?

Все существующие книги можно разделить на три главных типа:

1. Книги *общеобразовательного характера* по всем главнейшим отраслям литературы и науки, необходимые широким кругам читателей и прежде всего тем, кто посредством чтения стремится пополнить свое недостаточно законченное образование и выработать систематическое общее миросозерцание, необходимое каждому человеку, кто бы он ни был и на какой бы ступени общественной лестницы и духовного развития ни стоял.

2. Книги *специальные,* заключающие в себе сведения по какой-либо одной или нескольким, близко между собою связанным отраслям знания, — книги, необходимые прежде всего специалистам для их кропотливых и детальных работ по тому или иному вопросу и не интересные читателям неспециалистам в этой области знания.

3. Произведения *злободневные,* быстро теряющие свой интерес вследствие своего назначения служить только текущей жизни, книги «пункта и момента» — уставы, отчеты и т. п., документы текущего времени, умирающие вместе с ним, не интересные ни для специалистов, ни для неспециалистов, но имеющие большое служебное значение для общественной жизни.

Вряд ли нужно доказывать, что каждый из этих типов книг имеет свое самостоятельное и определенное значение, свой raison d'être[1], преследует свои особые цели.

По этим трем типам книг могут быть классифицированы и библиотеки, и книжные магазины, и каждая такая организация их получает тоже определенное значение и нуждается в определенной постановке, в зависимости от своей цели, а значит — и от своего круга читателей. Все библиотеки и книжные магазины по составу книг, в них находящихся, могут быть разделены на такие типы, в зависимости от того, распространению какого типа книг служит данная библиотека или книжный магазин, и какие книги представляют наибольший интерес для данного читателя.

а) Библиотеки и книжные магазины специальные, заключающие в себе книги по какой-либо одной или нескольким отраслям знаний, обслуживающие главным образом специалистов-работников;

---

[1] право на существование, причина существования (*франц.*).

б) Библиотеки и книжные магазины общеобразовательные, обслуживающие широкую публику и главным образом имеющие в виду ее стремление к образованию и самообразованию;

с) Библиотеки и книжные магазины смешанного типа, библиотеки-книгохранилища, принимающие в свои недра и хранящие там *всякие* книги, не отказывающиеся ни от какой книги и стремящиеся сохранить всякое произведение печати от нарушения времени, независимо от спроса на него со стороны читателей.

Из всех типов библиотек и книжных магазинов нельзя не поставить на первое место именно тип *общеобразовательный*. Учреждения этого типа не только должны идти навстречу запросам самообразования, но и иметь такую организацию, чтобы возможно полнее и целесообразнее удовлетворять их. Правда, библиотека-книгохранилище (по типу Петербургской Публичной), как и большие книжные магазины, в конечном итоге, должна удовлетворить и читателя-специалиста, и человека, работающего над своим общим образованием, но этот конечный итог, достижимый для больших учреждений, располагающих почтенными средствами, в сущности, недостижим на практике для огромного большинства библиотек-книгохранилищ. Как известно, большинство наиболее известных книгохранилищ обыкновенно не удовлетворяет ни ученого-специалиста, ни человека, ищущего общего образования. Книгохранилище только тогда может удовлетворять и специалистов и неспециалистов, когда в него войдет как составная часть целый ряд библиотек специальных и, кроме того, определенным способом организованная библиотека общеобразовательная. Эта-то последняя и имеет особенно важное значение для самых широких кругов: она-то и есть то, что можно называть *библиотечным ядром*, то есть совокупность тех именно книг, которые придают библиотеке ее общеобразовательное значение. Спасать печатный материал от разрушительной работы времени и хранить его для будущих веков — задача, несомненно, весьма почтенная. Но не менее почтенная и другая задача — служить своему собственному веку и ныне довлеющей злобе дня. Весьма и весьма почтенное назначение — помогать работе небольшого кружка специалистов, двигающих науку, но не менее почтенная работа — идти, посредством распространения книг по разным отраслям знания, на помощь читающей *толпе*.

Воздействием на эту последнюю и влиянием прежде всего на *массу* современников и измеряется значение всякой библиотеки, всякого книжного магазина, всякого распространителя книг, и тем более общеобразовательных. Об учреждениях этого-то типа и можно сказать, что это — первые слуги читающей толпы, просветители народной массы — слуги текущего времени, помощники в выработке общего миросозерцания и в распространении общих идей.

Из вышенамеченных трех типов образовательных учреждений мы остановим наше внимание исключительно на этом центральном, т. е. общеобразовательном, типе. Мы будем говорить только о таких из них, которые ставят главной своей задачей *идти, на помощь общему образованию путем рационального содействия планомерному и самостоятельному чтению*. Мы будем говорить теперь об общей схеме подбора книг для общеобразовательных библиотек и книжных магазинов.

§ 17. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП ПОДБОРА: СИСТЕМАТИЧНОСТЬ, ЗАКРУГЛЕННОСТЬ, ЗАКОНЧЕННОСТЬ

Что значит удовлетворять запросам самообразования, этой особенно жгучей потребности современной читающей публики? Для человека, над ним работающего, это значит иметь возможность добывать все необходимые для этого дела книги. Для библиотек и книжных магазинов это значит, прежде всего, иметь в своем составе определенный подбор книжного материала, возможно полный, разносторонний, охватывающий если не все, то, по крайней мере, главнейшие отрасли жизни, мысли и знания. Общеобразовательная библиотека или магазин должны содержать в себе определенный *цикл книг*. В их основе должна лежать определенная *схема знаний*, в основе которой должна, в свою очередь, лежать определенная *схема явлений природы*, охватывающая *всю жизнь*, всю Вселенную; первая схема должна явиться отражением второй. Случайность подбора, случайность плана и в том и в другом случае не должны иметь места. Правильно организованное общеобразовательное учреждение (будь то библиотека или книжный магазин), составленное не по куцей и односторонней программе, должно отражать собою прежде всего саму жизнь, во всем разнообразии ее проявлений, во всем бесконечном множестве ее сторон и областей. Другими словами, в его основе должен лежать определенный научный план, имеющий не только субъективное, но и объективное значение. На этом плане следует немного остановиться.

Поставим, прежде всего, такой вопрос: каким требованиям каких читателей должна удовлетворять правильно организованная общеобразовательная библиотека и тем более книжный магазин? Ответ на этот вопрос, в самой общей формулировке, может быть только один: они должны удовлетворять *всем* запросам всех читателей, ищущих общего образования.

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые, —
На проклятые вопросы
Дай ответы нам живые [1].

---

[1] Г. Гейне.

Но каким же способом этого достигнуть? Опять-таки этого можно достигнуть одним способом, а именно — положив в основу подбора книг определенную систему или *цикл* наук, цикл знаний и идей. Если в этот цикл войдут все области жизни, мысли и знания, и все они будут представлены книгами в достаточно полной степени, и к тому же книгами начиная от самых популярных, то всякий читатель, кто бы он ни был, найдет в библиотеке или магазине, организованных таким образом, то, что ему желательно там найти. *Поэтому систематический подбор книг — это первое необходимое требование, какое следует предъявить к правильно организованной общеобразовательной библиотеке или книжному магазину.*

Но ответы, которые должна давать книга человеку, должны быть ответами действительно живыми, т. е. жизненными, как сказал Гейне. Библиотека должна служить человеческой личности, а через ее посредство служить жизни. По этому определению, понятие «общеобразовательной библиотеки» или «общеобразовательного» книжного магазина должно быть существенно пополнено: к их задачам должно быть отнесено и служение злобе дня, ее пониманию, ее выяснению, наконец, созданию или умножению сознательных работников и борцов путем чтения таких книг, которые не только дают знание, но также и понимание, и настроение. Как вечная истина, так и жгучая злоба дня должны найти в библиотечном ядре каждая свое место. Общеобразовательные библиотеки и книжные магазины должны служить посредством определенного подбора книг не только распространению знаний, но и пониманию и настроению.

§ 18. ВТОРОЙ ПРИНЦИП: ЭКСПОНИРОВАНИЕ ЗАКОНЧЕННОЙ И ЗАКРУГЛЕННОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Общий план правильно организованного учреждения, имеющего целью распространение общеобразовательных книг, по нашему мнению, должен быть таков. Такое учреждение должно не только рисовать перед читателями общую картину знаний, накопленных и классифицированных человечеством в разных странах и в разные времена: это лишь половина задачи. Знания, накопленные таким образом и кристаллизованные в книгах, могут спокойно пребывать на полках без всякого движения целые десятки и даже сотни лет, и самые замечательные книги могут оставаться без читателей только потому, что те не знают, что и как читать. Эти читатели нередко не спрашивают самых лучших и подходящих к их потребностям книг, и это лишь по своему незнанию. Учреждение *нравственно обязано* давать читающей толпе не только книги, но и *знание книг*, и помогать выбору их, *указывая*, по мере возможности, даже *самый порядок чтения.* По нашему глубокому убеждению, это дело должно быть отнесено не только к обязанностям всякого работника книжного дела — оно должно быть организовано *независимо от него*, оно

должно быть включено в круг обязанностей *самого учреждения*, напр. *библиотеки* — посредством правильной организации *библиотечного каталога*. Другими словами, *каталог общеобразовательной библиотеки должен быть каталогом рекомендательным*. То же самое должно сказать и про каталог хорошего книжного магазина. Книгопродавцы, преследуя свои коммерческие выгоды, очень часто совсем забывают, что эти выгоды не только не противоречат, но совпадают с их определенным, идейным, систематическим служением делу общего образования. Их сознательная работа над распространением хороших общеобразовательных книг не может не отозваться благотворно и на экономической стороне их дела. Каталоги хороших книжных магазинов, как это и поняли уже некоторые из них, должны помочь этому.

Самый каталог должен служить некоторым ручательством за качества указываемых им книг, за их литературную, историческую или какую-либо иную ценность. Он должен указывать место каждой книги в общей системе каталога, а значит — и в общей системе знаний: он должен говорить сам за себя. Он должен служить читателю руководством для знакомства с систематическим подбором лучших книжных богатств, пособием, живым, деятельным руководителем среди этих богатств, указывая лучшие и, по крайней мере, в данное время еще незаменимые книги и вместе с тем предоставляя самый широкий простор в выборе материала для чтения самому читателю, ничем не стесняя этого выбора, а, напротив, самой системой рекомендации подчеркивая необъятный простор и грандиозность человеческого знания.

§ 19. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП: ПРИМАТ ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ КАТАЛОГА

Рекомендательный каталог должен раскрыть перед читателем не только совокупность *книжных богатств*, но и совокупность *явлений мировой жизни*. Он должен рисовать *общую схему* этих явлений, потому что эта схема явлений есть вместе с тем и план *самообразования и общего миросозерцания*, выработка которого и составляет цель нашего труда. При такой постановке дела и самые заголовки отделов и подотделов явятся уже своего рода вехами в путешествии читателя, при помощи рекомендуемых каталогом книг, по всем уголкам Вселенной. Такой каталог развернет перед читателем схему цельного и определенного миросозерцания. Он же должен вести не только от книги к книге, но и от науки к науке, от одной отрасли знаний к другой, уясняя не только эти последние, но и соотношение их между собою, заинтересовывая как частностями, так и обобщениями и затем обобщениями этих обобщений, так, чтобы читатель ни на минуту не забывал, что мир един и неразделен, что в нем бесконечное множество тесно связанных между собою сторон, *неотделимых* друг от друга, но *отделяемых* человеческим умом и классифицируемых под разными рубриками лишь вследствие несовершенства чело-

вечеcкого ума и лишь для большего удобства изучения. Другими словами, каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки или магазина должен давать читателю общую картину не только анализа, но и синтеза мира. Заглавия отделов — это своего рода *библиотечный скелет*, где каждая косточка осмысливается своим отношением к другим его частям.

§ 20. ЖИЗНЬ КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ В СИСТЕМЕ КАТАЛОГА

Вторая часть его представляет собой опыт такого общеобразовательного каталога, в основе которого положена схема общего образования. Исходя из этих соображений мы и приступили к этому нашему труду. Позволим себе поэтому обратить внимание читателей на самые основные черты общего расположения его отделов и подотделов, так как схема, в его основании лежащая, по нашему мнению, может быть вполне применима и для больших и для малых общеобразовательных библиотек и книжных магазинов. Можно эту схему, сохраняя ее основные черты, и сжимать и распространять, сливать мелкие рубрики в одну крупную, или разбивать их на рубрики еще более мелкие; можно проделывать с той же схемой и иные манипуляции, если распределение тех или иных параграфов кому-нибудь покажется неудобным. Но не в этих мелочах самая суть дела, она в общем плане каталога. А этот план, как мы уже сказали, есть вместе с тем и схема общего образования. В нее входят все главнейшие отделы и все существеннейшие вопросы, естественно входящие в общий план самообразования. Переходя от одной рубрики каталога к другой, читатель вместе с тем мысленно, так сказать, делает и обзор всей совокупности человеческой и мировой жизни, мысли и знания.

Прежде всего, следующие три основных круга жизни, три цикла явлений располагаются в этой схеме в своем естественном порядке: во-первых, круг жизни самой *интимной*, самой близкой для каждого человека, жизни обыденной, со всеми ее мелочами и мелочишками, со всеми переживаниями, внешними и внутренними; во-вторых, жизни *социальной*, общественной, в той же мере охватывающей своим целым как данного человека, так и всех прочих людей, и, наконец, в-третьих, жизни *космической*, жизни Вселенной, ничтожнейшую частичку которой составляет и человек. Беллетристика, а с нею и другие изящные искусства являются выражением жизни интимной — выражением, равноценного которому не дает никакой другой отдел литературы. Науки о человеческом обществе обнимают второй круг, науки о природе — третий круг. Поэтому на первом плане стоит в каталоге литература настроений — беллетристика — один из отделов изящных искусств, за которым следует ряд других искусств — мир вопло-

щенных эмоций и ярких жизненных образов. За беллетристикой следует публицистика — мир общественных стремлений и течений, а за ней — этика, высшая нравственная оценка эмоций и стремлений, как личных, так и общественных, затем естественно следует отдел социальной жизни и как введение в него — отдел истории, в котором раскрывается историческая жизнь человечества как единого социального целого. За историей этого целого следуют обзоры *отдельных его сторон*, затем естественное их завершение, их синтез — социология — краткое резюме общественной жизни человечества, наука, формулирующая самые законы существования и развития человеческого общества вообще. Еще далее рассматривается человечество в его отношениях к окружающей природе, затем идет речь о разновидностях и видах этого человечества, т. е. о племенах и расах его. Еще далее это самое человечество изучается как определенный зоологический вид, один из множества других таких же видов, со всеми его психическими и биологическими особенностями. Наконец, следует картина общей животной психо-биологической жизни, одно из проявлений которой составляет человек. Далее картина еще более расширяется — жизнь животных есть одно из проявлений жизни органической вообще, и за отделом, озаглавленным «животный мир», следует отдел, озаглавленный «мир растений». После этих двух великих отраслей органической жизни следует отдел *о жизни вообще*, а за ней, лежащий в ее глубине, мир явлений, происходящих в органическом и неорганическом *веществе*, и, наконец, мир движений этого вещества и различных проявлений *энергии*. Еще дальше следует картина Вселенной, картина мира как единого целого. Таким образом, переходя от отдела к отделу, от одной отрасли знания к другой, от одного круга явлений к другому, из области в область, читатель, по мысли составителя этой книги, восстанавливает в своем уме общую картину мироздания. Он от жизни социальной переходит к жизни органической, к явлениям психо-биологическим, от них — к явлениям неорганической природы. Но и этим еще не заканчивается общая схема. Недостаточно изучить мир — необходимо изучить и оценить *самые орудия его изучения* — именно изучающий, анализирующий и синтезирующий *разум*. Так, из области мироведения, стремясь все глубже и глубже в поисках за истиной, мы входим в область тех наук, на которых зиждется самое *изучение* мира; и, наконец, самые основы этого изучения, — именно *человеческое познание*. А над всем этим стоит философия — наиболее общий и глубокий синтез всего познаваемого и познающего, заключающий собой общую картину, — своего рода вершина научной пирамиды, верхняя точка чрезвычайно сложного здания, опирающегося на бесконечно большое число сложных и изменчивых фактов, из совокупности которых и слагается самая жизнь природы, понимая это слово в самом широком смысле.

§ 21. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП: ПРИ ПОСТРОЙКЕ ОБЩЕЙ СХЕМЫ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРИНЯТА В РАСЧЕТ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В таком порядке и распределены, как читатель увидит дальше, все отделы нашего каталога. Бросим теперь взгляд на одну сторону того схематического порядка отделов, о котором сейчас было сказано. Если присмотреться к этому порядку в самых общих чертах, то нетрудно заметить, что переходы, нами намеченные, выражают собой вместе с тем и переходы от более сложного к более простому, от более частного, близкого, человеческого, к все более и более общему, более глубокому, космическому. Но ведь это и есть общий ход эволюции человеческого мышления, которая, как о том говорит история науки и философии, шла в течение веков в той же последовательности и проходила такие же фазы. Правильно организованный каталог в общих основных чертах воспроизводит эту же эволюцию. Переходя от отдела к отделу или от науки к науке, читатель вместе с тем переходит в более и более детальных рубриках от одной стороны жизни к другой и постепенно анализирует Вселенную. Далее, идя от общих обзоров к обзорам частностей и от *анализа* отдельных сторон жизни, изучаемых отдельными науками, он переходит к *синтезу* мира как единого целого — к философии как общему результату всех наук, к общему миросозерцанию и миропониманию, охватывающему в единой общей концепции все науки, все системы, всю жизнь. По мысли составителя, таким образом распланированный каталог общеобразовательной библиотеки должен раскрывать перед читателями не только *названия знаний*, но и общую *связь и перспективу* их — своего рода галерею наук, фактов и идей, логически и реально между собой связанных, взаимно друг друга дополняющих и углубляющих и всей своею совокупностью сходящихся в одной точке, а именно — человеческой личности, ее критически и научно мыслящем разуме, опирающемся на реальные, проверенные факты и путем гипотез и их научной проверки идущем от обобщения к обобщению. Библиотека, как это было уже сказано, *может и должна* представлять собой *книжное отражение Вселенной*, всех ее областей — и в отдельности, и в связи, в частностях и в целом.

§ 22. ПЯТЫЙ ПРИНЦИП: ИСТОРИЧЕСКАЯ И ВООБЩЕ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Но и этого еще мало. Общеобразовательная библиотека должна сделать из себя книжное отражение Вселенной во всей ее многообразной сложности, не только такой, какова она *есть* в настоящее время, какою познал и понял ее человек, но и такою, какова она *была* в прошлые времена, со всеми переменами, которые происходили и произошли в ней в бесконечно длинном ря-

ду давно минувших веков, поскольку это прошлое раскрыто наукой. «Все течет, все изменяется», — сказал когда-то древний философ. Вселенная — это не что иное, как ряд бесконечно следующих одна за другой перемен. Все изменяется в пространстве и времени, все вместе с тем относительно. Все имеет свою историю. Все можно и должно рассматривать с исторической точки зрения. Время есть архитектор и фактор, и верховный судья. Поэтому, преследуя вышенамеченную цель общего образования и сообразуя с этой целью подбор книг, и желая дать не только пособие при их *выборе*, но и общую *схему* постепенно расширяющихся и углубляющихся знаний, нельзя не отвести в этой схеме подобающего места *исторической точке зрения*. История — это переход от простого к сложному или от сложного к простому, превращение одного явления в другое, а этого в третье, во много других явлений. Говоря об общей схеме самообразования (а значит, и о подборе книг), нельзя не развернуть перед читателем возможно полнее и возможно шире общие перспективы фактов и теорий не только в пространстве, но и во времени, начиная, например, с наиболее близкой нам современности и все более и более погружаясь в глубину времен, переходя от истории человечества к истории предшествующей ему органической жизни, а затем к истории неорганической природы, к истории Космоса. В своих основных чертах общий план каталога экспонирует и историческую последовательность главнейших фаз мировой эволюции. Это и видно из предыдущего.

Но и этого еще недостаточно. Историческая и эволюционная точка зрения должна быть продолжена еще и в ширину. Во-первых, есть история фактов, явлений, во-вторых, еще есть история *объяснений* этих фактов, их толкований, их теорий. Если для понимания мироздания, т. е. для общего образования, крайне важно знать факты и их вечный поток, изменяющийся в течение времени, то не менее важно знать и историю группировки этих фактов, производимую человеческим умом в разные исторические моменты по-разному. Самые идеи и теории о современности, об истории человечества, о человеческом обществе, о психической и биологической жизни, об основных законах вещества и силы и о всем Космосе тоже ведь имели свою историю, и изучать современные представления и учения о них — это значит изучать единый момент в ряде многих других моментов, прошлых и будущих. Поэтому историческую точку зрения на явления мировой жизни мы должны дополнить исторической точкой зрения на самые теории о ней и потому истории *теорий* отвести в нашем каталоге почетное место, насколько только нам позволит наличность имеющихся на русском языке книг. Борьба с догматизмом, по нашему глубокому убеждению, — одна из задач правильно поставленного общего образования. Самая планировка каталога должна быть основана на принципе такой борьбы, и правильно

организованная общеобразовательная библиотека должна самим подбором книг и их рекомендацией принять возможно деятельное участие в этой же борьбе.

§ 23. ШЕСТОЙ ПРИНЦИП: ФАКТЫ ВПЕРЕДИ ТЕОРИИ И ГИПОТЕЗ. ИСТОРИЯ — ОЦЕНЩИК И СУДЬЯ

Но пойдем дальше. История мира и история идей и теорий о нем не есть нечто нераздельное и между собой связанное. Давно сказано: факты вечны, идеи изменчивы. Есть книги, дающие читателю главным образом факты; есть другие книги, дающие главным образом идеи. Задача самообразования заключается в том, чтобы каждая усвоенная идея опиралась на факты. Человек, работающий над своим самообразованием, должен усвоить и факты и идеи. Поэтому при распространении общего образования путем определенного подбора книг нельзя не отводить одного из самых важных мест таким книгам, которые дают читателю знание фактической стороны данного вопроса; а потому и при организации библиотеки или книжного магазина в их каталогах нельзя не выдвигать книг о фактах на первый план, а на второй план, за ними ставить идеи и концепции, их объясняющие; поэтому и в нашем каталоге мы старались заканчивать каждый его отдел теорией или философией данной отрасли знания, делая ее как бы заключительным его аккордом. Поэтому же мы ставили, например, историю и описание современного политического или экономического строя прежде теорий их — то есть учения о праве и политической экономии, зоологию и ботанику раньше биологии и т. д. Так мы делали по возможности в каждом отделе. То же самое, и в силу тех же соображений, мы сделали и в конце всего каталога. Философия как общая теория мироздания, *общая теория теорий*, общее резюме и сводка философий отдельных наук — это «обобщение обобщений» и является в нашем каталоге, так сказать, заключительным резюме в ряде других таких же.

§ 24. ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ НАМИ К КАТАЛОГУ

Сводя все вышесказанное к одному, мы приходим к следующему заключению: рационально составленный каталог, имеющий в виду тех, кто работает над своим самообразованием, в целях выработки общего миросозерцания, должен удовлетворять, прежде всего, следующим четырем крайне важным требованиям:

1. Он должен указать такому читателю книги по всем главнейшим отраслям знаний, входящим в систему общего образования.

2. Он должен дать их читателю в определенной системе, так, чтобы читатель мог видеть эту систему в самом каталоге, из самого распределения отделов в нем, чтобы это самое распределе-

ние их уже раскрывало читателю одну область Вселенной за другой.

3. Развертывая, таким образом, *картину Вселенной*, самим подбором книг для такого каталога нужно помогать знакомству с книгами и даже оценке их содержания — в одних случаях фактического, в других теоретического, — не забывая при этом, что и факты и теории имеют свою историю. Поэтому в основу того же каталога надо положить еще следующие более частные принципы:

а) Нужны книги, дающие знание фактов. Нужны книги, знакомящие с теориями.

б) Сначала факты, затем теории.

с) И факты и теории — в связи с их историей.

4. Каталог же должен указывать читателю тот путь, по которому должен идти человек, серьезно и вдумчиво работающий над своим самообразованием, над выработкой своего общего миросозерцания.

Первые три требования — это требования теоретические, четвертое требование — педагогическое, практическое. Удовлетворяя первому, мы рисуем картину мира в пространстве и времени посредством определенного подбора лучших книг. Удовлетворяя второму, мы идем навстречу *личности человеческой* — данному человеку, живущему в определенном уголке земного шара, в определенный исторический момент, с определенной жаждой света и правды. Удовлетворение же одновременно двух вышеуказанных требований — это синтез общего, мирового с частным, индивидуальным, это призыв и посильная помощь личности человеческой выйти из своего уголка, чтобы охватить всеми силами своего духа жизнь человека, жизнь человечества, жизнь Космоса.

§ 25. СЕДЬМОЙ ПРИНЦИП. ТЕРПИМОСТЬ К ЧУЖИМ МНЕНИЯМ

Он состоит в том, что, подбирая книги для каталога общеобразовательной библиотеки, отнюдь не следует замалчивать тех мнений, которые почему-либо кажутся неверными, несправедливыми, несимпатичными составителям каталога[1]. Если эти мнения более или менее распространены — с ними нельзя не считаться, их нельзя не опровергать, с ними нужно бороться. А чтобы делать это рационально, их надо знать, понимать, ценить и оценку их необходимо производить, по меньшей мере, с трех точек зрения: во-первых, с точки зрения *исторической*, потому что всякий поток мнений, всякое литературно-общественное течение представляет собой прежде всего продукт истории, результат некоторых исторических обстоятельств. И если история по-

---

[1] В этом параграфе наиболее отчетливо выразились ошибочные взгляды Рубакина, за которые его критиковал В. И. Ленин. — *Ред.*

родила эти мнения и позволила им получить распространение, значит, с этими мнениями нельзя не считаться. Нужно дать себе отчет — что же именно породило их, какие именно условия этому благоприятствовали или благоприятствуют? Что их оправдывает, что их опровергает с исторической точки зрения? Во-вторых, необходимо производить оценку всякого мнения с социальной (общественной) точки зрения — с точки зрения той общественной среды, в которой данное мнение возникло. Давно уже замечено, что между всяким мнением и этой его общественной средою всегда существует некоторая связь, то резко бросающаяся в глаза, то скрытая. Всякое мнение неотделимо не только от человека, его имеющего, но и от *интересов* этого человека. На характер человеческих мнений не может не оказывать огромного влияния характер человеческих интересов. Вряд ли нужно доказывать, что среди этих последних одно из первых мест, если не первое, занимают интересы материальные, т. е. экономические, — вопросы еды и питья и всяких удобств жизни, вплоть до источников дохода и собственности включительно. Как известно, у каждого класса общества есть свои, если не исключительно ему свойственные, то во всяком случае преобладающие источники доходов. Иной живет продажей своего труда, иной процентами с капитала, иной доходами с земли, с собственности. В каком же отношении данные мнения, данные направления мысли и стремления, идеалы, мечтания и надежды находятся в социальной жизни? С какими интересами совпадают, кому именно выгодны? Вот вопросы, которые сами собой возникают при оценке каждого мнения, и лишь изучение той среды, в которой эти мнения распространяются, ее интересов — экономических, политических и всяких иных особенностей может дать ответ на этот вопрос. Никакое мнение без его социальной оценки, как и без оценки исторической, понято быть не может. Но и этой оценки еще недостаточно. В-третьих, для мнений необходима еще высшая оценка, с точки зрения их истинности, т. е. их соответствия с действительностью. И, правда, одно дело *факт*, и совсем другое дело мнение о факте, одно дело — жизнь, и другое дело — ее понимание. Истиной называется, как это уже было сказано выше, согласие мнения с фактами. Между тем нередко истиной называются не только мнения, не совпадающие с действительностью, но и заведомо искажающие ее в силу интересов, пристрастия, привычек, инстинктов, заблуждений, логических ошибок, преданий и т. д., и т. д. Оценивать мнения с этой третьей точки зрения — это значит отделять в них то, что соответствует действительности, от того, что не соответствует ей. Всякое мнение можно рассматривать не только как мнение, в основе которого лежит некоторое стремление, желание, домогательство, но и как факт. И в качестве фактов наука подвергает все мнения тоже более или менее строгому изучению и исследованию. Даже не вдаваясь в оценку их с социальной или какой-

либо иной точки зрения, наука изучает характер мнений, их сущность, их соответствие с действительностью в данное время, в данном месте, их логичность или нелогичность и т. д. Лживость всякого мнения должна быть таким способом выводима на чистую воду, и миллионы разных мнений потому и разрушились и разрушаются, что не выдержали такой проверки действительностью. Так, разлетелись, напр., в последние годы стремления некоторых общественных групп выдавать свои собственные воззрения за мнение всего русского народа и всячески доказывать, что этот последний доволен решительно всем, что с ним проделано, вплоть до массовых телесных наказаний включительно. С лишком сто лет тому назад также разлетелось в пух и прах мнение, что «Людовик XVI — самый добрый и излюбленный народом король». Не выдержали проверки действительностью и возражения против дарвинизма и социализма, которому в свое время пророчили самое ничтожное распространение. Поэтому, прежде чем принимать или осуждать то или иное мнение, нельзя не вспомнить старое изречение: amicus Plato sed magis amica Veritas (*лат.*) (Платон мне друг, но истина еще больше друг). Наконец, в-четвертых, всякое мнение, всякое явление подлежит оценке не только с точки зрения истины, но и с точки зрения *справедливости*, нравственной и социальной правды. Нет и не может быть такого мнения, теории, направления, миросозерцания, которое не подлежало бы оценке в этом последнем отношении. Одно дело — действительность и другое дело — нравственная ценность ее. Одно дело — познание истины, другое дело — оценка ее, определение ее этической и социальной ценности. Из предыдущего следует, что всякие мнения, а тем более такие, которые имеют общественное значение, не только нельзя замалчивать, но необходимо знать и оценивать как с исторической, так и с социальной, научной и этической точек зрения. Не наши личные мнения и оценки должны служить нам руководством для подбора книг, а *история мнений* и самый факт их существования в окружающей нас жизни. Разносторонняя оценка мнений и историческая точка зрения, руководящая подбором их, думается нам, лучший способ не превращать себя в цензоров и не иметь ничего общего с цензурой. Мы позволяем себе повторить здесь замечательные и благородные слова Д. С. Милля, одного из самых ярких, объективных и глубоких защитников свободы мнений и терпимости к ним, какого только создал XIX век. «Если бы весь род человеческий, — сказал Д. С. Милль *, — за исключением только одного какого-нибудь человека, был известного мнения, а этот человек был мнения противоположного, то и тогда все человечество имело бы не более права заставить молчать этого индивидуума, чем какое имел бы и сам индивидуум заставить молчать все человечество, если бы имел на то возможность». «Если мнение правильно, то запрещать выражать его — значит запрещать людям знать истину и препятствовать им вый-

ти из заблуждения; если же мнение неправильно, то препятствовать свободному его выражению — значит препятствовать достижению людьми не меньшего блага, чем и в первом случае, а именно — более ясного уразумения истины и более глубокого в ней убеждения, как это обыкновенно имеет своим последствием всякое столкновение истины с заблуждениями». «Желающие уничтожить какое-нибудь мнение или помешать распространению его, конечно, признают его ложным; но ведь они могут ошибаться». А лишать кого бы то ни было средств принять участие в обсуждении вопроса — значит признавать свои личные мнения за абсолютную истину, значит — объявлять притязание на непогрешимость; но ведь людская непогрешимость вещь очень сомнительная. «Люди охотно признают, что могут ошибаться, но мало таких людей, которые бы считали нужным принимать какие-нибудь меры предосторожности против своей непогрешимости и допускали бы предположение, что, может быть, мнение, считаемое ими истинным, и есть один из примеров той непогрешимости, которую они сознают за собой. Люди, облеченные обширной властью, и вообще люди, привыкшие к тому, чтобы окружающие их безусловно соглашались с их мнениями, обыкновенно питают к своим личным мнениям безграничное доверие, к какому бы предмету ни относились они». <...>. Придавая особенно важное значение принципу терпимости для очень широких кругов русских читателей, мы позволим себе впоследствии несколько подробнее остановиться на нем, а также возвращаться к нему не раз и в нашем дальнейшем изложении.

§ 26. ВОСЬМОЙ ПРИНЦИП: СОСТАВЛЯЯ СПИСКИ КНИГ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ЧИТАТЕЛЬСКИХ ТИПАХ И ИХ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

К этим четырем требованиям, формулированным выше, надо прибавить еще три.

В основу библиотечного каталога должно быть положено возможно разностороннее изучение читателя как с точки зрения его научной подготовки, так и с точки зрения психических и социальных типов его. Необходимо принимать в расчет и относительную читаемость книг. Говоря об общем распределении отделов в схеме общего образования и об их распланировании в общеобразовательном каталоге, мы намеренно поставили вперед беллетристику, то есть отдел наиболее читаемых книг, а в конце — философию, то есть отдел книг, читаемых наименее. Естественность вышенамеченной схемы подтверждается и тем, что она в общих чертах соответствует и относительной читаемости книг из разных отделов. Составляя обзор книжных богатств, в целях распространения общего образования, полезно, по нашему мнению, идти, насколько позволяет нам общая схема, от книг, наиболее читаемых, к читаемым относительно слабее. Этот прин-

цип тоже принят нами в расчет при составлении 2-й части нашего труда, т. е. каталога, в ней содержащегося. Как читатель увидит из самого каталога, в этом отношении, — по крайней мере, в общих чертах, — нам не приходилось делать отступлений от заранее выработанной схемы. Как известно из библиотечной практики и из отчетов общественных библиотек, отдел беллетристики находит себе особенно много читателей; читаются как отдельные произведения беллетристов, так и беллетристические произведения периодических изданий. На втором месте после беллетристики по степени читаемости стоят книги и статьи по истории литературы, по публицистике, критике и разным этическим вопросам, связанным с жизнью, — вопросам, разработке которых, как известно, уделяется немало места и в трудах критиков и публицистов. За этими отделами по степени читаемости стоит отдел истории, а за ними — разные отделы общественных наук. Книги по психологии и естествознанию читаются гораздо меньше и еще меньше книги по математике и логике. Наконец, книги по философии по своей отвлеченности и трудности понимания находят себе относительно очень мало читателей. Эта же схема читаемости подтверждается и издательской статистикой: число экземпляров, в которых печатаются книги разных отделов, выше всего в отделе беллетристики и ниже всего в отделе философии, убывая постепенно от первой к последней. Наблюдаются лишь очень немногие исключения из этого правила, не нарушающие общей картины.

Такова схема читаемости, издательства, а значит, и покупаемости книг, выводимая из изучения читающей толпы, как столичной, так и провинциальной. Такова же в общих чертах и схема нашего каталога. Мы располагали в нем отделы, стараясь всегда принимать в расчет не только схему научную, но и схему *относительного спроса на книги*. Другими словами, мы старались принимать в расчет *потребности* читающей массы.

Пойдем теперь еще дальше. По мысли составителя, как мы видели, каталог должен представлять собой своего рода *лестницу отделов*, по которой каждый желающий, если только он ретивый читатель, мог бы идти вверх *своими средствами*. И это не только в том случае, если он — личность выдающаяся, но и тогда, когда он самый обыкновенный человек из толпы. Рекомендательный каталог общеобразовательной библиотеки должен обслуживать прежде всего толпу, а не «героев», которые и сами могут себе помогать. Исходя из тех же соображений, необходимо положить в основу подбора книг для общего образования, а значит и для общеобразовательных каталогов, тот же принцип *всем открытой лестницы*, и это не только в общей схеме отделов, но и внутри каждого отдела, насколько позволяет это сделать имеющийся под руками библиографический материал. Нужно иметь в виду читателей разных степеней научной подготовки, так, чтобы всякий читатель, на какой бы ступени развития он ни

стоял, мог найти понятную для него книгу во всякой отрасли знания, во всяком отделе каталога. Поэтому, составляя каталог, необходимо помещать в него книги, подходящие для всех главнейших ступеней подготовки, и подбирать книги по возможности по каждой отрасли знания и по каждому вопросу в восходящей трудности понимания, вводя в каталог, во-первых, книжки так называемые *народные*, во-вторых, научно-популярные, в-третьих, научные, требующие от читателя известной подготовки. Эти три категории книг — это тоже своего рода лестница.

Но есть еще одна сторона дела не менее важная, чем предыдущая, которая тоже должна быть принята в расчет при подборе книг в целях общего образования. Читатели, как и люди вообще, бывают не только различных степеней образовательной подготовки, но и различных складов ума, различных особенностей в области чувства и воли и вообще различных характеров, темпераментов, типов, и книга, очень подходящая к читателям одного типа и их вполне удовлетворяющая, нередко совершенно не подходит к читателям других типов. Нужно иметь в виду, говоря о наличности книжных богатств и о их подборе, читателей, по крайней мере, наиболее характерных и распространенных типов.

Итак, мы имеем еще следующие три требования:

5. При общей распланировке отделов необходимо принимать относительную читаемость книг.

6. В каждый отдел вводить книги различной трудности понимания.

7. Наконец, книги, подходящие для различных психических и социальных типов читателей.

Сделав эти общие замечания о тех требованиях, которые необходимо, по нашему мнению, предъявлять к библиотечному ядру, а значит, и к каждой правильно организованной общеобразовательной библиотеке, а значит, и к ее каталогу как путеводителю по ней, переходим теперь к детальному рассмотрению каждой рубрики каталога в отдельности [1].

ГЛАВА VI

ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА

§ 75. РАБОТНИКИ КНИЖНОГО ДЕЛА И МАШИНКИ ДЛЯ ВЫДАВАНИЯ И ПРОДАВАНИЯ КНИГ

Составить списки хотя бы самых лучших книг, хотя бы по самой рациональной и научной системе подобранных, — этого еще мало. Это лишь половина дела. Необходимо сделать эти книги еще читаемыми — приблизить их к читателям, а читателей к

[1] Главы III—V нами опущены. — *Сост.*

ним — пустить их в обращение, возможно более широкое, возможно более быстрое.

Как это обыкновенно делается? Если оставить в стороне относительно очень немногочисленных книжных фанатиков и знатоков читательской психологии, то в огромном большинстве случаев дело распространения книг у нас в России (да и не только у нас) находится в очень печальном положении. Ни библиотекари, ни книгопродавцы, ни издатели не умеют распространять книги. Они обыкновенно лишь поджидают, когда сам читатель придет к ним и спросит книгу; они плохо умеют, а то и совсем не умеют рекомендовать книгу читателю, а рекомендовать ему книгу подходящую — и тем более, как мы знаем из личных знакомств со многими и многими работниками книжного дела, эти последние в большинстве случаев не имеют ни малейшего представления о том, что собственно следует называть «подходящей» книгой. Эти два слова в ушах даже очень опытных и бывалых книжников звучат шаблонно; мерка для оценки таких книг, у кого она и имеется, тоже шаблонная: для «читателей из народа» нужна книжка народная, дешевка в сытинском стиле, для детей — детская: в золоченой обложке — для зажиточных и попроще — для детей «так себе»; для студентов — с «душком», т. е. с «тенденцией» и т. п. Правда, и такого рода эмпирические данные имеют известное значение. Но нельзя не видеть, что такие массовые суждения настолько грубые и «суздальские», что строить на них книжное дело вряд ли практично. Правда, иные книжники обладают довольно изощренным нюхом. Но и «нюх» — понятие довольно неопределенное и требует, по меньшей мере, дополнений и поправок с какой-то другой стороны, о которой нужно подумать и подумать. Не в нюхе самая суть дела, а в действительном понимании, во-первых и прежде всего — *психических типов читателей, во-вторых, социальной среды*, в которой живут, воспитываются, действуют эти последние. Не вникая в эту сторону дела, даже самый опытный книжник, превосходно знающий не только состав книжных богатств, но и характер этого состава, и самые книги, не может быть хорошим распространителем книг. А о заурядных книжниках и говорить нечего. Иногда просто тяжело и даже стыдно становится, глядя на них — глядя на то, как хорошие люди, стоящие около хорошего дела, и сами мертвы, и это дело делают мертвым, превращаясь, в свою очередь, из людей в «машинки для выдавания книг» или механические счетчики. А между тем подходи они к делу с несколько иной стороны, взгляни они на него по существу — они бы и сами ожили и это дело оживили бы; в свою очередь, и оно дало бы, несомненно, глубокий и светлый смысл их собственному существованию, обыкновенно такому серенькому, бесцветному, жалкому, однообразному и мучительному. Стоя у книжного дела, прежде всего надо понять его основную задачу, его глубоко общественный, можно сказать, исторический, мировой смысл; надо понять его

непосредственную, практическую связь с духовной жизнью человечества; надо понять, что, стоя около такого дела, даже слабый из слабых делается сильным, если только он возьмет в свои руки орудие истины и справедливости, против которого беспомощны все силы адовы; нужно *почувствовать* этот переход, возможный для всякого мало-мальски жизненного человека — переход от бессилия к силе, от бессмысленной жизни к осмысленной — превращение из человека, еще вчера, быть может, загнанного и забитого, в человека, понимающего, что он делает, и куда идет, и как надо это делать, и как идти; надо почувствовать непосредственную связь каждого отдельного работника с чем-то великим, светлым, радостным, непреоборимым, что называется работой для лучшего будущего и своей родной страны, и других стран, путем органической, планомерной работы в целях распространения знания, понимания, настроения. Мы отчасти уже говорили об этом, но мы никогда не устанем это же повторять, тем более, что лично по себе знаем все значение такого сознания; и это не трудно понять всякому русскому человеку, особенно живя в таком периоде русской истории, когда уныние делается повальной болезнью, и люди теряют, благодаря своему настроению, связь с жизнью. Но как же, спросим, терять ее, когда для каждого человека уже есть дело, такое дело, в котором всякий, кто бы он ни был, действительно может (а по-нашему и должен) принять участие? Разве все вопросы у всех людей оказались уже решенными? Разве все добытые человечеством знания уже распространены? С другой стороны, разве настроение бодрого человека, умевшего работать и бороться, не заразительно? Разве быть нытиком или машинкой для выдавания книг слаще, чем бодрым работником и борцом? Мы глубоко убеждены, что даже при самых тяжелых условиях и личной, и общественной жизни, работа в книжном деле все-таки и целесообразна, и плодотворна, — нужно понять ее душу, ее суть, и с задачей большого дела слить задачу своей, хотя бы и маленькой и скромной жизни.

§ 76. НАДО ВДУМЫВАТЬСЯ В ДУШУ ЧИТАТЕЛЯ

Чтобы быть хорошим распространителем хороших книг, *надо вдумываться в душу читателя.* Надо почувствовать и понять ее искания. Надо особенности этой души понять и, поняв, пойти им навстречу. «Когда гора не идет к пророку, пусть пророк идет в таком случае к горе», — говорит одно мусульманское изречение. Если читатель не идет к хорошей книге, надо сделать так, чтобы сама книга пошла к нему. И пошла именно та самая, которая может затронуть данную читательскую душу. И пошла бы так, чтобы сам читатель не заметил ее наступления. Только вдумываясь в читательскую психологию, чутко и внимательно присматриваясь к этой душе и стараясь понять ее в связи с общими условиями места и момента, можно делать хорошее дело

действительно хорошо. На этой же психологической и социальной почве должно быть поставлено и дело самообразования. Попробуем наметить в самых общих чертах некоторые практические приемы, необходимые для такой постановки.

Чтобы читатель принялся за чтение книги, нужно, во-первых, чтобы он узнал о ней, о ее существовании, о некоторых, хотя бы наиболее важных качествах ее; во-вторых, нужно, чтобы читатель заинтересовался всем этим; в-третьих, чтобы он нашел данную книгу настолько для него нужной, что отдал бы часть своего времени на ее чтение; в-четвертых, нужно, чтобы читатель нашел ее не только нужной, но еще понятной, а главное — интересной, чтобы книга действительно затронула и разум, и чувство читателя. Но и этого еще мало. Все силы книги не в том, чтобы «шевелить мозги и душу», и не в том, чтобы представлять собой, как выражался Н. М. Карамзин, «приятное чтение, не оскорбляющее вкуса», а в том, чтобы книга затрагивала *волю*. Затрагивать волю — в этом и состоит главная задача книжного дела. Будь книга чисто научной или будь она сборником самых чувствительных стихов, будящих самые тонкие и даже возвышенные чувства, — не в этом главная ценность, не в этом значение книги. Правда, можно и даже должно быть ей благодарным и за такие ее влияния и чувствовать даже счастье за сладкие минуты, проведенные за ее чтением. Но не в этом выражается главная сила книги. Ее суть в том, чтобы побуждать волю, порождать действия, проявлять силу, способную в *жизни* оставлять свой след, — и так, чтобы, исследуя результаты, действия как явление объективное, можно было судить о самой книге: вот что она дает жизни при таких условиях. Давать знания, понимание, настроения, пуская книгу в ход, — вот что значит приближать ее к жизни.

§ 77. ОЗНАКОМЛЕНИЕ С КНИГАМИ ПУТЕМ ИХ ОПИСЫВАНИЯ

Что нужно делать, чтобы читатель мог узнать книгу? Книжная практика выработала целый ряд приемов для знакомства читателя с книгой. Оставляя в стороне всякого рода рекламы, не имеющие ничего общего с основными задачами книжного дела, и гг. издателей и торговцев, беззастенчиво рекомендующих свой собственный «товар», скажем несколько слов о других более корректных приемах наступательного действия на читателя. Основным приемом, ведущим к цели наиболее рационально, должна быть *правильно организованная и возможно объективная, описательная, систематическая* рекомендация книг. На этой стороне дела необходимо несколько остановиться.

В первой главе мы говорили о том, что каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки должен быть каталогом *рекомендательным*. Это слово «рекомендательный» нуждается в некотором пояснении. Есть рекомендация и рекомендация. <...>. Мы придаем этому слову наиболее широкий

смысл. Рекомендация прежде всего ничего не должна навязывать и никого не должна стеснять. Она должна лишь раскрывать перед читателем, во-первых, по возможности полную и обоснованную *систему знаний*, во-вторых, давать по возможности полный список относительно хороших книг, имеющихся в обращении, такой список, который говорил бы не только о названии, но и о характере книг. Все прочее — дело самого читателя. Библиотечный каталог, как мы уже говорили, должен по возможности облегчать всякому желающему приобретение общего миросозерцания, указывать *систему*, указывать *дороги*, или, точнее говоря, лестницу знаний, а по какой дороге и куда идти — это пусть решает сам читатель. Большинство начинает свое чтение с отдела беллетристики и затем поднимается по ступеням каталожной лестницы все выше и выше. Но это не единственно возможный путь: работать над выработкой общего миросозерцания можно, идя, так сказать, и сверху вниз, и снизу вверх, и даже скачками. Каждый отдел библиотечного каталога, даже каждая книга могут быть рассматриваемы как исходный пункт, от которого живой человеческой душе открыты дороги во все стороны. Каждый читатель может начинать свое дело самообразования на свой собственный лад, идя от того вопроса, который кажется ему в данное время наиболее интересным и занятным. Важно только одно — чтобы, начав это дело, читатель не прекращал его, а переходил бы от книги к книге, из отдела в отдел, из одной области знания в другую, и это до тех пор, пока не будет пройдена сверху вниз или снизу вверх вся лестница знаний. Правда, путь несистематический не есть самый лучший, и В. И. Чарнолусский в своей прекрасной брошюре «О самообразовании» совершенно справедливо восстает против такого пути *. Вместе с тем тот же автор не менее справедливо замечает, говоря об общем плане самообразования: «Чрезвычайно важно, чтобы этот план, по возможности, совпадал с естественной классификацией научных дисциплин, основываясь на их внутренней, живой связи». Но не менее важно, чтобы он соответствовал также индивидуальным особенностям приступающего к занятиям. Присоединяясь всецело к такой постановке вопроса, мы все же не должны забывать, что жизнь нередко ставит дилемму: или система, или индивидуальность. Что выбирать из этих двух? Основываясь на изучении читательских типов, нельзя не высказаться за второе. Для каждой индивидуальности существует своя система занятий даже при наличности хотя бы самой бесспорной системы знаний. Экспонирование второй необходимо и для первой. Но и здесь рекомендация сводится к экспонированию. Рекомендация книг должна быть не чем иным, как *организованной свободой их выбора*. Ее задача — развертывать перед читателями естественную систему знаний и их законченный круг; указывать на их существование и их соотношения, на разные течения мысли, господствующие в каждой области, на сущность этих течений, на сущ-

ность и характер и содержание книг, экспонирующих все это наиболее рельефно и полно. Имея перед собою все это, читатель сам уже будет искать, а при такой системе рекомендации и найдет то, что именно ему нужно.

Спрашивается теперь, как сделать так, чтобы читатель возможно меньше ошибался в пригодности книги, им для себя выбираемой? Для этого необходимо, чтобы читатель с помощью каталога мог судить, во-первых, *о содержании* книги, во-вторых, *о степени ее понятности* для него как читателя, стоящего на такой-то ступени образования. Ознакомлению читателей с содержанием книг, вводимых в каталог, помогает отчасти выписывание полных заглавий их. Но судить о содержании книги по одному заглавию далеко не всегда представляется возможным. Эти заглавия или слишком общи (напр., «Общий очерк истории», «зоологии» и т. п.), или слишком частны, или слишком иносказательны и вычурны (напр., «На рубеже XIX столетия», «За 10 лет практики», «Хлеба и света», «Алый меч» и пр., и пр.). Общие заглавия для большинства читателей кажутся чем-то казенным, «учебным»; читатель же этот желает не столько *учиться*, изучать, сколько читать или «почитывать», соединяя приятное с полезным. Что касается до вычурных кличек, то они обыкновенно вводят читающую толпу в обман, а наиболее серьезных и вдумчивых читателей отталкивают от книг. Вообще говоря, заглавия в огромном большинстве случаев для читателей, мало сведущих в науках, не представляют собой даже и намека на то, что в данной книге имеется ответ на такой-то живой, жизненный, захватывающий, наболевший в его душе вопрос. Поэтому, кроме выписывания полных заглавий, необходимы и другие способы экспонирования книжного *содержания*. Просматривая каталоги наших провинциальных библиотек, нельзя не удивляться, до какой степени гг. составители каталогов незнакомы с самыми элементарными требованиями библиографии. Они не только не выписывают заглавий книг, они иногда пересказывают эти заглавия своими словами, путают не только имена, но и фамилии авторов; автора ставят за переводчика и обратно; умалчивают об издании книги, об имени издателя и переводчика, совершенно упуская из виду, что издание изданию рознь и что читателю вовсе не безразлично, читать ли Байрона в издании Брокгауза или в издании Иогансона, читать ли Уоллеса «Чудесный век» в издании Павленкова, или ином и т. д. Имя издателя, как и имя переводчика, уже не говоря об имени самого автора, объясняет читателю очень много. Этого не следует забывать. В настоящее время имя книгоиздателя играет ту же роль, какую играет в журналистике имя действительного редактора журнала: оно служит рекомендацией книг. Имена таких издателей, как, напр., Ф. Павленков, Л. Пантелеев, О. Попова, Е. Кускова, Брокгауз-Ефрон, «Знание», «Посредник», «Шиповник», «Современные проблемы», «Просвещение», «Мир», «Пироговское товарище-

ство», Mathesis, «Вятское товарищество», «Сотрудник», «Сотрудничество», «Общественная польза», Спб. издательство, «Образование», «Наука», В. Яковенко, бр. Гранат, К. Тихомиров, Е. Трауцкая, ред. журн. «Право», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий» и многие другие — суть те же ручательства за направление и за качество изданий. Описательно-рекомендательное значение имеют и указания имен переводчиков, и числа изданий, и его особенностей («исправленное, дополненное», иллюстрированное и т. п.), и времени издания. Опытный издатель, хорошо знакомый с историей так называемых «веяний», по цензурным датам уже может строить основательные предположения о том, насколько урезана та или иная книга в русском переводе. Поэтому мы рекомендуем составителям библиотечных каталогов возможно тщательнее относиться к библиографической стороне дела и, вписывая книги в каталог, помечать: 1) фамилии авторов; 2) их имена; 3) названия книг, воспроизводя их без всяких, даже ничтожных, сокращений; 4) имена переводчиков, буде книга переводная, с указаниями, с какого языка она переведена; 5) номера и свойства издания (напр., 2-е, 3-е, «исправленное», «сокращенное», «с изменениями» и т. п.); 6) имя издателя или название издательской фирмы; 7) год и место печатания; 8) цену книги продажную и даже 9) число страниц, шрифт и формат, чтобы читатель имел возможность судить по каталогу даже о размерах книги, соображая эти данные с количеством времени, которым он располагает. Официальное библиографическое издание прибавляет к этому еще указания и веса книги, адреса типографии, где книга печаталась, и адреса склада ее. Бесспорно, такие сведения очень полезны для книжных магазинов, и эти последние не должны пренебрегать ими, разумеется, при условии, что каталоги их не будут составляться столь же небрежно и безграмотно, как каталоги «Книжной летописи». Вообще нужно принять за правило, что самым лучшим средством для распространения хорошей книги может и должно служить ее *описание* — это описание нужно делать при всяком удобном случае возможно полным и возможно беспристрастным, не пренебрегая ничем для того, чтобы объективно познакомить читателя с содержанием и характером книги. Описание говорит ему больше всяких выхваливаний, особенно же самовыхваливаний à la товарищества [1] М. Вольфа и И. Сытина. Заграничные книгопродавцы давно уже ввели в систему такие описания, а за ними практикует в довольно корректном виде у нас товарищество «Знание», О. Попова, «Шиповник» и некоторые другие. Разумеется, в библиотечных каталогах не найдется места для описания всех хороших книг, имеющихся в данной библиотеке. Но есть описание и описание. Напр., очень удачная форма придана им в «Книге о

---

[1] Термин «товарищество» в дореволюционную эпоху обозначал особую форму акционерного общества. — *Сост.*

книгах». Очень неудачные, а подчас и невежественные описания можно найти в «Указателе исторических книг»*, изд. «Подвижным музеем учебных пособий в Спб». Заслуживает внимания почин московского столичного попечительства о народной трезвости, издавшего «Толковый указатель»* для народа, составленный из объективных описаний лучших книг. Очень хороша форма рецензий, принятая за правило в «Что читать народу». Заслуживает внимания форма библиографических описаний, практикуемая *А. И. Лебедевым* в его указателях*, *И. В. Владиславлевым* в указателях «Что читать?»* и т. д. Вообще желательно выписывать в каталоге при названиях книг, напр., их оглавления, хотя бы и сокращенные, и отрывки из предисловий и т. д., как это и делается в некоторых библиотеках (напр., в каталоге Рязанского общественного собрания, в каталогах библиотек О. Поповой (Черкесова), Л. Т. Рубакиной, ныне библиотеки о-ва «Образование» в Спб. и т. д.). Даже более того. Каталог Рязанского общего собрания содержит в себе при некоторых именах авторов краткие биографии и характеристики их, заимствованные из библиографических и историко-литературных словарей, — нововведение, которое нельзя не рекомендовать всем общеобразовательным библиотекам в целях превращения их каталогов в каталоги описательные.

§ 78. КНИЖНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И КНИЖНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

Но при всем том одного описания книг еще мало, потому что оно еще не затрагивает душу читательскую и не будит в ней живых и наболевших вопросов. А ведь именно в искании ответов на такие вопросы и заключается *тайна стремления к книге*, ее притягательной силы, ее реформирующего, возрождающего влияния на человека, и не только на его воззрения, но и на деятельность. Усилить влияние библиотеки или книжного магазина на читающую толпу — это значит показать, объяснить, растолковать этой толпе, что эти учреждения *могут и должны помочь* исканию ответа на *любой* вопрос, какой только зародится в душе любого читателя. Работники книжного дела должны раскрывать малоподготовленным, еще только начинающим жить и мыслить читателям самое существование многих и многих вопросов, которые до того времени и не возникали в их уме, и планомерно помогать исканию живых ответов на них. Каким же способом они могут это сделать? Читатели, которые имеют возможность рыться и роются в книгах, наталкиваются на эти вопросы во время этого самого, хотя бы сначала и поверхностного, знакомства с книгами. Но что делать тому, кто в книгах не роется, и не умеет, и не может рыться? Перелистывание каталога для такого читателя значит еще очень мало; заголовки вписанных туда книг говорят, как мы видели, слишком невнятно и на непонятном языке. Является необходимость в каком-нибудь новом каталогиза-

торском приеме, и этот последний, по нашему мнению, может быть, напр., такой: необходимо к такому каталогу, как, напр., наш, приложить *список* хотя бы наиболее важных, наиболее выдающихся, жгучих вопросов, наичаще возникающих в уме всякого человека, работающего над своим самообразованием и развитием; необходимо составить такой список, исходя, во-первых, из изучения книжного содержания, *независимо* от заглавий книг, во-вторых, от изучения читающей толпы, независимо от степени ее подготовки. Далее, необходимо около каждого вопроса, введенного в такой список, указать книги (и даже, быть может, и главы и страницы книг), в которых читатель мог бы найти ответы на эти вопросы и вообще материалы для решения их. Указать вопросы и пути для получения ответов — вот задача для такого указателя. Этот последний должен по возможности вместить в себе содержание всех или громадного большинства книг, введенных в каталог, и, повторяем, вместить это содержание *независимо от названий, заголовков книг*, словно бы их и не было. Пересмотреть все введенные в каталог книги, познакомиться с их содержанием и познакомить с ним и читателей — в этом и состоит задача того, кто возьмет на себя работу по составлению такого указателя. Как ни громадна и как ни ответственна такого рода работа, мы все же решили сделать попытку составления этого указателя, воспользовавшись счастливым случаем, выпавшим на нашу долю в виде тридцатилетней жизни среди книг. Вторая часть нашего труда и представляет собой попытку составить такой указатель. В первой главе мы говорили, что в число задач книжного дела входит ознакомление читающей публики не только с его задачами, не только со схемой общего образования, не только с внутренней организацией каждого из отделов этой схемы — с фактами, с их историей и географией и теориями, — но и с направлениями научно-философской и литературно-общественной мысли, наконец, с самими авторами, по крайней мере наиболее выдающимися, и их произведениями. В этом и состоит один из последних этапов намеченной нами выше программы, и мы делаем попытку осуществить его во второй части этого нашего труда. Читатели найдут там впереди каждого отдела краткий библиографический очерк его — «предварительные замечания». В них мы, во-первых, стараемся давать общую характеристику каждого отдела, выбирая ее из произведений какого-либо знатока и специалиста, во-вторых, даем характеристику общих обзоров отдела и некоторых монографий, стараемся распределить авторов, вошедших в отдел, если это оказывается возможным, по странам и по эпохам, по направлениям и по вопросам. Далее, мы стараемся характеризовать каждое направление, приводя выдержки из первоисточников или же опять-таки пользуясь трудами специалистов, изучивших этот отдел. Далее, в каждом отделе теоретического или философского характера мы обращаем особенное внимание на наиболее выдающиеся теории

и стараемся по первоисточникам изложить самую сущность их, не входя при этом в их обсуждение и критику и отводя место в таких случаях наиболее выдающимся представителям *всех* направлений, будь это К. Победоносцев или Л. Толстой, один из правых или один из левых [1]. Далее, не ограничиваясь теориями, мы стараемся давать, где нужно и можно, списки наиболее существенных вопросов по всем отраслям знания, жизни и мысли. Около упоминаемых в «предварительных замечаниях» авторов указываются номера книг, в которых читатели могут найти ответы на эти вопросы. Иногда около номеров указываются и названия вошедших в сборники статей и даже главы и страницы. Быть может, некоторые вопросы, даже очень важные, не попали в наш указатель, и все же не в них суть. Неполноту эту можно будет пополнить и впоследствии, для чего, быть может, понадобится коллективный труд какой-нибудь специальной комиссии; мы же старались указать и рекомендовать лишь самый *метод*, который, по нашему мнению, может сослужить хорошую службу читающей публике, а также, разумеется, и всем лицам, стоящим около книг, в деле ознакомления их с книжным содержанием не по одним только заглавиям, в целях приобщения читающей массы к сокровищам человеческого знания, понимания и гуманно-общественного настроения.

§ 79. КНИГИ С НЕДОСТАТКАМИ И БЕЗ НЕДОСТАТКОВ

Переходим теперь к вопросу об относительной понятности книг, вводимых в каталог или вообще рекомендуемых работниками книжного дела. Рекомендательный каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки должен быть составлен так, чтобы любой такой работник, любой читатель имел возможность решить по этому каталогу не только то, какая книга ему интересна по своему *содержанию*, но и какая книга ему, читателю, может быть доступна по своему *изложению*. Без практического разрешения этого крайне важного вопроса самый лучший подбор книг может показаться огромному большинству читателей не чем иным, как своего рода недоступной крепостью. Организовать общеобразовательную библиотеку или магазин правильно — это значит организовать выбор *интересных и понятных* книг. Книги не понимаемые и вообще неинтересные — все равно, что книги не существующие. И даже более того — это книги не только не читаемые, но и отбивающие иногда охоту читать. Каталог должен учить выбору книг. Как известно, неудачный выбор первой книги в целях самообразования имеет громадное влияние на всю последующую работу. Бывают случаи, когда человек, искренне стремящийся к свету, в отчаянии махал рукою

---

[1] Здесь особенно ярко проявляется эклектизм и надпартийность Рубакина. — *Ред.*

на самого себя после того, как три или четыре книги, которые он пробовал читать в поисках за ответом на мучивший его вопрос, оказались недоступными для него. Другой пробовал было заниматься по программам домашнего чтения (Московской и Петербургской комиссий) — и получался тот же результат. Есть масса стремящихся к свету читателей, которые испытали на себе все последствия неумелого выбора или неудачной рекомендации. Вряд ли мы ошибемся, сказав, что рекомендательные программы (быть может, за исключением программы Панова, Нестроева и Струмилина *), так сказать, летят над головой тех самых слоев читающей публики, которым они и предназначены. Программа указывает такую-то определенную книгу; читатель пользуется этими указаниями и после долгих трудов и усилий бывает принужден бросать то, что ему рекомендовано. Правда, есть немало и таких людей, которые вовсе не опускают рук и после многих неудач, но большинство все же таково, что после одной или другой неудачи теряет веру в самую лучшую программу и начинает искать подходящих книг для самообразования на стороне; ищет — и находит. Но каковы же эти вновь находимые книги? Во-первых, они гораздо проще написаны, чем рекомендованные в программах. Как известно, в эти последние введено очень мало собственно популярных книг, и при этом многие не введены, хотя и существуют на рынке. Не введены книги, более просто написанные, нередко потому, что в них встречаются те или иные научные погрешности или какие-нибудь другие недостатки, побудившие специалиста-профессора поставить из-за этих погрешностей крест над всей книгой. Бесспорно, научная точность — одно из необходимых требований, какие следует предъявлять даже к самой популярной книге, но все же, думается нам, из-за некоторых научных неточностей (много ли таких книг, где таковых нет?) все-таки нельзя браковать книгу, подобно тому, как это сделал один из самых почтенных журналов, давая свой резкий отзыв о «Популярной биологии» Лункевича. Точно так же с очень большой осторожностью нужно относиться к большинству рекомендательных каталогов, еще больше повинных в том же отношении. <...>

Читатель, начинающий читать, не считается с мелочами. После каждой прочитанной им книги у него остается только *общее впечатление* от нее. От интенсивности этого последнего зависит самая судьба чтения. Среди популярных книг, не только русских, но и иностранных, за исключением, быть может, произведений наиболее выдающихся авторов, соединяющих в своем лице и специалиста и популяризатора, вряд ли найдутся такие книги, в которых ученый специалист не найдет некоторых ошибок. Спрашивается, что же целесообразнее: ждать, пока появятся книги без всяких научных ошибок, или указывать читателю пока что книгу, не совсем лишенную их? Мы предпочитаем делать второе. Разумеется, есть всему предел. Но все же круг рекомендуемых книг

должен быть *значительно расширен* при современной бедности научно-популярной русской литературы. В нашем труде читатели найдут, быть может, кое-какие книги, которые, на взгляд очень строгих ценителей, покажутся недостойными никакой, даже принимаемой нами, очень условной рекомендации. Тем не менее мы сознательно вводили эти книги в наш каталог за неимением лучших, и, если наша книга дождется третьего издания, мы произведем в ней соответствующие замены одних книг другими, более ценными. В настоящее же время необходимо делать, как мы делаем, и не будет, по нашему мнению, особенного вреда для читающей публики, если мы введем в наш каталог кое-какие книги, забракованные специалистами. Мелочные ошибки и неточности сгладятся при дальнейшем чтении, лишь бы была правильно выяснена в книге самая суть дела.

§ 80. КЛАССИФИКАЦИЯ КНИГ ПО ПОДГОТОВКЕ ЧИТАТЕЛЯ

Вопрос о понимании книги есть, прежде всего, вопрос о научной подготовке читателя и о его умственном развитии. С этой точки зрения все книги могут быть классифицированы по степеням трудности их изложения. Правда, не все категории книг нуждаются в таком распределении, напр., беллетристические. Но для всех научных книг оно положительно необходимо. Книги беллетристического отдела не нуждаются в таком распределении их по степеням восходящей трудности потому, что не требуют от читателей никакой особой подготовки для своего понимания. Без сомнения, одно и то же беллетристическое произведение может быть иногда понято разными читателями различно, в зависимости от степени их развития, как это и констатирует такой опытный и талантливый исследователь народной литературы, как С. А. Ан-ский (см. его «Очерки народной литературы») *, но делить книги беллетристического отдела на понятные, малопонятные и вовсе непонятные было бы, по меньшей мере, странно. Даже самый неподготовленный читатель, напр. деревенский крестьянин, очень быстро ориентируется в книге беллетристического содержания, привыкает к языку ее, схватывает картины, образы, задумывается над основной идеей, делает сравнения и сопоставления описываемой жизни со своей собственной, наконец, оценивает и действующих лиц, и всю обстановку их жизни, и сюжет, и идею книги, и даже самого автора как творца. Беллетристические произведения, таким читателем отбрасываемые в сторону, напр., кувырканья гг. модернистов, отбрасываются им не вследствие *непонимания*, а вследствие *оценки*. Словом сказать, беллетристика есть самый доступный отдел из всех отделов и, во всяком случае, не требует ни литературной подготовки, ни особого ключа для своего лучшего уразумения.

Совсем иначе обстоит дело с научными книгами. Эти последние для своего понимания требуют от читателя некоторого зна-

комства с научной терминологией, некоторой привычки к отвлеченному мышлению и даже некоторого запаса сведений, размеры которых зависят от степени популярности данной книги. Мы сами иногда не сознаем, на каком, в сущности, жаргоне мы обыкновенно говорим; а говорим мы, особенно когда речь идет о научных предметах, на специальном культурном жаргоне, учиться которому для неподготовленного человека иной раз не легче, чем русскому изучать малороссийский или польский язык, и это касается не столько знания самих слов, нередко заимствованных из какого-нибудь чужого языка, но, главным образом, понимания *значения этих слов,* которые неподготовленный читатель понимает вовсе не в том смысле, как их понимает человек образованный. Напр., слова «условие», «тело», «материя», «явление», «образ» имеют в глазах деревенского жителя, малоопытного по книжной части, совсем не тот смысл, как в глазах читателя подготовленного. Благодаря этому, даже независимо от содержания книги, читатель неподготовленный совершенно не способен понимать многих книг, даже когда они и не пестрят иностранными словами, и говорит про эти книги, что «они из разных слов составлены», или, как выразился один малоросс: когда читаешь книгу, «як по одному слову, тай иде, а як зразу — тай и не бере», т. е. смысл каждого отдельного слова для читателя кажется понятным, а смысл всего предложения для него остается темен. И это зависит не только от соотношения слов, но и от того, что читатель придает им вовсе не то значение, какое придал им писатель. Вот в этом-то и заключается сущность популяризации, чтобы, сообщая знания читателям, стоящим на низших ступенях научной подготовки, прибегать в своем изложении только к таким словам, которые имеют в глазах этого читателя *тот же самый смысл*, какой они имеют в глазах популяризатора. Только при исполнении этого условия этот читатель будет выносить из предназначенной для него книги те же представления, образы, понятия, идеи, какие в него желает вложить автор. Другими словами, популяризатор должен быть, так сказать, *психологом той общественной среды*, которой он намерен служить своими знаниями и развитием. Говорим *психологом*, а не только *знатоком* этой среды, потому что есть знатоки, не знающие психологии данной среды, хотя и знающие экономическую, бытовую и всякую иную обстановку ее. А чтобы быть психологом, нужно быть и знатоком этой среды. Но можно быть таким знатоком и не будучи психологом. Вот поэтому-то особенно и трудно составлять популярные книжки для читателей наименее подготовленных, или, точнее говоря, вовсе не подготовленных; поэтому нечего и удивляться, что существует очень мало научно-популярных книг, которыми имеет возможность удовлетворяться этот читатель. Иную книгу он и почитывает, но, как пишет один фабрично-заводской рабочий, «словно как через кисею». Другими словами, такой читатель испытывает при чтении *русских* книг то самое,

что культурный читатель, плохо знающий иностранный язык, испытывает при чтении книг иностранных, написанных на этом языке: он видит слова, понимает смысл каждого слова, потому что отыскал их значение в словаре, но в смысле *всей* речи он не уверен, а оттенки ее и вовсе пропадают для него, тем более что каждое слово имеет в каждом языке несколько значений, и одна и та же мысль может быть выражена самыми разными словами. И так как у такого читателя еще не хватает умственной гибкости, чтобы *за словом* улавливать *мысль* (много духовной силы уходит на чисто внешнее *трение о слог)*, то получается при чтении сплошная неясность, — «то, да не то, а как будто не тово», как пишет мне один деревенский читатель. Этой психологией читателя объясняются, между прочим, плохие переводы многих научных книг на русский язык: читаешь — и неясно понимаешь их содержание, потому что переводчик сам читал и переводил эти книги «словно сквозь кисею», и идеи автора, естественно, тонули в неумении переводчика связывать с определенным словом несколько идей, быть может, различного оттенка.

Исходя из такой читательской психологии, необходимо распределять все книги, вводимые в каталог, на несколько категорий по степеням трудности их понимания. Разумеется, каждую из этих категорий можно очертить лишь приблизительно, так как все они незаметно переходят одна в другую. Каждая из них имеет довольно обширные пределы, но для каждой можно указать более или менее яркий тип читателя, воплощающий в себе ту подготовку, какая требуется для понимания определенной категории книг. Эти читательские типы до *некоторой степени* могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) Читатель, получивший образование начальное и, во всяком случае, ниже среднего. Пределы читательской подготовки этого типа довольно широки. С одной стороны, сюда входят читатели, едва обученные грамоте, едва касающиеся книжной премудрости; с другой — сюда же должен быть отнесен читатель, учившийся в начальном и даже двухклассном сельском училище, или получивший такую же подготовку в каком-либо ином учебном заведении, напр., в низших классах городского и уездного училищ, или даже в первых классах гимназий, или в воскресной школе; или дошедший до того же самого «самоуком». К этой категории читающей публики относится большинство деревенских и отчасти фабричных заурядных, массовых читателей «из народа», за исключением более или менее выдающихся начетчиков, ушедших гораздо дальше. Под этим словом «начетчик» мы понимаем не тех любителей душеспасительного чтения, тип которых в настоящее время уже вымирает при энергичном содействии церковно-бюрократической мертвечины, старательно вытравляющей мало-мальски живое из всех мало-мальски живых людей. Под словом «начетчики» мы понимаем вообще читателей, сумевших, благодаря своим умственным способностям и любви к чтению,

приобрести довольно высокую научно-литературную подготовку (большей частью не систематическую) и обязанных ею *не школе*, а книге. Такого рода светские «начетчики» не должны быть относимы к этой категории читателей, так как они уже поднялись значительно выше.

Из предыдущего видно, какого рода книги могут читаться и пониматься читателями данной категории. Эти книги мы и обозначим в нашем труде римской цифрой I. Делая такого рода отметку около номеров книг, мы руководствовались не только исследованием самой книги, но и рукописными и иными материалами, находящимися в нашем распоряжении и полученными непосредственно от читателей из народа, причем отчасти прибегали в данном случае к методу, практиковавшемуся неутомимейшими работниками в области народного образования, харьковскими учительницами женской воскресной школы, Х. Д. Алчевской и другими, составившими известную справочную книгу «Что читать народу». По нашим наблюдениям, читатели первой категории читают и учебник истории П. Г. Виноградова, и «Рассказы из истории Англии» А. Ф. Быковой, и «Народно-популярную библиотеку» Лункевича *, и «Общедоступную астрономию» К. Фламмариона и т. д. Но, разумеется, такого рода книги недоступны наименее подготовленным читателям этой категории, — так сказать, первым членам их ряда, обладающим одной грамотностью, — для этих нужна еще более упрощенная народная научная литература, а для создания этой последней нужны работники, умеющие популяризовать научную истину в такой форме, какая не возбудит никаких трудностей для своего усвоения даже в полуграмотном человеке. Здесь мы должны повторить то же, что уже говорили в другом месте [1]. Всякая истина, даже отвлеченная из отвлеченных, сложная из сложных, хотя бы даже философская система Канта, Г. Спенсера, Маркса, *может* быть популяризована и в такой форме, что сделается доступной пониманию *всякого* мало-мальски разумного человека, хотя бы он даже едва умел читать. Разумеется, для того чтобы передавать знания самому неподготовленному человеку, потребуется сообщать ему не отвлеченные термины и не отвлеченные понятия, а прежде всего образы и факты, потребуется сделать образное описание этих фактов, чтобы ими, быть может, сильно поразить и заинтересовать читателя, еще только начинающего думать; потребуется вести от факта к факту, от обобщения к обобщению. И он пойдет за популяризатором, если только будет *представлять* себе эти факты и заинтересуется обсуждением и оценкой их и будет затронут *настроением* писателя, его верой в то, что тот говорит. И, идя таким образом, всякий читатель, несомненно, усвоит в конце концов хотя бы даже самую отвлеченную истину и докажет своим примером, что вопрос популяризации — это есть

---

[1] «Этюды по психологии читательства». М., 1911.

вопрос прежде всего формы, а не содержания. Популяризировать — это значит знать, прежде всего, *как излагать*, а что касается до того, *что* именно *излагать*, об этом, разумеется, не может быть даже никакого вопроса: все знания, все науки, все системы философии предназначаются одинаково для всех людей, а не только для культурных классов. Если эти последние в силу исторических и иных причин совершенно разучились говорить с народом о высоких материях на понятном народу языке — пусть они учатся этому языку, пусть изучают народ как читателя, изучают его *психологически и социологически*. Это изучение и может, и должно дать то, что недостает нашим популяризаторам: умение приобщать самые низы читающей публики к самым вершинам научно-философского знания и понимания. И эти низы *могут и должны* быть приобщены к этим вершинам. Повторяем, самые широкие круги читающей публики, к которым и относятся трудящиеся классы, уже много, много лет поджидают популяризаторов, которые переводили бы для них произведения человеческого научного гения с культурно-научного жаргона на простой народный язык.

2) Вторая читательская категория — это *читатель, получивший среднее образование*; это читатель так называемых популярных книг, которые занимают промежуточное положение между книгами народными, с одной стороны, и собственно научными — с другой. Это читатель, еще получающий образование в гимназиях и даже дошедший, быть может, до старших классов гимназии; это читатель — учитель, фельдшер, техник и вообще человек, образование которого *выше* начального, но *ниже* среднего, начетчик из крестьян и фабрично-заводских рабочих, чиновник, конторщик, это всякий человек, успевший окончить курс в уездном, городском и т. п. училище. Это читатель, уже умеющий понимать, хотя бы даже немного, научный жаргон. Он еще нуждается в указаниях настолько популярных книг, чтобы их можно было читать без словаря иностранных слов и чтобы можно было черпать из них такие знания и идеи, которые уже сделались для него интересными, быть может, просто понаслышке, но с которыми он желал бы познакомиться ближе и обстоятельнее. Этому читателю нужны не столько науки, сколько *введения* в науки. Он прежде всего ищет такую книгу, которая захватила бы его и раздвинула бы его кругозор. Книги, какие можно рекомендовать этому читателю, должны перед ним сыграть роль своего рода откровения, каждая в своей области. Они должны затронуть не только интеллектуальную, но и эмоциональную сторону его «я». Поэтому книги этой категории нужно подбирать особенно тщательно. Это своего рода «книги на разводку», только разводку научную, а наука, как известно, еще легче может отпугнуть непривычного читателя, чем беллетристика. Мы старались в каждом отделе возможно тщательнее подбирать такие книги и отмечали их римской цифрой II.

3) К третьей категории принадлежит *читатель, получивший образование среднее* или имеющий вообще подготовку не ниже среднего учебного заведения. Это обыкновенный культурный читатель-неспециалист, «читатель почитывающий», как характеризует его Щедрин. Он-то и есть главный потребитель научных книг и уже не нуждается в таких книгах, которые представляют собой введение в науку, потому что уже введен в нее, а желает лишь систематизировать, углубить, расширить свои знания, сделать их более точными, более научными. Этот читатель отчасти еще учится разбираться в литературно-общественных и научно-философских течениях и направлениях, а отчасти даже и умеет делать это. Книги, предназначенные для читателей этой категории, мы не отмечаем никакой римской цифрой, оставляя их без всякой отметки, потому что таких книг большинство. К главным потребителям такого рода книг принадлежит русское студенчество, «третий элемент» и вообще лица свободных профессий, получившие образование среднее и выше среднего, до университетского включительно, но не сделавшиеся специалистами.

4) Четвертую категорию составляет читатель-специалист и вообще читатель, желающий познакомиться с той или иной отраслью знания еще ближе, полнее и шире. Этот читатель уже умеет читать и усваивать всякие научные книги, он умеет разбираться в направлениях. Каждое направление каждого автора он видит в его исторической перспективе. Ни в какой специальной подготовке и ни в каких специальных указаниях этот читатель уже не нуждается. Он сам знает, что и как читать, и если мы вводим в наш каталог книги, помогающие и специальной подготовке, то делаем это лишь потому, что читатель-специалист в одной области может не быть специалистом в другой и тем не менее может стремиться к пополнению и усовершенствованию своих знаний. Кроме того, по некоторым наукам не существует на русском языке никаких книг, кроме специальных, поэтому волей-неволей приходится рекомендовать иногда специальные книги читателям и других категорий. Так мы и делали, отмечая при этом, что пользование такого рода книгами для некоторых читателей может представлять значительные затруднения. Книги этой категории отмечены у нас римской цифрой III.

Такова общая схема распределения книг по степеням восходящей трудности изложения. Деление всех научных книг на четыре разряда (не меньше), по нашему мнению, представляет большие удобства для читателей и, несомненно, имеет весьма большое практическое значение, так как помогает любому читателю собственными силами разбираться в существующей наличности книг и выбирать прямо по каталогу такие книги, которые соответствуют его научной подготовке и умению читать и усваивать прочитанное. Нельзя не пожелать, чтобы и библиотеки, и книжные магазины ввели, как правило, обозначать эти степени

и в своих каталогах. Такой прием, несомненно, отзовется благотворно на распространении книг в читающей публике.

Вряд ли можно сомневаться, что на распределении книг и по этим четырем категориям не может не лежать отпечаток субъективности. Книга, которая, по нашему мнению и нашим наблюдениям, доступна пониманию человека, окончившего курс в министерском двухклассном училище (напр., прекрасная книжка А. Быковой «Рассказы из истории Англии», развертывающая перед читателем историю борьбы английского народа за свои политические права), может показаться другому наблюдателю, делавшему наблюдения в другой местности и другой общественной обстановке, даже в другой исторический момент, чересчур трудной для читателей первой категории. Поэтому распределение книг по степеням трудности изложения, сделанное нами, может быть принято лишь с оговорками: оно соответствует только наблюдению и опыту составителя этой книги, а во всех других случаях нуждается в проверке и, быть может, исправлении. За это важное дело могут взяться книжные комиссии или кружки при педагогических и ученых обществах, библиотеках, при учебных заведениях, кружки, изучающие читателей в данной местности, в данное время. Поэтому мы и рекомендуем всем работникам книжного дела *обратить особое внимание на организацию таких комиссий*, в полной уверенности, что работа их будет иметь в высшей степени важный результат — она поможет не только нарастанию читателей, но и созданию интеллигентных, опытных, сведущих и идейных распространителей книг, а значит, и знаний, понимания, идей, настроения в читающей толпе, разумеется, если участники этих комиссий не будут подходить к своей задаче со столь узкими шаблонами, как это делают некоторые из них, напр., Комиссия Подвижного музея ИРТО * в Спб., и лучше будут знать читательскую психологию, чем эти последние, и глубже и шире понимать основные задачи книжного дела...

В дополнение к нашему обзору распределения книг по степеням трудности изложения можно прибавить еще следующее:

1) Никакой особой беллетристики для народа нет и не должно быть[1]. Поэтому беллетристический отдел мы не разделяем по категориям.

2) Книги, имеющие только исторический интерес, должны быть относимы к книгам III категории.

3) Сюда же должны быть относимы и произведения представителей тех литературно-общественных течений, которые отжили свой век и являются в данный исторический момент реакционной, т. е. отрицательной силой.

4) Книги детские (особенно же беллетристические) никоим образом не должны быть смешиваемы с книгами народными, и о каждой научно-популярной детской книге, прежде чем пометить

[1] См. «Этюды о русской читающей публике».

ее значком первой категории (I), должен быть особый разговор для уяснения ее пригодности и доступности читателям первой категории.

§ 81. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КНИГ ПО ГЛАВНЫМ КРУГАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Переходим теперь еще к одному крайне важному вопросу — о приспособлении библиотеки к возможно широкому пользованию ею со стороны читающей публики. Дело в том, что читателей можно классифицировать не только по степеням их подготовки к чтению научных книг. В каждой местности, в каждом городе, даже во многих кварталах одного и того же города, читающая толпа имеет свои особые оттенки, свой особый отпечаток, смотря по тому, какие общественные элементы преобладают в составе этой толпы. Вряд ли нужно доказывать, что деревенский читатель во многом отличается от читателя фабрично-заводского, а тот — от среднего городского [1]. Есть свои оттенки у каждой общественной группы, у каждого общественного класса. Нельзя комплектовать библиотеку, которой будут пользоваться преимущественно учащиеся в средних и высших учебных заведениях, только из тех книг, из которых комплектуется библиотека для служащих в таком-то казенном учреждении или библиотека для фабрично-заводских рабочих и т. д. И это не потому, что такая-то общественная группа *не может* пользоваться книгами, которые предназначаются для другой общественной группы, а потому, что она *не захочет* ими пользоваться, не захочет сама, исходя из той мысли, что у нее есть и своя особая жизнь, свои интересы, свои запросы к книге, свои требования от нее. Разумеется, члены данной общественной группы, стремясь к общему образованию, не могут обойти и замолчать общей схемы, общего плана этого последнего, и этот план остается для всех групп одним и тем же. Но дело не в одном плане, а также и в средствах его выполнения. Иные области знания могут интересовать данную группу читателей в большей, иные в меньшей степени, для одной имеют наиболее жгучий интерес такие-то вопросы, для другой — другие. Вследствие этого один отдел каталога может привлекать к себе бо́льший процент, а другой отдел его — меньший процент читателей, смотря по группе; в зависимости от этого находится и комплектование библиотеки, больший или меньший процент ассигнуемых на тот или другой отдел денежных средств из имеющихся в наличности. Как мы уже упоминали, главное условие для нарождения и количественного и качественного роста читателей заключается в том, чтобы книги, которые начинают ими читаться, были для них интересны и понятны. Мы видели также, что с какого бы отдела науки ни начинать свое образование, это вопрос, во всяком случае, не первостепенной важности, лишь бы

[1] См. «Этюды о русской читающей публике».

читатель старался вникнуть в самую суть интересующего его вопроса — из одного этого вникания уже не может не выйти расширения кругозора, и читатель не может не пойти от одной области знания к другой, от науки к науке и т. д., по той же общей схеме мироздания, которую мы пробовали очертить на предыдущих страницах. «Лишь бы читатель шел, лишь бы не стоял на месте, а там пусть будет, что будет», — пишет нам один наш заочный друг. Общее миросозерцание — впереди, это дело будущего, но не все общественные группы заинтересовываются выработкой этого общего миросозерцания ради него самого. Большинство их берется за книгу исходя из насущнейших, самых злободневных, нередко даже самых мелочных, узких и частных потребностей своей собственной жизни. В результате получается, что спрос на книги обусловлен самыми случайными причинами, с которыми нельзя все-таки не считаться. Но, кроме причин случайных, есть и общие, вытекающие из самой обстановки жизни. Напр., читателя деревенского больше всего интересует вопрос о земле, и около этого вопроса группируются в его сознании все прочие вопросы жизни; читателя фабрично-заводского больше всего интересует вопрос о расценках, о порядках на такой-то фабрике, о положении дел в данной отрасли промышленности, о борьбе с капиталом, об общих и частных условиях этой борьбы, и около этих вопросов опять-таки группируются все прочие. Соответствующие группировки наиболее интересующих вопросов можно наблюдать в сознании любой общественной группы. У каждой группы есть свое особое, если можно так выразиться, «ядро интересов», и оно-то и обусловливает выбор научных книг, да и не только научных, но и беллетристических, и всяких других, хотя, впрочем, на выборе книг беллетристических влияние этого ядра отражается в меньшей степени, потому что книги беллетристические, которые должны войти в его состав, по крайней мере, большинством читателей читаются ради отдыха и приятного препровождения времени, а не для приобретения знаний и развития понимания; спрос же на научные книги находится в гораздо более близких отношениях к этому «ядру интересов», и влияние этого ядра, во всяком случае, отражается на нем гораздо сильнее. Поэтому само собою оказывается необходимым известное приспособление каталога общеобразовательной библиотеки к той общественной группе, которую она обслуживает, — *к кругу читателей*, который главным образом ею пользуется. И это приспособление тем более необходимо, что лишь очень немногие общественные библиотеки, по недостатку материальных средств, могут быть организованы по плану и по каталогу, изложенному в этой книге. И в этом приспособлении мы не видим ничего худого.

Мы представляем себе его по отношению к научному отделу в следующем виде: прежде всего библиотечка, предназначающаяся для определенной общественной группы, должна пред-

ставлять собой по возможности закругленное, законченное, систематическое целое. Другими словами, в нее должны входить книги по возможности *по всем* главнейшим отделам, намеченным в нашем каталоге, и прежде всего по главным его рубрикам. Из каждого отдела должна войти в нее по меньшей мере одна книга, представляющая собой *общий* обзор этого отдела, а за нею, смотря по надобности и обстоятельствам, *монографии*, т. е. наиболее интересные книги, трактующие о наиболее существенных или живых *частных* вопросах этого отдела. Совокупность этих особо избранных книг должна составлять, для большой ли, для малой ли библиотеки они подбираются, своеобразную *книжную энциклопедию*, а эта энциклопедия должна представлять собой общий фундамент, на который и может опереться остальной состав библиотеки, придающий ей ее индивидуальность. Книжная энциклопедия — это, так сказать, родовой признак всякой общеобразовательной библиотеки. Видовой же признак ее — это тот отдел (или группа отделов), который содержит книги, затрагивающие наиболее близкие и существенные интересы данной общественной группы читателей данной библиотеки, т. е. то ядро интересов, о котором шла выше речь. Таким образом, при этой постановке дела в фабрично-заводской библиотеке естественно разрастется над фундаментом общей книжной энциклопедии отдел наук экономических, где речь идет об экономическом строе и социальной жизни, а также и наук политических, так как политический строй жизни находится с экономическим в неразрывных отношениях, и никакие перемены в одном не могут быть произведены без существенных перемен в другом. В этой же библиотеке на основании запросов самих читателей может естественно разрастись (что и бывает) отдел книг технических. Если читатели еще только приучаются к чтению, то, разумеется, может вырасти столь же естественно в такой библиотечке и отдел беллетристический. Словом сказать, сама жизнь укажет каждой библиотеке, какой отдел расширить в большей степени и какой пополнить какими книгами. Библиотекарям остается прежде всего чутко прислушиваться к требованиям жизни, не забывая при этом первого и главного правила: общей, основной почвой всякой общеобразовательной библиотеки, каковы бы ни были ее размеры, всегда должна быть *книжная энциклопедия*, о которой шла выше речь, а наиболее полно организованы должны быть те отделы библиотеки, которые вполне освещают политическую, экономическую, умственную, нравственную, религиозную жизнь данной общественной группы, наиболее пользующейся данной библиотекой. «Какие книги освещают жизнь мою и моей общественной группы лучше, правильнее и полнее других?» В разрешении этого-то вопроса и заключается самая суть библиотечного дела. Общеобразовательная библиотека должна давать читающей толпе общее миросозерцание, ведя к нему, во-первых, с той самой ступени лестницы, на которой стоит по своей образователь-

ной подготовке данная общественная группа, а, во-вторых, исходя из психологического изучения читателей и социологического изучения того ядра интересов, которые этой группе или, точнее говоря, преобладающему большинству ее всего ближе и дороже. Только при соблюдении этого условия общеобразовательная библиотека поведет вперед и вверх не отдельных читателей, уже стоящих над толпой по своим умственным способностям и по своему пониманию, настроению, энергии, а людей толпы, людей средних, самую толпу, которая и должна быть главным объектом книжного просвещения.

То, что сказано здесь относительно организации маленькой библиотеки, может быть вполне приложено и к любой библиотеке, предназначаемой для любой общественной группы, для любого уголка русской земли, для любого момента истории и для любой общественной среды. Все это наложит и даже должно наложить на общеобразовательную библиотеку свой особый отпечаток, и это — право жизни, право индивидуальности. Но и у библиотеки, с другой стороны, должно быть свое право, которое есть вместе с тем и обязанность. Всякая библиотека, какова бы она ни была, должна служить *не только вечной истине, но и злобе дня.* Об этом служении посредством определенной организации местного и злободневного отделов уже было сказано выше.

Изучение книжных богатств, находящихся ныне в обращении, позволяет нам сделать нижеследующий интересный и довольно утешительный вывод: *в настоящее время,* несмотря на относительную бедность некоторых отделов каталога и вопреки невыносимо тяжелым цензурным условиям, искусственно задерживающим умственную жизнь громадной страны, все же *имеется возможность даже с очень скромными, небольшими средствами организовать вполне удовлетворительные, систематически подобранные, идейно организованные общеобразовательные библиотечки, честно и энергично служащие не только бесстрастной вечной истине, но и страстной злобе дня.*

Есть полная возможность приступать к организации таких библиотек сначала в очень скромных размерах, затем постепенно развивая дело не только в ширину, но и в глубину, опираясь при этом на изучение книги, с одной стороны, и на изучение читающей толпы — с другой. Основываясь на этом, желательно в каждом каталоге распределять книги не только по степеням трудности изложения, но и по кругам читателей. Сила воздействия всякой книги на читателя обусловливается прежде всего психическим и социальным типом его. Каждый общественный круг характеризуется преобладанием, наибольшим распространением определенных типов. Исходя из этих соображений, все книги можно распределить по общественным кругам, правда далеко не всегда очерченным с достаточной определенностью, тем не менее по существу характерным в высокой степени. Можно наметить, думается нам, например, следующие круги: 1) трудя-

щиеся классы (крестьяне и фабрично-заводские рабочие); 2) трудовая интеллигенция; 3) вообще культурные классы. Отсюда три типа библиотек, планированных по кругам читателей.

I. *Библиотеки сельские и фабрично-заводские.* Правда, между теми и другими существует и большая разница в типах читателей, но, принимая в расчет не только эту разницу, а также и классовые интересы, и степень подготовки, и некоторые другие признаки, мы все же имеем основания соединять фабричных и сельских читателей в одну общую категорию. Явления, происходящие в глубине крестьянской жизни за последние пять лет, развитие сельского пролетариата, быстро прогрессирующего, тем более дают основания для того, чтобы видеть в этих кругах читателей единый основной тип.

II. *Библиотеки интеллигентские, «третьего элемента», товарищеские,* предназначенные для широких, пестрых кругов трудовой интеллигенции. Эти библиотеки отличаются от предыдущих не только по степеням подготовки читателей, но и по некоторому перемещению центра читательских интересов и внимания: многие вопросы, еще не решенные первыми двумя категориями читателей, уже решены этой, и потому стали уже *менее интересными.* Далее, жизнь ставит интеллигенции другие задачи, требует от нее подготовки к другим категориям деятельности и борьбы. Наконец, и настроение интеллигенции, в которой — увы! — вслед за общественным подъемом 1905 г. проявилось непомерно большое число размагниченных и нытиков, — совсем не то, что настроение трудящегося народа, которому хотя и недостает еще многого для улучшения его судьбы, но, во всяком случае, не бодрого настроения. Существует много библиотечек товарищеского типа, нуждающихся в целесообразной организации по энциклопедическому типу, в зависимости от основных задач момента. Существует немало книг, удовлетворяющих этой задаче таких библиотек. Надо ими воспользоваться в целях самообразования. Жизнь уже показала в 1905—1911 гг., что читатели из трудящихся классов бывали неудовлетворены теми интеллигентами, которые старались внести знания в их среду. Библиотечки II типа должны быть организуемы так, чтобы давать знание, понимание, настроение для такой работы.

III. *Библиотеки III типа — библиотеки большие, общественные.* Они имеют в виду читателей всех категорий, и I, и II типов, и всяких других. Размер и характер такого рода библиотек зависит от размеров средств, которые имеются в их распоряжении, а не от типа читателей. В эти библиотеки, смотря по характеру населения, входят как необходимые составные части и библиотечки I и II типа.

По этим трем типам библиотек желательно распределять и все рекомендуемые книги. Это мы и делаем в нашем труде, в «предварительных замечаниях» к каждому отделу. При этом следует обратить внимание, что распределение книг по кругам чи-

тателей далеко не всегда совпадает с их распределением по степеням подготовки. Очень многие книги, обозначенные римской цифрой II, оказываются не только желательными, но и необходимыми для библиотек I типа, а книги со значком III должны быть вводимы иногда и в каталог библиотек II типа.

§ 82. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КНИГ ПО ИНДИВИДУАЛЬНОСТЯМ ЧИТАТЕЛЕЙ И ПО ИХ ПСИХОЛОГИИ. ЧТО ЗНАЧИТ «ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ»

Теперь мы должны сделать дальнейший шаг, все более и более углубляясь в книжное дело. Выше мы говорили о приближении книг к читателям по их объективным и общим признакам. Мы говорили о классификации книг по их понятности, по трудности их изложения и по кругам читателей. Но есть и еще одна сторона в книжном деле, быть может, самая важная, самая решающая. Мы говорим об *индивидуальности читателя* — о его личных, только ему одному присущих свойствах, его личных особенностях, его интересах и настроениях, постоянно столь изменяющихся, в каждый момент различных. Нужно ли говорить о том, что все эти особенности, словно какие-то «капризы», оказывают огромное влияние и на выбор книг, и на силу книжного воздействия? Для того чтобы действительно удачно выбирать книги и для самообразования, и для рекомендации другим, чтобы поставить дело распространения и даже созидания книг на правильный фундамент, нужно перенести вопрос, как уже было упомянуто выше, на почву психологии, и не только общей и социальной, а прежде всего индивидуальной.

Сущность этой стороны дела заключается в следующем.

Между читателем и книгой, которая ему нравится, всегда существует определенное соотношение, точнее говоря, сходство, аналогия, если не тождество. Правда, все это может быть и минутным и случайным, преходящим, но тем не менее в существовании этой аналогии или тождества сомневаться не приходится. Оно факт. Кроме элемента мимолетности, существует в том же характерном явлении и элемент постоянный, длительный, еще более глубокий и определенный, который выражается в том, что у каждого читателя имеются и свои любимые авторы, и свои любимые книги, свои любимые отрасли знания и наиболее соответствующий именно ему тип миросозерцания. В другом нашем труде[1] мы делаем подробный анализ данного, в высшей степени интересного и важного вопроса и, опираясь на факты, стараемся выяснить его. Ни место, ни время не позволяет нам здесь останавливаться на нем подробнее, и мы должны удовольствоваться

---

[1] «Этюды по психологии читательства». Изд. К. Тихомирова. Ч. I. Общий очерк того же вопроса см. нашу статью «Психология книжного влияния» в «Новой жизни», № 1 (декабрь 1910 г.).

лишь тем, что изложим самую суть его, отсылая интересующихся к другим нашим трудам.

Спрашивается, почему же у разных читателей имеются разные любимые авторы? Чтобы дать точный, научный ответ на этот вопрос, прежде всего необходимо сделать исследование — исследовать читающую публику именно с этой точки зрения, чтобы путем исследования ответить прежде всего на такой вопрос: *какие именно читатели каких именно авторов* считают своими любимыми? Ответив же на этот, вполне поддающийся как экспериментальному, так и статистическому изучению вопрос, можно затем идти и дальше: изучить психические и социальные *свойства,* во-первых, самих читателей, во-вторых, авторов и произведений их, оказывающихся наиболее любимыми или нравящимися, для того чтобы на основании такого изучения наиболее плодотворно работать над распространением знания, понимания и настроения посредством книг и их рационального выбора. Такое исследование тоже может быть производимо довольно точными приемами, и в настоящее время существует значительное число исследований, произведенных по методам экспериментальной психологии как над малолетними, так и над взрослыми учениками и ученицами разных учебных заведений[1]. Всякий библиотекарь, всякий книжный торговец, всякий издатель, педагог и т. д., и т. д., если пороется хоть немного в своей памяти, разумеется, тоже найдет кой-какие интересные и важные материалы для решения интересного вопроса о соотношении читателя, с одной стороны, и любимых его книг, с другой. Это соотношение выражается следующим образом: *на читателя сильнее всего действуют те свойства автора, которые имеются в том или ином количестве и у самого читателя. «На читателя оказывает наибольшее впечатление та книга, психические качества автора которой аналогичны психическим качествам данного читателя»* *.

Такую формулировку дал этому соотношению еще в начале 80-х годов, к сожалению, безвременно умерший французский ученый Э. Геннекен, ныне сделавшийся знаменитым. Эту формулировку, имеющую первостепенное значение для всего книжного дела, а значит, и для дела самообразования, мы с полным основанием можем называть «законом Геннекена». Такое название мы и сохраним за ней в нашем дальнейшем изложении. Этим своим законом Геннекен сумел выразить самую суть, самую основу влияния книги на читателя. Не всякая книга может оказать

---

[1] Об этом см. в той же нашей книге. Массу интересных материалов для решения того же вопроса дает упомянутый труд харьковских учительниц — «Что читать народу?, где собрано очень много наблюдений над читателями из народа. Богатейший же материал по этому вопросу можно найти в отчетах лучших провинциальных библиотек. Целый ряд статей разных исследователей о читателях и читательстве можно найти в педагогических и других журналах. Изучением читательских типов и читательства вообще занимается с 1888 г. и пишущий эти строки.

на него влияние, не всякая книга окажет на одного и того же человека одинаково сильное влияние. Для наличности этого последнего необходимо *психическое сродство автора и читателя.* Данное качество, имеющееся налицо у первого, не может не отразиться на том, что и как писатель пишет. Такое же качество, имеющееся у читателя, не может не сделать читателя наиболее чутким к восприятию именно этого качества, отразившегося в данной книге, подобно тому, как оно лучше замечается им и в других людях. Психология учит, что о психике других людей мы судим по своей собственной психике, да иначе и судить не можем. Подобно тому, как камертон определенного тона неизбежно заставляет звучать всякий другой камертон того же самого тона, — так звучит и психика человеческая под влиянием другой психики, настроенной на тот же тон. Пфендер называет это человеческое свойство, подтверждаемое бесчисленным количеством фактов, «сочувственным переживанием»[1]. Такое переживание проявляется и в целом, и частями, и временно, преходяще и длительно. Его размеры, его количественная сторона вообще тоже могут быть очень различными. Но сущность данного явления остается всегда одна и та же. Это *факт, основанный на доказательствах посредством опытов и наблюдений.* Правда, у разных читателей «реакция на данную книгу», т. е. под влиянием ее чтения, может быть не одинаково сильной. Влияет на силу реакции и *время, когда* книга читается, и разные случайные обстоятельства этого момента, напр., извне приходящие, случайные настроения. Не без влияния остаются, видоизменяя результат, и те обстоятельства общего характера, о которых шла речь в предыдущих параграфах, — степень развития и вообще культурной подготовки, условия социальной, классовой, профессиональной среды, особенности местной жизни и т. д. Тем не менее сквозь все эти детали все-таки закон Геннекена всегда виден очень отчетливо, и, насколько нам известно, нет таких фактов, которые опровергали бы самую суть его, опирающуюся как на социологию, так и на психологию, теоретическую и экспериментальную. Выводы, которые можно сделать из этого закона применительно к делу распространения книг, — громадной важности, и теоретической, и практической. Они дают возможность поставить это дело на научную почву.

§ 83. ПСИХОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЯ И ТИПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЕЕ РАЗНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Берем, для примера, любого читателя. Что представляет собой этот читатель, всякий читатель, будь он подписчик библиотеки, покупатель в книжном магазине, человек, работающий над

[1] «Введение в психологию», с. 26.

самообразованием? Взглянем на него как на явление природы, социальной среды, как на объект, изучаемый психологией. Эта наука учит, что психическая сторона всякого человека, неразрывно связанная с его физической стороной, представляет собой нечто цельное, неделимое, интегральное, очень сложное, разностороннее. Когда-то наука психология под влиянием метафизических представлений учила об особой «сущности» — человеческой «душе» и ее особых «способностях» — о разуме, чувстве, воле и т. д. Теперь, как известно, ни о «сущностях», ни о «способностях» не может быть и речи в области точной науки; и разум, и чувства (эмоции), и воля рассматриваются наукой как всякие другие явления природы, и ученый, изучающий их, никогда не упускает из виду, что не особыми «способностями» нужно их называть, так как они не более как проявления, разные стороны той же психической природы, между собой теснейшим образом связанные и одна от другой неотделимые, подобно тому, как неотделима абстракция от тех фактов, опытов, ощущений, которые служат ее фундаментом. Правда, до сих пор удерживаются в науке эти давно устаревшие названия — разум, чувства, воля, память и т. п., но этим названиям теперь придается уже совсем другой смысл. Названия эти сохраняются лишь ради удобства, и в нашем дальнейшем изложении мы так и будем понимать их.

Итак, перед нами читатель, «психический организм», имеющий определенные свойства — и разум, и чувства, и волю. Всякий знает, что у разных людей все эти стороны психической жизни бывают различны. Они разных *типов,* разных степеней развития. Существует особая отрасль психологии, так называемая индивидуальная психология, наука о характере, «характерология», которая изучает их. По разным психическим типам, при помощи более или менее точных исследований, можно классифицировать всех людей, принимая при этом в расчет все их не только психические, но и антропологические, и профессиональные, и всякие иные особенности — и расу, и пол, и возраст, и особенности интеллектуальной, эмоциональной и волевой жизни, и воспитания, и класса и т. д., и т. д. *Каждый человек, со всеми своими типическими, как и индивидуальными, особенностями, является объектом точного исследования,* и здесь вопрос его изучения стоит опять-таки на научной почве.

Но пойдем дальше и спросим себя: что же такое тип? Тип — это значит некоторая комбинация некоторых наиболее часто повторяющихся отдельных свойств; эти отдельные свойства, в свою очередь, поддаются точному изучению, и среди них, в свою очередь, можно различать их собственные типы. Можно и приходится говорить не только о разных типах *личности,* но и о разных типах ума, эмоций, воли, памяти и т. д. Но и эти последние представляют собой, в свою очередь, новые и новые комбинации еще более детальных сторон, еще более частных качеств. Возьмем, напр., сторону интеллектуальную. Психология учит, что эта

сторона психики представляет целый ряд очень сложных и своеобразных явлений, и качественно, и количественно различающихся между собой. С одной стороны, к интеллекту относятся такие явления, как, напр., восприятия, память, суждения и т. д., и т. д. Читатель, интересующийся данным вопросом, найдет о нем очень много интересного в любом руководстве по психологии. Эта же наука показывает, что и эти частные проявления психической жизни бывают у разных людей и качественно и количественно различными. Нервное вещество и вообще организация, особенности органов чувств и центральная нервная система, по причинам, еще не выясненным наукой, оказываются различными у различных субъектов. У одних, напр., более восприимчива область слуха, тогда как у других субъектов наибольшая восприимчивость проявляется в области зрительной, у третьих — в области двигательной (моторной), у четвертых — и зрительной, и моторной, и т. д. Память же бывает различных типов — то логическая, то диалектическая — формальная или материальная — зрительная, слуховая, моторная и т. д. Резко отличаются разные люди и по манере своих суждений, или, точнее говоря, рассуждений, по типу и характеру своего мышления. Есть люди, мышление которых всегда начинается с фактов, восприятий, от которых они и поднимаются все выше и выше, более или менее далеко, по лестнице обобщений, к общим понятиям, теориям и системам. С другой стороны, есть люди, которым совершенно не дается такого типа мышление, они, поддаваясь своей природе, мыслят обыкновенно обратным способом, то есть идут по лестнице рассуждений вниз, от общего к частному, от имеющихся в их голове обобщений к фактам, подтверждая правильность того, до чего они таким способом додумываются, соответствием их идей с фактами. Таковы два, резко отличающиеся типа ума — индуктивный и дедуктивный. Впрочем, встречается, разумеется, и множество средних, переходных ступеней между ними. Подобно этому, можно отметить в области интеллектуальной еще два типа ума, тоже поддающихся точному исследованию, — тип синтетический и тип аналитический. Склад ума синтетический — это склад творческий, созидательный, идущий от частей к целому. Напротив, склад анализирующего ума — это склад, разлагающий целое на части, разрезывающий и, так сказать, врезывающийся в свой предмет мысли и вечно находящий в нем все новые и новые стороны. И с этой стороны все люди могут быть классифицированы по этим двум типам и по переходным ступеням между ними.

Разные типы ума не что иное, как разные комбинации тоже разнообразных типов памяти, восприятий, суждения и мышления и т. д., отдельно изучаемых и классифицируемых психологией, даже при помощи точных приборов. Берем теперь следующий принцип классификации — по эмоциональным особенностям. Здесь мы встречаем еще большее число типов, смотря по коли-

чественным и качественным преобладаниям тех или иных эмоций. То же самое можно сказать и о волевых типах, начиная от самого рефлективного, полусознательного и кончая волевым и сознательным в полном смысле слова. Все вышеизложенное позволяет нам сделать такие выводы: читающее человечество может быть классифицировано по психическим, не говоря уже по социальным, типам. Каждый такой тип, в свою очередь, представляет более или менее сложную комбинацию разного рода психических особенностей других, более частных типов. Смотря по качественной и количественной стороне этих частных особенностей читательской психики, бывает различным и влияние на нее одной и той же книги.

§ 84. ПСИХОЛОГИЯ КНИГ И ТИПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЕЕ РАЗНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Нетрудно видеть, что иначе и не может быть. И, правда, что представляет из себя любая книга? Прежде всего — она отражение психики ее автора и всякого рода особенностей этой психики. И тип его восприятия, и тип памяти, и тип суждения и мышления, и вообще склада ума не может не отражаться не только на плане книги, но и на самой манере изложения, и даже на выборе и трактовании сюжета. И книги, как люди, бывают и индуктивные, и дедуктивные, и синтетические, и аналитические, и конкретные, и отвлеченные, и эмоциональные, «с настроением», и «рассудочные», без настроения, и представляющие собой набор «рефлексов», шатаний, «бесцельностей», тогда как в других книгах с первой же страницы уже ясно чувствуется и воля, и определенность цели ее; такая книга как бы подталкивает читателя, заражает его *своей* волей.

§ 85. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА ТИПОВ КНИГ И ТИПОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

Но идем дальше и из области психологии переходим в область социологии. И здесь книги, как и люди, представляют собой индивидуумов разных типов; иная книга — тот же «гладенький, щупленький дворянин, гордящийся самим собой не за свои собственные, а за прародительские заслуги». Другая книга — типичный буржуа. Есть книги — пролетарского, интеллигентского типа (в смысле типа трудовой интеллигенции). Есть книги — интернационалисты и националисты, и даже ярко отражающие на себе определенный расовый тип. Далее, от некоторых книг так и веет фабричным укладом жизни, тогда как в других чувствуется сельский или казарменный уклад. Словом сказать, книги, как и люди, поддаются классификации *социальной*. Но и это еще не все. За этой классификацией следует еще историческая. Сравните между собой Библию, «Освобожденный Иерусалим», «Дон-

Кихота», «Декамерон», «Свадьбу Фигаро», «Мать» Горького и т. д. Каждая из этих книг резко отражает исторический момент своего появления и представляет яркую иллюстрацию идей Тэна.

Вокруг нас, в обществе, нас окружающем, тоже есть типы, принадлежащие как бы к остаткам отдельных эпох, и не только по складу своих воззрений, но также и по своим настроениям. Есть люди, от которых веет догматизмом, схоластикой, нетерпимостью и даже жестокостью средних веков, или фривольностью итальянского Возрождения, или фрондерством кануна Великой революции[1], или смелостью, отвагой и фанатизмом ее времен. Есть и такие книги, которые ярко отражают настроение 17 октября и т. д.

Закон Геннекена подтверждается и на этих книгах. Творения средневекового типа, разумеется, не находят распространения среди фрондеров и якобинцев и обратно. Книга «октябрьских дней» * не действует уже на людей, потерявших октябрьское настроение. Брошюра, проникнутая пролетарским настроением, несмотря на всю свою доказательность, все-таки возмутит почтенного буржуа или сословно настроенного дворянина...

§ 86. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КНИГ И ИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Теперь можно сделать следующие практические выводы из всего вышесказанного. Для правильной постановки дела не только самообразования, но и вообще образования необходимо поставить его на психологическую и социологическую почву. Работники книжного дела должны выработать в себе умение делать возможно точную оценку любой книги с точки зрения любого психического и социального типа читателя. А с этой целью необходима особая классификация и читателей и книг в психологическом и социологическом отношении. Такая классификация читателей сводится к их изучению по методам как общей, так и экспериментальной психологии. При этом должны изучаться прежде всего те психические процессы, которые имеют главное и ближайшее отношение к процессам читательства. Изучая же эти читательские особенности, можно и их классифицировать по их типам. С другой стороны, необходима психологическая и социологическая классификация книг — классификация, не зависимая от *сюжета,* а изучающая самую книгу, как своего рода личность, имеющую определенный психический и социальный облик. Все лучшие книги должны быть подвергаемы такой двойной оценке, и при такой оценке каждой книги должны быть отмечаемы ее типические особенности. Другими словами, для правильной и широкой постановки книжного дела, и в особенности же дела

---

[1] Речь идет о французской революции 1789 г. — *Сост.*

распространения книг и чтения, еще недостаточно распределять книги в руководствах для самообразования по областям жизни, в них изображаемым, по наукам, по степеням трудности понимания, по читательским кругам. К такого рода классификации нужно еще прибавить практически не менее важную психологическую и социологическую. При этом при каждой книге нужно отмечать ее психические и социологические особенности, соответственно определенной научной терминологии.

Спросим теперь, по какой же именно научной схеме отмечать эти особенности? Современная психология уже дает указания и на этот счет. Как известно, в настоящее время существуют самые разнообразные программы для психологического изучения человеческой личности, различных сторон ее, различных комбинаций *типов* этих сторон. По этим же самым программам, с некоторыми более или менее несущественными и даже небольшими приспособлениями, могут быть изучаемы и книги, так как каждая книга, как мы уже заметили, — та же личность, отражение психики ее автора, и все свойства этой последней так или иначе отражаются и на книге. Геннекен в своих замечательных «Основаниях научной критики» подробно анализирует как принципы, так и приемы такого изучения и наглядно и остроумно показывает значение этого изучения. Таким образом, и *личность читателя, и любая читаемая книга могут быть изучаемы в психологическом и социологическом отношениях по одной и той же программе изучения личности.* И личность читателя и книга могут быть, таким способом, сопоставлены между собою — сопоставлены все их психические и иные типичные качества, причем и к изучению читателя и к изучению книги могут быть приложены однородные приемы и методы точного знания. На возможность и на огромное значение такого изучения и указывал Геннекен еще в 1880-х гг. Очень интересные попытки точного исследования изучения человеческих типов были сделаны еще в 60-х гг. нашим соотечественником Ф. Вешняковым, а в последнее время В. Оствальдом. Вообще вопрос о типах и их изучении все более и более выступает на первый план за последние годы, знаменуя этим крайне важный переворот в области современной психологии. При этом мы должны сделать небольшую оговорку. Геннекен, говоря об исследовании книг в психологическом отношении, имел в виду всякие книги, в том числе и беллетристические. Думается нам, что для такого исследования беллетристических книг еще не настало время, так как отдел, трактующий об эмоциях и о классификации их, один из самых темных и наименее разработанных отделов психологии; между тем эмоциональная-то сторона и стоит на первом плане в беллетристических произведениях. Но совсем другое дело, если мы, оставив пока в стороне беллетристику, сосредоточим наше внимание на книгах научных. Здесь классификация всех научных книг в психологическом отношении уже не представляет таких трудностей, и по-

пытку такой классификации их мы и делаем в нашем «Руководстве для самообразования». Книги научного содержания могут быть классифицированы в данном отношении, с точки зрения читательства, и работники книжного дела и все занимающиеся самообразованием получают, таким образом, в свои руки действительно могущественное орудие рационального и более или менее безошибочного выбора книг.

§ 87. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ТАКОЙ ОЦЕНКИ. ПСИХО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ КНИГ И ИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Практическая постановка этого дела может быть не только изложена в виде психологического и социологического *описания* книг, но и эти описания могут быть сведены *к формулам. Всякая книга, т. е. главнейшие качества ее, может быть выражена в виде формулы. Всякий читатель, т. е. тоже главнейшие его качества, также может быть выражен в виде формулы.* В основу книжных формул может быть принята, как уже сказано, одна и та же таблица или программа для исследования и изучения человеческой личности, и вот каким способом.

Сущность дела заключается в следующем. Берем какую-либо программу для изучения личности, напр., программу, составленную проф. Лазурским *. Эта программа представляет собой довольно отчетливую схему, или, точнее говоря, классификацию психических явлений, происходящих в человеке. Программа ставит вопросы, относящиеся к наблюдению и изучению индивидуальных проявлений психической жизни в каждом отдельном человеке. Эти проявления бывают различные, различных типов.

Какие же именно? Восприятия, память, напр., показывают преобладание то зрительного, то слухового, то двигательного и других типов. Отметим каждый такой тип какой-либо буквою, напр., зрительный — буквой з, слуховой — с, двигательный — д. Преобладающие типы мышления бывают индуктивными, дедуктивными, синтетическими, аналитическими, конкретными и абстрактными. Отметим каждый такой тип тоже какими-нибудь буквами, напр., инд., дед., син., к., а. и т. д. Отметим и другие характерные, типичные черты психики подобным же способом, не только интеллектуальные, но и эмоциональные, и волевые. Пойдем дальше. Дадим какое-либо условное обозначение также для социальных черт, для степеней образовательной подготовки и т. д. Представьте себе таблицу — схему психической жизни человека с указаниями всех главнейших типов в каждой категории психических явлений. Представьте себе, что на эту таблицу занесены все главнейшие типы всех особенностей, какие только встречаются в человечестве. Представьте дихотомическую таблицу, подобную тем, которые составляются для определения растений, но с условными обозначениями каждой типической черты. Нетрудно понять, что всякий читатель, имея перед собой такую

таблицу, без всякого труда может по ней составить свое описание, выразив его при этом условными обозначениями, напр., буквами. Таким образом, всякий читатель может получить свою читательскую формулу путем своего собственного наблюдения для любого периода, даже для любого момента своей жизни. Опыт такой таблицы, служащей для изучения читателя в психологическом и социологическом отношении, мы и даем в приложении ко II тому нашего труда, заимствуя ее из наших «Этюдов по психологии читательства», к которым и отсылаем интересующихся за более детальными пояснениями. Там же читатель найдет детальные указания для определения книг по этой таблице, для исследования и в психологическом и социологическом отношении[1].

Выражая и книгу и читателя в психологических терминах, в виде формул, составленных по одной и той же таблице, мы получаем, таким образом, определенную почву для сравнений, с одной стороны — качеств данной книги, с другой — потребностей и качеств ее читателя. Представьте себе далее, что какое-либо научно-педагогическое учреждение по той же таблице составит нам психологический и социологический каталог лучших научных и научно-популярных книг в целях самообразования. Вряд ли нужно доказывать, что громадное значение такого рода каталогов будет неизмеримо больше, чем тех, которые состоят из более или менее голословных приговоров их составителей о разных книгах, ими рекомендуемых. Главная задача рецензий — точное описание книг, которое именно и полезней больше всего для читателя. Обыкновенно же рецензии состоят, как известно, не из описаний книг, а из суждения о них или «по поводу» их — суждений, более или менее спорных, если только они не исходят от лица действительно очень компетентного, иначе же они не имеют для читателей никакого значения. Вышеизложенная система заменяет отзывы о книгах их психологическим описанием, оставляя за рецензентом оценку данной книги в научном и историческом отношениях. Та же система ставит на совершенно иную почву и рекомендацию книг и выбор их. Во многих отношениях она делает излишним педагогическое руководительство чтением, вместе с тем индивидуализируя самообразование и вообще выбор книг. Вряд ли нужно распространяться о том, до какой степени оно может быть облегчено таким способом и сколько сил, ныне теряемых совершенно бесплодно, можно будет сохранить при помощи такой постановки дела, путем создания и издания «психо-социологических каталогов лучших научных книг». Но и независимо от этих каталогов, составление которых, несомненно, представляет весьма значительные и теоретические и практические трудности и требует от составителей кой-чего бóльшего, чем обыкновенные рецензии, — дело самообразования и распростра-

[1] Мы не даем таблиц, так как указанные в них книги большей частью устарели. — *Сост.*

нения книг, если его теперь же поставить на психологическую и социологическую основу изучения читательских типов, от этой постановки не может не выиграть по существу. При такой постановке дела вопрос о том, что считать хорошей книгой, получает новое решение. Не всякую книгу, удовлетворяющую хотя бы самым строгим требованиям научной, историко-литературной и социальной оценки, о которых шла речь в § 72, можно признать хорошей с точки зрения данного читателя. Как сказано, книга должна еще быть *лично для него подходящей.* Мы уже видели, что в отыскании именно такой книги для любого читателя и заключается самая сущность книжного распространения (§ 4). Теперь мы выясним, каким способом следует отыскивать такую книгу. Мы видели, что для этого необходима ее психологическая и социологическая оценка. Чем она глубже, и чем детальнее, и вообще чем тоньше психологический и социологический анализ читателя или покупателя, тем больше шансов, что выбранная по такому методу книга больше даст для его ума и сердца, и потому даст ему возможность затратить соответственно меньше труда для достижения поставленной им цели — самообразования. На основании нашей личной практики в деле содействия самообразованию самых разнородных читателей по этому методу и опытов, с такой постановкой нами проделанных, позволяем себе утверждать, что и непосредственный опыт оправдывает возлагаемые нами на эту систему надежды. Во всяком случае, она спасает от очень многих ошибок. Подобно тому, как педагогия старается теперь индивидуализировать воспитание и образование, а медицина — лечение, так может и должно быть индивидуализировано при нашей постановке вопроса и дело самообразования. Придавая такую постановку делу этого последнего посредством рационального выбора книг для чтения, мы в сущности ничего не выдумываем нового и идем по уже намеченной дороге. Мы лишь формулируем те самые принципы, которые уже давно должны бы быть формулированы...

Следует сделать еще несколько существенных замечаний во избежание возможных недоразумений. Какую, собственно, практическую цель преследует данная постановка дела? Сократить время, сэкономить силы и труд, затрачиваемые обыкновенно на чтение научных книг, помочь скорейшему и более глубокому и детальному усвоению их содержания, поставив это дело на рациональную почву. При этом заметим, что всюду у нас идет речь о книгах научных, а не беллетристических. Мы утверждаем, что читатель индуктивного и конкретного типа мышления, читающий книгу, изложенную дедуктивно и отвлеченно, затрачивает массу лишних сил на ее чтение и усвоение и все-таки не усвоит предмета с ее помощью так быстро и глубоко, как если бы он усвоил его, взявши книгу по тому же предмету, но написанную тоже индуктивно. И обратно: читателю типа дедуктивного и отвлеченного больше дадут книги дедуктивные и отвлечен-

ные. Читатель эмоционального типа заснет над сухой книгой, написанной без всякого настроения. Читатель практик, человек дела и борьбы, не удовлетворится книгой, отражающей нытье и безволие ее автора. Читатель буржуа, как известно, и духа пролетарского в книге нередко совсем не выносит. Книга, имевшая успех по своим определенным общественным тенденциям 17 октября, теперь читается тем же читателем совсем под другим углом знания, понимания, настроения. Правда, из предыдущего вовсе не следует, что, стремясь к самообразованию, индуктивно мыслящий человек вовсе не должен браться за дедуктивно изложенные книги. Надеюсь, что наш читатель в этом нелепом утверждении нас не заподозрит. Мы говорим даже напротив: читатель, мыслящий индуктивно, должен сознательно и планомерно научиться читать и дедуктивные книги; ум синтетический должен по мере возможности приучить себя и к анализу, подобно тому, как и человеку не музыкальному и вообще «не эстетическому» для развития своей психики крайне важно поупражняться и в искусствах как в одной из важных сторон духовной жизни. Мы не только не отрицаем полезности такого рода упражнений, но и подчеркиваем их необходимость. Но вместе с тем мы говорим: легче обучится человек музыкального типа, чем не музыкального. Легче усвоит данную науку по дедуктивным книгам человек дедуктивного типа, чем по книгам индуктивным и т. д. Хорошим аналитиком синтетик вряд ли когда сделается, а аналитик лишь в исключительных случаях проявляет способность к синтезу. Правда, кроме типов резко выраженных, существует еще множество переходных или смешанных. При этом обыкновенно замечается, что типы, переходные в одном отношении, резко выражены в другом. Но то же самое явление наблюдается и относительно книг. Закон Геннекена оказывается справедливым и по отношению к переходным типам. В силу того же закона для переходного типа открыты пути для пользования книгами обоих крайних типов, что, разумеется, не противоречит нашей теории. Когда же сама жизнь заставляет человека вооружаться возможно быстрее и знанием, и пониманием, и настроением, тогда перед ним естественно возникает вопрос: да как же возможно скорее и прочнее это сделать? На этот вопрос мы и старались ответить, опираясь на теоретическое и практическое изучение читательских типов в психологическом и социологическом отношениях.

Спрашивается теперь, в какой же степени пригодны такие методы в обыденной практике книжного дела? Как могут ими воспользоваться работники книжного дела в своей обыденной жизни, которая вряд ли позволяет многим штудировать то психологию, то социологию? На этот совершенно справедливый вопрос мы можем ответить прежде всего следующее. Как уже было сказано в § 13, «могий вместити да вместит». Каждый работник книжного дела, каждый работающий над своим самообразова-

нием должен усвоить и понять хотя бы самые главные и основные принципы психологической и социологической оценки книг. В психике каждой книги, как и в психике любого человека, есть и характерные и нехарактерные черты. Характер людей, как известно, определяется обыкновенно по первым. Их-то и надо всегда помнить и знать возможно лучше. Вот на какие стороны этой психики книг мы рекомендуем прежде всего обращать внимание. Распределим их по схеме «Программы исследования личности» А. Лазурского.

Требует ли данная книга, для того чтобы быть возможно лучше усвоенной и понятой, от своего читателя:

1. Большой, средней, малой наблюдательности и вообще *тонкости* восприятия разных оттенков читаемого?

2. Большой, средней, малой *точности* восприятия?

3. Большой, средней, малой способности запоминания?

4. Логической (формальной) или фактической (материальной) памяти?

5. Умения связывать воспринимаемые впечатления с имеющимся уже запасом идей и образов (умения ассоциировать), больших запасов ассоциаций?

6. Большого, среднего, малого внимания, умения сосредоточиваться?

7. Большого, среднего, малого напряжения мысли?

8. Мышления самостоятельного (критического), умения разбираться в даваемом книгой материале или же больше всего механического усвоения (напр., формулы, тексты, систематика фактов)?

9. Мышления отвлеченного или конкретного (образного)?

10. Аналитического или синтетического?

11. Дедуктивного или индуктивного?

12. Воображения более или менее яркого (или то, что необходимо для яркости представлений, дает сама книга)?

13. Мечтательного ли настроения, то есть склонности к фантастическим построениям («воздушным замкам») или напротив, — прежде всего чувства реальной жизни, т. е. трезвого отношения к действительности?

14. Усидчивости и долгой неутомляемости, или читатель может обойтись и без них?

15. Уменья догадываться, уменья читать между строк?

16. Миросозерцания уже более или менее сложившегося (по крайней мере, в своих основаниях)?

17. Каким настроением проникнута данная книга (пессимистическим, оптимистическим, ровным, порывистым, добродушным, озлобленным и т. д.)?

18. На какие чувства она опирается: эгоистические, альтруистические, чувства низшей, органической жизни (напр., половые), чувства высшие (напр., семейные, социальные) и т. д., чув-

ства гордости, достоинства, самоунижения? Чувства нежности, любви, злобы и т. д.?

19. Какие стороны жизни, какие интересы преобладают в ней (личные, семейные, общественные, классовые, сословные, государственные и т. д.)?

20. Предполагает ли книга в читателе любознательность вообще, интерес к данному вопросу, или сама может впервые возбудить их?

21. Предполагает ли она в читателе любовь к серьезному чтению или сама может возбуждать ее?

22. Предполагает ли книга в читателе любовь к красоте, вообще чувства эстетические?

23. Или любовь к возвышенному, грандиозному, смешному и т. д.?

24. Какие именно нравственные чувства старается она будить, напр., справедливость, честность и т. д.?

25. Предполагает ли она религиозность в читателе, способность верить, религиозное настроение — в смысле церковной религии или вообще чувства бытия чего-то непознаваемого? Способность к религиозным порывам? К догматизму на религиозной почве? Любовь к букве?

26. Какую возбудимость предполагает данная книга в читателе: легкую, быструю или тяжелую, медленную? Какими средствами она на нее действует (грубыми, лубочными или тонкими)?

27. Каковы сила и интенсивность описываемых в ней чувствований?

28. Насколько она объективна и беспристрастна?

29. Насколько прочувствованно, с темпераментом и с увлечением написана?

30. Насколько чувствуется в ней сила воли, энергия ее автора — наступательное или пассивное отношение его к жизни?

31. Решительна или не решительна книга в своих выводах, т. е. предполагает ли она в читателе уменье делать выбор между экспонируемыми ею мотивами или сама бьет на определенный выбор (на импульсивность читателя или на его привычку к обдуманности решения рассчитывает)?

Далеко не всякая книга может быть исследована даже во всех нами указанных отношениях. Это зависит от отдела, к которому она принадлежит, от формы, ей приданной, и т. д. В § 72, 81 были намечены некоторые стороны оценки книг социологической; в § 72, 73 — исторической; в § 72 — социальной; в § 80 — с точки зрения подготовки читателя и умственного развития его. Сопоставив теперь выше намеченную табличку для психологической оценки книг с «Программой исследования личности», которая дана в книге проф. А. Лазурского, читатель, надеемся, сам поймет самую сущность дела — осуществление на практике тех соображений, которые были высказаны нами выше.

Здесь мы пришли к самым основам книжного дела, дальше которых, думается нам, идти пока некуда. Сопоставляя в своей практике определенные качества книги с определенными же качествами читателя, работник книжного дела поймет, какими книгами на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действовать на основании закона Геннекена. Таким образом, в этом пункте психологическая сторона книжного дела естественно сливается с социальной, личная с общественной, интересы и требования вечной истины — с интересами и требованиями злобы дня...

§ 88. ДВА СЛОВА О ДЕТСКИХ КНИГАХ

Из этой программы видно, что в психологии книг, как и в психологии людей, можно различать три стороны — а именно: интеллектуальную, эмоциональную и волевую, иначе говоря, рассуждающую, чувствующую и действующую. Смотря по преобладанию одной из этих сторон все книги могут быть распределены тоже на три основные категории: научно-философскую, эмоционально-эстетическую и практическую, получающую свой смысл главным образом в действовании, в проявлении волевых усилий, в преодолении внешних препятствий (напр., книги для практических занятий, технические, прикладные, агитационные). Разумеется, вышеприведенная программа далеко не исчерпывает всех психологических сторон книги. Но и той схемы, которая здесь нами набросана, психических сторон, которые здесь указаны, думается нам, вполне достаточно, чтобы работник книжного дела мог отдавать себе более или менее определенный отчет о любой книге с точки зрения соответствия ее психологии с психологией данного читателя.

В заключение скажем теперь об одном типе читателей, которые нуждаются в особой оценке — и психологической, и социологической, хотя и к ним непосредственно относится то, что мы говорили выше о читателях вообще. Мы имеем в виду детей-читателей — детей и подростков и организацию для них особого отдела.

Вряд ли нужно доказывать, что ни одна библиотека общественная не может обойтись без специального отдела для детского чтения. Можно даже сказать больше этого: в очень многих библиотеках именно этот отдел и привлекает к себе особенно многочисленных читателей. В этом смысле могут с ним конкурировать лишь отделы беллетристики и отдел периодических изданий. Составлять каталог детского отдела — крайне важная, но вместе с тем и крайне трудная задача, выполнить которую мы лично вовсе не претендуем. Правда, в продаже существует несколько «примерных каталогов» детских библиотек, и список этих каталогов читатели найдут в приложении к этой книге, в отделе пособий для библиотекарей, но большинство этих примерных ката-

логов далеко не удовлетворительно. В них введено немало книг с очень сомнительными достоинствами. Кроме того, при самом подборе этих книг составители каталогов, очевидно, не всегда ясно отдавали себе отчет, какие именно книги следует вводить и какие не вводить, какие принципы положить в основу подбора книг, какой минимум требований предъявлять к рекомендуемым книгам. Далее, как это ни странно, но психологии юных читателей отведено очень мало места в большинстве таких каталогов, быть может, за исключением *«Что читать народу»* и указателя *И. Владиславлева.* Большая часть этих рекомендательных указателей принимает в расчет психологию гг. педагогов, психологию опекунов вместо опекаемых, руководителей вместо руководимых. Но именно психология детского возраста и должна прежде всего быть принята в расчет при составлении каталога детского отдела. Господа составители таких каталогов грешат и в противоположном отношении: они иногда чересчур узко относятся к своим задачам, даже вырабатывая определенные принципы для руководства подбором книг и их критикой. Они считают эти свои принципы, если можно так выразиться, чем-то вроде циркуля, тщательно вымеривают им каждую книжку, и если она в точности не подходит к их мерке, они ее забраковывают. По нашему мнению, как широкая беспринципность, так и педагогическая узость одинаково принадлежат к числу тех недостатков, которых тщательно следует избегать как в педагогии вообще, так и при составлении примерных каталогов детской библиотеки. Ребенок прежде всего — человек, а не объект для педагогических манипуляций. За ним тоже необходимо признать своего рода гражданскую свободу и право на самоопределение, а не только вменять ему в обязанность довольствоваться тем, что ему дают гг. старшие, слушаться и повиноваться им, — и это как по отношению ко всему его поведению, так и по отношению к выбору книг. Не следует забывать, что книга действует на маленького читателя не совсем так, как она действует на взрослого, и первый выносит из книги обыкновенно совсем не то, что выносит взрослый. Книг заведомо зловредных, точнее говоря, развращающих, существует не так много, как думают гг. педагоги, и все такие книги более или менее известны и, во всяком случае, могут быть известны господам педагогам. Главной задачей этих последних и является прежде всего возможное отстранение от маленьких читателей такого рода развращающих книг, понимая под этим словом «развращающие» то, что обыкновенно под ним понимается: нравственный и физический разврат. Все же прочие книги должны быть причисляемы к категории зловредных с чрезвычайной осторожностью, и выбор книг для чтения должен быть сделан для маленьких читателей по возможности самым свободным. Если книга окажется чересчур трудно написанной и пестрящей непонятными выражениями и отвлеченными мыслями, сам читатель отложит ее в сторону, а если она почему-либо по-

кажется ему хоть немного интересной, пусть ее читает как знает, и пусть выносит из нее, что может. Предоставим детям право иметь собственные вкусы, собственные привычки, собственные потребности; предоставим им с малых лет привыкать к тому, чтобы руководствоваться по мере сил и способностей собственными соображениями, а не чужими указками, и идти в жизнь своей, а не чужой, хотя бы и родительской дорогой. Принципы гражданской свободы, сделавшие за последние годы такие успехи не только в сознании русского общества, но и народа (вопреки правительственной «практике»), — принцип неприкосновенности личности, право на самоопределение должны быть признаны не только за взрослыми, но и за детьми. Дети должны впитывать эти принципы не только со школьной скамьи, как это делается, напр., во Франции, но еще с дошкольного возраста. Главная задача педагога, по нашему глубокому убеждению, заключается вовсе не в том, чтобы запрещать детям те или иные книги, а в том, чтобы помогать детскому сознанию вырабатывать нечто свое собственное, вовсе не требуя при этом от ребенка непременного исполнения разных педагогических советов, которых, кстати сказать, никакой педагог во дни своего детства обыкновенно и сам не исполнял. Педагогические предписания придумываются господами педагогами только тогда, когда они уже успели забыть свое собственное детство. Вместе с этим забываются ими и их собственные протесты против разных чужих советов и предписаний, даже предписаний родителей. Думается нам, именно эти-то протесты, этот отпор и борьба маленького поколения с поколением взрослым и делает из ребенка настоящего человека. Педагоги должны помнить раз навсегда, что в вопросе окончательного выбора книг для детского чтения им может быть дано право лишь совещательного голоса, а решающий голос все-таки должен принадлежать и здесь, как и везде, опекаемым, а не опекающим. В вопросах детского чтения должен быть проведен тот же принцип: педагоги могут лишь указывать детям некоторые книги для чтения, вовсе их не навязывая, причем это указание отнюдь не должно ограничиваться несколькими книгами, якобы систематично подобранными и педагогически рекомендуемыми. Каждому маленькому читателю должен быть дан в руки целый каталог хороших книг — пускай сам читатель выбирает из них, что знает и как знает, и научается при этом выбирать, соображаясь со своим умом и вкусом, а не с возрастом[1]. Если маленький читатель не сумеет сам разобраться в каталоге, пусть он идет за советом к педагогу, но идет не по обязанности и не по приказу, а по собственному побуждению и желанию, и пусть ему будет предоставлено право следовать или не следовать педагогическим советам. От педагогов должно быть по возможности от-

---

[1] В этом отношении заслуживает внимания вышеупомянутый указатель И. Владиславлева.

нято право производить гипнотические внушения, право приучать ребят еще во времена их бессознательной или полусознательной жизни к смирению, повиновению и непротивлению, право приучать людей еще во времена их детства к преклонению перед им заранее уготованными авторитетами и теми, иной раз ненавистными, устоями гражданской жизни, на борьбу с которыми затем приходится идти взрослым поколениям, проливая за чужую бессмыслицу, а то и за корысть собственную кровь и жертвуя за чужие грехи своей жизнью и жизнью своих детей. <...>

Исходя из изложенных соображений, мы намечаем следующий план детского каталога как необходимой составной части правильно организованной общественной общеобразовательной библиотеки. Эта *детская библиотека, по крайней мере в общих чертах, должна быть построена по тому самому плану, как и библиотека для взрослых*, т. е. по тому плану, который изложен нами на предыдущих страницах, с той лишь разницей, что книги, введенные в каталог детского отдела, должны быть интересны именно для детей и доступны детскому пониманию. Слова «быть доступны детскому пониманию» не должны допускать никакого произвола в их толковании. Доступность — это вопрос формы, а не содержания. Самая отвлеченная мысль может быть сделана доступной детскому пониманию, если ее иллюстрировать целым рядом наглядных фактов, и, группируя эти последние и делая шаг за шагом обобщения их, всегда есть возможность вести маленького читателя все выше и выше, хотя бы до самых верхов философского миропонимания. Мы не только верим в теоретическую возможность вышесказанного, но мы убедились во всем этом из собственной практики, из наших работ над популяризацией знаний. Отсюда следует: план детского каталога уже указан нами выше.

Переходим теперь к следующему вопросу: возможно ли осуществить такой план при существующей ныне наличности книг, доступных для детского понимания? Ответ на этот вопрос, к сожалению, приходится дать отрицательный. Научных книг, предназначенных для детского чтения, существует на русском языке очень мало. Огромное большинство этих книг, насколько мы можем судить по нашим наблюдениям, недоступно, а главное, неинтересно для детей. Господа популяризаторы обыкновенно вдаются в одну из крайностей: или чересчур разжевывают предмет, затрачивая на это малоплодотворное дело сотни лишних слов, а иногда и десятки страниц, или, не считаясь с детской психологией, ведут изложение в том же порядке идей и доказательств, как если бы они излагали для взрослых, с той только разницей, что кое-где заменяют некоторые малопонятные слова другими словами, которые они считают более или менее понятными детям. Такими недостатками грешат даже довольно известные популяризаторы, успех которых, впрочем, довольно часто объясняется не самими достоинствами книжки, а, так сказать, усиленной пропа-

гандой ее и ее искусственным распространением среди молодых читателей господами педагогами и родителями, вообще говоря, людьми взрослыми. Такого рода детские научные книги отнюдь не заполняют собой ныне существующих пробелов. Составитель каталога для детской библиотеки попадает таким образом, в затруднительное положение: он не может не вводить в свой каталог такого рода книг за неимением лучших и вместе с тем он не может не понимать, что эти книги не дают того, что должны бы давать.

В небольшой библиотеке можно классифицировать книги детского отдела по следующим рубрикам:

1) Сказки.

2) Рассказы, повести и стихотворения.

3) Книги исторического содержания, исторические рассказы, очерки и повести.

4) Книги географического содержания, путешествия.

5) Книги о природе.

Как видно из этой таблички, в основных своих чертах детский отдел организован в ней по типу отдела для взрослых, начиная от беллетристики и кончая книгами о космосе. Более детальные рубрики установлены в самом каталоге, по принципам, формулированным в наших «Этюдах по психологии читательства». Мы вводим в наш список только те, которые, по нашему мнению, принадлежат к числу книг, обладающих относительно большими достоинствами сравнительно с другими детскими книгами. Это слово «относительно» позволяем себе подчеркнуть, так как во многих случаях составителям каталогов действительно не из чего и выбирать. Из предыдущего следует, что на наш детский отдел, введенный в этот каталог, отнюдь не нужно смотреть как на примерный каталог детского отдела. Это не что иное, как краткий список *некоторых* детских книг. Его пополнение, расширение и улучшение возможно следующим, напр., способом. Чтобы расширить каталог детского отдела, рекомендуем общественным библиотекам вводить в него те книги из других отделов, которые могут быть доступны и детям, т. е. читателям примерно до 14-летнего возраста. Таким образом, в каталог детского отдела войдут многие путешествия, исторические книги и вообще книги научно-популярные, отмеченные в нашем каталоге римской цифрой II. Сюда же могут войти многие народные издания, отмеченные у нас римской цифрой I. Таким образом, отдел книг, доступных пониманию детей от 12 до 14 лет, значительно расширяется. Даже более того: является некоторая возможность и для детей и для подростков при помощи таких отметок пользоваться общим каталогом. Гораздо сложнее обстоит вопрос с выбором книг для детей более младших возрастов. Книги, отмеченные римской цифрой I, т. е. народные, далеко не всегда могут быть рекомендованы читателям детям, так как интересы и вообще психология детей далеко не те же, что интересы и психология читателя из

народа. Эти различия иногда чрезвычайно резко обуславливают различие, формы распространения даже научных знаний. Для этих читателей выбор книг еще более ограничен наличностью существующей литературы. Но особенно затруднителен выбор книг по беллетристике. Во всяком случае, нельзя не признать желательным для каталога детского отдела распределение книг в нем по возрастам читателей (напр., до 6—7 лет, до 12, до 16). Это и делают некоторые составители каталогов детских книг, хотя и не всегда удачно. Рекомендуем составителям библиотечных каталогов организовывать при общественных библиотеках особые кружки педагогов (и непедагогов) для составления таких расширенных детских каталогов, по психологическому методу, изложенному выше, и, разумеется, при самом осторожном отношении к читательской свободе ребенка. Вообще, по нашему мнению, не только желательно, но и необходимо существование подобных кружков около каждой общеобразовательной библиотеки. Они должны знакомиться с книгами, уже имеющимися в библиотеке, они должны составлять их детальные каталоги, вводя в эти каталоги подходящие книги из других отделов и статьи из детских журналов. Эти же кружки должны взять на себя труд составления списков книг, подлежащих приобретению в библиотеку. Они же должны организовать возможно близкие сношения с другими библиотеками своих и других районов и, если возможно, составить из представителей библиотек своего района один общий объединяющий кружок. Они же должны организовать сношения с учащимися как в городских, так и в сельских школах и привлечь их к своей книжной работе, особенно к собиранию наблюдений над чтением детей, подростков и пр. Словом сказать, на такого рода педагогические кружки, организуемые при общественных библиотеках, может быть возложено весьма важное и неотложное дело — именно дело организации общения с людьми жизни, дело *расширения библиотеки* (Bibliothèque Extension), пределов и форм которого нет никакой возможности указать, да и нет надобности указывать, потому что это всецело принадлежит частной инициативе самих работников, а эта-то инициатива и есть то, что называется «душой библиотеки». Для нас лично очевидно и несомненно, что библиотечное дело каждому желающему, каждому живому человеку предоставляет самый большой простор для воплощения духа живого в жизнь...[1]

Мы уже имели случай указывать на громадное значение справочного библиографического отдела, который должен быть *особенно тщательно организован при всякой библиотеке, при всяком книжном магазине* (§ 62). Необходимость такого отдела

---

[1] См. наш доклад: «Основные задачи книжного дела». Спб., 1907. Также «Внеклассное чтение учащихся». Т. II.

лишний раз подтверждается и на примере детской библиотеки, которая, разумеется, немыслима без систематической коллекции библиографических указателей детских книг.

§ 89. РАБОТНИКИ КНИЖНОГО ДЕЛА, ВООРУЖАЙТЕ СЕБЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМИ ЗНАНИЯМИ!

Из всего предыдущего следует, что для того, чтобы быть хорошим работником книжного дела, необходимо иметь в голове запас библиографических знаний по каждому вопросу, по крайней мере, всем главнейшим, наиболее важным с точки зрения общего образования и выработки миросозерцания, — настолько большой запас, чтобы иметь возможность читателю любого *типа* указать по каждому вопросу, по каждой отрасли знания книгу именно того типа, который наиболее аналогичен читательскому. Приобрести такого рода библиографические сведения и библиографический навык в деле определения типов, разумеется, нелегко. Тем не менее все-таки это *вполне вовможно*. И на этой возможности мы особенно настаиваем, основываясь на собственном опыте. Значит, она и решает вопрос. Тем более необходим с этой целью правильно организованный библиографический отдел каждому работнику книжного дела, и мы всецело присоединяемся к голосу одного из них, который в частном письме к нам горячо настаивает на необходимости рекомендовать и рекомендовать устройство таких возможно более широко поставленных отделов. «Если бы книжные магазины и библиотеки стояли в этом отношении на должной высоте и если бы библиотеки обслуживали глухие медвежьи углы выдачей хоть самых элементарных *письменных справок* по вопросам самообразования — какое большое культурное и общественное дело они совершали бы! Мой личный опыт в этом направлении, — пишет автор того же письма, — показывает, до какой степени провинция нуждается в этом и за какими только справками она не обращается! Пользуясь правильно организованными справочными библиографическими отделами, советами учителей средней школы и проч., даже в уездных городках можно бы справиться с этой задачей». Разве эти слова не голос жизни? И мы еще и еще раз повторяем: работники книжного дела, вооружайтесь библиографическими знаниями, организуйте для себя источники их и по мере вооружения идите навстречу требованиям жизни бодро, смело и решительно, с верой в умную и честную книгу и в ее непреоборимую и светлую мощь. Книжное дело ждет сведущих и дельных работников, крупных и сильных духом, смелых и настойчивых, и раскрывает перед ними все новые и новые перспективы.

КОММЕНТАРИИ

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ

«Этюды о русской читающей публике» — первая крупная работа Н. А. Рубакина по вопросу, которым он занимался всю свою жизнь, вышла в 1895 г. в известном прогрессивном издательстве О. Н. Поповой. После этого Н. А. Рубакин много лет работал над текстом «Этюдов», который он хотел значительно переделать, расширить и выпустить в свет под заглавием «История распространения общественных идей в России в 1887—1911 гг.». Но это ему так и не удалось. Он пытался издать свою книгу под другим заглавием — «Этюды по психологии читательства». Из переработанного текста «Этюдов» были опубликованы только отдельные главы.

«Этюды» остаются первой в русской литературе книгой, где вопрос об изучении читателя поставлен «как необходимый и даже основной элемент истории и теории литературы».

В «Этюдах» Н. А. Рубакин дал яркую картину тяжелейшего положения книжного дела, включая издательства, книжную торговлю и библиотеки, в старой России.

Если учесть замечание Маркса, что наука только тогда становится точной, когда ее положения могут быть выражены цифрами, можно сказать, что этот труд Н. А. Рубакина — первая попытка сделать точной науку изучения читателя.

Н. А. Рубакин занимался исследованием читателя в течение 50 лет — с появления этой книжки и до конца своей жизни. Все его работы, даже на другие темы, тесно связаны с этой — основной, доминирующей. Эти исследования, как он говорил, были бессознательно начаты им с детства — в 1875 г. в библиотеке его матери. Потом он перенес свою работу на фабрику отца, затем исследования «охватили и пролетариат, и крестьянство, и солдат, и интеллигенцию, и полуинтеллигенцию». Позднее, с 1916—1924 гг. он перенес изучение проблемы в Европу и Америку.

«Этюды» содержат в себе основные элементы всех будущих исследований Рубакина, поэтому они представляют особый интерес для знакомства с творчеством Рубакина в целом, его методами и убеждениями. Книга не прошла незамеченной — о ней были положительные отзывы ряда крупнейших литературных критиков той эпохи (см. указатель рецензий в конце второго тома нашего издания). Но все же она не привлекла достаточно широкого внимания. Б. В. Банк объясняет это тем, что «работы Рубакина появились тогда, когда передовую и прогрессивную общественность интересовали в первую очередь другие темы — более крупные и животрепещущие: «рабочий вопрос», рабочее движение, марксизм» (Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 205).

Это замечание Б. В. Банка в общем правильно. В то же время изучение читателя означало изучение нового читателя, читателя из народа, прежде всего рабочего, и его интересы, связанные с интересами рабочего движения.

Ведь даже судить об интересе этого нового читателя к марксизму было возможно, изучая его читательские интересы вообще. А в последующих очерках и рассказах («Лицом к лицу», «Взыскующие града» и др.) Рубакин стремился показать этого нового читателя, еще не известного критике. Видимо, критики недостаточно оценили возможность изучить нового демократического читателя посредством изучения читательских интересов. Однако такой выдающийся представитель марксистской критики, как А. В. Луначарский, высоко ставил этот труд: «Говоря о Рубакине, мы говорим об одном из крупнейших, талантливейших деятелей народного просвещения. Это подлинный энтузиаст, я бы сказал — фанатик народного образования... «Этюды о русской читающей публике», по-моему, лучшая его работа о читателях — яркая, талантливая; таков и ее автор. Других таких работ — такого типа и столь же талантливых — я не встречал» (цит. по кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 208).

В своем исследовании истории изучения читателей в России Б. В. Банк называет «Этюды» лучшей из работ по вопросам изучения читателей, написанных участниками общественно-просветительного движения, дающей также и сведения о книжном деле в России и содержащей научные выводы, интересные не только для своего времени. Дальнейшие работы Рубакина, продолжившие начатые им в «Этюдах» исследования, ныне являются объектом самого пристального изучения.

Начав свою работу на бумажной фабрике, Рубакин, как он пишет сам, «с первых же шагов почувствовал необходимость учиться у пролетариата». На фабрике он организовал кружок из педагогов, писателей, издателей и редакторов. Им был составлен доклад «Опыт программы исследования литературы для народа», который был напечатан в журнале «Русское богатство» (1889 г., № 5 и 6), а затем вышел отдельным изданием и распространен по воскресным школам, журналам, библиотекам, фабрикам и заводам и т. д.

В 1890 г. Рубакин выступил в Петербургском комитете грамотности с докладом о материалах, полученных от нескольких тысяч самоучек из рабочих, крестьян и других представителей демократических слоев населения. В своих путешествиях по России он также собрал огромный материал из личных наблюдений над читателями и бесед с ними.

Рубакин полностью отверг принцип создания особой литературы для народа. Он убедился также, что читателю из народа теперь стала нужна не только художественная литература, что он требовал знания, науки — потому что хотел понять жизнь, социальное устройство общества, научиться бороться за свои права.

С самой ранней юности Н. А. Рубакина привлекали также проблемы работы библиотек, главным образом общеобразовательных. Еще в 1893 г. в докладе «Книжное оскудение», сделанном им в Вольно-экономическом обществе в Петербурге, он впервые выдвинул теорию «библиотечного ядра», т. е. комплекса книг, необходимых для каждой подобной библиотеки. В «Этюдах о русской читающей публике» эта теория была продолжена и развита, а подробнее и полнее всего сформулирована в предисловии к первому изданию самого капитального труда Рубакина — «Среди книг». Неудивительно поэтому, что Рубакин рассматривал «Среди книг» как теоретическое и практическое продолжение «Этюдов».

Сам Рубакин пишет, что в основу «Среди книг» положена идея, высказанная им еще в 1893 г. в докладе Комитету грамотности, напечатанном в «Русском богатстве» (1893 г., № 11, 12), а затем в «Этюдах» — о том, что библиотека должна быть не развлечением, а могущественным орудием просвещения. Она должна быть «отражением Вселенной», чему и способствует «библиотечное ядро».

Рубакин полагал, что «Среди книг» вместе с «Этюдами по психологии читательства» должны составить единое целое, посвященное «истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения».

Рубакин любил повторять слова Ибсена в «Пер Гюнте»: «Простится то тебе, чего не можешь, чего не захотел бы — никогда» и Генриха Гейне: «Тот,

кто верой обладает в невозможнейшие вещи, невозможнейшие вещи совершать и сам способен».

Вся колоссальная деятельность Рубакина в области просвещения и книжного дела была действительно «невозможнейшею вещью» — но он и сам обладал верой в «невозможнейшие вещи»...

А. Н. Рубакин

* *Стр. 37. Спб. комитет грамотности* — образован при императорском Вольном экономическом обществе в 1861 г. с целью распространения грамотности и полезных знаний среди крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Либерально-просветительное учреждение. Издавал рекомендательные библиографические пособия, такие, как «Первый рекомендательный каталог для народного чтения» (1861), «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» (1876) и удешевленные издания произведений русских классиков; пытался рассылкой книг содействовать устройству книжных складов, народных библиотек и читален. В конце 80-х — начале 90-х гг. в комитет постепенно вошли члены организованного демократической интеллигенцией «кружка для изучения народной литературы», оживившие деятельность Комитета. Председателем издательской комиссии Комитета была издательница А. М. Калмыкова, книжный склад которой стал своеобразной явкой и оказывал всяческую поддержку группе социал-демократов с В. И. Лениным во главе. В 1895 г. по рапорту Московского охранного отделения о нелегальных организациях, пропагандирующих прогрессивную литературу, Петербургский комитет грамотности был закрыт.

Московский комитет грамотности. — Возник в 1845 г. Задачей своей ставил издание книг для народа, организацию сельских народных библиотек и воскресных школ. Был упразднен в 1896 г. по тем же причинам, что и Спб. комитет.

Харьковское общество распространения в народе грамотности. — Возникло в 1869 г. В отличие от Петербургского и Московского занималось вопросами не только внешкольного, но и школьного образования. Как записано в уставе его, «стремилось распространять грамотность и первоначальные полезные знания». По инициативе Общества в Харькове было открыто несколько начальных школ для детей, женская ремесленная школа, воскресные школы для взрослых, библиотеки-читальни, сельские библиотеки. В составе Общества было несколько комитетов, в том числе — издательский, который разработал программу выпуска книг для народа по нескольким направлениям: духовно-нравственному, художественно-беллетристическому, историческому, географическому, по различным промыслам и ремеслам. Общество выпустило I том «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» (М., И. Д. Сытин, 1910). К тому времени, когда Н. А. Рубакин писал настоящую работу, Общество напечатало около 120 названий книг. Для ознакомления с читателем из народа и для конкретизации плана изданий Комитет составил и программу для собирания сведений о чтении книг в народной среде. Ответов на эту программу пришло так мало, что на их основании нельзя было сделать никаких выводов.

* *Стр. 39. ...собранных по программе А. Пругавина...* — В 1887 г. в журнале «Русская мысль» (кн. XI) была напечатана статья А. С. Пругавина «К вопросу о том, что и как читает народ», в которой содержалась и «Программа» сбора материалов. Вскоре она была напечатана в нескольких периодических изданиях, потом вышла отдельной брошюрой, а затем перепечатана в кн.: Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890, с. 218—229. Хотя в названии «Программы» фигурирует слово «народ», она ориентирована на крестьянские слои населения. В этом проявились либерально-народнические взгляды ее автора. Понимая проблему народного читателя гораздо шире, Н. А. Рубакин крити-

кует «Программу» А. Пругавина. В своей программе он учитывает читателей разных социальных слоев.

* *Стр. 41. Г-н Л. Павленков, желая смягчить некоторые выводы нашего доклада, приводит в утешение...* — С 1887 по 1896 г. Л. Н. Павленков обрабатывал публикуемые Главным управлением по делам печати официальные списки изданий (периодических и непериодических), вышедших за каждый предшествующий год, и печатал в «Историческом вестнике» ежегодную статистику книг и журналов. Эти материалы Л. Н. Павленкова до сих пор остаются несомненно ценным источником по истории отечественного книжного дела. Н. А. Рубакин их использовал, хотя и с критикой и поправками.

* *Стр. 44 «Север».* Еженедельный литературно-художественный журнал. Спб., 1888—1914. Издателями до 1895 г. были последовательно: В. С. Соловьев, Е. А. Евдокимов, Н. Н. Каразин, М. К. Ремизова.

Журнал буржуазно-либерального направления. В числе авторов его можно назвать А. В. Амфитеатрова, К. Д. Бальмонта, С. С. Гусева-Оренбургского, А. И. Куприна, Вас. И. Немировича-Данченко, А. П. Чехова, Е. Чирикова. Имел приложение в виде книжной серии «Библиотека «Севера».

* *Стр. 44 «Родина».* Народный журнал с картинами. Ежемесячно. Спб., 1879—1883. Издатель А. И. Траншель. Журнал пропагандировал буржуазную идею «единства наций», утверждая, будто в России «сглаживаются сословные различия», и прославляя царский дом. Проза журнала проникнута буржуазно-мещанскими идеалами. С 1883 г. «Родина» выходит как газета и имеет несколько бесплатных приложений, в том числе ежемесячное «Собрание романов «Родины». Произведения русских писателей. 1887—1904.

* *Стр. 48 «Книги о книгах».* — Рекомендательный указатель «Книга о книгах». Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания». Под ред. И. И. Янжула. Ч. I—II. М., 1892. Как сказано в Предисловии, Указатель был рассчитан на «представителей как называемого образованного общества (не ниже лиц, получивших среднее образование) и затем университетской молодежи, желающей иметь в своих руках точный список учебников и важнейших монографий для занятий наукой уже академического характера». В составлении его приняли участие известные тогда ученые, в том числе И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов, что сказалось на уровне оценки, отбора и аннотирования включенной в него литературы. Тем не менее Н. В. Здобнов справедливо характеризует это библиографическое пособие следующим образом: «В 90-х годах большое внимание рекомендательной библиографии стала уделять московская и петербургская либерально-буржуазная профессура, стремившаяся ослабить влияние нелегальных указателей и в то же время оказать известную помощь повышению самообразования, разумеется, в «благонамеренном» духе» (Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, с. 500). Буржуазно-либеральная направленность указателя особенно отчетливо сказалась на общественно-политических разделах. Несмотря на это, Указатель сыграл известную положительную роль в ознакомлении русского читателя с ценной в научном отношении литературой. Известно, что им пользовался В. И. Ленин.

* *Стр. 48 ...литературная конвенция больше всего и угрожает опасностью...* — Здесь Н. А. Рубакин имеет в виду широкое в те годы обсуждение вопроса о возможности присоединения России к международной литературной конвенции. Восемь международных литературных конгрессов различной степени представительности, собиравшиеся многократно в 1858—1885 гг., подготовили создание в 1886 г. Бернской литературной конвенции, которую тогда же подписали Германия, Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Швейцария, а также Гаити и Тунис, образовав «Союз защиты авторских прав на литературные и художественные произведения». По этой конвенции запрещалась не только произвольная и безгонорарная перепечатка литературных произведений в другой стране, но и произвольные и безгонорарные переводы их на другой язык. Конвенцию не подписали скандинавские страны, Голландия и Россия, в частности потому, что в этих странах количество переводных книг было вынужденно значительным, что применительно к России Рубакин подтверждает приводимой им цифрой переводных произведений. Общественное мнение, в

том числе и подавляющее большинство крупных издателей, единодушно высказалось тогда против подписания конвенции.

* *Стр. 51. «Кроме Манухинских и Шараповских произведений...»* — Манухин А. и Шарапов П. — «издатели Никольской улицы» — выпускали книжки для низших слоев городского населения (наподобие: Руководство к выбору жен, Ключи к женскому сердцу, Сборник пикантных рассказов, различных рецептов и т. п.).

* *Стр. 56. книжка проф. Рейера...* — Reyer Ed. Entwicklung und Organisation der Volksbibliotheken. Leipzig, 1893. 116 с. (Развитие и организация народных библиотек). На русский язык не переводилась.

* *Стр. 62. ...библиотечном ядре.* — В современной советской книговедческой литературе дан анализ этой концепции Н. А. Рубакина, наиболее полно теоретически обоснованной в публикуемой здесь работе (см., например: Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин о комплектовании книжных фондов. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. IX, с. 133—154; Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. 1862—1946. М., «Книга», 1972. (Деятели книги). Советские библиотековеды считают идею создания в каждой общеобразовательной библиотеке книжного ядра значительным вкладом Н. Рубакина в теорию комплектования библиотечных фондов (см. научную дискуссию, проходившую в 1968—1969 гг. на страницах журнала «Библиотекарь»). Однако интерпретация «книжного ядра» содержит и те субъективистские «надпартийные» взгляды Н. Рубакина, которые окрашивают большинство его теоретических работ.

* *Стр. 62. ...схема О. Конта, схема Спенсера.* — О. Конт и Г. Спенсер — создатели двух наиболее известных и практически использовавшихся классификаций наук. По оценке современных специалистов, «в решении проблемы классификации наук идеалист Конт был ближе к истине, чем многие его предшественники и современники-идеалисты» (см.: Кедрин Б. М. Классификация наук. Т. 1. М., 1961, с. 104). Конт разрабатывал свою схему в чисто практических целях, пытаясь найти ту последовательность, в которой легче всего можно было бы изучать отдельные науки.

Разрабатывая свою оригинальную классификацию книг и использовав опыт Конта и Спенсера по классификации наук, Н. А. Рубакин пошел дальше в поисках критериев классификации и рассматривал науку как важнейшую, но лишь одну из сторон в целостном восприятии жизни. Попытку положить в основание классификации критерий «жизни», понимаемой как неразрывное единство и науки, и искусства, и человеческой практики, следует считать прогрессивной по тому времени и плодотворной для современной разработки проблемы библиотечно-библиографической классификации.

* *Стр. 67. ...несколько журналов, поставлявших на книжный рынок одни переводные романы.* — «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык». Издание Е. Н. Ахматовой. Ежемесячно. Спб., 1853—1883; То же. Спб., 1884—1885. «Библиотека для чтения». Ежемесячный журнал. Спб., 1875—1885. С 1885 г. — два раза в месяц. Издательница-редактор В. И. Сахарова. Журнал ориентировался на мещанские вкусы. Печатал романы «ужасов» и «необыкновенных приключений»; «Переводы отдельных (иностранных) романов». Ежемесячно. Спб., 1867—1888. Издатели-редакторы последовательно: Н. С. Львов, О. Сухомлина, Н. И. Львова, М. Н. Львова, Е. Э. Лебедева; То же. Спб., 1890—1891. Издание представляло собой сборники, в которых печатались исключительно переводы. Преобладала низкопробная развлекательная и салонно-светская беллетристика; «Европейская библиотека». Журнал иностранных романов и повестей». (С № 37 1882 г. — «Журнал отдельных романов». М., 1881—1883. Ежемесячно. С половины 1882 г. — без обозначения периодичности). Издатель-редактор Н. Пушкарев. По направлению и содержанию схож с предыдущим; «Журнал русских и переводных романов». Ежемесячно. Спб., 1876. Издатель-редактор А. Кехрибарджи. Печатал сентиментальную и внешне занимательную беллетристику. Известный интерес представляют в нем очерки о путешествиях; «Изумруд». Сборник романов, путешествий и небольших рассказов в переводе с иностранных языков на русский». Шесть раз в год. М., 1878—1882. В 1880 г. издание вышло в одной книге, в 1881 — № 1—4. Издатель-редактор М. Н. Воронов.

В 1882 г. вышла только одна книжка. Сборники объемом от 15 до 30 листов. Здесь печатались исторические и псевдоисторические романы и романы на современные темы из жизни других народов, предназначенные для легкого чтения, вроде: «Тайны индийских офицеров» М. Бреттона, «Казнь королевы Анны» М. Кроуна и т. п.

* *Стр. 70. министерский каталог.* — Имеется в виду «Указатель книгам, одобренным Ученым комитетом Министерства народного просвещения». Сост. А. Сопецинский. Спб., 1884; Изд. 2-е. Спб., 1887. Пособие «охранительного» направления в истории отечественной рекомендательной библиографии.

* *Стр. 70. «Опыт каталога книг для средне-учебных заведений.* Спб. Составлен на основе «Указателя». По распоряжению известного реакционера, министра народного просвещения Д. А. Толстого был предпринят пересмотр каталогов библиотек средних учебных заведений, а затем и каталогов народных библиотек и библиотек начальных училищ с целью очистить их от имевшихся прогрессивных книг и оградить от поступления новых.

* *Стр. 78. ...людей двадцатого числа* — т. е. служащих, получавших жалованье двадцатого числа каждого месяца и вносивших плату за пользование библиотекой.

* *Стр. 90. ...кружок Х. Д. Алчевской.* См. об этом подробнее, напр., в кн.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., «Книга», 1969, с. 70—84, 94—122. Кружком подготовлен фундаментальный библиографический труд: Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Сост. <...> Х. Д. Алчевская, Е. Д. Гордеева, А. П. Гришенко и др. Т. 1—2. Спб., 1884—1889. Указатель тогда же получил положительную оценку прогрессивной общественности, хотя в нем отразились либерально-просветительские тенденции в общественном развитии России того времени. Том III составлен другим коллективом под руководством Х. Д. Алчевской и издан в 1906 г. Разделы обществоведения в III томе были реакционны даже для своего времени.

* *Стр. 90. «Опыт программы».* — Здесь Н. Рубакин имеет в виду свою работу: Рубакин Н. А. Опыт программы для исследования литературы для народа. Спб., 1889.

* *Стр. 91. ...автор Никольского рынка.* — Автор произведений лубочной и псевдонародной литературы. Оживленная рыночная торговля «народными картинками», «народными книжками» шла в Москве на Сухаревке и у «Пролома», или «Проломных ворот» на Никольской улице. Н. А. Рубакин употребляет слово «автор» в собирательном смысле. Хотя многие произведения лубочной и «народной» литературы были анонимными, Никольская улица имела своих писателей и поэтов, напр.: М. Евстигнеев, В. Суворов, П. Кувшинов, Зряхов, Федот Кузмичев и др. Были и так называемые Никольские издатели, такие, как Лузина, Губанов, Абрамов, Земский, Леухин, Шарапов (у которого приказчиком начинал свою издательскую деятельность И. Д. Сытин).

* *Стр. 91. «Общество распространения полезных книг».* Возникло в Москве в 1861 г. Основательницей Общества была А. Н. Стрекалова, владевшая типографией, книжным складом и магазином на Никольской улице. Деятельность Общества имела скорее благотворительный, чем просветительский характер. Целью своей ставило издание книг «для детей и грамотного простонародья». Смешение этих двух задач, столь характерное для подобных организаций и многих издателей дешевых книг, обусловило неуспех деятельности Общества. Издавало почти исключительно переводную литературу нравоучительного содержания. Предпринимало попытки издавать литературно-художественные журналы для детей: «Воскресные рассказы» (1874—1877), «Собрание повестей и романов для детей» (1884—1888), «Чтение для детей» (1875) и библиографический журнал «Народная и детская библиотека» (1879—1880).

* *Стр. 94. «Пан Твардовский»* — «народный» польский роман, имевший многочисленные издания, в том числе, напр., несколько раз выходил у Сытина: Пан Твардовский, или Колдун XVI века. Легенды из народных польских преданий и рассказов. М., тип. И. Д. Сытина, 1891.

* *Стр. 94.* *«Бова»* — популярный лубочный роман, который печатали буквально все «Никольские издатели». См., напр.: Сказка о славном, сильном, храбром и непобедимом Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружевне. М., В. В. Пономарев, 1896.

А. А. Беловицкая

СРЕДИ КНИГ

Н. А. Рубакин считал «Среди книг» самым капитальным трудом своей жизни. Автору его пришлось просмотреть, обдумать, проанализировать, определить историческое значение более чем 200 000 книг по всем отраслям науки и литературы, распределить их по степени трудности изложения и доступности для читателя различных социальных категорий, различного психического и социального типа. Такого библиографического труда не знает не только русская, но и мировая библиография на протяжении всей своей истории.

С самого начала литературной и просветительской деятельности Н. А. Рубакин мечтал создать такой рекомендательный каталог, который включил бы все существенное из научной и художественной литературы на русском языке, давал бы представление о содержании и направлении всех книг, их месте в истории идей в каждой области научного знания, учитывал бы степень подготовки читателей к восприятию этих книг, их профессию, интересы, их психический тип и т. д. Это была задача, по существу непосильная для одного человека.

Первое издание «Среди книг» (в одном томе) вышло в свет в августе 1905 г. В нем было описано около 7500 наиболее ценных книг и дано краткое предисловие, в котором впервые были сформулированы черты этого нового типа изданий — рекомендательного каталога. Издание разошлось в течение двух с половиной лет, что тогда считалось для книги подобного рода огромным успехом.

Второе издание «Среди книг» вышло в 1911—1915 гг. в 3 томах (печатание третьего тома было прервано в связи с начавшейся первой мировой войной, увидела свет только первая часть его). Это издание содержало описание уже около 20 000 русских книг — почти втрое больше первого издания. Автор определил свой труд как «опыт обзора лучших русских книг в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей».

Рубакин не прекратил работу: он предполагал после войны выпустить третье издание с описанием уже около 60 000 книг, но ему так и не удалось найти издателя. Да, вероятно, эта работа была ему уже и не по силам: требовалось изменить план книги, внести серьезные изменения. Составленный им план нового издания и несколько тысяч карточек с описаниями книг хранятся ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Второе издание «Среди книг» по существу состоит из трех частей. Первая — «Введение» — излагает основные принципы построения данного рекомендательного каталога и применения его в работе с читателями. Вторая часть — «Предварительные замечания» — предшествует каждому разделу книги и излагает историю соответствующей отрасли знаний. И, наконец, третья часть — это библиографический перечень книг, рекомендуемых по каждой теме данного раздела.

Во «Введении» ко второму изданию «Среди книг» Рубакин формулирует основные взгляды на рекомендательный каталог. По мысли Рубакина, это и каталог общеобразовательной библиотеки, который должен стать руководством для ее организации. Это одновременно и каталог ее «библиотечного ядра», т. е. списка книг, необходимых для каждой такой библиотеки (определение

«библиотечного ядра» дается в специальной главе «Введения»). И, наконец, это рекомендательный каталог для людей, занимающихся самообразованием.

Если эту книгу, вышедшую 60 лет назад, рассматривать только как библиографический указатель русской книги — он, разумеется, устарел. Но вся теоретическая часть, предисловие и примечания имеют и до сих пор очень большую ценность.

Идея «Предварительных замечаний» к каждому разделу библиографического указателя впервые выдвинута и осуществлена Рубакиным. Эти замечания делают из нее настоящую краткую, но крайне содержательную, глубоко продуманную историю идей во всех областях науки и литературы. Эта часть работы требовала от автора огромной эрудиции и огромного труда. В первый раз в истории библиографии изучение книг рассматривалось здесь с точки зрения психических и социальных типов читателей. С глубокой убежденностью Рубакин писал: «Надо знать книгу. Надо понимать и любить книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги — для себя и для других — распространяя книгу в самых широких кругах населения, в самых глубоких слоях его, действуя ею даже на самых темных, даже на самых неспособных людей» («Среди книг», с. 124 нашего издания).

Второе издание «Среди книг» Рубакин начал готовить еще до отъезда за границу в 1907 г. В «Предисловии» Рубакин объясняет свой отъезд состоянием здоровья. На деле Рубакин попросту «сбежал» из Финляндии, где он тогда жил, чтобы не быть арестованным царской полицией и сосланным в «места не столь отдаленные». Работать над каталогом в Швейцарии, где он тогда поселился, в очень трудных материальных условиях, не располагая всеми необходимыми книгами, было безмерно тяжело. Очень немного было у Рубакина подлинных помощников — постоянных сотрудников. Так, несколько лет ему помогал политэмигрант Б. И. Лойко. Видный русский библиограф Николай Алексеевич Ульянов сотрудничал с Рубакиным несколько лет. Впоследствии он окончил университет в Лозанне, стал профессором геологии, крупным ученым. Н. М. Лямцев, которого Рубакин упоминает в предисловии к «Среди книг», был раньше сельским учителем, потом заведовал библиотекой Рубакина, оставшейся в Петербурге, а затем приехал к нему в Швейцарию — в Кларан, где и выполнял различную организационную работу. Несколько лет работал у Рубакина еще один русский политэмигрант, тоже бывший сельский учитель с Украины А. А. Поляков, не имевший ранее отношения к книжному делу.

В России особенно помогали Рубакину в подготовке и выпуске труда «Среди книг» и в переговорах с издателями Г. И. Поршнев и И. В. Владиславлев (Гульбинский) — выдающиеся деятели русской библиографии.

Активное участие в работе над вторым изданием «Среди книг» принимала вторая жена Рубакина, Людмила Александровна (урожд. Бессель).

* * *

Понять значение «Среди книг», положительные и отрицательные стороны этого труда можно только глубоко изучив рецензию на него, написанную В. И. Лениным. Напомним, что В. И. Ленин тоже сотрудничал в этом каталоге, написал для него статью о большевизме, которая была полностью напечатана во 2-м томе 2-го издания. Рубакин сам обратился к Ленину с письмом, в котором просил его написать эту статью, сообщив, что предварительные замечания о меньшевизме он просил написать Л. Мартова. Ленин согласился при условии, что статья будет напечатана в «Среди книг» без изменений, что и было выполнено Рубакиным.

«Нечего и говорить, — писал В. И. Ленин, — что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать *разумный* «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей. Тут нужны именно «предварительные замечания» по

каждому отделу (которые и дает автор) с общим обзором предмета и с точным изложением *каждого* идейного течения, а затем перечень литературы к этому отделу и по каждому идейному течению.

Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25, с. 111—114).

После этого Ленин переходит к критическим замечаниям. «Недостатки сочинения, — пишет он, — эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам».

«Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». «Автор не догадывается, — пишет далее Ленин, — во-1-х, что «без человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей».

Для такого труда Рубакин, даже будучи «последним энциклопедистом», как его называет один из его биографов и популяризаторов Л. Э. Разгон, не мог, разумеется, обладать знаниями во всех областях науки и литературы, представленных в «Среди книг». Специалисты ему были необходимы, но специалистов он мог найти только в редких случаях. В предисловии к «Среди книг» упоминаются такие крупные русские ученые, как проф. П. Г. Виноградов, П. Н. Милюков, выдающийся пропагандист марксизма Г. В. Плеханов, В. И. Семевский, проф. А. И. Чупров и ряд других. Но все они не участвовали в работе непосредственно, а только консультировали Рубакина. Наиболее ценные советы и указания давал Г. В. Плеханов.

За советами по специальным разделам Рубакин постоянно обращался к крупным ученым, своим знакомым, но редко кто из них полностью удовлетворял его требования. В известной мере этому препятствовали сами условия работы. Чтобы привлечь ученых, специалистов, нужны были средства, которыми Рубакин не располагал. Увлеченный своими идеями, в осуществление которых он вкладывал все свои знания, весь свой труд и свои весьма ограниченные средства, Рубакин наивно думал, что его рецензенты смогут выполнять его просьбы безвозмездно. Обычно Рубакин посылал им для просмотра либо машинописный текст раздела, либо — позднее — гранки этого материала.

Вот что писал, например, проф. Д. В. Анучин 31 мая 1914 г. И. В. Владиславлеву: «Посылаю Вам остальные гранки труда г. Рубакина. Всего просмотрено мною 93 гранки. Когда г. Рубакин обратился ко мне и прислал для просмотра десятка полтора-два гранок, я думал, что еще немного их — и конец, но оказалось, что их масса... Я сделал, что мог, но не имел ни возможности, ни времени переработать набранное более обстоятельно. Впрочем, это и не требовалось, иначе это не был бы труд только г. Рубакина...»

Анучин видел много недостатков в труде Рубакина, но признавался, что у него не было возможности все их исправить. «Нельзя быть специалистом по всем предметам и наукам», — писал Анучин. Он замечал о Рубакине: «конечно, он кое с чем знаком, но у него и много пропусков (особенно в новейшей литературе)». Так считали и другие специалисты, которым Рубакин посылал свои рукописи или гранки «Среди книг», хотя они об этом и не писали. Между тем, такой гигантский труд, как «Среди книг», мог быть под силу только целому коллективу специалистов.

Рубакин и сам отдавал себе в этом отчет. Называя «Среди книг» «общим обзором», он писал: «...таких общих обзоров до сих пор нет, и составление их представляет чрезвычайные трудности. Чтобы составить такой обзор, необ-

ходимо прежде всего иметь под руками огромные количества книг, затем еще большее количество всякого рода оценок, критики, рецензий, описаний этих книг; далее, необходимо изучить все эти книги и их оценки и, наконец, все это сопоставить с русской читающей публикой — ее нуждами, потребностями, привычками, вкусами». «Нужно ли доказывать, сколь огромное значение имел бы для ее широких кругов такого рода общий обзор, если когда-либо и кем-либо он был составлен? Так или иначе, первую попытку его составления — пускай даже самую слабую, самую несовершенную, — во всяком случае сделать необходимо. Недосмотры и промахи, неизбежные в таком кропотливом труде, впоследствии могут быть сглажены и исправлены, *работа единоличная может быть затем заменена коллективной.* Но пока что первый шаг лучше не откладывать».

Рубакин исходил из неправильного представления, что надо смотреть на то, что объединяет людей, вне зависимости от их классовой принадлежности и мировоззрения, а не на то, что их разъединяет. В «Среди книг» он излагал свою точку зрения так: он хотел сделать свой опыт «возможно объективнее, беспристрастнее», полагая, что «история мнений — лучший, хотя и строгий судья их». Н. А. Рубакин писал, что «партийная точка зрения совсем исключена из этой книги и заменена внепартийной или, точнее говоря, надпартийной» (см. с. 117), тем не менее труд его был полон скрытой полемики против марксизма.

Как один из примеров неправильного подхода Рубакина к выбору авторов, Ленин отмечает включение в список трудов по экономике и социализму книг Туган-Барановского. Еще когда труд «Среди книг» был в гранках, этот раздел внимательно просмотрел Г. В. Плеханов и особенно отметил, что недопустимо включать в него книги Туган-Барановского. И все-таки Рубакин их включил!

В данном издании часть «Введения» (анализ классификации наук О. Конта и Г. Спенсера и т. д.) опущена. Дана только часть «Введения» к «Среди книг», в которой сформулированы главные положения Рубакина по теории книжного дела.

А. Н. Рубакин

* *Стр. 138. «Люди любят истину, — сказал когда-то Д. Г. Льюис...* — Н. А. Рубакин ссылается на книгу: История философии от начала ее в Греции до настоящего. Сочинение Джорджа Генриха Льюиса. Под ред. В. Спасовича. Спб., 1865—1867. Книга эта многократно издавалась на русском языке с некоторыми изменениями заглавия.

* *Стр. 138. ...согласие выводов с чувствованиями.* — Н. А. Рубакин цитирует книгу: Льюис Д. Г. Вопросы о жизни и духе. Т. 1—2. Спб., 1875—1876. Т. 1, с. 343.

* *Стр. 141. ...говорит В. Лесевич.* — Рубакин опирается на книгу: Лесевич В. Письма о научной философии. Спб., 1878, с. 34.

* *Стр. 141. ...когда объяснение фактов приведено к понятиям, фактически обоснованным.* — Здесь Рубакин ссылается на кн.: Корнелиус Г. Введение в философию «Panta diekosmese nooss». Пер. с нем. М., 1905, с. 17.

* *Стр. 141. Способность ориентироваться в новых для нас данных опыта.* — Рубакин ссылается на кн.: Джемс. Психология. Пер. с англ. Спб., 1911, с. 287. Книга многократно издавалась на русском языке.

* *Стр. 164.* — Здесь Рубакин цитирует: Милль Д. С. О свободе. Пер. с англ. Спб., 1901, с. 176.

* *Стр. 171.* Рубакин ссылается на кн.: Чарнолусский В. О самообразовании. Спб., «Знание», 1909.

* *Стр. 174. «Указатель исторических книг».* — Очевидно, здесь Рубакин критически переоценивает библиографическое пособие: Мезьер А. В. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. Вступит. статья «Исторические романы и преподавание истории» Н. А. Рубакина. Спб., 1902.

* *Стр. 174. «Толковый указатель».* — Имеется в виду Толковый указатель книг для чтения. Вып. 1—2. Вып. 1. под ред. В. П. Алексеева, проф. А. И. Кирпичникова и др. М., 1904. Вып. 2. Под ред. В. П. Алексеева, А. Н. Реформатского и др. М., 1907.

* *Стр. 174. ...форма библиографических описаний, практикуемая А. И. Лебедевым в его указателях.* — См., напр.: Лебедев А. И. Детская и народная литература. Вып. 1—2. Н.-Новгород, 1901—1904. (Неоднократно переиздавался вплоть до 1916 г.). Он же. В помощь самообразованию. Н.-Новгород, 1906. Он же. Что читать крестьянам и рабочим. Как вести библиотеку в деревне и на фабрике. Н.-Новгород, 1907. Острая социально-классовая направленность указателя стала причиной изъятия его из обращения судебным постановлением.

* *Стр. 174. И. В. Владиславлевым в указателях «Что читать».* — Имеется в виду: Что читать. Указатель систематического домашнего чтения для учащихся. Вып. 1—3. Вып. 1, изд. 4-е, доп. С предисл. Н. А. Рубакина. Пг. — М., «Книга», 1918; Вып. 2. Художественная литература. Критика. История. С предисл. Н. А. Рубакина. Изд. 3-е, пересм. и доп. Пг. — М., «Книга», 1918; Вып. 3. Жизнь замечательных людей. М., «Наука», 1914. Этот указатель составлен с учетом возрастных особенностей детей 9—13 лет.

* *Стр. 177. ...за исключением программы Панова, Нестроева и Струмилина.* — См.: Панов А. В. Домашние библиотеки. Опыт составления систематического указателя книг для самообразования. Изд. 3-е. 1906. Указатель предназначался для крестьян, фабричных рабочих и близко стоявшей к народу провинциальной интеллигенции. Четкая социальная, читательская и даже географическая ориентация обусловила и методы отбора, принципы расположения материала и структуру издания в целом. Библиографические описания были связаны авторским текстом в форме беседы с читателем. Интересно, что отбор литературы произведен с учетом конъюнктуры книжного рынка и возможностей провинциального читателя достать ту или иную книгу.

Нестроев Г. Библиотека социалиста. Систематический указатель книг. М., «Молодая гвардия», 1906. Указатель был рассчитан на пропагандиста-интеллигента, а также и на читателя из народа — рабочего и крестьянина. Сам Нестроев был эсер-максималист, что нашло отражение в подборе литературы, однако один раздел указателя подробно знакомит с литературой других партий, в том числе социал-демократической. Структура указателя действительно была тщательно разработана что и заставило Рубакина привести его в пример.

Очевидно, здесь Рубакин имеет в виду работу: Струмилин С. Г. Богатство и труд. Популярно-научный очерк. Спб., «Общественная польза», 1905, в которой (с. 147—207) был помещен «Краткий указатель литературы марксизма и литературы для самообразования». Это был первый легальный список марксистской литературы. Вторая часть указателя содержала описание около 500 систематически расположенных названий книг и статей по различным областям знания. На основе «Краткого указателя» Струмилин подготовил указатель «Что читать социал-демократу». Спб., «Новый мир», 1906. Книга позднее была запрещена цензурой.

* *Стр. 178. С. А. Ан-ский.* Очерки народной литературы. — «Русское богатство», 1892, № 7—10.

* *Стр. 181. «Народно-популярная библиотека» Лункевича.* — Ошибка в названии, правильно: «Научно-популярная библиотека для народа». Т. 1—40. Спб., 1895—1905. Одна из лучших отечественных дореволюционных естественно-научных популярных серий. Автором всех выпусков ее был В. В. Лункевич. Книги отличались высоким научным уровнем, хорошей литературной формой и пользовались огромной популярностью. Серия неоднократно переиздавалась до революции и в советское время.

* *Стр. 184. Комиссия Подвижного музея ИРТО.* — Подвижной музей наглядных учебных пособий был создан в начале 90-х гг. на базе библиотеки Н. А. Рубакина. В создании его принимали активное участие Н. К. Крупская и Е. Д. Стасова. Музей снабжал учебными пособиями вечерние школы для рабочих, бесплатные народные библиотеки, рабочие общества образования,

ремесленные училища. Составлял и выпускал библиографические пособия рекомендательного характера. В течение нескольких лет был связан с узниками Шлиссельбургской крепости. Сведения об этом содержатся в воспоминаниях В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова и др. Здесь Н. А. Рубакин говорит о том времени, когда Музей уже был передан в ведение Русского технического общества.

* *Стр. 191—192, 197.* На этих страницах Н. А. Рубакин строит свои рассуждения, опираясь на теоретическую работу французского литературоведа Э. Геннекена: Hennequin Em. La critique scientifique. Paris. 1892. Переведена на русский язык: Геннекен Эм. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология). Спб., 1892. Н. А. Рубакин указывает название книги неточно.

* *Стр. 196. книга «октябрьских дней».* — Здесь Рубакин говорит о том периоде в истории общественного развития и книгоиздательского дела, когда после царского манифеста 17 октября 1905 года возникло огромное количество издательств (более 350 за 1905—1907 гг.), выпускавших литературу по общественно-политическим вопросам. По мере спада революционной активности и с наступлением реакции многие издательства были закрыты.

* *Стр. 198. ...напр., программу, составленную проф. Лазурским.* — См.: Лазурский А. Очерк науки о характерах. Изд. 2-е, доп. Спб., К. Л. Риккер, 1908. Это тоже одно из опорных изданий для Рубакина при разработке им индивидуализированной системы самообразования. В книге А. Лазурского на с. 329—351 опубликована «Программа исследования личности», которую Н. А. Рубакин высоко ценил и непосредственно использовал в публикуемой здесь работе. Труды А. Ф. Лазурского в большинстве своем посвящены изучению индивидуальной психологии школьника, разработке методики психологического изучения характера и не утратили научного значения. См., напр.: Педагогическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. М., 1965, стб. 584—585; Никольская А. Общий обзор литературы по детской и педагогической психологии в дореволюционной России (начала XX века до Октябрьской революции). — «Вопросы психологии», 1974, № 2, с. 159.

СОДЕРЖАНИЕ

Рубакин Н. А.
Р82 Избранное. В 2-х т. Т. 1. М., «Книга», 1975.

224 с.

Двухтомник произведений выдающегося русского книговеда и библиографа, писателя-популяризатора Николая Александровича Рубакина содержит важнейшие его работы в области библиотечного дела, психологии читателя и книги, самообразования. Первый том включает «Этюды о русской читающей публике» и Введение к фундаментальному труду «Среди книг»; во втором томе представлены «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования».

Изданию предпослан краткий биографический очерк, написанный сыном Н. А. Рубакина — А. Н. Рубакиным, и вступительная статья Б. А. Смирновой «Выдающийся русский книговед».

Труды Н. А. Рубакина представят интерес для всех специалистов книжного дела, социологов, психологов, издательских и библиотечных работников, библиографов, студентов и преподавателей библиотечных факультетов вузов, а также для широкого круга книголюбов.

Р $\frac{61001-047}{002(01)-75}$ 8-75 028

РУБАКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

Том I

Заведующая редакцией **Е. В. Иванова**
Редактор **Э. Б. Кузьмина**
Художественный редактор **Н. Д. Карандашов**
Технический редактор **М. М. Фридкина**
Корректор **Н. И. Балакирева**

А 09153 Сдано в набор 11.IV.1975 г. Подписано к печати 14.VIII.1975 г.
Формат 60×90$^1/_{16}$ Бум. № 1 Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 15,22 Тираж 20 000 экз.
Изд. № 1084 Заказ 3071. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга»
Москва К-9, ул. Неждановой, 8/10.

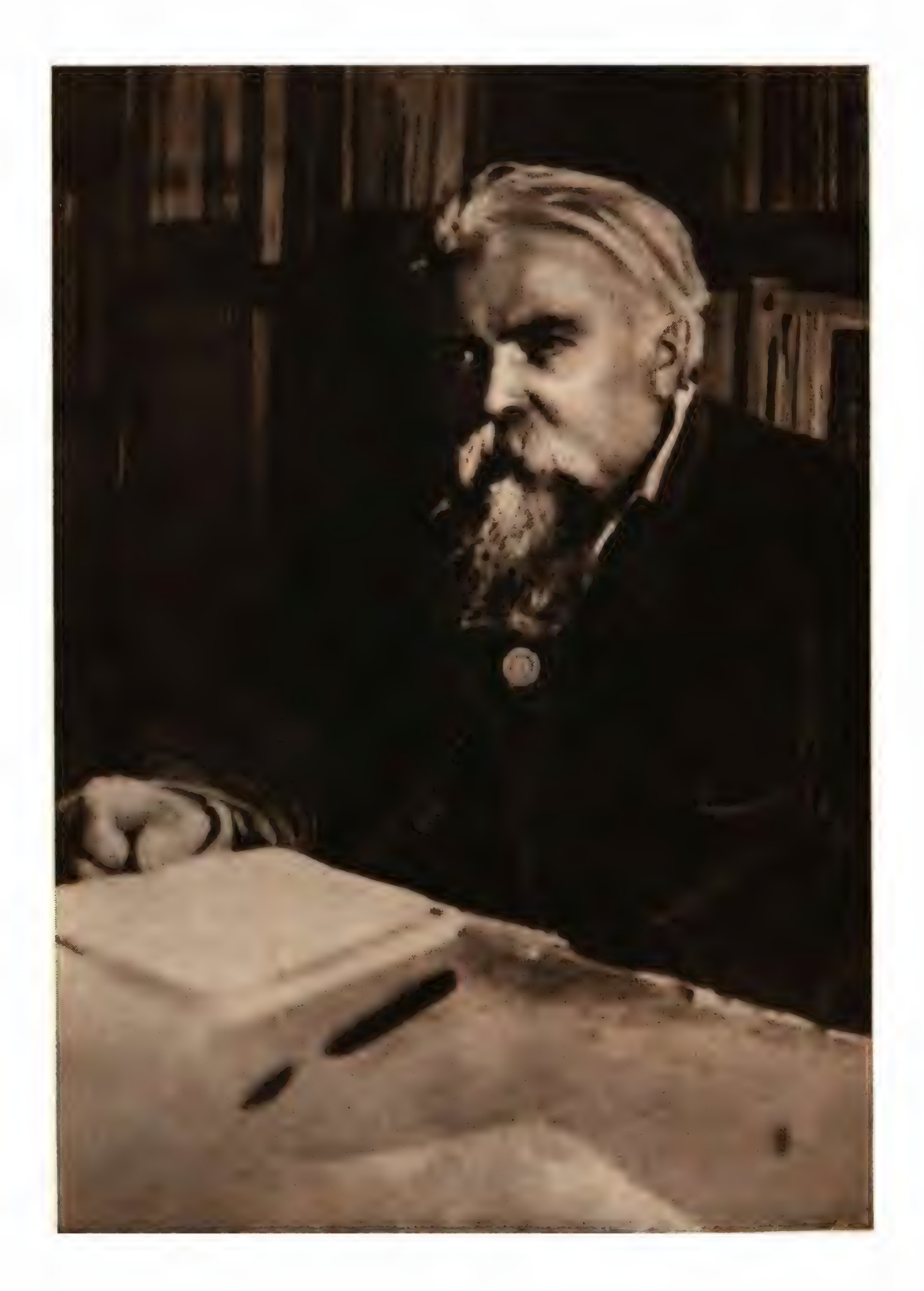
Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

Н.А.РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

Н.А.РУБАКИН ИЗБРАННОЕ

2

ТРУДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КНИГОВЕДОВ

Н. А. РУБАКИН

ИЗБРАННОЕ

В ДВУХ ТОМАХ

Составление и комментарии профессора А. Н. РУБАКИНА

Том второй

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1975

О28
Р82

РУБАКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

Том II

Заведующая редакцией **Е. В. Иванова**
Редактор **Э. Б. Кузьмина**
Художественный редактор **Н. Д. Карандашов**
Технический редактор **Н. И. Аврутис**
Корректор **Л. В. Соцкова**

А 13338 Сдано в набор 3.VI.1975 г. Подписано к печати 31.X.1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Тип. № 1. Усл. печ. л. 17,5+0,0625 вкл. Уч. изд. л. 19,79+0,06 вкл.
Тираж 20 000. Изд. № 1878 Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Книга»
Москва, К-9 ул. Неждановой 8/10.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7. Зак. 3376

Р $\frac{61001\text{-}048}{002(01)\text{-}75}$ 9-75

© Издательство «Книга», 1975 г.

ПИСЬМА К ЧИТАТЕЛЯМ О САМООБРАЗОВАНИИ

Как начинающие читатели
должны приступать к нему и как вести его

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книжки состоит не в том, чтобы напомнить читателям, получившим образование ниже среднего, о существовании целого ряда хороших книг, которые им, быть может, до сих пор еще неизвестны. Разных указателей хороших книг и в настоящее время существует не мало, да и хорошие книги, в них перечисляемые, известны более или менее многим. Цель этой книжки *практическая,* в ней идет речь о том, *как экономизировать время и труд и вообще свои силы,* работая над самообразованием, как подходить к этой работе не со стороны книги, а со стороны жизни, обыденщины, и вести ее в тех самых условиях, в каких приходится волей-неволей существовать, не поступаясь при этом ни целью, ни смыслом своей жизни, которую каждый человек, кто бы он ни был, должен изо всех своих сил и способностей, и прежде всего собственными своими силами, сделать возможно разностороннее, полнее, шире, глубже, возвышеннее, напряженнее и красивее. В основе этой книжки, как и в основе большого труда «Среди книг» того же автора, лежит непосредственное изучение не только книжных богатств, но и *читателей,* читающей толпы, составленной из самых разнообразных — социальных, психических и антропологических типов. Заметки и наблюдения, накопленные автором в течение многих лет, послужили главным материалом для теоретических и практических выводов, которые он делает в этой книжке. <...>

Много на свете разных дел, и неотложных и важных, плодотворных и желательных. Всячески помогать самообразованию возможно большего числа людей, особенно нуждающихся, — одно из таких дел, и если не самое главное, то во всяком случае одно из главных. Круг таких читателей, как известно, чрезвычайно велик, а в этом кругу — мы это знаем непосредственно из сношений с читателями — много, очень много людей, несомненно, даровитых, способных, а главное, бодрых, жизнедеятельных, которым научное знание и сознательное отношение к жизни особенно нужны. А эти люди, *такие* люди, и остаются нередко не только вне круга образования и умственного развития, но и вне

возможности работать над самообразованием. Иные действительно не могут, другие просто напросто не знают, что и для них ведь тоже доступно образование собственными средствами, третьи знают и это, но не понимают, с чего начать и как вести дело. Иных останавливает *слабоволие,* другие просто-напросто российские «распустёхи» — их ужасает якобы бесконечно большая работа. А есть и такие, которые ничего не делают, потому, что «еще не собрались». И иные и работают, но кое-как, блуждая словно в дремучем лесу, путаясь, сбиваясь, теряя и силы, и средства, и время... И в результате — светлые и, несомненно, полезные силы пропадают зря и для себя, и для других. И жизнь проходит и проходит, серая и бессмысленно пустая и бесконечно бесплодная.

Попытка помочь *этому* кругу читателей, которую мы делаем, выпуская в свет эту книжку, далеко не первая и имеет свою историю. <...>

В июле 1905 г. появилась в свет моя большая работа — первое (относительно краткое) издание «Среди книг», где: 1) была дана подробная классификация всех отраслей знания; 2) по каждой отрасли знания указаны были лучшие книги, имеющиеся на русском языке; 3) все указанные книги были распределены по степеням их относительной трудности для понимания и усвоения, 4) при этом указаны были в каждом отделе и книги для широкого круга читателей, о котором здесь только что шла речь; 5) указывались книги, во-первых, дающие знание *фактов,* во-вторых, дающие знание *идей,* теорий; 6) для ознакомления читателей с разными теориями всячески избегались односторонность и тенденциозность [1]. Указывались теории разнородные, даже прямо противоположные, но каждая из них обставлялась указаниями критических статей, ставилась, так сказать, под перекрестный огонь противников, так, чтобы сам читатель мог отнестись критически к каждой теории и таким способом разобраться в них, выбрать для себя ту, которая показалась бы ему самому наиболее близкой к идеалу справедливости и истины. В 1911 г. вышло второе издание того же труда «Среди книг», в основе которого лежат те же принципы, но только получившие дальнейшее развитие и еще более приближенные к жизни. В этом втором издании дана не только общая схема знаний, и не только указаны и перечислены лучшие русские книги по всем отраслям знания, но почти все эти книги описаны, характеризованы с внутренней их стороны, независимо от заголовков, все распределены по кругам читателей и по главнейшим течениям и направлениям научно-философской и литературно-общественной мысли. Таким

---

[1] Об ошибочности этих взглядов Н. А. Рубакина писал В. И. Ленин в своей рецензии на 2-е издание «Среди книг». См. также вступительную статью Б. А. Смирновой к настоящему изданию — т. 1, с. 30—31 и комментарий к «Среди книг» — там же, с. 219—220. *Ред.*

образом, читатель, пользуясь вторым, новым изданием «Среди книг», по мысли составителя, получает возможность выбирать себе книги для чтения *не вслепую,* не по заголовкам, которые обыкновенно говорят ему очень мало, а *по существу* — выбирать именно те книги, которые содержат ответ на тот или иной вопрос, возникший в душе читателя, или дают материал для его решения. И не только дают материал, но и помогают разобраться в *точках зрения* разных авторов указываемых книг, отвечая на вопросы: «кто они, эти авторы, что они и каким именно богам служат»? Что касается того вопроса, который же из этих «богов» лучше, который хуже, об этом, по мнению автора «Среди книг», может судить только *сам читатель.*

Разумеется, знакомство с содержанием и характером разных книг, независимо от их заголовков, крайне важно для всякого читателя, и многие составители разных «указателей» дают в своих трудах не только заголовки, но и описание книг. От этих «указателей» «Среди книг» отличается тем, что книжные описания и характеристики даются там с точки зрения истории идей, истории наук и общественной жизни, и читатель получает возможность оценивать книгу, знакомясь с ее местом в истории.

Но и этого еще мало. То, о чем было сказано выше, все это лишь первые ступени в деле огромной и сложной помощи тем, кто идет к свету только путем самообразования, вне всякой школы. Такие издания, как «Среди книг», хотя и заключают в себе немало материала и вообще разных указаний, все-таки чересчур громоздки и дороги для того круга читателей, о котором шла речь выше. Кроме того, «Среди книг» лишь ставит, но еще не разрешает крайне важный вопрос громадного практического значения. Этот вопрос состоит вот в чем.

Одно дело — книга хорошая, книга, удовлетворяющая научным и т. п. требованиям, и совсем другое дело — книга *подходящая* — подходящая для *данного* читателя, со всеми его личными особенностями, с его образовательной подготовкой и в той обстановке, где ему волей-неволей приходится жить. *Как выбирать книги не только хорошие, но и подходящие?* Вот вопрос, в ответе на который заключается самая трудность дела самообразования при помощи чтения. Учитель и вообще руководитель так или иначе, в той или иной степени, может узнать личные особенности ученика и приспособляться к ним. Книга, раз написанная, сама ни к кому не приспособляется. Она требует от читателя, чтобы он сам приспособлялся к ней, к такой, какая она ни на есть. <...> Но и тут является вопрос — каким же образом может читатель приспособиться к книге? Это легко сказать, но очень трудно сделать.

Каждый читатель, работающий над своим самообразованием, отлично знает, что на этот-то вопрос и труднее всего найти ответ; а этот-то ответ особенно и необходим такому читателю, ко-

торый еще не привык ни к книгам вообще, ни к чтению, и не имеет ни общего кругозора, ни даже элементарной подготовки, ни практического навыка к самому процессу чтения и к выбору книг, ни знакомства с ними. И как ему получить все это, только читая и читая книги, дающие ему знание и понимание? Для этого ему нужна *особая* книга, которая подошла бы к нему не как книга, а как руководитель-друг, взглянула бы на него не как на читателя вообще, а как на такую-то личность, и сказала бы ему примерно то, о чем будет говориться на следующих страницах этой книги. <...>

Составлять превосходные списки даже самых лучших книг, даже обставляя их кое-какими разъяснениями, этого еще недостаточно, чтобы приблизить к читателю те знания, то понимание и даже то настроение, которое ему действительно могут дать такие-то превосходные книги. <...> *Необходимо индивидуализировать рекомендацию книг,* необходимо указывать читателям именно такую книгу, которая наиболее соответствует ему по характеру ее изложения. Другими словами, в дело составления рекомендательных программ должна быть введена еще одна мерка, *мерка личных качеств читателя.* Каким складом ума, памяти, эмоций, настроений, какими стремлениями, какой подготовкой и разными другими особенностями должен обладать читатель, чтобы действительно понять и усвоить содержание такой-то, ему рекомендуемой книги? Вот вопрос, которого на практике не могут не задавать себе все руководители чтением, но значение которого до сих пор далеко не оценено, а для научного разрешения которого до сих пор почти ничего еще не сделано.

В 1911 г. пишущий эти строки, приступив к печатанию своих «Этюдов по психологии читательства», вместе с тем решил сделать попытку осуществить на практике свою идею *индивидуализации чтения,* т. е. приспособления списков рекомендуемых книг к *личностям* тех читателей, которым они указываются. <...>

В первой же нашей статье мы обратились с призывом к читателям и предложили им писать к нам по вопросам о самообразовании в связи со всеми другими вопросами, их волнующими. Мы обещали помогать им при помощи этой переписки всей нашей душой и по мере всех наших сил.

Всю нашу любовь к делу народного образования и всю нашу веру в необходимость, неотложность и плодотворность этого святого и великого дела мы старались вкладывать в наши письма, которые, разумеется, только и могли быть бодрящими и жизнерадостными, потому что работа над народным образованием и над просвещением широких масс, даже в самые мрачные периоды истории, не может не раскрывать светлых перспектив, не может не радовать и не вести к лучшей жизни как отдельную личность, так и целую страну и все человечество. Мы с самого же начала решили, что наша переписка с читателями должна

быть прежде всего бодрящей, потому что без этого она не может быть плодотворной.

Так оно и случилось — наши надежды оправдались.

Наш призыв не остался без ответа, и наш голос не был гласом вопиющего в пустыне. На «Письма к читателям» откликнулись и все продолжают откликаться из разных уголков русской земли, и близких, и дальних, все новые и новые лица, которым надоело и которым, наконец, невмоготу жить и жить изо дня в день, все глубже и глубже погрязая в болото уныния, хандры, разброда, бессмысленного и бесцельного опускания рук. Такая отзывчивость наших читателей показывает, что мы не ошиблись, адресуя наш призыв к тем читательским кругам, которые более всех других русских людей являются в настоящее время, так сказать, пасынками просвещения и науки. Письма, нами полученные, в достаточной степени показали нам, с каким кругом читателей мы будем главным образом иметь дело и какие именно особенно нуждаются в нашей помощи. На все письма, нами полученные, мы дали более или менее подробные ответы. Некоторым авторам этих писем мы сделали, в свою очередь, кое-какие добавочные вопросы, необходимые для нас в целях дальнейшего содействия их знаниям с нашей стороны. Мы не намерены были в наших статьях навязывать читателям какое-либо, напр., наше личное миросозерцание. Всякий человек сам должен выработать свое. Мы хотели лишь помогать читателю в этой его работе, руководствуясь его собственными потребностями, принимая в расчет прежде всего его собственные запросы и указания. <...>

С фактами и цифрами в руках мы имеем теперь возможность сказать нашим читателям: период разброда и уныния, несомненно, проходит. Мало-мальски живые души встрепенулись. Уже начался во многих и многих углах период искания, за которым скоро последует, разумеется, период работы и деятельного существования. Заговорили, зашевелились, каждый по-своему, даже слабые из слабых. А о сильных и бодрых и говорить не приходится. Жизнь берет свое, а жить надо всем. И каждый жаждет жить возможно полной, широкой, глубокой, интенсивной жизнью, и каждый стремится к *своему* счастью и ищет именно его, и каждый по-своему реагирует на все те помехи, которые ставит ему жизнь в этом стремлении; а помехи *общего* характера, «общераспространенные», естественно, вызывают против себя все больший и больший и общий отпор масс. Только бы люди не сидели сложа руки и не опускали бы рук; только бы души живые перестали твердить о себе самих: «мы мертвые, мертвые». <...>

Письма, нами получаемые, говорят о поразительной серьезности и глубине этого искания. С удивительной напряженностью, с мучительной страстностью оно идет, можно сказать, во всех кругах русского народа. <...> Народные массы ищут, серьезно

ищут. Ищут, во-первых, истины — понимания окружающей действительности такою, какова она есть, помимо втираемых очков, во-вторых, — хотя бы самой элементарной справедливости. <...>

Ведь искания, особенно искренние и глубокие искания — этот признак чистой и высокой души, — так мучительны! Наконец, в третьих письмах чувствуется иная мрачная сила, такая же мрачная, как отчаяние, — сила злобы и ненависти — злоба и на себя, и на других — и на всю жизнь, и на весь уклад ее. Но такие письма — это лишь одиночные голоса. Большинство их не таково. Огромная масса их авторов — по существу люди добрые, люди крепкие, сильные духом и лишь временно поддавшиеся общему распаду. Уныние таких не страшно и не зловредно. Оно даже полезно, так как заставляет их задумываться над тем, что раньше времени было неправильно решено или считалось решенным, и избавляться от догматов, запасаться любовью к истине, а не к словам... С бодрыми людьми работать — великое счастье. Но не меньшее счастье видеть, что люди, ошибочно считавшие себя слабыми, все больше и все быстрее сами отрешаются от такого действительно зловредного самообмана... Словом сказать, наша общая работа, несомненно, наладилась с первых же шагов, а сил и желания вести ее все прибывает и в наших читателях, и в нас.

С марта 1911 г. до 1 января 1912 г. нами было получено 1204 письма. С конца февраля 1912 г. мы перенесли нашу работу на страницы большой московской газеты «Русское слово», где она сразу же развернулась в ширину и в один месяц дала нам еще несколько сот новых писем. Из них огромное большинство из провинции и лишь очень немногие из столицы. На *все* эти письма были нами даны ответы заказными письмами (за исключением 8). Лишь четырем лицам мы не могли дать никакого ответа, и то не по нашей вине.

Письма, нами полученные, можно разделить на следующие главные категории: 1. Большинство читателей ставит нам вопрос о своем самообразовании *вообще,* не задавая каких-либо специальных вопросов о тех или иных областях знания. 2. Значительно меньше число таких читателей, которые сами указывают нам те отделы наук, или области жизни, или вопросы, с которыми им хотелось бы познакомиться обстоятельнее и подробнее. 3. Немногие обращаются к нам за частными справками практического характера (напр., о поступлении в разные учебные заведения и т. п.). В нашу задачу не входит давать такого рода практические справки, так как, проживая, по болезни, далеко от России, мы не можем следить за всеми текущими изменениями в условиях поступления и т. п. Что касается до читателей первой категории, нередко нам приходилось указывать им на наши, уже напечатанные «Письма к читателям», которые именно общим вопросам самообразования и посвящаются. <...>

Читателей, интересующихся внутренней постановкой нашего дела, отсылаем к этим трудам, в особенности к первому из них («Среди книг»), в котором они найдут, между прочим, и распределение книг по кругам (а значит, и по интересам и типам) читателей и по степеням относительной трудности понимания.

Таким образом, мы основываем наши «Письма к читателям» на предварительном изучении, во-первых, душевных свойств, т. е. *психологии* читателей в связи с условиями их общественной жизни в данный исторический момент, во-вторых, на изучении *книг* с точки зрения той же психологии и социологии. Переписка наша с читателями показывает, что эта постановка дела по существу правильна и, за очень немногими исключениями, рекомендации книг были нами сделаны удачно. Из 970 вторичных ответов на наши частные письма 946 читателей подтверждают, что в книгах, нами указанных им, они нашли именно то, что им было нужно, и в той форме изложения, которая им доступна и интересна. Но, как мы не раз повторяем в этой книжке, чтение книг — это лишь начало дела. Творчество жизни — вот цель. <...>

I

ЗНАМЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

<...> Наш век называют веком открытий и изобретений в области всевозможных наук и искусств, и это название, как известно, он вполне заслуживает. Но еще с большим правом можно назвать наш век веком распространения наук и искусств, распространения знаний в массах народа. Науки не только идут вперед, но они находят все больше и больше путей и способов проникнуть в народную массу, в толпу. Изобретения и открытия, равно как и успехи теоретической мысли, не только не остаются в заключении в кабинетах ученых, в лабораториях и библиотеках, но они выходят, даже неудержимо стремятся выйти оттуда и делаются достоянием многих людей, правда еще не всех, но уже многих, нередко даже десятков и сотен миллионов людей. Люди науки, передовые бойцы мысли и знания, как авангард великой армии, несмотря на бесконечные препятствия, представляющиеся на каждом шагу, дружно и бодро подвигаются вперед, в область Непознанного и Неизвестного, идут шаг за шагом, но зато и не отступая ни на шаг. За ними идут, на разном от них расстоянии, многочисленные толпы народа, все человечество. Одни толпятся около передовых бойцов мысли и знания, другие несколько отстали, иные отстали еще больше, оттертые, и измятые, и изломанные той обстановкой, где им приходится идти. И чем дальше от авангарда, тем больше число отставших, тем больше таких, до которых доходят лишь самые ничтожные результаты от завоеваний передовых бойцов, а многочисленный, многомиллионный арьергард человечества теряется и теперь, как много веков тому назад, в грозной густой темноте...

Такова общая картина движения современного человечества к свету и знанию. Много в ней есть сходного с тем, что было и тысячу и две тысячи лет тому назад; но у каждого века, в каждой стране есть и свои особенности. Если двигается вперед авангард, то и арьергард тоже не остается неподвижным. Каждый год выходит из его среды на свет и становится ближе, хоть на один шаг ближе к передовым бойцам, все большее и большее число людей. И никогда еще не выходило их так много, как в это столетие, когда нам приходится жить и работать, и это не только в Западной Европе, но и у нас, в России, особенно же за последние 10 лет. Явление это замечательно само по себе. На нем не только интересно, но и необходимо остановить свое внимание по тому неизмеримо важному значению, какое имеет для каждого человека вопрос об образовании вообще. Мы все — участники вышеописанного шествия; мы все стоим на том или ином расстоянии от передовых бойцов авангарда с одной стороны и арьергарда — с другой; мы сами служим авангардом для одних и арьергардом — для других. Словом, мы вполне, всецело охвачены общим движением века. Мы не можем, если бы и хотели, стоять от него в стороне. Мы связаны с ним миллионами видимых и невидимых связей и отношений, и никакие силы не могут нас оторвать от него... Нам остается только хорошенько вдуматься в свое положение, осмотреться и определить, куда идти нам самим и как помогать тем, кто идет за нами...

Отношения авангарда к арьергарду и обратно — арьергарда к авангарду — в разные века бывают разные. Нередко бывало так, что, двигаясь хотя и к одной цели, они враждовали между собой: толпа избивала передовых людей, а эти последние презирали толпу и не хотели иметь с нею никакого общения... Не рискуя впасть ни в какие преувеличения, можно утверждать, что нет лучшего способа характеризовать исторический период, как рассмотреть, в каких отношениях находится авангард к арьергарду.

Можно безошибочно сказать, что в настоящее время стремление к образованию проявляется в массах до такой степени напряженно, как не проявлялось еще ни в какие времена, и с каждым годом напряжение это возрастает. Сама жизнь неизбежным, роковым образом побуждает каждого человека *вооружать себя знанием и пониманием.* Чтобы жить, чтобы не умереть с голоду, чтобы не погибнуть в общем водовороте, чтобы приспособиться к этой сутолоке, идущей всюду вокруг, нужно не только знать какое-либо ремесло или художество (т. е. иметь образование *специальное*), но еще нужно иметь образование *общее,* нужно уметь разобраться во всем, что совершается вокруг, а для этого нужно, если можно так выразиться, уменье мыслить и понимать, нужна известная широта кругозора, известная высота развития. Специальное образование сообщает человеку некоторый более или менее ограниченный круг знаний и некоторую совокупность

навыков. Общее образование дает человеку широкое и цельное мировоззрение, оно дает ему понимание различных сторон *мировой* жизни, от бесконечно малых атомов до бесконечно необъятных небесных пространств, от микроскопических клеточек, из которых составлены организмы, до народов и племен, составляющих человечество. Как мир един, так и общее образование едино. <...>

Очевидно, *без* общего образования человек не может достигнуть должного понимания какого бы то ни было явления, а значит — он не может быть и хорошим специалистом. Специалист-химик должен знать и физику, и математику, и историю этих наук, и физиологию, наконец должен иметь способность к обобщениям, если он не желает только оставаться в области одних фактов. *Стремление проникнуть в глубину своей специальности выводит человека за пределы ее.* Таким образом, чтобы быть хорошим специалистом, нужно иметь общее образование; но чтобы жить — нужно быть специалистом.

Древние и средние века не знали той специализации занятий, какую видим мы. Обеспеченные трудом низших классов, некоторые, очень немногие люди имели полную возможность заниматься лишь самоусовершенствованием. Новые века представляют совершенно иную картину: общее образование отступает нередко на второй план перед специальным, которое стало в настоящее время не чем иным, как способом добывать хлеб, а погоня за хлебом и борьба за существование отодвигает вопрос о самоусовершенствовании чуть ли не в область мечтаний. Между тем специальное образование должно не *заглушать, а дополнять* общее. Одно для другого необходимо; одно без другого немыслимо. Вот почему стремление к общему образованию то в большей, то в меньшей степени пробивается на свет даже в среде пасынков современного строя, т. е. тех классов, которые называются «рабочими», в среде людей *физического* труда, подавленных и даже раздавленных этим трудом, продолжающимся всю жизнь, чуть не от колыбели до могилы, по 12—16 часов в сутки. Усталые, утомленные, измученные работой, и эти люди неудержимо рвутся к свету, жаждут понимать окружающее, и нередко еще с большей любовью, чем сытые и пресыщенные счастливчики из обеспеченных классов. <...>

В настоящее время масса удовлетворяет свою потребность в высшем образовании различными путями и средствами — случайными, разбросанными, не систематизированными.

Все эти средства можно назвать средствами образования *внешкольного,* которое продолжается *всю* жизнь. Только при крайне неблагоприятных условиях общественной жизни образование прекращается для большинства людей тотчас по окончании курса школы. Там, где общественная жизнь идет вяло и медленно, там, весьма возможно, серенькая, однообразная действительность постепенно втягивает и засасывает человека, как

болото, и человек начинает рассуждать, что он «проживет и так». К счастью, это бывает не всегда и не везде, и, раз начавшись в школе, образование продолжается затем и вне школы. «Жажда знаний, — говорит проф. Кареев [1], — никогда не может быть удовлетворена при помощи одной школы, да и по многим причинам нежелательно было бы, чтобы последней принадлежала такая монополия» *. Область образования внешкольного гораздо шире, чем область образования школьного. Существуют не только разные пособия, помогающие человеку приобретать образование помимо школы, но и целые учреждения, служащие именно этой цели. Таковы, напр., библиотеки и читальни, музеи, публичные лекции, курсы, вечерние и воскресные школы, где занятия идут по несколько часов в неделю, чтения с туманными картинами * и пр. и пр. Внешкольное образование не ограничено никакой программой и по существу своему разносторонне, как разностороння самая жизнь. Внешкольное образование не есть *отрицание* образования школьного, а лишь *необходимое дополнение и расширение его.* <...>

Мысль о том, что народу нужно и возможно дать не только элементарное, но и высшее систематическое образование, всецело принадлежит XIX столетию и, можно сказать, составляет его славу. В этом заключается коренное отличие нашего времени от древних и средних веков. Мысль эта не только многими осознана, но и мало-помалу осуществляется на деле. Всякий может, всякий должен помогать ее осуществлению, работая по мере всех своих сил и для себя и для других.

II

ВСЯКИЙ ЖЕЛАЮЩИЙ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ИЗ СЕБЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Да, всякий желающий, кто бы он ни был, где бы он ни жил, какими бы способностями ни обладал, может сделать из себя, своими собственными усилиями и разумно организованным трудом, действительно образованного, сведущего и понимающего человека — общественно-полезного и незаменимого работника.

Эту истину и вместе с тем *веру* в эту истину мы и кладем в основу нашей работы. Мы верим в человека, в современного культурного человека, который по тому самому может сделаться еще культурнее, что вокруг него *уже существуют,* уже созданы и постоянно создаются коллективным трудом человечества бесконечно многочисленные средства для саморазвития и вырабатываются бесконечно разнообразные методы, способы, приемы, ведущие к той же цели. Не верить в такую возможность — подняться все выше и выше — это то же, что отрицать всю совре-

---

[1] Кареев Н. И. — «Рус. школа», 1891 г., октябрь.

менную культуру. Мы этого не в силах сделать. Мы не хотим отрицать ее.

Но не в вере самая суть дела. Всякую веру можно считать только тогда разумной и вообще справедливой и правильной, когда она подтверждается фактами. Наша вера в полную возможность для всякого желающего сделаться образованным человеком тоже основана на фактах, свидетелями которых и участниками в создании которых, волею судьбы, пришлось быть в течение многих лет и нам лично и притом в самой разнообразной обстановке, в самых разнообразных условиях. Перед нами прошли тысячи людей, не только стремившихся к свету, но и *требовавших* его от жизни — требовавших властно и настойчиво и, в конце концов, действительно получивших его. Нет, даже не только «получивших», а взявших, именно взявших его с бою. И из таких людей выходили творцы своей и общественной жизни, выдающиеся своим образованием и серьезным отношением и любовью к нему. Да и не могло быть иначе, так как, по выражению древних мудрецов, то, что нам *дано,* то *не наше,* потому именно, что оно *дано.* Действительно наше — только то, что *взято нами с бою,* и это уже не так-то легко отнять у нас. Мы видели крестьян, сделавшихся писателями, учеными, виднейшими общественными деятелями, народными представителями, фабрично-заводских рабочих, замечательных борцов и организаторов, мы знаем учителей и учительниц, не только быстро развивавших свою дотоле спавшую силу, но и блестяще проявивших ее на деле. Мы видели поэтов, складывавших свои бодрые и смелые песни около машин и станков, философов, записывавших свои заветные думы на портняжном станке или на сапожном табурете. Мы видели гимназистов и гимназисток, юношей и девушек, расцветавших, как майский день, разгоравшихся, как майское солнце, под лучами света и знания и круто порывавших с рутиной и спячкой прошлого.

И вспоминая все эти наши встречи и знакомства, очные и заочные, мы, на основании многочисленных фактов, считаем себя вправе сказать с уверенностью и определенностью: нет такого ума, даже темного из темных, нет такого положения, даже тяжелого из тяжелых, из которого и самый средний, самый обыденный, самый серенький человек не мог бы двинуться «вверх и вперед». Всякий человек, кто бы он ни был, в конце концов, может, правда, иной раз хотя и не без усиленной борьбы, а все-таки может встать на свою дорогу. Но ведь у кого в душе уже теплится — не скажем даже «горит» — этот *огонек стремления* к свету и на простор, тот уже не серенький и не средний — тот *выше среднего.* Такому остается только раздувать свое собственное пламя и превратить его в источник света для себя и для других. <...>

Одно из таких крайне интересных и важных наблюдений, которые можно сделать чуть не на каждом шагу, заключается в

следующем: ищущие не только ищут, но нередко и опускают быстро руки, сопровождая это опускание рук избитыми и изъезженными афоризмами «ничего не поделаешь», или «наше время прошло», или еще «сила солому ломит» и т. п. Но почему же опускаются руки, и к тому же очень быстро? Очевидно, искатели не умеют осуществлять своих стремлений и, пускаясь в работу над самим собою, сначала «с места в карьер», скоро натыкаются на те или иные препятствия, и не только на внешние (об этих кто не знает!), а главным образом, на внутренние, от них самих, от их личности зависящие: эти *последние оказываются страшнее внешних.* На эту сторону дела необходимо обратить особое внимание, чтобы выяснить первый, в сущности, самый трудный шаг в деле самообразования.

Вот один из очень распространенных примеров такой неудачи по внутренним причинам. Читатель N.N. искренне стремится к свету. С величайшим трудом он добивается до той или иной книги, которая рекомендуется, напр., в «Программах домашнего чтения», или в каком-нибудь «Указателе лучших книг», или в газетной и журнальной рецензии. Добившись до желательной книги, читатель начинает читать ее. Читает и, к своему удивлению, сразу же огорчается: он находит столь усиленно и повсюду рекомендованную книгу и непонятной, а может быть, и скучной, и неинтересной и вообще не соответствующей его запросам. Но, веря в рекомендацию, читатель все же читает такую книгу — он ломает голову, он делает над собой невероятные усилия. И вот через некоторое время оказывается, что эта, с таким трудом давшаяся работа, в сущности ни к чему: в голове читателя после такого чтения не остается ничего или почти ничего: то, что вычитано, неясно и словно в тумане; как будто бы то да не то; и, быть может, «недоказательно», а то и «чуждо». Во всяком случае, время и силы затрачены в полном несоответствии с результатом чтения. Неужели же, в таком случае, и дальше так читать? Ведь такое чтение становится уже очень скучным, оно сводится к тяжелым усилиям и потугам... Стоит такой истории повториться два-три раза, много раз — немудрено, что человек, в конце концов, начинает *сомневаться в своих способностях и силах.* Один такой читатель писал нам однажды: «хорошую книгу рекомендовали мне многие хорошие люди. А я читал-читал ее — и ничего не могу вложить из нее в свою голову. *Значит, я — неспособный человек».* Это «значит» очень характерно: человек винит *не книгу* — про нее ведь понимающие люди сказали и все говорят, что она хороша. И не *выбор* книги тут виною — ведь «читают же ее такие, как я». Нет, виною «моя неспособность», «тупость», «невежество»... И вот начинается *разочарование* в себе самом, и в конце концов руки опускаются под бременем предвзятой идеи о недостаточности собственных сил и способностей. Мы лично были свидетелями, как на целый ряд очень умных и способных людей оказывали такое разочаровывающее

влияние и московские «Программы домашних чтений», и петербургская «Программа чтения для самообразования»* и даже вообще «советы умных и сведущих людей»...

Исходя из всех вышеизложенных соображений, мы намерены поставить вопрос о самообразовании в нашей книжке на несколько иную почву, чем на какую обыкновенно это дело ставится. Мы не ставим своей задачей помогать самообразованию «читателей *вообще*». Мы не будем давать им и широких и обширных программ «университетских» и даже «гимназических», приглашая всякого желающего пользоваться ими в дальнейшей своей работе над самообразованием. Мы намерены сделать опыт *индивидуализации* самообразования, т. е. его наивозможно полного приспособления к *личности* читателя. Читателей *вообще* не существует — ведь есть только отдельные читатели — Иван, Петр и т. д., словом сказать, определенные личности, с определенными личными качествами. «Хорошая книга вообще» тоже миф — подробнее об этом мы еще будем говорить ниже. Суть вопроса не в книге и не в читателе, а в их взаимном соответствии.

Поэтому помогать самообразованию, по нашему мнению, это значит помогать отдельным людям, и к тому же так помогать, как именно требуют этого *личные* особенности *данного* читателя. Правда, много в разных людях и сходства, но есть же и различия, видоизменяющие влияние одной и той же книги на двух различных людей. Необходимо, думается нам, принимать в расчет и то и другое. Читателю, стремящемуся к самообразованию, необходимо помогать так, чтобы именно он, такой, каков он ни на есть, *с его* силами, *его* обстановкой жизни, *его* особенностями ума, понятий, чувств, его волей, его материальными и иными средствами и интересами, смог бы и сумел бы добиться до своей собственной цели и своими бы силами выяснил и определил смысл своей жизни. <...>

Сведя все предыдущее к одному, мы переносим центр тяжести нашей работы со страниц книги в *личную переписку с нашими читателями*. <...>

Правда, литература по теории самообразования довольно обширна даже на русском языке. Лучшее, что в ней есть, мы указываем в приложении к этой книжке. Но главная суть дела все-таки не в литературе, а в *практике*. Поэтому наша первая задача *практически* помочь читателям. <...>

Хорошие книги известны, они более или менее все наперечет. Неизвестны же каждому читателю в отдельности хорошие книги, *лично для него подходящие*. Эти-то последние мы и стараемся указывать нашим читателям в переписке с ними. Дело каждого читателя — ставить нам запросы, лично ему интересные, лично для него важные. Наше же дело — приспособлять наши указания к индивидуальности данного читателя. <...>

Чтобы разобраться в теоретических и практических трудностях, встречающихся на пути самообразования, мы поведем наше изложение следующим образом:

Прежде всего мы наметим *цель,* к которой не может не идти человек, желающий сделаться действительно образованным.

Затем мы будем говорить о том, что собственно должен совершить человек, решившийся добиться намеченной цели. Другими словами, мы попробуем наметить *общий план* самообразовательной работы, начертим, так сказать, план крепости, которую придется в таком случае брать.

Далее мы будем говорить о том, *как, каким образом* осуществлять и осуществить намеченный план на практике — осуществить действительно, реально, не кое-как, не верхоглядно. Мы попробуем выяснить, при помощи каких именно практических приемов это мыслимо сделать возможно быстрее и совершеннее и какие именно приемы прямее ведут к намеченной выше цели.

Наконец, в заключение мы будем говорить о жизни, *о практической жизни,* для которой, в сущности, и необходимы и работа над самообразованием, и люди действительно образованные. Мы будем говорить о том, как проявить себя в жизни, внося в нее свет, разумность, тепло, энергию, красоту.

Нам предстоит, таким образом, ответить на следующий ряд вопросов, мимо которых никто не может пройти, стремясь к образованию:

1. Что такое человек действительно образованный?

2. Какой же смысл, какая же цель жизни такого человека?

3. Работая над самообразованием, какие именно знания должен читатель усвоить, чтобы развернуть свой кругозор, расширить и углубить свое понимание жизни, обосновать свою практическую работу в жизни?

4. Как использовать в целях самообразования свои все способности и особенности?

5. Какие книги считать хорошими, какие плохими?

6. Как выбирать для себя книги не только хорошие, но и подходящие, т. е. соответствующие личным особенностям читателя?

7. Как всматриваться в окружающую жизнь и как изучать ее, чтобы использовать, утилизировать в жизни и для жизни приобретаемые знания?

8. Как воспитывать в самообразовательной работе не только свой разум, но и волю?

9. С какого конца этой общей схемы приступать к работе?

10. С какой области знания данному читателю лучше всего, целесообразнее, практичнее начинать самообразование и как войти в самый курс дела?

11. Какие книги прочесть, чтобы познакомиться с главнейшими фактами во всех областях жизни? Из каких книг составить свою собственную библиотечку, возможно небольшую, недорогую и наиболее содержательную?

На эти вопросы мы и постараемся поискать ответов, точнее говоря, постараемся навести самого читателя на их искание. <...>

III
ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННЫЙ, ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Итак, первый вопрос, который встает перед нами, это вопрос *о цели* самообразования — о его основной задаче, о его конечном результате, достигнуть которого необходимо во что бы то ни стало.

Цель и задача самообразования, если ее выразить в общих словах, заключается вот в чем: сделать из себя и надеясь только или главным образом на себя, и своими средствами, человека действительно образованного. Но за этим вопросом неизбежно встает другой — следующий, а вместе с ним — третий, неразрывно с ним связанный:

Во-первых, что такое образованный человек и, во-вторых, ради чего делать из себя такового?

На эти вопросы прежде всего и надо ответить самому себе.

От ответов на них зависит и план, и размеры, и напряженность, и вообще характер всей самообразовательной работы.

Действительно образованный человек — не тот, кто считает себя «образованным». Даже неграмотные лавочники и урядники, и многие из тех, кто имеет возможность покупать себе «немецкое платье» и при его помощи причисляться к «чистой публике», даже такие считают себя образованными, хотя их душа — тьма кромешная. Действительно образованный человек не тот, кто окончил какое-либо, хотя бы даже высшее, учебное заведение, — мало ли неучей, узких специалистов или ловких карьеристов из них выходит! Не тот, кто перечитал на своем веку много, даже очень много, хотя бы самых хороших книг. Не тот, кто накопил в себе теми или другими способами некоторый запас, хотя бы и очень большой, разных знаний. Вовсе не в этом самая суть образования.

Самая его суть в том влиянии, которое оно может и должно производить на окружающую жизнь, в той силе, которую дает образование человеку для переделки окружающей жизни, во внесении в нее чего-то нового, своего в ту или иную ее область, в тот или иной ее уголок. Будь это образование общее или будь это образование специальное, все равно, его критерий — переделка жизни, перемены, в ней производимые при его помощи.

Величайшее счастье для человека — чувствовать себя сильным. Разумеется, мы говорим не о физической силе, а о силе духа. Величайшие реформаторы в науке и в философии — Ньютон, Паскаль, Спенсер, Дарвин — физически были людьми

слабыми. Таких было немало и среди общественных деятелей. Вся суть в силе духа. Без силы духа нет силы и образования. Без образования, по нынешним временам, бессилен и дух. Этого еще мало, чтобы образованный человек имел твердые, определенные, точные знания и твердые, обоснованные, на них опирающиеся мнения. Нужно прежде всего, чтобы он был и борцом за свои мнения. Мнение, которого он не умеет доказывать, защищать от нападок или проводить в жизнь (широко ли, глубоко ли — это другой вопрос), не имеет особенной ценности. Особенно важно для нас, русских, для нашего родного народа, загнанного слепой и корыстной силой прошлого в мрачный тупик, понимать образование в смысле деятельной, реформирующей силы, и именно такой силы, потому что без этого грош ему цена. Мы все должны понимать образование как силу деятельную и светлую не только самое по себе (этого еще мало!), но именно по ее применению в общественной жизни.

Наибольшую ценность имеет для нас, для нашей родины в данный исторический момент не тот человек, который обладает более или менее обширными, глубокими, разносторонними, точными и достоверными знаниями; и даже не тот, кто умеет критически мыслить и вникать в окружающую жизнь, понимать ее в ее целом и в частностях, — этого тоже еще мало! Особенно ценны для нас те образованные люди, у которых есть отзывчивость, сила чувства, энергия, воля, те, кто умеет проникнуться до самых своих основ духом общественности. Этих-то, и только этих образованных людей мы и можем назвать людьми интеллигентными в лучшем смысле этого слова. «Что нам эти образованные, которые образованы лишь для себя и про себя! — пишет нам один рабочий. — Нам от таких ни тепло, ни холодно!» Совершенно правильно. Не такие нужны России. Последнее десятилетие русской жизни показало достаточно ясно, каких именно образованных людей ждет народ и какими стараются сделаться многие наиболее умные, способные, отзывчивые люди из самых разнообразных слоев населения. *Интеллигентный человек — это такой человек, который настолько знает и понимает жизнь, и ее ход, и ее потребности, и ее нужды, что в любой момент может проявить себя их действительным выразителем.*

Понимать окружающую жизнь — вот первая задача образованного человека. Служение окружающей жизни, характер этого служения — вот пробный камень для оценки его. Кто бы вы ни были, читатель, молодой или старый, русский или инородец, мужчина или женщина, не забывайте общественного значения вашего образования и тем более самообразования. Русская история своеобразна и изменчива. Всякого из вас она может заставить в любой момент сделаться представителем жизни, ее интересов и потребностей, стремлений и надежд, выразителем ее насущнейших требований и работником и борцом за удовлетворение их.

Человек действительно образованный должен быть всегда готовым и заранее готовиться к тому, чтобы в любой момент, в случае нужды, явиться выразителем потребностей и нужд окружающей общественной жизни. Никакое образование, никакое самообразование не должно оставлять без внимания прежде всего этой возможности. <...>

Не в этом его деле, т. е. не в профессии и занятии самая суть человека, а *в самом человеке,* в его *отношении* к этому своему делу.

В очень темном уголке даже самая обыкновенная свеча — явление крайне важное и в буквальном смысле слова светлое, и делает важное дело, и даже может гордиться тем, что делает, тем, что вот она разливает свет там, куда еще не проникли никакие электрические лампы, да и проникнут ли, и когда?

Где есть свет — там не может не быть и распространения света на других. Если есть образованный, мыслящий, понимающий, вдумчивый, общественно настроенный человек, он не может обойтись без общественного служения и, во всяком случае, человек, неспособный выражать интересы жизни, не есть действительно образованный человек в самом лучшем, самом высоком смысле этого слова.

Такое наше определение его несколько расходится с обычным определением образованности. Нам могут возразить, что нельзя не отнести к числу образованных и людей ученых, чуждающихся общественной деятельности. <...>

Разносторонняя кабинетная ученость — тоже образование. Но еще выше стоит та ученость, хотя бы тоже кабинетная, которая за вечной истиной не забывает и злобы дня. В нашей книжке «Вечная слава» * мы имели случай подробнее ответить на возражение такого рода.

Образованный человек — прежде всего слуга жизни. Но не только окружающей жизни, не только своего уголка, своего круга, своей семьи, своей личности. Образованность, понимаемая в лучшем смысле этого слова, исключает узость — узость мысли, знаний, понимания, настроения. Узость духа за деталями, за частностями не видит, забывает целое, многое, разнообразное, великое. <...>

Образованный человек — непременно разносторонний, а значит и терпимый человек. Он должен быть совершенно чуждым духу нетерпимости и идейной исключительности, и на каждое с ним несогласное мнение он не может не смотреть прежде всего как на *факт,* который нужно узнать и признать как таковой. Факты требуют вдумчивого изучения, обсуждения и разносторонней оценки. Таким образом, первая задача действительно образованного человека — *не быть узким, выработать в себе разностороннее знание и понимание жизни и умение оценивать чужие мнения о жизни, имея свои собственные, фактически обоснованные.* <...>

«Миросозерцание и жизненная задача и цель жизни каждого человека определяется его исторической обстановкой» [1], условиями того времени и того места, той общественной и народной среды, в которой мы живем, хотя и не должны слепо подчиняться этим условиям. Задача образования может быть вкратце выражена следующими словами: оно должно «так направлять развитие человека, чтобы он стал способен понимать свою естественную и историческую обстановку и действовать в ней». «Образован тот, кто умеет вполне сознательно и убежденно определять свое отношение к мыслям и идеям, к жизненным формам и стремлениям своей жизненной среды».

Но ведь каждый народ, в свою очередь, распадается на различные круги, и в каждом из них — своя жизнь, свои интересы, свои нравы, свой уклад, словом сказать — свое содержание, своя более или менее особая жизнь. У разных людей далеко не одинаковы и задачи жизни, на которую особый отпечаток кладут и род занятий, и общественное положение, и пол, и возраст, и т. д. Говоря о своем образовании, а тем более самообразовании, ни один из нас не может не принимать в расчет всего этого. Бесспорно, каждый из нас, если он желает быть действительно образованным, должен выработать в себе способность принимать сознательное участие в общей и местной жизни народа; но кто именно и какое именно участие сможет принять в ней — это другой вопрос, который каждый человек может решить для самого себя особым образом. Это задача частная, хотя и не менее важная, чем задача общая. <...>

«Истинно образованным мы должны признать всякого, кто приобрел способность с того места, на котором он поставлен природой и судьбой, ориентироваться в окружающей действительности и создать себе собственный гармонический духовный мир, великий или малый — безразлично. Не количеством того, что знает или что изучил человек, определяется образованность, но силой и самобытностью, с которыми он усвоил изученное и которыми пользуется для уразумения и оценки представляющихся ему явлений. Поэтому нельзя не назвать образованным и крестьянина, прошедшего лишь курс народной школы, и, быть может, даже никогда не слыхавшего имен Гете и Шиллера, если он, разумно воспользовавшись теми средствами, какие были предоставлены ему обстоятельствами, создал себе цельное воззрение на естественный и исторический мир, в котором он живет, и если он умеет самостоятельно разбираться в своей сфере. Наоборот, мужчину или женщину, умеющих говорить о чем угодно, но только заученными фразами и чужими словами, мы не постесняемся назвать необразованными, хотя бы они представили свидетельство от всех учебных заведений и испытательных ко-

[1] Цитаты, которые мы делаем в этой главе, взяты нами из прекрасной брошюры Ф. Паульсена «Образование». Изд. Сабашниковых. М., 1900 *.

миссий мира. Образованность определяется не материалом, а формою знаний» *. <...>

Следующие признаки определяют образованного человека, но не каждый признак в отдельности, а все они в совокупности.

1) Умение вдумываться, оценивать, понимать окружающую действительность, ориентироваться в ней в любой момент и на любом месте, не теряя самостоятельности своего мышления, соблюдая возможное беспристрастие в своей оценке и стремясь проникнуть мыслью не только в *форму* явлений, и даже не только в формы жизни вообще, а в ее глубины, ее основы.

2) Разносторонние, точные, достоверные знания, на которые должно всегда опираться это уменье вдумываться, оценивать и понимать. Разносторонность знаний, как мы увидим ниже, необходима потому, что сама жизнь имеет многое множество сторон, тесно между собой связанных, слитых. Имея дело всегда с жизнью как таковой, нельзя же судить о многих сторонах по какой-либо одной. Достоверность знания необходима для того, чтобы не ошибаться при оценке качественной стороны, а точность их — при оценке количественной стороны тех явлений жизни, с которыми приходится на своем веку встречаться.

3) Активность — уменье действовать, вообще жить, проявлять себя вовне не как мертвую, пассивную силу, а как мыслящую, чувствующую, сознательную личность, которая вовсе не должна представлять из себя какую-то глину, из которой обстоятельства могут лепить какого угодно зверя. Активность заключается не в том, чтобы приспосабливаться к окружающей среде... <...>, а чтобы, напротив, в этой самой среде и даже в любой среде прокладывать дорогу для проявления своего ума, чувства, воли, творчества, вообще для работы, для жизни. Активность — это наступательное отношение к жизни, способность реагировать на нее таким способом, чтобы раздвигать ее, подчас непомерно тесные, а то и бессмысленно узкие рамки, воплощая при всех возможных условиях в самой жизни то, что уже накоплено в душе. Разумеется, рамки жизни становятся шире только под напором активности, и потому активность, в конечном итоге, сводится к умению вести свою линию, не считаясь с препятствиями, обходя их, а то и устраняя путем борьбы. Активность — это и есть жизнь. Без активности нет образованности потому, что только путем активности может она оставить след в жизни. Без этого всякая образованность, в конечном итоге, сводится не иначе как к нулю.

4) Отзывчивость, способность не только видеть и понимать окружающую жизнь, но и чувствовать, переживать ее, уменье ставить самого себя в положение тех, с кем сталкиваешься в жизни, принимать в расчет чужие переживания — будь это чужое горе или чужая радость, любовь или ненависть, апатия или гнев. Отзывчивость — это уменье «не делать другим того, чего не желаешь, чтобы тебе делали». Отзывчивость — это чуткость к

окружающей жизни, это своего рода «образованность чувства», как симпатии, так и антипатии, тонкость, уменье улавливать в других людях и во всем окружающем не только резко бросающиеся в глаза черты, но и едва заметные оттенки, и переливы их в пространстве и во времени. Отзывчивость, тонкость — это противоположность «дубинности», благодаря которой иной даже очень ученый человек больше похож на какое-то грубое животное, чем на человека в лучшем смысле этого слова. Отзывчивость лежит в основе любви к людям, она же мешает человеческой личности «превратиться в толстокожее». При посредстве той же отзывчивости личность, ею обладающая, как бы сливается с окружающей жизнью, с людьми, с обществом, человечеством, становится выразителем чего-то большого, стоящего за пределами отдельного человека, и что выше его...

Если в ком-либо все эти четыре качества налицо, это и значит, что человек, имеющий их, не только образованный, но и интеллигентный в лучшем смысле этого слова, независимо от того, много или мало он прочел книг, имеет или не имеет он того или иного диплома. Такой человек действительно сила, с которой не могут не считаться другие люди, и которая не может не оставить светлого следа в той среде, где она налицо. <...>

Вывод из этой главы таков: действительно образованный и интеллигентный человек *не может* быть образованным про себя и только для себя. Он — образованный для всех, он — одно из светлых явлений в том уголке, где он живет; он — источник, он — естественный распространитель света и вообще добра в своем уголке. Но ведь на таких-то людях и держится подъем, развитие, прогресс общественной и вообще исторической жизни. <...>

Это работа чисто практическая, которую действительно образованный человек не может не исполнять. Таким образом, повторяем, самая суть образованности не только в количестве знаний и правильности и глубине понимания, а в практическом служении окружающей жизни, в активном и отзывчивом отношении к ней. <...>

«Посмотрите, сколько сделала наука для выработки рациональных основ физической, нравственной и общественной гигиены, — писал когда-то один выдающийся русский ученый. — Наука учит нас, как устроить жизнь, чтобы сохранить здоровье, как поддерживать в хорошем состоянии людские сообщества, она указывает нам путь к умственному и нравственному благосостоянию. И вся эта огромная умственная работа остается мертвой буквой и не выходит из кабинета ученого! А почему? Потому что наука существует сейчас только для привилегированных, потому что социальное неравенство, разделяющее людей на капиталистов и наемников, обращает все научные указания относительно улучшения условий жизни в издевательство над девятью десятыми человечества. Выйдите только из кабинета Фауста, уставленного книгами, с запыленными окнами, не

пропускающими дневного света, и посмотрите на все то, что делается вокруг вас. В наше время дело идет не о накоплении истин и научных открытий. Нет, нам нужно *распространять и вложить в жизнь истины, добытые уже наукой, сделать их всеобщим достоянием.* Мы должны стремиться к тому, чтобы все человечество стало способным их воспринимать, для того чтобы наука стала основой жизни, вместо того, чтобы быть предметом роскоши». Этого ведь требует справедливость. И даже больше того: это в интересах самой науки. Наука только тогда прогрессирует, когда новые истины попадают в среду, способную их воспринять. «Следует немножко больше думать о том строе всей жизни, при котором ученые изобилуют научными истинами, между тем как большая часть человечества обречена оставаться тем, чем она была пять, десять веков тому назад: рабами и машинами. В тот день, когда вы проникнетесь этой широкой, гуманной и глубоко научной идеей, у вас самих пропадет желание заниматься только чистой наукой. Вы скажете: довольно работать на услаждение жизни тех, которым и так хорошо живется; посвятим свои знания, способности и силы тем, кому живется тяжело, у кого вся жизнь проходит в темноте, в унижении и вообще в жизненных тисках».

IV

ОБЩИЙ ПЛАН САМООБРАЗОВАНИЯ

Тот, кто начинает работать над самообразованием, этим самым уже расширяет свою жизнь во все стороны.

Если он принимается за эту, не столько трудную, сколько приятно-жгучую работу, этим самым он уже показывает, что в нем есть сила, есть кипение жизни, есть работа мысли, есть живое чувство, есть, наконец, воля, которая не позволяет ему «жить, как все», прозябая в обыденщине и беспомощно сложив руки.

У разных людей самообразовательная работа начинается поразному, с разных концов, то под влиянием побуждений умственных, то под влиянием чувств, по соображениям то идеальным, то практическим. Но что бы ни побуждало к ней, самая работа требует *общего плана,* общей схемы — требует ответа на такие вопросы:

1. Что предстоит совершить?
2. С чего начать?

На первый из этих вопросов мы даем ответ в этой главе, на второй — в одной из следующих.

Человеку, который работает над самообразованием, предстоит прежде всего раздвинуть свой кругозор, выйти из своего угла, в котором он до сих пор сидел, и, так сказать, осмотреться во Вселенной, в том бесконечно громадном здании, в котором ему приходится жить волей-неволей.

Надо прежде всего узнать: да какие же отделения существуют в этом гигантском здании? И каковы особенности каждого этого отделения, что они представляют каждое в отдельности и все вместе? Из какого материала здание построено? Какие силы в нем действуют, по каким правилам? Как распределились эти материалы и в пространстве и во времени? Какие перемены с ними и с их распределением совершаются и совершались? И что находится, что происходит и происходило в том отделении, в котором я сам живу и борюсь? Наконец, нужно еще узнать, каким же способом получить на все эти вопросы действительно достоверные и точные ответы? Какими способами и методами проверить их правильность? Как убедиться, наконец, что в данном случае не ошибается ни мой глаз, ни мой ум? Во все эти вопросы необходимо вдуматься и на них поискать ответы.

Обыкновенно они даются так:

Все существующее, и близкое и далекое, и настоящее и прошлое, возможно тщательно изучается разными способами, идеал которых — *точность и достоверность*. Для удобства все существующее изучается по частям и по отдельным сторонам, напр.: строение и деятельность человеческого тела и психики («души») особо, законы человеческие особо, вещества, из которых состоит то же самое тело, и их свойства — тоже особо, движение и законы движения мельчайших частичек этого вещества — атомов и крупнейших звезд и других светил — тоже особо и т. д. Все распределено, рассортировано, исследование и изучение всякой области, всякой стороны жизни находится в руках особых специалистов, главным образом и сосредоточивающих свое внимание на какой-либо одной стороне или на нескольких смежных. То, что специалистами узнано о той или другой стороне жизни с большей или меньшей точностью и достоверностью и что ими формулировано, называется наукой. Наук, как известно, очень много и с течением времени становится все больше и больше. Правда, все они в своей совокупности говорят об одной и той же, все о той же Вселенной и о ее жизни, но, благодаря раздельности науки от науки, нередко кажется, что все они говорят как будто о разном — не о разных сторонах, а о разных областях, лежащих вроде как рядом одна с другой, но между собой не совпадающих.

И все к этому привыкли. Все думают, убеждены, что так и быть должно, что иначе и быть не может, — как же так сразу объять необъятное и изучить все и со всех сторон?

А таким образом и благодаря этому происходит вот что: *изучение Вселенной, изучение жизни в ее целом сводится, в конечном итоге, к изучению лишь некоторых отдельных ее сторон, а изучение этих сторон сводится к изучению отдельных наук*. Другими словами, разностороннее изучение сводится к *одностороннему,* неразложимая, по существу, Вселенная и ее жизнь мысленно рассекаются, разлагаются.

Все это, разумеется, и очень полезно, и необходимо, и вообще разумно в целях удобства и точности *изучения*. Но нехорошо вот что: распределять Вселенную по наукам — к этому все привыкли, но мысленно *слагать* все узнанное и изученное снова в единое неразрывное целое — вот об этом-то заботятся гораздо меньше. Односторонние науки так и остаются отдельными науками, когда их изучают одну за другой. Но ведь, чтобы вновь построить из них Вселенную как нечто единое и слитое, для этого недостаточно изучить хотя бы даже все науки. Необходимо еще изучить и понять их объединенность, их совпадение, их склейку, их соединение, их сообщество — систему. Словом, необходимо так соединить в своем уме все, что добыто отдельными науками, чтобы о раздельности разных сторон одной и той же Вселенной и помину не было, потому что эта раздельность на самом-то деле не существует — она выдумка человеческого ума, мираж, видение...

Вот один из многих примеров, доказывающий эту, в сущности, простую истину, которая перестала быть очевидной главным образом потому, что все мы еще на школьной скамье изучаем не Вселенную, а отдельные науки, словно готовясь подходить к ней только с одной или нескольких сторон и самым ученым способом забывать о ней как о едином целом.

Вы сами, читатель, можете служить для себя самого таким примером. Вы — личность, вы — единое целое. И тем не менее в себе самом вы отличаете великое множество сторон, как и во всяком другом, несомненно существующем факте. На вашем примере вы лучше всего можете уяснить себе отношение науки к жизни, отношение отдельных сторон и их частичного изучения к их целому. И правда, вас изучают с самых различных сторон десятки, если не сотни отдельных наук, а вы тем не менее попрежнему представляете из себя нераздельное целое, а не одну какую-либо сторону вашего существования. Да ведь ее, в вашем лице от других ваших сторон даже и вы сами не отделите — так она слита с другими вашими же свойствами и качествами. Так, напр., вы — гражданин, член общества, государства. Какие у вас права? В каких отношениях находятся эти ваши права к правам других таких же людей, как вы? Какие права у вас могут быть, а каких пока что не может — в семье, в обществе, в государстве? Нужен целый ряд *юридических наук,* чтобы осветить только одну эту сторону вашей жизни и вашей личности, как и других таких же людей. Но как же оторвать эту вашу сторону от *материальной* стороны вашей жизни? Ваша материальная жизнь, как и всякого другого человека, тоже изучается целым рядом наук *экономических,* напр., политической экономией, науками о государственном хозяйстве, о финансах, о промышленности, торговле и т. д., и т. д. Богаты вы или бедны? Каков ваш доход? Большой или малый? Почему же он такой, а не иной? Причиной этому вы сами или общие условия жизни, общественное устройство

вообще или особенности того общественного класса, к которому вы принадлежите, той профессии, которая кормит вас? Все это вопросы, касающиеся вас лично, и целый ряд наук изучает экономическую сторону вашей жизни, распутывает как житейские мелочи, так и сложнейшие факты экономической жизни и далеко еще не может распутать их окончательно. Но дело еще сложнее, потому что юридическая сторона вашей жизни, в сущности, неотделима, тесно связана с экономической; попросту сказать, ваши права тесно связаны с вашими доходами, а ваши доходы с вашими правами. Можно отделить, ограничить юридические науки от экономических, но такую же ясную границу между доходом и правами не очень-то и не всегда и не везде проведешь. Другими словами, на бумаге, в книге науки разделены, а в жизни — слиты. Изучение самого себя, своей жизни, общественного положения только с одной экономической точки зрения лишь запутывает понимание жизни в ее целом и очень мало уясняет ее. Изучите подробно хоть все политические экономии — они вам ничего не уяснят, если вы только ими и ограничите «просветление своего ума». Но то же самое и с другими науками, и с группами наук. Вы как гражданин мыслите, чувствуете, действуете, участвуете в общественной жизни, отстаиваете свои интересы, добиваетесь для себя, да и для своего класса или сословия новых прав. Кто вы такой и как вы сделались таким? Ответ на эти вопросы дает опять-таки целый круг наук, — история, география, психология, антропология и т. д., и т. д. С общим ходом исторической жизни, как известно, переходят из страны в страну и идеи, и учреждения, и нравы, и обычаи, и верования, привычки и даже инстинкты. В каждом из нас есть что-нибудь пришедшее к нам и из Франции, и из Англии, и с Востока, из глубокой древности, и из греко-римских и даже из доисторических времен. Что же именно и откуда пришло? Что в вас своего, национального, и что чужого, не национального или интернационального? Иногда кажется, что изучать историю — это то же, что лезть в какую-то особую область, от вас далекую. Но нет, это значит изучать самого же себя; и то, что вы о себе узнаете и как себя разберете и оцените с исторической точки зрения, в сущности, неотделимо от других ваших сторон. У вас какие-то права и доходы, но ведь они стали такими не сразу, их сделал такими ход истории. В зависимости от вашего материального и юридического положения вы воспринимали то такие, то иные заграничные влияния. Так, напр., в XVIII в. французское влияние коснулось только помещиков и вообще богатых людей, в XIX в. идеи социализма из Франции и Германии сильнее всего действуют на рабочий люд, уясняя ему его положение по существу. Вместе с изучением закона божия в наши головы входит много такого, что произведено Византией, а вместе с латинским и греческим языком — идеи и чувства древних римлян и греков. Знакомство с литературой других народов дает каждому из нас элементы всех стран

и всех веков. И все это ассимилируется, сливается, спаивается, делается составной частью каждого из нас, влияя на все прочие стороны нашей духовной жизни. Нечего и говорить, что и духовная сторона нашего я, изучаемая отдельно от других сторон особой наукой — психологией, вовсе не отделима от этих последних, потому что все наши действия, наши мысли, чувства, желания, побуждения и т. д. всегда с нами и в нас и влияют и на правовую, и на экономическую, материальную нашу жизнь. Тут уж не приходится говорить, что «психология» далека, напр., от «политической экономии» или «государственного права». В вашем лице, читатель, все это соединено вместе, и первое, что вы должны сделать, это не забывать, что за *отдельными* науками стоит не что иное, как *единство жизни*. Но то же самое можно сказать и про науки, изучающие ваше тело. Изучать *только* его, не обращая внимания ни на ваше материальное и вообще общественное положение, ни на состояние вашей души, не может ни один доктор. Правда, когда-то всякий доктор, готовясь к экзамену, изучал устройство и жизнь человеческого тела вообще, независимо от того, ваше оно или не ваше. Но и тогда, даже при таком самом изучении вообще, доктору пришлось изучать гигиену, науку о сохранении здоровья, которая очень подробно изучает те условия жизни, при каких человек бывает здоров или нездоров. Гигиена, а в особенности гигиена общественная, трактующая об общественном устройстве с точки зрения народного здоровья, — это своего рода мостик между анатомией и физиологией и политической экономией и правом. Такие мостики, т. е. как бы переходные науки, существуют между всеми ее отделами. Кажется, астрономия очень уж далека от физиологии и психологии. Но на деле оказывается, что всякий человек, в какой бы области он ни действовал, нуждается во *всех* науках. Найдено, напр., что анатомическое устройство глаз и мозга и психическое состояние астронома сильно отражается на качестве астрономических наблюдений, на работе при помощи телескопа, на ее точности и достоверности. Между науками общественными и астрономией в жизни опять-таки тесная связь. Всякий, напр., знает, что жизнь идет по календарю и часам, а точность календаря и часов, которыми и вы, читатель, не можете не пользоваться, устанавливается астрономией, — это ее великое историческое дело, глубоко жизненное и практическое. Значение календаря и часов особенно сказывается во время путешествий — а кто же теперь не путешествует, волей или неволей? <...>

Работает ваша психика, т. е. каждая клеточка вашего мозга, каждая нервная нить, работают все другие органы и их клеточки, все частицы, из которых эти клеточки составлены, все атомы, составляющие каждую из этих частиц. Внутри вас, в эту самую минуту, вещество превращается в вещество, один вид энергии в другой. И все эти явления влияют одно на другое, наглядно показывая и доказывая полное единство чрезвычайно сложной и

нераздельной жизни. Человек — это как бы центр всех наук; даже таких, как зоология и ботаника. Поскольку человек — животное, его изучает, как известно, зоология, одним из приемов которой является *сравнение* — сравнение той или иной стороны человека с теми же сторонами других животных. Но в изучении животных, особенно низших, играет очень важную роль их сравнение с растениями — организмами другого порядка. Только путем изучения организмов животных и растительных идет наука к пониманию жизни вообще — таких основных явлений ее, как питание, рост, размножение, движение, чувствительность и т. д. Эта наука касается нас постольку, поскольку человечество пользуется в настоящее время животными и растительными продуктами в своей жизни: давно сказано, что каждый человек «есть то, что он ест». А сводя все предыдущее к одному, скажем: каждый человек есть клубок жизни — та точка Вселенной, где сливаются воедино все науки. <...>

Как уже было выше сказано, каждая из наук по необходимости одностороння и однобока. Сколько ни изучайте какую угодно из них, вы, благодаря ей одной, *не узнаете жизни*. Иные читатели думают: «вот я изучу историю, политическую экономию, астрономию (кто что, смотря по вкусу) и пойму жизнь». Оставим в стороне эти иллюзии и надежды. От изучения какой-либо науки, от усвоения ее истин, усвоения даже самого отчетливого вы, кроме одностороннего отношения к жизни, ничего не приобретете. Вы таким способом даже приучитесь к односторонности понимания. Вы станете терять чутье жизни и ее правды, как теряют ее все специалисты, не имеющие общего образования. Вы станете забывать о других сторонах того же самого целого, станете мысленно разделять нераздельное. Но ведь в этом-то и заключается слабость книжного понимания, мышления, знания и вообще слабость книги. А нам всем не слабость нужна, а сила, другими словами, *разносторонность*, вникание не в книгу и даже не в науку, а в жизнь. На это мы обращаем особое внимание читателя, в отличие от всякой другой постановки дела самообразования. Не забывайте односторонности *всякой* науки в отдельности, не забывайте за книгой самой жизни. Поэтому дело самообразования нужно вести так: выясните перед собой хотя бы в самых общих чертах вопросы или области жизни, особенно нужные, важные, интересные, жгучие для данного читателя, и затем изучайте любой вопрос при помощи *многих* наук, возможно большего их числа, даже *всех* наук. Только тогда вы дойдете до света знания и понимания. Науки вроде как цвета спектра — у каждой науки свой особый цвет, а все они вместе, весь их ряд и составляет спектр. Все они недостаточно светлы, каждая в отдельности. Но наложите все цвета спектра один на другой — и получите белый цвет, самый светлый из всех. Иногда и из двух-трех цветов (дополнительных) можно получить белый цвет, налагая один на другой. То же и среди наук, как мы увидим даль-

ше, можно различать такие (две, три или несколько), которые в своей совокупности дадут данному читателю определенно достаточный для него свет знания.

Таким образом, отделять понятие *науки* от понятия *знания* и *понимания* крайне важно и практически полезно.

Каковы же выводы из всего предыдущего? С практической, как и теоретической точки зрения это выводы тоже очень важные. Состоят они в следующем.

1. Цель образования, как и самообразования, вовсе не заключается в изучении *отдельных* наук — таких-то и в таком-то количестве. Многие говорят: я изучу такие-то науки и буду образованным человеком. На это можно ответить: сколько ни изучайте вы их — вы *никогда* не сделаетесь действительно образованным человеком, если изучите хотя бы подробно-подробно, как самый заядлый специалист, *только отдельные науки.*

2. Цель самообразования в знании и понимании единой, нераздельной жизни — жизни как единого целого, жизни, которая течет и в вас и вокруг вас, унося нас всех вместе с собой. Каждое явление, каждая область жизни имеет множество разных сторон, изучаемых разными отдельными науками. Изучать эти последние отдельно необходимо лишь для того, чтобы возможно скорее *сложить их все вместе,* ради знания и понимания жизни как единого целого. Таким образом:

3. Изучение *отдельных* наук — это не более как первая из первых ступеней к этому знанию и пониманию. Это *прием,* если, в одном смысле, и удобный и даже необходимый, то в другом *опасный,* так как приучает к односторонности мышления, односторонности знания, односторонности понимания, иначе говоря, к методическому искажению действительности.

Практический же вывод из вышесказанного таков:

4. Принимаясь за работу над самообразованием, гораздо выгоднее, в целях общего развития, а также и практической жизни, вести свою работу по *вопросам,* а не по *наукам,* но всякий вопрос освещая данными *всех* главнейших или вообще многих наук. Только таким способом можно действительно ориентироваться в той или иной области, «осмотреть ее во всех смыслах» и понять ее возможно ближе к тому, что она из себя действительно представляет.

Выражая все вышесказанное короче, приходим к такому выводу:

Цель самообразования — *синтез.* Что касается до анализа, то он не более как средство к *синтезу.*

* * *

Но этим вопрос еще далеко не исчерпывается. Он вызывает за собою следующие:

Можно ли достигнуть цели, т. е. синтеза, не овладев средством, т. е. анализом?

В школах наших нам говорят: «нельзя». Нас натаскивают там иногда даже по многим наукам, каждый преподаватель старается сделать каждого из нас вроде как специалиста по своей науке, уча подходить к жизни по-своему: химик — со стороны химической, физик — со стороны физической, историк — со стороны исторической, «батюшка» — со стороны церковной и т. д. А кто же думает о синтезе, об объединении, слиянии всех этих наук в единое понимание единой жизни?

Никто! Это предоставляется самому ученику.

Но ведь это слитие, синтез и представляет из себя труднейшую задачу образования и самообразования. От ее-то разрешения и зависит деятельность, то есть жизнь человека. И не всякий в силах исполнить эту задачу собственными средствами. Помощь необходима и здесь. Но ее-то и не оказывается...

В деле самообразования, думается нам, необходима иная постановка. *Правильная постановка самообразования должна быть с первых же шагов направлена к синтезу.*

И она не только *должна,* но и *может* быть направлена к нему, и к тому же без всякого ущерба как для количественной, так и для качественной стороны дела.

То, что мы будем говорить дальше, заключает в себе ответ на вопрос — «каким же способом это сделать».

* * *

Наметим прежде всего те области жизни, с которыми предстоит основательно познакомиться тому, кто работает над самообразованием.

Прежде всего перед нами три вопроса:

1. Что же именно мы будем изучать (об объекте знаний и изучений)?

2. Как изучать, какими способами, методами, приемами?

3. Кто же именно будет изучать (о субъекте знания и изучения)?

Уже это одно разделение дает нам путеводную нить для занятий. Все три вопроса сами по себе ясны и точны, и в дальнейшем изложении мы не будем забывать ни того, ни другого, ни третьего. Но сколь бы отчетливым и достаточным для нашей цели ни казалось нижеследующее изложение общего плана занятий, не следует забывать, что по существу оно далеко не точно. И неточность его для многих может показаться неожиданной. То, что изучается нами, обыкновенно называется *«внешним* миром». Говоря же об изучении и о человеке изучающем, мы имеем в виду *внутренний* мир. Между миром внутренним и внешним по-видимому существует целая пропасть, и переход от одного к другому — резкий и определенный. Но так ли это? Что представляет из себя в действительности так наз. «внешний мир»?

В каждый данный момент он состоит, как известно, из «предметов» или «тел», с которыми происходят разного рода перемены — то, что называется «явлениями». Все появляется, «происходит», существует, меняется, исчезает, уничтожается, принимая новый вид, переходя из одной формы в другую. Но присмотримся к любому предмету, любому явлению. Почему мы знаем, что оно существует? Потому что всякий нормальный человек может *ощущать* его существование при помощи своих органов чувств, может его видеть, слышать, обонять, осязать и т. д.; все это ощущения его свойств, и не будь этих наших ощущений, мы ничего бы не знали ни о каком предмете внешнего мира. Предмет — это значит наши ощущения его свойств плюс дальнейшая переработка этих ощущений нашей психикой. Таким образом, весь внешний мир — это наши же ощущения внешнего мира и их переработка. В таком случае, уже не приходится говорить, что он — одна статья, а человек, его познающий, — совсем другая, ничего общего с ним не имеющая. Нет, и в том и в другом случае мы имеем дело все с тем же *человеком.* Границы между ним и внешним миром не существует. Это лишний раз показывает, как легко ошибиться, решая с плеча вопросы, по-видимому, даже самые обыденные, ясные и бесспорные. Все относительно, все условно, и если мы будем в дальнейшем изложении говорить о мире внутреннем и о мире внешнем, о субъекте и объекте познания — это тоже будет условное разделение и условная форма выражения, удобная в практическом отношении, для распланировки занятий.

Итак, мир внешний и мир внутренний подлежат изучению. Попробуем разобраться и в том, и другом более обстоятельно, в тех же практических целях самообразования. Попробуем наметить общую схему изучения для того и другого, представить тот и другой в виде некоторой системы, удовлетворяющей нашей цели.

О какой собственно системе должна идти речь[1]? Что, собственно, называть системой? Существует и может существовать одна единственная система, и имя ей — жизнь. Если вы к ней поглубже присмотритесь, то увидите в ней действительно настоящую систему, иначе говоря, очень сложное, но вместе с тем по-своему стройное целое, состоящее из целого ряда определенных сторон, определенно расположенных, одна с другой крепко связанных, друг от друга неразрывных. Попробуем наметить их, чтобы набросать, по схеме *жизни,* схему *знания* и *понимания* ее, а значит, и общий план занятий, ни на минуту не забывая единства жизни и ее неделимости.

---

[1] Подробно об этом вопросе см. наш большой труд «Среди книг», т. I. Введение. Изд. кн. маг. «Наука». М., 1911. Читатель найдет там подробный обзор вопроса и классификацию разных сторон и явлений жизни, а также и всех наук, ее изучающих.

Прежде всего перед каждым человеком *три круга жизни,* три главных области ее (о них мы уже упоминали в прошлом письме), очень близко затрагивающих все существование каждого из нас: во-1-х, жизнь *интимная,* во-2-х, жизнь *социальная,* в-3-х, жизнь *космическая.* Это разделение, как и то, о котором шла речь, опять-таки условно и относительно, потому что в область интимных, личных переживаний могут входить и переживания всякого рода общественных неурядиц, и восхищение природой, космосом. Да и мышление и чувство, охватывающее жизнь в ее целом, представляет из себя явление жизни интимной. Тем не менее и вышеприведенное разделение жизни на три круга представляет, по нашему мнению, довольно удобный прием для самообразования. Всякое мое переживание, поскольку оно касается меня, постольку оно и относится к кругу интимной жизни. Мир интимный — это мир чувств, хотений и стремлений, мир *моей* любви, *моей* ненависти, моих симпатий и антипатий, моих чаяний, стремлений и надежд, моей веры, моих идеалов, моих вкусов, инстинктов и привычек. В этом мире я сам хозяин, со всеми моими пристрастиями, и эти пристрастия в *этом* мире имеют полное право на существование; они и составляют самую суть и основу моего Я. В этом мире то, что я считаю должным и желательным, важнее для меня, чем то, что хоть и существует, но не желательно. За этим же миром интимной жизни лежат остальные круги, к которым я должен подходить уже совершенно с иною меркой, возможно беспристрастной и объективной. Жизнь «задушевная», личная — самый узкий и самый тесный круг, если только человек не присматривается к самым основам и глубинам этой жизни; а присматриваясь к ним, он нашел бы в своей личной жизни элементы жизни *социальной,* общественной, а также и *космической,* мировой, жизни Вселенной в ее целом. Ни один человек не может быть чужд ни той, ни другой, ни третьей. Каждый человек, чтобы жить, *должен* их знать и понимать. Этого требует простое самосохранение. Касаются же они его очень близко. Вне общественной жизни каждый из нас был бы дикарем.

Наш язык, нравы, нравственность, религия, государственная и хозяйственная жизнь — все это создано жизнью *всех,* жизнью общественной. И от всего этого в высокой степени и очень реально зависит каждый из нас в самой интимной своей жизни. Наше же тело и явления, в нем совершающиеся, — процессы питания, размножения, процессы, происходящие в мозгу и нервах, жизнь клеточек нашего тела, частиц и атомов, составляющих их, зависимость всех этих явлений от всей окружающей среды — окружающей нас природы, мира растений, животных, от устройства поверхности нашей планеты, наконец, от положения этой последней в солнечной системе и вообще Вселенной — все это явления жизни природы вообще, т. е. жизни космической. Из одного этого перечисления всех основных сторон жизни в вышеприве-

денном порядке читатель уже видит *систему жизни* — ее основные стороны, этапы в ее развертывании. <...>

I. Я желаю знать, я *должен* знать переживания, идеалы, страсти, стремления других людей. Вплоть до переживаний самых тонких, даже смутных и неопределенных, — ведь таких немало и во мне самом. Все они мне бесконечно интересны, потому что я, присматриваясь и вообще знакомясь с чужими идеалами и стремлениями, вырабатываю и свои собственные. Всякому известно, что жизнь интимная и обыденная близка каждому человеку. Разобраться же в переживаниях и обыденщине не так-то легко, и даже гораздо труднее, чем в ином научном вопросе. Для огромного большинства людей на первом плане стоят именно разговоры о жизни, обыденной жизни, со всеми ее мелочами, неприятностями, сутолокой, бестолковщиной. И не в отдельных сторонах ее, а как в едином целом. Обыденщина — это есть то, что для человека представляет из себя самое жгучее и притягивающее, ярко будоражащее самые глубины человеческой души. Какие же книги полнее и сильнее всего затрагивают именно эту область? Несомненно, книги по беллетристике, раскрывающие перед нами: 1) «жизнь такою, какова она есть», 2) в ярких образах и типах и 3) не только с внешней, но и с внутренней стороны, с ее чувствами, идеями, стремлениями, настроениями, мечтами, со всеми неурядицами, промахами, ошибками. К этой области должны быть отнесены романы, повести, стихотворения и т. п., которые, по вышесказанной причине, и находят наиболее широкий круг читателей... Книга, затрагивающая *эту* сторону человека, не может не находить самого широкого круга читателей.

Относительная легкость понимания беллетристических произведений, разумеется, лишь способствует расширению их читательского круга. Но главное значение беллетристики для человека не в этом, а в близости ее к самым интимным его переживаниям, к индивидуальности каждого из нас, в стремлении охватить ее со всех сторон сразу. С другой стороны, есть беллетристика, описывающая, фотографирующая, которая вводит читателя в жизнь различных общественных кругов, классов, в жизнь различных слоев населения, разных стран, разных времен, и вводит в их обыденщину в наиболее доступной форме. В этом отношении беллетристика является не чем иным, как слугой знания, и для людей с конкретным складом ума совершенно незаменима ничем другим. Таким образом, вряд ли нужно доказывать, что знакомство с беллетристикой столь же необходимо для человека, работающего над самообразованием, как и знакомство с науками. <...>

То же самое нельзя не сказать и о других, так называемых изящных искусствах. Искусство — необходимый элемент самообразования, незаменимый никаким другим. Было время (в 60-х гг.), когда изящным искусствам не придавали никакого значения или

сводили его почти к нулю, а «эстетику» и «эстетиков» осмеивали. Это время прошло, и искусство заняло подобающее место в схеме общего образования. Внутренний мир человека бесконечно сложен и многообразен. Его сравнивают с своего рода музыкальным инструментом с великим множеством струн. Произведения изящного искусства — это своего рода орудия, с помощью которых только и можно заставить звучать такие струны, на которые не подействуют никакие другие. Жить полной, разносторонней жизнью — это значит жить так, чтобы звучали по возможности *все* струны души, и все стороны человеческой психики, все силы человека имели бы случай упражняться, проявляться и расцветать. Выбрасывать искусство из своей жизни и даже отодвигать его на задний план — это то же, что совершать своего рода преступление над самим собою. Нет такого человека, на которого никакое художественное произведение (литературное, музыкальное или скульптурное и т. д.) не производило бы никакого впечатления. В каждом сердце есть уголок, на который сильнее всего действует именно эстетика, красота, воплощенная в той или иной форме. Но если бы она даже на того или иного читателя еще и не действовала — она *должна* действовать. Этого нужно добиться, надо развивать в себе ее понимание, ее *ощущение* для того, чтобы при ее посредстве еще более расширять, углублять, возвышать, делать напряженнее свою жизнь. Правда, влияние различных искусств, или, что то же, различных художественных произведений, на разных людей далеко не одинаково. На одних сильнейшее впечатление производит поэзия, на других живопись, на третьих архитектура, но особенности каждого человека говорят лишь о выборе искусств, а не об исключении их. Кто-то сказал, что изящные искусства — это особый способ лелеять самые глубины своей души, и это совершенно правильно. Поэтому отдел этих искусств, в который входят, кроме изящной литературы, музыка, живопись, скульптура, архитектура, драматическое искусство, должен в общей схеме образования занять свое место рядом с беллетристикой. <...>

Из всего предыдущего следует, что беллетристика и другие изящные искусства, а также и этика не только должны входить в общую систему самообразования, но и лежать в основе его.

К этому отделу еще примыкают как необходимые составные части отдел художественной критики и публицистики, знакомство с которыми не менее необходимо в целях самообразования, чем с предыдущими. Всякое художественное произведение, более или менее выдающееся, всегда вызывало и вызывает целую литературу оценок и толкований — критических статей, комментарий со всевозможных точек зрения, смотря по личности оценщиков-критиков... Публицистика — это оценка текущей общественной жизни, той самой «злобы дня», которую мы не только переживаем — в каждый момент истории свою особую, но и которую чувствуем на своей спине и которая вообще очень близко

нас касается. В критике и в публицистике и находит свое выражение так наз. общественное мнение, точнее говоря, взгляды всевозможных общественных классов и других групп, выраженные в той или иной степени тем или иным критиком и публицистом. Знакомиться с этими оценками и оценщиками, сопоставляя их мнение между собой,— это то же, что вырабатывать свое собственное мнение, сравнивая его с другими, углубляя свои переживания. Это то же, что вводить себя в умственную жизнь своей страны и своего времени, причисляться к этой общей жизни и, выходя из круга интересов чисто личных, сливаться с общественными. Художественный критик оценивает произведение и его автора. Публицист дает свою оценку самой жизни. И тот и другой как бы открывают нам двери из узкой конуры личной жизни на арену жизни общественной. Перед нами встает задача выработать нравственный идеал не только жизни личной, но и идеал социальный. Публицистика учит нас оценивать текущую жизнь с точки зрения этого идеала, углублять, расширять наше понимание и наше участие в злободневной борьбе. У нас в России, как это известно из примеров Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского, все наиболее выдающиеся русские критики были вместе с тем и публицистами. Критика растолковывала не столько самые произведения, сколько русскую общественную жизнь на примере этих произведений. Такая критика как бы сопричисляет русского читателя к злобе дня его несчастной многострадальной страны и нагляднее наглядного доказывает этому читателю, что больше есть света, чем в его личном окошке, и что он не может и не должен проводить свою жизнь «вне общественных интересов». Сопричисление к ним — это один из самых главных и важнейших моментов расширения и возвышения своей жизни, и от их веяний, разумеется, не может укрыться никто и никогда. К этому не может не стремиться человек, действительно образованный в том смысле, в каком мы употребили это слово в первой главе. <...>

II. Переходим теперь к отделу научному. Как известно, огромное большинство работающих над самообразованием видит именно в этом отделе центр своей работы и ставит своею главной целью усвоение действительно научных знаний. Из всего того, что было нами сказано на предыдущих страницах, нельзя не видеть, что такое мнение не совсем правильно. Как известно, всякое знание есть орудие, прекрасное, высоко ценное, даже самое ценное из всех существующих, но тем не менее все-таки только орудие. Если, добиваясь своей цели, нельзя не запасаться орудием наиболее полезным для ее достижения, то нельзя же не думать и о том, чего же ты с его помощью будешь добиваться и куда именно пойдешь и за сооружение какого же именно *здания* примешься.

Сделав еще раз эту оговорку, будем говорить теперь о науке именно как об орудии. Наука — это значит прежде всего *изуче-*

ние того, что существует. Знакомство с тем, что есть, с фактами, и знание их в том самом виде, каковой они имеют. Узнать окружающую действительность в ее настоящем виде не так легко, как кажется, потому что этому мешает целый ряд человеческих свойств, как прирожденных, так и привоспитанных, от которых иногда очень мудрено освободиться. Об этой стороне дела мы еще будем говорить ниже. Теперь же отметим, что наука — это такое знание фактов, которое, во-первых, *точно* и отчетливо ясно, во-вторых, *достоверно,* в-третьих, точность и достоверность которого не может не признать всякий нормальный человек — не может, если бы и хотел, потому что *точные и достоверные факты сами себя доказывают.* Но наука состоит не только из знания фактов. Даже миллионы миллионов точных и достоверных фактов все-таки не есть еще наука. В этих фактах необходимо еще разобраться, подметить и их свойства, и их сходства, и их различия, необходимо затем, разобравшись в фактах, выразить их в такой краткой, ясной и точной форме или формуле, чтобы «любая человеческая голова могла бы вместить в себе хоть всю Вселенную». И правда, ни один человек не в силах держать в памяти все миллионы миллионов фактов, прошлых и настоящих, будь у него даже самая замечательная голова. Нельзя не думать об экономии умственных сил, вкладывая в свою голову хотя бы самое точное и достоверное знание того, что есть. Другими словами, необходимо найти какой-нибудь способ кратко выражать миллионы фактов — хоть несколькими словами, но выражать так, чтобы даже такое краткое выражение их не вредило ни точности, ни достоверности знания. Этого и добивается наука, этого она во многих отношениях и добилась уже. <...>

«Наука едина», — говорят ученые. Все отделы науки — неразрывные части единого целого, которые, в конечном итоге, должны представлять из себя ту же Вселенную, отразившуюся, вроде как в хорошем зеркале, в уме человека. Будь эта наука историей человечества или химией, психологией или математикой — все равно, у всех наук одним общим качеством должна быть точность и достоверность изучения того, что есть.

Все науки, какие только существуют, можно распределить на три главные группы *— во-первых, на науки, изучающие социальную жизнь, во-вторых, на науки, изучающие органическую жизнь, в-третьих, изучающие неорганическую, или космическую, жизнь. Все эти три группы их теснейшим образом связаны между собой. Где есть жизнь социальная, там, в ее основе, необходимо кроется и жизнь органическая (физиологическая и психологическая), и жизнь космическая. Где есть жизнь органическая, там может еще и не быть социальной, но должна непременно присутствовать, как ее основа, жизнь неорганическая. Эта же последняя существует и там, где нет ни социальной, ни органической жизни. Как известно, космическая неорганическая жизнь — самая древняя, она уже существовала тогда, когда не было ни-

какой другой. Не столь древнего происхождения жизнь органическая, еще менее древнего — социальная жизнь. Таким образом, эти три формы жизни представляют из себя естественную систему и исторически между собою связаны. На эти три отдела и разделяется общая схема образования, а значит, и план его. <...>

Переходим теперь к следующему отделу программы, заключительному, так сказать, к завершению здания.

III. Основная задача этого отдела заключается в том, чтобы дать ответ на следующие вопросы. Вот мы, стремясь к образованию, приобрели такие-то знания, познакомились с таким-то кругом явлений. Но что может и должно убедить нас, что знания, которые преподносили нам такие-то авторы таких-то книг, действительно точные и достоверные знания? Что ручается нам за их точность и достоверность? Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо знакомство не только с *методами* разных наук, но и с самым значением этих методов, с их сотрудничеством и их историей. Методы исследования и вообще добывания точных и достоверных знаний бывают разные. Существует целый ряд всевозможных методов, более или менее пополняющих друг друга. Уже давно было сказано: «Если ты кого-нибудь желаешь убедить, что ты достиг до такой-то истины,— объясни, в таком случае, каким же способом ты до нее дошел». Но и этого еще мало. А, быть может, самые-то методы неправильны? Необходимо исследовать и самое основание их. Необходима дальнейшая критика, дальнейшее углубление мысли. Истина открывается путем критики и исследования возможно глубокого и до конца ясного. Исследование же бывает двояко: оно идет или от фактов к истине все более и более общей, или от общих истин к истинам более или более частным. Так, напр., зоолог, стремясь познать закон животного царства, изучает жизнь всевозможных животных, и устройство их тела, и его деятельность, и от фактов идет все дальше и дальше по лестнице обобщений. Он наблюдает, он даже делает опыты, он обобщает то, что узнал таким способом; наконец, он делает выводы из этих своих обобщений и затем проверяет их опять-таки фактами, наблюдениями, опытами. Совсем не так поступает математик. Решая какую-нибудь сложную задачу, он *рассуждает,* он разлагает свой вопрос на части, разбирает затем каждую часть отдельно. От истин общих он переходит к истинам все более и более частным. Вся его работа состоит главным образом в том, чтобы умозаключать правильно, разумеется, тоже проверяя себя. И зоолог, и математик — представители точного знания. И математика, и зоология — науки точные. Но которая же из них точнее? Всякий знает, что математика — идеал научной точности и что всякое явление природы только тогда может считаться познанным, когда исследовано математически точно и выражено в виде математической формулы — ясно и возможно коротко. Вряд ли нужно доказывать,

что математика должна быть неизбежно введена в общую схему самообразования, как ее основа и завершение. Но и не только она. В свою очередь математика основывается на *логике* — на *науке о правильном мышлении и о методах такого мышления*. <...>

Гносеология — это и есть последний отдел общей схемы — круга основных знаний. Познакомившись с ее отделами, необходимо подвести теперь общий итог своей работе и, так сказать, взглянуть на Вселенную как на единое целое. Необходимо объединить отдельно изученные части ее и привести их в возможно тесную связь, спаять их, слить. Как известно, делом объединения отдельных наук и вообще знаний занимается философия, понимая под этим словом сводку воедино всех отдельных наук, построение из них единого и общего миросозерцания. И правда, одно дело — понимание *некоторых* областей жизни, и совсем другое дело — общее миросозерцание, в состав которого входит понимание *всех основных* явлений и задач жизни. Вряд ли нужно доказывать, что это общее миросозерцание и миропонимание представляет из себя итог, конечный результат всей работы над самообразованием, ее цель, ее резюме, конечный вывод. Миросозерцание же, если оно действительно вошло в плоть и кровь, не со стороны приходит в человека, а им самим вырабатывается — *только* им самим и может быть выработано. Правда, есть люди, которые, приступая к самообразованию, стараются найти такую книгу, которая бы дала им «самую суть», чтобы поскорее прочесть ее и усвоить из нее «все, что нужно». Такой книжки нет на свете и даже быть не может. Миросозерцание — это ведь не записная книжка в 4—5 страниц, а своего рода вечно работающая огромная фабрика, в которой имеется и громадный и правильно организованный склад сырых материалов, и лаборатория для их испытания и исследования, и мастерские для их обработки, работающие изо дня в день, и так всю жизнь. Этот склад, эти мастерские и лаборатория в душе действительно образованного человека должны заполнить *весь* внутренний мир его, не только сознание но и подсознание — нижний этаж психики, в котором коренятся бессознательные инстинкты, привычки, навыки и т. д. *Только тогда, когда миросозерцание человека охватит и область сознания, и область подсознания и когда оно станет его «второй натурой», войдет в привычку — только тогда имеет право сказать про себя этот человек: «Да, я действительно имею миросозерцание, и оно действительно мое».*

Без этого же внедрения миросозерцания в самую глубину человеческой души, человек — еще не критически мыслящий и образованный человек, а протоплазма, из которой при маломальски энергичном натиске жизни неизбежно вырабатывается хамелеон, а то и просто флюгер, сума переметная, «грошевое бытие», как определяет таких людей один мой заочный приятель — рабочий, немало страдавший на своем веку и все-таки до сего

дня оставшийся верным своему, раз выработанному миросозерцанию.

Это он написал следующие четыре замечательные строчки, вылившиеся из глубины души человека, не только выработавшего, но и выстрадавшего свое миросозерцание:

Тяжко мне... Но не хочу я с злой судьбой моей мириться.
Я — один... Но не могу я с силой темною не биться...
Я погибну... Ну, так что же? Коль мое погибнет тело, —
Будет дух мой так же биться все за то ж святое дело...[1]

Выработать свое миросозерцание — это значит так прочно построить его, чтобы, несмотря ни на какие возражения и даже страдания в течение всей жизни, оно и не разрушалось, и не переделывалось, а только бы пополнялось, совершенствовалось и украшалось. Чтобы никто не смел сказать про человека, что он до 30 лет свободолюб, а после 30 лет — каналья и чтобы никто не мог со стороны ни его размагничивать, ни его намагничивать, и чтобы крепость ума и духа говорили сами за себя.

И таких крепких духом теперь немало. И это счастье России, что немало их в ее недрах. Иначе бы и жить не стоило, если бы все люди были не люди, а людишки, умеющие весь свой век только киснуть, не творя жизни...

Общее миросозерцание — цель самообразования. В понятие миросозерцания входят не только знания, не только понимание, но и настроение, т. е. направление симпатий и антипатий, идеалы этические и социальные, а также умение осуществлять их. Делать свою жизнь действительно полной, глубокой, возвышенной, напряженной, красивой, расширяя и расширяя ее не по какому-нибудь одному, а непременно по всем этим направлениям, человек может в наибольшей степени именно тогда, когда у него есть такое миросозерцание...

Такой человек действительно знает и понимает, куда идет и зачем идет, как живет и к чему живет.

И он *чувствует* всю прелесть жизни. Чувствует, что живет действительно.

И это ощущение *такой* жизни, вечно расширяющейся и расширяющейся, и есть то, что называется счастьем. <...>

---

[1] По словам моего отца, автор этих стихов был он сам. Он их написал под впечатлением известия о казни А. И. Ульянова. — *Сост.*

V

САМООБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЯ

<...>Первый вопрос, который стоит перед нами, — это вопрос об экономии времени и сил. Работу над самообразованием необходимо поставить так, чтобы она достигала наибольших результатов при наименьшей затрате сил и времени.

Спрашивается теперь, как же это сделать? Как осуществить это на практике?

Прежде всего поищем *основного принципа,* который нельзя не положить в край угла такой постановки, какая позволила бы достигать данной цели, попробуем формулировать основное требование, которое должно представлять из себя как бы фундамент для всей работы по самообразованию.

Затем будем говорить о его применении на практике.

Итак, нам необходимо теперь побеседовать о самом трудном и самом щекотливом вопросе читательской психологии — о том самом, о котором, как известно, до сих пор не говорят никакие, даже самые лучшие, «программы домашнего чтения», никакие рекомендательные каталоги и который педагоги-практики решают обыкновенно чутьем. Между тем именно в этом вопросе лежит центр тяжести самообразования.

Формулировать этот вопрос можно так (точнее говоря, именно так формулирует его каждый читатель сам для себя):

Как приспособлять самые лучшие советы и самые превосходные программы самообразования к моей собственной личности — к такому человеку, каков вот, напр., я, при всех моих достоинствах и недостатках, при моей, лично моей обстановке жизни и в тот момент моей жизни, какой я именно теперь переживаю?

Не настала ли пора поставить дело самообразования на несколько иную почву, положив в его основу данные индивидуальной психологии и принцип проявления воли? «Человека вообще», как мы уже заметили, не существует. Есть лишь отдельные личности — Иван, Петр, Мария. Знание и понимание, как и вера, без дел мертвы суть. Данная личность и деятельность этой личности — вот что должно быть принято в расчет прежде всего, когда речь идет о наиболее целесообразной постановке самообразования.

Вряд ли можно сомневаться в желательности и даже необходимости такой постановки. Вопрос в том, как осуществить ее на практике. Современная психология (общая — теоретическая и прикладная — педагогическая) и экспериментальный метод современной психологии представляют во всяком случае немало интересных и очень важных данных для решений целого ряда вопросов о постановке самообразования наивозможно целесообразной.

---

[1] Статья эта с некоторыми изменениями первоначально была напечатана в газ. «Школа и жизнь», 1911 г., № 17, отчасти вошла в 1 т. «Среди книг».

Каждый читатель, каждый человек, работающий над своим самообразованием, имеет свою индивидуальность, т. е. одному ему присущие свойства, свои собственные, личные особенности, интересы, наконец, настроения, постоянно изменяющиеся в зависимости от условий личной, общественной, исторической жизни. Нужно ли говорить о том, что все эти особенности оказывают огромное влияние на самую постановку и самый ход самообразовательной работы, которая у каждого человека не может не идти на свой образец.

Всякий, кто только имел случай наблюдать, как читаются книги, наверное, знает из своего собственного опыта, что между читателем и книгой, которая ему нравится и которая ему больше всего дает, всегда существует определенное соотношение, точнее говоря, сходство, аналогия — как бы сродство. Не всякая хорошая книга нравится всякому. Даже величайшие писатели иногда бывают не по душе даже величайшим писателям, как это можно, напр., видеть из примера Льва Толстого, которому так не по вкусу приходился Шекспир. Но у каждого читателя, наверное, есть один или несколько «любимейших авторов», производящих на этого читателя особенно сильное впечатление. Почему же именно они производят на данного читателя такое впечатление? Какие свойства как их, так и этого читателя обнаруживают такое сродство? Но так или иначе, это самое сродство, несомненно, представляет ту психологическую основу, воспользоваться которой крайне важно для постановки дела самообразования на более плодотворных основаниях. Правда, такое соотношение читателя с автором может быть и минутным, случайным, преходящим, но тем не менее в существовании его сомневаться не приходится. Оно факт. Далее, кроме элемента мимолетности существует в этом сродстве и элемент постоянный, длительный и более глубокий. Ярче всего он и выражается в вышеупомянутом факте, что у каждого читателя чуть не по каждой науке обыкновенно имеются свои любимые авторы, свои любимые книги, даже любимые отрасли знания и наиболее соответствующий ему тип миросозерцания. Спрашивается теперь, почему же это имеется? Почему разные книги действуют на людей по-разному?

Чтобы дать точный и научный ответ на этот вопрос, прежде всего необходимо сделать исследование — исследовать читающую публику в этом отношении, разобраться в пестроте фактов, наконец, констатировать самые факты, среди которых, как известно, так много чересчур неопределенных. Исследование (особенно экспериментальное и статистическое) действительно может дать ответ на такой вопрос: *какие именно* люди *каких именно* авторов и какие книги считают своими любимыми? Найдя точный ответ на этот вопрос (материалов для его решения накопилось очень много), можно идти и дальше, а именно приняться за изучение, во-первых, самих *читателей* как определен-

ных индивидуальностей, во-вторых, за изучение *авторов и произведений их,* оказывающихся наиболее любимыми или нравящимися данным читателям. Такое исследование тоже может быть произведено довольно точным приемом. Всякий библиотекарь, книготорговец, издатель, педагог и т. д., если пороется хоть немного в своей памяти, вероятно, найдет кое-какие интересные и важные материалы для решения практически важного вопроса о соотношении психических свойств читателя, с одной стороны, и любимых им книг, с другой. <...>

На читателя сильнее всего действуют те свойства автора, которые имеются, в том или другом количестве, у самого читателя. *«На читателя оказывает наибольшее впечатление та книга, психические качества автора которой аналогичны психическим качествам данного читателя».* Такую формулировку этому соотношению дал еще в начале 80-х гг. Э. Геннекен *, и эту формулировку мы имеем полное основание назвать законом Геннекена — законом, который имеет огромное значение не только для книжного дела, но и вообще для педагогии. Своей формулировкой Геннекен сумел выразить самую суть, самую основу влияния книги на читателя. Не всякая книга может оказать на этого последнего такое-то влияние, не всякая книга окажет одинаково сильное влияние на разных читателей. Для наличности этого последнего необходимо психическое сродство, попросту говоря, совпадение некоторых качеств автора с качествами читателя. Всякая черточка, всякая психическая особенность, имеющаяся налицо у автора в тот момент, когда он пишет, не может не отразиться на том, что и как написалось. То же самое психическое качество, раз оно имеется у читателя в момент чтения, не может не сделать этого последнего наиболее чутким к восприятию *именно этого* качества, по правилу «рыбак рыбака видит издалека». Но свойства души и ее настроения бывают не только мимолетные, быстро преходящие, есть свойства и настроения более устойчивые и даже постоянные. Эти устойчивость и постоянство отнюдь не меняют дела; напротив, их-то прежде всего и необходимо принимать во внимание и изучать, чтобы поставить дело самообразования на почву индивидуализации.

Психология учит, что о психике других людей мы судим по своей собственной психике, да иначе судить и не можем. Подобно тому, как камертон определенного тона неизбежно заставляет звучать всякий другой камертон того же самого тона — так звучит и психика человеческая под влиянием другой психики, настроенной на тот же тон. Пфендер называет это человеческое свойство, подтверждаемое бесчисленным количеством фактов, «сочувственным переживанием» *. Такое переживание проявляется и в целом, и частями, и бывает и переходящим, и длительным. Его размеры, его количественная сторона вообще могут быть тоже очень различны, но сущность данного

явления всегда остается одна и та же. Это факт, доказываемый и опытами, и наблюдениями. Правда, у разных читателей «реакция на данную книгу», т. е. реакция, возникающая под влиянием ее чтения, может быть не одинаково сильной. На ее силу влияет и самое время, *когда* данная книга читается, и разные случайные обстоятельства этого момента, напр., извне приходящие мимолетные настроения. <...>

Итак, перед нами читатель, «психический организм», имеющий определенные свойства — и разум, и чувства, и волю, и т. д. Всякий знает, что у разных личностей все эти стороны психической жизни бывают различны. Они разных *типов* и разных ступеней развития. Существует особая отрасль психологии, так называемая индивидуальная психология, наука о характерах, которая изучает их. По разным психическим типам, по особенностям их интеллектуальной, эмоциональной и волевой жизни — т. е. разума, чувства, воли — при помощи более или менее точных исследований можно классифицировать всех людей.

Между прочим, очень интересную классификацию их делает проф. Малапер в своей книге об «Элементах характера» *, книге, которая, быть может, поможет и нашим читателям хорошенько подумать над своими собственными черточками ума, чувства и воли и оценить каждую из них в целях самообразования. Далее, среди людей встречаются и разные типы антропологические — наука считает антропологическими признаками, напр., пол, возраст, принадлежность к такой-то расе и т. п. Эти особенности отдельных людей тоже не остаются без влияния и, во всяком случае, должны быть приняты в расчет в деле самообразования. То же нужно сказать и об особенностях профессиональных и вообще социальных, обусловленных, напр., воспитанием, которому подвергался данный человек, принадлежность его к такому-то, а не иному общественному классу, что опять-таки накладывает на человека некоторый отпечаток — естественный результат определенного экономического положения. Все эти особенности не только могут быть изучены, но даже и теперь изучаются, и в этом отношении наука уже теперь коечто сделала. Так или иначе, всякий человек, со всеми своими как типическими, так и индивидуальными особенностями, является предметом точного исследования, и здесь вопрос о правильной постановке самообразования стоит опять-таки на строго научной почве.

Но пойдем дальше и спросим себя, что же такое *типы разных личностей*? Таким типом называется некоторая комбинация некоторых отдельных свойств, наиболее часто повторяющаяся не в одном, а во многих людях; эти отдельные свойства, в свою очередь, поддаются точному изучению, и среди них, в свою очередь можно различать их собственные типы, т. е. *типы отдельных свойств*. Так, напр., психология изучает, как известно, не только

разные типы *личностей,* но и разные типы ума, эмоций, воли. Но и эти последние представляют из себя, в свою очередь, новые и новые комбинации еще более детальных сторон психики, еще более частных качеств. Возьмем, напр., сторону интеллектуальную. Психология учит, что эта сторона психики представляет целый ряд очень важных и своеобразных явлений, и качественно и количественно различающихся между собою. С одной стороны, к интеллекту относятся такие явления, как, напр., восприятие, память, суждение и т. п. Частные проявления психической жизни, как известно, тоже различны у разных людей и в качественном и в количественном отношениях, что, несомненно, зависит от физиологических и анатомических особенностей организма. Бывают различных типов и восприятие, и память, и внимание, и манера мышления, суждения, вообще склад ума и т. д. Есть люди, мышление которых начинается с фактов, с восприятий, от которых они и поднимаются все выше и выше. О таких обыкновенно говорят, что их «иначе как фактами не прошибешь». Теория и «большие посылки» (т. е. истины, из которых выводятся путем умозаключения другие истины) на них не действуют, и только от фактов эти люди поднимаются по лестнице обобщений к общим понятиям, теориям и системам. С другой стороны, есть люди, которым совершенно не дается такого рода мышление; они, поддаваясь своей природе, мыслят обыкновенно обратным способом, т. е. идут по лестнице рассуждений вниз — от общего к частному, от имеющихся в их голове положений (тезисов) к фактам. Эти стараются лишь подтверждать фактами правильность того, до чего они таким образом додумываются. Таковы два резко различающихся типа ума — индуктивный и дедуктивный. Впрочем, встречаются часто и средние, переходные типы, т. е. более или менее не чуждые и индуктивного и дедуктивного мышления. Далее можно отметить в интеллектуальной области еще два типа ума, тоже поддающиеся точному исследованию, — тип аналитический и синтетический. Склад ума синтетический — это склад творческий, созидательный, идущий от частей к целому. Напротив, склад анализирующего ума — это склад, разлагающий целое на части, разрезывающий это целое и, так сказать, врезывающийся в предмет своею мыслью и вечно находящий в нем все новые и новые стороны. И в этом отношении все люди могут быть классифицированы по этим двум типам (на аналитиков и синтетиков) и по переходным ступеням между ними.

Разные типы ума суть не что иное, как разные комбинации тоже разнообразных типов памяти, восприятий, суждения и мышления и т. д., отдельно классифицируемых и изучаемых психологией не только при помощи точных приемов, но даже при помощи точных приборов. Берем теперь следующий принцип классификации — по эмоциональным особенностям. Здесь мы встречаем еще большее число типов, смотря по количественным

и качественным преобладаниям тех или иных эмоций и по их общим свойствам (относительной возбудимости, длительности эмоций и т. д.). То же можно сказать и о волевых типах начиная от самого рефлекторного,полусознательного и кончая волевым и сознательным в полном смысле слова.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать такие выводы. Люди, работающие над своим самообразованием, могут быть научно классифицированы по психологическим, антропологическим и социальным типам. Каждый такой тип представляет более или менее сложную комбинацию разных психических особенностей, а в каждой из них наблюдаются, в свою очередь, свои собственные типы. В зависимости от качественной и количественной сторон этих частных особенностей читательской психики находится и самый процесс чтения и научных занятий, изучение и результат их.

Но такой же самой классификации, как психологической, так и социологической и т. д., не могут не подлежать не только читатели, но и книги, неизбежно отражающие тип своих авторов. Всякая особенность автора, как сказано, кладет на книгу свой отпечаток — на манеру изложения, даже на выбор и способ трактования сюжета. И книги, как и люди, бывают индуктивные и дедуктивные, аналитические и синтетические, конкретные и отвлеченные, эмоциональные («с настроением») и рассудочные («без настроения», «сухие»); есть типы «неуравновешенные», но есть и уравновешенные; одни представляют из себя набор рефлексов, шатаний, «бесцельностей», тогда как в других с первой же страницы уже ясно чувствуется и воля, и определенность цели ее автора; такая книга как бы уже подталкивает читателя, заражая и его своей волей. Далее, среди книг можно различить и типы социологические — классовые, сословные, профессиональные. Есть книги буржуазного и пролетарского типа (по своему содержанию), интернациональные и национальные. От иных веет фабричным, от иных деревенским, казарменным, городским и иными укладами жизни. Но это еще не все. За этими классификациями следует классификация историческая по моментам и по периодам, выражением которых эти книги являются (каждая книга есть продукт своей среды и своего века). <...>

Попробуем теперь сделать практические выводы из вышесказанного и применить их к практике самообразования, и именно к чтению и изучению *научных книг*. Это последнее ставит перед нами две главные задачи, которые можно выразить в виде следующих двух вопросов:

1) Как сделать так, чтобы человек, работающий над своим самообразованием, тратил на это дело возможно меньше времени, сил и труда?

2) Как сделать так, чтобы он выносил из изучаемой или читаемой книги возможно больше?

Изучение читательской психологии — психологии книжного влияния — дает довольно определенный ответ на этот вопрос. *В целях, формулированных выше, в основу работ по самообразованию необходимо положить изучение психологических и социологических типов, во-первых, самих читателей, во-вторых, книг. Нужно дать возможность читателю любого типа найти книгу того же типа.* Сократить время, сэкономизировать силы и труд, затрачиваемые обыкновенно на чтение научных книг, помочь скорейшему и более глубокому и детальному усвоению их содержания, поставить дело самообразовательного чтения на рациональную почву — задача эта, думается нам, не только облегчается, но даже разрешается той постановкой дела, о которой здесь идет речь.

Практика давным-давно наводит на нее каждого работника книжного дела, педагогов в том числе. Они знают, что читатель индуктивного и конкретного типа мышления, изучающий книгу, изложенную дедуктивно и отвлеченно, затрачивает массу лишних сил на ее изучение и усвоение, и все-таки с ее помощью не усваивает предмета так же быстро и глубоко, как если бы он усвоил его, взявши книгу по тому же предмету, но написанную индуктивно. И обратно. Читателю типа дедуктивного и отвлеченного больше дадут книги дедуктивные и отвлеченные. Читатель эмоционального типа засыпает над сухой книгой, написанной без всякого настроения. Читатель рассудочный пренебрегает книгами с настроением, которые кажутся ему обыкновенно «пристрастными» и «легковесными». Читатель-практик, человек дела и борьбы, не удовлетворяется книгой, отражающей нытье и безволие ее автора. Читатель-буржуа, как известно, и духа пролетарского в книге нередко совсем не выносит. Чтобы такой читатель понял, что именно эта последняя стоит ближе к идеалу человеческой солидарности и социальной справедливости, нужно подойти к нему с другого конца, — этического, исторического, хотя бы даже богословского и т. д., и т. д., но всегда так, чтобы «истина не пёрла на него быком», как выразился В. И. Савихин. Вышесказанное выясняет не только самый принцип, но и способы самообразовательной работы. Особенное значение имеет такая постановка для людей резко выраженных типов, типов крайних, которым всего труднее и дается самообразование, если оно ведется по книгам не их типа. Что касается до читателей типов «смешанных», «переходных», «уравновешенных», дело их самообразования, разумеется, облегчается именно тем, что, занимая среднюю позицию, они имеют возможность использовать для себя и типы книг крайние, и типы книг средние, которых тоже немало. Но и здесь дело не так просто, так как читатель и книга, которые должны быть отнесены к среднему типу в *одном* отношении, обыкновенно оказываются в числе крайних типов в *других* отношениях. Таким образом, дело сводится к необходимости возможно *разносторонней* оценки и читателя и книг, и к подыскиванию для него таких книг, которые по большинству своих тех-

нических и социологических особенностей наиболее соответствуют его собственным типическим чертам. Этим способом облегчение самообразовательной работы будет достигнуто, и если почему-либо и не вполне, то во всяком случае полнее, чем при руководстве одними лишь списками «вообще хороших книг».

Такая постановка делает еще одно важное дело. Она помогает читателю данного типа приобретать качества противоположных, т. е. не его типов, — иначе говоря, помогает выработке *гармоничной личности,* возможно разносторонней и приспособленной к возможно разнообразным формам и приемам умственной работы. И правда, читатель индуктивного типа, чтобы сделаться человеком разносторонне образованным, должен вырабатывать в себе способность и к дедукциям, аналитик — и к синтезу, и т. д. Самообразование предполагает уменье читать *всякие* книги. Но этого сразу не достигнешь. Кроме того, для человека *определенного* типа сама природа кладет предел, который вряд ли он может переступить дальше определенной черты. Подобно тому, как человеку не музыкальному и вообще не «эстетическому» хотя и нужны и полезны, в смысле общего развития, и музыка, и эстетика, но такие люди обыкновенно не способны делаться ни музыкантами, ни эстетиками. Правда, нельзя отрицать полезности и необходимости музыкальных и эстетических упражнений для каждого человека, но в человеке немузыкальном, неэстетичном от природы положенный ему предел обыкновенно очень скоро дает себя чувствовать: во всяком случае, гораздо легче обучается музыке человек музыкального типа, чем немузыкального. Подобно этому приходится рассуждать и о всех других типах и типических чертах. Человек дедуктивного типа может легче всего усвоить данную науку по дедуктивным книгам, а не по книгам типа индуктивного. Хорошим аналитиком вряд ли когда сделается синтетик, а аналитик лишь в исключительных случаях ярко проявляет способность к синтезу.

Когда же сама жизнь заставляет человека вооружаться возможно быстрее и знанием и пониманием, и настроением, тогда перед ним естественно возникает вопрос: да каким же способом возможно скорее и прочнее это сделать? Жизнь требует также и разностороннего вооружения. Приобретать это последнее, как учит также и педагогия, необходимо, опираясь опять-таки на индивидуальную психологию, — другими словами, теория психологических и социологических типов является и здесь естественным и необходимым фундаментом.

Спрашивается теперь, как же определять типы читателей и типы книг? Ответ на первый из этих вопросов дает опять-таки индивидуальная и прежде всего экспериментальная психология.

В настоящее время вопрос об изучении личности в ее типичных, характерных проявлениях привлекает очень большое внимание и в России, и за границей. Чуть ли не десятками можно считать всякого рода программы для его исследования. Суще-

ствуют даже особые атласы по экспериментальной психологии, содержащие целый ряд таблиц, при помощи которых нетрудно определять и в себе самом, и в других типы разных психических особенностей и познавать их, в некоторых случаях, не только в качественном, но даже и в количественном отношении. Но для того чтобы дело самообразования поставить на почву индивидуальной психологии, вовсе и не требуется чересчур детальное исследование личности или самоисследование. Достаточно определить лишь некоторые свои черты, наиболее характерные, а именно: память, внимание, склад ума и характер мышления <...>, эмоциональность и волю. Особенно характерен *склад ума.* Превосходно помогает ориентироваться в своих собственных (и чужих) качествах и программа Лазурского (подробная). Уже такое самоформулирование чрезвычайно помогает делу самообразования и при помощи простейших приемов позволяет поставить вопрос на ту почву, о которой шла речь в начале главы.

Гораздо труднее обстоит дело с психологической и социологической оценкой *книг,* точнее говоря, приемов, методов изложения *данного* предмета в той или иной книге. Такая оценка может быть делаема опять-таки не очень детально, но во всяком случае вполне практично и вполне достаточно, чтобы принести большую пользу на практике.

За нее должны были бы взяться прежде всего ученые и педагогические комиссии, составляющие всякого рода «программы для самообразования» и «домашнего чтения» и «рекомендательные каталоги» и имеющие возможность сосредоточить в своем составе компетентные силы. Как известно, вся работа таких комиссий сводится в настоящее время к составлению списков хороших книг, которые и рекомендуются всем желающим. Но составлять только такие списки для людей, работающих над самообразованием, этого еще мало. Необходимо составить каталоги не только рекомендательные, но и психологические, указывая в них психологические свойства книг, а в них давать не только общие отзывы о научных достоинствах или недостатках данной книги, но и отмечать (напр., условными буквами), какого типа памяти, внимания, склада ума и проч. требует от читателя рекомендуемая книга. Имея под руками такие каталоги, читатель будет выбирать по ним не только книги хорошие, но и для него лично *подходящие.* Но так как до сего времени таких психологических каталогов еще не существует, а работающие над самообразованием считаются сотнями тысяч, то пока что надо поискать какого-либо другого приема для удовлетворения той же насущной потребности. Самым простейшим приемом для тех, кто живет в местности, изобилующей книгами, является *рытье* в книгах, их пересматривание и перелистывание, наталкивающие иногда именно на ту книгу, которая соответствует и психическому типу данного читателя. «Выбирание книг по своему вкусу» — таково вульгарное выражение в сущности пра-

вильного приема. Поэтому нет даже слов, чтобы рекомендовать всякому читателю возможно больше и при всяком удобном случае рыться в книгах, всячески расширяя свое знакомство с ними на практике. Необходимо книги просматривать, перелистывать, пробовать, читать, искать и искать хотя бы даже и ощупью именно ту книгу, которая подходит для *твоего* типа. Дело рецензентов — судить и оценивать *научность* данной книги и описывать ее содержание, характеризуя ее с точки зрения бесстрастной истины и социальной и этической справедливости. Дело же читателя — определить свой собственный тип и тип подходящей для него книги. Но, повторяем, то, что может теперь делаться только ощупью, должно быть поставлено в конце концов все-таки на правильную и научную почву и перейти в руки компетентных людей в лице разных педагогических и иных комиссий. Впрочем, от этих последних рекомендуемое нами новшество (которое кажется нам не бог весть как страшно) немного и потребует. Напр., составителям самообразовательных московских и Спб. программ * все рекомендуемые ими книги превосходно известны. Остается лишь выработать типы условных значков для характеристики психологических и иных сторон книг. Но и это может быть заменено краткими описаниями книг. <...>

Классифицируя по типам психические и иные стороны людей и книг, и обозначая тип каждого психического качества теми же условными значками, мы не можем не прийти к мысли о возможности выражать не только книгу, но и любого читателя *его собственной формулой,* так как каждый человек — не что иное, как лично ему свойственная комбинация определенных типических черт разных психических проявлений. А если представляется возможность выражать такими же формулами и книгу, и читателя, то, выразив их, можно и сопоставить, и сравнить их формулы.

А видя перед собой формулы разных книг по одному и тому же предмету и зная свою собственную, можно и выбрать, на основании такого сравнения формул из этих книг наиболее подходящую. И это будет книга *действительно* подходящая, т. е. такая, которая вряд ли пролетит над головой читателя, не задевая ни его чувства, ни его воли и вряд ли окажется в полном противоречии с социальными условиями его жизни. Вряд ли можно сомневаться, что благодаря этой психологической постановке дела действительно хорошая книга действительно приблизится к жизни, а друзья истины и справедливости с помощью книг бесконечно выиграют в своей силе. А так как, в конечном итоге, всякая идея проверяется фактами жизни — жизни в ее целом, то ни истина, ни справедливость от такой постановки дела никакого ущерба не потерпят. От нашей постановки школьного и внешкольного чтения не гг. Передоновы * выиграют — выиграет жизнь. Эта постановка — не более как орудие, но такое орудие, которым всякий может и должен воспользоваться в защиту соб-

ственного «Я» от налезания на него всяких других Я, в том числе и передоновского. По нынешним временам необходимы возможно более доступные для всех средства самовооружения и знанием, и пониманием, и настроением. Настала пора популяризировать их и применить.

VI—VII

КОЕ-ЧТО О СПОСОБНОСТИ И НЕСПОСОБНОСТИ К САМООБРАЗОВАНИЮ И О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ СТОРОНЕ ЧТЕНИЯ

Изложив на предыдущих страницах главные соображения, заставляющие нас положить принцип индивидуализации самообразования во главу угла, попробуем теперь, опираясь на этот принцип, устранить и некоторые практические трудности, встречающиеся на пути в такой работе.

Одна из них и, думается нам, одна из главных, так как она останавливает многих и многих, заключается в недоверии к самому себе со стороны людей, принимающихся за самообразовательную работу, — недоверие к своим силам и способностям. Такие самонедоверчивые люди то и дело говорят себе: «Что я могу для себя сделать? Жизнь моя так сложилась, что я вышел вот каким, не больно-то талантливым». Другие же прямо решают: «Я неспособный, я глупый». Или: «Время для такой работы уже прошло для меня — память ослабла, ум завял, жизнь заедает, свежесть души утеряна» и т. д.

На основании нашей переписки с *тысячами* читателей в течение десятков лет, на основании многих сотен примеров, свидетелями которых мы были, фактов, которые видели, признаний, которые мы слышали и которые в наших руках и будут в свое время обнародованы, а отчасти уже и обнародованы, и со всей силой убеждения, которая жжет нашу душу, мы позволяем себе сказать таким людям: неправда! Ни для кого не может пройти время для самообразовательной работы. Нет таких способностей и даже неспособности, которых нельзя бы было пустить в ход и использовать. Нет таких сил, даже самых маленьких и ничтожных, которые не помогли бы даже скромному из скромных хоть немного расширить, углубить, возвысить, украсить свою жизнь и слиться с тем, что есть особенно светлого и святого в жизни человечества. Что значит большие или малые духовные силы, ум способный или неспособный? Могут тянуть человека вперед и вверх как те, так и другие, подобно тому, как на высоту горы ведут и крутые тропинки, и широкие, удобные для путников дороги. Правда, по крутой тропинке труднее взбираться иному пешеходу на гору, с высоты которой солнце будет видно и ему; но вопрос не в том, что *трудно* взбираться — это вопрос воли и усидчивости. Вопрос в том — разве лучше не взбираться,

а сидеть внизу горы и вздыхать «на реках вавилонских» и о высоте, и о солнце, которое с высоты видно и там, на высоте, и светит и греет. Да одного сознания этого сидения внизу горы достаточно, чтобы оно всю жизнь грызло душу человеческую — вот, мол, «не попробовал хоть что-нибудь сделать для того, чтобы подняться, — не попробовал хотя бы ползти вверх». С другой стороны, даже сознание самого факта — этого самого «хотя бы всползания» уже облагораживает, подкрепляет душу, когда человек видит самого себя не в виде студня расплывчатого, а в виде существа, не примиряющегося с затхлостью болота, с узостью жизни и с ее шаблонностью, наконец, со своею безличностью, а все-таки идущего вперед и вверх и все-таки тянущегося к свету и к свету. Всякой мало-мальски живой душе человеческой нужен самый *факт* всползания, независимо от вопроса о способностях, нужно *делание,* работа самообразовательная, поднимающая дух и окрыляющая надеждой. Но и этот последний вопрос о способностях нуждается еще в разъяснении и во всяком случае — в исследовании и обсуждении. Сущность же его заключается вот в чем:

Спросим себя прежде всего, да что же это такое — человек способный и что такое человек неспособный?

Немало на свете таких людей, которые сидят сложа руки и ведут если не звериную, то куриную жизнь только потому, что не уверены в своих способностях. Таких можно спросить: а вы пробовали ли, и *со всех ли сторон* пробовали свои способности использовать? Наверно, огромное их большинство, если оно искренно, настоящей и полной пробы своих сил не производило над собой, во всяком случае, никто и никогда не может решить и быть уверенным, что все пробы *уже сделаны,* исчерпано уже все возможное. Кроме того, вопрос о способностях — в очень значительной степени вопрос о желаниях и настроениях. Если я чего-нибудь действительно сильно и страстно хочу, тогда у меня и способности являются, потому что тогда вся моя душа, весь я горю этим желанием. Кислое настроение, предвзятые убеждения в том, что моя попытка во всяком случае окончится неудачно, уж, разумеется, не могут способствовать самой работе. Мы лично убеждены, и экспериментальная психология, опытным путем исследующая душевные проявления и способности отдельных людей, служит опорой этому убеждению, что каждый человек к чему-нибудь да способен. Не о способностях нужно говорить, а *о каких именно и к чему именно способностях.* Не забудем, что гимназическое начальство признало когда-то неспособным и Белинского. К числу таких был сопричислен гг. педагогами и Глеб Успенский. Канта его кухарка считала дураком и была права со своей точки зрения, потому что Кант, работая над «Критикой чистого разума», действительно был неспособен к кухонной стряпне и к домовитому устройству всяких жизненных мелочей и обыденных дел. Миллионы людей числятся и

даже сами себя считают неспособными потому, что делают почему-либо то дело, к которому они действительно непригодны, и не делают того, к чему несомненно способны. Эта, в сущности, банальная истина не так банальна, как кажется, если взглянуть на нее с точки зрения исследования способностей. Нередко, напр., способными людьми называются люди с хорошей памятью: такие быстро впитывают в себя отовсюду и факты, и идеи, и делаются богатыми ими. Но присмотритесь к этой самой памяти — и окажется, что память памяти рознь: есть люди, которые превосходно запоминают *все,* что придется, но вместе с тем плохо систематизируют, плохо обобщают и обсуждают. Такие люди в одном смысле — люди способные, но они же в другом смысле (как не умеющие ни в чем ориентироваться) мало чем отличаются от дураков. Если они возьмутся за рассуждения или за чтение философских книг, они их запомнят, не поняв. Тип зубрил тоже всем известен. Другие люди, напротив, отлично запоминают ход рассуждений, а из фактов — только те, которые именно их иллюстрируют, но совершенно не способны запоминать вообще разбросанных пестрых фактов, формул, годов. Читатель этого последнего типа лишь с величайшим трудом может читать книги, бесконечно пестрящие фактами. <...> Чему же тут удивляться, что *такой* читатель легко может счесть себя неспособным с первого же абцуга[1], если схватится на первых же порах за такую книгу, которая не подходит к складу его памяти? И, действительно, к *этому* чтению *такой* книги он не способен. Но тот же самый читатель, как об этом было сказано в предыдущем письме, поймет и запомнит книгу по той же самой всеобщей истории и химии, если попавшаяся ему книга преподнесет эти же самые науки в виде *рассуждений,* т. е. в той форме, которая именно свойственна складу ума этого читателя в наибольшей степени. И вот человек, выбравший себе книгу по типу своего ума, вдруг начинает чувствовать, что о своей собственной «неспособности» вовсе не приходится и говорить ему. То же самое явление наблюдается при выборе книг с точки зрения эмоций, т. е. чувств читателя. Громадное большинство начинающих читателей — люди более или менее цельные, т. е. такие, у которых ум, чувство, воля представляют нечто нераздельное, тесно связанное, единое. Читатель не всегда способен отделить идею от эмоций, чувств, от настроений, ее сопровождающих, и вникая в какое-либо явление или читая какую-либо книгу, довольствоваться лишь тем, что книга эта затрагивает только интеллектуальную сторону его души. Для него этого недостаточно: он требует от книги (то бессознательно, то сознательно), чтобы она затрагивала *всего* его, как личность *цельную.* Книгу, сухо написанную, без настроения, без эмоций, он, человек с эмоциями, читает с большим усилием. Такая книга валится у него из рук,

[1] с самого начала. — *Ред.*

подобно тому, как было, напр., и с Глебом Успенским, который не мог читать такого рода сухих, жестких, отвлеченных книг. Читатель эмоционального типа чувствует себя неспособным читать и отвлеченные книги сухого, рационалистического типа. И наоборот, книги, проникнутые настроением, нередко кажутся читателю отвлеченного склада ума «ненужной болтовней». Он бракует сочинения целого ряда общепризнанных, известных авторов; он чувствует, что они не дают ему того, что дают многим другим. Почему? Кто или что причина этому? Читатель думает иной раз, что этому причиной его «неспособность». Вовсе нет. Суть дела тут все в том же — не в *неспособности, а в индивидуальности,* т. е. в личных особенностях данного читателя. Еще резче несоответствие читателей типа практического, делового, с книгами типа теоретического, отвлеченного. Такого рода книги кажутся читателям этого типа «никчемными, заоблачными рассуждениями», «мечтаниями», «фантазиями», «зданиями, построенными на песке»... Вывод отсюда ясен: *при работе над своим самообразованием вопрос о неспособности упраздняется, если работающий над самообразованием построит эту свою работу на принципе индивидуализации чтения и станет искать книгу не только хорошую, а книгу подходящую — подходящую к индивидуальности данного читателя.* Если для него действительно во всей литературе всего мира вовсе не найдется по интересующему его в данный момент вопросу каких-либо подходящих книг, ну тогда пусть он говорит о своей «неспособности». Но мы лично, на основании изучения даже только одних русских книжных сокровищ, определенно можем сказать: каждый человек, какого бы типа он ни был, по *любому* вопросу может найти книгу, которая даст ему знания в той именно форме, которая именно ему, этому читателю, необходима. Так мы и поставили нашу переписку с читателями на эту почву. Прежде всего мы стараемся в нашей переписке определить *личность* читателя — некоторые его индивидуальные особенности, а именно память, склад ума, подготовку, интерес. По этим данным мы стараемся подыскивать для него книги по интересующему его вопросу, и при такой постановке дела, по крайней мере как это выяснила наша практика, людей, действительно не способных к самообразованию, в сущности, не оказалось. Если иногда выходили недоразумения, они были во всяком случае скорей по нашей, чем по их вине. Правда, преподаватель, не умеющий приспособиться к ученику, нередко говорит о его «небольших способностях»; но мы на свою душу такого греха взять не осмелимся и в неудачных случаях виним самих себя, а не принцип индивидуализации, и потому после сделанного опыта еще более убежденно утверждаем, что каждый человек, хоть немножко, хоть очень тихо, а может идти и вперед, и вверх.

Таким образом, вопрос о размерах способностей сам собой отпадает и во всяком случае отодвигается на задний план, теря-

ет свое устрашающее значение. Вместо него выступает следующий вопрос — вопрос действительно громадной, практической важности. Это вопрос *о возможно полном использовании своих наличных способностей.* Жалеть и плакаться о том, что я не имею больше того, что у меня есть, дело по существу действительно праздное и ни к чему не ведущее. Чего не дано, того и не дано — не природу же проклинать за это. Но вот если я не сумел использовать того, что я действительно уже имею, и не сделал никакой попытки развить наличность своих сил — это уже настоящее преступление и против общества, в котором я живу, и против самого себя, пострадавшего от такого преступления. Попробуем теперь наметить в некоторых основных чертах кое-какие практические приемы такого самоиспользования, т. е. утилизации всех своих наличных способностей.

Мы должны теперь говорить: а) о количественной стороне чтения, б) о его качественной стороне. Говоря же об этой последней, мы должны дать ответ на следующие вопросы: 1) Как выбирать для себя действительно подходящие книги, т. е. книги, соответствующие моим личным особенностям? 2) Как разбираться в этих, для меня подходящих книгах, которые из них считать «хорошими», которые «нехорошими»?

А. *Кое-что о количественной стороне чтения.* Когда говорят о работе над самообразованием, под этой работой обыкновенно подразумевают возможно осмысленное и систематическое *чтение,* прежде всего чтение. «Нужно прочитать книги по таким-то вопросам». «Нужно одолеть такие-то науки, просветить себя по таким-то отраслям знания». Такие мнения, хоть и общераспространенные, нуждаются в больших поправках — они далеко не так справедливы, какими кажутся. Во-первых, нельзя смешивать *чтение* с самообразованием. Правда, осмысленное и систематическое прочитывание книг — главнейший способ самообразования. Но это последнее еще не заключается в одном только чтении, о чем мы говорили и будем говорить. Среди людей образованных немало таких, которым больше всего дали не книги, а сама жизнь — житейские столкновения, совместная работа и беседы с умными и образованными людьми, пребывание, стояние у хорошего дела и участие в нем, путешествия, хождение по музеям и т. д., и т. д. Люди кабинетного типа, содержательные и вдумчивые, предпочитают обыкновенно самообразование книжное, люди же типа двигательного, активного, которым тяжко сидеть в кабинете, среди книг, вроде как «прикованными к книгочтению», предпочитают самообразование посредством более активных приемов. Таким около книг сидеть тошнехонько. Но значит ли из того, что это все люди — «неспособные к самообразованию»? Полагаем, что совершенно обратно, наибольший интерес для общества и народа представляют типы двигательные, потому что они-то главным образом и творят жизнь. Поэтому, если человек такого типа пишет: «Я очень люблю самообразова-

ние и стремлюсь к образованию, и желаю от всей души сделаться действительно образованным человеком, но *книг читать не люблю»,* про такого мы никогда не скажем: это человек отпетый. «Ищите в таком случае *других способов* для достижения вашей цели, — скажем мы ему. — Постарайтесь найти и поставить себя в такие условия, которые *вам* дадут то, чего вы сами, благодаря вашим личным особенностям, взять не можете». Этих людей действительно сама жизнь воспитывает, и нередко они умеют брать от жизни столько, сколько не сможет взять от нее даже самый образованный человек. Ярким примером людей такого типа может служить один известный издатель, «книжный король» И. С.[1], с которым пишущего эти строки связывают многолетние дружественные отношения. Правда, И. С. нигде не окончил курса, не натаскан в математике, геологии, правоведении, но так отчетливо знает и понимает жизнь и людей и их психику, практично вникает в них, проявляя энергию истинного американца, что в этом отношении за И. С. мало кто угонится и в *этом* отношении про него действительно можно сказать — это человек по-своему интеллигентный и образованный, человек, который знает и творит жизнь, расширяя и расширяя ее. Громадные знания, которыми этот человек обладает, все выловлены им из воздуха, и вряд ли можно сомневаться, что если бы такой активный тип в детстве был подвергнут школьной муштре, она бы его забила, ошаблонила и погубила бы. Оставляя в стороне личные недостатки и даже общественные дефекты, которых немало у каждого человека, мы встречаем в русской жизни миллионы людей двигательного типа, которым можно только посоветовать *«не зарывайтесь в книги — это не ваш способ самообразования.* Ваш же — в самом принципе жизненного творчества. Самое большее, что вам требуется, — принудить себя прочесть и усвоить маленькие из маленьких учебников — и затем дополнять их наукой текущей жизни». В Западной Европе миллионы людей приобретают свою культурность и научную «натасканность» таким именно способом. Они встречаются во всех общественных классах. Они черпают свое образование из воздуха и из текущей прессы. Многие систематизируют его, будучи уже взрослыми людьми, по детским учебникам. Тем не менее это истинные интеллигенты, и парламенты и литература всех стран дают целый ряд блестящих имен, за которыми скрываются именно люди такого типа, получившие свою громадную образованность (в лучшем смысле этого слова) от жизни. Если бы люди двигательного типа стали читать много и долго, никакого толку, думается нам, от этого многочтения не вышло бы ни им, ни той стране, где они живут. Наиболее разумный способ самообразования для таких людей состоит, по нашему мнению, в том, чтобы подхо-

---

[1] Имеется в виду замечательный русский издатель-самородок И. Д. Сытин. — *Сост.*

дить к общей системе знания, изложенного в одном из предыдущих писем, со стороны знаний прикладных, практических, а что касается до теорий, то знакомиться с ними попутно, как с выводами, с резюме фактов практической жизни, знание которых — то же, что знание той жизни, в какой участвуешь. Правда, двигательный тип еще не значит практический тип, но совпадение между ними настолько обыкновенно и часто, что сделанное выше указание имеет, как нам кажется, практическое значение. Есть и другие типы, буквально неспособные к многочтению, к тому же без всякого ущерба для себя. Человек с обостренным вниманием, умеющий обращать его на всякое слово читаемой книги, из одного хорошего руководства берет столько же, сколько другой может взять лишь из многих книг. То же можно сказать о человеке вдумчивом, человеке с хорошей памятью и т. д. При недостатке же внимания, вдумчивости, памяти многочтение более или менее необходимо. То же можно сказать и о читателе конкретного типа, т. е. такого, который не довольствуется усвоением общих понятий и общих слов, а всякое из них старается выразить в определенных жизненных формах и даже образах. А так как, по нашему мнению (как о том будет еще сказано), именно такие знания — **идеал знания,** то людям с отвлеченным типом мышления знакомство со *многими* книгами иногда совершенно необходимо, так как без него им очень трудно переводить отвлеченные идеи и факты на конкретный язык жизни, хотя в *отвлеченных* книгах люди этого типа могут разбираться с необыкновенной легкостью, за какой не угонится никакой человек конкретного типа.

Из предыдущего следует, что далеко не для всех людей пригоден совет: «читайте больше». Вместе с тем есть люди других типов, и их немало, которым можно и даже должно посоветовать: читайте больше, как можно больше, потому что *вам* это необходимо, иначе вы не сможете вооружить себя ни знаниями, ни пониманием, ни настроением, которые так нужны в жизни и жизненной борьбе. Вы можете сделаться сильными только таким способом.

Б. От количественной стороны чтения переходим теперь к *качественной стороне.* Перед нами возникают прежде всего следующие вопросы:

1) Когда я могу сказать про себя, что я действительно что-нибудь знаю и понимаю? Что, собственно, может убедить меня в этом?

2) Что собственно я должен вкладывать в свою голову из прочитываемой или изучаемой книги для того, чтобы сделаться действительно образованным человеком?

На первый вопрос превосходный ответ дал знаменитый О. Конт: «Знание ведет к предвидению, предвидение к действию». Первое есть лишь *средство,* как мы не раз уже напоминали в этой книжке; последнее есть цель. Как известно, благими

намерениями и мыслями и ад вымощен, но там от этого страдальцам живется не лучше. То же самое и на этом свете. Только тогда я могу сказать о себе самом, что я действительно обладаю знанием, когда я это знание сумел *применить к жизни,* к делу, понимая это применение в широком смысле слова. Человек, который отлично изучил, например, теории Маркса или Дарвина, но не способен видеть в жизни тех фактов, в том числе и мелочи из мелочей, которые подтверждают или опровергают эти теории, в сущности, не должен считать себя образованным даже в этой своей области. Он в данном случае вовсе не человек, а ходячая библиотека или записная книжка — хотя в них и много хорошего может заключаться, но от жизни они все-таки отрезаны своим непониманием ее. Мысль, не внедряющаяся в жизнь и ее не толкующая, вовсе не живая мысль, а схоластика, декорация мысли, от которой жизни ни тепло, ни холодно. Пусть вы даже человек созерцательного, вдумчивого типа, и все-таки вы должны смотреть прежде всего в жизнь, в ее факты, а не в книгу. Ведь жизнь нуждается и в людях, могущих вникнуть в нее со стороны. Зачем же в таком случае людям этого типа отворачиваться от того, где именно их созерцательность со стороны и нужна, и полезна? Таким образом, ценность людей созерцательного типа все-таки измеряется жизнью же и тем, что они вносят в ее понимание. Тем более жизнью должны измерять ценность своих знаний и своего понимания люди более активного типа, не столь отвлеченные. Жизнь есть прежде всего творчество — творчество мысли, чувства, воли и т. д., все равно, в какой бы области оно ни проявлялось, но во всяком случае творчество. А чтобы творить, необходимо прежде всего, как мы уже говорили, выработать в себе уменье разбираться в обстоятельствах, в которые человека ставит судьба. Этого уменья, в сущности, не может быть, если вы, накопляя знания и идеи, не будете стоять, так сказать, всегда настороже. Всякую идею, всякий факт, вычерпанный из какой-либо книги, как мнение или рассказ о фактах, необходимо подвергать критике или, если возможно, проверке, коли не лично, то по другим проверенным, солидным источникам. Такая критика и проверка — тоже *дело,* делание, активное отношение к окружающей действительности. Проверка — это значит непосредственное сопоставление и даже столкновение моих идей и знаний с фактами, т. е. с жизнью. Только это и может убедить меня в том, что я действительно что-нибудь знаю и понимаю. Верховный судья всякого знания и теории — *жизнь.* Всегда и везде она, только она.

А из предыдущего следует, что, работая над самообразованием, отнюдь нельзя забывать о том, что от всякой идеи и теории, будь они правильны, должна существовать не только соединительная ниточка, но и настоящий, прочный мост, ведущий к фактам, которые и представляют из себя их фундамент, базу. Вот вы усвоили из какой-нибудь книги какие-либо общие отвле-

ченные понятия. Вот они кажутся вам очень ясными и простыми, и справедливыми, и доказательными, и как будто доказанными. Но так ли это? Чтобы ответить на такой вопрос, подыщите факты из *вашей* или вам доступной жизни, непосредственно вами пережитые, виденные или узнанные из солидных источников и т. п. Сделайте в вашем уме подстановку и замену идей и теорий фактами. Если сейчас их не вспомните, то поищите в другой раз. Если и тогда не найдете — постарайтесь впоследствии не забыть того, что вам необходимо, — держите пока что и теорию под вопросом, *не принимая сразу* на веру, пока вы, в конце концов, действительно не построите мостика от этих отвлеченных идей и теорий к фактам. Если вы будете думать только об идеях да о теориях, они, чего доброго, будут висеть в вашей голове, словно облака над землей, а вы сами будете пребывать не то в этих облаках, не то в земном тумане, не видя самой земли. С другой стороны, для понимания фактов необходимо сравнивать их между собой, классифицировать, обобщать, классифицировать самые обобщения и обобщения этих обобщений, и их отношения, и связи, и зависимости между ними и т. д. — словом, заботиться о том, чтобы в голове не было сумбура, а был бы порядок, *система*. Кроме того, только систематизируя свои знания, можно подмечать и заполнять пробелы в них, а вот эти-то пробелы в знаниях и есть та внутренняя язва, которая отличает так наз. «самоучку» от человека действительно образованного. Как известно, самоучка набирается знаний, как говорится «оттуда и отсюда, и понемножку ниоткуда», набирается беспорядочно и случайно; поэтому немудрено, что, зная и понимая кое-что в той или иной области, он сплошь да рядом не знает и не понимает самого главного, самого существенного. И вот вместо этого, «на этом самом месте» — у него зияющая пустота, дыра. С первого взгляда кажется, что каждый человек без особенного труда может определить все пробелы в своих знаниях. И правда, как будто стоит лишь взять первый попавшийся учебник и прочесть хотя бы его оглавление — даже только его — и уж с его помощью можно составить список этих своих существенных пробелов. Но это совсем не так. Читатели, у которых имеются в голове зияющие пробелы, не могут решить по одному оглавлению, какие отделы книги и какие знания, в них излагаемые, существенны, а какие нет. Для того чтобы решить это, необходимо *прочесть* книгу и вникнуть в нее. Но ведь миллионы книг отгорожены от миллионов людей и формой своего изложения, и дорогой ценой, и, наконец, при российском малокнижии, своею *редкостью*. Наша земля велика, но книгами не обильна. В ней около 600 тысяч «населенных мест», но даже самые распространенные книги печатаются не более как в количестве 50 тысяч экз. Другими словами, на 10 населенных мест приходится всего лишь по 1 экз. Таким образом, у нас всякая книга — вроде как библиографическая редкость, которой не сыщешь. Тем не менее вся-

кий желающий, всякий самоучка в настоящее время имеет уже возможность при очень незначительных затратах с своей стороны получить очень определенные понятия о *системе знаний* вообще, о их круге, далее, о *системе знаний в области каждой отдельной науки*. В настоящее время русский книжный рынок богат хорошими книгами. Существуют по каждой отрасли знания небольшие и элементарные учебники, каждый в 100—150 страниц, популярные и в научном смысле очень ценные (напр., изданные Т-вом «Мир», Т-вом Сытина, «Провинцией», Е. Трауцкой, «Сотрудником», Пироговским товариществом и т. д.). Как бы ни был элементарен такой учебник, во всяком случае в него входит то, что *наиболее существенно* в данной науке. Вопиющих пробелов в нем нет. Мы уже упоминали выше, что даже люди двигательного, практического типа могут пользоваться такими учебниками при всей своей нелюбви к «многочтению». <...>

Сводя вышесказанное к одному, приходим к таким выводам:

1. Работая над самообразованием посредством чтения, следует прежде всего помнить о жизни, жизни и жизни, т. е. о *ее* фактах, о *ее* явлениях.

2. Именно ими, именно ею нужно проверять всякую теорию, даже всякое общее понятие, общее слово.

3. Нужно даже бояться общих слов и общих мест, которые обыкновенно *кажутся* очень ясными и понятными, потому что мы понимаем их *филологическое* значение (т. е. как слова), но которые на самом деле еще непонятны, если не могут быть сведены нашим мышлением к явлениям жизни.

* * *

Присмотримся теперь к некоторым деталям вопроса о качественной стороне самообразовательного чтения.

При знакомстве с какою-либо отраслью знания, необходимо изучение:

а) *фактов,* потому что они-то и составляют основу всякого знания;

б) истории *исследования* этих фактов, истории их открытия и методов, способов, при помощи которых эти открытия совершены, потому что, не зная тех способов, с помощью которых добыты те или иные факты и найдено их объяснение, невозможно решить, правильно ли они растолкованы и обобщены, истина ли все это;

в) объяснения фактов и методов, т. е. *теорий,* потому что они-то и проливают свет в тот сумбур жизни, который мы видим вокруг, дают мышлению некоторую систему;

г) изучение *разных* теорий, даже противоречивых, — сопоставление и сравнение их между собой имеет огромное значение для развития ума, потому что, прежде чем принять что-либо за

истину, нужно обсуждать всякое ее утверждение, обсуждать с разных, по возможности со всех, сторон;

д) *истории этих теорий,* т. е. истории стремлений человеческого ума к познанию возможно полной истины, потому что огромное большинство теорий, как и гипотез, придуманных людьми, имеет *лишь временное* значение, и, благодаря своей неполноте и несовершенству, полезно лишь до поры до времени, пока не найдутся гипотезы и теории более глубокие и полные.

История человеческих стремлений к познанию истины представляет величайший интерес и имеет громаднейшее значение для всех работающих над самообразованием. Знакомство с этой историей лучше всего показывает, сколь малоценны всякого рода *догматы,* попросту сказать, голословные или полуголословные утверждения, не проверенные, а иногда и недоступные проверке и даже критике. Одною из особенностей людей необразованных является *страсть к догматам.* По отношению человека к ним лучше всего можно отличить того, кто действительно интеллигентный, мыслящий человек, от неуча, умеющего говорить ученые слова и повторять на разные лады и разными словами ученые теории, где-нибудь вычитанные, но не способного доказывать их. Догматами богато не только богословие. Ученые люди тоже не чужды им, если принимают на веру ту или иную гипотезу и даже теорию. Но особенно грешна в догматизме разного рода полуневежественная масса. <...>

Между тем совершенно иначе подходит к теориям и фактам жизни настоящий ученый — человек науки. К фактам жизни он идет *без* предвзятых теорий, к теориям он подходит с фактами в руках. И в том и другом случае для него дороже всего истина, а истиной он считает только то, что может быть доказано всеми способами и что выдержит *всякую* проверку. Разумеется, при таком подходе к истине настоящий человек науки всегда будет очень осторожен и в своих наблюдениях, и в своих выводах. Он не будет бояться критики, он сам сделается первым критиком самого себя. Особенно поучительна в этом отношении биография Дарвина. Знаменитый ученый родился в 1809 г. Ему было 29 лет, когда он додумался до следующего: а что, «если собрать *все* факты (так писал он сам), касающиеся тем или иным образом изменений животных и растений в домашнем и естественном состоянии? Ведь это, *может быть,* пролило бы *много* света на тайну о их происхождении». «Первая моя книга для заметок, — рассказывает сам Дарвин, — начата была в июле 1837 г. Я работал согласно принципам действительно научного исследования, формулированным Ф. Бэконом, и без всякой теории собирал в огромном количестве факты — в особенности факты, касающиеся прирученных пород. Я составлял для этого печатные циркуляры и, куда мог, рассылал их по разным сведущим людям — практикам, беседовал с опытными садовниками и скотоводами, много читал. Когда я пересматриваю список книг всякого рода,

которые я прочел и конспектировал, включая сюда массы журналов и «Трудов» научных обществ, то я поражаюсь своему собственному трудолюбию. Я скоро заметил, что тайной всех успехов человека в выращивании полезных пород растений и животных является отбор. Но для меня оставалось некоторое время тайной, каким же это образом применяется этот отбор к органической жизни в естественном состоянии»*. Но, собравши громадное количество фактов, Дарвин на этом не остановился и на поставленный им самим вопрос стал искать точного и достоверного ответа, этому разнообразию фактов стал искать научного объяснения. Начал он и это дело с реального знакомства с фактами (т. е. не только с *описаниями* их, а так сказать их ощупыванием при помощи собственных глаз, ушей, рук, затем с собирания и сортировки (классификации) фактов, с их «систематического исследования».). Основываясь именно на таком исследовании, Дарвин пустился в поиски истины. Он поставил новый вопрос: «Нет ли такого закона природы, который управляет жизнью растений и животных, подобно тому, как это происходит и в мире небесных светил?» Но что такое закон природы? Эти слова кажутся как будто понятными и известными каждому. На самом же деле, это не более как *общие слова,* отвлеченные и непонятные. Когда говорят о законе, то всегда думают, что есть и законодатель, который постановил этот закон и приказал ему повиноваться под страхом насилия со стороны власти, как это всегда бывает среди людей. Но ведь природа — не люди, и слова, подходящие для человеческого общества, могут быть вовсе неприложимы к жизни природы.

Так оно на самом деле и есть. Слово «закон» в том юридическом смысле, разумеется, не подходит к природе, потому что в природе существуют только факты и факты, явления и явления. И вот на них-то и смотрит и их-то и видит человек. Но что же он еще видит? *Больше ничего...* Все прочее — дело *его* ума, работа *его мысли.* В мире же фактов человеческий ум подмечает разные сходства и различия. Он их сортирует, обобщает, как бы покрывает одним своим словом множество разных фактов. Разумеется, это *обобщающее* слово, как и вообще мысль, существует *только* в человеческой голове, а не в природе. Там что-то другое, свое, особое, не словесное. То же самое должно сказать и о слове «закон».

Закон природы — это *обобщение фактов, выраженное человеческими словами.* Это *слова,* выражающие природу. «Законы природы», т. е. слова, вовсе не могут *управлять* природой, вроде того как законодательство управляет людьми. Законы природы, как раз наоборот, сами зависят от природы, потому что если переменится она — придется и людям переделать свою кратко выраженную формулировку ее явлений. Ясное дело, что, строго говоря, слова «закон природы» — слова неудачные. Когда говорят о природе, их употребляют *совсем в другом смысле,* — в об-

ратном житейскому. *Звуки* слов — одни и те же, а смысл — совсем другой. Разумеется, это только путает непривычных людей, принимающих без должного вникания «закон природы» словно за что-то непреложное, и это лишний раз показывает, что значат «общие слова», общие выражения и как осторожно надо обращаться со всякими общими словами. Но ведь это только *один* пример такой путаницы. А ведь любая книга дает их тысячи.

Каждое общее слово доказывает то же, что и слова «закон природы» — «смешение своей головы с тем, что есть во Вселенной». То же можно сказать и о слове «природа». Но Дарвин был не из тех людей, которые не понимают настоящей цены общих слов. Он искал *обобщения фактов и их объяснения,* ясного, точного, достоверного и неопровержимого, и старался лишь *выразить немногими словами миллионы миллионов наблюдаемых всюду* фактов.

Под словами «закон природы» Дарвин подразумевал не более не менее как *краткое выражение того, что есть.* И вот он стал искать такого выражения, вполне соответствующего фактам. Но как его искать, чтобы скорее найти? В этом деле сильно помогает работа воображения. Оно как бы подсказывает догадку о самой сути явлений, о сокровенном смысле искомой задачи. Отгадка же является иногда по вдохновению. <...>

Но и догадаться — это лишь начало дела. Как мы уже сказали, вся суть в том, чтобы доказать правильность и точность своей догадки. Дарвин знал, что «если первый шаг — *придумать* теорию, то второй шаг — *не взлюбить ее».* Другими словами, к своей догадке необходимо отнестись *недоверчиво.* Нужно ее подвергнуть проверке и всяким испытаниям, нужно самого себя *раскритиковать.* И вот у Дарвина начался период самокритики, который и тянулся четыре или пять лет. Но Дарвин и этим не удовлетворился. Он решил, что надо поискать еще фактов и подумать над ними, а также и над их объяснениями. Так он и сделал. Лишь через 19 лет он поведал миру о своем открытии в окончательной форме, да и то потому, что ту же тайну природы разгадал в это самое время другой замечательный естествоиспытатель Альфред Уоллес, который находился тогда на другом конце земли, на одном из островов Малайского архипелага. Вот что рассказывает о себе сам Дарвин.

«Наконец я имел в своей голове теорию, с которой мог работать (разбираться в фактах). Но я так боялся возможных ошибок и заблуждений, что решил в течение известного времени не излагать на бумаге даже самого краткого очерка ее». <...>

* * *

Из предыдущего примера видно, до какой степени важно в целях самообразования знакомиться с историей наук. Такой уче-

ный, как Дарвин, — это человек, у которого истина и любовь к истине вошли в плоть и кровь. Но любовь к истине доказывается не только рвением в ее исканиях. Та же история наук знакомит нас с сотнями великих людей, которые не побоялись пострадать за свои убеждения, — точнее говоря, за свое право — право, как личности человеческой, любить истину, идти к истине, доказывать, распространять ее согласно своей совести, своим собственным, а не чьим-то там чужим убеждениям.

История дарвиновского открытия доказывает и то, что значит точное и реальное знакомство *со многими* фактами, не с описаниями их, а с ними самими, и что значат факты и общие слова.

Пример, приведенный нами, дает наглядную их оценку и помогает пониманию относительного значения тех и других.

Понимание этого значения, по нашему глубокому убеждению, *представляет из себя главный, основной пункт самообразования и самообразовательного чтения.*

Нужно работать над самообразованием не для того, чтобы сделаться полусознательным кликушей, вороной в ученых перьях, выкликивающей иностранные слова. Людям, желающим стать действительно образованными, прежде всего надо дать такой совет:

Ищите правды-истины — остальное все приложится.

Тот, кто стремится действительно к ней, — и догматиком не будет, и не станет принимать за истину только слова, а будет думать о самой сути изучаемого — о жизни — не об ученых декорациях.

* * *

В заключение наших рассуждений о качественной стороне самообразования не можем не привести превосходных слов К. Пирсона, формулирующих самую суть научной работы *:

1. Цель науки, говорит Пирсон, заключается в том, чтобы достигнуть истины во всевозможных отраслях знания. Нет такой области или сферы, на которой наука не должна бы распространять своих изысканий.

2. Наука — это прежде всего *научный метод* открытия, проверки и исследования истины. Научный же метод характеризуется следующими чертами:

а. Заботливым и точным классифицированием фактов и наблюдением их взаимоотношений и чередований.

б. Открытием научных законов (в вышеобъясненном смысле слова) при помощи творческого воображения.

в. Самокритикой и необходимостью, неизбежностью признания научных истин всеми нормально мыслящими людьми.

3. Что касается до практического, жизненного значения науки для каждого из нас, то оно сводится к следующему:

а. Наука, научные занятия производят на нас действие, воспитывающее и дисциплинирующее нашу мысль.

б. Наука содействует нам при анализе не только того, что есть, но и того, что должно быть, наших идеалов и социальных задач, связанных с нашими стремлениями осуществить их.

в. Наука повышает практические удобства жизни, которые и возрастают благодаря ей.

г. Эстетические суждения наши тоже получают удовлетворение благодаря ей же.

VIII

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШАЯ КНИГА

<...> Что такое хорошая книга? Вот вопрос, который имеет в наш книжный век, можно сказать, громадное, даже универсальное, значение. Каждый год появляются многие тысячи новых книг. Книги сортируются и бракуются, превозносятся, разругиваются. Но спросим себя: неприятная судьба постигает только ли худые, никуда не годные книги? — Оказывается, вовсе нет. К числу книг, забракованных, не говорим уж правительством, а читателями, целых 200 лет относился Шекспир, которого переделывали на «хороший» лад, «выправляли» не только Вольтеры, но даже и Озеровы, и Херасковы и т. п. А присмотритесь к читающей толпе в любой библиотеке. Она сыплет целым дождем самых суровых приговоров над целыми сотнями и тысячами книг.

Но не только эта пестрая толпа, а также и профессиональные читатели-рецензенты и критики и даже историки литературы не менее строги и, главное, противоречивы в своих приговорах.

Что же такое хорошая книга? Если сопоставить все приговоры, даже о классических книгах, то окажется как будто, что или вовсе нет на свете хороших книг, или все книги хороши, каждая в свое время и на своем месте и для определенного типа читателя. <...>

Но ведь всякий читатель знает по себе, что хорошая книга не миф, что она действительно существует. Для всякого читателя такою книгой будет та, которая именно ему нравится. Таким образом, выходит, что сколько вкусов, столько и хороших книг, и вопрос о книжной оценке ставится исключительно на субъективную почву. А так как о вкусах не спорят, то приходится то же сказать и о книжных оценках.

Но ведь даже и вкусы подлежат классификации. Изучение социальной жизни — интересов, инстинктов, потребностей — доказывает, что всех людей можно разделить и по таким признакам на более или менее многочисленные группы, причем в каждой группе вкусы более или менее окажутся одинаковыми. Это

доказывается, напр., изучением библиотечной и книгопродавческой статистики. Насчет оценки очень многих книг согласны тысячи, а то и миллионы людей. Как мы уже упоминали выше, Э. Геннекен возвел изучение вкусов даже в теорию и на основании изучения книг, с одной стороны, а читателей, с другой, сделал в начале 80-х гг. попытку создать особую науку — «эстопсихологию» *, с определенными задачами и методами исследования. Но библиотечная статистика и вообще изучение читателя показывает, что сравнительно не только с человечеством, но и со своим народом число лиц с более или менее одинаковыми книжными вкусами очень невелико. Наибольшим распространением пользуется, напр., библия. Но одно дело распространение, и совсем другое дело читательские вкусы. Как известно, даже библия нравится далеко не всем читателям. Ее гораздо больше людей *имеют, чем читают*. Кроме того, из того, что книга сильно распространена и что она хоть бы даже *всем* нравится, еще нельзя делать вывода о высоких качествах книги. Дидро писал когда-то: «Если книга нравится многим, — она может быть и хороша; если она нравится *всем* — она наверно *не* хороша; но она наверно хороша, если нравится не многим».

Н. К. Михайловский совершенно справедливо отмечает очень распространенный факт, что нередко пользуются громадным распространением книги, которые «пришлись большинству по плечу потому, что они потакают установившимся предрассудкам и низменным инстинктам и угодили своею успокаивающей плоскостью, своим потворством умственной лени или дурным страстям. Так, напр., бывают исторические моменты, когда широким и шумным успехом пользуются книги, грубо льстящие национальному самомнению и сеющие ядовитые семена племенных раздоров». История русской книги показывает, что нередко получает эти «семена» и наша читающая публика. Далее, русская жизнь богата за последние годы примерами громадного распространения книг таких, которые никем не читаются и хотя и украшают собой официальную книжную статистику и втирают очки в глаза кому следует, но никакого иного воздействия на читающую массу не оказывают. Мы говорим о так наз. черносотенной литературе, которая в 1905 г. распространялась миллионами экземпляров по градам и весям (urbi et orbi), а затем, когда «темные» деньги нашли более удобное применение для гг. сеятелей таких семян, эти последние вдруг «пошли в народ» в сотни раз меньше; таким образом, большое распространение некоторых книг не говорит ничего не только о качествах самих книг, но даже и о дурных вкусах читателей... Правда, разные книги притягивают к себе и средоточивают разные количества восхваляющих их голосов, но, сколько бы они их ни притягивали, по существу не в количестве голосов дело, а в том факте, что не качества самой книги заставляют считать ее хорошей, а нечто другое — отношение к ней читающей публики.

Та же истина подтверждается и историей многих и многих книг. Одни и те же книги считаются то хорошими, то дурными в разные исторические моменты, разными группами, разными поколениями читателей. <...>

Таким образом, в поисках общего критерия для оценки книг и их деления на «хорошие» и «нехорошие» приходится исследовать не столько самую книгу, сколько это отношение к ней читателя. Другими словами, вопрос о «хорошей книге вообще», остающийся без ответа, естественно заменяется другим вопросом; он сводится к вопросу *о подходящей книге* — подходящей для данного читателя, в данный момент, при данных внутренних и внешних условиях.

Но вопрос о том, какие же именно качества самой книги придают ей ценность *не только* в глазах *данного* читателя, которому она нравится, но и целой толпе читателей, даже тех, для которых она и не подходит, все-таки должен быть поставлен и, по нашему мнению, может быть решен независимо от читательских вкусов. Книги тоже имеют свой удельный вес, свою специфическую ценность. Разные книги захватывают читательские круги *разной величины*. Иная книга нравится лишь немногим, другие, как напр., сочинения Л. Толстого, захватывают миллионы людей самых разнообразных типов. Почему так? Неужели это благодаря своей форме — форме изложения, а не содержания?

На все эти вопросы может дать более или менее точный ответ строго научное исследование, во-первых, психологическое, во-вторых, социологическое (статистическое и историческое). О психологическом исследовании данного вопроса мы будем говорить в следующей главе. Статистическое исследование вопроса практикуется, и даже давным-давно. <...> Таким образом, вопрос об оценке книг в теоретическом смысле ставится на психологическую и социологическую почву. Дело психологии выяснить: 1) процесс литературного творчества, 2) процесс чтения и 3) книжного влияния; дело социологии — изучить взаимодействие книги и читателя при определенных социальных условиях — экономических, политических и т. д.

Исходя из вышеизложенных соображений и опираясь на исследования, о которых сейчас шла речь, попробуем теперь классифицировать *самые критерии* для книжной оценки, т. е. те мерки, с которыми подходят читатели к книгам.

Самое интересное в изучении этих критериев, думается нам, то, что среди них имеются такие, которыми все читатели пользуются волей-неволей — то бессознательно, то полусознательно, и лишь немногие — сознательно. Есть критерии, которыми читающая толпа самых разнообразных степеней подготовки и даже настроений не может не пользоваться. Другими она пользуется не постоянно. Оставим в стороне критерии собственных вкусов, о которых не спорят, и будем говорить о критериях *общих*. Таких не один, а *несколько*.

Из них обращают на себя внимание, как главнейшие, следующие два: 1) критерий истины (научный) и 2) критерий справедливости (этический).

Каждая книга непременно или говорит о каких-либо фактах, излагает их, или опирается на них (мы понимаем это слово «факт» в широком смысле), а кроме того, каждая книга сама представляет из себя факт, явление жизни. Всякий факт, как известно, нуждается не только в оценке, но и в констатировании и в исследовании. Оценивать каждый факт, к какой бы области он ни относился, можно двояко: во-первых, с точки зрения теории, исследующей жизнь в том виде, какова она есть, во-вторых, с точки зрения желаний, стремлений, интересов, нужд, идеалов человека, т. е. смотря по тому, как эта самая жизнь отражается на мыслящей, чувствующей, страдающей личности человеческой.

Оценка первого рода, т. е. оценка с точки зрения истины, — дело чистой, объективной науки. Оценка второго рода — дело каждого отдельного человека, вопрос его хотений, интересов и настроений. Правда, далеко не всегда можно провести точную границу между «чистой наукой», стремящейся быть объективной в своих оценках, и человеческим идеалом, и вообще человеческим стремлением и хотением, что вовсе не наука. С книгами *чисто* научными, чисто теоретическими, книгами, подлежащими оценке только с точки зрения истины, мы встречаемся, как известно, почти исключительно в области наук математических и естествознания. Правда, каждой теоретической науке соответствуют прикладные науки, техника, в которой понятие полезности, пользы занимает одно из центральных мест, но прикладные науки, как известно, основываются исключительно на теориях чистых наук, отказываясь от построения самостоятельных теорий. Не то мы видим в области истории и других наук общественных (гуманитарных). Там, где речь идет о человеке и о жизни нашей и нам подобных живых и страдающих существ, не легко (если не невозможно) оставаться в области чистой науки, ограничиваться одним беспристрастным изложением фактов и законов, говорить только «о том, что есть», оставляя в стороне то, что «должно быть», и не оценивая существующего с точки зрения желательного, должного.

Теоретически, конечно, можно себе представить книги, излагающие историю или теорию политической экономии вполне научно, излагающие то, что было и есть (т. е. факты), без всякой их оценки с точки зрения желательного, но на практике почти всегда (если не всегда) к этим исследованиям примешивается субъективный элемент, этический, публицистический: этот элемент в каждой данной книге не только необходимо отделять от элемента научного, объективного, но и его самого подвергать оценке.

Исходя из предыдущих соображений, среди книг можно вообще отличать два типа: 1) тип объективный, 2) тип субъективный. Оба они не резко разграничены между собой, и такое деление очень относительно. Причислять ту или иную книгу к тому или иному типу можно лишь по преобладающему характеру в теоретических построениях. Иная книга, несмотря на всю свою как будто научную внешность, на свои более или менее солидные аппарансы, цитаты, сноски, цифры и т. д. и вообще внешний вид бесстрастия и беспристрастия, все-таки книга субъективная, не столько научная, сколько публицистическая, подтягивающая и теорию, и даже факты и цифры к определенному, напр. классовому, миросозерцанию, ставящему более или менее ни во что не только чуждые для автора другие миросозерцания, но и вообще науку[1].

Присмотримся теперь к каждому критерию книжной оценки в отдельности.

1. Теории, представляющие из себя обобщения и выводы из констатированных и точно исследованных фактов, т. е. теории, действительно научные, не могут иметь никакого иного критерия, кроме критерия *истины*. Вопрос об их ценности — это вопрос о том, насколько они соответствуют ей и объясняют ее. Это вопрос фактов и логики, правильной индукции и правильной дедукции и проверки всякой теории с логической и фактической стороны. Наиболее объективный критерий всякой научной (и не только научной) книги — истина, т. е. отражение в человеческом сознании того, что есть, действительности, именно такой, какова она есть (или была). Действительно научная сторона всякой книги не допускает иного критерия, и в этом отношении в книге действительно научной не должно быть научных промахов, не только основных, но даже и частичных, не только в смысле достоверности, но и в смысле точности. Правда, в оценке того, что, собственно, считать промахом, тоже не обходится дело без примеси пристрастного, субъективного элемента, тем не менее в оценке научной стороны всякой книги человеческая мысль имеет определенный объективный критерий — жизнь, явления жизни, которые подлежат исследованию и исследуются при помощи все более и более точных приемов. Жизнью не может не проверяться, с нею не может не сравниваться *никакое* литературное произведение. Оценка книг в этом отношении сводится, в конечном итоге, к их научной проверке, к сопоставлению с жизнью и ее явлениями. Но и этот критерий научности, в своем применении на практике, не так ясен, как кажется с первого взгляда. Как известно, люди науки не спелись еще по очень

---

[1] Здесь Рубакин неправ: принцип марксистско-ленинской партийности полностью совпадает с научностью, так как основой единства партийности и научности марксистско-ленинской идеологии является совпадение классовых интересов пролетариата с объективным ходом общественной истории. — *Ред.*

важным, даже самым существенным, вопросам, не только общим, но также и частным. Кроме того, наука идет постоянно вперед, и то, что сегодня считается научным, завтра окажется, может быть, уже не научным. В связи с этим оценка научности той или другой книги есть нечто, тоже далеко не всегда поддающееся определению. Далее, научных, истинно научных книг мало, очень мало, и даже самые выдающиеся авторы нередко проявляют совершенно непонятное невежество в вопросах, мало-мальски выходящих из их специальности. <...>

2. Переходим теперь к другому вопросу, еще более важному и во многих отношениях еще более щекотливому вопросу о тех книгах, которые не ограничиваются изложением того, что есть, но и оценивают все существующее с точки зрения того, что *должно* быть — с точки зрения стремлений, желаний, хотений, интересов, настроений, идеалов автора, — о научных книгах с элементом публицистики или вообще оценки. Спрашивается теперь, каким критерием не может не руководствоваться всякий читатель, оценивая книги этого второго типа? <...>

Мы говорим о критерии справедливости, критерии *этическом,* а значит, и социальном.

Вот какими словами формулирует оценку книг с этой точки зрения в своем письме один читатель, удивительно искренний в своих читательских исканиях и недоразумениях.

«К каждой книге, к каждому автору,— пишет он,— я не могу не предъявлять, напр., следующих вопросов:

Ты, автор, написавший эту книгу, каким именно богам служишь своим пером? И каким богам ты приносишь так свою жертву? И для каких богов жертвы требуешь? И от кого требуешь? От себя или от других? Или, быть может, *только* от других? А от кого именно? Чьи интересы, чьи нужды, чьи потребности ближе всего и дороже всего твоему сердцу? Что ты говоришь о них, и как ты понимаешь их в своей книге?» «Нет такой книги, трактующей о том, что должно быть, — говорит далее автор того же письма, — которой нельзя было бы предъявить не только этих, но и многих других вопросов», — вопросов социально-этического характера.

Вряд ли нужно доказывать, что книги, подлежащие оценке этической, не могут не подлежать, кроме того, и оценке с точки зрения истины, т. е. той, которой подлежат книги первого типа. Вторые тоже должны объяснять действительность и соответствовать ей, требования фактов и требования логики и к ним должны быть предъявляемы, как и требование разностороннего освещения. Но в данном случае *этого мало:* к *таким* книгам нельзя не предъявлять и второго критерия — нельзя не оценивать их с точки зрения должного и желательного.

Спросим себя теперь, что же это за критерий? Как известно, в основу всех своих отношений ко всем сторонам личной и социальной жизни Л. Н. Толстой полагал любовь — любовь чело-

века к человеку, чувство широкой и глубокой симпатии к человеку и человечеству, быть может, даже лучший из лучших критериев для оценки книг. Мы все же не решаемся видеть именно в этом чувстве настолько общий критерий для оценки книг, о котором можно было бы сказать, что без него не обходится и в настоящее время ни один человек или, по крайней мере, большинство культурного человечества. Факты жизни резко противоречат этому, наглядно показывая, что от такого критерия современное человечество еще очень далеко и не доросло до него.

Самый факт отсутствия чувства всеобщей любви в душе многих еще миллионов оценщиков выбивает у нас из-под ног почву поместить и этот критерий рядом с другими, по крайней мере для переживаемого нами времени. Поэтому поневоле приходится оставить пока в стороне высший критерий из всех критериев — любовь. О нем мы можем сказать лишь — «могий вместити да вместит». Но есть другой критерий, по меньшей мере столь же важный для человечества, и для нас лично самый близкий: это принцип равноценности всех людей и вытекающий из него принцип справедливости. Правда, этот критерий более скромен, но вместе с тем он может быть критерием для оценки не только отдельной человеческой личности, а и всякого крупного и мелкого явления общественной и духовной жизни, вплоть до любой книги — ведь всякая книга — тоже такое явление. Таков минимум этических требований, по этому самому уже более осуществимый на практике. Чему именно данная книга служит — справедливости или несправедливости? И кого и что она защищает? В бесконечно большом числе случаев ответ ясен, а значит, и колебаний в оценке даже и быть не может. <...>

Всякая книга, всякий автор, преследующий те или иные идеалы, защищающий те или иные интересы, должны быть мысленно поставлены перед лицом основного противоречия современного строя и перед лицом этого противоречия и всей его несправедливости любой читатель не может не спрашивать их: а вы-то кому служите? И читатели, по крайней мере большинство их, сознательно или бессознательно задают такой вопрос как творениям, так и авторам их. Противоречие современной жизни, ее коренная несправедливость, по нашему мнению, — лучший критерий для оценки книг. Нужды нет, что некоторые книги остаются вне его, в стороне от него. Во всяком случае, не вне его *применение* знаний, хотя бы самых отвлеченных, к жизни. Можно держаться каких угодно взглядов, принадлежать к каким угодно партиям, хотя самым черносотенным, — от этого вопрос об оценке идеалов и стремлений с точки зрения их справедливого или несправедливого отношения к страдающему, придавленному большинству трудящихся классов нисколько не остается в стороне и стоит по-прежнему перед читателем. Всякое сердце мало-мальски отзывчивое не может не понимать самой сути

этого вопроса. Правда, требуется некоторый уровень умственного развития и образования, чтобы вникнуть в иную, более или менее трудно и тяжелым языком, туманно, замысловато написанную книгу, чтобы уразуметь, чему именно она служит. Но душа рабочего человека, живущего продажей своего труда, иной раз с нескольких слов уже чует, с кем и чем именно он имеет дело.

Есть еще одна сторона вопроса, говорящая о значении и широком применении данного критерия: понимание основного социального противоречия необходимо и выгодно прежде всего самому трудящемуся человечеству, и всякий, кто стоял перед лицом читающей толпы, отлично знает, что именно в сторону понимания (также и оценки) направлены стремления самой толпы, ее подавляющего большинства, которое принадлежит к трудящимся классам. Эволюция читающей толпы совершается в сторону все более широкого применения критерия справедливости к оценке книг. <...>

История, еще недавно представлявшая из себя собрание басен о величии царей и о подвигах полководцев, на нашей памяти превратилась в историю народов и в эволюцию человечества, без различия племен и рас, и прежде всего в историю трудящихся классов. Политическая экономия, еще так недавно оправдывавшая эксплуатацию и основанный на ней строй, на наших глазах перерабатывается на новых основных началах. Еще яснее та же тенденция в области теорий юридических. Изменилось самое понятие права. В области религии аристократический принцип абсолютного авторитета всецело уступил место другим, более демократическим философским и религиозным принципам. Демократизировались и идеалы этики. <...>

Перед нами несомненный переворот в области теорий. Перед лицом основной несправедливости современного строя теории демократизировались, приблизились к идеалу справедливости, как бы показывая, что лучшие и наиболее выдающиеся умы человечества уже преклонились перед ее требованиями. Да иначе и быть не могло: думать иначе — это значит потерять веру в человечество.

И вот мы наблюдаем интересное зрелище: переоценку теорий, а значит, и книг. Перед лицом течений, все определеннее и определеннее служащих идеалу справедливости и истины, все дальше и дальше отступают на задний план противоположные течения, отражения былых несправедливостей и еще больших несовершенств уже отживающего строя. Почему же наблюдается такое их отступание? Перед лицом все большего и большего выступления на историческую сцену трудящихся классов населения такие течения мысли не выдерживают испытания жизни — идеалы, ими выражаемые, не к лицу по нынешним временам. Исторический критерий для оценки книг в смысле определения «хорошего» и «худого» еще более безжалостно подчеркивает их

истинное значение, чем критерий этический. Есть книги, соответствующие и не соответствующие жизни, т. е. или выдвигающие идеал справедливости на первый план, или отодвигающие его на задний. Оцениваются же книги с точки зрения то эксплуатируемых, то противоположных им классов. Читатели бессознательно отмахиваются от тех книг, которые в той или иной форме проповедуют возвращение к старым формам и укладам жизни. Как ни всучиваются, хотя бы даже бесплатно, такие книги даже полусознательной толпе, она если и берет их, то лишь на «цыгарки».

С другой стороны, даже «библиографические редкости», если только они соответствуют основным требованиям жизни, делают громадные круги в глубинах читающей толпы и, благодаря широкому и быстрому круговращению своему, совершают те же дела, какие при других условиях доступны лишь книгам, печатающимся в огромных количествах экземпляров. Жизнь сильнее тенденций, особенно если они забывают о справедливости. Оттого-то реакционные течения никогда и не имеют успеха в широких слоях населения и для их распространения всегда требуются «темные деньги». Но в конечном итоге не помогают и они.

Мы не будем анализировать вопрос об исторической и социальной оценке книг еще детальнее. Из предыдущего в достаточной степени видно, что, классифицируя книги на хорошие и нехорошие, читатель, даже самый заурядный, руководствуется не только одним своим вкусом. Есть у него еще два критерия, без помощи которых ни один оценщик обходиться не может и не обходится. Это критерий истины и справедливости, а что такое эти последние — ему в достаточной степени разъясняет миллионами фактов не только весь окружающий строй, лежащий на его же спине, но и старушка история, ведущая свою линию хотя и медленно, зато упорно.

Итак, на вопрос: «Что такое хорошая книга?» — можно дать следующий ответ: книга, служащая истине и справедливости.

Из всех субъективных критериев для оценки книг этот критерий, несомненно, самый объективный.

В таком случае и будем же пользоваться им, — по крайней мере до тех пор, пока не найдется другого, еще более объективного...

IX

ЧТО ТАКОЕ ПОДХОДЯЩАЯ КНИГА?

Как было уже объяснено выше, подходящей книгой каждый читатель называет такую книгу, изложение (форма) и содержание которой соответствует его складу ума и вообще его психике. Там же было показано, что это соответствие не случайно, оно зависит от душевных качеств того человека, который эту книгу

написал. Известно, что душевные качества писателя неизбежно отпечатлеваются (по крайней мере, в огромном большинстве случаев) на том, что он пишет. Сухой, отвлеченный мыслитель, старик Спенсер, сознательно стремившийся к бесстрастности и беспристрастности мышления, таким отпечатался и в своих писаниях. <...>

В своих «Письмах о фабриках и заводах» проф. Д. И. Менделеев проявляет те же свои качества, какие проявил в тарифной комиссии. Синтетик Огюст Конт, аналитик И. Кант, уравновешенный И. Тэн, строго индуктивные мыслители Э. Тейлор, Дарвин, Леббок представляют из себя наглядные доказательства, до какой степени психика автора выражается в его произведениях. Справедливость этого явления подтверждает, можно сказать, вся история литературы, все биографии великих писателей, многочисленные монографии о них. <...>

Говоря с точки зрения практики, вопрос о выборе книг сводится вот к чему:

1. Перед нами, во-первых, читатель, обладающий такими-то особенностями ума, чувства, воли, такою-то научной подготовкой, такою-то классовой психологией, объясняемой условиями его жизни, его общественным положением. Далее, перед ним такая-то наличность книжных богатств, известная ему по каталогам книжных магазинов, библиотек, по рецензиям и критическим статьям и т. д. Каким же *способом* может этот самый читатель отыскать себе в этих книжных богатствах именно то, что ему необходимо и что в наибольшей степени соответствует складу его души?

От практического решения этого вопроса зависит, в какой же именно степени сможет данный читатель сэкономить свое время, свои силы, свои средства, работая над самообразованием.

Даже более того. Многие сотни тысяч читателей потому-то и считают себя отрезанными от света, что не знают способа, как экономить свои силы, отыскивая для себя книги *подходящие*. Если работа над самообразованием идет по книгам, не соответствующим психологическому складу данного читателя, она требует от него вдвое, втрое больше сил и времени, которых у рабочего человека, как известно, не имеется. Если же такое соответствие налицо — человек, имеющий в своем распоряжении даже по 2—3 часа в день, может сделать уже очень многое.

В этом-то соответствии и заключается основной пункт самообразования — вопрос не только о плодотворности всех усилий, но и о смысле их.

<...> Для лиц, более или менее обеспеченных экономически и более или менее обладающих и средствами, и временем, чтобы получать образование, он не имеет особенно острого значения. Но для пасынков жизни и ее строя, для людей, поставленных в тиски, — это вопрос коренной важности. Это своего рода вопрос «быть или не быть». То, что будет сказано дальше в этой главе,

говорится прежде всего для этих самых пасынков, и мы глубоко верим, что при такой постановке дела все они, буде у них найдется хотя бы даже немножко воли и желания, могут при всяких условиях жизни вооружать себя знанием, пониманием, уменьем расширить свою жизнь. <...>

С практической точки зрения, чтобы знакомство с книгой сделалось действительно плодотворным, вовсе не требуется полного совпадения индивидуальности писателя и читателя. Достаточно, чтобы книга соответствовала хотя бы пяти-шести особенностям читателя, но только тем особенностям, которые играют наиболее важную роль в процессе чтения. Дело психологии — научно изучить этот процесс и выяснить, какие же именно особенности в нем играют наиболее существенную роль. <...>

Как было сказано выше, научное образование предполагает знакомство, во-первых, с фактами, во-вторых, с теориями, т. е. объяснениями этих фактов, в-третьих, с историей этих теорий, в-четвертых, с методами исследования фактов и методами критики и доказательства теорий. Далее, вряд ли нужно доказывать, что всякий образованный человек должен выработать в себе умение читать *всякие* книги, какую бы форму ни имело их изложение, индуктивную или дедуктивную, конкретную или абстрактную, сухую или «с настроением» и т. д. Образованность предполагает умение разбираться и в теориях, в точках зрения, и в вопросах, и в форме изложения, а значит, вообще в книгах, кем бы и как бы они ни были написаны. Но одно дело *выработать* в себе такое умение и совсем другое дело — *вырабатывать* его. Это уменье — *цель,* цель читательской техники, но оно дается не сразу. Как его вырабатывать с наименьшей затратой времени и сил и с наибольшим использованием своих способностей и в той обстановке, в которую поставила данного человека его жизнь? Вот вопрос чисто практический, на который и нужно дать ответ. С этой практической точки зрения для работника далеко не одно и то же, с каких именно книг *начинать* свою самообразовательную работу. То, что будет сейчас изложено, имеет в виду не конечную цель образования, которая для всех людей одна и та же, а *самый ход занятий,* быстрее ведущий к этой конечной и общей цели. Повторяем, экономия сил и времени особенно необходима для людей занятых, а выбор книг, соответствующих духовному складу данной личности, имеет особенно важное значение для людей начинающих. Их-то прежде всего мы и имеем в виду. Удачный выбор первой научной книги, которая должна открыть собою самообразовательную работу, имеет громадное, даже решающее, значение именно для начинающих. Поэтому, выбирая для себя книгу, такой читатель прежде всего должен *подумать о самом себе* — об особенностях: а) своего ума, б) своего темперамента и характера, в) своей воли и вообще активности, г) о степени своей образованности, подготовки и умственного развития, д) об особенностях обстановки своей

жизни, управляющей, во-первых, его интересами, во-вторых, его деятельностью, не говоря уже о привычках, нравах, традициях, с которыми образование обыкновенно борется и которые противоречат развертыванию жизни во всех направлениях. <...>

I. На первом месте по своему практическому значению для успешности самообразовательной работы, несомненно, стоит вопрос о *складе ума.* Есть люди, которые только в таком случае понимают ту или иную истину, когда на целом ряде изложенных в ней *фактов* убеждаются, что она соответствует действительности, жизни. Но если эта же самая истина будет изложена перед ними в виде *рассуждений,* одних рассуждений, хотя бы самых логичных, эти последние все-таки не покажутся убедительными для таких людей. И правда, мало ли на свете всяких «мнений», быть может, даже очень искренне высказанных, но таких, которым противоречит целый ряд фактов? Но будь даже эти мнения согласны с фактами — и все-таки они не убедительны, если их фактическая основа не известна данному читателю или если он не умеет подтверждать ею своего мнения, попросту сказать, не умеет извлекать из архивов собственной памяти такие подтверждающие факты. Есть ведь и такие люди, которые не умеют припоминать. Далее, есть люди обстоятельные, у которых душа требует, так сказать, точности и детальности познания, — такие только тогда удовлетворяются читаемой книгой, когда она реально выложит перед ними все жизненные детали данного явления, — обстоятельно, разносторонне, ярко.

Для таких людей имеет громадное значение не только фактичность изложения, но и образность его, и не только образность, но и яркость. Далее, имеются и такие люди, которых не удовлетворит даже и яркость сообщаемых образов, если они покажутся им слишком далекими от жизни, от их *практической* жизни. Такие люди, читая даже великие произведения всемирной литературы, спрашивают: «но к чему мне они?» Спрашивают не потому, чтобы они не понимали их красоты, правдивости, смысла, а потому, что для них самообразовательное чтение — то же, что помощь *непосредственно* в их жизни. Так нередко рассуждают люди активного, практического типа, «реалисты» — «утилитаристы» по старой терминологии.

Но есть читательские типы и другого рода, совсем непохожие на первых. Есть такие, которых отпугивают от себя книги, содержащие *очень много фактов.* Правда, эти читатели тоже не отрицают их значения, но не факты служат настоящей опорой для их мысли. Эта последняя ищет у них *опоры логической.* Идея считается у них доказанной только тогда, когда под нее подведен общий фундамент в виде какой-либо другой, более общей идеи, и из этой идеи та может быть выведена «естественно и неопровержимо». Читателей такого типа более всего убеждают рассуждения и выводы (дедукция). Факты имеют для них значение лишь постольку, поскольку они подтверждают общий ход рассуждений.

Если эти факты не распределены еще, так сказать, вдоль этого хода мысли, они даже и не запоминаются таким читателем. Если им попадается факт, не согласный с их взглядами, — люди такого типа, быть может, даже переделают свои рассуждения, но в своей познавательной работе они все-таки пойдут и впредь от общего к частному, от основных истин к производным, от идей к фактам, от разложения целого на части, т. е. анализа, к пониманию совокупности всех этих частей. Читатель такого типа старается прежде всего найти в книге и усвоить какую-либо *общую* истину, а затем уже, обосновав ее, — тем или иным способом (нередко даже приняв просто-напросто на веру) начинает делать из нее выводы, при помощи которых и производит ее проверку (читатели же индуктивного типа, противоположного этому, карабкаются к той же самой истине от фактов). Такие читатели склонны к усвоению отвлеченностей, любят определения, «тезисы», «теории», «большие предпосылки» и т. п. Среди них часто встречаются представители отвлеченного (абстрактного и спекулятивного) и догматического мышления.

Разумеется, кроме людей, в которых их тип выражен резко и определенно, существует немало и таких, в которых их тип выражен совсем не резко. Есть люди — и их немало, — которые занимают среднее положение между двумя резко выраженными типами. <...> Итак, не вдаваясь здесь в более детальный, а также более точный анализ психологических типов читателей, мы имеем перед собой следующие категории их:

I. 1) Читатели, мыслящие индуктивно (от фактов). 2) Читатели, мыслящие дедуктивно (от общих предпосылок).

II. 1) Читатели, склонные к конкретному (образному) мышлению. 2) Читатели, склонные к мышлению абстрактному (отвлеченному).

III. 1) Читатели, питающие пристрастие к теориям спекулятивным (т. е. умозрительным, отрешенным от опыта и наблюдения. 2) Читатели, обладающие способностью подходить к книге с практической точки зрения.

Представим себе теперь, что люди столь различного склада ума желают изучить, напр., такие науки, как математику, историю, право. В огромном большинстве случаев читатель первой категории (индуктивной) будет плохо усваивать книги по алгебре и вообще математике более или менее отвлеченной; легче всего ему будет даваться арифметика. Теория права тоже нелегко будет даваться ему. Но читатель того же типа будет увлекаться описательной астрономией, а книги о праве ему покажутся понятными, если он станет подходить к изучению теории права со стороны его истории — фактической истории правовых учреждений, от них — к истории теорий этих учреждений и затем уж к отвлеченной теории права.

Возьмем для примера вопрос именно об изучении права. Существует ряд небольших книг, из которых читатели, получившие

образование ниже среднего, но выше начального, могут познакомиться с основными понятиями права. Как выбрать из них для себя книги наиболее подходящие? Читатель, которому легче всего дается знакомство с *фактами* и который ценит в книге прежде всего *фактичность, конкретность* изложения, но плохо разбирается в отвлеченных рассуждениях, опирающихся лишь на рассуждения же, поступит очень практично, если начнет изучение права со знакомства с его *историей.* <...>

Но совсем другое дело — читатель с отвлеченным складом ума, легко усваивающий не факты, а *рассуждения, выводы.* В этом случае вышеперечисленные книги не удовлетворят его — они произведут на него иное впечатление. Всего выгоднее в этом последнем случае идти иным порядком и сначала выяснить себе и усвоить *общие* понятия и, лишь имея их в голове, переходить к знакомству с фактическим материалом и разбираться в нем. Иначе он подавит читателя, тот в нем растеряется, книга покажется для него скучной и неудобоусвояемою. <...>

По своей способности или неспособности к отвлеченной математике любой читатель в значительной степени уже может определить склад своего ума. Обыкновенно математики обладают складом ума аналитическим, дедуктивным, предпочитают рассуждения фактам, отвлеченные теории конкретным описаниям. Если и бывают исключения, то они более или менее редки.

II. Громадное значение при занятиях имеет и *память.* Как известно, она тоже бывает разных типов. Отметим два, по нашему мнению, главнейшие:

а) память на факты (цифры, формулы и т. п.),

б) память на рассуждения.

Человек, обладающий памятью фактического типа, хорошо запоминает, напр., исторические и естественно-исторические книги, пестрящие фактами; эти последние обыкновенно не удручают его своим количеством. Самые рассуждения для такого читателя представляются тоже как бы фактами, которые и удерживаются в голове сами собой, как чужие мнения.

Наоборот, читатели, обладающие памятью логического типа, обыкновенно большим количеством фактов бывают удручены. Они запоминают лишь тогда, когда эти факты связываются в их уме какой-либо общей связью: системой, теорией, вообще схемой, логически обоснованной. Читатели этого типа обращают свое главное внимание на самый ход рассуждений, на внутренние соотношения фактов и идей, а этот ход ими не столько *запоминается,* сколько вообще *усваивается* в виде цепи ассоциирующихся идей.

В большинстве случаев читатели фактического типа обладают индуктивным и конкретным складом ума и бывают плохими математиками. Они предпочитают книги фактического содержания. Читатели второго типа мыслят большей частью дедуктивно — среди них много математиков, отвлеченных философов, теорети-

ков. Они же обыкновенно жалуются на свою «плохую память», хотя память у них вовсе не плоха, но только своеобразна.

Далее, память одного и того же типа может быть и слабой, и сильной, и ее сила или слабость влияет не только на то, много ли выносит данный читатель из читаемой книги, но и на самый выбор чтения. Человек с хорошей памятью может довольствоваться знакомством с небольшими книжками, но знакомством основательным. Читатель со слабой памятью любит книги с повторениями, с резюме — книги, написанные более или менее «размазисто», многословно. Человек с хорошей памятью не любит повторений и многословия.

Таким образом, по типу своей памяти, читатели могут быть разделены на следующие главные категории:

I. 1) Обладающие памятью фактической.
   2) Обладающие памятью логической.

II. 1) Люди со слабой памятью.
   2) Люди с хорошей памятью.

<...> Способность усвоения прочитанного находится в зависимости и от привычки к чтению, и от запасов, уже имеющихся в голове. Поэтому читатель, мало подготовленный и плохо привычный к чтению (особенно научных книг), уже по этому самому нередко выносит из книги меньше, чем подготовленный и привычный. Это резко бросается в глаза при изучении так называемых читателей из народа. Поэтому для этих последних повторения имеют гораздо большее значение и даже необходимы, хотя читатели интеллигентные и осуждают за них автора. Нам лично в наших работах по популяризации научных знаний нередко приходилось и приходится прибегать к сознательным повторениям одного и того же в данной книжке, к чему, по нашему мнению, и приводит изучение читательской психологии в данной общественной среде. Читатели с хорошей памятью не любят читать несколько книг по одному и тому же вопросу; читатели со слабой памятью — обыкновенно стремятся к этому. Первые быстро научаются перелистывать книги, схватывая в них главное, вторым это искусство не дается.

III. *Воображение* играет также большую роль в деле чтения. Оно бывает у разных людей тоже разное — и прежде всего сильное и слабое. Читатель, обладающий хорошим воображением, как бы воплощает в жизненные образы то, что он вычитывает из книг, и таким способом приближает неполно очерченные в ней образы и отвлечения к идее реальной жизни, словно она непосредственно воспринимается им. Такой читатель с хорошим воображением не требует от книги ни конкретного, образного изложения, ни иллюстраций — он почерпает образы из своей головы, из запасов, там уже имеющихся. Напротив, все это необходимо для читателя со слабым воображением. Как мы уже сказали выше, первая задача самообразования заключается в понимании реальной жизни, а не только в одном знакомстве с научными

книгами. Человек, обладающий прекрасным логическим мышлением, тем не менее остается неучем, если его ум, разбираясь в отвлеченных формулах и умозаключениях, не умеет разбираться в явлениях жизни. Даже отвлеченный из отвлеченных мыслителей должен выработать в себе уменье *видеть* реальные факты, оценивать их как таковые, уменье всегда держаться возможно ближе к почве, а не только парить в облаках отвлеченной мысли. Необходимо делать свои мысли возможно жизненными, реальными, яркими. Жизнь надо *ощущать* и *переживать*, идти же к этой цели волей-неволей приходится по-разному, смотря по тому, насколько развито у человека воображение. Многие книги кажутся бесцветными лишь тем людям, у которых воображение не развито, и только потому, что оно недостаточно развито у них, тогда как самая суть дела тут не в книгах, а в таких самых читателях. И наоборот, читатели с хорошим воображением прекрасно справляются и с отвлеченными книгами. Читатели же с плохим воображением не любят их, потому что такие книги требуют от них чересчур больших усилий, а дают им гораздо меньше, чем книги, помогающие воображению. Таким образом, по отношению к воображению читатели бывают:

1. Такие, у которых оно не развито и которым необходимы книги, возмещающие этот прирожденный недостаток.

2. Такие, у которых воображение хорошо развито и кому такого рода пособия не требуются. <...>

IV. Далее, в процессе усвоения книжного содержания играет громадную роль и *внимание*. В зависимости от того, развито или не развито оно у данного читателя, находится и качественная, и количественная стороны чтения. Внимательный читатель выносит из чтения гораздо больше, чем невнимательный, и потому может почерпнуть из меньшего количества книг или из книги, более сжато написанной, то, что читатель невнимательный может впитать лишь из большого числа книг. Внимательный читатель этим самым выгадывает время. Читателю с малоразвитым вниманием в большинстве случаев гораздо выгоднее брать для чтения книги с пространным изложением и проникнутые настроением, так как такие книги захватывают личность читающего в большей степени и с большего числа сторон, чем те, которые влияют главным образом на интеллектуальную сторону только. Читатель с мало развитым произвольным вниманием не умеет, даже не в силах сознательно и планомерно сосредоточивать своих мыслей на читаемой книге; его воля не руководит его вниманием; такому читателю чрезвычайно трудно читать ту книгу, которую *нужно* читать. По крайней мере, это самое «нужно» не руководит им настолько, чтобы содержание читаемой книги быстро и в должном количестве запечатлевалось в его уме. Такого типа читателю особенно важно подбирать для себя книги *захватывающие*. Но что значит это слово? Вообще захватывающих книг не существует,

потому что людей разных захватывают *разные* книги, овладевая их вниманием по-разному в разный момент. Захватывающая книга значит прежде всего книга интересная — в высшей степени интересная для *данного* читателя, в *данный* момент его жизни. Интерес же — дело наживное. Интерес может возбудить то, что уж чересчур неожиданно, ново, то, что непосредственно касается человека и влияет на его жизнь, особенно же обыденную, то, что может дать и дает этой жизни кое-что в смысле углубления, расширения, полноты, напряженности, красоты и возвышенности. Интересно то, что задело человека за живое, т. е. вызвало в нем взрывы чувств. Вдумавшись в это перечисление интересного, сам человек уже может во многих случаях возбуждать в себе интерес ко многому, исходя из своих желаний жить и возможно лучше жить. Нам известны случаи, когда читатели писали нам: «Ничего нам не интересно», а прочтя небольшую, указанную (а то и посланную им) книжку, ставящую какой-либо вопрос (по возможности существенный), что называется, ребром, вдруг открывали вокруг себя в жизни массу интересного. Бывало и так, что интерес к целому ряду вопросов можно возбудить даже в раскисающем человеке посредством спора, нарочно начатого, определенно веденного. Интерес можно возбуждать в себе при помощи рытья в книгах, даже путем перелистывания более или менее многих книг. Нет на свете такого человека, для которого не отыскалась бы во Вселенной действительно для него интересная книга. На такую книгу он может сам *натолкнуться,* а шансы для того увеличиваются, напр., тогда, когда человек роется в книгах, перебирает их и имена авторов, ловя на лету и идеи и факты, и т. д., из которых иные и захватывают его настолько, что он берет книгу и читает ее от доски до доски. Для другого же читателя и даже для того самого, но в другой момент, та же самая книга вовсе не покажется захватывающей. Разумеется, сам читатель должен думать о том и давать самому себе отчет, что же, собственно, могло бы его заинтересовать теперь в наибольшей степени? Даже одна постановка такого вопроса помогает многим, и с этого-то они и начинают свои занятия над самообразованием. Затем остается искать книгу, которая дает ответ. Нельзя не верить, что есть на свете такая и для него — и она-то и интересна. А только интересная книга читается без усилий, а значит, и без утомления.

Таким образом, вопрос о читательском внимании сводится, в конечном итоге, к вопросу об интересности, а читатели делятся по отношению к вниманию:

1. На таких, которые могут руководить своим вниманием и делать над собою усилия, заставляя себя читать то, что *нужно* (напр., по системе), а не только то, что приятно.

2. На таких, которые органически не способны делать этого и которые ловят свое образование «на лету». <...>

V. Предыдущее читательское свойство находится в теснейшей связи с уменьем усваивать содержание читаемой книги. Но что значит усвоить ее содержание? Это значит не только вложить его в свою голову, но еще так вложить, чтобы оно там срослось с тем, что уже раньше было вложено туда же,—так, чтобы новые мысли слились с прежними, подкрепили или опровергли их, чтобы факты прибавились к фактам, нашли свое место в их складе, в том самом его уголке, где им и надлежит поместиться, заняли бы определенное положение в системе, не остались бы где-то вне ее, одиноко и в стороне, а, прицепившись к другим, вошли бы через них в связь и с третьими, и с четвертыми, и многими-многими и таким способом как бы «пустили корень в читательской душе». Если какая-нибудь идея пускает корень, это значит—она приходит в связь, сливается со многими другими. Но особенно важно, чтобы она пришла в связь с фактами, другими словами (как о том было уже сказано выше)—с определенной группой ощущений и житейских впечатлений. Ощущение же—это результат столкновения нашего с тем, что вне нас; органы чувств—это как бы наши щупальцы, которыми мы так и сяк пробуем внешний мир. Пробовать, ощущать, правильно связывать свои ощущения, впечатления, представления, идеи, проверять их одни другими, и порознь, и группами, а этими последними проверять идеи все более и более и даже самые отвлеченные—это и значит подводить настоящий фундамент под свое миросозерцание, и прочнее этого фундамента нет ничего, да и быть не может. Усвоенные идеи, как и усвоенное миросозерцание,—это такие, которые уже опираются на такой самый фундамент. Но настоящее усвоение требует кое-чего еще большего. Оно требует, чтобы все идеи, все миросозерцание не стояли отдельно ни от наших *чувств*, эмоций, ни от нашей *воли*. Всякой идее, даже самой высокой, по меньшей мере лишь полцены, если она не затрагивает мира наших чувств, не ведет, прямо или косвенно, ни к каким действиям. *Настоящее усвоение предполагает связь идей, эмоций, волнений, поступков*—предполагает ассоциации, связи всего этого. Разные люди обладают далеко не одинаковой способностью усваивать книжное содержание в этом смысле.

Иные делают это очень быстро и прочно, другие хоть и обладают ею, но так, что образовавшиеся ассоциации идей, чувств, действий хотя легко и образуются, но и легко разрушаются. О такого рода читателях и писал когда-то Некрасов в своей поэме «Саша»: «Что ему книжка последняя скажет, то ему на сердце и сверху ляжет». Пример того, как не следует читать хорошие книги.

Таким образом, все читатели по отношению к способности усвоения новых знаний и их связывания (ассоциирования) с уже имеющимися, могут быть распределены тоже на две главнейшие категории:

1. Те, которые усваивают их прочно и разносторонне.

2. Те, которые легко и односторонне усваивают, но и легко отбрасывают.

Читатели первого типа, при прочих равных условиях, могут получить из меньшего количества книг больше, чем читатели второго, которые для лучшего усвоения должны прибегать более или менее часто к повторениям усвоенного. Правда, повторение это выгоднее вести по другим книгам, чем какие читаны были в первый раз: легко воспринимая новое, они не могут не извлекать из подсознательной области своей души и старое — то, что вошло в эту область когда-то, но не осталось в области сознания. Читателям этого типа, быть может, следует подбирать книги для последовательного чтения таким способом, чтобы при помощи вновь читаемых книг повторять вместе с тем и прежде узнанное из той же области. Им не выгодно быстро переноситься из науки в науку, из одной области в другую без переходных звеньев, напр., сразу переходить от истории к астрономии и вообще делать подобные скачки. Выгоднее перейти от одной к другой постепенно, путем медленно расширяющегося связывания образов и идей, напр. от «Истории человеческой культуры» Кольба или другого общего обзора судеб человечества к «Истории умственного развития Европы» Дрэпера, где роль астрономических открытий в судьбах человечества ярко освещена, затем к «Истории астрономии» Берри, где излагается уже и самая суть этих открытий. Читая эти три книги в такой последовательности через некоторые промежутки времени, читатель данного типа три раза должен будет припомнить многое из прежде читанного, но только в иной связи и в разных комбинациях, внедряя таким образом в свой ум научные данные одновременно и путем повторения и в новой форме. Правда, далеко не для всех читателей данного типа такой прием оказывается одинаково действительным, но для многих он, несомненно, практичен: одни и те же данные (в нашем случае исторические) пускают, так сказать, корни в душу тремя путями, в разной связи, в разных отношениях. И это повторение и более полное и разностороннее ассоциирование их нередко помогает укреплению и углублению прочитанного. К тому же ведет система, изложенная выше: чтение не по наукам, а по вопросам, освещаемым сразу многими науками. Читатель с хорошо развитой способностью ассоциировать не нуждается в этой последней системе как приеме лучшего усвоения.

VI. Далее, есть читатели, которые не выносят так называемых «сухих книг» — настолько не выносят, что содержание этих последних, благодаря своему «сухому» изложению, оказывается совершенно неусвояемым для них. Такого рода читатели обыкновенно представляют из себя людей живых, *жизненных,* подвижных, умеющих не только (а может быть не столько) рассуждать, сколько переживать — всем своим существом, всеми

сторонами своей души. Люди цельные, люди гармоничные не способны отделять своих идей от чувств, а эти последние — от действий. Такое разделение представляется им не только нелепым, но и невозможным, потому что они переживают то, что им дает книга, и умом, и чувством, и волей. С точки зрения таких людей, отвлеченное суждение, хотя бы самое правильное, но не одухотворенное чувством и волей, в сущности, уродство, потому что всякая идея вызывает, должна вызывать то или иное настроение — в том числе даже математическая теорема, потому что и она способна возбуждать в иных радость, в иных скуку, в иных настроение преодолеваемой трудности (при ее доказывании), словом сказать, эмоции и эмоции. Таких людей книга, написанная без настроения, отталкивает. Но есть и другие люди, которые смотрят на ту же книгу совершенно иначе: книги, с настроением написанные, кажутся для них каким-то «искажением истины» или «многословной болтовней», или «чересчур субъективными» и т. п. Читатели первого типа подходят к книге как целостные личности, читатели второго типа — как «беспристрастные» мыслители, считающие, что доказательство должно стоять выше всяких чувств и в стороне от них. Таким образом, по отношению к эмоциональности читатели могут быть разделены также на две категории:

1. Людей эмоциональных настолько, что свою эмоциональность они совершенно неспособны изолировать от других сторон своей личности, так наз. людей «чувства» и «сердца».

2. Людей, способных к такой изоляции, так наз. людей «ума». <...>

VII. Можно наметить определенные категории читателей и с точки зрения их воли. Есть читатели импульсивные — люди легко возбудимые и настолько скоропалительно возбуждающиеся, насколько же быстро и охладевающие к тому, что ими из данной книги вычитано. С другой стороны, есть читатели, которых даже самая импульсивная книга раскачать не может или раскачивает с огромным трудом. Эти последние не грешат быстрыми решениями, но уж если придут к ним, так при них и останутся более или менее надолго. У первых книга захватывает их волю не целиком — самая воля держится у них, так сказать, на поверхности их жизни, у вторых воля охватывает самые глубины души и деятельности.

О воле мы еще будем говорить в следующей главе, здесь же отмечаем факт более или менее всем известный, что значение данной книги в жизни и деятельности читателя зависит от его импульсивности, от его способности воплощать содержание этой книги в жизнь, в свои поступки.

Активность или пассивность читательской природы должны быть принимаемы в расчет при организации самообразования и при выборе книг. В данном отношении можно наметить следующие две категории читателей:

1. Легко поддающихся волевому влиянию книги.
2. Трудно поддающихся ему.

Читатель импульсивного типа, начитавшись Майн-Рида и Густава Эмара еще с гимназической скамьи, стремится пуститься в путь прямо в страну индейцев. Тот же читатель быстро и резко поддается действию агитационной литературы. На читателя такого же типа оказывают развращающее влияние книги порнографического характера. Напротив, их влияние неизмеримо меньше на читателя не импульсивного, «волевого». Даже в том случае, если и тот и другой с одинаково хорошо развитым воображением. Правда, воображение играет здесь не малую роль, но эта роль не решающая. Читатели апатичные реагируют на книжное содержание опять по-своему: для таких не опасны такие книги, которые для импульсивных — яд. Таким образом, и в смысле воли и деятельности нельзя не принимать во внимание индивидуальность читателя, решая вопрос о книге, которая подходит к нему. <...>

VIII. Разумеется, выбирая для себя книгу даже не только научную, читатель неизбежно предъявляет к ней следующий вопрос: да окажется ли она достаточно понятной для меня, для такого, каков я теперь? Не требует ли она от меня для своего понимания гораздо больше знаний и более высокого умственного развития, чем те, какие у меня имеются? Все существующие книги можно распределить более или менее удачно по восходящим или нисходящим ступеням относительной трудности их понимания. Обыкновенно такое распределение и делается, причем в основу его кладутся типы или классы учебных заведений, наиболее распространенных в данной стране. Таким образом, есть книги, доступные читателям, получившим образование ниже среднего (I), книги, предполагающие в читателе среднее образование (II), или даже высшее (III), или даже специальное (IV). Правда, эти четыре главнейшие категории не резко разграничены одна от другой, кроме того, учебные заведения, дающие специальное образование в одной какой-либо отрасли знания, дают лишь начальные сведения в другой, а среднее или высшее — в третьей, во всяком случае, один и тот же человек, если можно так выразиться, стоит в разных отраслях знания и развития на *разных* уровнях. Но тем не менее самые эти уровни и различимы, и поддаются определению. Книжник, хорошо знающий книжные богатства не только с внешней стороны, может даже определить более или менее точно, какая книга какую книгу дополняет, продолжает, углубляет и т. д. Такого рода знания даются более или менее легко всем тем, кто имеет около себя много книг и кто привык, и умеет и любит рыться в книгах — привычка, уменье и любовь, приобретение которых нельзя не признавать особенно желательными и даже необходимыми для каждого читателя, а тем более систематически работающего над самообразованием. Но, говоря о степенях подготовки, не следует вместе

с тем забывать и основного факта читательской психологии, а этот факт, с особенной глубиной, эрудицией и талантом констатированный проф. А. Потебней, заключается вот в чем: всякое слово есть прежде всего орудие *возбуждения* мысли и лишь затем — орудие передачи ее. Слыша из других уст какое-либо слово, человек связывает с ним *свои собственные* запасы — те, какие уже имеются в его голове, а вовсе не те, какие были в голове сказавшего это слово.

Но кто может утверждать, что эти запасы тождественны? У разных людей они более или менее различны, и чем общее и отвлеченнее данное слово, тем более различны запасы, лежащие в основании наших общих понятий. И еще более различны чувства, уже связанные или ассоциирующиеся с данным словом, а о стремлениях, активности, воле и говорить нечего. Нетрудно поэтому себе представить, что происходит в душе человека, слышащего из чужих уст какое-либо слово. Это последнее — вроде как искра, прилетевшая из одного порохового погреба в другой и зажигающая его содержимое, взрывающая то, что налицо в этом другом погребе — в том, куда она прилетела. Но если это так относительно *одного* слова, то что же сказать о совокупности слов, об описаниях, рассуждениях, спорах и т. д.?

Ввиду этого общеизвестного факта, еще не всеми достаточно оцененного по его глубокой важности, нельзя не прийти к выводу, что самая суть чтения заключается вовсе не в воспринимании чужих знаний, чужих идей, чужих настроений из читаемой книги, а в переживании *своих собственных.* Самая суть в переживаниях *читателя,* а не в содержании и не выкладывании души *писателя.* Разумеется, сближение и той и другой и желательно, и полезно, но этому сближению есть и вполне естественные преграды: оно очень относительно и никогда и нигде не бывает и не может быть полным, потому что все люди более или менее не похожи один на другого, и чем развитее индивидуальность человека, т. е. его личные особенности, тем меньше частных сходств между людьми. С другой стороны, сама же природа указывает пути для возможного сближения читателя и писателя, и эти пути состоят в сходстве их психических организаций, о чем уже было сказано выше.

Пословица говорит: «Рыбак рыбака видит издалека». Физика учит, что звенящий камертон заставляет естественно и неизбежно звучать и другой камертон того же самого тона. То же самое происходит между людьми: люди оказываются и более понятными и более близкими в зависимости от сходства *их свойств с нашими* собственными — одного или нескольких. Иногда кажется, что закадычными друзьями оказываются как будто бы и противоположные натуры, но, проанализировав их хорошенько, всегда приходишь к выводу, что в том, что *соединяет их,* все-таки наблюдается некоторое *сходство,* а это последнее по тем или иным причинам оказывается *могущественнее,* чем раз-

личия в разных других свойствах. Таким же бывает и взаимодействие читателя и книги, т. е. автора, ее написавшего, и читателя.

Наши друзья — книги, это значит, наши друзья — их авторы, а влияние книги на нас — это вопрос *сходства* тех или других сторон читательской и авторской психологии. Степень влияния и близости находится в прямой зависимости от размеров и качества сходств. И знание, и понимание, и настроение передается от человека к человеку по тому же закону; не может происходить независимо от него и влияние одного поколения на другое. Впитывать в себя результаты от работы человечества наиболее экономичным для себя способом можно лишь подчиняясь тому же закону, т. е. отыскивая в массе людей и в массе книг свои собственные подобия, — только таким способом может произойти наиболее полная и точная передача чужих знаний, идей, настроений от человека к человеку — передача, насколько она лишь возможна для зоологического вида Homo sapiens (человек) в его нынешней фазе развития. Интересно, что человечество уже давно, но только более или менее бессознательно, чувствует существование этой естественной преграды в деле взаимного понимания и всегда старалось обходить ее разными способами. Для этого придумывались разные педагогические приемы, литературные условные формы, принудительные нормы и предписания и т. д., и т. д. По той же основной причине уже давно перестали многие, наиболее сознательные люди доверять чужим словам, проверяя эти последние тем, что существует за пределами этих слов, т. е. самою природой, которая для всех одна и та же, и для каждого отдельного человека всегда является какой-то внешней силой, гораздо более объективной, чем чужие разговоры о ней. Но ведь даже лучшая из лучших книг дает не больше как *некоторое* понимание чужих слов, чужих символов, схем и систем. Впитывание же настоящего знания и понимания сводится *к переводу этих чужих слов на язык своей собственной психики,* а этот последний, как уже было сказано выше, находится в полной зависимости от тех запасов, какие имеются в данной голове, и эти запасы притекают туда из жизни, из житейского опыта — из собственных переживаний, которые, как мы видели, и составляют главную и самую прочную базу образования. Поэтому *сделаться образованным* — в конечном итоге это значит *самому пережить, самому передумать, самому перечувствовать,* а кроме того, и *побороться* за это свое передуманное, пережитое, перечувствованное. Таким образом, и с этой стороны мы естественно приходим к тому же выводу, к какому приходили несколько и раньше.

Но если это так, то центр читательских отношений к книге переносится на новую почву. Самая суть чтения, как мы сказали, заключается в передумывании и в перечувствовании своих собственных дум и чувств, и в испытании своих собственных волевых побуждений, а не в простом усвоении чужих. Нередко бывает так, что читателю попадается очень трудно написанная книга,

но он все-таки берется за ее чтение, передумывает свои думы над каждым ее словом и, как водится, с каждой страницы впитывает настроение ее автора; как известно, настроение это выражается множеством подчас неуловимых мелочей, в самой расстановке слов, в некоторых словах и словечках, внедренных в текст, иногда как будто «ни к селу ни к городу»; но на читателя все это действует даже с большей легкостью, чем самая мысль автора.

Нам известен один замечательный пример, когда один сапожник, никогда не бравший в руки никакой книги кроме «Векфильдского священника» Голдсмита, сразу принялся за «Ценность жизни» Дюринга,* случайно попавшую ему под руку, стал ее читать, передумывая каждое слово ее по-своему, и, таким образом, совершил гигантскую умственную работу, проявив незаурядную силу ума, но во все это время оставаясь почти совсем чужим самому Дюрингу и его теориям: вся эта работа была в сущности *оригинальной,* понимание читателя шло по *собственным рельсам,* и результаты этой работы оказались тоже своими собственными, не чужими, оригинальными, и сразу возвысили человека и поставили его умственное развитие на значительную высоту. Этот факт в резкой и яркой форме рисует самую суть понимания и чтения. Огромное большинство читателей, думая, что они читают и даже изучают данного автора, в сущности думают свои собственные думы, а из чтения книги выносят не чужое, а свое. Лучшей иллюстрацией этой истины может служить история критики и сравнение разных рецензий и критических статей об одной и той же выдающейся книге: все эти критики и рецензии прежде всего характеризуют и знаменуют *самих критиков, т. е. читателей,* чем автора, т. е. творца. Из самых ценных элементов — всех этих отзывов о книгах, т. е. мнений, остается лишь указание на научные стороны книги, на недостатки научности и на констатирование литературно-общественного или научно-философского *направления* данного автора, т. е. сведение критики к двум основным критериям всякой хорошей книги, о чем мы говорили в предыдущей главе: к критериям истины и справедливости. Поэтому не будем преувеличивать отрицательной стороны чтения такой книги, в которой не все понятно. Пусть читатели не боятся книг не вполне понятных, лишь бы они читали их не по образцу гоголевского Петрушки, а передумывали бы во время чтения свои собственные думы. Это особенно важно помнить, имея в виду книги, содержащие чужие *мнения,* т. е. из отдела так наз. гуманитарных наук. В отделе естествознания, как известно, на первом месте стоят не мнения, а факты, и знакомиться с этими последними приходится лишь двумя способами: или самому созерцая их в жизни, или воображая то, что дают их точные описания.

Таким образом, не упуская из вида чрезвычайной относительности так наз. «степени понимания и подготовки», можно

разделить всех читателей на следующие главнейшие категории:

1. Читатели, получившие образование ниже среднего.
2. Читатели с средним образованием.
3. Читатели с образованием высшим.
4. Читатели со специальным образованием.

О классификации книг по трудности изложения мы говорить не будем, так как каждый читатель знает, что есть книги для него недоступные и есть доступные. Мы можем лишь сказать, опираясь на непосредственное знакомство с русскими книжными богатствами, что мало таких вопросов и отраслей знания, в которых любому читателю, с любой подготовкой, не найдется подходящих книг или, в крайнем случае, журнальных статей. <...>

IX. Переходим теперь, наконец, к последнему вопросу, нами намеченному, — вопросу о значении для данного читателя той среды, в которой ему пришлось родиться и приходится жить, и которая его воспитала, т. е. из которой он впитал наибольшее количество своих психических запасов. Эта сторона читательства особенно интересна, и ее значение, несомненно, громадно. Мы говорим о ней подробно в другом месте[1], здесь же скажем об этом лишь очень кратко. Мы только что показали, какую роль играют в деле накопления знаний и в развитии понимания те запасы, какие имеются в душе человека. Их-то и будоражит, с ними-то и сталкивается то, что дает данному читателю данная книга. Они-то и есть тот материал, который вспыхивает под влиянием читаемой книги, словно от искры. И сплошь да рядом выходит так, что самая искра, вызвавшая этот взрыв, совершенно теряется в его пламени. Психология учит, что всякая наша мысль, всякое переживание, только что в нас возникающее, есть не что иное, как результат, т. е. равнодействующая, нескольких, даже очень многих, сил и, во всяком случае и по меньшей мере, двух главных: во-первых, того нового впечатления, которое только что пришло, во-вторых, того запаса, который *уже был* в данной голове. В результате их столкновения человек одновременно видит и то, и другое, — новое вместе со старым, прежним, одно налетает на другое, сливается с ним и, разумеется, в большей или меньшей степени, искажает и затемняет это новое. Человек приурочивает его к старому, прежнему, — другими словами, судит о нем не по нему самому, а по чему-то другому, не имеющему иной раз ничего общего с этим новым. В каждой читательной голове постоянно происходит работа *искажения* чужих мыслей своими, что, собственно, и делает невозможным понимание чужого. На этой же почве развиваются так наз. «предвзятые взгляды», «тенденции», «интересы», разные в разной обстановке, в разной среде, в разные исторические момен-

[1] Этюды по психологии читательства. (Внеклассное чтение и его организация). — «Рус. школа», 1910, № 11, с. 153—188; № 12, с. 148—177.

ты и т. д. Даже борясь против накопившегося и накопляющегося таким способом хлама, человек лишь с величайшим трудом, и то лишь не вполне, с ним справляется. Но что же сказать о тех, кто с ним не борется, кто вовсе даже не сознает, что в сущности не он сам хозяин своих мыслей, а эти запасы, внедрившиеся, укоренившиеся, захватившие его душу еще «под кровлей отеческой», под которой, как известно, не все и не всегда обстоит благополучно? Но так или иначе влияние среды, несомненно, мешает усвоению не только теорий, более или менее идущих вразрез с требованиями этой среды, но даже и фактов: если и эти последние являются наглядным опровержением традиционных мнений, то и на них иной раз закрывают глаза, голословно их отрицают, переделывают их детали, искажают самый очевидный их смысл. Человек, находящийся под обаянием своей затхлой среды — классовой, сословной, профессиональной, оказывается иногда совершенно неспособным к усвоению многих истин и пониманию элементарнейших требований справедливости[1]. И истина и справедливость для него как бы не существуют. Место первой занимают авторитет и традиции, место второй — классовые, сословные и профессиональные интересы. Попробуйте доказывать, напр., человеку, живущему присвоением чужого неоплаченного труда, что такая его жизнь в самой своей основе противоречит элементарной справедливости, — он подберет вам тысячу разных доказательств, что так и должно быть, что его жизнь и есть настоящая справедливость. Попробуйте дать такому читателю книгу, трактующую о присвоении чужого труда не с его, а с иной точки зрения, — этот читатель отскочит от нее как от рожна, отнесется к ней как к «тенденциозной», «нелепой», «возмутительной» и т. д. Подобно этому отнесется к атеистической книжке человек традиционно верующий, церковный. Так же посмотрит заядлый развратник на книжку морализирующую: он ее станет вышучивать. Этим же несоответствием книжного содержания с тем, что раскрывает читающей толпе сама жизнь, ее экономическая и правовая обстановка во всех странах, во все времена, объясняется, с одной стороны, неспособность реакционной литературы влиять на широкие читательские круги, а с другой, успехи так наз. подпольной литературы, хотя бы она была в ничтожно малом количестве, если только она действительно выражает нужды и потребности общественной жизни. Таким образом, работая над выработкой своего миросозерцания, нельзя не принимать в расчет не только самого себя, свои собственные особенности — нужно еще учитывать и особенности своей среды, а значит, и того исторического момен-

[1] Н. А. Рубакин справедливо отмечает классовую ограниченность мировоззрения эксплуататорского меньшинства. Однако трактовка классовости мировоззрения как обязательно односторонней и необъективной противоречит принципу коммунистической партийности, которая как раз и гарантирует научную объективность (см. также прим. к с. 70). — *Ред.*

та, когда живешь. Один из лучших способов для борьбы с традициями среды состоит в том, чтобы систематически знакомиться с *различными, даже прямо противоположными*, взглядами на одно и то же общественное явление,— не замалчивать по возможности никакого из них, ко всем относиться терпимо, обращая прежде всего внимание на то, что может соединить людей, а не на то, что разъединит их, на всякое мнение смотреть как на исторический факт, который потому и существует на свете, что есть налицо определенные *условия*, которые его породили и которые предстоит понять и оценить. Одна из задач образования заключается в том, чтобы сделать себя возможно независимее от окружающей среды, перестать считать ее мнения своими мнениями, не принимать их более на веру без своей собственной оценки и переоценки. Перестать бояться чужих мнений, несогласных со своими, — это одна из первых привычек, которую должен выработать в себе человек. В настоящее время всех читателей можно разделить на две категории, с точки зрения их отношения к традициям и интересам их среды:

1. Читателей, поглощенных этими традициями.
2. Читателей, независимых от них в своем мышлении.

Разумеется, и это поглощение и эта независимость относительны, как все на свете.

Вряд ли нужно доказывать, что истина — едина и что справедливость — тоже едина, поскольку она сводится к основному правилу всех нравственных религий: «Не делай другим того, чего не желаешь, чтобы тебе делали». Книга, заведомо сообщающая заведомую ложь, никогда не в силах победить книгу, действительно открывающую глаза на действительность и на жизнь. Книга, искренне защищающая интересы такого-то общественного класса, всегда возьмет верх при прочих равных условиях над книгой, неискренне, с увертками говорящей об этих интересах, а в сущности добивающейся противоположного. Во всяком случае, влияние литературы, втирающей очки в глаза, повторяем это еще раз, вовсе не страшно. С другой стороны, не может не чувствовать в себе силы всякий человек, кто только сумеет себя вооружить знанием и пониманием жизни. А так вооружить себя он может не только из тех книг, которые в данный исторический момент кем-то и почему-то считаются кому-то и чему-то неприятными и даже «запрещенными» (было время до 1883 г., когда не допускались в народные читальни и Псалтырь царя Давида, и стихи К. Р.[1] и т. д.). Из многих тысяч книг дозволенных, а еще того больше из самой жизни внедряется в душу каждого из нас, если только он действительно жаждет служить истине и справедливости, та силища, которой никакая темная сила не страшна и перед которой она, в сущности, ничтожна.

[1] Константина Романова. — *Сост.*

Нужно лишь самому-то вооружиться знанием и пониманием и работать, избегая кликушества и жупелов и разных страшных слов. Продуманная идея и святое настроение — тот же протей: они способны ежеминутно менять свой вид, воплощаясь во все новые и новые формы, и потому нет и не было той силы, которая могла бы живую идею остановить и заглушить. Слов в каждом культурном языке много, и не в одни, так в другие слова человек, искренне преданный истине и справедливости, всегда найдет возможность воплотить эти последние и заставить забиться чужие сердца биением своего сердца и засветить своим светом чужие умы. Нужно лишь о себе-то самом подумать, в смысле самовооружения знанием и пониманием. Слабы в этом отношении лишь те, кто сами желают быть слабыми, — распустехи нравственные, нытики и сумы переметные, которым от этих же их качеств и самим-то плохо и горько живется. Жизненную идею зажигает в чужой душе не только хорошая книга, но даже и не хорошая, если только она подходящая: один из первых рассказал народу о декабристах «Русский вестник», реакционный журнал, статьями Татищева. <...> Нужно знать жизнь и читательскую душу и прежде всего сообразоваться с этим, именно с этим, а не со страшными и звонкими словами, которым грош цена... А ведь из-за них-то чаще всего и страдают люди со времен испанской инквизиции...

На этом мы и закончим наш беглый обзор основных читательских типов в связи с вопросом о выборе подходящих книг для них. Из этого обзора, несмотря на его беглость, можно видеть тем не менее, каким образом и в каком смысле согласуется выбор книг для изучения той или иной отрасли знания с особенностями данного читателя. Нетрудно заметить, что это согласование имеет для каждого занимающегося значение и далеко не мифическое или теоретическое, а самое реальное. Имея же в виду вышенамеченные типы читателей и на основании изучения русских книжных богатств, мы позволяем себе утверждать, что для каждого из этих читательских типов можно указать книги, именно им соответствующие.

X

ВОЛЯ И ЕЕ ДЕЛО В ПРОЦЕССЕ САМООБРАЗОВАНИЯ

<...> В настоящее время работа самообразования сводится, в сущности, к одному — к чтению, а то и почитыванию, а то и к перелистыванию книг и в лучшем случае к их изучению, вниканию в их содержание и т. п. Лучшие и наиболее солидные работники над самообразованием обыкновенно упражняют свою волю в самом этом процессе чтения и вникания. На какую же именно работу затрачиваются эти усилия воли? Почти исключительно на *преодоление книг иного психического типа,* на усвоение фак-

тов и идей, изложенных в такой форме, какая несвойственна и трудно приемлема психическим типом данного читателя, какая ему не соответствует, так же как и его социологическому типу.

Возьмем, напр., государственное право. Данные этого последнего (факты и теории) обыкновенно излагаются в учебниках в виде более или менее стройной системы, логически построенной, дедуктивно развиваемой, отвлеченно излагаемой. Типичными и очень хорошими книгами по государственному праву могут, напр., служить «курсы», составленные проф. Н. Коркуновым и А. Градовским. Представим теперь себе эти действительно превосходные книги, лежащие перед читателем индуктивного типа мышления, перед лучшими, перед наиболее способными из них. «Не могу я одолеть, не могу и вместить этой книги», — пишет нам один из таких читателей, человек прилежный, усидчивый и даже с сильной волей. «Каждая истина государственного права, чуть не каждая фраза является передо мной вроде как на весу. Я не знаю, на что они все опираются. Вижу, что автор выводит то или другое из других положений. Но каких? Тоже таких же — висящих. А эти для меня не убедительны. Убеждают меня только те места книги, где речь идет об истории права. Вот это мне понятно, когда передо мной факты да дело». Эта выписка из частного письма чрезвычайно характерна. Она подтверждает еще раз то, что было сказано в предыдущей главе.

Читатель индуктивного типа не может идти иначе к усвоению общих истин, как от фактов к отвлечениям. Пусть даже автор приводит их лишь для иллюстрации положений, дедуктивно развиваемых в его книге, — читатель индуктивного типа, так сказать, выворачивает ее изложение: последующее (т. е. факты) он усваивает *раньше* предыдущего (т. е. тезисов), а если же он все-таки читает и старается усвоить тезисы — на это он затрачивает массу усилий со стороны своей воли, пускает при ее помощи в ход свое произвольное внимание и все-таки, не имея возможности по складу своего ума использовать внимание произвольное, играющее столь огромную роль в экономии чтения, устает, преждевременно ослабевает. Правда, при такой постановке дела воля упражняется. Но вместе с тем она и *истощается.* В результате самообразование приводит в таких случаях не к укреплению, а к истощению, и не только ума, но и воли. В других случаях люди действительно сильной воли буквально «потеют над книгами», им не подходящими, делают выписки, составляют конспекты, наконец, стараются заучивать некоторые их места наизусть, затрачивая массу усилий на всю такую работу. Но и она оказывается почти ни к чему, потому что идеи, усваиваемые при помощи всех этих приемов, все-таки не пускают глубоких корней в мозг, остаются на поверхности в виде готовых истин, чужих тезисов. И это до тех пор, пока к ним не подберутся посредством все нового и нового чтения разных других книг те материалы, которые должны лежать в основе всяко-

го *усвоенного* человеком знания. У людей такого типа весь процесс их самообразования держится на усилиях воли. Трудно и вообразить, сколько, в сущности, ненужных усилий воли затрачивается при этом более или менее бесплодно. Правда, и в таком чтении есть еще одна хорошая сторона, которую мы и отметили в предыдущей главе, так как процесс передумывания своих дум за трудно понимаемой книгой идет в это время своим чередом; но с этой потерей времени и сил еще кое-как могут мириться люди, у которых и того, и другого, а также и материальных средств много. Но против такого передумывания своих дум за непонятной книгой нельзя не возражать во имя экономии времени, сил и средств, что так необходимо для миллионов читателей, которых жизнь *заставляет* думать о том, чтобы в виду грядущих событий вооружаться знаниями, пониманием, настроением возможно быстрее. Для таких читателей особенно тяжело затрачивать на чтение несоответственно выбранной книги массу волевых усилий и все-таки в конце концов, если не случится под рукою достаточного количества книг, ничего не добиться. Не мудрено, что самообразование оказывается поверхностным, дилетантским для огромного большинства таких «самообразовывающихся». Приходится лишь жалеть и жалеть лучших из них, что они, доверяя какому-нибудь рекомендательному каталогу, преодолевают рекомендованную там, но не подходящую для них книгу. coute que coute[1] не столько усилиями ума, сколько воли.

В основу самообразования должен быть положен принцип не только упражнения воли, но и сбережения ее, принцип наименьших усилий с наибольшим результатом, принцип экономизации сил.

Из вышеизложенного естественно вытекает определенная практическая задача. Если читатель припомнит то, что нами было сказано, задача эта решается очень удовлетворительно путем той же индивидуализации самообразования посредством чтения книг того же психического типа, к какому принадлежит и сам читатель. Что будет, если применить этот принцип и приняться за изучение интересующей науки *с подходящей* (в психологическом смысле) книги? В этом случае человек, работающий над своим самообразованием, таким способом главную работу усвоения книжного содержания сбросит с внимания произвольного и возложит ее на внимание непроизвольное. Разумеется, уж это одно сбережет ему немало психической энергии. Таким образом, усилится бессознательное усвоение читаемого, а за сознанием останется главным образом лишь высший контроль. Кроме того, таким же путем усилится и *работа внушения,* производимая в большей или меньшей степени всякой книгой, на всякого читателя во время процесса чтения, т. е. то влияние, которое оказывает данная книга на подсознательную сторону человеческой

[1] во что бы то ни стало, любой ценой (*франц.*).

психики, и установится неизмеримо более глубокое интимное, внутреннее общение между читателем и книгой. В результате этого усвоение книжного содержания пойдет усиленным темпом и несомненно станет полнее. <...>

Посмотрим прежде всего, в чем же заключается работа самообразования даже в лучшем случае? Она обыкновенно сводится к усвоению содержания *книг,* точнее говоря, к усвоению понятий, суждений и систем. В основе этих систем и суждений лежат опять-таки понятия. Логика учит, что в каждом понятий следует различать, во-первых, его *объем,* во-вторых, его *содержание,* под этим последним словом понимается, как известно, совокупность всех существенных признаков данного понятия, а под объемом его — совокупность всех предметов (фактов), из которых извлечено, выведено данное содержание его. Объем понятий — это все вещи, предметы, которые имеют эти, определенно намеченные признаки и которые объединены и объединяются данным содержанием. Работа самообразования обыкновенно идет так: у одних работающих она направлена на усвоение *содержания,* у других (очень немногих) — на усвоение *содержания и объема понятий.* Работники первого типа ограничиваются обыкновенно тем, что стараются дать себе отчет, что собственно должны они понимать под тем или иным научным термином и вообще словом: напр., что такое «капитализм», «социализм», «реформация», «символизм» и т. д. и т. д.? Составив себе некоторое определение, более или менее точное, человек, работающий над своим самообразованием, уже думает, и в большинстве случаев искренне, что вот он уже дошел до кое-чего и по данному вопросу уже приобщился к образованности. <...>

Между тем в стремлении узнать, изучить, исследовать *объем* имеющихся в голове понятий и заключается задача самообразования. И, как мы уже упоминали, особенное значение имеет изучение не только фактов *вообще,* но фактов *спорных, переходных,* которые можно толковать и так и иначе. Казалось бы, на изучение и понимание этих-то переходных фактов и должно бы быть направлено особенно серьезное внимание. Но это не так; обыкновенно изучаются, как иллюстрации к определенным тезисам, факты наиболее характерные, а не переходные. Последние же по большей части забываются, оставляются в пренебрежении. А забывая их и опираясь на первые, мысль приучается к догматизму, теряет значительную часть своего критического характера. Всякий встречавшийся с так наз. «самоучками», точнее говоря, со светскими начетчиками, более или менее поработавшими «своими средствами» над самообразованием, знает, как бывает иной раз несносен их догматизм, их манипулирование с определениями, их незнакомство с переходными фактами, их стремление приурочивать эти последние к тем же определениям, при полном игнорировании того, что в природе и в обществе переходные формы очень распространены и что ориентироваться в явлениях жиз-

ни — сложной, многообразной, с бесчисленным множеством неотделимых одна от другой сторон — куда труднее, чем ориентироваться в терминах, определениях, в содержании понятий. Догматизм — одно из ярких проявлений недоученности. Но воля самоучки, естественно стремящегося к определенности и точности знаний, обыкновенно к догматизму и направлена, хотя в значительной степени бессознательно. Но и сознание, заблуждаясь, подсказывает многим, что и «догматизм нужен» — он ошибочно называется «точностью» и смешивается с нею. Обыкновенно самоучек интересует больше всего содержание понятий. Основа догматики является отсюда сама собой. В деле самообразования с этим явлением нужно бороться и бороться. <...>

Думается нам, что самое естественное и практическое разрешение вышепоставленного вопроса указано уже давным-давно и что можно лишь удивляться, почему это разрешение до сих пор обращало на себя недостаточно внимания. Заключается оно в том, что в деле самообразования должно занять главное и центральное место не чтение книг, не усвоение содержания понятий и даже не возможно полное усвоение объема их, т. е. фактического их фундамента; как мы уже говорили, все это тоже, разумеется, необходимо и желательно, но не в этом суть дела. *Самая суть самообразовательной работы заключается в изучении научных методов,* в изучении *метода* каждой отрасли знания и *в применении метода — в уменье применять его.* Метод предполагает *действие,* точнее говоря, — *действование,* деятельность, практику, технику, иначе говоря, предполагает волю, проявление волевой стороны человеческой личности, размышление о деятельности, обдумыванье практических путей для отыскания и применения научной истины, применения, которое нередко не может не ставить себе и чисто этической цели, направляясь к человеческому благу. Именно изучение фактов, т. е. жизни, лучше всего показывает, как никчемны бывают иногда словесные определения. Знакомство же с методами, даже теоретическое, а в особенности практическое, заставляет человека, стремящегося к знанию, т. е. пониманию жизни, сопоставлять свои умственные представления с нею, а в случае применения метода и непосредственно сталкиваться с этой последней, т. е. с действительностью. А где столкновение, там и борьба, а где борьба, там и усилие воли и *примат ее* — проявление человеческого Я. Именно результаты проявления воли и должны служить меркой образованности, а значит, и успехов самообразования.

Если эту мысль принять во всей ее широте и объеме, то дело самообразования должно быть поставлено совершенно иначе и перенесено совсем на иную почву. Человек, стремящийся к самообразованию, не столько должен гнаться за усвоением научных истин, сколько должен изучить прежде всего те способы (методы), какими люди доходили и доходят до них. Он должен изучить сначала, хотя бы на отдельных примерах, как применялись

методы (напр., из истории разных отраслей знания), а затем изучить применение тех же методов, более или менее упрощенных, в настоящее время, в виде практических знаний, и для себя самого организовать эти последние в возможно большей степени, какая только для него доступна. Словом сказать, техника должна по возможности предшествовать выводам, тезисам, догматам, формуле, закону и т. д. Благодаря этому изучение науки свяжется двояким способом с понятием *личности* человеческой: с одной стороны, история научных открытий есть история личностей, их совершивших, главным образом их эмоциональных и волевых импульсов, неразрывно связанных с *мученичеством* и в науке и в общественной жизни (стремление к истине тоже своего рода страдания человеческие, и они известны многим и многим самоучкам по собственному опыту). С другой стороны, всякое применение метода, т. е. практика, есть вместе с тем проявление *всей* личности, в том числе опять-таки эмоциональной и волевой сторон ее. Вместе с тем такое проявление личности в ее практике уже означает перемещение центра тяжести самообразовательной работы в сферу двигательных представлений, восприятий, ощущений, о которых современная психология учит как о наиболее прочных, жизненных и жизнеспособных. Таким образом, получается фиксация книжного содержания и упрочение книжного влияния посредством воли. Другими словами, книга сближается с жизнью. А так как удачное применение того или иного метода, его доказательность есть лучший способ проверки любой истины, то и проверка книги достигается тем же способом. Вместе с тем делаются немыслимыми и втирание очков, и всякий догматизм, схоластичность, логический и иной формализм. Громадное практическое значение такой постановки дела самообразования во всяком случае неоспоримо.

Нам могут возразить на это, что такая постановка дела в сущности вовсе не нова: практические занятия необходимы в деле всякого изучения, и это одна из очень старых истин педагогики. Но мы, во-первых, и не выдаем эту постановку дела за нечто новое, как о том и упоминали выше. Да, это прием не новый, но он прочный, волевой и жизненный. Мы настаиваем лишь на том, что центром самообразовательной работы должен быть сделан метод, точнее говоря, метод той отрасли знаний, которая в данном случае изучается. В деле самообразования надо сделать центральным пунктом изучение этого метода (историческое, теоретическое и практическое), изучать его хотя бы на каком-либо отдельном примере, но так, чтобы вложить в голову учащегося самое отчетливое, самое реальное представление о тех способах, с помощью которых данная отрасль знаний дошла до других, относящихся к ней же истин, какие учащемуся еще предстоит изучить. К какому бы типу мышления и характера ни принадлежал данный учащийся, — во всяком случае, цель его самообразования — знание, уменье сталкиваться с жизнью и вести с ней

борьбу, зная ее и понимая. А применение методов и есть один из видов этого столкновения. Этого пункта не может избежать ни индуктивный, ни дедуктивный ум, ни эмоциональный, ни созерцательный тип. Быть может, только они придут к этому пункту разными дорогами. И пусть идут каждый своей — только бы дошли до жизни и стали вносить в нее лучшее, что есть в лучших книгах.

В настоящее время составители разных образовательных программ рекомендуют превосходные руководства и учебники. Необходимо сугубо рекомендовать начинающим книги о методах — методах изучения и исследования фактов и теорий, о их фактической, логической, исторической проверке. Как найти истину? Как доказать, что найдена именно истина? Как ее нашли другие и как может ее искать сам читатель? Как привести только что найденную истину в связь с другими, найденными раньше? Все это вопросы научной методологии. Ее-то и должен сделать центром своей работы тот, кто серьезно стремится к самообразованию.

Но, говоря о методе, не следует упускать из виду еще одну, в высшей степени важную сторону дела. Кроме методов отыскания и доказательства истины, существуют далеко не всегда совпадающие с ними методы ее распространения. Кроме методологии научной, существует еще методология педагогическая, которая трактует о методах распространения истины и стремится к тому, чтобы не только ее добывание, но и усвоение возможно широким кругом населения и людьми разных психических и социальных типов не было столь же трудным, как и ее открытие. Принцип экономии сил имеет огромное значение и в той и в другой методологии. В область самообразовательной работы должны входить обе методологии, так как дело самообразования должно быть поставлено так, чтобы всякий над ним работающий и пробивающийся к свету силами своей воли, знал и понимал заранее, что его нравственный и общественный долг — сделать из себя самого центр распространения знаний, где только можно и как только можно. Здесь перед нами снова выступает волевая сторона самообразования. Распространять знания может при желании всякий. И не только может, но и должен. И даже более того, как мы уже упоминали, *не может* не распространять их, потому что невольно делается их центром, действуя на других если не сознательно, то бессознательно. Мы настаиваем на том, что всякий работающий над самообразованием должен ввести распространение приобретенных им знаний в свою программу. Мы говорим такому человеку: старайтесь не только приобретать, но и распространять, старайтесь заинтересовывать других как своими знаниями, так и книгами, их несущими; давать возможность другим людям, стоящим на более низком уровне, чем вы, испытать в себе самом бесконечно приятное ощущение, которое дает человеку расширение его кругозора, понимания, рост его по всем направлениям, в глубину, в ширину, в высоту и в смысле напря-

женности и красоты. Не ждите той минуты, когда другие придут и попросят у вас поддержки в их самообразовательной работе; нет, сознательно, планомерно, неудержимо сами зажигайте в других такое стремление. И знайте — *такая* ваша деятельность, *такое* применение вашей воли вам самим даст *не меньше,* чем сколько вы дадите другим. Она свяжет вас, вашу душу, вашу волю с окружающей жизнью, с людьми и заставит вас любить деятельной и светлой любовью тех людей, которые стремятся к тому же, к чему и вы, и которым вы и можете быть полезны и уже полезны. Одно сознание этой полезности возвысит вас и вашу душу, заставит и вас почувствовать, что и вы не имеете оснований считать себя человеком слабым и никчемным: знание, понимание, настроение, которые имеются у вас и которые вы сознательно переводите, воплощаете в жизнь, — тоже сила, мощная, светлая и непреоборимая. Можно быть специалистом в какой угодно профессии, но все специалисты должны, по нашему глубочайшему убеждению, во всяком случае сделать из себя еще кроме того специалистов по части *распространения* знаний и, изучая методы наук, изучать вместе с тем и методы *распространения* этих наук. Здесь приложение воли и проявление лучших сторон человеческой личности доступны, несомненно, всякому. Как распространить истину? Наконец, как применить ее к социальной жизни и технике, наконец, к дальнейшей теоретической работе. Вот вопросы, научиться отвечать на которые посредством практики, т. е. делом, а не словами, должен всякий работающий над самообразованием. Повторяем, это очень важная сторона самообразовательной работы — требование того, чтобы, работая над самообразованием, человек одновременно учился проявлять себя, так сказать, *педагогически.* Такое проявление, как и всякое другое, представляет из себя опять-таки *ощупыванье* жизни — проявление наступательного отношения к окружающей действительности, проявление воли и борьбы. Изучая методы не только отыскания истины, но и распространения ее, работник во всяком случае *вооружает себя,* и не только на свой собственный черный день, но, как знать, быть может, и на великий светлый день общественного расцвета, и вместе с тем работает во имя скорейшего приближения этого дня. Стоит только присмотреться хорошенько, из кого собственно состоит эта огромная масса людей, работающих над самообразованием, чтобы понять, сколь огромное значение в смысле возможно большего развития внутренней взаимной индукции в этой среде имело бы хоть некоторое уменье этих людей распространять среди своих братьев то, что они уже успели приобрести сами. Надо во что бы то ни стало помогать этой внутренней работе, особенно в среде трудящихся классов; но каждая мало-мальски живая личность не должна оставаться в стороне от этой живой работы индуцирования, оживления других, оживляя и проверяя таким способом и себя, и нужно делать это сознательно, деятельно. Правда, это и теперь само собою

делается, да иначе и быть не может. Но какая же вырастет сила, если та же внутренняя работа пойдет планомерно и сознательно, и всякий работник над своим самообразованием научится и будет уметь работать и для самообразования других? Повторяем, здесь безграничны, непреоборимы, глубоко важны и бесконечно полезны те проявления воли человеческой личности, о которых мы говорим. Надо всячески и всюду отыскивать новые и новые пути, новые и новые способы для ее приложения и проявления, так, чтобы и слепые видели, где и как они могут и должны работать над самопросвещением и просвещением других и как вводить в окружающую жизнь то светлое и самое лучшее, что судьба позволила им, несмотря на всякие препятствия, вложить в самих себя.

Поэтому, работая над самообразованием, своим или чужим, примем за правило: *всюду и всегда искать для воли человеческой все новых и новых способов проявления и путей в целях ее воздействия на окружающую жизнь.* Цель этого воздействия давно уже указана не только многими величайшими светилами человечества, но и христианской этикой, понимая эту последнюю в самом возвышенном смысле слова. Эта цель заключается в том, чтобы сознательно и бессознательно, и в одиночку, и общими силами, вносить в окружающую жизнь, во все круги ее такие перемены, которые уменьшали бы сумму человеческих страданий, увеличивали бы всеобщую удовлетворенность, т. е. счастие людей трудящихся. А считать для себя чем-то недостижимым оказывание такого воздействия не имеет основания никакой человек, кто бы он ни был и на каком бы месте он ни стоял. <...>

Нам скажут, что прежде чем приняться за практику и применение метода, нужно познакомиться с теорией и фактами, хотя бы в самых общих чертах. Совершенно правильно. Но у нас не об этом идет речь. Мы только утверждаем, что для человека, работающего над самообразованием, во всех смыслах выгоднее знакомиться с теорией и практикой по возможности одновременно — так, *чтобы воля и ум работали не последовательно, а одновременно,* и что центр тяжести самообразования там, где действует воля человеческая. И чем больше и ярче она проявится, тем больше значение этой работы для самообразования и образования. *Методу — время, теориям — час.*

XI

КОЕ-ЧТО О РАЗНЫХ ПРАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ И ТРУДНОСТЯХ САМООБРАЗОВАНИЯ

Скажем теперь несколько слов о некоторых трудностях в деле самообразования и прежде всего — о способах проявления своей активности в этом деле. Прежде всего напомним, что есть один способ ускорить работу и сделать ее плодотворнее — способ,

имеющий громадное общественное и психологическое значение. Заключается он в том, чтобы где только можно и как только можно принимать посильное и энергичное участие в общественной деятельности, в тех ее отраслях, которые непосредственно соприкасаются с нуждами самообразования. Таково, напр., устройство библиотек, читален, аудиторий народных чтений, народных университетов, лекций, научных бесед, педагогических кружков и разных просветительных и образовательных обществ, книгоиздательств и т. д. и т. д. Самое участие, хотя бы минимальное, самый факт общения с людьми, горячо, бескорыстно и деятельно относящимися к делу просвещения, несомненно, отразится самым плодотворным образом и на самообразовательной работе, поднимет дух, настроение, откроет новые практические возможности, полезные для этой работы (напр., в смысле добывания книг, поддержки в случае затруднений и т. п.). Если таковых учреждений в вашей местности еще нет, старайтесь завести их, создать, сорганизовать; ищите сочувствующих тому же делу сотрудников, соратников и соработников; проявляйте вашу собственную душу и личность в общественно-полезных начинаниях, в энергичной работе, в смелом и бодром отношении к препятствиям разного рода, не падая духом перед неудачами, не ноя, не раскисая, не опуская рук. Если в вашем уголке нет никакой возможности для такой работы, нет людей и средств для создавания просветительных учреждений — начинайте пока что еще с меньшего — с совместных чтений, совместных образовательных занятий с каким-нибудь одним или двумя дружественно расположенными к вам людьми, стремящимися или способными стремиться к тому же под вашим хотя бы влиянием. Сегодня вас будет двое, а если работа пойдет хорошо, через полгода, через месяц, через неделю вас будет и больше, потому что даже в самой заскорузлой толпе, наверно, есть живые и способные к более высоким стремлениям люди, которые если и киснут в болоте, то лишь потому, что самих себя не могут вытащить оттуда за волосы и ждут толчка, подъема со стороны. Относитесь к такой толпе жизненней, душевней, горячей и искренней — будут тогда у вас и друзья и товарищи. Подходите к людям не в виде быка с рогами, на них направленными (напр., в виде осуждений и злословий, как это принято не только в провинции), а доброжелательно, обращая внимание прежде всего на то, что может соединить вас с ними, а не разъединить, — будут у вас и сотоварищи, и спутники по дороге, ведущей из мрака к свету. А когда они будут, тогда можно поставить вопрос и о систематической совместной работе в виде самообразовательных кружков, совместных чтений с рефератами и т. п. Правда, не для всякого работника такого рода образовательные кружки полезны — это зависит от того, каков психологический тип человека; но и это надо принять в расчет, начиная дело. Есть одна форма совместной работы, по нашему мнению, очень важная, солидная и плодотворная. Заключается она в том, что каж-

дый из участников работает у себя на дому, отдельно, — совместно же ведется лишь обсуждение того, что дано такой работой. При этом каждый из участников ведет свои занятия не по тем же книгам, как другие, а, напротив, все по разным, причем эти книги каждый участник подбирает для себя, смотря по своей индивидуальности. <...>

Делай, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать.

Делать ради процесса делания — это значит поступать подобно тому, как поступает самый заскорузлый чиновник. Делать же ради результатов работы — это и есть работа *созидающая,* творящая, воспитывающая и ум и волю и внушающая доверие к своим собственным силам.

В этом смысле вышеописанная постановка опять-таки полезна в высшей степени. Разумеется, для такой совместной работы можно выбирать какие угодно темы, вопросы, области жизни и знания — прошлой, настоящей, а если угодно, и будущей, — все это зависит от участников и от того, что их интересует. Но что такая постановка не может не оказывать серьезного и благотворного влияния на воспитание воли — в этом вряд ли можно сомневаться. Правда, она возможна лишь там, где есть достаточно книг. Но она достаточна гибка, и дело самих участников, как ею пользоваться.

Таким образом, вопрос о воле и борьбе в смысле расширения внешних возможностей работы над самообразованием сама жизнь уже разрешила на практике миллионами способов. Правда, препятствий к самообразовательной работе всегда и везде много. Но почему же миллионы людей все-таки с ними справляются? И уже справились. И никакие, даже самые страшные, темные силы не могли остановить того, чего требует жизнь. Письма, нами полученные, свидетельствуют о том же. Пишут их нам люди, которым живется в большинстве случаев очень не сладко. Но они все-таки борются — и успевают. И прежде всего успевает тот, кто не унывает. Да и жизнь сама помогает им. Единение ведь идет всюду и везде — и с близкими и с далекими. Единение помогает устройству библиотек, добыванию книг и всякой иной культурной и общественной работе; оно не оставляет без помощи и поддержки человека даже в самых темных уголках.

* * *

В письмах, нами полученных, многие читатели ставили нам еще такой вопрос: с чего же им начинать свою самообразовательную работу? На этот вопрос, думается нам, может быть дан ответ только такой. Начинайте с того, что вам интересно и что важно для вашей жизни. Только тогда вы сделаете много, когда ваша самообразовательная работа будет для вас интересна и внесет кое-что новое и важное в вашу жизнь. Великое дело во

всякой работе — ее систематичность. Но еще важнее — ее интересность, увлекательность, любовь к ней, — словом, настроение, эмоции работы. Нужно стремиться к тому, чтобы сделать интересной всю систему, о которой у нас шла речь в V главе. Но система становится интересной для многих читателей лишь тогда, когда они почувствуют ее громадное значение для них лично. Нужно, чтобы человек это действительно почувствовал. А как это сделать? Первый шаг к этому — чувствовать интерес хоть к чему-нибудь. Второй шаг — понять тесную зависимость этого интересного с чем-то другим, что до сих пор было еще неинтересно. То приобретает таким образом также значение и интерес. Но никогда, нигде, ни на одну минуту не следует забывать, что *главная суть книги — в жизни, а не в книге.* Жизнь и жизнь прежде всего.

Мы это уже говорили и никогда не устанем повторять. Горе тому, кто смотрит на книгу как на нечто самодовлеющее. Нельзя сводить самообразование на чтение, т. е. на книгу. В этом и состоит главнейшая ошибка большинства программ и руководств домашнего чтения. Мы не к книге, а к жизни зовем наших читателей, и потому придаем нашей постановке дела несколько иной характер. Не уму читателей, а воле их мы желали бы дать немножко больше, по мере наших сил, — воле, творящей жизнь. Мы к жизненному творчеству желали бы звать и звать, в глубокой уверенности, что все формы и все стороны жизни нуждаются в свежих творческих силах, а каждый человек, кто бы он ни был, сможет, если захочет, быть творцом хоть в какой-нибудь области. *Что именно* творить — на этот вопрос дает каждому ответ сама жизнь, если к ней человек присмотрится. *Как* творить, *какими путями, приемами, способами* — на этот вопрос может ответить и книга. Творческая работа сделает жизнь интересней, применение к жизни сделает ее сильной, искренность читателя и возвышенность его намерений и целей сделает ее плодотворной, а бескорыстная борьба за проведение в жизнь новых начал, опирающихся на то лучшее, что соединяет, а не разъединяет людей, — красивой. Начинайте с большого или самого маленького, с частного или с общего, с астрономии или с беллетристики, с ремесла или с теории — все это дороги, только дороги, но такие, которые, если вы пойдете по ним все дальше и дальше, глубже и глубже в жизнь, и пойдете упорно, энергично и честно, все ведут к одной общей цели, все сходятся к одной точке, о которой у нас еще будет дальше идти речь, и имя ей — правда, точнее говоря — *сила правды:* каждый человек должен из себя сделать или по крайней мере делать человека прежде всего сильного, а сильным, как мы говорили, может сделаться даже слабый человек только одним способом: опираясь, во-первых, на действительно точные и достоверные знания жизни, т. е. на истину, во-вторых, будучи действительно справедливым, т. е. умея оценивать все явления жизни с точки зрения справедливости, иначе говоря, отрицательно

относясь к несправедливому распределению и духовных, и материальных, и всяких иных благ.

Вышесказанное определяет не только общий ход работы над своим самообразованием, но и самый смысл ее, и общий план ее. Таким образом, ответ на первый вопрос можно формулировать в конечном итоге так: начинайте вашу работу над самообразованием с внимания к тем сторонам лично вас окружающей жизни, которые вам наиболее близки и интересны, ставя в основу этого внимания на первый план и прежде всего интересы истины и справедливости.

* * *

Некоторые читатели пишут нам, что они не знают, с какого научного вопроса, с какой области жизни начать им свои занятия по самообразованию. Иным неинтересно ничего, другим, напротив, интересно все. Третьи имеют интерес к каким-либо частным вопросам. Один читатель писал нам, что его «ничто не интересует» и потому они ничего не читает. Читателя такого типа можно спросить: ну, а разве вас не интересует ваша собственная, личная жизнь? И разве бы вы не хотели чувствовать, что и вы живете яркой, глубокой, жгуче напряженной, плодотворной жизнью? Это всем интересно и желательно, и на это всегда можно опереться при выборе первой интересной книжки. У каждого человека можно найти больную струнку души, а затем найти и книгу для него — именно ту, которая заставит эту самую струнку зазвучать настолько сильно, что человек сдвинется с места. А тот, кто боль уже чувствует, редко не интересуется причинами этой боли — будь она в области личной или общественной жизни, семейного, классового или общечеловеческого страдания. А искать эти причины — это уже значит заглядывать во все области мироздания, потому что все эти причины всегда бесконечно сложны, и все между собою бесконечно перепутаны — до такой степени перепутаны, что нет никакой возможности отделить одну от другой; трудно бывает даже судить о том, какая из этих причин «главная», а какие второстепенные, потому что все они одинаково необходимы для того, чтобы при их стечении данное явление произошло в том самом виде, в каком оно произошло. Не будет среди этого клубка причин хотя бы одной из них — изменится непременно и само явление, хотя немножко, но *непременно* изменится.

Чтобы понять любое явление в окружающей жизни да и внутри себя, необходимо, значит, понять по возможности все его причины, а с этой целью искать, исследовать, обдумывать каждую из них, и ее силу, и ее значение, и ее роль. А переходить от причины к причине — это и значит изучить такое явление *со всех сторон*. Значит, углубление умственной работы не может не пойти дальше, если она начнется, хотя бы и с этой стороны. Иные

придавленные жизнью читатели как будто ничем не интересуются — совсем им не до этого. Но нетрудно доказать и им, что это только так кажется: то, что им больно и тяжело живется, и то, отчего им так живется, это до них очень даже касается. Труднее «пронять людей сытых». Но и тех интересуют вопросы *мировые*, напр., о будущей жизни, о боге, о чудесах, о преданиях священных книг. Не разрушая их наивной веры, а главное, не говоря ни одного страшного и в особенности резкого слова, можно заинтересовать и их до глубины души *поисками* истины, выложив перед ними, но непременно во всей жизненной яркости, ряд фактов, совершенно и ни в каком отношении не мирящихся с традиционными объяснениями теологического свойства (напр., по вопросу о древности Земли, о чем, кстати сказать, сама библия не говорит ни слова, по вопросу о происхождении Земли, видов и т. д.). Один читатель, только что ничем не интересовавшийся, сразу же стал задавать нам вопросы, едва лишь прочитал посланную ему книжку, где рассказывается понятно для него и о древности Земли, и о происхождении растений и животных.

Еще легче подойти к тому, кто интересуется «всем». Такие читатели чаще всего и спрашивают у нас: с чего же собственно начать работу над самообразованием? Ее можно со *всего* начать, с любого вопроса, с любой книги. Но лучше всего (отвечаем раз навсегда на такой вопрос) вести в таком случае работу систематически в зависимости от степени подготовки читателя, в зависимости от типа его. Если это читатель типа практического, т. е. если он ищет знаний ради непосредственного приложения их к жизни, пусть он начинает свою работу с углубления знаний по своей специальности. Если это читатель, любящий отвлеченное мышление и способный к нему, пусть он начинает с книги, дающей общий обзор Вселенной, и идет от общего к частному. Если это читатель с типом конкретного мышления, т. е. мыслящий образами, яркими фактами, пусть он начинает свою работу с прочтения какой-либо монографии, т. е. описания, исследования какого-либо частного, отдельного факта, но зато исследования со *всех* или с многих сторон; каждая монография представляет собою как бы каплю воды, в которой отражается многое; всякий частный случай — это ведь лишь один из целого ряда других подобных же случаев. Всякий случай представляет собою как бы отдельный образ, пример, дающий иллюстрацию какого-либо общего вопроса <...>

Такого рода подбор книг для начала нами и практикуется в нашей переписке с читателями. Вопрос о том, «с какой отрасли знания и с чего начать», — это опять-таки вопрос *индивидуальности* личных особенностей. Любой вопрос систематической программы, помещенной в одном из предыдущих писем, можно обставить книгами *соответственно читательским типам* и таким образом помочь читателю в деле усвоения и фактов и идей, на них основанных, и с возможно меньшей затратой времени и сил. Но

для всех читателей, кто бы они ни были, круг знаний и идей, в конечном итоге, во всяком случае, остается одним и тем же, поскольку программа охватывает собою весь мир явлений, т. е. природу, жизнь. К этому комплексу и надо идти. А кто и каким путем к ней пойдет и кто и насколько до него приблизится — это вопрос второстепенный. Цель — общая, пути — разные. Цель определяется тою совокупностью знаний, которая необходима каждому человеку, желающему сделаться образованным. Что касается до путей, то они определяются личными свойствами, интересами, желаниями, стремлениями, обстановкой жизни каждого читателя особо.

«Делай, что можешь, старайся делать возможно больше» — вот принцип работы. То же можно сказать не только об изучении каждого отдельного вопроса, отдельной области жизни, но и относительно выполнения всей общеобразовательной программы: для читателей дедуктивного типа, т. е. такого, который в своем мышлении идет обыкновенно от понимания общих истин к пониманию истин частных, из тех вытекающих, легче начинать свое самообразовательное чтение с общих обзоров Вселенной, затем переходить к логике и математике и затем идти к истории и т. д.; напротив, для читателей конкретного и индуктивного типа, т. е. такого, который способен основывать свое мышление на изучении прежде всего фактов, возможно реальных фактов, легче всего начинать именно с них изучение любого вопроса, а в общей схеме — начинать с истории. Впрочем, разумеется, не следует забывать при этом, что все такие отвлеченные и общие указания, во всяком случае, нуждаются также в приспособлении их к каждой отдельной индивидуальности.

При такой постановке работа над самообразованием приобретает очень определенный смысл и цель. Вместе с тем определяются и размеры, и характер работы для достижения такой цели. Обыкновенно, когда говорят об образовании, говорят о «выработке общего миросозерцания», об «общем образовании», в противоположность специальному и, забывая на время обстановку своей жизни — свое обычное, обыденное дело, машут на это последнее рукой, подымаются в эмпиреи науки, а на жизнь (это бывает нередко) смотрят сверху и даже свысока.

Мы лично думаем, что такая постановка дела далеко не для всех близка, интересна и понятна. Для иных читателей лучше начинать работу с другого конца, взяв исходной точкой не отвлеченную схему миросозерцания, а непосредственно близкую, непосредственно касающуюся жизни, т. е. самых насущных интересов человека, стремящегося к образованию, его жизни такой, какая она есть, со всеми ее мелочишками и неурядицами. Правда, можно идти к пониманию окружающей жизни, взяв за исходную точку и общую схему, т. е. общий план миросозерцания. Но к тому же самому, т. е. общему плану, можно прийти и с другого конца.

Жизнь нераздельна. Жизнь — единое целое. *Поэтому в каждой мелочи жизни отражается вся жизнь.* Если вы чувствуете, что научная истина, которую дает образование, входя в вашу жизнь, уже делает ее светлее, а вас сильнее, то, по этому самому, вера в науку уже усиливается в вашей душе, а самообразовательная работа вызывает в вас новую энергию. Вот, напр., вы, читатель, учительствуете где-нибудь в деревне или работаете в больнице, или на телеграфе, в конторе, на фабрике и т. п. Положим, как это часто встречается, ваша жизнь не удовлетворяет вас. Вы понимаете, что не только и есть свету, что в вашем окошке, но что есть и лучшая жизнь, более интересная, плодотворная, осмысленная, чем ваша. Эта последняя, быть может, даже опротивела вам, и вы уже опускаете руки, в уверенности, что, живя в вашем уголке и вашей жизнью, вы уж никак не сможете сделаться человеком действительно образованным. Как ни тяжело испытывать то, что вы испытываете, но так *оценивать* ваши ощущения и идеи — все-таки большая ошибка. Вы можете и вы должны идти вперед и вверх с той самой позиции, на которой стоите. Даже не покидая ее. Можете даже *использовать* ее, эту самую позицию, для вашего образования и для распространения этого последнего в вашем уголке, т. е. для общего, необходимого, крайне важного дела. И правда, кто бы вы ни были, для вас не может не представлять особенного интереса именно *ваша* работа в таких-то *ваших* условиях. Ваша прямая цель — возможно скорее внести в эту работу нечто новое, свежее. Многим читателям можно дать такой совет: начинайте ваше самообразование с того конца, который для вас имеет практическое значение, так, чтобы ваш труд возможно скорее отразился на вашей *творческой* работе и *помог бы вам творить,* т. е. вносить нечто новое в вашу жизнь, в окружающую вас среду. Берите хотя бы книжку, касающуюся непосредственно ваших профессиональных занятий. *Не в том самая суть дела, какую вы книжку возьмете, а в том, что вы передумаете, читая ее.*

Но какую бы книгу вы ни читали, ставьте прежде всего себе самому вопрос, действительно ли все понятно вам в той книге, которую вы читаете? Нет такой книги, из которой даже самому ученому читателю было бы понятно все. Тайны мира, тайны познания не укрываются от глаз человека мыслящего, ученого даже и в народных книжках, которые пишутся обыкновенно так, будто бы люди уже «до всего дошли». Но это неверно. Искание истины или *более полной* истины никогда не может прекратиться. Отделяйте непонятное от понятного, познанное от непознанного, достоверное от недостоверного, точное от неточного, то, что есть, от того, что кажется. Идите в глубину, прежде всего в глубину. Тогда перед вами сам собой возникнет целый ряд вопросов. Любая книжка наведет вас на мысли о целом ряде явлений, происходящих в вас и вокруг вас.

Стремясь к расширению своих знаний и к углублению своего понимания, вы не можете не прийти к мысли о том, что для вас необходимо знакомство с явлениями и психической и общественной и космической жизни. Одно естественно следует за другим. Каждому человеку интересно и важно прежде всего понимать собственную, интимную, психическую жизнь. Только понимая ваши собственные переживания, вы способны будете понимать и жизнь других. Но ведь ваши переживания суть жизненные явления, происходящие в вашем мозгу и в вашем теле, жизнь которого так резко отражается на деятельности мозга. Далее, и ваша психическая, и ваша телесная жизнь не будут понятны вам, если вы не сравните их с психической и телесной жизнью других людей и не углубите ваших знаний о человеке знаниями и о животном мире. Впрочем, и это лишь начало вашей работы над самообразованием. В основе телесной жизни лежит жизнь клеточек; в основе этой последней — жизнь атомов. Углубляя ваши знания, вы не можете не перейти из области явлений психических в область физики, химии и других наук, изучающих самые глубины устройства Вселенной. Но и это еще далеко не все. Все ваше существование и все ваше самообразование находятся в тисках разных правил, циркуляров, распоряжений, законов и т. д., как в их современном положении, так и в их истории. Кроме того, вы и вся ваша работа — результат очень определенных экономических, вообще социальных условий, к которым вам нельзя не присматриваться, которых нельзя не изучать. Вы не можете не уяснять себе вопроса о том, почему же существуют на свете бедные и богатые, властные и униженные? — ведь эти вопросы имеют самое близкое отношение к вашей собственной жизни. Вы не можете не уяснять себе вопроса и о том, что же такое справедливость на Земле и в чем смысл вашей собственной жизни пред лицом нищеты и несправедливости?

Жизнь перед вами стоит во всем своем величии как единое целое, и с какого бы конца вы ни начали вникать в нее — вникайте: все равно вам придется прийти к тому выводу, что для вашей жизни и вашего творчества в ней необходимо знание и понимание и вашей личной, и общественной, и космической жизни. *Вникайте в окружающую жизнь — и дойдете до общего миросозерцания.* Присматривайтесь ко всем ее проявлениям, определяйте возможно скорее и точнее, какие именно ее стороны наиболее интересны вам, с какой именно стороны вам особенно важно подойти к пониманию жизни.

Только не забывайте главного правила: идти все в глубину и глубину. Это самое существенное и важное. Лишь в таком случае вы действительно вникнете в окружающую вас жизнь и сделаетесь знатоком ее интересов, а в случае нужды — и представителем их.

Но вы не можете сделаться им, не вникнув в жизнь вплоть до атомов. Вы не можете осмыслить вашей работы над вашим обра-

зованием, если не станете думать о том, чтобы быть выразителем основных потребностей жизни.

Сводя все вышесказанное к одному, мы приходим к такому выводу. Начинайте работу над вашим образованием с вникания в окружающую вас жизнь. Определите прежде всего, какие стороны жизни вам всего ближе и интереснее. С них и начинайте выработку вашего общего миросозерцания, идя в глубину и ширину и всегда имея в виду не только созерцание жизни, но прежде всего — жизненное творчество.

В одном из предыдущих писем мы набросали в основных чертах общую схему интимной, социальной и космической жизни, и эту-то схему и положили в основу общего миросозерцания, а значит и общего плана самообразования. Схема, данная нами, охватывает все главнейшие области жизни. Человек, действительно образованный и развитой, должен составить о всех о них некоторое понятие — возможно точное, достоверное, разностороннее, глубокое, не только теоретическое, но и практическое. И, по нашему мнению, прежде всего практическое, т. е. такое, в создании и применении которого к жизни на первом месте стоял бы не только ум, но и чувство, и главное — воля.

Присмотримся теперь повнимательнее к данной схеме. Прежде всего, как мы на это уже указывали, нельзя не видеть, что все отделы ее, иначе говоря, все стороны жизни, в ней отмеченные, теснейшим и неразрывнейшим образом связаны между собой, все это действительно только стороны одного и того же целого, все той же жизни. А из этого вытекает, что, изучая ту или другую из этих сторон, не следует забывать и всех прочих. Да и нельзя забывать, потому что, чтобы понять какое-либо одно явление, необходимо иметь некоторое представление об очень многих и даже о всех других сторонах жизни. Напр., движение небесных светил как будто бы далеко от Земли. Но чтобы понимать и изучать его, необходимо познакомиться с *историей* астрономии, а история астрономии непонятна, напр., без знакомства с историей *религии*, которая так мешала успехам этой науки, и *историей* географических открытий, которые наглядно доказали шарообразность Земли, и *хозяйственной жизнью* человечества, которая заставила в поисках за богатствами пускаться в самые рискованные путешествия, в которых сыграли такую роль *нравственные, этические* качества вождей и толпы. Таким образом, попробуйте вникать в любое явление жизни, и вы увидите, что и в нем содержатся элементы разнообразных наук.

А отсюда следует, что образованным человеком можно сделаться лишь познакомившись со *всеми* областями жизни. Другими словами, работая над своим образованием, надо думать не только о частностях, но и *об общем* — только оно поможет разобраться в частностях и каждой из них отвести свое место.

Но это легко сказать — «познакомиться со всеми областями жизни», с «общим». Спрашивается, как это сделать или делать?

Работа в этом отношении естественно распадается на два приема:

1. Прием предварительный и подготовительный.
2. Прием основной.

Первый представляет из себя введение во второй. Состоит он в том, чтобы из каких-либо книг или иным способом узнать о существовании разных явлений жизни, о некоторых, но наиболее основных и характерных чертах каждой области. Это предварительное, самое общее знакомство необходимо для того, чтобы осмотреться, ориентироваться в целом. На это не нужно терять много времени и труда. Можно указать лишь 2—3 подходящие книги, которые уже позволят сделать это.

Особенно полезны в этом отношении книги, излагающие *историю мира в его целом,* и вот в каком смысле.

Как известно, все имеет свою историю, потому что кроме природы и вообще Вселенной, надо полагать, ничего вечного и бесконечного нет и не было. *Точные* исторические документы доказывают, что когда-то не было многих ныне существующих государств, учреждений, современного уклада экономической, политической, религиозной, духовной, социальной и всякой иной жизни. Все это было иным. *Точные* геологические исследования показывают, что когда-то не было и человечества, и других животных пород, и растений, и нынешних гор и морей, и земной коры. Исследование и сравнительное изучение небесных светил властно наводит на мысль, что когда-то не было и Земли, и Солнца и т. д. Другими словами, то, что мы видим вокруг себя, появилось постепенно и последовательно, не только одно *после* другого, но и одно *из* другого. Что же из чего?

Историческое развитие мнений — это один из частных случаев развития жизни и развития Вселенной. Это и выясняется тоже точными исследованиями. С этим и должен познакомиться всякий человек, работающий над своим самообразованием. История (иначе говоря эволюция) жизни связывает в одно неразрывное целое все многообразие окружающей нас жизни. Познакомиться с общей картиной эволюции — в этом, по нашему мнению, и должен состоять первый шаг в деле общего образования. Это знакомство с нею расположит все, уже имеющиеся у вас знания в один общий, хотя и ветвистый ряд (точнее — ствол), свяжет все со всем *органически,* т. е. внутренней связью. Затем легче будет изучать и детали.

Такая постановка дела, разумеется, нисколько не противоречит тому, что было сказано выше, а именно, что нужно начинать с того, что лично наиболее интересует. Не говоря уже о том, что общая картина мировой эволюции интересна, как это показывает исследование читающей публики, огромному большинству ее, она не может не быть интересной даже заядлым специалистам, потому что должны же и они понимать свое собственное место во Вселенной, — другими словами, должны же и они прийти к той

же схеме, хотя бы начиная со своего частного интереса, своей специальности. Поэтому на вопрос тех, кто еще не знает, с какой же области знаний, с какого вопроса начинать свое самообразовательное чтение, можно дать такой ответ: начинайте с вопроса об эволюции. Эволюция, по современному научно-философскому воззрению, — основное явление Вселенной. Уже по этому самому необходимо понять его ясно и отчетливо. <...>

Познакомившись с общей схемой мироздания и его эволюции, выбираем самый интересный предмет для изучения, т. е. область, наиболее интересную для данного читателя. Таких у нас было намечено три главнейших: интимная, социальная, космическая. Каждую из этих областей нельзя не изучать тоже двояко: а) в целом, б) отдельными частями. Целое — это значит общая картина области. Для каждой области можно найти книги, знакомящие с нею как с единым целым («общие обзоры» ее). Кроме того, существуют и монографии о разных областях или сторонах. Познакомиться с литературно-общественной жизнью *в целом,* с историей человечества *в целом,* с его распределением и жизнью на земном шаре *в целом* с органической и неорганической природой *в целом,* наконец, с Космосом — такова дальнейшая задача. Но как с этим знакомиться? <...>

Распространяя выводы, сделанные в одном месте, на жизнь, существующую в других местах, теоретики путаются и сбиваются, а главное — путают и сбивают других. Из этого видно, что, вникая в жизнь, необходимо очень осторожно относиться к теориям. Лучше всего знакомиться с ними в *исторической форме,* т. е. из книг по истории данной отрасли знания или данного научного вопроса. <...>

История лучше, чем что-либо, доказывает *относительность всяких* теорий. Все они, быть может, за очень малыми исключениями, хороши до поры до времени, пока не найдутся лучшие, пришедшие им на смену. Все они более или менее нуждаются в дальнейшей разработке, и даже лучшие из них не чужды некоторой спорности. Но что сказать в таком случае о теориях, в создании которых замешано человеческое чувство, интересы, хотения и стремления? Спорность и относительность их еще того больше. Отсюда вывод: знакомясь при вникании с какой-либо теорией, отнюдь не следует считать ее за абсолютную истину, и если при этом встретятся люди (или книги), оспаривающие ее, — отнюдь не следует относиться к ним с нетерпимостью: всякое, хотя бы противоположное мнение, честно, откровенно и искренне высказанное, — лучший материал для проверки своего собственного. При вникании надо *всегда* производить эту проверку. Во всяком случае, наиболее устойчивый элемент во всякой теории — не идея, не мнения, не стремления, а факты. Разумеется, для понимания разных теорий в высшей степени важно знакомиться *с историей столкновения их,* т. е. с полемикой их приверженцев. К сожалению, есть у книг полемических одна сторона, которая, по нашему

глубокому убеждению, делает их совершенно непригодными для людей, недостаточно знакомых с историей мнений и только начинающих разбираться в теориях и фактах.

Нам известны многочисленные примеры, когда начинающая молодежь впервые знакомилась с литературными и общественными течениями по книгам полемического характера, написанным, по обычаю, хлестко, размашисто, с подсиживаниями и подлавливаниями противника, вынося из такой литературы самое неполное, сбивчивое, одностороннее впечатление об обоих лагерях, а главное, сразу же усваивая пристрастное отношение к одному из них, — позиция, имеющая мало общего как с истиной, так и со справедливостью. Эмоции, составляющие необходимую и естественную принадлежность полемической литературы, действуют сильнее всяких рассуждений и даже фактов, и до поры до времени, т. е. до знакомства с историей общественных течений, лучше всякие «полемики» оставить в стороне. Но одно дело — эти полемики, и совсем другое дело — критика, анализ, научный спор, столкновение разных более или менее противоположных воззрений. <...>

Переходя теперь к *основному* приему, о котором было сказано выше, повторяем, самая суть работы над самообразованием заключается в постоянном вникании, углублении — в отыскивании корней. Схема эволюции показывает, что корни-то эти оказываются всегда совсем в другой области: напр., корни появления человечества находятся в жизни животных и вообще органической жизни; корни этой последней — в жизни химической, физической и вообще неорганической; корни этой последней — в жизни космической. Кроме того, все, что происходит вокруг нас, происходит именно так потому, что имеются налицо *все* условия для того, чтобы это происходило. Если вы не отметите этих условий и не вникнете в них, вы ничего не поймете. При изучении общественной жизни особенно важно это вникание во *все* условия, при которых совершаются данные явления, и в нем-то и дело: если же вы всегда станете вникать, вы непременно перестанете быть человеком узким, поверхностным верхоглядом; вы не замерзнете на одной вашей специальности, а постараетесь вместить в свое сознание все отделы намеченной нами схемы, по правилу: *не зная частей, не поймешь целого; не понимая целого, запутаешься в частях.* А коли это так, можно сделать и такие выводы:

1) для каждого специалиста необходимо общее образование (знание и понимание по общей схеме);

2) для общего образования, чтобы осуществлять и вообще вносить его в жизнь, необходима какая-либо специальность.

Горе тем, кто, прочитав одну-две книжки, решает, что он понял и постиг самую суть дела, а значит, и довольно. Такие господа только вредят делу просвещения. И не только просвещения, но, как показала история последних лет, вообще мешают борьбе сознательных элементов народа за лучшее будущее. Из

верхоглядов именно вырабатываются кликуши всех толков и партий, вносящие столько смуты и раздора и в борьбу и в жизнь вообще. К верхоглядам нужно отнести и тех читателей, которые сводят все дело самообразования на чтение книг и на усвоение их содержания, не сопоставляя его с жизнью. Лучшие из таких читателей не только читают, но изучают, делают конспекты, выписки и т. д. Мы лично, разумеется, не противники всего этого. Но все-таки мы утверждаем, что глубоко заблуждается тот, кто сводит все дело самообразования к чтению. Это и видно из многих полученных нами писем. Можно быть начитанным, но вместе с тем непонимающим человеком. Можно быть даже невеждой-профессором. А об этической оценке и говорить нечего: можно быть ученейшим мракобесом Победоносцевым, можно быть Пуришкевичем и приставом с университетским значком и Азефом с инженерским. Теперь мы будем говорить о том, что значит действительно вникать и вникнуть в какой-либо предмет, избранный данным читателем в силу его личного интереса в вышенамеченной общей схеме.

XII

КОЕ-ЧТО О ВНИМАНИИ К ОКРУЖАЮЩЕЙ ЖИЗНИ

Как известно, на долю мало-мальски культурного человека, в особенности российского, выпадает бесконечно большое число самых разнообразных несчастий. Но нет несчастия, думается нам, более ужасного, более зловредного по своим последствиям, по той массе страданий, которые им причиняются человеку, к тому же длительно, в течение всей человеческой жизни, как нижеследующее: имея глаза — не видеть, имея уши — не слышать, имея нормальный мозг, устроенный не хуже, чем у других, не понимать того, что творится вокруг, что до этого самого мозга, этого самого человека и его души и его тела даже очень близко касается, что его держит в тисках, давит, ломает, калечит, душит, пытает на всевозможные лады. Жить, не видя, не слыша и не понимая, — разве же это житье? И разве люди, так живущие, — люди, а не устрицы и грибы?

Сознавали ли вы, читатель, обращали ли вы внимание, до какой степени громадно количество явлений, совершающихся тут же, перед вами, с позволения сказать, перед самым вашим носом, но которых вы вовсе не замечаете? <...>

Работа над своим самообразованием должна класть конец бессознательному или мало сознательному отношению к жизни. Она должна вести к тому, чтобы утилизировать, использовать свои силы, свои способности, время, свой психический и социальный тип и для своего и для чужого счастья. Должна, говорим мы, — иначе это не будет настоящим самообразованием.

Это последнее заключается вовсе не в том, чтобы вложить в свою голову столько-то общих понятий, общих мест, хотя бы

и опирающихся на факты, теории, формулы и т. д. Такой багаж во многих случаях не только не помогает, но даже мешает настоящему образованию, как это и было уже сказано выше. Настоящая образованность заключается *в умении видеть, слышать, чувствовать и понимать жизнь такою, какова она есть, ориентироваться в любое время и на любом месте и в каких угодно обстоятельствах и вносить в жизнь те изменения, какие необходимы для того, чтобы делать* человеческое существование более счастливым, т. е. таким, при котором полнее и возможно разнообразнее удовлетворяются человеческие потребности, к тому же без ущерба для других людей. Что-нибудь, много ли, мало ли — это другой вопрос — *может сделать в этом направлении всякий человек, кто бы он ни был, где бы и когда бы он ни жил.* И прежде всего надо научиться сосредоточивать свое внимание, свой ум, свои знания и вообще силы на любой точке окружающей жизни. Сосредоточивать *не скользя.* Нужно ли еще говорить о том, сколько людей, владея вниманием как определенной психической силой, все-таки не умеют быть внимательными, т. е. не умеют этого качества не только использовать, но и пустить в ход. Между тем каждый, в сущности, может выработать в себе это умение, а как это делать, об этом существует уже целая литература — педагогическая, научная. Каждый человек может даже сам определить степень развития своего внимания, напр., сделать опыты над самим собою.

Обыкновенно внимание сосредоточивается на том, что бросается в глаза, т. е. выделяется из ряда других явлений. Обыкновенно люди сосредоточивают свое внимание на явлениях незаурядных. И не столько потому, что их непосредственно тянет к этим незаурядным фактам, что их глаз ищет чего-то крупного, яркого, а больше потому, что они сознательно заглушают в себе интерес к «обыденщине», как бы отбрасывают в сторону, но на самом-то деле впихивают всю сумму якобы мелких впечатлений куда-то вглубь, в темный склад души, а озарять их своим сознанием, останавливаться на них считают как будто ниже своего достоинства. Они «выше мелочей, выше повседневной жизни». Вернее же не выше, а просто нечувствительны к ним, просто испорчены воспитанием школьным (большей частью правительственным) или же семейным, общественным, которому тоже не всегда выгодно, чтобы дети *замечали все вокруг себя.* У них просто притуплено внимание, закостенела душа.

Говоря о самообразовании, мы прежде всего зовем к расширению, углублению, возвышению жизни, и потому на вопрос о том, как присматриваться к окружающему, мы даем такой ответ: соберите все силы вашего внимания и устремите его на *обыденщину,* на *вашу* обыденщину, как бы она ни была тускла и монотонна. Если вам суждено бороться с нею и уйти из нее, из вашего болота — без помощи обострения вашего внимания вы оттуда *никогда* не выйдете. <...>

Чтобы с болотом, да и вообще с жизнью, справиться, не только знание и понимание необходимы — нужны и эмоции, т. е. чувства, нужна и воля — вообще нужны сильные переживания. Именно обострение внимания к обыденным мелочам даст их вам. Только оно может положить конец вашей неопределенности и в области ума, и чувства, и воли. Только оно может придать *точность* вашему мышлению, придать *точные* очертания объектам вашей любви, ненависти, злобы и вообще вашим положительным и отрицательным стремлениям. Так или иначе, именно с этого надо начинать. Но внимание к отдельным мелочам — это лишь начало дела. Это еще далеко не все.

И правда, у любого факта жизни *всегда* много разных сторон. Надо присматриваться по возможности ко всем или, по крайней мере, ко многим сторонам факта. Всякий специалист, как известно, подходит к факту с своей излюбленной или ему лучше всего известной стороны, вроде того, как парикмахер смотрит на человека с точки зрения его шевелюры. Для человека, действительно образованного, совершенно недостаточно такого отношения. Обострение его внимания должно сказаться в умении видеть *разные стороны любого факта* и в жизни личной, и общественной, и космической, чтобы в конечном итоге получилось нечто цельное. Образованный человек видит разные стороны там, где человек темный не видит их, а видит лишь какую-нибудь одну и *по ней судит о всех* прочих, вроде того как вымуштрованный, малосознательный солдат колет правого и виноватого только потому, что это объект повелений начальства: пырнул — и решил дело. Вот и мы «пыряем» жизнь, односторонне подходя к ней и *судя о бесконечном, разностороннем нелепо — односторонне.* Присматриваться к жизни — это значит освободиться от привычки к одностороннему вниманию, это значит выработать в себе уменье видеть многое и разнородное в том, что кажется с первого взгляда однородным. Общая схема этой разносторонности дана нами в том письме, где речь идет о схеме мироздания и миросозерцания, потому что их схема — это вместе с тем и схема разносторонности. <...>

Когда же внимание переходит от факта к причинам или условиям его — это уже значит, что кругозор мыслящего человека *расширяется.* Следует здесь отметить, говоря о мелочах жизни или мелких, обыденных фактах, еще одну сторону их. Взирая на какой-либо факт, не можешь не спросить себя — есть ли это *единственный* факт своего рода, т. е. явление *исключительное,* или таких фактов много, быть может, даже очень много? Внимание должно останавливаться не только на *качестве фактов,* о чем шла выше речь, но и на *количестве* их. Оно должно научиться собирать, суммировать факты, подводить им общие итоги, распределять их по группам, наконец, подсчитывать их. Подсчитывать, в каком бы медвежьем уголке вы ни жили. Читая газеты, также принимайте в расчет повторяемость и коли-

чество фактов. Тем-то особенно и важна статистика, что она помогает оценивать факты смотря по степени их распространенности и повторяемости. Поэтому каждый человек, желающий серьезно всматриваться в окружающую жизнь, должен хоть немножко, но быть статистиком. Но и, будучи статистиком, за мертвыми цифрами он не должен никогда забывать живую жизнь, человеческую личность, служащую материалом для статистики и заинтересованную в том, о чем вопиют статистические данные. Прочтите прекрасный рассказ Глеба Успенского «Живые цифры» («Четверть лошади» и др.), и вы поймете, что это такое — переводить язык цифр на язык страданий человеческих. <...>

Узнавать чужие мнения надо только для того, чтобы сопоставлять их с явлениями, фактами жизни, вообще с жизнью. Чужой человек, писавший книгу в иное время, в ином месте, далекий от вас, все равно вашей жизни вам во всех деталях не растолкует. Ее придется толковать все-таки вам самим. Да и реагировать на жизнь вашу будете все-таки вы, а не он. Из всего вышесказанного уже следует, что работа над самообразованием неотделима от понимания окружающей жизни и от самого внимательного всматривания в нее.

XIII
КОЕ-ЧТО О СМЫСЛЕ И ЦЕЛИ ЖИЗНИ

<...> В этой главе мы намерены несколько пояснить это понятие расширения жизни.

Прежде всего, выдвигая его на первый план, мы отнюдь не думаем, что ценность жизни только ее расширением и определяется, и только к расширению ее и сводится. У жизни есть свои нравственные и общественные ценности — истина, справедливость, любовь, симпатии человека к человеку, чуткость, активность и т. д., о чем мы тоже говорили не раз. Здесь мы будем говорить о расширении жизни личности на основе нарастания этих ценностей, их нарастания как качественного, так и количественного, и о их завоеваниях, какие они делают и могут делать еще сильнее и в человеке, и в обществе, и в человечестве. <...>

Как же идет в человеке это расширение жизни? Вполне естественно, что оно идет от физического к моральному, от низшего к высшему, от более простого к более сложному, от смутного и бессознательного к ясному и сознательному, от вялого к напряженному, от безобразного и бесформенного к гармоничному и красивому, от узкого круга личных интересов к все более и более широкому кругу социальному, всечеловеческому. Из стремления жизни к размножению физическому и духовному возникает семья, далее клан, племя, вообще общество и более

широкие общественные группы. В самой жизни как бы заложено стремление быть продуктивной — *потребность продуктивности,* таков *факт.* Но эта потребность, этот симптом излишка силы действует и на весь организм, на *все* органы, не только на специальные; она оказывает давление на все существо. И в конечном итоге получается следующее.

Даже независимо от влияний окружающей нас среды, даже вопреки ей и подчас невыносимому ее гнету, наша жизнь не может отрешиться от стремления расширяться — жизнь *всех* сторон нашей психики — и ума, и чувств, и воли. Наша *умственная* жизнь всегда идет нарастая, в том смысле, что в самом ходе этой жизни ощущения прибавляются к ощущениям, факты к фактам, идеи к идеям. Остановить это накопление ничто не в силах. Жить — значит мыслить и узнавать, чувствовать и действовать. Другими словами, жить — это значит расширять свой кругозор, свои переживания и деятельность. Правда, кое-что с течением жизни нами и забывается, но то, что забывается, всегда перевешивается в здоровом организме тем, что узнается вновь. <...>

История науки, научно-философской мысли, неудержимо развивающейся, начиная от обыденной практики прикладного знания, все вверх и вверх, от служения немногим к служению всем, от условной лжи — к правде, от корысти — к бескорыстию, — лучший пример этого вечного возвышения умственной жизни, проявляющейся как в отдельном индивидууме, так и во всем человечестве, в вечном стремлении вперед и вверх... Но и это еще далеко не все. Одновременно с этим всегда шло и идет нарастание умственной жизни в смысле напряженности, от вялой мозговой неподвижности дикаря к лихорадочному мышлению цивилизованного человека, к эмпиреям умственной жизни того или иного таланта и гения, от шаблона заплесневелой обыденщины к страстным исканиям Фауста. И это развертывание умственной жизни в ширину, вглубь, вверх и в смысле интенсивности — это и есть ее нарастание, которого не может не чувствовать каждый живой человек. И кто скажет, что в этом нарастании не видно и не чувствуется своеобразной и мощной красоты той же жизни.

То же развертывание жизни в глубину, в высоту и во всех других направлениях наблюдается и в области *чувства.*

То же явление нарастания, расширения, интенсификации жизни наблюдается и в области *воли.* «Мы чувствуем потребность производить, напечатлевать на мире форму своей активности, — говорил Гюйо. — Действовать стало потребностью большинства людей. Мы чувствуем потребность хотеть и работать не только для себя, но и для других. Чувствуешь потребность помогать другим, давать и свой толчок плечом повозке, с трудом увозящей человечество, во всяком случае — жужжишь около нее» *.

В какую бы область человеческой деятельности мы ни взглянули, закон расширения жизни, все большего и большего накопления ее, нарастания и проявления, осмысливания и удовлетворения обнаруживается всюду и не только как идеал, но как факт, как естественное явление, как необходимое условие для *ощущения жизни.* Остановка расширения, его задержка, а тем более обратный ход его — сужение, съеживание, стеснение — всегда, всюду, естественно и неизбежно сопровождаются ощущением неприятного, страданием. Это тоже «закон природы», проявление которого всякий, надо полагать, испытал уже и на себе самом.

Для каждого из нас жизнь и эволюция жизни — ее нарастание, ее развитие в смысле полноты, разносторонности, глубины, возвышенности, напряженности и красоты — сами по себе цель. Если в нас самою природою вложена способность переживать — эти переживания не могут не занимать в каждом из нас центрального места. Смысл жизни — ощущение *удовлетворенности, приятности, удовольствия от этого расширения жизни* во всех этих направлениях. Бесцельна жизнь всякого существа тогда и там, где и когда оно не стремится к этому расширению. Бессмысленна она тогда, когда вследствие остановки или съеживания расширение жизни замирает. Расширение всякой жизни постоянно указывает человеку целый ряд самых разнообразных целей — и дальних и близких; всякая далекая и главная цель естественно распадается на ряд более близких и промежуточных. Участвуя в расширении и осмысливании своей собственной жизни, борясь за расширение своего Я, каждый из нас этим самым уже помогает расширению жизни вообще, ее расцвету, ее распусканию и неизбежно выходит за пределы своего Я, неизбежно делается одним из носителей идеалов общественных и борцом за их осуществление, даже не останавливаясь пред самоотверженными жертвами.

Отсюда следует: если ты человек и чувствуешь себя человеком, расширяй свою жизнь во всех направлениях, углубляй, возвышай, делай ее возможно разностороннею, полной, напряженной и красивой. Расширяй, не боясь борьбы с препятствиями, потому что самое ощущение расширения настолько сладостно и приятно, что оно одно вознаграждает за те страдания, которые влечет за собой эта борьба с препятствиями. Расширяй, не боясь борьбы, не жалея даже себя, потому что, жалея и съеживаясь, ты этим самым обрекаешь себя на страдания, к которым еще прибавляется сознание своей слабости, малой жизненности, безжизненности. Если ты не в силах почему-либо расширить твою жизнь во имя брата человека, расширяй ее хоть для себя, не мирись с своей собственной кислятиной и прозябанием в темной и узкой норе. Выходи из нее во имя того, что и ты — человек, что и тебе ничто не чуждо, что и ты не желаешь жить съежившись и в утеснении. Сознай это самое твое

собственное хотение жить по-человечьи — оно есть, да, оно есть и в тебе. Есть и сознание этого *в каждом* человеке, и призыв к жизни полной, глубокой, возвышенной, напряженной и красивой не может и не должен пролететь мимо человеческого сердца, какое бы оно там ни было. Сознание же — это и есть сам человек. Сознание — это и есть та оценка, которую я сам себе делаю. А поступаться своим сознанием — разве же это значит жалеть себя? Это значит — переходить из ранга существ высшего порядка в ранг существ порядка низшего. Только расширение жизни дает настоящее ощущение удовольствия, а затем и более прочного и длительного счастья и удовлетворения.

Перед силой этого радостного ощущения всяким жизненным страданиям — грош цена. Именно потому сладко бывает людям иногда даже жертвовать собою и самою своей жизнью, умирая на кресте, на костре и на виселице. Даже люди физически слабые, но развертывающие свою жизнь и, таким образом, повинующиеся природе, оказываются сильнее насильников, суживающих жизнь в других. Поэтому нет такой силы, которая бы, в конечном итоге, смогла остановить нарастание всех сторон человеческой личности. Нет, не было и не будет, потому что природа прет, требуя себе дороги и в слабом из слабых...

Самообразование, точнее говоря, стремление к нему — одно из многих проявлений все того же расширения жизни.

В первой главе мы писали: каждый может и должен стать образованным человеком. В этой главе мы прибавим: этого требует природа, сама жизнь, вечно растущая во всех направлениях. Этого требует бессознательно и сознательно сам человек, который, как всякое живое существо, стремится ощущать жизнь, переживать приятное ощущение от самого факта ее существования, что возможно лишь при расширении жизни.

Но ведь радостное и приятное ощущение жизни — это и есть то состояние, которое называется счастьем.

А если это так, то не ясно ли, чего собственно ищет человек, стремясь к образованию? Он ищет своего счастья. Но вечно расширяющаяся жизнь от этого своего счастья влечет и ведет его дальше и дальше, в сторону счастья массового и всенародного, общего. Пусть даже в будущем образование ничего не даст человеку. Но уже много дает самое ощущение того, что вот кругозор мой расширяется благодаря такой-то моей работе, а мысль моя делается все светлее и светлее, проникает в окружающее глубже и глубже, все лучше и лучше разбирается, оценивая окружающее все с более и более возвышенной точки зрения, различая добро от зла, справедливость от несправедливости, правду от лжи, наконец, все напряженнее и напряженнее чувствуя в такой работе, что да, я действительно живу, живу всеми фибрами своего тела, всеми чувствами души, всеми силами во мне скрытыми, проявляя их вовне, потому что это самое проявление, эта возможность проявления мне приятна, и сладостна, и радостна,

и ощущая все это, я и сознаю, что я человек, я — личность, я — нечто жизненное, нечто творящее, нечто, носящее свой смысл и свою цель в самом себе...

«Я сам себе цель. Всякий человек — самоцель», — учат некоторые современные философы. Смысл моей жизни — это смысл жизни вообще — расширение, углубление, возвышение, напряженность, красота.

Есть философы, которые рекомендуют: человек, живи в свое собственное удовольствие, а остальное все приложится. Другие убеждают: человек, приноси себя в жертву тому, что считаешь высшим, — твоему ближнему, обществу, народу, человечеству. Третьи, не соглашаясь вполне ни с первыми, ни со вторыми, доказывают, что и в данном случае крайности не хороши, и любовь к себе необходимо уравновешивать любовью к этому высшему.

Но может существовать еще одна точка зрения, не согласная ни с первыми, ни со вторыми, ни с третьими, и она заключается в следующем. Разумеется, жизнь должна быть приятной, и выбрасывать из своей жизни или отодвигать на последний план элемент удовлетворенности жизнью, не считая его основным и руководящим, не приходится. Но дело в том, что, как уже было сказано, всякое живое существо чувствует себя удовлетворенным лишь при условии постоянного расширения жизни, ее разнообразия, полноты, глубины, интенсивности. Стоя же на этой точке зрения, человек не может сам в себе замкнуться и не может жить только в свое удовольствие, и если ему придется в жизни выбирать между собой и ближним, самый рост его жизни подвинет его в сторону последнего — будет толкать его именно в эту сторону. Жить только для себя — это значит не расширять, а ограничивать свою жизнь, отбрасывая из нее целый ряд областей, сторон, актов, переживаний, по существу свойственных даже заядлому себялюбцу, быть может, даже в силу бессознательного, вложенного самой природой чувства симпатии к существам, ему же подобным. Ведь даже отъявленным эгоистам приятно быть иной раз альтруистами, значит, и их психика не лишена-таки ощущения удовольствий этого рода. Даже любя себя, нельзя не желать расширения своего Я. Но лишь только оно станет расширяться, оно неизбежно захватит и ближних, и дальних, и общество, и народ, и человечество, и весь мир. И при этом это самое Я и его удовольствие нисколько не отбрасываются в сторону и не забываются. С другой стороны, и самая жертва тому, что считаешь высшим, оказывается вовсе не жертвой, а тем же удовлетворением и в этом смысле приятным переживанием. Человек, ее приносящий, не только потому идет на жертву, что считает интересы общества, народа, человечества чем-то более высоким, чем свое собственное ощущение приятного переживания. Такой человек скажет самому себе: «А если я все-таки отдаю самого себя хотя бы даже на страдание, так это потому, что эти *мои* страда-

ния мне самому кажутся ничтожно малыми сравнительно с страданиями других людей, ради которых я отдаю себя, — пусть это отдельные люди, пусть это людская масса, народ, человечество. А в этом случае самое ощущение моего собственного страдания уже дает мне удовлетворение, связывая меня с чем-то великим и святым. И я сам пойду на жертву, когда, расширяя свой кругозор, свою отзывчивость, свою деятельность, сам сознаю свою неразрывную связь, единство с окружающей меня средой — обществом, народом, человечеством, Вселенной. Когда я сам нахожу удовольствие в ощущении и сознании этого единства, я сам говорю: «Чужое горе — мое горе, чужие страдания — мои страдания».

Но если ваша жизнь до этих пределов не расширится, а останется замкнутой в круге только личных переживаний? — спросят такого человека. «Что же, быть может, и не расширится — это мое дело». Что же из него выйдет? Только то, что и для самого человека целый ряд приятных, великих, интенсивных переживаний останется в стороне, за кругом его Я. Другими словами, *такой человек возьмет от жизни не все то, что он мог бы взять.* А это-то и есть несчастие и ошибка миллионов людей.

Цель образования, а значит, и самообразования состоит в том, чтобы получить возможность брать и взять от жизни и дать ей что только можно, опираясь на те приятные ощущения, которые доставляет человеку самый факт жизни, расширяющейся во все стороны, вплоть до деятельности на пользу других, и прежде всего тех, кому живется особенно тяжело, т. е. трудящихся классов. <...>

Посмотрим теперь, к чему собственно сводится это расширение на практике.

I. Первое требование, которого нельзя не предъявить к своей жизни, сводится к разносторонности и полноте. Жизнь нераздельна, жизнь многостороння, жизнь бесконечно сложна, изменчива и текуча. Все в ней связано со всем, все влияет на все, каждый факт отражается на других фактах уже тем самым, что он существует. Образование должно вести к целостному, интегральному пониманию, оценке и переделке жизни и захватывать и волю, и чувство, не только разум.

В знаменитой сказке Э. Лабулэ «Принц-собачка» описываются между прочим три министра — министр мысли, министр дела, министр слова. Последний умеет только говорить, не умея думать и делать, министр дела умеет только делать, не умея ни говорить, ни думать, и министр мысли умеет только думать, не умея ни делать, ни говорить. Вряд ли можно назвать действительно интеллигентным и образованным человеком того, кто приближается к одному из этих трех типов. Все это люди половинчатые, точнее говоря, *дроби человеческие,* неполные, односторонние существа, не столько творцы, сколько *исказители* жизни, благодаря самой своей односторонности.

Таким образом, расширение жизни идет:

1. От односторонности к разносторонности.

2. От малого круга к большому, от точки к бесконечности, от момента к вечности.

3. От человека к человечеству.

А. *В первом отношении,* говоря об образовании, нужно говорить об изучении не одной какой-либо науки или искусства, а *цикла* наук и искусств.

Об усвоении их не только умом, но и чувством и волей и об их применении в жизни.

Б. *Во втором отношении* нужно бороться с узостью кругозора и идти от познания непосредственно окружающего к познанию Вселенной, ее строения в пространстве, ее перемен во времени.

В. *В третьем отношении* — от самосохранения и любви и уважения к самому себе — к признанию всех других существ, к уважению и любви к другим и к терпимости во всех смыслах, по правилу всех великих религий и моральных систем: не делай другим того, чего не желаешь, чтобы тебе делали. <...>

II. Говоря об углублении жизни, тоже приходится говорить не только о более глубоком понимании, но и о более глубокой оценке, а главное — о деятельности по существу, иначе говоря — о выборе для себя и своей работы такой позиции, стоя на которой можно бы осуществлять свои цели, бороться наиболее успешно и плодотворно за осуществление своих идеалов. Вряд ли нужно доказывать, что центральным пунктом вопроса является именно вопрос о практической работе, о внесении своих идей и чувств, и знаний, и понимания — в жизнь. Нетрудно понять, что всякий односторонний человек, в сущности, неглубокий человек. Будь он более глубоким, он стал бы вникать и вникать в то, что видит, и в конце концов от факта к факту, от одной его стороны к другим сторонам, дошел бы до самой сути дела. Неглубокий человек с трудом отличает существенное от несущественного. Только вникая и вникая, сравнивая и сравнивая, можно отделить одно от другого. Только углублением своего мышления можно отделить известное от неизвестного, точное от неточного, достоверное от недостоверного, действительно понятное от мало понятного, или даже непонятного, неизвестного, непознанного, непознаваемого и т. д.

III. Еще важнее уметь вникать, производя *оценку,* прилагая к явлениям жизни мерку добра и зла, справедливости и несправедливости, разбираясь в условиях и причинах, которые и виноватого делают иной раз невиноватым, и обратно, — оценку, в которой играют, как известно, бесконечно важную роль и инстинкты, и привычки, и интересы, и весь уклад жизни, имеющий обыкновенно очень мало общего с истиной и с справедливостью. Но еще труднее так углубить свою жизнь, чтобы всю свою работу жизни, всю жизнедеятельность согласовать со своим идеалом и ответить на такой вопрос: *кем* мне стать, какую избрать

профессию, чтобы при ее помощи осуществлять на своем веку мой идеал? Где место в общей машине жизни тому винтику, который могу представлять собою и я? Человек, в котором жизнь сильна, кипуча и действенна, не может не стремиться и к тому, чтобы эту силу затратить наиболее производительно, — не для своего только удовольствия (это было бы для него слишком узко), но и для того более широкого круга, какой уже обнимает его душа. Такой человек ищет для себя не только профессии, но и позиции, и для всякого «маленького дела» ищет и большого смысла — смысла широкого, глубокого, общественного служения. <...>

Здесь мы естественно переходим к вопросу о возвышении жизни, о ее возвышенном понимании и оценке ее, и о деятельности, которая «не в виде ужа пресмыкается и не в виде червя извивается, а в виде орла стремится вперед и вверх».

Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный,
Блажен, кто жизнию умел
Хоть раз коснуться правды вечной.[1]

Жизнь не должна представлять из себя стоячего, мертвого болота. Человек должен чувствовать, что он живет, чувствовать в себе напряженность жизни и нарастание этой напряженности. Человек не должен представлять из себя рыбу или лягушку. Он должен ощущать запас своих сил и переводить его из состояния запаса в рабочее состояние. Неделанию нужно противопоставлять делание, ощущение делания, творчества, внесения чего-то своего в жизнь. В творческой деятельности напряженность жизни чувствуется сама собой, и если творчество не обходится без мук, оно же богато и радостью и жизнерадостностью. Но напряженность жизни сказывается не только в творческой деятельности. Она сказывается и в области мышления, и в области чувства. Именно напряженность жизни и делает ее особенно сладостной, создает то, что украшает ее. Напряженность жизни бывает у разных людей различной, смотря по человеку. У иного она проявляется ярче всего в области мышления и разных интимных переживаний, у других в виде внешней борьбы. Но в чем бы она ни проявлялась, основная приятность и красота ее — в силе переживаний. Давно замечено великими художниками, что сильные переживания имеют свою прелесть даже тогда, когда они сопровождаются страданиями. Высшее счастье переживает человек тогда, когда напряженность его жизни переходит от полуспячки и прозябания к пробуждению сознания, от умственной дремоты к просветлению, от апатии к отзывчивости, от бездеятельности к деятельности, от творчества, служащего нуждам отдельной личности или семьи, к творчеству ценностей, полезных

[1] Из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин». — *Сост.*

для всех людей. Высшим же проявлением жизненной напряженности несомненно является настроение борьбы за счастье, за мало-мальски сносное существование тех, кому при современном общественном строе живется особенно тяжело, т. е. за благо трудящихся классов. Этого требует от каждого из нас элементарная справедливость. Совесть, отзывчивость, понимание, образованность, честь, все эти стороны нашей души указывают на ту же дорогу.

Настроение борьбы у разных людей проявляется миллионами разных способов, но везде сводится к одному и тому же: расширению рамок окружающей среды в целях возможно большего простора для всякой индивидуальности, единственный предел для которой должны составлять все другие такие же индивидуальности, ей равноценные и равноправные.

Если я человек, то и ты — тоже. Если я не желаю жить собачьей жизнью, то и тебе не желаю таковой. Если я делаю все от меня зависящее, чтобы сделать мою жизнь возможно полнее, и шире, и глубже, и возвышеннее, напряженнее и красивее, то и в тебе я ценю и поддержу те же стремления, потому что, благодаря этому расширению моей жизни, мое Я заключает и твое Я, да и мое Я войдет в твое Я одним из необходимых элементов.

Есть и еще категория людей — категория созерцателей, не столько оценивающих жизнь, сколько ее изучающих, подходящих к каждому явлению жизни, как к факту, который только потому и совершается, что для этого имеются в данное время и в данном месте свои определенные условия. Для таких людей (их тоже немало среди наших читателей) работа над самообразованием сводится к изучению явлений и их причин, и в каждом вопросе общественном и личном они видят своего рода космический вопрос, — якобы объективную истину, которой здесь, в сущности, нет, да вряд ли и может быть. Изучать *не оценивая* человек, даже самый беспристрастный, в силах лишь явления неорганической и органической природы. Даже самые беспристрастные двигатели науки не чужды субъективности. И даже тот, кто изучает явления природы хотя бы и неорганической, не может обойтись без миросозерцания общественного. И правда, каждая наука предполагает свое применение и распространение. А кто, и как, и против кого, и на пользу кого будет ее применять? Это вопрос социального строя, который то осмысливает, то обессмысливает работу хотя бы лабораторного ученого. Плох тот ученый, который, сидя в своем ученом углу, забывает о социальных условиях, где протекает его и личная и ученая жизнь, и увлекается лишь ощущением удовольствия, связанного с научным занятием. В ученом человеке близорукость и закрывание глаз на общественную несправедливость еще отвратительней, чем во всяком другом. <...> Нет, преобладающий интерес к космической жизни не спасает даже архи-беспристрастного ученого от тех социальных неурядиц, среди которых этот ученый живет.

Присматриваясь к жизни космической, он не может не присматриваться и к жизни социальной, иначе его жизнь будет не жизнь, а его лаборатория — ракушка хотя бы и ученого слизняка. Но русская жизнь давит ведь и таких. Поэтому и здесь приходится сказать: всматриваться хотя бы в космическую жизнь в конечном итоге означает опять-таки всматриваться в ту же социальную жизнь. <...> Из всего предыдущего само собою очевидно, в какой именно области лежит центр самообразования. Он — в общественной жизни и в общественной деятельности, с которою сливается, не может не сливаться и личная и космическая жизнь. И если это справедливо для всех времен и всех исторических моментов, то тем более справедливо это для нас, русских, несомненно стоящих перед лицом великих исторических событий, о которых скрепя сердце говорят те, кто стремится не замечать их. Кто бы вы ни были, читатель, так и знайте — история отнюдь не оставит в покое и вас, как она уже не оставила десятки миллионов не менее вас мирных и спокойных русских людей. И к ее визиту в ваш личный, интимный или объективно-ученый уголок вы теперь же должны готовиться. Вы должны стать au courant[1] фактов и мнений, и вообще народных и общественных течений русской жизни, и сделать это возможно быстрее, не останавливаясь даже перед напряженной работой.

Русская жизнь загнала десятки миллионов людей в тупик, в угол и сделала это с такой скоропалительной жестокостью, что эти загнанные люди в этот самый момент забыли даже о том, что их много, что их большинство и потеряли уверенность в себе и забыли о том, что такое и смысл и цель жизни.

Не пора ли опомниться и спросить самого себя: да в чем же, наконец, заключается смысл и цель моей жизни перед лицом варварских подвигов Левиафана — «чудища обла, озорна, огромна, стозевна и лаяй»?* <...>

---

[1] в курсе (*франц.*).

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

<...> На нашу долю выпало великое счастье: нам пришлось пережить момент такого общественного и духовного подъема русской жизни, какого никогда еще не видала вся русская история [1]. Прошли времена исторического затишья, робкого «культурничества», времена мещанских теорий «малых дел», времена политического мрака и социального уныния, без отзвука и просвета. Как ни тяжело приходится теперь нашей родине и многим из нас, тем не менее для всякого теперь ясно, что историческая ночь прошла. Новая политическая жизнь началась, хотя пока что она идет еще явочным порядком. Но мы присутствуем не только при политическом возрождении нашей родины. Пред нами стоит, во всем его грозном величии, вопрос социальный. Вокруг нас кипит борьба труда и трудящихся во имя перестройки всего общественного здания на новых, справедливых началах, т. е. во имя того принципа, что все блага, созданные природой или обществом, все богатства, созданные коллективным трудом всех, по самому существу своему представляют общественное достояние, которое лишь при современном социальном строе превращается в частную собственность и, следовательно, для восстановления справедливости рано ли, поздно ли должно сделаться собственностью общественной, собственностью всех, должно перейти в общественное владение. Эта основная идея, этот великий принцип будущего строя жизни и новых социальных отношений уже делается достоянием широких народных масс, с каждым днем, с каждым часом, с каждой секундой завладевая все большим и большим числом душ. Кто же сможет остановить этот поток сознания, который находится в тесной и неразрывной связи, если можно так выразиться, с потоком самых насущных народных интересов? Кто в силах положить ему предел? Уж не ничтожная

---

[1] Доклад, читанный 25 марта 1907 г. при пожертвовании автором этой книги принадлежащей ему библиотеки Л. Т. Рубакиной в собственность Петербургского отдела Всероссийской Лиги образования (отдела Московской части г. Петербурга).

ли кучка жалких остатков отжившего величия, выродившихся нахлебников исторической несправедливости? Умы мало-мальски непредубежденные ясно понимают, души мало-мальски отзывчивые и искренние ясно чувствуют, что началась заря новой не только политической, но и социальной жизни. Уже растут во всех отношениях и, разумеется, в конце концов победят те, кто еще так недавно считался, а некоторыми и теперь считается «безответным рабом», «рабочими руками». Даже и теперь уже можно сказать, что истинный победитель — это народ, трудящийся народ, пролетариат, трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция, идущая рука об руку с народом. В умы широких масс все больше и больше входит сознание, что весь народ есть и должен быть истинным собственником, распорядителем и потребителем всего культурного, материального и духовного богатства. Он, а не те, что ныне живут присвоением неоплаченного труда и считают себя еще хозяевами положения. И вот, исходя из этих соображений, и стоя перед лицом величайшего исторического периода, и делая неизбежный логический вывод из основных посылок того миросозерцания, которое я имею честь разделять со студенческой скамьи, я, скромный работник в области народного просвещения, считая делом своей чести и совести служить победе этого миросозерцания не только пером, передаю мою частную собственность в нераздельное общественное владение Московской части Петербургского отдела Всероссийской лиги образования, а в ее лице всему петербургскому населению и прежде всего — петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции.

Мои друзья знают, что мысль о таком превращении принадлежавшей мне библиотеки возникла у меня еще в начале 90-х гг. Я никогда не смотрел на эту библиотеку как на мое личное достояние, и если я не передавал ее обществу раньше, то, во-первых, потому что сначала необходимо было сделать так, чтобы было что давать; во-вторых, все 90-е годы прошли в беспросветной реакции и передавать библиотеку тогда было некому, гарантий существования не было — даже таких слабых, какие существуют в настоящее время, по крайней мере, в области просвещения. Наконец, в 1903 г. я уже делал попытки передать свою библиотеку С.-Петербургскому городскому управлению, но эта попытка, не по моей вине, окончилась неудачно. Лига образования в моих глазах является возрождением и продолжением С.-Петербургского комитета грамотности, безвременно погибшего под слизкой и холодной лапой великого инквизитора. Я вижу в списке членов Лиги многих моих друзей и соработников по Комитету. В моей душе оживают воспоминания о Комитете. Я искренне радуюсь, что одно из дел моей жизни будет находиться в заведывании друзей, посвятивших всю свою жизнь великому делу самого широкого просвещения народных масс и на борьбу за права и счастье трудящегося народа. Я верю, что эти работники и борцы поведут дело лучше меня и в нем всегда будут

давать отчет всему населению, которому, как я сказал, отныне и принадлежит библиотека, основанная моей покойной матерью.

* * *

Библиотека, принадлежащая всему населению, разумеется, должна быть организована так, чтобы хозяином ее было действительно все население. Иначе говоря, библиотека эта должна быть организована на самых широких демократических, общественных началах. Это и имелось в виду при выработке проекта библиотечного устава. <...>

Но устав — это, так сказать, лишь формальная сторона дела. Кроме демократизации устава, должна быть осуществлена демократизация книжного обращения, т. е. тех книжных богатств, которые и составляют библиотеку. Иначе говоря, библиотеке должен быть придан такой характер, чтобы все эти книжные богатства действительно стали обслуживать именно тех граждан, которые в этих богатствах наиболее нуждаются, т. е. тех, которые наиболее обделены благами жизни при современном капиталистическом строе. Но что означают эти слова? Они означают, что должен быть демократизирован, так сказать, самый каталог библиотеки, самый каталог библиотечных книг. Такая демократизация — это вопрос сближения книги с читателем, с толпой, это вопрос общественного служения всякой книги, вошедшей в состав библиотеки, ее служения прежде всего трудящемуся народу; это вопрос книжного распространения, книжных завоеваний человеческих душ; это вопрос наступательного действия книги на читателя; это вопрос общественной психологии и социологии. Библиотека — и общественная психология! Библиотека — и переживаемый исторический момент!

Эти понятия совсем не так далеки одно от другого, как это кажется с первого взгляда. Они тесно связаны между собой. Библиотека — орудие общества в борьбе за лучшее будущее, орудие для распространения не только научных знаний, не только понимания, т. е. критического отношения к окружающей действительности, но и общественного настроения. Если таким орудием является книга, то как же не быть им целой библиотеке, т. е. ассоциации книг? Девиз всей моей жизни был таков: «Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». Позволяю себе думать, что это не только мой девиз, но и девиз многих других работников книжного дела, преследующих просветительные и общественные задачи. Он же должен стать девизом общественной библиотеки, организуемой на широких началах. В этом девизе — самая суть библиотечного дела, потому что в нем самая суть книжного дела * вообще. Но что такое книжное дело? Это дело — та же жизнь, это дело идет вовсе не в тишине ученого кабинета, а также и в борьбе. Это дело — не книгоедство, и не психопатическое

коллекционирование, оно вовсе не сводится к глотанию книжной пыли и смакованию книжного хлама; это дело — кипение, оно должно быть полно горячего общественного настроения, настроения борьбы. Ведь вопрос и идет о том, чтобы вооружить наиболее обездоленные классы такими мощными орудиями борьбы, каковы знание, понимание и настроение. Но ведь это вопрос всего современного строя. Разве можно сводить в таком случае книжное дело к уровню какой-то мертвечины? Потому я и говорю: это дело — сама жизнь и борьба. Так к нему и должно относиться. Так его и следует понимать. Да так его и понимают в настоящее время многие десятки тысяч работников и борцов, усилиями которых теперь, можно сказать, вся Россия вооружилась честной книгой — такой самой книгой, за какую еще вчера тысячи самоотверженных людей несли неслыханные страдания, напоминающие средневековье.[1]. Сообразно с этой основной задачей книжного распространения должно быть организовано и библиотечное дело. Ведь библиотека есть и должна быть именно органом распространения книги. Об этой внутренней идейной организации библиотечного дела я и намерен сегодня сказать несколько слов. Но позвольте сначала сделать еще одно маленькое замечание pro domo suo[2]. Не без некоторого смущения приступаю я к своей задаче. Ведь мне придется говорить о том, чего я сам не в силах был выполнить. Мне придется рисовать такие перспективы, каких я сам и все мои сотрудники по библиотеке не смогли выполнить в жизнь. Да, и они не смогли, и я не смог, потому что библиотечное дело — это вовсе не маленькое культурное дело, это дело широкое и общественное, а чтобы поднять его на должную высоту, недостаточно сил и средств одного человека. Настоящее общественное дело может быть сделано только общественными усилиями и общественными средствами. Но для него нужны не только средства. Еще нужнее то, чего не может ему дать никакой капитал, если бы он и находился в распоряжении данного просветительного учреждения. Для развития этого последнего необходимо прежде всего общественное настроение многих отдельных работников. Только такое настроение, только их единение, их труд, их понимание всей жизненности и жизненного значения этого учреждения может поднять его на должную высоту. На нашем примере, как в капле воды солнце, отражается старая истина, что частная собственность — плохое условие для подъема общественного настроения, а значит, и для производительного труда работника. Да, я не мог поднять бывшую мою библиотеку на ту высоту, которой я для нее желал и которой, по мере сил, добивался. Я не мог осуществить те перспективы, которые выяснились для меня многолетним изучением книжного и библиотечного дела. Но вы, вы — общество, вы — часть народа, вы — тру-

[1] Писано было в 1907 г.
[2] между нами (*лат.*).

довая интеллигенция, — вы это наверно сможете. Будем же теперь говорить о таких перспективах библиотечного дела, которые для всех нас одинаково желательны, и будем говорить о них именно для того, чтобы осуществлять их общими силами. Ведь теперь между нами нет собственника. Мы все совладельцы и все сотрудники. Нас всех должно соединить это самое совладение, труд и общая, основная цель.

Настоящая общественная библиотека во всех своих деталях, в самой мелкой, как и в самой крупной, должна быть организована так, чтобы *возможно большее число возможно лучших книг могло проникать в возможно широкий круг читателей*. Это наша цель, это наша задача. К ней должен быть особым образом приспособлен и состав библиотеки, подбор книг в ней, и размещение книг в каталоге, и самый каталог, и даже его внешность. С той же целью должно быть организовано изучение читающей публики, т. е. подписчиков. На эту сторону дела необходимо даже обратить особенное внимание. Ведь изучать читающую публику, присматриваться к жизни этой самой публики, ее нуждам, интересам, потребностям и стремлениям, я не говорю о самой последней и самой грубой стороне библиотечного дела (т. е. о спросе на книгу), — присматриваться к читающей публике, говорю я, — да ведь это же и значит изучать ту среду, в которой и для которой существует библиотека. Ведь это и значит искать ту точку опоры, с которой и можно понемножку сдвигать шар земной. Трюизм, что всякая библиотека должна служить своим подписчикам. Но в этот трюизм необходимо вложить новый, настоящий смысл. Мы должны рассмотреть, *как* именно и *чем* должна служить им библиотека. Мы должны поставить на очередь следующий вопрос и дать точный ответ на него: как приблизить библиотеку к читателю? Каким способом внедрить хорошую, честную книгу в толпу, как заинтересовать книгой, как облегчить читателям возможно разумный выбор возможно хороших книг? Как облегчить доступ к книге? Как подчинить влиянию библиотеки возможно широкий район? Как на деле осуществить систему библиотечного расширения (Bibliothekextension)? Вот в чем заключается внутренняя, идейная демократизация библиотеки. Мы должны сделать библиотеку живым организмом. Мы должны сделать этот организм своего рода питомником самых полезных общественных микробов. Каждая книга должна быть таким микробом; эти микробы должны лететь во все стороны из этого нашего организма, с нашей, господа, именно нашей планомерной и сознательной помощью. И не туда лететь, куда их понесет ветер, а туда, куда нам самим нужно, чтобы они летели.

Итак, прежде всего о составе библиотеки. Как ее подобрать? Одно дело — библиотеку подобрать, и совсем другое дело — библиотеку собирать. Собирать — это значит принимать в состав библиотеки всякую книгу. Это значит — попросту копить

всякие книги, т. е. организовывать книгохранилище. Но совсем другое дело библиотеку подбирать. Правда, во всякой библиотеке должна встречать радушный прием та книга, которая придет туда сама, т. е. без напряжения наших материальных и духовных сил. Зачем ставить какой-либо предел росту библиотеки? Пусть она растет хотя бы до размеров Императорской Публичной, подобно тому, как это имело место в Соединенных Штатах, где частные библиотеки, перешедшие в общую собственность, достигли в иных городах громадных размеров. Но сделаться книгохранилищем — этого одного еще мало. Для нас важен не только набор, но прежде всего *подбор* книг. В каждом книгохранилище должно находиться, так сказать, библиотечное *ядро* *. В этом самом ядре и лежит центр тяжести собственно идейного значения библиотеки. Это ядро само должно представлять из себя библиотеку, — так сказать, библиотеку в библиотеке — организованное книжное государство в книжном государстве неорганизованном — представительное собрание молчаливых мудрецов, лучших людей человечества всех времен и народов, мудрецов, которые обыкновенно молчат, сами ни к кому не идут, но пускаются тотчас же в разговор со всяким желающим, кто бы ни пришел к ним. Как известно, организация — сила. Библиотечное ядро — тоже сила. Оно представляет из себя тоже особую библиотечку. На его-то организацию больше всего и следует обращать внимание, так как оно, подобно клеточному ядру живой организованной клетки, и придает жизнь этой последней. Как же должно быть организовано библиотечное ядро? Оно должно представлять из себя действительно настоящую энциклопедию всех наук, но только не простую энциклопедию, а составленную из разных книг по всем главнейшим отраслям знания. Книги эти должны быть, разумеется, классифицированы, но не так классифицированы, как это делается обыкновенно в библиотечных каталогах, планируемых по общепринятому шаблону. Нет, эта энциклопедическая библиотека должна осуществить в самой себе определенный общий план, и не случайный план, а именно тот, который осуществлен и давным-давно уже существует, но только не в библиотеке, а во Вселенной. План библиотеки — это план Вселенной. Ведь всякая книга есть отражение и выражение какого-либо ряда явлений. Совокупность книг — как я уже имел честь говорить в докладе, читанном в Спб. комитете грамотности еще в 1893 г., — совокупность книг, т. е. библиотека, это есть совокупность книжных отражений всех явлений мировой жизни, какие только подмечены человечеством. Иначе говоря, библиотека-энциклопедия — это прежде всего книжное отражение Вселенной.

Но, быть может, и книгохранилище в этом смысле такое же отражение ее? Нет, от энциклопедической библиотеки, и именно от научного отдела ее, требуется нечто большее: в его основе, в его плане должна лежать законченная научная схема, а имен-

но — научная классификация явлений, *всех* явлений, — и космических, и неорганических, и явлений органической и психической жизни, и явлений общественных, во всей их сложности, т. е. всех сторон этой жизни, как духовной, так и политической, так и экономической, лежащей в основе всех прочих ее сторон, как жизни общества, так и жизни отдельной личности, и стремлений этой личности к такому или иному ее идеалу. Ведь все явления представляют собою, в своей совокупности, единое целое. Все они перепутаны в гигантский и сложнейший клубок, который и называется Вселенной. На основании же классификации явлений могут быть классифицированы науки, а на основании этих последних могут быть классифицированы и книги. <...>

Беллетристика занимает место после этики, которою начинается второй отдел библиотеки, и та же самая этика заканчивает собою первый ее отдел. Оба отдела представляют не два разрозненных отрезка, а две, так сказать, равноправных и равноценных половины единого органического целого. Беллетристика — это отражение жизни, это, так сказать, нижнее звено цепи, за нею следуют органически с нею связанные и все более и более углубляющиеся в «пучины мироздания» и захватывающие все более и более широкий круг явлений... следующие отделы литературы и науки, а значит и отделы каталога; беллетристика и вообще искусство углубляются критикой, которая находит свое углубление в *публицистике,* а через нее в *этике*. За нею следует ряд общественных наук, изучающих человеческое общество в его целом и отдельно — ту или иную сторону современного строя жизни, опять-таки все более и более идя в глубину чрезвычайно сложного комплекса общественных явлений: строй жизни духовной (строй религиозно-церковный, строй просвещения), затем строй жизни правовой (политический и юридический), затем строй жизни экономической, которая является связующим звеном с органической жизнью природы. Так от человеческой личности как таковой мы переходим к человеческой личности как *к организму*. Далее мы рассматриваем этот организм сравнительно и в связи с изучением других организмов, животных и растительных, иначе говоря, из отдела социологии мы углубляемся в отдел психологии, антропологии, зоологии, ботаники и других биологических наук. Идя в глубину явлений биологических, мы находим там явления химические, а в их глубине — явления физические, представляющие из себя частный случай движения масс, частиц, атомов и эфира, — т. е. частный случай явлений механических, явлений астрономических (космических); иначе говоря, мы переходим из отдела физики и химии в отдел астрономии и математики. Но мы идем еще глубже. Мы ищем обоснования самой математики, и таким обоснованием является логика, указывающая индуктивные и дедуктивные пути, ведущие к истине. Но и эти пути, в свою очередь, требуют обоснования и оценки, и такую оценку дает нам теория позна-

ния. Таким образом, от теории познания до беллетристики, как мы видели, через всю цепь явлений, а значит и через всю цепь наук, а значит и через все отделы каталога, тянется одна единая и общая цепь, и все звенья этой цепи неразрывно связаны одно с другим. Даже более того — они наложены одно на другое, они сложены, соединены, слиты. Это только человеческий разум, для удобства изучения, растягивает их в длинную цепь, а ведь в нас и вокруг нас — явления социальные, психические, физиологические, химические, космические и т. д. происходят *одновременно*. Читатель, вникающий в жизнь все глубже и глубже при помощи книг, будет переходить и из отдела в отдел каталога общеобразовательной энциклопедической библиотеки, организованной таким образом. По таблице каталога он будет взбираться к высотам философии, как по лестнице. Злоба дня на одном конце, отвлеченнейшая философия — на другом, и между ними тесная органическая связь, — такова схема каталога, подробно разработанная в I части «Среди книг». Таков план общеобразовательного каталога. <...>

Но составить по такому плану каталог еще недостаточно для того, чтобы энциклопедическая общеобразовательная библиотека, т. е. библиотечное ядро каждого книгохранилища, могла считаться библиотекой действительно демократизированной. Ведь науки-то могут существовать, ведь хорошие книги по каждой науке тоже могут находиться налицо, но книги-то эти могут оказаться недоступными именно тем кругам читателей, которые особенно в них и нуждаются.

Эта сторона дела имеет громадное значение для всякой страны и всякого народа, а тем более для народа русского, образовательный уровень которого низводится «просвещенным правительством» до минимума. Нет, схема каталога должна еще иметь в виду неподготовленность читателей. Она должна быть такова, чтобы подвигаться вверх могли по ней всякие, даже *все* читатели, даже самые неподготовленные, самые непросвещенные. Каждая клетушка таблицы, т. е. каждый отдел каталога, в свою очередь, должен представлять из себя лестницу, и в этой клетушке книги должны быть распределены по степеням трудности их понимания. В правильно организованной библиотеке, желающей служить всему трудящемуся народу, по каждой науке должен быть подбор таких книг, которые могли бы вводить в область знания людей всех ступеней образования, начиная от самых низших. На этом основании хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные вполне доступно для людей, получивших образование ниже среднего, то есть так называемые книги народные; во-вторых, книги, доступные людям со средним образованием, то есть так называемые популярные, и, наконец, в-третьих, книги, требующие от читателя солидной и даже специальной подготовки. При такой постановке действительно де-

мократичная библиотека развернет перед читателями не только систему наук, и не только покажет, самим расположением отделов в каталоге, их связь и соотношение, — она развернет *практическую возможность* для каждого читателя по любой науке идти вперед и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю.

А из предыдущего следует: настоящая демократизированная библиотека должна включать в себя и так называемую народную литературу, народную библиотеку, то есть комплект самых элементарных книжек по каждой науке, и литературу популярную, то есть комплект научно-популярных книжек, и, наконец, тяжелую артиллерию самых капитальных и обширных произведений, и для всех этих трех библиотек, входящих в состав единой общеобразовательной библиотеки, схема каталога одна и та же. Все эти соображения изложены и обоснованы в вышеупомянутой моей работе.

* * *

Итак, здесь было выяснено понятие о книгохранилище и об энциклопедической общеобразовательной библиотеке. Но этим демократизация библиотечного состава еще не исчерпывается; надо идти по тому же пути еще дальше и еще глубже. Ведь общее образование должно быть лишь подкладкой специальному образованию. Современное общество при современном разделении труда — ведь это совокупность специалистов в той или иной области жизни и мысли, в той или иной профессии, ремесле и т. д., и т. д. Организуя библиотеку, нельзя не думать и о специальных отделах ее, а именно о тех, которые соответствуют если уж не всем специальностям, то, по крайней мере, главнейшим и наиболее распространенным в данной местности. Так, напр., для библиотеки, действующей в районе определенных учебных заведений, возникает вопрос об организации отделов, особенно необходимых для учащих и учащихся в этих учебных заведениях. Таковы отделы: технический, педагогический и т. д. Далее, читающую публику можно изучать и с географической точки зрения: библиотека, находящаяся в рабочем районе, должна быть особенно приспособлена к служению интересам рабочего населения этого района. Особенности данной местности должны найти свое отражение и в библиотечном каталоге. И не только особенности места, а и особенности данного времени. Так, напр., в переживаемый нами исторический момент было бы особенно желательно организовать при библиотеке возможно обширный отдел, посвященный специально истории русских общественных движений, затем отдел по истории студенчества, отдел по земскому и городскому самоуправлению, отдел газетный и т. д. и т. д. Ведь теперь все газеты на другой же день по их выходе превращаются, благодаря «свободе» печати, в библиографические редкости. Как же их не собирать?

Впрочем, о специальных отделах библиотеки можно сказать очень многое, чего я не имею возможности сделать за недостатком времени, но нельзя не сказать двух слов еще о двух специальных отделах, которые желательны для широко поставленной демократической библиотеки. Я говорю, во-первых, об отделе справочном, в который должна войти возможно обширная коллекция энциклопедий, словарей по разным наукам, справочников и т. д. и вообще книг, дающих возможность быстро получать те научные сведения и справки, которые невозможно получать быстро без помощи таких словарей, во-вторых, я говорю об отделе библиографии и библиотековедения. Этот последний отдел представляет собою, так сказать, опору для самой библиотеки. Работа в библиотеке сама требует для себя множество всевозможных справок, и для такой работы необходимы известные пособия. Список этих пособий дан мною в приложении к вышеупомянутому моему труду. Таким образом, получается более или менее полная картина, так сказать, анатомической структуры большой, правильно поставленной библиотеки. <...>

Но идем дальше. Накопить книги и правильно распределить их по отделам — это только еще начало демократизации. Необходимо еще пустить их в ход. Необходимо сделать так, чтобы книги ежедневно вылетали из библиотеки, как искорки из фабричной трубы, и неслись бы во все стороны, отыскивая для себя подходящий материал. Распространение библиотечных книг — это следующий шаг по пути демократизации. Он начинается, если можно так выразиться, с составления каталогов, и именно целой системы каталогов, которые все имели бы одну общую цель — облегчить пользование накопленными книжными богатствами, делать известным все детали книжного состава. Здесь мы подходим к одному из труднейших технических вопросов библиотечного дела, о котором существует обширная литература на иностранных языках. Необходимы такие каталоги, благодаря которым библиотекарь о каждом, и даже очень мелком, вопросе мог бы навести и дать подробнейшие библиографические справки с затратой для этого наименьшего количества времени. Это достигается не одним каким-либо каталогом, а целой системой, целой библиотечкой их. В состав ее входят и инвентарный каталог, и общие каталоги, и специальные — каталоги по именам авторов, каталоги по названиям книг, каталоги по наукам, по вопросам, каталоги брошюр, каталоги журнальных статей, каталоги карточные, каталоги для читателей наименее подготовленных, каталоги книг из всех отделов, но книг, доступных детям до 15-летнего возраста, каталоги книгохранилища, специальных отделов, каталоги энциклопедической библиотеки и проч. и проч. Наконец, должен существовать еще один тип каталогов, на составление которого навела меня моя работа в библиотеке и жизнь среди книг. Я говорю о каталоге *книжного содержания*. Представьте себе словарь, обширный словарь, в который вклю-

чено в алфавитном порядке множество всевозможных вопросов по всем отраслям знания, жизни и мысли, вопросов, самых разнообразных, в том числе и вопросов «проклятых», так волнующих человечество, вопросов партийных, даже злободневных и т. д. и т. д. Далее, представьте себе, что при каждом вопросе, внесенном в такой словарь, вам будет указана лучшая литература по этому самому вопросу, — и беллетристическая, и публицистическая, и научная, и для читателей самой разнообразной подготовки. Благодаря такому расположению материала вы в любое время и по любому вопросу можете получить обстоятельную библиографическую справку, что читать вам в целях получения ответа на него — стоит вам только отыскать в словаре этот интересующий вас вопрос. <...>

Книга делает свое дело, разумеется, не тогда, когда стоит на полке. Вся суть в том, чтобы она там не стояла. Умение пускать книги в читающую публику — и пускать их планомерно, упорно и по всем направлениям, во все слои читающей публики — это своего рода практическое искусство, это прикладная наука библиотековедения.

<...> Мы должны твердить и твердить: каждая библиотека должна изучать ту общественную *среду*, которую она обслуживает. Каждая библиотека должна собирать и давать материал для ответа на следующие вопросы: *какие именно книги, какие именно общественные течения, какие миросозерцания находят наиболее благоприятный прием в каких именно общественных группах читающей публики?* Вот основная задача библиотечной статистики. Она заключается в том, чтобы на основании точных данных выявить и *почву* для воздействия, и результаты своего собственного воздействия на читающую публику в деле распространения в ней определенного цикла идей. Как уже сказано, в этом-то и заключается практическая задача каждой библиотеки служить сознательно и планомерно распространению знаний, понимания и настроения. А это только и можно сделать лишь при помощи правильно организованной библиотечной статистики.

Именно эта наука покажет, на какую почву какие семена нужно сеять для того, чтобы получить наилучший урожай. Ответ на этот вопрос необходим для самой библиотеки, для ее собственного процветания. Это не только вопрос научный, теоретический, но и практический: так как в библиотеке наблюдается наибольший прилив подписчиков только тогда, когда библиотека действительно их удовлетворяет. Вдумаемся в эти самые слова: «Библиотека удовлетворяет подписчиков». Что они означают? Они обозначают вовсе не то, что библиотека приспособляется к подписчику и удовлетворяет какой угодно спрос на какие угодно книги. Спрос остается спросом. Спрос — это первая ступень лестницы, с которой данный читатель начинает свое собственное чтение и образование. Но ведь за первой ступенью должны следовать вторая, третья и т. д., целая лестница ступеней, ведущая на самые

верхи человеческого знания, понимания и настроения, или, выражаясь терминами Гюйо, за началом жизни каждой отдельной личности следует *расширение* этой жизни, углубление, возвышение, интенсификация ее. Пусть читатель спрашивает для своего чтения что угодно. Первое дело библиотеки — не отгонять читателя. Второе ее дело — показать ему ту лестницу, по которой он, именно он, — такой, какой он есть, — может идти вперед и вверх. Третье дело — показать ему значение этой лестницы в деле его *личного* общего образования — и значение ее, как теоретическое, так и практическое, для многих и многих людей, таких же как он и уже идущих по ней. Четвертое дело библиотеки — это дать возможность идти по этой лестнице вперед и вперед, все выше и выше — и идти с неослабным интересом и ни на минуту не теряя из виду значения этого восхождения для практической жизни. Разумеется, чтобы выполнить все это, и сама библиотека должна приспособиться к читателю, но приспособиться не для того, чтобы ему потакать в его иногда низменных вкусах и стремлениях, а для того, чтобы вести его вперед и вверх.

Цель библиотечной работы — всегда и везде служить возвышению читателя. Отсюда правило для нее: приспособляйся, но лишь настолько, чтобы приспособлять. Но тут необходимо иметь в виду еще одну сторону: библиотека должна в высшей степени бережно относиться к личности каждого читателя. Она ведь должна раскрывать перед читателем кругозор, развертывать перед ним широкие перспективы, указывать ему длинные ряды лучших книг. Дело самого читателя решать — пользоваться ему или не пользоваться этими указателями, читать или не читать рекомендуемых книг. Да иначе и невозможно ставить вопрос, по крайней мере, для взрослых читателей. Об учащихся и малолетних я скажу несколько слов ниже. На библиотеку нельзя, конечно, смотреть как на специальное учреждение для тренировки читателя. Вся суть не в тренировке, а в организации самостоятельного выбора книг самим читателем. <...> ...скажем еще несколько слов о постановке изучения читающей публики в выше намеченных теоретических и практических целях. Это изучение должно вестись в двух направлениях: изучение отдельных читателей и изучение читающей массы. Изучение отдельных читателей, их психологии, должно вестись при помощи собирания сведений о каждом читателе отдельно, как это уже и делается в настоящее время во всех больших библиотеках, которые собирают сведения об образовании читателя, об его общественном положении, роде занятий и т. д. Библиотека отводит для этого каждому подписчику особый бланк, на который заносятся название всякой выданной книги, обозначается срок выдачи и возвращения ее и т. д. Эти бланки затем можно подвергать всевозможной психологической и статистической разработке, распределяя материал по какой угодно схеме. Исследуя названия прочитанных книг, можно составить себе более или менее ясное представление

о том влиянии, которое оказывает библиотека на отдельных читателей, о прогрессе в их чтении и просвещении. В моем распоряжении имеется несколько тысяч таких бланков. На многих из них библиотекарями сделаны добавочные записи, характеризующие в том или ином отношении данного читателя. Далее весьма интересно собирать читательские замечания о прочитанных книгах, его рукописные и даже устные отзывы о них, вдумываться в каждого читателя, как в некоторый определенный психологический тип. Такого рода материал, в связи с личными наблюдениями читающей публики, имеет громадный психологический интерес и заслуживает серьезной разработки. Далее, тот же материал можно подвергать и массовой статистической обработке, подсчитывая подписчиков и читателей (оба эти понятия не всегда совпадают) по определенным рубрикам. Главная задача такой статистики уже была нами формулирована выше. Она состоит в том, чтобы определить, какие *книги находят наибольшее распространение в каких общественных группах.* Такая статистика, в сущности, сводится к одной единственной, общей, но основной таблице. В этой таблице в вертикальном столбце указываются подробно, во-первых, отделы библиотечного каталога, во-вторых, имена авторов и названия книг, наиболее характерных для того или другого общественного течения (напр., группа авторов реакционных, группа авторов с.-р., группа авторов с.-д. и т. д.). Таким же способом распределяются по группам и периодические издания. В горизонтальном направлении такая таблица дает перечисление различных общественных групп, из которых слагается читающая публика данной общественной библиотеки. Размещая статистический материал по такой табличке изо дня в день и из месяца в месяц, мы получаем именно то, что мы ищем, — распределение разных книг по разным группам читателей. Каждая библиотека должна давать в своем отчете такого рода статистические сведения. Их и дают некоторые общественные библиотеки, например, библиотека в г. Орлове (Вятской губернии), Челябинске и т. д. Но этим еще не ограничивается задача читательской статистики. Она, статистика, должна нам выяснить читаемость в данной общественной среде, например, сочинений определенного автора, книг определенного направления, книг такого-то научного отдела. Читаемость — это определенная математическая величина и может быть выражена математической формулой. Возьмем, например, отчет какой-нибудь библиотеки и посмотрим, сколько раз были выданы из нее сочинения Льва Толстого и сочинения Леонида Андреева. Положим, сочинения Льва Толстого были выданы 1000 раз, а Леонида Андреева — 300 раз. Но в этой самой библиотеке число томов сочинений Льва Толстого, имеющихся там в нескольких экземплярах, равняется, например, 50 — значит 1000 выдач приходится на 50 томов, т. е. каждый том сочинений графа Л. Н. Толстого обернулся в этой библиотеке 20 раз. А число экземпляров томов Андреева равня-

ется, например, 15. В таком случае и каждый том сочинений Андреева обернулся в этой библиотеке тоже 20 раз. Значит, несмотря на то, что цифры выдач у Андреева и у Толстого весьма различны, но читаемость их, оборот их, одинаковы. Но идем дальше. Для нас интересно проследить читаемость разных авторов в разные моменты существования библиотеки. В таком случае необходимо привести читаемость их в разные моменты к какой-нибудь определенной единице. Ведь в одной и той же библиотеке в разные годы или месяцы может быть разное число подписчиков и разное число томов. Чтобы иметь точные основания для сравнения, необходимо читаемость данных авторов привести к единице подписчика, то есть разделить читаемость, полученную вышеизложенным способом, еще на число подписчиков. Таким образом, оказывается, что читаемость данного автора в данной библиотеке в данное время равняется числу выдач данного автора, деленному на произведение числа его томов на число подписчиков. Это математическая формула. Теперь, если в отчетах разных библиотек будут даваться цифры, характеризующие таким способом читаемость разных книг, разных авторов, течений и направлений, то является возможность сравнивать читаемость разных авторов в разных городах или в разных районах одного и того же города. При полной наличности такого рода данных для всей страны, является возможность выразить цифрами влияние библиотек на население даже целой страны путем распространения произведений данного автора. Но идем дальше. Ведь таким же способом можно выразить не только число выданных томов, но и число даже неисполненных требований на них. Таким же способом можно выразить и покупаемость произведений данного автора в книжных магазинах. Далее можно сопоставить данные о покупаемости с данными о читаемости, расширяя исследование все более и более и в ширину и в глубину, в пространстве и во времени. На этом я и кончаю краткий набросок вопроса о правильной организации библиотечной статистики и перехожу к следующему вопросу.

Положим, библиотеке известна та общественная среда, на которую она должна воздействовать. Но каким же способом может библиотека на нее воздействовать? Ее задача — приближать книгу к читателю, указывать читателю, из чего и как ему выбирать материал для чтения. Эта задача библиотеки сводится к тому, чтобы читатель пользовался ее помощью, сохраняя за собой полную свободу выбора. <...>

Первый способ — особая форма библиотечного каталога, предназначенного для пользования подписчиков. Этот каталог должен представлять из себя каталог не простой, а рекомендательный. Книги, в него включенные, уже этим самым должны быть книгами рекомендуемыми.

В огромном большинстве библиотек каталоги составляются по совершенно другому типу. В них заносится вся наличность

книжных богатств, имеющихся в данной библиотеке, а книги, даже рекомендуемые, вовсе ничем не отделяются от книг, которые, в сущности, должны бы быть забракованы. Значит, читатель сам должен уметь отличить хорошую книгу от дурной. Библиотека должна немножко побольше позаботиться о неподготовленном читателе и употребить какой-либо особый прием для того, чтобы читатель уже по каталогу смог отличить хорошую книгу от дурной. Сделать это весьма легко. Стоит только у лучших, т. е. рекомендуемых книг помечать и указывать рецензии, данные об этих книгах лучшими периодическими изданиями, программами домашнего чтения и другими рекомендательными указателями: есть указание на рецензию — значит, книга достойна внимания. <...>

А вот другой способ: для ознакомления читателей с книгами, всякая общественная библиотека без особенного труда может завести особую *настольную книгу рецензий*. Эта книга постоянно должна лежать в той же комнате, где и каталоги, по которым подписчики выбирают себе книги для чтения. В эту книгу вклеиваются рецензии на книги, вырезанные из лучших газет и периодических изданий. Так как каждая библиотека, широко поставленная, выписывает немало экземпляров разных периодических изданий, то пожертвовать двумя экземплярами их для таких вырезок всегда является возможным. Но иной раз из иного периодического издания нельзя сделать такой вырезки. В таком случае необходимо прибегнуть к другому приему. Необходимо завести особый *каталог* рецензий на все лучшие книги. <...>

Третий способ. В настоящее время русская литература очень богата всякого рода библиографическими указателями, «что и как читать». Библиотека должна широко организовать особый отдел, состоящий из таких указателей, поместить этот отдел там же, где находятся и библиотечные каталоги, так, чтобы он всегда был открыт всякому подписчику. Очень многие читатели сами спрашивают в библиотеке книги по какому-нибудь рекомендательному указателю. Считаться с такими указателями (разумеется, лучшими из них) должна и библиотека. Они должны быть необходимой составной частью особого библиографического отдела, о котором уже шла речь. Список таких рекомендательных каталогов должен всегда висеть на стене библиотеки. Печатные списки их должны продаваться или раздаваться библиотекой. Так, например, библиотека Л. Т. Рубакиной в 1900 г. издала такой список, который довольно успешно расходился.

Четвертый способ. Библиотека должна обратить особенное внимание на стенные рекомендательные каталоги. Представьте себе витрину, в которой висят систематические списки книг по схеме наук или по вопросам. В настоящее время есть возможность составить очень недурной минимальный каталог из 40—50 книг и брошюр, дающих читателю более или менее закругленное миросозерцание, начиная от теории познания и кончая про-

граммами разных партий. Далее, можно составлять и выставлять систематические списки книг (и даже журнальных статей) по разным вопросам, напр., по истории общественных движений, по вопросу аграрному, бюджетному и т. п., наиболее интересующим общество в данный момент и отвечающим на злобу данного дня. Далее, особые витрины должны быть отведены спискам всех новых книг, поступающих в библиотеку. Словом сказать, инициатива по составлению таких списков может быть чрезвычайно широкой, и с их помощью библиотека может работать всегда, так сказать, в унисон со злобой дня. Но можно несколько видоизменить тот же самый прием и вместо списков выставлять обложки новых книг, которые больше бросаются в глаза, чем книжные заголовки.

Пятый способ. Уже давно жизнь выдвинула еще одну задачу. <...> Для возможно целесообразной работы, правильно и широко поставленная библиотека должна завести свой собственный рекомендательный отдел или особое бюро из сведущих людей для содействия систематическому чтению, так чтобы в определенные дни и часы всякий желающий мог прийти в такое бюро и получить там все необходимые для себя справки. Такое бюро имеет особенно большое значение для читателей из учащихся в средних и низших учебных заведениях. Руководство их чтением — такова задача библиотеки, выдвигаемая самой жизнью. Как известно, в каждой библиотеке наблюдается изрядный процент читателей-детей и подростков. <...> Ни один библиотекарь не может устранить от себя обязанности помогать детворе в ее чтении. Устранять себя от этого — не только бессмысленно, но и преступно. Необходимо, напротив того, воспользоваться данным обстоятельством и поставить дело педагогически. Поэтому организация такого педагогического бюро при библиотеке должна быть отнесена к числу самых неотложных задач библиотечного дела.

До сих пор мы говорили о содействии читателям-детям. Но вряд ли нужно доказывать, что в указаниях по вопросу чтения нуждаются не только дети. Вышеупомянутое бюро должно содействовать всем нуждающимся в такой помощи. И даже более того. При каждой большой библиотеке должно существовать особое библиографическое бюро, где можно было бы получать справки о всех книжных богатствах библиотеки, не только о книгах, но и о журнальных статьях, хотя бы по самому специальному вопросу. Такое бюро особенно необходимо при такой большой библиотеке, как, напр., библиотека Лиги образования, находящаяся в центре умственной жизни страны и обслуживающая из своего книгохранилища не только учащуюся молодежь, но и ученых специалистов.

Шестой способ. Но жизнь выдвигает еще одну задачу для такой библиотеки. При ней необходимо должна находиться комната или комнаты, в которых все желающие могли бы предаваться

чтению. Я говорю не только об обыкновенной читальне — я говорю об особой комнате для занятий, и не только занятий отдельных читателей, но и групповых, которые тоже должны вестись при содействии педагогически образованных и просвещенных людей.

Из предыдущего видно, что содействовать выбору книг библиотека может очень многими способами. Но это еще не все. Библиотека может и должна демократизировать самое себя, облегчая сколько возможно и доступ к книгам. В этом отношении перед нами целый ряд очень разнообразных приемов. Таковы например: уменьшение платы за пользование книгами вплоть до полной отмены ее, освобождение от платы целого ряда подписчиков по рекомендации лиц и учреждений, известных библиотеке, уменьшение и замена залогов поручительствами лиц и учреждений, прием платы и залогов книгами, и т. д. Далее выступает весьма важный вопрос об увеличении числа подписчиков. В этом отношении большую пользу могут оказать *соглашения с преподавателями* и начальством различных учебных заведений, с разными частными учреждениями и конторами, министерствами, профессиональными землячествами и другими союзами и т. д., и т. д.; причем библиотека может взять на себя приобретение книг, особенно желательных для данных читателей, при условии, если этих читателей явится определенное количество. О соглашении с начальством учебных заведений мною подробно говорено в той же статье «Частныя библиотеки и внеклассное чтение учащихся». Далее, библиотека привлекает к себе подписчиков тогда, когда она удовлетворяет их запросам и заинтересовывает своими книжными богатствами и вообще составом. О первом уже было сказано достаточно, а что касается до того, чтобы заинтересовать читателей составом библиотеки, то это представляется вполне возможным и необходимым. Так, например, в высшей степени желательно, чтобы время от времени совет большой общественной библиотеки устраивал для подписчиков, да и для всех желающих, лекции о различных вопросах книжного дела, стараясь при этом знакомить и с книжным богатством библиотеки, — например, в связи с историей литературы — по отделу литературы, в связи с историей философии — по отделу философии и т. д. Бюро для содействия чтению и библиографическое бюро, разумеется, тоже очень помогут той же цели, т. е. возбуждению интереса подписчиков к библиотеке. Весьма желательны беседы по вопросам библиографии, а также организация библиографических кружков для составления всяких рекомендательных каталогов и т. п. Есть кроме того еще особая форма библиотечного кружка, который мы назвали «Книжной комиссией». Опыт устройства такой комиссии был сделан в Ялте в 1898 году. Об организации такой комиссии говорится вкратце в моей работе «Среди книг». Книжная комиссия представляет из себя не только орган данной библиотеки, но и *коллективный* орган многих

библиотек, существующих в данной местности и в данном городе. Членами такой комиссии являются представители разных библиотек, а также представители некоторых учреждений, имеющих отношение к деятельности библиотеки, например представители союзов, редакций педагогических и других журналов и газет, книгоиздательств, книжных складов и магазинов и т. д. Главная задача такого рода книжной комиссии — объединение работников, стоящих около книг, с одной стороны, и их единение с читателями, главным образом из трудящегося народа, пролетариата, — с другой. Практические задачи комиссии и их работа заключается в следующем: 1) изучение идейной и технической стороны библиотечного и вообще книжного дела в связи с делом народного образования и общественного развития. 2) Выбор книг для пополнения библиотек и для совместной закупки. 3) Сношение с иногородними библиотеками и другими заведениями, союзами, кружками в целях объединения общей работы и т. д. 4) Изучение читающей публики и общественных течений, наблюдаемых в ней. <...>

Сношения с другими библиотеками в том же городе и с библиотеками, находящимися в других городах, это уже своего рода расширение библиотеки. Такое ее расширение должно *войти в систему*. Каким же способом это сделать? И для этого есть очень много способов. Библиотека должна завести свои отделения в разных пунктах своей местности, где можно ожидать наибольший спрос на книгу, напр., в высших учебных заведениях, на больших заводах, в некоторых частных учреждениях, конторах и т. д. <...>

На этом я и закончу поневоле краткий свой доклад об основных задачах библиотечного дела. Из него можно видеть, что все они могут раскрыть и раскрывают всем работникам книжного дела самые широкие и светлые перспективы. Остается теперь лишь осуществлять их общими силами, ни на минуту не забывая вышеприведенного уже девиза всякого книжного дела: *«Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!»*

ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАНИЯ

СРЕДИ КНИГ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Опыт системы самообразовательного чтения
применительно к личным особенностям читателей

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ОБЩИЙ ПЛАН САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

ГЛАВА I

КАК ПРИСПОСОБИТЬ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ РАБОТУ К ЛИЧНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ УЧАЩЕГОСЯ

Перед нами лежит большая пачка писем — более 7000 писем, полученных пишущим эти строки за последние два года из самых разнообразных уголков Российской земли. Есть письма, пришедшие из Благовещенска, из Тифлиса, с Онеги, с Волги, с Днепра, из Севастополя, с окраин и больше всего из центральных губерний; письма не только из городов, но больше всего из деревень, с фабрик, есть даже письма из казарм. Много таких, которые написаны размашисто, иные — крупным, неуверенным почерком, каждая буква которого наглядно свидетельствует, до какой степени трудно было автору такого письма писать его и какое громадное значение он придавал своему писанию. А тут же рядом — изящное женское письмо (артистки из Москвы), четко, красиво написанное и еще красивее и очень тонко изложенное. Пишут люди самых разнообразных профессий, состояний и общественных положений и стоящие на различных ступенях образования: телеграфисты, конторщики, учителя и учительницы, доктор-октябрист, сиделец винной лавки в одной из юго-западных губерний, еврейский мальчик из галантерейного магазина, портнихи, лесные сторожа, прислуга, крестьяне и еще крестьяне; пишет мастеровщина, чиновничество, писаря, приказчики, конторщики, межевые и санитарные чины, офицеры, псаломщики, священники и т. д. И все более или менее на одну тему, и почти все с большей или меньшей дрожью в голосе и тоном, полным исканий и стремлений и страстного желания выйти из того положения, в котором они стоят по воле «злой судьбы» или «старушки истории», и полные мучительной жажды развернуть, углубить, расширить свою жизнь, сделать ее полней, глубже, возвышенней, а значит, и красивей. Пишут люди, жаждущие жизни, пишут люди, отчаявшиеся в ней и стоящие накануне самоубийства. Правда, о тех выходах из своего гнетущего положения, о которых по нынешним временам не только писать, но и мечтать не полагается, вся эта ищущая «публика» не говорит ни слова. Но вся она крепко держится за одно и стремится к одному — к самовооружению действительно научными знаниями, возможно

глубокими, разносторонними и систематическими, к умению беспристрастно разбираться и в фактах и в мнениях — разбираться по существу, непартийно[1] и без всякого втирания очков как себе, так и другим. Все эти тысячи писем получены нами от читателей по поводу наших статей и книг о самообразовании, которые мы печатали в 1911—1913 гг., и, читая и перечитывая эти письма, просто диву даешься, видя, какая гигантская и напряженная работа мысли и сознания кипит в настоящее время в глубинах народной души и до какой степени глубоко пустила уже в ней свои широко ветвящиеся корни мысль, для нас, «интеллигентов», давно сделавшаяся избитой истиной: один из самых лучших и самых верных способов «сделаться человеком» заключается в том, чтобы раздвинуть свой кругозор, перестать быть узким, иначе говоря, темным, перестать быть намеренно или ненамеренно слепым, поддержать, укрепить, освежить свою житейскую практику живительной влагой, содержащейся в умной, ученой, честной книге, написанной таким писателем, который понимает в жизни побольше и получше, чем он, читатель. Огромное большинство полученных нами писем заключает в себе ничто иное, как запросы о том, что читать и за какую книгу прежде всего взяться, и, читая и перечитывая письма, получаемые в таком количестве, что на них один человек лишь с большим трудом может ответить, невольно чувствуешь, что задушевные переживания тех, кто их писал, неизбежно становятся и вашими, а их горе, недуги, напасти, страдания — вашими собственными страданиями. Вникая же в автобиографические подробности, о которых вам рассказывают авторы писем с такой трогательной доверчивостью, вы, естественно, переживаете то, что переживают теперь и миллионы русских людей, и вас охватывает до самых глубин души мысль — нет, не мысль, а намерение, деятельный порыв, решение: «Да нужно же, нужно помочь хоть сколько-нибудь, хоть чем-нибудь этим мятущимся, славным и глубоко искренним людям!» И это слово — крик и стон вашего существа. И перед лицом настоятельных требований жизни вы чувствуете полнейшую невозможность сидеть сложа руки, и удаляться в «келью под елью», — вы чувствуете в себе прилив сил, вы радуетесь, получая письма, вы любите тех, которые писали их. Есть на Руси и типы нытиков, типы «размагниченных», киселей, способных лишь к унынию и опусканию рук. Но огромное большинство тех, кто пишет нам письма (за очень немногими исключениями), вовсе не нытики и не раскисляи. Это — люди работоспособные, ищущие, полные решения не сидеть сложа руки, не драпирующиеся в гамлетовские плащи (позеров и фразеров немного). Это — люди, в большинстве случаев бодрые, сильные, крепкие, и все их несча-

[1] Снова партийная точка зрения ошибочно рассматривается Н. А. Рубакиным как ненаучная (см. вступительную статью Б. А. Смирновой к т. 1 настоящего издания, с. 30—31 и комментарий к «Среди книг» — там же, с. 219—220). — *Ред.*

стье не в том, что у них нет *внутренних* сил работать над самопросветлением и духовным самовооружением, а в том, что у них нет умения использовать все свои достоинства и недостатки и при данных условиях их жизни добиться того, что иные счастливцы, живущие в лучшей обстановке, чем они, могут получать с относительно небольшим трудом. Таков основной вывод, к которому невольно приходишь, переживая все эти письма и их стоны и жалобы. Это не нытики стонут. Это крепкие люди молят о помощи. Это сама жизнь миллионами голосов вопиет о ней. Очевидно, настал такой момент, когда многие спящие уже пробудились и пришли к решению, что какою бы засасывающей и тяжелой ни была обстановка их жизни, все равно о свете, и о тепле, и о расширении, углублении и возвышении своей собственной жизни *не думать нельзя*, не стремиться к ней деятельно — то же, что преступление. «Упорная и энергичная работа широких масс над самообразованием, — писали мы в другом месте, — характернейшая черта нашего времени», а помогать ей тем или иным способом может и должен каждый мало-мальски образованный человек. Вокруг нас идет напряженная работа мысли и быстро развивается и растет общественное и народное сознание. То же доказывает и небывалый до сих пор успех всевозможных просветительных учреждений — народных университетов, курсов, лекций, воскресных школ, — которые почти повсюду полны слушателей. Правда, экономическое оскудение мешает быстрому и большому сбыту многих книг, но зато оно же и ускоряет *круговорот* тех, которые уже попали в среду читающей публики и там ходят по рукам. Нужно ли доказывать, какое светлое и бодрящее явление тут перед нами в нашей, по-видимому, такой тусклой и унылой жизни? Вглядываясь и вдумываясь в это явление, мы лично, во всяком случае, не могли не прийти к выводу, что есть все основания смотреть в будущее не только бодро, но и смело.

Все вышеизложенное уже в достаточной степени объясняет, почему мы в настоящее время, пользуясь всеми силами и временем, какие только имеются в нашем распоряжении, решили уделить возможно больше внимания теоретической и практической разработке вопроса о самообразовании вообще и о возможно широком использовании книжного круговращения, в частности, и, стремясь поставить дело на практическую почву, стали вести нашу работу в тех периодических изданиях, которые наиболее распространены в читательских кругах, в изданиях, нам наиболее близких и дорогих. Многие десятки тысяч читателей, если не миллионы их, находятся в таком самом положении, как и те, которые писали нам свои письма с запросами о самопросвещении. Сама жизнь принудила целый ряд периодических изданий уделять хоть немного места вопросам самообразования, и мы энергично зовем, особенно провинциальные органы, к тому же делу и рекомендуем им заводить и у себя особые «отделы самообразования». Появление такого отдела даже в большой ежедневной

газете, не говоря уже о журналах, имеет смысл во многих отношениях и представляет из себя могучее средство единения редакции с читающей публикой, и к тому же с ее наиболее отзывчивым кругом. Цель такого отдела должна состоять в *практической* помощи тем читателям, которые интересуются не только злобой дня, не только теми вопросами, какие выдвигаются текущей жизнью и потому подвергаются обсуждению на страницах периодической печати. Печать эта не имеет никакой возможности уделять много места на своих страницах вопросам чисто научным. В лучшем случае она говорит лишь о текущих же *успехах* науки. Но, чтобы понимать таковые, читатель должен же иметь в своей голове некоторый запас знаний более или менее элементарных и вообще кое-какую научную, систематическую, образовательную подготовку. Газета или журнал может лишь предполагать и ожидать, что таковая уже имеется в голове читателя. Но вряд ли нужно доказывать, до какой степени шатки эти предположения и ожидания, раз дело идет об очень широких кругах читателей — о тех самых, которые именно и пишут письма с просьбами о содействии их стремлениям и о рекомендации книг. Нужно же подумать и об этих кругах и найти какую-либо достаточно практическую и удобную для читателей форму, в которой можно бы осуществить и это содействие, направленное на этот раз не к оповещению о «злобах дня», а к активной помощи в деле выработки миросозерцания, к исканию «вечной истины», находящей свое выражение в науке, научных знаниях, — к их систематическому накоплению. Вопрос же об этом содействии, естественно, вызывает собой целый ряд других частных вопросов, интересных во многих отношениях и, по нашему глубокому убеждению, вполне разрешимых практически и для редакций периодических изданий, и для библиотек и других просветительных учреждений, и для педагогических «комитетов», «комиссий», кружков и т. д., и для частных лиц, подобно пишущему эти строки. О принципиальной стороне такой деятельности мы говорили в другом месте[1]. Здесь мы прежде всего лишь вкратце изложим то, что было там сказано нами, а главное наше внимание сосредоточим на практической стороне самообразовательной работы. Как организовать помощь этой последней? По нашему мнению, она может быть организована таким способом. Жизнь, как мы видели, миллионами голосов вопиет о содействии распространению научных знаний и вообще умственному развитию. Но она же и мешает этому распространению. Ведь, чтобы накоплять научные знания и вообще светлое, разумное понимание жизни и деятельное, гуманное и бодрое настроение, нужно иметь и время, и средства, и силы. Хорошо там кабинетным ученым и вообще обеспеченным специалистам сочинять обширные, строго научные программы всех наук и искусств и вписывать в них сотни огром-

---

[1] «Среди книг», 1911, «Письма к читателю», 1913.

ных, дорогих и редких книг. Ну а если человек имеет возможность отдавать своей просветительной работе лишь какой-нибудь час-другой времени? А если ему и на еду-то не хватает денег, не только на покупку книг? А если он не имел никогда и возможности привыкнуть к чтению, тем более «серьезному», и от каждой научной книги отскакивает с полным отчаянием, не понимая ее? Ну, а если и добыть-то неоткуда не только рекомендуемых, но и вообще хороших, и даже вообще каких-либо книг? Есть тут от чего прийти в отчаяние. И таких людей, которые уже пришли в отчаяние, немало. Их сотни тысяч, если не больше. Но дело обстоит еще того хуже, и к тому же от таких причин, на которые составители разных программ и рекомендательных каталогов до сих пор почти не обращали внимания, но которые-то в огромном большинстве случаев и сводят для тысяч людей всю их самообразовательную работу почти к нулю. И правда, ведь можно иметь и способности к образованию, и время свободное, и кое-какие средства на покупку книг, и даже покупать книги — и все-таки ровно ничего не добиться при всех своих стремлениях к свету. Иные читатели жалуются в своих письмах на то, сколько средств и сил они потратили на приобретение книг, пользуясь указаниями разных программ, каталогов, рецензий. Накупили целые библиотеки. И немало читали, ломая голову и глотая книгу за книгой, — и ничего, кроме переутомления и головной боли, не добились, солидного запаса знаний все-таки не приобрели, как и настоящего образования и развития; и все их труды оказались ни к чему или почти ни к чему и привели за собой только знакомство с кое-какими учеными словами и отрывочными фактами и идеями, которые так и не пустили корней в душу. И опять отчаяние, и на этот раз уже от внутренних, а не от внешних причин.

В чем же суть дела? В том, что его необходимо начинать совсем с другого конца — не с составления программ и списков хороших книг, а с изучения *души* человеческой и ее *типов,* которые, как известно, бывают самые разнообразные. Даже самые ученые и прекрасно составленные программы чтения говорят лишь о книгах *хороших,* ценных в научном, философском, этическом или т. п. отношениях. Но которые из этих хороших книг для какого читателя окажутся *подходящими?* Вот вопрос, наиболее важный для этого последнего, и с ответа-то на этот вопрос и надо, по нашему мнению, начинать деятельную помощь ему. Хорошие книги известны более или менее наперечет, и о их качествах высказались очень компетентные люди. Но нужно решить вопрос и о том, чтобы среди книг хороших отыскивать для себя книги подходящие. Другими словами, говоря о действительной, практической помощи всем стремящимся к самообразованию в их работе, нужно выдвинуть на первый план и поставить во главу угла рекомендование не только хороших книг, но именно подходящих — подходящих для *такого-то* читателя, имеющего *такие-то* особенности, живущего в *такой-то* обстановке. Когда критики, рецен-

зенты, педагоги и не педагоги пишут свои отзывы о книгах, они совершенно забывают *эту* сторону дела. Они видят *книгу,* почти исключительно *только ее,* а какому читателю она подходит или не подходит — об этом они молчат или говорят лишь несколькими мало значительными общими словами. И интереснее всего то, что при этом они забывают, что они и сами-то — не более, как те же читатели, а их приговоры — не более, как те же *мнения читательские,* имя же им легион, а их суд — тот же читательский суд, и в нем они лишь своими словами констатируют, найдена ли ими такая-то раскритикованная ими книга подходящей для них или не подходящей. Какая же книга на какого читателя как действует при каких условиях? Вот основной вопрос, на который нужно искать практический ответ. И на такой вопрос дать ответ, действительно, можно. *Но дает-то его не простая критика книг и не личная рекомендация их, а детальное психологическое и социологическое изучение не только книг, но и читателей, читающей толпы, во всем ее пестром многообразии.* Непременно совместное и параллельное изучение и книг, и читателей. Судить о какой-либо книге — это значит указывать ее научные достоинства и недостатки, а также и направление писательской мысли и особенности изложения, с одной стороны; с другой же — это значит определять на основании изучения самих качества книги, каким же именно читательским типам она не может не оказаться наиболее подходящей. А для разрешения этого последнего вопроса необходимо приняться за изучение читательских типов, подобно тому, как изучаются люди разных характеров и темпераментов; необходимо принимать при этом в расчет все особенности читателя, напр., склад его ума, качества его памяти, восприятия, внимания, воображения, его чувствительность (эмоциональность), возбуждаемость, активность, энергию, волю, степень его образовательной подготовки, условия его жизни, обстановки, наконец, тот самый исторический момент, когда человек живет, и национальный, расовый характер среды, в которой он живет. Принимают же во внимание педагоги и теперь при выборе книг особенности пола и возраста. Но надо идти еще дальше и глубже. Те же педагоги пришли уже в настоящее время к простой и вместе с тем жизненной идее, что все воспитание должно сообразоваться с личными особенностями, т. е. индивидуальностью воспитываемого. Но к той же идее пришла и медицина, толкующая теперь об индивидуализации лечения, а также уголовное право, уже выдвинувшее на первый план идею индивидуализации наказания и исправления. Также и психологи усиленно изучают теперь индивидуальные особенности человеческой психики, ее типы, характеры, темпераменты. Особая отрасль психологии, так наз. психология индивидуальная, делает в настоящее время успехи не по дням, а по часам, изучая при помощи научных методов личные особенности людей и типы их. Можно лишь удивляться, что на ту же точку зрения индивидуализации не становятся и

критики, рецензенты, составители разных программ для чтения и все те, кто помогает самообразованию своего обездоленного ближнего. Мы лично думаем, что на эту-то точку зрения мы и должны встать, выдвигая на первый план активное содействие такому жизненному, широко развитому и общественному течению, как стремление целых народных масс к самообразованию.

Итак, *индивидуализация помощи в деле самообразования* — таков первый и основной принцип правильной его постановки.

Попытку такой именно постановки мы и делаем, как в этой, так и в других наших книгах и журнальных статьях, которые в своей совокупности представляют единое целое и взаимно пополняют одна другую. Нужно перенести центр тяжести вопроса о самообразовании и всей самообразовательной работы, т. е. его практики, в эту именно область, область индивидуализации самообразования, т. е. поставить дело на почву приспособления его к личным особенностям читателей, нужно сделать так, чтобы читатели не толкались и не путались в дебрях общих мест и в заголовках хороших книг. Вся *суть самообразования не столько в книге, сколько в личности,* — иначе говоря она не в книге, а в жизни. Таков основной принцип, который мы и кладем в основу нашей работы. Эта наша книга, по мысли автора, и должна проводить его в житейскую практику. Но рядом с этим принципом мы ставим и другой принцип, уже не писательский, а читательский; *нам никто не поможет,* если мы сами себе не поможем. Указания пусть будут указаниями, а решают дело и дают тот или иной результат все-таки наша самодеятельность и труд. Облегчить и упорядочить самообразовательную работу, разумеется, можно. Но работать, работать и еще работать все-таки должно. Дело помощи самообразовательной работе так велико и разнообразно, что его можно поставить и развернуть тысячами разных способов. Сейчас мы скажем лишь о том, как мы лично стремимся поставить его. Скажем здесь об этом только в самых общих чертах, так как более подробно развиваем те же идеи в «Письмах к читателям о самообразовании». Эта книга служит их продолжением и дополнением.

При начале нашей работы в 1889 г. перед нами стояли два главных затруднения, которые и предстояло выяснять на практике. Во-первых, мы не знали, с каким кругом читателей мы будем иметь дело, предпринимая такую работу; во-вторых, при той новой постановке ее, о которой мы писали тогда, мы сами должны были многому поучиться и многое выяснить практически, принимая в расчет бесконечный ряд мелочей, совершенно не поддающихся теоретическому учету.

Как уже упомянуто выше, наша переписка с читателями ведется около 25 лет, и среди наших корреспондентов есть лица, с которыми за все время переписка не прекращается. Но прежде, чем поставить эту переписку возможно широко и сделать ее наиболее плодотворной, понадобилось исполнить следующие две

работы: во-первых, тщательно изучить русские книжные богатства — самые книги, и не только со стороны их содержания, но и со стороны их изложения, формы, слога и т. п., во-вторых, познакомиться с читающей публикой, с *типами* читателей, с психическими, профессиональными, классовыми, сословными и социальными особенностями их. На эти две работы и ушло много лет, и отчет о них дан нами в других наших трудах [1]. Далее, пользуясь данными этой двоякого рода работы, мы при самом же начале ее решили приступить к популяризации знаний, положив в ее основу изучение тех общественных слоев читателей, просвещению которых нам еще с молодых лет хотелось посвятить все свои силы [2]. Но и изучение общественных групп читателей нас не удовлетворило. Нам хотелось еще ближе подойти к читателю, т. е. принять в расчет не только его общие, так сказать, родовые и видовые свойства, но и свойства личные. На эту почву мы и стали в 1911 г., начав помещать в «Новом журнале для всех» наши «Письма к читателям о самообразовании». На этой почве мы ведем нашу работу и в настоящее время, стремясь соединить в ней общее с индивидуальным, чтобы объединять и сближать читателя с книгой.

1) Мы намерены не столько теоретически, сколько практически помогать каждому отдельному нашему читателю в его стремлении к образованию. Не только путем писания книг и статей по вопросам самообразования, но и путем непосредственных личных сношений и переписки.

2) Идеалом образования мы считаем такую научную подготовку, как теоретическую, так и практическую, которая помогла бы всякому человеку, кто бы он ни был, и где бы он ни жил, и к какой бы профессии ни принадлежал, сделать *его* личную и общественную жизнь возможно полнее, глубже, возвышеннее, напряженнее, красивее, а главное — плодотворнее не только для его личности, но и для общества, т. е. такую подготовку, которая дала бы ему возможность и уменье вносить в жизнь нечто новое и светлое и нечто свое и творческое.

3) Практическую, реальную возможность действительно добиться всего этого может дать всякому человеку, особенно людям, живущим в тисках материальной нужды, лишь такая постановка всего дела самообразования, о какой сейчас было сказано, а именно — его возможно полное и целесообразное *приспособление к личным особенностям данного читателя.* Только таким способом человек, работающий над самообразованием, не будет терять бесплодно своих сил, времени, труда и средств. Только такое приспособление устранит из его работы массу совершенно

---

[1] «Среди книг». Изд. 2-е. Описание и отчет о 20 000 названий лучших русских книг. Т. I, 1911 г. Т. II, 1913 г. Т. III (печ.) «Этюды по психологии читательства» («Психология книжного влияния»). Изд. К. Тихомирова (печ.) «Этюды о русской читающей публике».

[2] См. наши работы над народной литературой и популяризацией знаний.

излишнего трения. Мы глубоко убеждены, что всякий человек, кто бы он ни был и где бы он ни жил, может сделаться действительно образованным человеком исключительно своими усилиями, лишь при некоторой поддержке и указаниях со стороны.

Нашу работу мы видим так. Кладем в ее основу детальное энциклопедическое изучение книг и психологическое и социологическое изучение читателя. Иначе говоря, мы изучаем книги не по какой-либо одной отрасли знаний, а по совокупности этих отраслей, представляющих, как известно, единое целое — систему: читатель же нас интересует и как *личность* — прежде всего личность, живая единица, равноценная всем другим личностям, — и как общественное явление, продукт и творец такой-то общественной среды. А отсюда и наша задача: она состоит в том, чтобы познакомить читателя со всеми главнейшими отраслями жизни и с возможно большим числом книг, могущих служить делу его самообразования, и с психологической и общественной стороной читательства, и с приемами: во-первых, *накопления* знаний, во-вторых, проведения их в жизнь — в целях творчества жизни.

А) В целях ознакомления читателей с общеобразовательной литературой в следующих главах этой книги мы набросаем, во-первых, общий план занятий и, во-вторых, дадим общую схему знаний, которые составляют необходимую составную часть общего образования.

Приступая к самообразовательной работе, читатель должен помнить, что для него необходимо не только знание наук, но и знание книг, библиографические знания. Ими мы и стремимся вооружать его. Но этого еще мало. <...>

Б) *В целях более близкого знакомства с читателями,* что особенно необходимо для правильной постановки рекомендации книг, наиболее подходящих для них лично, мы выдвигаем на первый план такой принцип: принцип непосредственного *общения писателя и читателей,* — принцип, впрочем, уже давно получивший применение в жизни. Исходя из этого принципа, мы предложили нашим читателям обращаться с своими запросами непосредственно к нам, не стесняясь ни формой обращения, ни его размерами. Читатели могут быть уверены, что ни один их вопрос не останется без ответа и что с нашей стороны мы делаем все возможное, чтобы прийти к ним на помощь нашими книжными знаниями в их самообразовательной работе. Вряд ли нужно доказывать, что эта последняя во всех отношениях зависит от той обстановки, в которой приходится данному читателю жить и работать. Всякий из нас — результат той жизни, которая нами прожита, и тех условий, в которые она нас теперь поставила. Самообразовательная работа неотделима от личности, от всех прочих сторон ее. И чем больше в нашем распоряжении будет данных о жизни и личности читателя, о его запросах и стремлениях, о целях и потребностях, об особенностях его ума и дру-

гих сторон души — тем больше шансов, что наши указания окажутся для него полезными, практичными и целесообразными. Мы и теперь просим читателей, не стесняясь, делиться с нами своими запросами и возможно подробнее писать о всех трудностях и недоразумениях, какие встречаются у них в их самообразовательной работе. И мы глубоко убеждены, на основании опыта, сделанного нами в 1911—1913 гг., что именно такая постановка дела наиболее целесообразна в смысле возможно плодотворной помощи в деле самообразования, и что лишь таким способом является возможность действительно помочь экономизировать в этой самообразовательной работе и время, и силы, и средства; а лишь экономизирование всего этого дает возможность человеку, занятому весь свой век работой, прокармливающей его самого и семью, получать собственными средствами то, чему помешала жизнь: человеку, получившему образование начальное, — продолжить его, человеку, получившему образование специальное, — дополнить и расширить его и, наконец, всякому человеку, кто бы он ни был, и какими бы силами ни обладал, и в каком бы глухом углу ни жил, — сделаться человеком действительно образованным, развитым и полезным прежде всего трудящемуся народу.

ГЛАВА II

ОДИН ИЗ ОПЫТОВ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ К ЛИЧНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ УЧАЩЕГОСЯ

Эта книга основана на переписке писателя с читателями. Эти последние, сами того не предполагая, оказались деятельными и в высшей степени важными и полезными сотрудниками в деле составления этой книги. Поэтому здесь не мешает сказать несколько слов о том, как велась и ведется эта переписка и что она дала (и могла бы дать еще больше, если бы читатели поглубже вдумались в ее постановку и задачи). Мы считаем необходимым дать такой отчет с той целью, чтобы, во-первых, познакомить самих читателей, так сказать, с закулисными трудностями работы, во-вторых, в надежде получить от них самих целый ряд указаний и разъяснений, которые и нам помогли бы поставить дело на должную высоту.

Итак, познакомим читателя с той постановкой, какую мы кладем в основу нашей помощи всем тем, кто к нам за нею обращается.

Из предыдущей главы читатель видит, что главнейшею особенностью этой постановки работы является *индивидуализация чтения,* т. е. приспособление библиографических и иных указаний к личным особенностям данного читателя. Но для того, чтобы приспособлять свои указания и вообще помогать этому последнему, прежде всего необходимо знать хотя бы некоторые особенности его как читателя. Поэтому мы и обратились к тем

нашим читателям, которые желают воспользоваться нашей помощью, прежде всего с просьбой сообщать необходимейшие о себе сведения, в целях возможно близкого и тесного общения с ними по вопросам, которые нами намечены. Мы не считали себя вправе ограничить круг этих вопросов какими-либо рамками; ведь жизнь так богата всякими неожиданностями, а дело самообразования так трудно и настолько полно всякого рода препятствиями, предусмотреть которые невозможно. На все вопросы читателей, к нам обращаемые, мы стали отвечать не только на страницах тех периодических изданий, в которых мы сотрудничаем, но и письмами, по мере всех наших сил и знаний, принимая во внимание, прежде всего, *личные особенности и обстановку жизни* каждого читателя. Ни одно письмо, к нам адресованное, не осталось без ответа, который мы даем не позже как через месяц, считая со дня получения письма. Если же иные читатели не получили этих ответов — в том не наша вина. Для того же, чтобы наши ответы возможно полнее соответствовали запросам читателей, мы просили этих последних не скупиться на сообщение сведений как о своих потребностях, стремлениях и целях, так и вообще о себе. Для правильной постановки дела рекомендации подходящих книг желательно (хотя и необязательно) иметь следующие сведения об авторе письма: 1) О его возрасте и поле. 2) Об обстановке, в которой он обычно живет и к которой привык (она может быть городской, сельской, фабричной, торговой и т. д.). 3) О роде занятий. 4) О степени образования (в размерах курса какой школы). 5) О складе ума и развития. Судить же о складе ума и развития мы получаем возможность, имея ответы читателя на нижеследующие вопросы: 1) Какие из прочитанных им книг (желательно знать их названия) произвели на данного читателя наиболее сильное впечатление и оказали наибольшее влияние и почему? (книги научные и беллетристические). 2) Легко ли ему дается математика и любит ли он ее? 3) Какие другие знания его наиболее интересуют и легче всего даются? 4) Какова у него память? Что он запоминает легче: факты, года, цифры, формулы, имена или ход рассуждений? 5) Какие книги предпочитает: с рассуждениями или с описаниями и изложением событий и вообще фактов, книгу, беспристрастно или горячо, с чувством написанную? 6) Любит ли он стихи, каких авторов и какие? 7) Любит ли он природу (созерцать ее или изучать)? 8) Что он ищет в книге и чего требует от нее прежде всего — того ли, чтобы она просветляла ум (т. е. давала бы только знания), или же он требует от книги, чтобы она учила, как жить («правильной», т. е. нравственной, жизнью) или как работать (т. е. давала бы *практические* указания, навыки)? 9) Пробовал ли он когда-нибудь свои силы в писательстве и вообще в творчестве (и в каких областях жизни и мысли)? 10) Вообще впечатлительный ли он человек? 11) Насколько он человек усидчивый и энергичный и вообще чувствует

ли в себе достаточно силы преодолевать препятствия на своем жизненном пути? 12) Есть ли у него возможность получать и вообще добывать книги (откуда и как)? На все эти вопросы ответы желательны, но не обязательны. И чем они подробнее, тем для нас легче указывать данному читателю подходящие книги и составлять для него программку его занятий.

Тысячи ответов, полученных на эти вопросы, и легли в основу наших указаний. Количество и качество полученных писем убедило нас в том, что наша постановка дела оказалась по существу, несмотря на нашу собственную неопытность в некоторых отношениях, все-таки довольно практичной. Пользуясь указаниями самих читателей, мы и составляем для всех, кто к нам обращается, особенные программы чтения, приспособленные именно к его личности и рассчитанные, смотря по человеку, на работу от 3 до 12 месяцев. При этом мы ставим условием, чтобы читатель, занимающийся по нашей программе, непременно сообщал нам о ходе своих занятий и о затруднениях, встречающихся у него на пути.

В 1912—1913 гг. корреспонденция наша приняла особенно широкие размеры. Бывали дни в 1912 г., когда мы получали до 86 писем, не было дня, когда их приходило менее 5. Такого наплыва писем, и притом из самых разнообразных слоев общества, по правде сказать, мы сами не ожидали. Справляться со всею этою обширной корреспонденцией в короткий срок теми силами, какими мы располагаем, бывало очень трудно, и отсюда происходило иногда запоздание наших ответов на некоторые письма, за которое, надеюсь, наши читатели не слишком станут винить нас. Во всяком случае, с количеством писем мы справились и так или иначе наладили дело и стали вести его без особенной задержки наших ответов.

Впрочем, эта сторона дела оказалась относительно легкой, потому что запросы, к нам обращенные, и вопросы, нам поставленные многими лицами из разных мест, нередко оказываются тождественными, а это дает возможность отвечать сразу нескольким лицам на страницах газет или журналов. Бывают, кроме того, и такие письма, которые вовсе не требуют от нас ответа. Гораздо более трудностей представила качественная сторона переписки, во-первых, по самому характеру тех вопросов, с которыми к нам обращаются читатели, во-вторых, по неясной и неточной формулировке их, в-третьих, по недостатку сообщаемых нам сведений о личности писавшего. Было несколько случаев, что читатели обращались к нам с вопросом, как вести судебные дела, каких систем пишущие машины следует предпочитать и т. п. Отвечать на такие запросы не входит в нашу задачу, и мы оставляли их без ответа.

Но бывают нередко и такие случаи, когда читатели обращаются к нам с вопросами и чисто личного свойства, с письмами, затрагивающими самые глубокие и интимные стороны их души.

На такие письма, которые с внешней стороны как будто бы и не имеют много общего с вопросом самообразования, мы старались отвечать с особенной внимательностью. Мы считаем это даже нашим нравственным долгом, так как каждое такое письмо — крик наболевшей, исстрадавшейся, одинокой души, стремящейся к светлой и осмысленной жизни и придавленной тисками пошлой обыденщины. Именно в таких письмах нам и ставят неоднократно вопросы о смысле и цели жизни, о том, стоит ли жить и т. п. Такие же письма писали нам и люди, отчаявшиеся в жизни и решившиеся уже покончить все расчеты с нею, и мы, собирая все силы нашей души, в ответ на такое письмо кричали: остановитесь, пока не поздно. Жизнь может и должна быть сделана более светлой, полной и радостной — попытаемся поработать с этой целью еще разок — вместе. И работали... Из таких случаев, которых было тоже немало, читатели могут увидеть, в какой теснейшей связи находятся *такие* интимные и основные вопросы с задачами нашей работы, и из самой постановки ее читатели знают, что мы стремимся понять личность читательскую в связи со всеми ее *переживаниями* и в связи с той *обстановкой,* в которой она живет, так как лишь в таком случае указания, нами даваемые, могут быть действительно плодотворны. И мы не уставали повторять, что пусть читатели не стесняются писать нам и длинные письма, и пусть они будут уверены, что у нас они всегда найдут отзвук как своим страданиям, так и своим стремлениям: и это не только не помешает нашей работе, а, напротив, лишь поможет ей[1]. Гораздо больше затруднения доставила нам неясная и неточная формулировка обращаемых к нам вопросов. Читая иные письма, совершенно не понимаешь, да о чем же именно запрашивает нас такой-то читатель, чего именно он добивается? Бывали случаи, что нам приходилось обращаться к авторам писем за дополнительными разъяснениями. Очевидно, многие читатели, чувствуя в своей душе стремление куда-то вперед и вверх, к радости, к свету и к теплу, еще сами себе не формулировали этого стремления. Впрочем, и такая неясность еще не должна служить препятствием для обращения к нам. Если бы и такие читатели постарались подробнее познакомить нас со своими переживаниями, мы бы из их писем, быть может, поняли, чего именно им недостает, и постарались бы им помочь. Желательно, чтобы читатели обратили особое внимание на эту нашу просьбу и постарались придавать своим запросам возможную точность и определенность. Особенно много затруднений причинил нам именно недостаток сведений о личности писавших. Все же, благодаря тому, что огромное большинство читателей довольно охотно сообщает нам о себе подробные све-

---

[1] Нами получено несколько сот исповедей и дневников, из них некоторые, по желанию авторов их, не подлежат опубликованию в печати, другие, тоже с согласия писавших, будут когда-нибудь опубликованы в извлечениях.

дения, мы имели возможность приспособлять наш выбор книг к их запросам более или менее вплотную. При этом нам пришлось принимать в расчет не только то, что *написано* читателями в их письмах, но и то, что там сквозит, так сказать, между строк, и воспроизводить образ автора письма иной раз по мельчайшим признакам, чуть ли не до графологии включительно. Впрочем, среди писем, нами полученных, некоторые представляют из себя глубокие, непосредственно из души вылившиеся автобиографии, которые мы и считаем особенно ценными. Всех читателей, к нам обращавшихся, можно разделить на два главных типа. К первому относятся такие, которые обращаются с определенными, ясно сформулированными вопросами, относящимися не к общей системе образования, а к той или иной отрасли знания или частному вопросу ее. Нас спрашивают, напр., что читать по ботанике, какие книги прочесть ради ознакомления с воспитанием детей дошкольного возраста, в каких литературных произведениях говорится о смысле жизни и т. п. Отвечать на такие вопросы не представляет особенно больших затруднений. Читатели второго типа предъявляют нам запросы общего характера: как сделаться образованным человеком, в чем заключается система образования и т. п. Многие в самых общих выражениях просят вообще о помощи в деле их самообразования, не ставя нам определенных вопросов о той или иной отрасли знания. Такого рода читатели, не зная, куда и как идти и как им приняться за работу, нуждаются в ее общем плане. Таким читателям отвечать гораздо труднее, тем более, что в письменных ответах нет никакой возможности дать того, что мы намерены сделать лишь при помощи ряда книг и статей в течение целого года или многих лет.

Таким читателям для того, чтобы они не теряли ни времени, ни настроения, мы давали *предварительные* списки подходящих книг, всегда очень немногих, чтобы не запугивать читателя их перечислением, в основу же составления этих списков положили принцип, изложенный нами в III главе этой книги, а также в «Письмах к читателям» и в «Среди книг». Такой прием составления предварительных списков, впредь до получения более полных данных о читателе, оказывается полезным еще в том отношении, что дает возможность лучше познакомиться с индивидуальностью читателя, к нам обратившегося, так как, имея его подробный, обстоятельный отзыв хоть об *одной* нами рекомендованной научной книге, мы уже получаем возможность судить, удачно или неудачно было наше указание применительно к его личности. Но дело в том, что читатели очень редко перечисляют научные книги, оказавшиеся им понятными и произведшие на них впечатление более или менее сильное. И все же знать название именно этих (научных) книг, прочитанных данной личностью, нам особенно важно. Много неясности возбуждают и ответы на наш вопрос об отношении читателей к математике, под которой большинство из них понимает самую элементарную

арифметику, оставляя в стороне геометрию, алгебру, — увы! — изучаемые очень немногими. Ответы на наш вопрос о математике нам особенно важны потому, что именно по ним является для нас некоторая возможность судить о складе читательского ума, о его индуктивности или дедуктивности, конкретности или отвлеченности. Особенно важен также ответ на вопрос, предпочитают ли читатели книги с рассуждениями или с фактами или те и другие вместе, любят ли они книги с «настроением» или «бесстрастные». Книг на свете имеется немало. Нет такого человека, который не нашел бы по любому интересующему его вопросу *подходящую* для него книгу. Чтобы оценить человека как *читателя,* нужно знать лишь *несколько* черточек его индивидуальности. Впрочем, чем больше их знать, тем лучше...

Выбор подходящих научных книг на основании данных, сообщаемых нам самими читателями, мы стали производить следующим образом. Во-первых, в нашем распоряжении имеется богатая коллекция всякого рода библиографических указателей научно ценных книг — указателей, составленных разными специалистами (более 100). Но такие указатели говорят лишь о *научных* достоинствах книги, о том — хороша или плоховата книга в научном отношении. Но научность — это лишь *одна* из многих сторон книги. Рекомендовать кому-либо *подходящую* книгу по каталогам, по журнальным и газетным рецензиям, как и по памяти, мы не решаемся. Руководствоваться только каталогами и рецензиями — это значит губить все дело. Поэтому мы стали вести нашу работу не по указателям, а *непосредственно по книгам,* пользуясь при этом обширной библиотекой до 28 000 томов с лишком, имеющейся в нашем полном распоряжении и составленной по нашему плану из избранных книг (главным образом русских). О составе этой библиотеки дает приблизительное понятие наш большой труд «Среди книг». Каждое полученное нами письмо тщательно прочитывается, и с этим письмом в руках мы достаем с полки книги по тому вопросу, который нам ставят в данном письме. Из этих книг мы выбираем подходящие для данного читателя, принимая в расчет все его особенности, которыми он, судя по письму, отличается. В тех случаях, когда наших собственных знаний по данному вопросу не хватает, мы обращаемся, кроме того, за указаниями к специалистам.

Такова постановка, которую позволила придать этому делу наша работа над «Среди книг» и в которой мы и делаем уже много лет наш опыт изучения, с одной стороны — читателя, с другой — книг и, наконец, самого процесса читательства.

Разумеется, при этой постановке мы и сами учимся, — так сказать, берем уроки у наших читателей, уроки служения их просвещению, расширению и углублению их жизни, их самовооружению. Вряд ли можно сомневаться, что и с нашей стороны, при неуменьи многих читателей писать о себе и ставить вопросы, всегда возможны ошибки. Но опытность — дело наживное. Ра-

зумеется, и сами читатели должны помогать нам, чтобы этих ошибок у нас было возможно меньше.

Особенно важно, чтобы читатели откликались на наши ответы по их запросам и сообщали о том, насколько же пригодились им наши указания и насколько же они оказались практичными. Мы горячо просили и просим читателей критиковать наши ответы и делиться с нами своей критикой, так как это-то и поможет нам в том случае, если мы ошиблись в оценке читателя, дать ему новые, вторичные, указания, а главное, более плодотворно помогать и другим. Читатель, которому хоть что-либо дает наша работа, нравственно обязан принять в ней таким способом посильное участие. Нуждающиеся в указаниях считаются миллионами, а наше новое дело нуждается в практическом обосновании и навыке. Выбирать книги для своего и чужого чтения — не только наука, но и *искусство,* развитию же его нет предела. Какие бы ошибки мы ни делали, идя иногда как бы ощупью, мы можем с полной уверенностью сказать, что нерв жизни нами нащупан правильно, что постановка дела, нами усвоенная, идет к цели по верной дороге, и все силы, какие у нас только еще остаются для служения великому, бесконечно дорогому делу народного просвещения, затрачиваются и будут затрачиваться до конца дней недаром.

Но одной перепиской с читателями еще не сделаешь их образованными. Как уже было замечено, они должны с той же целью работать и работать *сами.* Но как работать? Переписка с читателями дает немало указаний для практического опыта и на этот вопрос. В нижеследующих главах мы и попробуем вкратце резюмировать то, чему научила нас переписка в этом отношении.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ЦЕЛЬ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Будем делать, чтобы сделать,
а не для того, чтобы делать.

Эти простые, сильные и, в сущности, боевые слова, излившиеся из глубины деятельной, кипучей и сильной души, сказала когда-то А. М. Калмыкова, одна из выдающихся деятельниц в области внешкольного образования, всю свою жизнь положившая на борьбу с народным незнанием, непониманием и опусканием рук. Она сказала эти слова пишущему эти строки, которого связывает с ней не только многолетняя дружба, но и совместная работа в одной и той же области — в С.-Петербургском комитете грамотности. Эти слова, сказанные ему еще при начале его литературной деятельности, навсегда запали в душу, и мы никогда не устаем и не устанем повторять их. Их помнить — нет, не толь-

ко помнить, а прочувствовать — должны все те, кто серьезно стремится своими средствами сделаться действительно образованным человеком. Пусть же и лежит это правило в основе самообразовательной работы. Будем и мы — и вразброд, и общими силами — «делать, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать», т. е. будем иметь в виду, прежде всего, *результат* работы, а не только *процесс ее*. Правда, человек, искренно стремящийся к свету, получает великое наслаждение и от самого делания, т. е. от переживания самого процесса работы, — даже оно как-то возвышает душу, приводя к сознанию, что «есть же вот и в моей душе что-то такое, чего и проклятая обыденщина все-таки не заглушает». Но одного сознания, одного этого делания еще мало. Необходимо добиваться, а главное — добиться кой-чего и побольше: необходимо действительно стать образованным человеком в лучшем смысле этого слова, иначе говоря, расширить свою жизнь, углубить, украсить, сделать возвышеннее, напряженнее, а главное — плодотворнее.

Образованный человек! Нет, думается нам, такой страны на всем земном шаре, где бы это, в сущности, святое слово, означающее человека, действительно знающего, понимающего, гуманно настроенного, отзывчивого и деятельного в той или иной области жизни и мысли, было бы так затаскано, заплевано, затоптано «торжествующей свиньей», как у нас в России. Увы! Об образовании иные и до сих пор судят только по диплому, по «разговору с иностранными словами» и даже по костюму. Но оставим в стороне таких «образованных». Будем говорить только о тех, кого следует понимать под этим словом в его лучшем, самом высоком смысле. Положим в основу этого понимания то, что для нас должно быть дороже всего, — вообще *человека*, человеческую личность, а в ней — ее проявление вовне, ее деятельность, ее *творческую* работу в жизни. Для всякого человека жить — это значит действовать, а действовать — это значит вносить нечто в жизнь, производить в ней какие-нибудь перемены, создавать формы новые, изменять, разрушать старые, чужие и чуждые; жить — это значит кое-что *давать жизни*, другим людям, среде, истории, жить — это значит преодолевать препятствия, встречающиеся в жизни на пути ее расширения и углубления и уничтожающие ее полноту, возвышенность, красоту, радость и во мне, и в других людях, в их массе — народе, обществе. Иначе говоря, жить — это значит бороться, и не только за жизнь, а и за полноту и улучшение жизни. Поэтому для нас «человек» — это значит борющийся человек, такой, кто чувствует, что живет именно тогда, когда борется, кто житейской борьбы не боится, кто даже радуется ей, потому что где она, там и напряженность жизни, и там-то человек и чувствует ее трепетание; пусть эта его борьба ведется им хотя бы и в болоте, но зато она ведется *с болотом*, а на это последнее, во всяком случае, не похожа его душа. Но ведь, чтобы жить, расширить свою жизнь и

бороться, нужна сила, необходимо накопление разных сил — силы знания, силы мысли, воли, любви к людям, нужно уменье осваиваться в любой обстановке, не теряться ни в каком затруднительном положении, не отступать ни перед каким препятствием. Поэтому будем считать настоящим образованием такое, которое помогает именно этому и прежде всего этому. Оно-то и есть такое, которое нужно каждому живому, «житейскому» человеку. Но такое образование вовсе не то, какое дает, напр., официальная школа. Такое *настоящее* образование иной раз даже и не совместимо с дипломами и идет в разрез с ними, а потому о многих дипломах можно сказать, — и это всякий знает, — что им грош цена.

В тысячу раз выше надо поставить людей, умеющих плодотворно действовать хотя бы без дипломов, чем людей бездейственных, но с дипломами.

Но и одного уменья действовать еще мало. Нужно знать, что творить, *для чего* и *для кого* творить, нужно понимать и цель и смысл и своей и чужой деятельности. Высший смысл и красоту жизни придает понимание, переживание чужих страданий и деятельность во имя их устранения. <...> Но служить им — это уже предполагает уменье действовать в жизни и ориентироваться в ней, уменье выражать интересы, нужды и потребности жизни трудящихся и обремененных. А вот это уменье понимать их и служить им, думается нам, и есть главная черта, самая суть всякого человека, «не для себя и не про себя» образованного, независимо от его пола, возраста, звания, состояния, рода занятий и так далее. Образованным человеком мы будем считать такого, который в любое время, на любом месте может явиться активным выразителем потребностей своей местности, т. е. трудящегося большинства. В каждом, даже самом глухом, уголке должны создаваться и создаваться люди, в лице которых воплощались бы насущнейшие нужды страны. А отсюда такие задачи, стоящие перед каждым человеком, который путем самодеятельности стремится стать образованным:

1) присматриваться к окружающей жизни и вдумываться в нее;
2) ее изучать, знать и понимать;
3) уметь в ней действовать;
4) для этого же иметь подготовку:
   а) общую, т. е. широкий кругозор,
   б) специальную, т. е. профессиональную.

Впрочем, это разные стороны одного и того же дела, и получить подготовку во всех этих направлениях — это все одна и та же самообразовательная работа. Все эти ее отрасли сливаются в одной точке, и эта точка — «Я» каждого из нас, его жизнь и ее расширение.

Наметив общую цель образования, будем говорить теперь, как ее достигать и достигнуть.

I. Первое и главное правило: *надо начинать самообразовательную работу не с книги, а с жизни.*

Жизнь всегда учит гораздо большему, чем лучшая из лучших книг. Книга — только орудие и пособие, она не авторитет. Не жизнь нужно проверять книгами, т. е. теориями, а как раз обратно. Начинать нужно с вдумчивости в жизнь и, разумеется, с того, что́ такого-то человека, живущего в таком-то месте земли, в такой-то обстановке его личной, обыденной жизни, сильнее всего мучит, волнует, интересует. Когда уже загорелся в душе, под влиянием жизни, этот *огонек исканий,* тогда, как об этом мы будем подробнее говорить ниже, в одной из следующих глав, за ответом на эти искания можно идти и к книгам, которые в этом случае, наверно, окажутся интересными. Но и в этом случае нужно идти к книгам не для того, чтобы их советы принимать на веру, а лишь для того, чтобы почерпнуть из них материал для собственных размышлений.

II. Второе правило: *всякое явление жизни надо обсуждать непременно и постоянно не с одной какой-либо стороны, а со многих — с возможно большого числа сторон, им же несть числа.*

Теория тем и отличается от практики, что она, в сущности, более одностороння, чем практика, которая, приводя человека в непосредственное столкновение с жизнью, уже подразумевает необходимость считаться со всеми сторонами ее. Все эти стороны существуют в жизни нераздельно — разделяет же их лишь человеческий ум для удобства изучения, и притом совершенно искусственно. Поэтому практика и техника — лучший способ проверки всяких знаний. Не действуя, не приходя в непосредственное столкновение с жизнью, вряд ли можно оценить как следует какую-либо теорию. Применение — это и значит проверка. Без такой проверки — нет истины. Без применения все — и истины и теории — одни слова и слова.

Но поставьте перед собою вопрос: а что же значит «разностороннее» понимание? Вот тут-то и доходишь до одного из очень важных отличий (быть может, самого важного) человека действительно образованного от человека «натасканного» в тех или иных предметах, от специалиста-неуча, однобокого, одноглазого, умеющего мерить чуть ли не всю Вселенную на один свой аршин, разумеется, не для всех случаев пригодный. Смешон тот химик, который с химической точки зрения судит о всех прочих сторонах жизни, в том числе, напр., о нравственной, но смешон и тот купец, который все и всех меряет рублем. Смешон и юрист, который только и знает, что закон, кем-то, но как-то написанный. И закон, и рубль, и химия — мерки для своего дела очень полезные, и для жизни все они нужны, но нельзя же такими частными мерками измерять все стороны жизни. Жизнь бесконечно разностороння и сложна, и, чтобы понимать ее, нужно быть самому, прежде всего, разносторонним человеком, и уже потом

химиком, юристом или купцом. Отсюда вывод: вдумываясь в жизнь, надо, прежде всего, позаботиться о том, чтобы не впасть в односторонность, а для этого необходимо заблаговременно получить хоть некоторое понятие, да какие же такие стороны существуют у жизни? Хоть главнейшие, самые крупные необходимо узнать, хоть в самых общих чертах, для первого шага. Вот в этом узнавании и могут помочь каждому из нас хорошие книги, поскольку они содержат в себе опыт других людей.

Вышесказанным первый шаг в самообразовательной работе и определяется ясно. И правда, сразу же намечаются три главные ее стороны. Каждый из нас представляет из себя, во-первых, явление *природы* в физическом смысле, во-вторых, явление *общественной жизни,* в-третьих, единственную, мыслящую, верующую *личность,* единственную в своем роде. В каждом из нас существует и природа, и член общества, и личное «я», и все это слито, спаяно нераздельно. Вот перед нами уже три наших собственных стороны, и для каждого из нас крайне важно хорошенько знать их и понимать каждую порознь, но главное — все вместе, их взаимную связь, обоюдное влияние. Но ведь эти три стороны имеем не только мы, но также и все другие люди, все, что существует вокруг нас. Интересно, что есть элемент нашей личности даже в таких точных науках, как астрономия, изучающая с величайшей точностью движения небесных светил и принужденная вводить в свои тончайшие наблюдения «поправку на личность наблюдателя». Таким образом, вышеуказанная тройная система, это уже систематический кругозор, который охватывает и нас самих и все окружающее. Для начального знакомства со всем существующим в этих наиболее общих чертах, как об этом будет сказано ниже, можно указать любому читателю всего лишь несколько книг, в лучшем случае даже только три книги, которые и познакомят его, опять-таки в общих и основных чертах, и со всей этой тройной системой. Даже такое общее знакомство не может не раздвинуть кругозора систематически во все стороны, и у кого еще нет *такого* кругозора, этим не очень-то легко вести и дальнейшую работу. Для ее начала необходимо получить хотя бы самое общее представление о самом факте существования целых областей внутреннего и внешнего мира, дотоле неизвестных, нужно, чтобы в душе возник и был налицо целый ряд вопросов, возбуждающих дальнейший интерес к расширению и углублению знаний и выработке миросозерцания широкого, светлого и стремящегося воплощаться в жизнь; нужно научиться искать и искать ответа на возникающие вопросы, и в каждом найденном ответе видеть не что иное, как лишь введение в дальнейшее изучение и указание дальнейших путей к дальнейшему образованию. Вовсе не нужно прочесть много книг, чтобы разогнать тьму в уме начинающего читателя. Даже три, даже одна хорошо выбранная, *действительно подходящая* книга может оказать сильное влияние на него, особенно при россий-

ском бескнижье, происходящем вследствие малой распространенности книг, медленности книжного оборота и внешних «независящих» условий.

Но идем дальше. Каждая из трех самых главных вышенамеченных областей, в свою очередь, содержит в себе много других, не столь широких, а эти последние также соединены, слиты в жизни, и в нашем собственном лице, и во всем окружающем. Так, напр., на каждом из нас можно открыть следы целого ряда разнообразных влияний — влияния и литературы, и ходячей нравственности, и религии, и окружающей нас злободневности, общественных течений и настроений, и истории, несущей нас в своем потоке, не только отечественной, но и всемирной, и нашего правового и экономического положения, и всего строя социальной жизни; все эти влияния и есть мы — такие, каковы мы есть. Мы — конечный результат всего этого. Но и это еще не все. Вместе с тем мы — очень сложный комок явлений, происходящих в нашей душе и теле, в мельчайших клеточках, его составляющих, в атомах, т. е. веществе, составляющем эти клеточки. Все это как будто явления совершенно разнородные, которые только и подобает разложить по отдельным наукам, несовместимым друг с другом и разнородным, и зарегистрировать в разных учебниках, изучаемых отдельно один от другого. Но это не так — все это обман, метод изучения, привычка, потому что на самом-то деле все эти явления — единый комок, все это — мы сами и окружающая жизнь, только изучаемые с разных сторон благодаря своей сложности. Да, все это мы, наша жизнь, наша среда, нечто, по существу, единое и нераздельное.

И вот перед нами раскрывается дальнейший кругозор — дальнейший шаг к пониманию жизни и к возможно лучшей ориентировке в деятельности в ней — вторая, более подробная, система знаний, но уже не столь элементарная, как первая. Такая система уже представляет более подробную и широкую программу работы. Эта программа стоит уже гораздо ближе к типу общеобразовательной средней школы, впрочем с некоторыми дополнениями в смысле большей систематичности и закругленности. <...> Такая программа — не что иное, как схема Вселенной, и включает все главнейшие стороны ее. Но и эта вторая программа вполне доступна человеку, который может уделять для самообразовательной работы по 2—3 часа в день, в течение 2—4 лет, смотря по своим способностям.

Впрочем, и способности тут не играют особенной роли. В «Письмах к читателям» (главы VI—VII) мы подробно говорили о том, как «преодолевать свою неспособность». Во всяком случае, легче преодолеть ее, чем свою инертность. Но, думается нам, средний русский человек, который, как выражается один наш читатель, «не хуже и не лучше всех прочих», без особого труда может систематически выполнить и вторую, более широкую программу.

Эту вторую программу общего образования можно представить, напр., разделенной на такие отделы: [1]

1) язык и его история (грамматика, уменье излагать свои мысли);

2) литература и ее история; другие изящные искусства и их история;

3) нравственность и ее история (вопросы о смысле и цели жизни, о добре и зле и т. п.);

4) литературно-общественные и общественные течения и направления, среди которых мы живем и воспитываемся, и их история;

5) человечество, как единое целое и его история;

6) религиозно-церковный строй и его история;

7) семейный строй и его история;

8) строй воспитания, народного образования и просвещения вообще и его история;

9) строй государственный (политический) и правовой (юридический) и его история;

10) строй социальный, экономический и его история;

11) общество, его сущность и происхождение, естественные законы его развития;

12) племена и расы и их распределение на земном шаре; человек и человечество (человеческий род) как явление природы; его отношения к окружающей географической среде;

13) психика, явления духовной жизни, их сущность и происхождение;

14) человеческое тело, его устройство и жизнь;

15) царство животных, его состав и жизнь;

16) царство растений, его состав и жизнь;

17) царство организмов вообще как единое целое и его происхождение и история. Сущность жизни и ее происхождение;

18) земной шар как обстановка органической жизни, и перемены, с ним и на нем происходящие и происходившие;

19) мертвое (неорганическое) вещество, из которого составлена Вселенная, его формы и превращения, перемены, с ним происходящие и происходившие;

20) силы природы (разные виды энергии, как, напр., свет, теплота, электричество и т. д.), их превращения и история;

21) Вселенная (Космос) как единое целое; его история (эволюция).

В этих 21 рубрике, как видно из их перечисления, укладываются наши знания о всех главнейших сторонах и областях жизни (космической, общественной, личной, истории идеалов и действительности). Но этого еще мало. Необходимо познакомиться

[1] Подробно о каждом из этих отделов см. во «Введении» к I т. «Среди книг». Там же даны подробные обзоры литературы о каждом из этих отделов, объяснение их сущности и значения.

с самыми основами точного и достоверного знания, с методами, т. е. способами, его добывания и утверждения. Поэтому к предыдущим отделам надо прибавить еще три, а именно:

22) математику и ее историю;

23) логику (учение о методах мышления и исследования) и гносеологию — науку о познании;

24) философию (т. е. общее миросозерцание) и ее историю, т. е. сводку всех предыдущих отделов воедино.

Выработать свое собственное миросозерцание — это и значит подвести итоги своим мнениям во всех этих 24 отраслях знания, выработанным в течение всей образовательной работы.

Но подвести итоги *своим* мнениям можно только одним способом, а именно, вырабатывая их посредством ознакомления — сравнительно исторического ознакомления с чужими мнениями, т. е. знакомясь с историей мнений, теорий, миросозерцаний с древнейших до наших времен, в связи с историей самой жизни. Поэтому в каждом из вышеперечисленных отделов история мнений и теорий должна занимать одно из видных мест.

Таким образом, вышеизложенная небольшая программа из 24 отделов есть вместе с тем и программа для выработки общего миросозерцания, и программа занятий, направленных к данной цели. В другом месте мы делаем подробные обзоры каждого из вышенамеченных отделов, вкратце выясняем его сущность, знакомим с историей его происхождения и развитием, с историей мнений и их выработки в каждом отделе, и указываем литературу по главнейшим вопросам, относящимся к каждому из этих отделов[1]. Разумеется, число отделов может быть еще более увеличено, но оно может быть и сокращено, напр., № 15 и 16 могут быть слиты с № 17, № 21 с № 24. Во всяком случае, вышеизложенная схема-программа дает читателю, стремящемуся к самообразованию, определенную опору в работе, дает то, что необходимо для понимания и своей, и окружающей жизни как единого сложного, многостороннего целого. Из этой же программы читатель может видеть, что предстоит ему преодолеть, может сравнить эту схему с теми знаниями, какие у него уже имеются, и пополнять по этой схеме то, что ему еще недостает. По каждому из перечисленных отделов можно подобрать книги, даже по одной только книге, подходящей для данного читателя и дающей ему, во-первых, знание *фактов,* во-вторых, знание *теорий,* в-третьих, знание *методов* в связи с их *историей* (и факты, и теории, и методы лучше всего понимать и оценивать с точки зрения их развития, т. е. появления, изменения и отживания); только при этом условии приобретенные знания не будут верхоглядством. Об этом еще будет идти речь ниже. Кроме того, каждая область знания предполагает и *прикладные знания,* практику, технику, с которыми, имея в виду практическую дея-

[1] См.: «Среди книг», изд. 2-е, 1911—1913 гг.

тельность и наступательное отношение к жизни, тоже нельзя не познакомиться. Наличность современных русских книжных богатств уже позволяет в значительной мере удовлетворять, посредством выбора подходящих книг, читателей самых разнообразных типов, обладающих различными складами ума, предъявляющих к книге и знанию разнообразнейшие запросы. Любому читателю во многих случаях можно подбирать книжки даже тех размеров и в таком изложении, какое наиболее соответствует его подготовке и обстановке жизни. Существует теперь довольно много небольших популярных руководств по всем вышеперечисленным отраслям знания, от 100 до 150 с. каждое, тем не менее удовлетворяющих вышепоставленным требованиям. В этом пособии мы и даем *описания* нескольких сот книг, относящихся, во-первых, ко всем вышеперечисленным отделам, во-вторых, подходящих к читателям *разных* типов, разных складов ума и различных ступеней подготовки. Описанию этих книг и посвящена вторая половина этого труда. Читатель, стремящийся к общему образованию, должен при такой постановке дела систематически преодолеть, проглотить библиотечку из 25, а в лучшем случае из 30—40 книг, распределяя чтение и изучение их на тот промежуток времени — хотя бы на несколько лет, — какого от него потребуют его способности, силы, средства и обстоятельства его жизни. Были сделаны даже и попытки *издания* такого рода энциклопедических библиотечек; из них лучшая — «Народная энциклопедия», изд. Харьковского общества грамотности *. Стоимость книг, как и размеры их, могут быть тоже согласованы с особенностями данного читателя. По нашим расчетам, библиотечка из 25—40 книг может обойтись от 50 до 70 руб., которые, разумеется, потребуются не сразу, а может быть, и вовсе не потребуются, если читатель сможет добывать книги откуда-нибудь на прочтение, а читая их, станет делать подробные выписки и разумно составляемые конспекты. Как читать, как изучать, как вкладывать в себя возможно больше основательных знаний, как увеличивать их с возможно меньшей затратой сил и времени — об этом мы еще будем говорить в одной из следующих глав. Теперь же, наметив самые общие черты краткой, но все же законченной системы знаний, будем смотреть на нее как на общий план, которого еще не имеется у читателей, хотя и стремящихся к самообразованию, но не знающих, с чего начать, и не умеющих еще формулировать в своих письмах к нам никаких определенных запросов, кроме общего желания «сделаться развитым и образованным человеком». Этим читателям мы скажем: не бойтесь, друзья-читатели! Работа над самообразованием не так трудна, как это кажется. Да она и приятна. Кто бы вы ни были, она не представляет и для вас, какую бы вы подготовку ни имели и какие бы условия жизни вас ни окружали, никаких действительно непреодолимых трудностей. Еще 500 лет тому назад сказано: с распространением знаний и идей

не в силах справиться ни огонь, ни меч, ни голод, ни подлость. Не бойтесь приниматься за работу: не так страшен черт, как его малюют. И при этом положите в основу своей работы два мудрых правила. Первое гласит: дерзай! второе: при! К этим двум правилам прибавьте еще одно третье: верь в успех и плодотворность своей работы! Гейне удивительно хорошо сказал:

Тот, кто верой обладает
В невозможнейшие вещи, —
Невозможнейшие вещи
Совершить и сам способен.

Хочется к этим правилам прибавить еще одно: никогда не останавливайтесь в ваших стремлениях к истине и справедливости и не бойтесь быть честным человеком, не бойтесь честно мыслить и быть *смело честным,* не бойтесь называть и правду и ложь, несправедливость и справедливость их собственными именами, если чувствуете, что в основе вашей мысли лежит правда вашей совести. *Никогда не прекращайте вашей самообразовательной работы* и не забывайте, что, сколько бы вы ни учились, сколько бы вы ни знали, знанию и образованию нет ни границ, ни пределов. Как бы ни были обширны у вас знания, их нужно делать еще обширнее. Как бы они ни были глубоки — они могут стать еще глубже. Но лиха беда начало. Для вас очень важно прежде всего, с первых же шагов поставить дело практично, и это вполне исполнимо для всякого. При самом же начале вашей работы требуйте от себя, чтобы всякое знание, вами приобретаемое, непременно было: 1) точным, 2) достоверным, 3) отчетливым, 4) связным, т. е. связанным и в вашем сознании единством окружающей жизни; 5) действенным, т. е. вносящим и в вашу, и в окружающую жизнь нечто светлое, плодотворное, красивое и радостное. Также не будем никогда забывать, что самообразование есть не что иное, как орудие расширения жизни, ее углубления и возвышения во всех смыслах, жизни не только своей, но и других людей, массовой, народной, общественной. Повторяем: лиха беда начало, а вот при этом-то начале мы лично и желали бы особенно быть полезными вам. Наша задача — помогать читателям именно начинающим, для которых, насколько нам известно, до сего времени еще не существует никаких «Программ домашнего чтения», и заполнить до сих пор не заполненный пробел в ожидании того, когда нам на помощь в этом отношении придут новые силы. Нашу работу мы ставим так, чтобы обслуживать, так сказать, нижние этажи читательской подготовки. <...>

Было бы крайне желательно, чтобы и для нижних этажей было сделано больше, чем делается теперь, и пищущий эти строки, как один из инициаторов петербургских «Программ чтения для самообразования» и участник в их составлении, постоянно указывал на необходимость организовать помощь в самообра-

зовательной работе прежде всего и главным образом наименее подготовленным читателям (см. предисловие к нашим «Письмам к читателям о самообразовании»). <...>

Сводя все вышесказанное к одному, читатель, работающий над самообразованием, имеет право сказать: вперед и вверх дорога *для всех открыта*, и, идя по этой дороге, никто не останется без помощи и поддержки, без советов и указаний, на какой бы ступени умственного развития он ни стоял. Пусть каждый идет, куда ему самому нужно, и взбирается на ту высоту знания, понимания, настроения и активного отношения к жизни и ее расширению по всем направлениям, к ее радости и красоте, какую он сам сделает для себя доступной путем борьбы и самодеятельности. Дело теперь за самим читателем. Мы от всей души желаем ему побольше *умения* и *хотения:* уменья бороться за расширение жизни и сильного, страстного, горячего хотения — умения горячо и страстно желать. Ведь сильное желание — та же воля...

ГЛАВА IV
ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ. ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА

Но основная задача, которая стоит перед тем, кто желает серьезно работать над самообразованием, заключается не только в том, чтобы вообще достичь намеченной цели, но и в том, чтобы достичь ее с наименьшей затратой времени, сил и средств. Эта вторая половина задачи имеет столь же громадное значение, как и первая, уже по тому одному, что самообразованием-то приходится заменять образование не счастливчикам, а пасынкам современного русского общественного строя, перед которыми, в силу материальных или каких-либо иных условий русской жизни, двери высших, а то и средних и даже низших, учебных заведений не успели еще раскрыться. С самого же первого шага необходимо поставить свою работу так, чтобы всегда иметь в виду сбережение времени, сил и средств.

Не в том только задача, чтобы потихоньку да понемножку впитывать в себя некоторое, необходимое для жизни образование, а в том, чтобы это же самое образование приобрести возможно быстрее — приобрести, не поступаясь ни относительно качества его, ни количества. Это значит, что мы должны поискать такую постановку дела, которая была бы *экономична.* Хоть мудрая из мудрых пословиц и говорит, что «тише едешь, дальше будешь», но не менее мудрая пословица поясняет: «улита едет — когда-то будет». Впрочем, и условия русской жизни, и прежде всего трудящегося класса, заставляют подумать и об американских пословицах: «Время — деньги», «Тише едешь, черт знает, когда приедешь».

Мы зовем наших читателей к *энергичной* работе над самообразованием. Мы приглашаем их прежде всего бороться с «полусонным полуделанием», во имя их собственной, светлой, радостной, разумной и полной жизни — жизни, которая должна быть и осмысленной, и плодотворной, красивой и напряженной. Мы зовем наших читателей приступать к самообразовательной работе смело, бодро и решительно, не боясь препятствий, не останавливаясь перед ними позорно и трусливо, не пугаясь размеров предстоящей работы. Мы приглашаем читателей прежде всего быть не рабами обстоятельств, не холопами болотной спячки и рутины, а борцами, *умеющими сильно желать* и энергично стремиться.

Этого-то и не нужно забывать, работая над самообразованием, и мы говорим нашим читателям: не бойтесь желать многого. Дерзайте идти к большому. Идите, не унывая и не опуская рук, а, идя, прежде всего не забывайте, что вам никто не поможет, если вы сами себе не поможете. Даже самые лучшие планы самообразовательной работы, кем-либо другим составленные, всегда будут не чем иным как *материалом,* только материалом для ваших собственных суждений и решений.

С этой оговоркой мы и приступаем к изложению общего плана самообразовательной работы.

Вряд ли нужно доказывать, что подходящего для всех плана не только нет, но и быть не может. Вырабатывать его должен сам работник, каждый для себя, принимая в расчет все особенности как своей личности, так и той обстановки, в которой ему приходится существовать. И, вырабатывая этот план, нечего смущаться, что вот, мол, я делаю не так, как другие. Ведь тут дело не в этом, а в том, чтобы сделать свою самообразовательную работу сколько возможно производительней. Гораздо больше должно приводить в смущение такое явление: «Вот я делаю, как указано добрыми и умными людьми, а у меня все-таки ничего не выходит». Повторяем, во время работы прежде всего необходимо обращать внимание на *результат* труда, на его производительность. Нужно признать негодным всякий план работы, по виду хотя бы самый разумный из разумных, если только он требует от человека непосильной затраты сил, а взамен этого дает ему все-таки очень мало. Другими словами, самый план работы *необходимо приспособлять к личности, а не личность к плану.* Правда, есть на свете и такие люди, которым более или менее безразлично, какому плану следовать. И если работник чувствует себя человеком именно этого типа, т. е. способным следовать всякому плану, то такому человеку можно сказать только: чего же лучше? И тем не менее человек даже такого типа, иной раз даже бессознательно, все-таки не обойдется без приспособления чужого плана к своей личности, если не в тот момент, когда он только что начинает работу, то во всяком случае во время хода ее. Из всего предыдущего следует: только тот

план самообразовательной работы можно считать для себя подходящим, который самим работником придуман или приспособлен к его личности. И этому приспособлению не должно быть поставлено никакой границы. Оно должно войти в систему. И не только у взрослых людей, но даже и у подростков. Имея же дело со взрослыми людьми, мы считаем полезным даже настаивать на этом пункте. Нередко читатели, к нам обращающиеся за помощью, требуют от нас какого-то готового плана или программы, словно думая: «вот, мол, мы добросовестно исполним ее, а все остальное приложится». Таким читателям мы говорим: быть может, вы ее и исполните добросовестно, но не наша будет вина, если из этого все-таки не выйдет для вас большого прока. Разумеется, мы, с нашей стороны, сделаем все возможное для того, чтобы согласовать наши указания с особенностями вашей личности и вашей жизненной обстановки, насколько это будет лишь возможным сделать по тем сведениям, какие вы нам сообщаете о себе. Но вместе с тем мы говорим вам: вырабатывайте общий план работы и сами, а к планам, заимствуемым со стороны, в том числе и к нашему, относитесь критически, так как никто вас, и ваших знаний, и ваших личных особенностей, и условий вашей жизни лучше вас самих не знает, да и знать не может. Итак, во всяком случае, приступая к работе над самообразованием, необходимо обратить особое внимание на приспособление общего плана или общей программы общеобразовательной работы к самому себе. Нужно поставить себе задачей выработать и этот план и программу в *возможно полном* соответствии со своей личностью и со своей обстановкой. Только это соответствие и поможет сэкономизировать время, силы и средства. Правда, выработать это соответствие на практике не всякому легко. Но так или иначе необходимо пробовать и делать над собой опыт за опытом, и при этом нисколько не смущаться, что дело не налаживается сразу. Вот в целях этого-то налаживания особенно и полезны советы со стороны, иначе говоря, совещательный голос со стороны. Читатель взял, напр., такую-то книгу. Если, по его собственному сознанию, она не дает ему ясного, точного, определенного знания в таком самом виде, какой наиболее легко усваивается именно им, тогда ему необходимо поискать другую книгу по тому же самому вопросу, но более отвечающую личным его особенностям. Если вы сами не можете найти для себя такой книги — обратитесь за помощью к другим, считая пробным камнем для оценки каждой книги с вашей точки зрения легкость ее усвоения, ее понятность и ясность (об этом будет еще речь ниже). Это и есть один из видов приспособления работы к личным особенностям читателя. Но такого же приспособления нужно добиваться по отношению и ко всему плану работы, и наша помощь, как мы ее понимаем, вот в этом-то пункте и может быть наиболее полезной, разумеется, при том условии, что читатели, которые к нам обращаются, не поленятся познакомить нас с собой,

ответив на поставленные нами вопросы. Это общее замечание относится ко всей постановке работы, и мы обращаем на него особенное внимание. Такую постановку мы и называем *индивидуализацией самообразования,* в отличие от практикуемой обыкновенно рекомендации хороших книг.

Вот некоторые правила, которым, думается нам, полезно следовать читателю. Представим себе читателя, который по вине его злой судьбы, не только не получил никакого образования, но даже и не имел возможности привыкнуть к чтению мало-мальски серьезных книг. От читателей этого типа нами получены многие сотни писем, и все они ставят нам вопрос: «вот мы жадно и горячо стремимся к самообразованию, но мы даже не знаем, что оно такое. Мы также не знаем, по какой дороге и куда нам идти и как приступить к достижению неясно поставленных целей». Один из таких читателей пишет нам: «Я только *хочу,* но не знаю, *чего* хочу. Я хочу сделать много-много, а в своих стремлениях и исканиях толкаюсь вроде как лбом о стену». Первый вопрос, который предстоит решить такому читателю, заключается в следующем: с чего начинать самообразовательную работу, с чего приступить к ней? Опираясь на принцип об экономизации читательской силы, ответ на такой вопрос, думается нам, должно дать такой: *начинайте ваше самообразование с того, что вам интересно.* С того, что усваивается, запоминается, так сказать, входит в душу, возбуждает в уме ряд вопросов, настойчиво заставляет искать ответов на них, словом, читайте *только то, что вас интересует.* Поэтому прежде всего необходимо постараться *определить* то, что интересует. Правда, некоторые читатели пишут нам: «Я сам не знаю, что мне интересно, что неинтересно». Таким читателям нельзя не дать такого ответа: вы глубоко заблуждаетесь, дорогие читатели. Ничем не интересуются только мертвецы, у каждого же живого человека всегда есть целый ряд интересов, во-первых, мимолетных, во-вторых, более или менее постоянных, в-третьих, коренных, связанных с самим бытием человека и от него неотделимых. Многие читатели потому думают, что они ничем не интересуются, что они *ничем особенно не интересуются.* И тем не менее вся жизнь даже таких читателей представляет из себя постоянную смену одного интереса другим. Значит, они у них есть, они имеются, эти самые интересы, и читатели только не сознают этого. Для того чтобы начать самообразовательную работу, читатели такого типа должны некоторые свои насущные интересы все-таки *осознать.* Таким читателям можно сказать: хорошенько над собой подумайте и поищите и постарайтесь отыскать в своей душе то, что интересно вам, точнее, то, что интересует вас более, чем что-либо другое. До тех пор, пока вы не найдете этого, самообразовательная работа не увлечет и не захватит вас, и отнимет у вас массу лишних сил и времени... Далее, есть такие читатели, которые не интересуются ничем посторонним, т. е. тем, что находится вне круга их обыден-

ной жизни. Это происходит или потому, что они ею вполне удовлетворены (верный признак несомненной тупости), или потому, что не знают о существовании чего-либо и для них интересного за пределами их горизонта. Оставляя пока в стороне читателей удовлетворенных, нельзя не сказать про читателей второго типа, что заинтересовать их чем-либо, в сущности, дело не очень трудное. Для этого нужно лишь какой-либо вопрос жизни поставить перед ними в виде ярких, точных и определенных образов, т. е. фактов, которых даже и они не смогут отрицать, но которые смогут привлечь на себя их внимание хотя бы уже тем, что не подходят под их обычное объяснение. Такие факты заставляют искать других, не обыденных, не шаблонных и не привычных объяснений (какие именно факты могут сыграть эту роль — это смотря по человеку). Одних читателей могут заинтересовать явления природы, других — вопросы жизни, третьих — вопросы той обстановки, в которой лично они живут, ее темные и светлые стороны. А больше всего на свете таких людей, которых заинтересовывает то, что *непосредственно* их касается, непосредственно затрагивает их самих или их жизнь. Далее, есть ли на свете человек, который не пожелал бы расширения или разрастания, раздвигания своей жизни, в смысле ее полноты, глубины, возвышенности, и кто не захотел бы сделать свою жизнь возможно напряженной, осмысленной и красивой, будь он даже самого узкого душевного склада? Ведь какие-нибудь нервы, какие-нибудь струны и в его душе, наверно, имеются. И струнки чувствительные, способные к дрожанию. Это еще Достоевский выяснил с достаточной очевидностью. В данном случае вопрос у нас идет не о том, *что* пробуждать, а о том, *как* пробуждать, как найти эти, уже имеющиеся струнки души. Мы глубоко верим, что во *всяком* человеке при известном, более или менее умелом, внешнем воздействии, *всегда* можно пробудить какой-нибудь интерес к чему-либо, а пробудив его и опираясь на него, как на первую ступень, которая завтра же будет оставлена и забыта по своей ненужности, идти все дальше и дальше. В том, что это так, убеждает нас и наша практика. И это тем более справедливо для тех людей, которые *сами* просят о помощи в деле самообразования. Если просят, значит, что-то дрожит уже в их душах. Повторяем, нет и не может быть таких людей, которые бы ничем не интересовались. Можно напомнить о существовании целого ряда вопросов, которые имеют не только теоретический, но и чисто практический интерес для огромного большинства людей. Кому неинтересны, напр., такие вопросы: «Что такое счастье и доступно ли оно мне»? «Что такое жизнь и что она мне может дать?» «От каких причин зависят те беды и напасти, которые сыплются на меня (на кого они не сыплются?), на моих друзей, на общественный класс, к которому я принадлежу, на мою страну и т. д.»? «Что такое жизнь и смерть, истина и ложь, добро и зло, смысл и бессмыслие жизни?» «Как появились звезды и др. све-

тила на небе, растения, животные и человек на земле? и как можно узнать об этом с возможной точностью и достоверностью»? Перед каждым из нас стоит целый ряд вопросов, одна постановка которых уже пробуждает в душе огонек искания. А пробуждение этого-то огонька и имеет громаднейшее значение для правильной постановки всей самообразовательной работы с самого же ее начала. Начинать ее нужно с того, что интересно, будет ли это интерес мимолетный, постоянный или коренной. Мы утверждаем, что такая постановка всегда и вполне возможна.

Второе правило самообразовательной работы заключается в том, чтобы, начав работу с интересного, *повести ее таким образом, чтобы углублять и углублять ее, расширять и расширять, переходя от вопроса к вопросу, от одной области знания к другой, от науки к науке, в той последовательности и связи, которая подсказывается необходимостью понять жизнь,* реальную, действительную, окружающую жизнь прежде всего. Каждый вопрос, интересующий читателя в данное время,— непременно сложный и многосторонний вопрос. Стоит в него вдуматься лишь немножко, и сейчас же становится ясно, что для понимания и изучения этого вопроса приходится его расчленять на целый ряд других, более или менее мелких и соподчиненных вопросов. Так, напр., вопрос о счастье уже предполагает два других вопроса: во-первых, о внутренних, во-вторых, о внешних условиях счастья. Вопрос о внутренних условиях — ведь это же громадный вопрос о человеческой душе и о сложных явлениях, в ней постоянно происходящих. Вопрос же о внешних условиях — это вопрос об окружающей среде, о всем строе окружающей жизни — и семейной, и религиозно-церковной, и политической, и экономической, духовной и материальной. Не вдумавшись и не рассмотрев все эти условия внутренней и внешней жизни, невозможно решить вопрос о счастье, каким бы простым он иной раз ни казался. История мысли человеческой показывает это с удивительной яркостью. Но и на этом начавший мыслить человек еще не может остановиться. И правда, что такое человеческая душа? Это только одна из сторон человека. Нет никакой возможности понять одну его сторону независимо от других сторон, напр., сторону духовную независимо от телесной, которая оказывает такое огромное влияние на первую. Тут мы приходим к необходимости вдуматься в человека вообще, в человеческую природу. К тому же самому мы приходим и вдумываясь в строй окружающей жизни, потому что окружающее нас общество, как и человечество, состоит из людей же. Но ведь человек и человечество — это частичка природы, и в глубине каждого из нас работают клеточки нашего тела, а в глубине клеточек работают атомы, т. е. тот самый материал, из которого составлена вся Вселенная, и различные виды движения которого в науке называются «мировой энергией». Мы нарочно даем здесь в самых общих чертах примерный анализ одного из интереснейших и важней-

ших вопросов для того, чтобы на этом примере показать, до какой степени все вокруг нас связано одно с другим, так что, начиная с любого вопроса, интересного для *данного человека в данное время,* но углубляясь и углубляясь в него, и вследствие этого переходя все к новым и новым вопросам (так как все они цепляются один за другой), волей-неволей приходится делать общий и *систематический обзор* Вселенной; другими словами, приходится изучать Вселенную, одну ее область за другою, один вопрос за другим. И это до тех пор, пока не совершишь путешествия по всем областям, по крайней мере — самым главным.

Таким образом, мы приходим к выводу: вдумывайтесь в то, что вам интересно, ставьте вопросы, расчленяйте их на разные другие, второстепенные вопросы, проделывайте и с этими последними то же самое, так, чтобы каждый расчлененный вопрос стоял перед вами, властно требуя ответа, — и таким способом вы *получите* систематическое *образование,* с какого бы вопроса вы ни начали. Суть образования заключается не столько в том, с чего начинать, сколько в том, чтобы систематически путешествовать по Вселенной. Если есть в вашей душе действительно серьезный интерес хоть к *какому-нибудь* вопросу, для вас в данное время жгучему и важному,— задумайтесь над ним посерьезнее хоть на одно мгновение, и вы уже почувствуете, что вам недостает *образования вообще,* и целый ряд знаний не может не показаться вам притягательным и манящим куда-то в светлую даль. Сама работа, самый ход ее заставит вас наметить более или менее определенную последовательность в ней. Вы сами поймете, напр., что нельзя браться за изучение высшей математики без знакомства с низшей, за изучение медицины без знакомства с устройством человеческого тела. Возьмите любую книжку по высшей математике или медицине — и вы сейчас же отскочите от них, почувствовав недостаток своих знаний. По самой непонятности своей эти книги покажутся вам неинтересными. Но нужно отличать неинтересную *книгу* от неинтересной *науки.* Если вас интересует медицина, вам можно указать и по ней такую книгу, в которой одновременно даются сведения и об устройстве человеческого тела, и по биологии и химии, и по всем другим естественным наукам. В настоящее время даже и граница между высшей и низшей математикой стушевывается в науке, и начальная геометрия начинает излагаться по методу аналитической. Последовательность занятий, во всяком случае,— понятие очень относительное, и если некоторые читатели по своему складу ума настойчиво требуют последовательности во всех деталях общего плана занятий, читатели другого склада, ничего не теряя ни в качественной, ни в количественной стороне знаний, довольствуются самыми общими указаниями на этот счет.

Далее разрешению вопроса о последовательности занятий помогает следующий прием: замена изучения отдельных *наук* изучением отдельных *вопросов* окружающей жизни. Существуют

многие тысячи прекрасных книг, которые трактуют не о науках, а о вопросах и областях жизни и при этом освещают данный вопрос или область данными целого ряда самых разнообразных наук. Таким образом, фактически и на практике является вполне возможным для всякого начинающего читателя, быть может, за самыми редкими исключениями, следовать в самообразовательной работе вышенамеченному принципу: начинать с того, что интересно, и следовать по той дороге, которая становится интересной во время хода занятий, идя от одной области жизни к другой, от вопроса к вопросу, и так до тех пор, покамест не будет сделано систематического путешествия по Вселенной. Разумеется, если такое путешествие не будет сделано, т. е. останется неоконченным, то не будет окончено и образование. Но ведь то же бывает и в любой школе, и к курсам очень многих школ приходится относиться еще более отрицательно, потому что они, если можно так выразиться, намеренно односторонни. Мы имеем тут в виду не специальные школы, преследующие технические цели, а школы, претендующие на название общеобразовательных. Не будем же преувеличивать значение того, что называется *системой* образования. Этим словом часто злоупотребляют. Так, напр., называют «систематическим» чуть ли не всякое школьное образование. И при этом закрывают глаза на то, что люди, успешно окончившие курс школы, решительно ничего не знают о целом ряде важнейших областей жизни. Из курсов и программ иных школ многие науки и вопросы даже намеренно убираются предусмотрительным начальством, составителями программ, действующими по известному правилу Екатерины II: «черни не должно давать образования». Какая же тут систематичность в выборе предметов? То же самое можно сказать и об усвоении их. Сравните между собой разные учебники и руководства по разным наукам, и вы увидите, что один и тот же фактический и теоретический материал предлагается читателю в разных учебниках то в той, то в другой последовательности. Значит, выходит так: систематичность — это не что иное, как закругленность, обзор, в который входит все существенное, а сделаете ли вы этот обзор в той или другой последовательности, с того или другого конца, это не так уж важно. Во всяком случае, надо различать *последовательность чтения* от законченности его, понимая под законченностью знакомство со всеми главнейшими областями жизни и мысли. Итак, мы приходим к такому выводу, формулированному выше: всякий, работающий над самообразованием, должен начинать это последнее с того конца, который ему интересен, и в том порядке, который тоже ему интересен, но непременно с таким расчетом, чтобы обзор целого все-таки был сделан. Вот это-то целое, т. е. Вселенная, и есть общая схема или система образования. Значит, систематическим образованием надо называть такое, которое включает в себя все главнейшие области жизни и мысли.

Пусть читатель не пугается, что мы сводим самообразование к изучению всей Вселенной и как бы рекомендуем ему нечто необъятное и, во всяком случае, очень громоздкое и почти недостижимое. Вся суть в том, что, говоря о самообразовании или образовании, *нельзя не* рекомендовать именно этого всякому человеку, стремящемуся сделаться образованным. И правда, что такое образованный человек? Это человек, имеющий свое собственное миросозерцание, свои мнения о всех сторонах и областях окружающей его жизни. Чтобы жить и жить возможно плодотворной, полной, глубокой, возвышенной, напряженной и красивой жизнью, нужно быть разносторонне подготовленным к ней. Поэтому без общего миросозерцания никому обойтись невозможно. Далее, нельзя не стремиться к тому, чтобы выработать его возможно основательнее и совершеннее. Без этого тоже никто не должен обходиться, да и не обходится, потому что сама жизнь требует от каждого из нас *общего* миросозерцания, а значит, и *общего* образования, лежащего в основе первого. Никто из нас не может, по самой сути дела, рассуждать так: или узнать все, или ничего. Нет, вместо этого нужно рассуждать несколько иначе: каждый добивайся *возможно большего,* но не забывай и *о возможном и достижимом* — достижимом для *такого-то* человека, живущего в *таких-то* условиях, обладающего *такими-то* способностями. Мы здесь говорим о достижимом *минимуме* образования, предоставляя максимум его — решению каждого. Ведь существуют же типы школ низшей, средней и высшей, и одни и те же предметы преподаются во всех них в различных размерах. Самообразование тоже приходится вести в различных размерах, смотря по личности самоучащегося, его силам, способностям и времени, каким он располагает. В наших трудах мы не раз говорим о том, в каких же *размерах* доступно изучение Вселенной. Здесь же, во избежание возражений мы лишь напоминаем, что, говоря об изучении Вселенной, мы ни на минуту не забываем об *общедоступности* того, к чему мы зовем. Точно так же мы не смешиваем и образования *общего,* цель которого — выработка общего миросозерцания, с образованием *специальным,* цель которого — чисто практическая. Об этом также еще будет речь впереди.

Переходим теперь к следующему пункту общего плана занятий. Для самого начала его необходимо запастись некоторой хотя бы временной схемой. Нужна такая схема, которая бы охватила жизнь, природу и человеческую мысль в их главнейших проявлениях и все главнейшие их области. Такую схему мы и дали на с. 170, и, как она ни кратка, ее вполне достаточно, чтобы в случае ее осуществления сделаться несомненно образованным и развитым человеком. Усвоить какую-либо общую схему такого рода — ту ли, которая выработана нами, или какую иную, по нашему мнению, очень важно для начинающего, потому что она, во-первых, говорит читателю о том, с какими областями жизни и мысли он должен познакомиться, во-вторых, помогает расчле-

нять любое явление жизни на целый ряд основных сторон, в-третьих, намечая отдельные стороны, схема требует, чтобы при этом не забывалось и целое. Но эта схема — то же, что леса при постройке дома. Она *при самом ходе занятий* помогает приводить знания в систему. Многие читатели думают, что систематичность — это прежде всего систематичность в самом ходе занятий, и проклинают себя за то, что они работали над самообразованием не систематично: между тем самая суть систематичности заключается не столько в том, в каком порядке *усваивать* знания, сколько в том, как *приводить в порядок* знания, уже приобретенные. Систематичность прежде всего должна быть в голове. Схема же должна говорить о том, что в каждом окружающем явлении есть такие-то стороны. В природе и жизни все слито со всем и все влияет на все. Человек, у которого знания приведены в систему, имеет возможность в каждом явлении жизни систематически различать целый ряд сторон,— иными словами, систематически расчленять каждое явление для того, чтобы лучше познать его, глубже и детальнее вникнуть в него. Имея краткую схему при самом начале работы, читатель этим самым уже ставится в такие условия этой работы, что, изучая какую-нибудь одну сторону жизни или область ее, он уже не может забывать о существовании целого ряда сторон, т. е. уже начинает бороться с односторонностью,— усилие, крайне важное в самообразовательной работе, которая, как мы увидим дальше, должна иметь не только аналитический, но и синтетический характер. Одно из могущественных орудий культурного ума — систематическое, глубокое вникание в окружающую жизнь.

Но тут является вопрос: большинство людей, начинающих самообразовательную работу, совершенно не знает даже о существовании целого ряда сторон, вопросов, явлений, областей жизни и науки и т. п. Для того чтобы вникать в окружающую действительность и видеть ее разные стороны, нужно же знать хотя бы о существовании-то этих сторон. Это обстоятельство ставит многих читателей в крайнее затруднение и словно отрезывает их от самообразовательной работы. Поэтому следующий этап этой работы приводит к необходимости подумать и о некотором приеме, при помощи которого можно было бы устранить вышенамеченные затруднения. Перед нами встает, во-первых, вопрос о предварительном знакомстве в области человеческого знания, и именно знания научного. Более подробному выяснению общей схемы мы посвящаем особую большую работу[1], где читатель найдет характеристики всех главнейших отраслей знания, наук и конспекты их. Чтобы путешествовать по Вселенной, такой путеводитель, думается нам, безусловно необходим. Ря-

---

[1] Расширение кругозора. Введение в изучение главнейших наук. Их характеристики, конспекты-программы по всем этим наукам и списки руководств по ним. Изд. И. Сытина. М., 1914 г.

дом с этим, во-вторых, встает также вопрос о первой научной книге, которую следует прочитать. Нужно дать начинающему читателю своего рода географическую карту той страны, по которой ему придется путешествовать во время его работы над самообразованием. Эта карта должна помочь ему, так сказать, окинуть Вселенную общим взором — развернуть общую картину космической, органической, социальной и духовной жизни, наметить комплект целого ряда областей этой жизни, целого ряда вопросов в каждой области, целого ряда фактов, ставящих эти вопросы и заставляющих задумываться о себе. Роль такой путеводной карты могут играть книги, посвященные, напр., вопросу об эволюции — о происхождении небесных светил, земли, растений, животных, человека, человеческого общества, государственного и экономического строя, религии, нравственности, культуры, искусства и т. д. Из наших личных сношений с читателями мы не могли не прийти к тому выводу, что для огромного большинства их такая общая картина мировой жизни является в высшей степени необходимой, а вместе с тем она и интересна и увлекательна, если только нарисована в красках, т. е. образах, легко воспринимаемых читателем данного типа. Из изучения русских книжных богатств можно сделать вывод, что даже в настоящее время существуют на русском языке книги, которые доступны читателям не только со средней, но даже с самой элементарной подготовкой и которые удовлетворяют вышенамеченным требованиям. Пишущий эти строки, исходя из изучения потребностей читателей с первоначальной подготовкой, также сделал несколько опытов по составлению книг синтетического характера, стремящихся удовлетворить в возможно краткой, простой, фактической и образной форме потребности в книгах, расширяющих общий кругозор и подводящих итоги современному научному миросозерцанию в виде общей картины. Впрочем, вопрос о первой научной книге настолько важен практически, что ниже мы посвящаем ему особую главу.

Из предыдущего же следует уже, что выбор одной или нескольких книг с целью *предварительного* расширения кругозора — дело вполне возможное. И с этого и приходится начинать самообразование многим читателям, а не набрасываться на изучение той или иной *науки,* что вряд ли удовлетворит их и, во всяком случае, будет менее полезно, чем тот прием, который мы предлагаем. Наблюдения над читающей публикой показывают, что такая постановка дела вполне соответствует тому требованию, какое было нами формулировано в начале этой главы. Грандиозная картина мироздания захватывает читателя своим величием и раскрывает перед ним такие горизонты, каких он, быть может, и не подозревал, вместе с тем возбуждая неудержимое стремление поподробнее познакомиться с ними.

Здесь мы переходим к следующему этапу самообразовательной работы. Этот этап заключается в том, чтобы после предва-

рительного знакомства с общим приступать и к *изучению отдельных отраслей знания,* или, точнее говоря, отдельных областей жизни, освещая каждую область с разных сторон. Это можно сделать по той же схеме, о которой было упомянуто выше и о которой мы будем говорить и в следующих главах.

Разумеется, эта схема может быть заменена и другой, если и та будет полна в такой же степени, как предлагаемая нами.

Далее, читателю предстоит наметить те области этой схемы, знакомство с которыми кажется ему наиболее важным и интересным, с знакомства с которыми, как мы сказали уже, этому читателю и следует начинать свою работу. Последующими этапами его работы, по мере углубления его мысли и появления все новых и новых запросов ее, явится для него знакомство со всеми другими областями. Опыт показывает, что взрослому человеку в целях сохранения сил и труда выгоднее вести самообразовательную работу не по наукам, а по вопросам, освещая каждый вопрос с точки зрения различных наук (философских, общественных и естественных). При этом, при знакомстве с каждым отдельным вопросом, выгодно следовать по тому же пути, какой указан был и для знакомства с общей картиной Вселенной: сначала знакомиться с *общей* картиной его, а затем с деталями. Впрочем, некоторые читатели с конкретным складом ума эту общую картину вопроса, с которым они желают знакомиться, схватывают легче всего не из общих его обзоров, а из монографий, раскрывающих тот же вопрос в его основных чертах на каком-нибудь *отдельном примере.* Читателям же практического типа, выдвигающим на первый план *применение* приобретаемых знаний к жизни, выгоднее брать для первого знакомства с предметом книги прикладного типа, и от знакомства с ними восходить к теоретическим и философским сторонам вопроса. Словом сказать, личные особенности читателя должны быть всегда принимаемы в расчет не только при начале работы, но и в ходе ее.

Этим мы и заключим наши указания об общем плане занятий. Далее будем говорить о самых приемах работы.

ГЛАВА V

ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ВООБЩЕ И САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В ЧАСТНОСТИ. ЧТО ИСКАТЬ В КНИГЕ?

В предыдущей главе мы старались наметить общий план самообразовательной работы. Мы говорили о том, как и с чего начинать ее? Теперь нам нужно говорить о самом ходе работы — другими словами, о том, как вести ее? Разумеется, главным орудием при самообразовательной работе является книга, а самая работа в значительной степени, хотя отнюдь не вполне, сводится к чтению. Поэтому к предыдущим вопросам примыкают такие: Как читать? Чего требовать от читаемой книги? Чего искать в

ней, стремясь достигнуть намеченной цели с наибольшим результатом и с наименьшей затратой времени, сил и средств?

Прежде всего поставим такой вопрос: какова именно должна быть цель таких занятий? Как уже сказано выше, цель их — получить образование: выбирая книги для самообразовательного чтения, принимаясь за их усвоение, читатель стремится сделать из себя человека действительно образованного. Но что такое образованный человек? Как мы уже указали — вовсе не тот, у кого есть диплом, а вообще человек, во-первых, сведущий, многознающий, во-вторых, умеющий мыслить, вдумываться в окружающую жизнь, понимать ее внутреннюю и внешнюю сторону, ориентироваться (осваиваться) в любых обстоятельствах, в-третьих, человек, умеющий *чувствовать* жизнь, переживать то, что он видит, но переживать не только умом, а всей душой, умеющий воспроизводить в своей душе переживания других людей, не закрывая глаз на чужие страдания, а потому отзываясь на них; в-четвертых, образованный человек — такой человек, который не только сидит да что-то там изучает, сидит да думы свои думает. Все это тоже хорошо и нужно, но ведь нужно, кроме того, и проявлять себя, свои думы в жизни, проявлять то самое, что уже понял и до чего додумался, — осуществлять свои думы, стремиться к их воплощению в жизнь. Четыре качества — знание, понимание, отзывчивость, деятельность — вот что характеризует образованного человека и отличает его от других, необразованных и полуобразованных. Отсутствие какого-либо, даже одного, из этих качеств уже делает человека полуобразованным. А исходя из этого мы делаем вывод:

Хорошие и подходящие книги, как следует выбранные и как следует прочитанные и усвоенные, должны и могут помочь развитию в человеческой душе *всех этих четырех качеств*. Нужно только научиться, как пользоваться книгами в этих четырех целях. Значит, говоря о ходе самообразовательной работы, нужно поставить такие четыре вопроса:

1) Как вычерпывать из читаемой книги возможно больше наиболее ценных знаний?

2) Как, читая книгу, развивать в себе *уменье мыслить*, уменье вдумываться и в свою, и в чужую душу, и в окружающую жизнь, и во все?

3) Как вырабатывать в своей душе отзывчивость, чутье, жалость, любовь к людям, т. е. такое чувство, которым красна жизнь твоя и чужая, а значит — и общественная?

4) Как проявить себя, свою душу, свои знания, понимание, настроение, отзывчивость — в работе, в деле, вообще в жизни (личной и общественной), в борьбе с ее темными сторонами и в создании новых форм ее?

Вот на эти четыре основных вопроса и надо поискать ответа. Этих же ответов надо искать и в книгах — если не в одной, так в другой, не в другой, так в третьей. В какой-нибудь книге уже

наверное имеется или самый ответ на этот вопрос, или материал для решения его. Итак, будем искать.

1. Первое дело: знание. Что такое знание? Это прежде всего — *истина*. Истина — это значит знание и понимание того, *что есть*, того, что *действительно* есть. В основе всякого знания, всякой истины лежат факты. На них, в конечном итоге, и опираются истины, даже самые отвлеченные из отвлеченных, т. е. общие из общих. Но до таких истин не дойдешь и их не уразумеешь как следует, если не будешь знать самой основы, на которую опираются эти истины, их фундамент и еще какой фундамент — самый жизненный — жизнь. Ведь что такое факты? Это и есть жизнь (прошлая, настоящая или будущая). Жизнь состоит только из фактов. Узнать жизнь — это значит узнать, из каких именно фактов она состоит, и как эти факты появляются, при каких именно условиях, т. е. почему они возникают, при каких условиях они изменяются, исчезают, сменяются другими фактами, как шло их появление в прошлом, как оно пойдет, потому что не может не пойти, и в будущем? Поэтому знание фактов должно быть поставлено на первом месте. Поэтому же необходимо прежде всего позаботиться о том, как именно узнать их. Нередко бывает так: в голове начинающего читателя факты, вычитанные из книги, держатся как-то особо, словно они не сама жизнь, а нечто в стороне от нее стоящее, с ней не соприкасающееся. Почему это происходит? Потому что читатель не ясно представляет себе эти самые факты: они в его голове окутаны вроде как туманом. В такой туманности представлений подчас виноваты и многие книги. Во многих книгах факты лишь упоминаются, а не описываются, но не ярко, не образно, а то и сбивчиво. Все это мешает усвоить их. Самый лучший способ усвоить факт — это увидеть его своими собственными глазами, восчувствовать, пережить, и не только умом, но и всей душой. Тогда действительно он не может не усвоиться. Потому и говорит пословица: «жизнь учит». Это значит: «пережитые, увиденные факты учат». К такому их переживанию и надо стремиться. Есть и такие книги, которые сильно помогают именно такому знакомству с фактами. Есть книги, которые дают описания фактов яркие, образные, и факты, т. е. жизнь, выступает из них словно живая. Этому помогают и картинки. Еще более помогают знакомству с фактами книги для практических занятий. Напр., хорошая книжка о небе, разумеется, знакомит с фактами, какие замечены в этой области. Но читать такую книгу — совсем не то, что самому присмотреться к небу. И присмотреться не так, как смотрят на него, напр., зеваки, а вдумчиво, все замечая и подмечая, и особенно при помощи каких-нибудь приборов, хотя бы и очень просто устроенных и всем доступных. Есть особые книжки, которые говорят о практических приемах для лучшего и разумного знакомства с устройством неба. То же самое можно сказать о любой области знания, о любом ряде фактов, извлеченных из

жизни. Самый лучший способ их узнать — присмотреться к ним, испробовать, изучить для этого хотя кое-какие способы столкновения с ними, словом, шевелить не только мозгами, но и руками. То же можно сказать и о жизни общественной. Напр., есть на свете много книг, в которых рассказывается о жизни крестьян, рабочих и в России и за границей. Есть и описания того, как идет эта их жизнь. Есть даже очень яркие описания. Великие писатели-художники изображали эту жизнь и с внешней и с внутренней стороны, словно на картине, даже лучше. Великие ученые изучали ее, старались вникнуть в нее, осветить и понять. Многие книжки, и научные и художественные, помогают всматриваться и вдумываться в эту жизнь, подмечать и собирать факты этой жизни и участвовать в ней, в ее ходе, посредством создания хотя бы и маленьких, но все новых ценных фактов, переживать ее не только платонически и на бумаге, а всем своим существом — головой и руками. Словом, то, что здесь сказано о первостепенном значении фактов, значении знакомства с ними возможно близкого, возможно яркого, одинаково приложимо ко всем областям знания — начиная с устройства неба и кончая устройством общественной жизни. Вот к *такому* знакомству с фактами и необходимо стремиться, читая книги. Необходимо искать именно такого знакомства с фактами, если не в одной, так в другой книжке. Разумеется, хорошо и важно иной раз узнать о таком-то факте, хотя бы и кратко: был или есть, мол, и такой-то факт. Даже и такое знание очень ценно, если этот факт действительно был. Но все же только *такого* знания еще мало. Это только зародыш знания фактов, т. е. жизни. Это только крупинка его. Необходимо сделать так, чтобы на эту крупинку вроде как бы осело многое множество других, знание на знание, все о том же факте, подробность на подробности о нем. Пусть наседает их больше и больше, но так, чтобы в конце концов этот самый факт встал в читательской голове *«совсем как живой»,* по возможности как живой. Почему же именно это нужно? Потому что, работая над самообразованием, нужно стремиться к познанию *жизни*, а не книги. Книга — это только одно из средств или орудий такой работы, а вовсе не цель ее. Кто изучает и знает книгу, а забывает об изучении жизни, тот может остаться самым невежественным человеком и по прочтении сотен книг.

Но знать факты, и даже во всей их яркости и жизненности, все-таки и этого еще мало. Нужно стремиться к их *точному* и *достоверному* знанию. А чтобы к этому стремиться, необходимо ясно-ясно понять, сознать, что обыкновенно человеческая голова полным-полнехонька всякими знаниями, очень неточными, неполными и очень недостоверными. Люди знают обыкновенно «кое-что» да «кой о чем», о том, что «происходит или происходило что-то да где-то, так-то или вроде как будто так». Такому знанию, разумеется, грош цена. Это даже не знание, а *слухи* о

знаниях. С этим нужно бороться — бороться с неопределенностью собственных знаний и прежде всего не очень-то доверять общим и расплывчатым словам и неясным описаниям. Неопределенно и расплывчато знать — это то же, что ничего не знать. Настоящее знание требует точности: знаю, так знаю, — не знаю, так не знаю; если же знаю, то могу сказать: такой-то факт — действительно такой, т. е. с такими-то своими свойствами и качествами. Но даже и такое знание факта, как будто и точное, все-таки *не вполне* точно: настоящую точность дают только *подсчет* и *счет*, т. е. математика, мера, число. Недаром еще тысячу лет тому назад Пифагор говорил, что «число есть мера всех вещей». И теперь наука говорит, что только такое знание можно считать настоящим научным знанием, которое основывается на мере и числе. Положим, не худо и вообще уметь сравнивать факты и знать их сравнительные величины или их сравнительную повторяемость и распространенность, т. е. «которых больше, которых меньше». Но еще лучше, еще важнее знать о них, *во сколько* именно раз или *на сколько* они больше или меньше друг друга или на сколько и во сколько раз они чаще встречаются. Не худо знать для борьбы с такой-то болезнью, что от нее умирает больше, чем от других. Но еще важнее знать — сколько именно (т. е. круглым счетом по столько-то человек). Не худо знать, что у крестьян меньше земли, чем у дворян, но еще важнее знать, на сколько именно. В настоящее время мера и число, т. е. знание *точное*, захватило в свою власть почти все науки. Кто не знает, напр., что в паровозе *вычислено* всякое колесо, всякий винтик, его размеры, крепость и т. д., в электрической лампочке — сила света, сила тока, напряжения, сопротивления, нагревания и т. п. Прежде чем делать очки, вычисляют, на сколько они должны быть выпуклы или вогнуты. Измерена и исчислена вся земля и величина планет и их пути в небесных пространствах. И именно эта-то точность и позволяет развивать деятельность и с пользой вмешиваться в жизнь, не тратя понапрасну сил. Настоящее знание — это не только яркое, жизненное знание, оно, кроме того, и *точное* знание.

Такое же важное значение имеет и вопрос о *достоверности* знания. Какие только нелепости не считались или не считаются достоверными, начиная с рыб, разговаривающих по-человечески, и кончая богом с седовласой бородой — Зевсом и т. п. Всевозможные нелепости выдавались и до сих пор выдаются за факты и считаются таковыми. И очень много сил, ума, таланта, энергии приходится тратить самым умным и ученым людям на разоблачение чужого вранья или чужих заблуждений, на отделение достоверного от недостоверного, как и точного от неточного. Недостоверные «факты» — такой сор, который отметать очень трудно. Люди привыкают ведь и к сору. Иным без него и скучно и тошнехонько. Они держатся за него «и мозгами и зубами». А иные из всяких недостоверностей, выдаваемых за фак-

ты, извлекают себе и выгоду, подобно колдунам, предвещателям и жрецам. Для иных — даже большой интерес не только врать, но и охранять вранье от опровержений и разоблачений. С такими охранителями приходится друзьям истины не только спорить, но и бороться. И с интересами их, и с наемными защитниками этих интересов. Есть целые отрасли знаний (напр., история), которые в очень значительной степени состоят из непроверенных, недоказанных, недостоверных россказней, сказок, предположений, выдаваемых за факты, и еще таких искажений действительно бывших фактов, которые и опровергать не смей под страхом наказания. Еще хуже обстояло, а отчасти и теперь обстоит дело с историей священной. Напр., во многих старинных странах, начиная с древней Греции, людей казнили, побивали камнями за то, что они считали недостоверными басни о двуногих, развратных, глупых и жестоких богах. Недостоверность того, что иной раз выдается за факт, — это такой враг в деле самообразования и стремления к истине, какой будет пострашнее, чем даже неясность и туманность настоящих фактов. Нередко бывает так, что иной писатель так ярко изображает то, чего не было и чего и быть не могло, словно он сам все это видел. А на самом деле все это вовсе не факты, а выдумка, фантазия, т. е. ложь. И это делают вовсе не сочинители сказок и романов, а иногда и люди ученые. Еще Кантемир сказал, что «лучше врет тот, кому далось больше разумети». У таких писателей и в их книгах очень трудно отличить достоверные факты от недостоверных. Но еще хуже то, что нередко люди сочиняют или искажают факты без всякого намерения. Всякий знает, что пьяному человеку иногда являются чертики, душевнобольным — привидения, нервные люди то и дело видят и подмечают то, чего вовсе нет и быть не может, и не отличают того, что «кажется», от того, «что действительно есть». Впечатлительные люди, поддающиеся настроению и порывам души, тоже плохо умеют видеть и излагать фактическую истину. Но то же самое может случиться и с нормальным из нормальных людей, напр., под каким-нибудь мимолетным настроением. То же бывает и тогда, когда в душе человека сильно пристрастие к собственным *интересам*, напр., материальным, экономическим, классовым, сословным и т. д. А много ли таких, кто *забывает* о своих интересах? Они то и дело искажают человеческое понимание и заставляют видеть то, чего вовсе нет и быть не могло. То же можно сказать и о привычках, обычаях, нравах и всем хламе, который влезает в душу человеческую еще в детстве, чуть не с колыбели, и против его собственного разума и воли. Как во всем этом разобраться? Как отличить факт от того, что «кажется»? Сплошь и рядом для этого требуется производить целые научные исследования, разыскания. Это и есть дело настоящей науки — восстановлять *настоящие, действительные* факты и *только из таких* фактов делать *опору* своей мысли. А чтобы добиваться таких знаний путем самообразования,

нужно вот что: умение критиковать, проверять, — иначе говоря, умение думать, размышлять, вникая и сопоставляя. Для того чтобы была наука, необходимо, чтобы была и критика, настоящая, научная, правильная, основательная, беспристрастная, нелицеприятная критика, которая ради истины не жалеет никого и ничего. Такая критика и считается у настоящих ученых людей крайне важным пособием для познания истины, т. е. жизни, такою, какова она есть. Без такой критики многие и многие выдумки, ложь и нелепости до сих пор считались бы «фактами» во всех областях знания и жизни. Теперь и не пересчитаешь, сколько их изгнано с великим позором навсегда. Стремиться к настоящему знанию — это значит *учиться критике*, это значит вырабатывать в себе умение отличать ложь от истины.

Здесь возникает перед читателем второй вопрос, который был поставлен выше. Да, стремясь к самообразованию посредством чтения, прежде всего необходимо вложить в себя запас фактов, отчетливо представленных, точных, достоверных. Но этого еще мало. Каждая книга дает не только факты, но и идеи, и настроения. Книга знакомит со стремлениями других людей, с их идеалами. Каждое обобщение, каждое объяснение фактов, мнение о их причинах и следствиях, каждое общее понятие — все это уже «идеи». Далее, каждый факт или группа фактов навевают, вызывают какую-нибудь идею, целый ряд, целый рой их, различающихся и по своей широте, и по глубине, и общности и т. д. Человеческая мысль, удаляющаяся все дальше и дальше от фактов и поднимающаяся над ними, вместе с тем делается и более отвлеченной, как бы уходит от самой жизни: мостик, ведущий к ней от фактов, от жизни, делается все длиннее и темнее и, наконец, становится едва заметным, и отыскать его иной раз чрезвычайно трудно. И относительно многих-многих человеческих идей, имеющихся в великом изобилии в голове каждого из нас, трудно и решить, да на какие же именно факты они опираются или могут опираться? Из каких фактов и как эти идеи выведены? Проверены ли эти выводы, как и сами факты? Ни отдельный человек, ни все человечество иной раз не в силах и решить этого. И потому множество идей, имеющихся в наших головах, в сущности, как бы висят в воздухе. Таким способом стушевывается, затемняется граница между тем, что есть, и нашим измышлением. Далее, каждое новое впечатление, ощущение и т. д., приходящее извне, встречает в голове уже целый склад идей, понятий, представлений (в том числе и таких, о каких только что шла речь) и которые пришли туда еще раньше; а все, что к ним вновь приходит, как бы сливается, и мы сами не в силах отделить новое, только что пришедшее, от старого, там уже бывшего. Мы знаем лишь *смесь* (равнодействующую) того и другого. Необходима постоянная и очень напряженная работа мысли, вникание в каждое слово, каждую идею, теорию, мнение для того, чтобы сопоставлять их с фактами, т. е. с

жизнью, проверять *обобщения* и держать свое мышление в узде, так как без проверки и без собственной узды для нас оказывается совершенно невозможным отделить заблуждение от истины. Один ученый совершенно правильно сказал: «Поменьше доверия к общим словам и общим понятиям, не забывайте о *почве,* т. е. о фактах». Проверять какую-либо идею — это значит проверять свои мысли фактами. Действительно правильная мысль выдерживает какую угодно проверку; если же она этой проверки не выдержит, нужно ли тогда говорить, что у такой идеи не больно-то солидный вес? История идей — в высшей степени интересная и поучительная история. Знакомство с нею дает читателю целый ряд глубоко интересных и ярких примеров того, как трудно было проверять иные идеи, мнения, теории, миросозерцание, напр., о «начале всех начал», о происхождении Вселенной, об управлении миром, о древности земли, о критериуме (т. е. пробном камне) истины, о чуде, об авторитете, о «загробном бытии» и т. д. И все-таки целый ряд такого рода идей и бесконечное множество других, не столь важных, в конце концов были-таки разобраны и проверены, и зерно истины было извлечено из-под толстой коры заблуждений. Мыслить — это значит проверять. Для этого-то и нужны точные и достоверные факты, чтобы, опираясь на них, создавать точные и достоверные идеи, мнения, теории, отражающие Вселенную не как кривое, а как хорошее зеркало. Мыслить — это значит критиковать и, не боясь истины, сопоставлять мнение с мнением. Только путем сопоставления и критики можно отличить истину от заблуждения. Когда-то думали, что Солнце и Луна кружат вокруг нашей Земли. Это мнение не выдержало проверки. Теперь все знают, что кружит вокруг Солнца Земля, к тому же постоянно вертясь на своей собственной оси. Прежде думали, что никакое государство не может стоять без самодержавного государя, а в настоящее время во всей Америке все государства живут и прекрасно проживают без них. Прежде думали, что торговля может держаться только купцами, а теперь кооперативные учреждения (торговые и промышленные) все больше и больше вытесняют купцов и к тому же с большой выгодой для народа. Прежде думали, что истину от заблуждения можно отличить лишь при помощи Священного писания и вообще авторитета: что говорит такой-то авторитет, то и есть истина. А теперь всякого рода авторитеты не оправдали себя, и человеческий ум больше всего надеется на свои силы и на свою опору, т. е. факты, жизнь. Общим правилом стало: надо мыслить, вникать, понимать, проверять, надо выработать в себе уменье делать это. А уменье мыслить — это своего рода искусство, и каждая читаемая книга заставляет учиться ему и практиковаться в нем. Передумывать те думы, которые изложены в книге, сводить их к фактам, к жизни, проверять их, — это и есть второе дело, которое должно делаться при самообразовательной работе. Нет

такой книги, которая не помогла бы такой гимнастике мозга, полезной самой по себе. Хорошие же, т. е. умные, книги помогают и учат ей в особенности. Фагэ очень остроумно и правильно сказал, что искусство чтения есть не что иное, как уменье думать с чужой помощью *. Есть книги, удивительно помогающие вырабатывать уменье мыслить; есть такие, которые учат этому искусству и как бы приглашают читателя вникать, вникать и еще вникать и доводить свое мышление до самой высшей и последней степени ясности. Ясность мышления должна простираться от самых низов, т. е. фактов жизни, до самых верхов, до «начала всех начал». <...> Ясность мысли предполагает уже ясность знания, и одно без другого невозможно. Далее, мышление необходимо потому, что приводит в порядок полученные и получаемые знания фактов. Образованность состоит вовсе не в том, чтобы эти факты копить да копить, складывать их в голове как придется. При таком накоплении любая голова может превратиться в сарай или чулан, и в лучшем случае — в беспорядочно составленную библиотеку, совсем не приведенную в порядок. Факты должны постоянно перерабатываться мыслью и вместе с тем порождать мысль и, подчиняя ее при этом своей непреложности и неопровержимости, в свою очередь, сортоваться и расставляться ею в таком порядке, чтобы на их усвоение и на их припоминание и познавание человек затрачивал сколь возможно меньше сил. Такая сортовка требует тоже мышления. Систематичность знаний также предполагает ее. Экономизация сил имеет громадное значение и в этой области. Мышление — это связывание, соединение в определенном порядке. Таковы три главные стороны мышления (критика всякой идеи, всякого мнения, проверка их, сортование, т. е. классификация, систематичность).

Таким образом, нельзя не прийти к выводу: книга, во-первых, это источник знаний, фактов, во-вторых, источник идей, мнений, теорий. Далее, эти последние могут быть, во-первых, чужими, приходящими в читательскую голову из книги, во-вторых, своими собственными, которые являются в читательской голове во время чтения. И те и другие подлежат критике, проверке, классификации. Такая работа и называется поисками истины.

Этим мы и могли бы покончить со вторым вопросом, который был нами поставлен в начале этой главы. Но есть еще одна сторона его, выдвигаемая самими читателями, и на которой нельзя не остановиться. Дело в том, что читатели сплошь и рядом сводят самообразовательную работу к усвоению *чужих* идей, *чужих* мнений, *чужих* теорий. Между тем самая суть этой работы вовсе не в усвоении чужого, а в процессе мышления, продумывания. То, что приходит в голову со стороны, вовсе не свое, а чужое. Для того, чтобы оно стало действительно своим, необходимо, чтобы оно *слилось*, действительно плотно и крепко слилось со всем тем, что уже имеется в такой-то человеческой душе.

Но что же это значит «слиться», «усвоиться»? Это значит прежде всего — не противоречить никаким другим идеям, мнениям, а также чувствам, стремлениям и деятельности этого человека. И не только не противоречить, а, напротив, опираться на него, на все прочие его идеи, чувства, желания, работу. Человеческий ум не должен быть вроде как пятнистым: в иных углах — черным, в иных — белым, в одних — красным, в других — синим и т. д. С противоречиями своего собственного ума уже необходимо постоянно бороться при обдумывании каждой своей или чужой мысли. Нужно стараться при этом обдумывании, чтобы по возможности все мысли, мнения, теории сталкивались одна с другой вроде как лбами, и если они окажутся несогласными и непримиримыми между собой, т. е. если исключают друг друга, тогда человек должен сказать той или другой: «уйди». Знакомство с *чужими* мнениями должно лишь помогать выработке своих. Нет и не может и не должно быть ничьей чужой мысли, которую необходимо усвоить только потому, что она исходит из такого-то источника, напр., из какой-нибудь старинной книги, почитаемой миллионами людей, или из уст какого-нибудь мудреца, учителя, ученого или какого-нибудь повелителя, владыки и т. п. Старинные книги все-таки писались в старину, когда люди еще не знали многого. Мало ли что там сказано: «стой, Солнце, остановись, Луна!» Люди, даже самые ученые и умные, — все-таки люди и потому тоже могут ошибаться; а что касается до разных повелителей, то одно дело — их кулак, и совсем другое дело — истина. Кулаком не докажешь, что дважды два — пять, а не четыре. Значит, если на кого и можно положиться, то лишь на самого себя, и потому считать приходится только те чужие мнения истинными и только те доказательства — доказательствами, которые пропущены через свою собственную мысль. Вот в этом-то передумывании и крепнет человек. Это-то собственное передумывание чужих дум и есть сила, — главная, могущественная сила, с которой ничего не может поделать никто со стороны. Поэтому на каждую читаемую книгу необходимо смотреть не как на *источник* мыслей, а как на *возбудительницу* их. Разумеется, при такой работе нередко случается, что и чужие мысли становятся *своими*. Важно то, чтобы стали-то они ими *изнутри*, а не извне, чтобы они *всосались*, а не *присосались* к душе. Что присасывается, то легко и соскабливается. А что всосалось, вроде как вода в растение, — ее и не выжмешь, и не выгонишь, не погубив всего растения. Это и есть то, что называется убеждением или убежденностью. То самое, ради чего древние христиане шли на пытки, средневековые ученые — на костры, народные герои — на эшафоты и на виселицы. Мыслить — это значит убеждать самого себя до последней степени ясности и до последней глубины души, т. е. и ума, и чувства, и воли. Когда это сделано, тогда человек действительно может сказать о себе самом, «да, то, что я думаю, — это *именно* я думаю, и это именно *мое*». Поэтому Шопенгауэр,

знаменитый немецкий философ, был вполне прав, когда писал: «Различие между действием на ум самостоятельного мышления (самомышления) и чтения невероятно велико. Чтение навязывает уму такие мысли, которые ему могут быть чужды. Напротив, при самомышлении ум следует своему собственному побуждению». «Ученые — это те, которые начитались книг; но мыслители, гении, просветители мира и двигатели человечества — это те, которые читали непосредственно в книге Вселенной».

Отсюда следует, что отнюдь нельзя сводить самообразовательное чтение к знакомству с теориями хотя бы самоновейшими и общепризнанными. Разумеется, очень трудно критиковать их: для этого нужно быть самому знатоком данной отрасли знания. Но ведь одни теории можно (и должно) сопоставлять с другими, третьими, четвертыми; такое сопоставление — та же критика, разбор, вникание, выработка своего мнения. История теорий, история мнений — один из лучших способов разбираться в них. А так как мнения и теории встречаются в каждой отрасли знания, то история каждой науки является необходимой принадлежностью в деле самообразования. Другими словами, нельзя читать книги с изложением только самой науки. Крайне важно, необходимо читать и книги по *истории* каждой науки, по истории мнений, по истории *доказательств* этих мнений, их споров, их борьбы, столкновений, их появлений и разрушений и т. д. Знакомство с этим сильно облегчает выработку своего собственного мнения, а к этому-то и должна вести самообразовательная работа. Впрочем, говоря об истории мнений и их борьбе, необходимо отличать эту борьбу от так наз. полемики. Полемика — это просто-напросто спор. И не только спор, но еще обыкновенно горячий спор — такой, когда спорщики не только доказывают друг другу, а еще и треплют, кусают, язвят, чернят друг друга, забывая в своей горячности и за своими уязвленными самолюбиями и истину, и справедливость, и то дело, которому они служат или хотели бы служить. Мы усиленно рекомендуем читателям *начинающим не читать полемических книг*, которые не только не просветляют понимание, а, напротив, затемняют его, путают, сбивают, приучают кликушествовать, враждебно и без уважения относиться к противникам и к чужим мнениям, которые нередко совсем даже и незнакомы данному читателю [1]. Здесь мы переходим к третьему из вышенамеченных вопросов и скажем несколько слов о той роли, которую должно играть в деле самообразования чувство вообще и в частности — отзывчивость.

3) Читая какую-либо книгу, читатель не только над нею думает. В его душе, какую бы книгу он ни читал, постоянно носятся волны чувств — самых различных, разнородных чувств. И кни-

[1] Об ошибочности этой позиции Н. А. Рубакина писал В. И. Ленин в рецензии на второе издание «Среди книг» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25, с. 111—114). — *Ред.*

га в их возбуждении также играет важную роль — не только жизнь возбуждает их. Самообразование заключается не только в воспитании и развитии своего ума, но и в воспитании и развитии чувств. Можно и должно не только глубоко и тонко мыслить, но и глубоко и тонко чувствовать. Даже читая математическую книгу, человек переживает целый ряд эмоций, напр., иной читатель наслаждается, радуется, увлекается цифрами и формулами (радость — одно из самых светлых чувств), другой над той же книгой дьявольски зевает, кряхтит, сердится, трет лоб и т. д. Нет такой книги, которая ни в ком не возбуждала бы никакого чувства. Известно, что нередко люди чувствуют ненависть и злобу, читая даже сборники законов или отчеты и уставы. Думается нам, счастливы те люди, которые умеют воспринимать книжное содержание всей душой, всем нутром — целостно, неделимо (интегрально). Но есть и такие типы людей, которых обыкновенно называют «толстокожими» или «дубинами». Правда, это не совсем приятное в людях свойство иногда оказывается прирожденным; но нередко оно бывает и воспитанным, и, во всяком случае, есть возможность и воспитывать его и бороться с ним. Каким же способом с ним бороться (вопрос о его воспитании не входит в нашу задачу)? Один из лучших способов для этого — развить воображение. Всякий мало-мальски понимающий и мыслящий человек имеет возможность взять себя в руки настолько, чтобы мысленно поставить себя на какое угодно место, в положение какого угодно другого человека. Книги по беллетристике, истории и разным другим, им подобным отраслям литературы превосходно помогают таким «мысленным влезаниям в чужие шкуры» — для наглядного оправдания всем известного этического правила, выдвигаемого вероучителями и мудрецами всех времен и народов — и индусом Буддой, и китайцем Конфуцием, и персиянином Зороастром, и арабом Магометом, и евреями Моисеем и Иисусом. Быть отзывчивым — это значит и в крупных и в мелких случаях следовать правилу <...> этих всех мудрецов: «не делать другим того, чего ты не желаешь, чтобы тебе делали». Правило это — настолько же старое, насколько и бесспорное, но оно-то и лежит в основе того, что называется справедливостью. Все явления земной жизни, где только замешан человек и человечество, не могут не возбуждать в человеке вопроса о том, да как же отражаются эти самые явления на живых людях? Что они им дают и могут дать? Дают ли они одно и то же благо всем или же только некоторым, а если не так, то почему не так, и что является причиной этой несправедливости? Нет такой книги, особенно из числа тех, в которых идет речь о человеке и судьбах человечества, которые не возбуждали бы в душе читателя именно этого этического вопроса. Моральная мерка — так же необходима, как и мерка истины. Но есть мерка еще более важная, да и более светлая, хотя и более требовательная, так сказать, — мерка *любви* к *ближнему*, симпатия человека к человеку, и миллио-

ны людей, и к тому же несомненно *лучших* людей человечества, знают и применяют эту мерку и теперь. И благо им! Правда, есть и другие люди, которые неспособны питать чувство любви ко всем людям и которые, по-волчьи, считают своими ближними только волков. Но это отнюдь не уменьшает значения такой мерки по существу и книга — самообразовательное чтение и здесь может явиться прекрасным и могучим орудием для выработки и развития высших чувств в человеке — этических, эстетических и т. д. Читая книгу, нужно стараться переживать то, о чем говорится там: переживать и красоты неба, и чувство величия и бесконечности, раскрываемые книгами по астрономии, геологии и т. п.; переживать и чувствовать мощь и силу человеческого гения, читая книги по физике, химии и т. д., вводящие читателя в невидимый мир атомов с его вечным движением, переживать полноту всюду разлитой жизни и целый мир всевозможных чувств, навеваемых царством растений и животных; переживать и радость, и горе, и вообще трепетание жизни, видя ее и на низших, и на самых высших ступенях лестницы живых существ; в особенности же переживать наиболее близкие и понятные всем людям переживания человечества, переживания, порождаемые всеми условиями, в каких приходится жить. И разве не о целом рое их говорят книги по географии, истории, книги об экономическом, правовом, религиозном, семейном и всяком другом строе общественной жизни, даже книги по статистике, по-видимому столь сухой и бесстрастной? За каждым фактом, каждым обобщением, каждой цифрой, рисующей общественные отношения, так или иначе чувствуется человек, человеческая личность, толпа личностей, живущих, стремящихся, страдающих, им же несть числа. Люди большого сердца — Белинский, Глеб Успенский, Лев Толстой и многие другие — читали, чувствуя и ощущая даже самые, по-видимому, сухие книги. Успенский в одной из своих статей писал, что ведь и цифры в статистических сборниках, в сущности, живые; для Льва Толстого страдающий, темный, мечущийся и ищущий правды человек был всюду и всегда высшим законом и основным критерием, и Лев Толстой проповедовал, что человек и любовь к нему — мера вещей, будь то церковь, государство, право, закон и т. п. Есть люди, которые, читая научные книги, сознательно не желают предъявлять к ним этического критерия и спрашивать у этих книг, да каким же богам они служат — злу, добру, страданию, наслаждению, свободе, гнету, и созданы ли они на горе, на радость — кому и для кого? Самообразовательная работа должна включить в себя и такую задачу: она должна научить человека переживать жизнь всеми сторонами души, не только умом, — быть чутким и отзывчивым к окружающей жизни, ставя к ней запрос: насколько же ты, жизнь, светла и радостна, и для кого насколько, и почему? почему именно только для немногих людей светла и радостна? Кроме любви и справедливости, другой мерки для такой оценки пока что нет.

Но ведь именно любовью и справедливостью и красна жизнь всякого человека, и твоя собственная, и чужая.

Здесь мы подходим к четвертому и последнему вопросу — и от отзывчивости переходим к проявлению ее вовне — в действиях, в поступках, в творческой работе жизни.

4) Творчество жизни — что же это такое? Это и значит проявление живой, мыслящей, чувствующей души вовне. Душа нежная, чуткая и отзывчивая, глубокая, но скрытая в себе самой и ничем не проявляющая себя по отношению к другим, хотя и живая душа там, в неизвестной глубине, но человек с такой душой, если только он этих своих свойств ничем не проявляет, — то же, что мыслящий истукан, ходячий склад всего доброго, только запертый тридевятью замками и запечатанный девятью печатями, за которыми неизвестно что спрятано. Браться за самообразовательную работу только для того, чтобы набивать да набивать, хотя бы и великими сокровищами, такого рода запертый для всех склад — чем же такая работа лучше простого лежанья сокровищ, спрятанных в недрах земли? Ради припрятывания сокровищ не стоит не только заниматься самообразованием, но и жить. Жить — это значит чувствовать, что живешь; это значит чувствовать, что твоя жизнь проявляется — и не только не застывает, а расширяется, развивается, растет во все стороны, в глубину, ввысь, в смысле напряженности, красоты. Думать, что самообразовательная работа не ведет или не должна вести к такому развертыванию жизни — это значит отрицать все значение, весь смысл этой работы. К чему же тогда она, если не к тому, чтобы человек проявил самого себя, и проявил именно в той своей высоте, на какую он, по своим личным силам и способностям, смог или сможет взойти? Проявлять свои низшие инстинкты (без которых не обходится и не проявляющий себя человек), ими заглушая то высшее, что есть или может быть в душе, — это, с точки зрения основной цели самообразования, просто смешно и нелепо. Если уже идти — то вперед и вверх. Если уж расти — так в высоту, а не под землю; если уж проявлять свою силу вокруг себя, так уже такую силу, которая несет и свет, и тепло, и радость, и любовь, и все лучшее, что создано за тысячи лет человечеством и что бесконечно радостно и приятно сознавать и внутри себя. Ведь проявление высшего дает и радость высшую, и чувства жизни возносит на наибольшую высоту. И забывать *эту* сторону жизни, работая над самообразованием, не значит ли это себя самого лишать наиболее важного? В книге, в хорошей книге, нужно искать именно этого. Книга должна учить не только тому, что «*можно* бы и должно» проявлять в обыденщине, — она должна показать, разъяснить и то, *как* проявлять это, какими способами, приемами и т. д. Роль книги, хорошей, честной книги, если можно так выразиться, книги, любящей человека, в этом отношении может быть громадна. Книга, действительно, может научить *проявлению души*. Не одна книга, так другая, не другая,

так третья, ищите такую — и обрящете. Ведь где-нибудь, в какой-нибудь из них, а уж наверно скрыто то, что именно вам нужно. Порукой этому — тысячелетний опыт человечества. Уж где-нибудь да воплотился же он — нашлась и для него какая-нибудь копилка, сокровищница. Надо ее лишь отыскать, а затем и брать из нее, что нужно. Нет такой книги, из которой нечего было бы взять (в положительном или отрицательном смысле, т. е. в смысле побуждения или воздержания) именно для того, чтобы проявить, т. е. перевести в жизнь, в факты жизни. Перевести же что-либо в жизнь — это значит пустить в дело свой мозг и мышцы, что-то сделать, устроить, создать. Эту двигательную, побуждающую к *поступкам* силу можно подметить без особого труда во всех категориях книг. Разве не влияют на поведение человека книги беллетристические, этические, публицистические, даже помимо его желания? Разве история, политика, право, публицистика, вплоть до газет, ежедневно отражающих поток современной истории, уносящий всех нас, не обусловливают также и нашего поведения? Разве все это не влияет на наши поступки, речи, дела и т. д.? Разве не сама жизнь требует от нас миллионами явных и тайных голосов: делай, делай, твори, действуй, говори, доказывай, кричи, придумывай, созидай, борись, дерзай, хотя бы и страдая, — но только делай, — ведь это и есть жизнь. Ведь это делание и есть цель самообразования, т. е. накопления сил. Но в этом делании есть еще одна очень важная сторона. Делание необходимо и для приобретения *знаний*, и для *мышления*, и для *ощущения* жизни, и для возможности существования, — словом, для всего: оно и есть самая суть самообразования. И правда, возьмем, напр., первый шаг самообразовательной работы — изучение фактов. Нелепо то самообразование, которое сводится лишь к *вычитыванию* фактов; плох тот работник, который только «посиживает, да почитывает». Настоящее самообразование предполагает прежде всего *всматривание* в жизнь, а не посиживание. Факты нужно искать в жизни, наблюдать, всматриваться в них, изучать всеми доступными способами. Словом, необходимо выдвинуть на первый план *практические занятия*, как мы о том и упоминали. Все это азбучные истины, но тем не менее такие, которые еще не вошли в жизнь, если люди, работающие над самообразованием, сводят это последнее лишь к чтению, а не к деланию. Нельзя изучить математики, не решая задач, не из учебника заимствованных, а из жизни взятых и ей помогающих; нельзя изучить политической экономии, не всматриваясь в окружающие нас и наши собственные экономические отношения; нельзя изучить истории, не познакомившись с тем, какими же способами она и до тебя касается, а ты до нее. Даже понимая под историей науку, восстановляющую прошлую жизнь, все-таки нет никакой возможности понять ее, не познакомившись с тем, какая работа положена в основу этого восстановления прошлого — работа не только головная, а делание очень многосторон-

нее. Из каких источников ученый историк добывает материал? Как он роется с этой целью и в архивах, и в книгах и, если нужно, раскапывает древнейшие могилы, изучает старинные развалины, а для восстановления старинных хартий и рукописей пользуется услугами и фотографии, и химии, и других наук? Все это *делание*, работа, созидающая, если не самую жизнь непосредственно, то *понимание* жизни. Далее, для того чтобы изучить историю новейшую, современную, нужно прежде всего почувствовать и себя несомненным участником ее, хотя маленьким из маленьких, а все-таки участником, если не деятелем истории, то материалом, «пушечным мясом» ее, но во всяком случае живым существом, которое, как таковое, тоже должно иметь <...> и свой голос в жизни. Ведь «пушечное мясо», как-никак, а мясо живое и чувствующее. Ни один человек не согласится с тем сановным философом, который у Щедрина доказывал, что «караси любят, когда их жарят в сметане...» Читать газеты, следить за ходом общественной и мировой жизни — это то же, что спрашивать у старушки истории: да куда же ты несешь меня? Что ты мне даешь и сулишь? Вместе с тем это значит еще спрашивать у нее: что именно я — я, какой там ни на есть, должен делать для того, чтобы проявить свою душу и в этой области, — как я должен мыслить, говорить, действовать, заражать своими мыслями других людей, объединяясь с одними, разъединяясь с другими, помогая одним, борясь, жертвуя, если нужно? Чтобы получить знания о жизни, нужно *кипеть в жизни*, и не только *следя* за ее ходом, но и *участвуя* в нем. Даже знакомство с беллетристикой нельзя сводить только к ее почитыванию. Жизнь каждого из нас — своего рода беллетристика, то интересная, то не интересная нам самим.

Но делание предполагается не только ее переживанием, но даже ее писанием. Правда, в его основе лежит также переживание, но кроме него еще нечто, а именно — огромная работа, которую проделывает писатель-художник, создавая свои произведения, или выдающийся историк литературы, изучающий их, или критик, вникающий в эти произведения. Следуя их примеру, для лучшего понимания жизни и беллетристики самому необходимо поработать в этих трех смыслах.

Делание необходимо для изучения всякой отрасли знания (без малейших исключений) еще вот почему. Всякая отрасль науки не может обходиться без какого-либо *метода*. Метод — это значит способ или способы, во-первых, собирания материала, во-вторых, обработки его, в-третьих, способ делать выводы на основании обработанного материала, в-четвертых, способ проверять эти выводы и т. д. Изучить какую-либо науку значит вместе с нею изучить и метод ее. В каждой области знания есть книги, трактующие о ее методе. Эти книги не только полезно, но и необходимо изучать. Необходимо потому, что нельзя доверять фактам, если не знаешь, каким способом они констатированы (уста-

новлены), нельзя доверять выводам, если не знаешь, как они сделаны и делаются; всякая истина только тогда стоит на ногах, когда она проверена. Образованный человек должен всегда иметь в виду эту сторону дела и учиться ей. А учиться ей — это значит самому попрактиковаться. Хоть *немножко*, а непременно. Отсюда ясно, что всякое накопление знаний в деле самообразования должно сопровождаться работой, деланием и не должно состоять только в почитывании. Мы еще и еще приглашаем читателя вести самостоятельную работу так: изучать не только науки, но и методы наук.

Таким образом, сводя все вышеизложенное к одному, мы приходим к таким ответам на четыре вопроса, поставленные в начале этой главы:

1. Как вести свою самообразовательную работу? — Положив в ее основу не столько книгу, сколько жизнь, знакомство с жизнью и ее изучение.

2. Как вычерпывать из книги возможно больше наиболее ценных знаний? — Требуя от книги прежде всего фактов, ясных, точных, достоверных, конкретных фактов и усваивая факты прежде всего, и изучая их не только теоретически, но и практически, в самом ходе жизни, и вместе с тем узнавая и пробуя методы (способы) их добывания и разработки.

3) Как, читая книгу, развивать в себе уменье мыслить? — Вникая в общий ход мысли автора, следя за нею и за ее правильностью, сопоставляя свои и авторские мысли с фактами жизни, ставя себе и книге вопросы, отыскивая и отыскивая на них ответы и в читаемой и в разных других книгах.

4) Как вырабатывать в своей душе отзывчивость? — Участвуя в жизни, переживая чужие страдания, ставя себя мысленно на место других, страдающих людей, предъявляя к жизни, как и к науке и к ее применениям, требования не только истины, но и справедливости, наблюдая, как они отзываются на живой человеческой личности, у которой тело, мозг, нервы...

5) Как проявлять себя в жизни? Прежде всего не только накоплением, но и воплощением и распространением знаний. Всякое полученное знание может, должно быть передаваемо кому-нибудь из других людей; всякая прочтенная книга может и должна быть указана и рекомендована другому читателю; всякая правильная мысль, опирающаяся на факты, тоже может быть передана другим; в особенности же нуждается в распространении знание фактов, фактов и еще фактов, которые огромному большинству людей говорят больше всяких слов. Работа над распространением знания, понимания и настроения доступна всем без исключения людям. В этом ее сила и громадное общественное значение.

Но проявление себя, своей души в жизни не может и не должно ограничиваться только такой работой. Творить жизнь и проявлять себя можно и должно многими и разными способами.

И прежде всего деятельной помощью всему светлому, что украшает жизнь, что помогает ее росту и делает ее более полной, глубокой, возвышенной, напряженной, красивой и в себе, и в других, и в обществе, и в человечестве, начиная с того уголка, где вы живете. Помогать отдельным людям, мятущимся, униженным и обиженным судьбою и всем строем жизни, участвовать в научных, образовательных, общественных учреждениях, кооперативах, библиотеках, школах, просветительных кружках и вообще разных предприятиях, ставящих своей целью подъем разных сторон жизни на более высокий уровень, вносить всюду и везде и свое знание, и понимание, и настроение, и активность, и любовь к людям, к истине, справедливости, — это и должно быть основной целью самообразовательной работы, и, принимаясь за книгу как за одно из наиболее доступных орудий, ведущих к такой цели, с первого же начала необходимо предъявлять к ней такие требования:

1. Дает ли данная книга (и насколько дает) отчетливое знакомство с фактами и методами?

2. Заставляет ли она (и насколько) работать мысль, учит ли этой работе?

3. Голословны или обоснованы содержащиеся в ней мнения и теории и какое место они занимают в ней?

4. Помогает ли она читателю чувствовать, сознавать себя членом великого (хотя и далеко еще не совершенного) братства, называемого обществом, народом, человечеством? Учит ли она истине и справедливости и любви к людям или оправдывает гнет, насилие, человеконенавистничество?

5. Будит ли она в человеке бодрость и силы, веру в людей и в себя, зовет ли к творческой и светлой работе, к жизни?

Есть книги, которые *могут* дать и дают многим людям все это. Надо таких книг искать. Надо брать и, если можно так выразиться, высасывать из книги все это. Надо читать каждую книгу, стремясь взять от нее систематически то, что нужно для человека, чтобы стать образованным: факты, методы, мнения и теории, уменье разбираться в них и критиковать, вносить в жизнь, осуществлять.

Ищите, дорогой друг-читатель, и обрящете. Как обрели это те многие, великие и малые люди, перед которыми преклоняются тысячи и миллионы других людей, им признательных за тот свет, разум и красоту, какие они внесли и вносят в обыденность общей жизни человечества.

ГЛАВА VI

КАК ЧИТАТЬ ХОРОШИЕ КНИГИ ВОЗМОЖНО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЕЕ?

Вот вопрос, который стоит перед каждым из нас по той простой причине, что все мы — читатели, в большей или меньшей степени читатели, т. е. посредствующие, соединительные звенья,

через которые бегут и знания, и идеи, и настроения, стремления и мечты идейного авангарда человечества, словно электричество по проволоке, в толщу его. Мы — читатели и проводники всего этого, но мы же и его *исказители*. Насколько верно проводим мы в эту толщу то, что получаем сами из книг? *Сколько* мы берем из них? *Что* берем? Все это вопросы глубокой важности — вопросы общественные, и даже самым скромным и тихим читателям, никогда не думавшим о том, что и они имеют общественное значение, как таковые, право же, не мешает подумать об этом и взглянуть на себя с этой общественной стороны и постараться сделать из себя «людей более значительного удельного веса читательского». Таким образом, над вопросом, «что и как брать из книги» и «сколько брать», должен подумать и подумать каждый читатель. Это вопрос его общественного служения, его исторического значения. Это вопрос, который теперь разрабатывается и психологами, изучающими психологическую сторону читательства, и историками литературы, додумавшимися, наконец, до того, что великие-то писатели — это ведь не кто иной, как те, которые *считаются* таковыми. И правда, есть и были писатели громадного ума и таланта (напр., Шекспир), которые в течение сотен лет считались чем-то вроде сказочников-писак и их «улучшали» на псевдоклассический лад и Вольтер, и Коцебу, и Херасков, и т. д. Напомним еще судьбу таких авторов, как Мабли, Мелье (Meslier), Штирнер, Г. Спенсер и тысячи других: целые поколения читателей их или не замечали, или относились к ним отрицательно и «не делали их славы», т. е. не придавали им того значения, какое придали последующие поколения.

В этой главе мы намерены говорить вот о чем: о практической стороне читательства. Перед нами такой вопрос: какими способами читатель может *увеличить* свой удельный читательский вес, т. е. как может он научиться, во-первых, брать из книги возможно *больше*, во-вторых, брать то, что в ней есть, возможно *точнее*, т. е. по мере всех своих сил приближая *свое* понимание вопроса, о котором идет речь в читаемой им книге, к *авторскому* пониманию его; наконец, переваривать, т. е. оценивать то, что взято? Чтобы ответить на все эти вопросы, надо присмотреться к самому процессу читательства, и, на основании его изучения с психологической и социологической точек зрения, попробовать *урегулировать* его в общественно-полезном смысле.

Посмотрим прежде всего, что может дать читателю книга в лучшем случае? Как уже было сказано в одной из предыдущих глав, книга может дать, во-первых, знание *фактов* жизни; во-вторых, *идеи;* в-третьих, — *настроения,* в-четвертых, — познакомить *со стремлениями,* тенденциями; в-пятых, указать *пути,* способы, методы действия. Огромное большинство когда-либо написанных книг, если не все они, при некоторых условиях и в некоторой обстановке читательской жизни, могут дать и обыкновенно дают читателю в большей или меньшей степени все эти

пять элементов. Другими словами, всякая книга действует или может действовать и на интеллектуальную, и на эмоциональную, и на волевую сторону читателя, и на деятельность его. Разумеется, все эти виды книжного влияния бывают различны у разных книг и для разных читателей и в разной обстановке, но все они — несомненный факт. Далее, нельзя не отметить еще двух очень важных сторон читательства: одно дело — *содержание* книги, то, что она действительно дает по замыслу, намерению автора ее, и совсем другое дело — то, что *читатель* берет из нее. Основной факт читательства заключается в том, что читатель берет из книги *не то,* что ему дают, и делает под влиянием книги часто вовсе не то, что книга указывает и рекомендует ему.

В чем же, в таком случае, главное значение книжного влияния? Не столько в том, что читатель выносит *из* книги, сколько в том, что он *сам переживает* во *время* ее чтения[1], — в том, что он передумывает, читая ее, в том, какие чувства, настроения, стремления, мечты и т. д. зарождаются при этом в читательской душе и стремления к каким именно действиям. Но все это происходит не столько под влиянием книги, сколько *совместно* с ней, одновременно. Говорят нередко: «книга наводит на мысль». Это правильнее, чем говорить: «книга внушает мысль». Во всяком случае, внушение — внушением, а наведение — наведением. Следует иметь в виду, говоря о значении чтения, оба эти процесса, а не один из них. Для огромного большинства читателей имеет наибольшее значение первый, т. е. способность читаемой книги наводить на мысль, чем давать их. Правда, иная книга производит настоящий взрыв в душе. Но ее роль, даже и в таком случае, — это роль искры, прилетевшей в пороховой погреб. А что именно делает эта искра — это зависит от того, что *еще* до этого времени было в том погребе, куда эта искра прилетела. В ином погребе — сухой порох, и от искры он так или иначе взорвется. В другом погребе — порох подмокший. Он не взорвется, а только зашипит и сгорит медленно...

Отсюда следует: читая книгу, не нужно забывать прежде всего, что главная-то суть дела, самая суть полезности данной книги — не в ней, а в вас самих, дорогой читатель. Не смущайтесь особенно тем, что вы берете из данной книги не все, что она содержит, и не то, что она *другим* людям дает. Смущайтесь только тогда, когда вы, читая книгу, не проделываете своим умом и всей своей душой при этом крайне важной и нужной и чрезвычайно полезной для вас душевной работы: и дум своих не продумываете, и чувств своих не переживаете, и никуда-то не стремитесь, и ни о каких действиях не мечтаете. Словом, приходить в смущение вам надо только тогда, когда вы, читая книгу, вовсе не читатель,

[1] Н. А. Рубакин склонен к излишней абсолютизации читательской психологии (см. вступительную статью Б. А. Смирновой к т. 1 настоящего издания, с. 22). — *Ред.*

т. е. не мыслящая, чувствующая, отзывчивая, деятельная личность человека, а нечто толстокожее, безжизненное, своего рода двуногая рыба, слизняк и т. д. Тут идет речь не о том, чтобы вот сейчас поддаваться действию книги в том именно направлении, которое она нам указывает, а в том, чтобы самому себе все указать — своими средствами, своим умом. Дело в том, чтобы *самому влиять на самого себя*. Всякая книга — это не что иное, как чужая (иной раз многоголовая) Дума с совещательным голосом, который для читателя вовсе не обязателен, разумеется. Каждый человек, разумеется, должен и не может не быть неограниченным самодержцем по отношению... к самому себе. Не нужно только забывать при этом, что самодержавию только и должно быть места на земном шаре лишь в собственной человеческой душе, и лишь над собственной душой и телом, но уже никак не над чужими телами и душами. Все чужие души — такие же самодержцы над самими собой, как и вы над собой, — все они равноценны и потому равноправны. И все друг друга ограничивать и обуздывать должны не налезанием друг на друга, а просто-напросто самим фактом своего существования. Если есть в книге что-либо действительно налезающее, так только одно, а именно — факты, т. е. нечто такое, чего *нельзя* не принять и чего *нельзя не* признать. Но ведь если о признании или непризнании фактов не спорят, то все-таки спорят — и еще как! — о толковании, объяснении фактов. Но что такое факты? Как мы уже отметили выше, это и есть жизнь. *Узнавать* о существовании таких-то фактов, всяких фактов — и бывших, и настоящих, и будущих, — разумеется, необходимо для всякого живого существа: как не знать ту среду, в которой ему так или иначе, а жить приходится? Ведь это просто невыгодно для него. Но и факты — дело не стоячее, а подвижное: не все они таковы, чтобы их никак нельзя было своротить, если не единоличными, то общими силами, наконец, и силами природы, — видоизменить, приспособить, заменить другими и т. д. Есть что-то бесконечно радостное и увлекательное, когда выносишь из книги (будь она по естественным или общественным наукам или по этике) знания не только фактов, но и *уменье, как бороться с ними,* приспособлять жизнь к человеческим целям. Сознание и ощущение силы человеческой — одно из самых приятных и бодрящих переживаний. Здесь *познание* жизни сливается с творчеством ее; то, *что есть,* сливается с тем, *что должно быть*. Значит, даже говоря о том, что для человека, стремящегося к знанию и пониманию, прежде всего необходимо знание именно фактов, все-таки не приходится забывать, что и здесь главная суть дела заключается не только в их познании, но и в обдумывании и проявлении (действии).

Переходим теперь к правилам чтения. Многие читатели, обращающиеся к нам за советом по вопросам о самообразовании, искренно убеждены, что такие правила возможно формулировать. Другие искренно верят, что возможно исполнять формулирован-

ные правила. Третьи даже и пробуют их исполнять, и когда на практике, по-видимому, даже самые разумные правила оказываются почти невыполнимыми или дают гораздо меньше, чем от них ожидалось, читатель «по правилам» начинает обвинять самого себя: «Это я виноват, что у меня ничего не выходит из применения таких-то правил, а не сами правила». Ошибаетесь, дорогой читатель. И правила могут быть очень хороши, и читатель тоже хорош, даже «семи пядей во лбу». Суть не в этом, а в *соответствии* правил с читательским *типом*. Лучшие правила — те, которые сам читатель вырабатывает сам для себя. И не теоретически вырабатывает, а на практике. И такие именно правила нужно считать лучшими, которые *им самим* выработаны и которые в *его же* практике и оправдали сами себя. Если же уж правила чтения вырабатывать со стороны, т. е. не для себя, а для других, то необходимо выработать *несколько типов* их, для каждого читательского типа особые. Даже приспособление общих правил для данного читателя нередко вовсе не удается. И правда, как приспособлять то, что вовсе не подходит, по существу, к складу читательского ума? Это одинаково справедливо относительно и выбора книг, и процесса чтения, и делания выписок, конспектов и т. д. Не возлагайте же, читатель, больших надежд на чужие советы. Делайте так, как удобнее всего для вас самих. Правда, до многого самому не додуматься, и отчего же не познакомиться с этой целью, напр., с тем, как читают книги разные другие люди, и великие, и малые? Быть может, это знакомство и даст вам что-нибудь, напр., поможет найти или выбрать подходящий именно для вас способ чтения. Но и в данном случае не следует даже на хорошие примеры возлагать большие надежды, а следует помнить, что и никакие неудачи ровно ничего не доказывают. Таким образом, вопрос о том, как читать, сводится к такому вопросу: как могу я, такой-то читатель, придумать для самого себя наиболее подходящие способы чтения.

На такой вопрос дает самый лучший ответ — *опыт*, свой собственный опыт. *Пробуйте всякие приемы* — и тогда, быть может, найдете свой.

Дело не в способах, как читать, а в горячей любви к чтению и образованию.

Но нет ли *способов искать* эти самые способы, подходящие для данного читателя? Разумеется, они имеются. И первый из них, самый главный, заключается вот в чем. Возьмите себе за правило: *сколько возможно больше и сколько возможно ближе знакомиться с книгами.* Во-первых, узнавать о существовании книг, во-вторых, о качествах их, в-третьих, о вопросах, трактуемых в них. *Ищите книгу,* ищите и в библиотеках, и у знакомых, рассматривайте, хотя бы и не читая, пробуйте, старайтесь получить возможно полное представление о возможно большем числе книг. Нужно же знать, какие книги существуют-то на свете. Ведь по объявлениям да по заголовкам и даже по рецензиям этого не

узнаешь. Многому учит самый вид книги, ее объем, содержание, характер изложения и т. д. Накопить возможно больше таких знаний в высшей степени важно и полезно, прежде чем браться за чтение книги, а тем более прежде чем выписывать, покупать ее. Гораздо легче, не видя самой книги, узнать, хороша ли, т. е. ценна ли она в научном отношении, чем *представить* книгу по заголовку. Ведь список вообще хороших книг достать и узнать всегда можно. Труднее узнать, которые из этих хороших книг — книги подходящие. Списки хороших книг содержатся и в «программах чтения», и в рекомендательных каталогах и т. п. Но кто вам укажет лучше вас самих книгу *для вас* подходящую, а главное — вам интересную? Рыться в книгах (каких угодно) — это лучший способ находить интересные книги, интересные вопросы, интересные области знания и т. д. А ведь именно с интересного, как мы видели, и должно начинаться самообразование. Но, скажете вы, найденная мной книга интересной-то показаться может — и вместе с тем она же может и вовсе не быть хорошей, т. е. ценной с точки зрения истины и справедливости. Совершенно правильно. Но не об искании только интересных *книг* тут и идет речь, а об искании интересных *вопросов* и *областей знания*. Сначала найдите для себя таковые — затем вам уже нетрудно будет найти и хорошие книги по этим вопросам. Затем останется только составить список этих хороших книг и постараться *повидать* их собственными глазами, чтобы выбрать из них подходящую. Если же в русском бескнижье не удастся сделать этого, тогда остается запросить об этих книгах какую-либо комиссию или, если угодно, обратиться к пишущему эти строки, ответив при этом на некоторые его вопросы, ответы на которые ему необходимо иметь, чтобы указать данному читателю книги для него подходящие. Если поставить вопрос о рекомендации книг на правильную научную почву (психологическую и социологическую) и опереться при этом на возможно широкое изучение наличности книг на русском языке, *то является полная возможность указывать всякому читателю подходящую ему книгу и помогать* ему в выборе не только хороших, но именно подходящих книг. Но, повторяю, для этого необходимо знать читателя, необходимо, чтобы читатель возможно полнее и обстоятельнее сам ответил на определенный ряд вопросов, ответы на которые могли бы характеризовать его как читателя.

Но положим теперь, что интересная для него область знаний уже намечена читателем. Спрашивается, как же выбрать книгу для первоначального знакомства с заинтересовавшей областью? Это опять-таки смотря по человеку. Постарайтесь прежде всего определить, что вы за человек и чего именно недостает вам наиболее. Если вам легко даются факты и вы чувствуете потребность прежде всего узнать именно их — берите прежде всего книги *фактического* характера, т. е. такие, которые дают знание фактов. Во избежание недоразумений мы будем говорить *толь-*

ко о начинающем читателе, т. е. читателе неопытном, еще не научившемся читать и понимать какую угодно книгу с одинаковой легкостью, — о читателе, для которого крайне важно вооружить себя знанием, пониманием и настроением возможно быстрее и с наименьшей затратой времени, сил и средств. Опытный читатель может читать всякие книги. Здесь же уменье читать всякую книгу мы рассматриваем еще как не достигнутую цель и говорим о *выработке* этого уменья, о наиболее удобных дорогах, ведущих к нему.

Но и книги так называемого фактического характера, т. е. такие, которые дают знание фактов, все-таки бывают различны. Иные книги лишь *упоминают* о существовании фактов (напр., «в 1492 году была взята Гренада христианами», «кислород соединяется с водородом» и т. п.). Есть много читателей, которым *такое* изложение фактов очень мало или ничего еще не говорит. Берите тогда такие книги, в которых факты описываются наглядно, ярко, подробно и образно. Но ведь и описание описанию рознь. Есть описания обстоятельные и сухие, есть и яркие, наглядные и живые. Иной читатель буквально ничего не усваивает из книги, содержащей лишь сухие перечисления или такие же описания фактов. Такой читатель должен взять в таком случае книгу, содержащую образные, яркие описания. Целый ряд научных фактов изображается в иных книгах беллетристически, художественно (напр., в исторических романах, путешествиях, в биографиях, записках и дневниках и т. п.). Иному читателю гораздо лучше начинать свое самообразование именно с таких книг. Они подействуют на него сильнее и благотворнее, чем учебники, хотя и обстоятельные, но сухие. Далее, для знакомства с фактами же берите книги, трактующие о методах их открытия (констатирование), изучения, классификации, толкующие о практических занятиях по данной области, о применении знаний к жизни. Если читатель — человек практический, ему лучше всего и начинать чтение с области прикладных знаний. Читатель такого типа, не видя жизненного значения данных знаний, лишь проскучает над книгой, не удовольствуется ею, если эта выбранная им книга будет стоять далеко от *непосредственного* применения ее содержания к жизни.

Далее, если читатель уже знаком с фактами, но еще не разобрался в них, если ему нужно только привести их в систему, а точно так же и в том случае, если ум у данного читателя таков, что предпочитает не самый факт, не *образ* его, а *систему,* — лучше всего ему выбирать для первоначального знакомства с данной областью прежде всего учебник, систематическое руководство и внедрить именно с его помощью себе в голову *какую-нибудь схему,* которая и стала бы помогать в дальнейших его занятиях, распределяя все вновь приходящие знания, так сказать, по ящичкам и клеточкам, по категориям, родам, видам и разновидностям. Но есть и такие читатели, которые совершенно не выносят тако-

го приема, — он ужасает их. А то бывает и так, что иные читатели вообще неспособны к систематическому чтению. Но не следует горевать и таким читателям: к той же цели, т. е. к свету знания и понимания, они могут прийти (и приходят) и другой дорогой. Не одна-единственная дорога ведет в Рим. Можно добиться систематических знаний и *не вкладывая никакой схемы с первого же начала* — она сама собой может сложиться в голове в самом ходе работы. Пора перестать думать, что нормы и правила педагогики для всех и на все времена хороши.

Далее, при выборе для себя подходящих книг не следует забывать, что начинающий читатель — если можно так выразиться — *интегральный* читатель. Он не умеет, он еще не привык (или еще недостаточно привык) к тому психическому или логическому процессу или приему мышления, который называется отвлечением, абстрагированием, уменьем мыслить какую-нибудь *одну* сторону любого предмета или вопроса независимо и отдельно от других его же сторон, в сущности от него неотделимых. Начинающий читатель — не односторонний читатель, для которого природа состоит из целого ряда научных данных, существующих более или менее зависимо одно от другого. Начинающий читатель мыслит ее так, как видит, т. е. как единое целое, правда, ему еще неизвестное и непонятное, но все-таки *целое*. Поэтому в большинстве случаев его не удовлетворяют такие книги, которые подходят к природе и к жизни односторонне, трактуют ее с точки зрения (и по методу) какой-либо *одной* науки — иные с физической, другие — с химической, третьи — с исторической, этической и т. д., и т. д., умалчивая при этом о всех прочих сторонах. Начинающего читателя интересует обыкновенно сама жизнь, целая область жизни, вопросы, ею выдвинутые, и к этим последним он и желает подойти для того, чтобы разобраться в их сложности, не замалчивая и не упуская из виду разных и *многих* сторон. Поэтому для начинающего читателя во всех отношениях выгоднее начинать самообразование не с изучения наук (науки дадутся ему труднее) и не с учебников, а с изучения вопросов и с таких именно книг, которые каждый вопрос стремятся осветить с *разных* точек зрения и данными целого ряда *различных* наук. Таких книг тоже имеется на свете достаточно — книг, дающих не только анализ, но и синтез. (Типичными образцами таких книг могут, напр., служить соч. П. Кропоткина «Взаимопомощь среди животных и у человека», «Поля, фабрики и мастерские».) Особенно важен такой прием в деле популяризации знаний в народной среде. Нужно учиться, читая книги, не только анализировать, но и синтезировать данные, получаемые из разных книг. Это один из важнейших приемов, помогающий производительности чтения: начинать с книг синтетического характера и учиться анализу явлений в целях более глубокого синтетического представления жизни.

Представим теперь себе такого читателя, который легче всего усваивает идеи, рассуждения, теории, а не факты, которые никому и не даются легко. Разумеется, такой читатель естественно должен браться прежде всего за чтение книг теоретического характера. Есть книги и такого свойства, и их тоже немало. Огромная масса книг представляет из себя не что иное, как рассуждения, изложение идей, их анализ, их критику и т. д. Конечно, все это книги, за чтение которых несколько опасно браться начинающему читателю, еще не знакомому с фактами. Правда, понять и усвоить идею или теорию куда легче, чем усвоить фактическую сторону знания. Но знания, идеи, не опирающиеся на факты, висят в воздухе. Как-никак, а знакомство с этими последними необходимо всем, подобно тому как и знакомство с идеями, теориями необходимо и для того читателя, которому легче начинать свою работу с изучения фактов. Читатель этого последнего типа ничего не выиграет, но многое потеряет, принявшись с первого же абцуга за книги теоретические, за «рассуждения». Напротив, читатель, которому легче усваивать рассуждения, с их-то помощью и может облегчить себе усвоение фактов; он ими *подкрепляет* свои рассуждения. Он запоминает их именно потому, что такие-то факты соответствуют таким-то идеям. Для читателя такого типа книги с рассуждениями не опасны. Но совсем не то они для читателя «фактического типа». Наблюдение над читающей публикой показывает, что, хватаясь за такие книги, ему нетрудно выработать из себя кликушу и верхогляда. Но есть книги, содержащие в равной степени и идеи и факты и обстоятельно выясняющие взаимные отношения тех и других. Это книги особенно ценные, и они по большей части доступны людям и фактического и теоретического склада ума, если только этому не мешает неумелое изложение, язык книги.

Далее, говоря о теоретических книгах, нельзя не сказать двух слов о так наз. «направлении» их. Каждая книга, как известно, имеет свое направление: иначе говоря, каждый автор имеет свою точку зрения на описываемые им явления и излагаемые им идеи, к какой бы области жизни и мысли они ни относились, и нет такой области жизни и мысли, научно-философской или литературной и общественной, в которой не наблюдалось бы множества направлений, несогласных между собой не только кое в чем, но и в главном, и взаимно исключающих друг друга. О направлениях еще будет у нас речь ниже: здесь мы хотим лишь отметить, что закрывать глаза на направление выбираемых книг отнюдь не приходится даже и начинающему читателю. Разумеется, для такого читателя самое лучшее — получить каким-либо способом хоть некоторую возможность окинуть хотя бы самым общим взглядом все существующие направления мысли, или, по крайней мере, главнейшие из них. Но ведь чтобы узнать какое-либо направление и научиться отличать его от других, необходимо прежде всего вдуматься в его содержание. А чтобы вдуматься в это,

необходимо уже быть довольно-таки умелым читателем, хорошо разбирающимся в чужих взглядах и в разногласиях разных авторов. Получается своего рода круг, из которого не очень-то легко выйти. Правда, хотя справедливость и истина — основные критерии всякой книги в смысле оценки ее направления, как мы имели случай доказывать в другом месте, но ведь объективность и беспристрастность — идеал не только трудно достижимый, но даже и вовсе недостижимый в целом ряде областей знания, особенно в тех случаях, когда затрагиваются человеческие интересы, эмоции и стремления. И истину и справедливость разные люди понимают по-разному. Но для начала дела, думается нам, достаточно понять хотя бы исходные точки зрения разных направлений, вникнуть хотя бы в то, *что* собственно считается представителями данного направления за истину и справедливость. Одно дело — класть в основу истины и справедливости понятие «авторитета», и совсем другое дело, не считаясь с ним, искать для них более солидных оснований. Одно дело утверждать и доказывать, что «истинно то, что в св. Писании» или «что сказал такой-то мыслитель», и совсем другое дело считать истиной то, что доказано или может быть доказано разумом, опирающимся на точные и достоверные факты, и что проверено, не считаясь ни с какими авторитетами. Одно дело считать справедливостью то, что установлено богом или государством, и совсем другое дело обосновывать ее на признании равноценности человеческих личностей. Знакомство с основными точками зрения, по крайней мере четырех главнейших направлений в области литературной, общественной и научно-философской мысли (консервативно-реакционным, либеральным, социалистическим и анархическим), думается нам, желательно для каждого начинающего, и именно знакомство со *всеми* четырьмя, и не с чужих слов, и не из полемических произведений, а по произведениям *главнейших* их представителей, русских и иностранных. <...>

Но знакомство с направлениями мысли еще не значит критика их. Нечего и думать, что умение разбираться в различных течениях может прийти к начинающему читателю с первых же шагов его самообразовательной работы. Мнения и системы мнений не так-то просты и элементарны, и, обсуждая чужие мнения, необходимо представлять перед собой защитника их — такого защитника, который, во-первых, вовсе не дурак, а, во-вторых, — человек честно мыслящий и убежденный. Во всяком случае, очень плохой способ знакомиться с какими-либо идеями, теориями и направлениями, третируя почему-либо несимпатичные из них en canaille (как канальские), т. е. относясь к ним заранее с презрением. Такое третирование чужих мнений, в конечном итоге, мешает и исканию истины и добрым отношениям к людям.

Переходим теперь к следующему вопросу — о книгах, «с настроением» и «без настроения» написанных. Принимать в расчет это свойство книги, как это доказывает изучение особенно силь-

ного влияния «впервые прочитанной книги», чрезвычайно важно. Что значит, прежде всего, книга, написанная «с настроением»? Это значит — книга, написанная горячо, убежденно-страстно, такая книга, в которой отразились не только ум и знания ее автора, но и вся его душа, весь он. Начинающий читатель — не такой читатель, который умеет, так сказать, отсеивать сторону ума от стороны чувства или воли. Начинающий читатель привык и себя и других мыслить интегрально и в этом отношении, т. е. как единицу цельную и нераздельную. Вовсе не привык он к тому, чтобы делить самого себя на ум, чувство, волю. Естественно, что такой читатель не удовлетворяется книгой, затрагивающей лишь частичку его «я». Правда, существуют книги, написанные с настроением. Но, увы! таких книг все-таки не очень-то много. Авторы, особенно книг научных, в большинстве случаев не умеют писать с настроением, да, может быть, и не желают вкладывать его в свои труды и даже борются с этим, видя в этом недостаток или особое прегрешение против научной объективности. Но то, что уместно в книгах научных, вовсе не так уместно в книгах, предназначенных для начинающих читателей. Книга, написанная с настроением, хоть отчасти заменяет (особенно в глуши) начинающему читателю живого человека, которого в ином медвежьем углу еще труднее встретить, чем живую, горячо написанную книгу. Такие книги должны быть сознательно создаваемы по всем отраслям знания, и к тому же создаваемы так, чтобы настроение, в них влагаемое, захватывало одновременно разные стороны жизни. Блесток настроения нечего бояться и относиться к ним с педантическим непониманием и незнанием читателя. Но особенно должны дорожить книгами с настроением читатели таких стран, где жизнь быстро размагничивающейся интеллигенции далеко не богата настроением бодрым, смелым и жизненным и не гармонирует и в этом отношении с настроением масс. Не следует забывать, что огромное большинство читателей, особенно начинающих, т. е. из широких народных масс, представляют из себя скрытые потенциальные запасы именно такого настроения, и книга, живо написанная, проникнутая бодрым и светлым отношением к жизни, не может не явиться для них искоркой, оживляющей скрытые силы души. Мы могли бы привести сотни примеров, извлеченных из нашей переписки с читателями и иллюстрирующих такую благотворную роль книг с настроением. Эти книги являются орудиями проведения знаний при помощи настроения, которое, захватив эти последние, так сказать, вносит их в душу, воздействуя на основные стороны психики самого читателя. Книги с настроением могут то усиливать, то уменьшать его в читателе, то изменять его в большей или меньшей степени. Впрочем, говоря о книгах, написанных с настроением и рекомендуя их особенному вниманию начинающих читателей, мы отнюдь не имеем здесь в виду книг, богатых лишь *одним* настроением, и более или менее забывающих другие две стороны хорошей кни-

ги, о которых шла речь (знание, доводы). Мы говорим лишь, что знание и доказательства, изложенные без настроения, способны мертвить иного читателя. Из всего предыдущего видно, какого типа книги наиболее выгодно выбирать начинающему читателю для начала его самообразовательной работы.

Но пойдем дальше. Представим себе теперь, что книга уже выбрана как следует, и читатель усаживается за нее. Спрашивается, как читать книгу, чтобы вынести из нее возможно больше? Первый вопрос, который возникает при этом, относится к памяти. Обыкновенно считается, что количество вынесенного из книги — это вопрос хорошего или плохого запоминания. Но запоминания чего? Фактов, идей, настроений, стремлений, содержащихся в читаемой книге? Или всего вместе? Практика показывает, что так огульно решать вопрос не приходится. Иной читатель хорошо запоминает факты, но плохо запоминает ход рассуждений: для него ничего не значит запоминать математические формулы, года, цифры, но не по силам — запоминать стихи, афоризмы и т. п. Мало на свете таких читателей, которые способны одинаково хорошо запоминать все, что угодно. Всякого рода шарлатаны заочно (и, разумеется, не бесплатно) дают уроки памяти, которые обыкновенно ни к чему не ведут. Лучше всего рассчитывать не на шарлатанов, а на себя самого, и для того, чтобы запомнить возможно больше, прибегать к приемам, действительно оправдывающим и много тысяч раз уже оправдавшим себя. Что запоминается плохо? То, что неинтересно. То, что не очень-то привлекает внимание. То, что требует усилия, напряжения. Ведите вашу самообразовательную работу по направлению своего интереса, делайте ее интересной всегда — и количество того, что будет выноситься вами из книги, несомненно, возрастет. Но положим даже, что вы ведете вашу работу именно так и что все-таки вам кажется, что после чтения у вас остается маловато. Но что значит «маловато?» То, что вам кажется недостаточным. Но ведь то, что *кажется,* вовсе не то, что *есть*. То, что вы читаете, обыкновенно распределяется в вашей голове так: кое-что сохраняется в сознании, а кое-что и уходит на склад в область *подсознательного*. Первое вы можете иногда вспоминать по вашему желанию, второе вспоминается помимо воли, при случае, и такие воспоминания служат доказательством, что читанное-то на самом деле вовсе не испарилось из читательской головы: оно где-то лежит, и свое место в миросозерцании занимает, и пользу чтения для общего развития доказывает. Но, положим, вам желательно, чтобы возможно больше оставалось именно в области сознания и чтобы припоминалось по желанию. Есть кое-какие средства и для этого, и вот некоторые из них: во-первых, перечитывание, повторное чтение. Правда, оно и не всем и не всегда помогает, а иным даже и мешает (при таком чтении все кажется «известным уже» и иногда теряет ясность, а в конце концов возбуждает разочарование). Но иногда повторное чтение

очень действительное средство и для лучшего запоминания. Следует еще иметь в виду, что повторное чтение может выражаться не только вторичным чтением одной и той же книги, но и чтением *разных* книг по тому же предмету или вопросу. Особенно помогает многим читателям такой прием: для повторного чтения второй категории, напр., прочитав *общий очерк* какой-либо науки (положим, «Историю реформации», «Учебник физики»), читатель берет *монографию* по тому же вопросу, напр., монографию об Ульрихе фон Гуттене, вскрывающую, на отдельном примере, самую суть и основу всей реформационной эпохи, или книгу Тиндаля «Теплота», который рассматривает теплоту как особый род движения и на отдельном примере знакомит читателя с учением об энергии — основным учением современной физики. По каждому предмету можно указать монографии, концентрирующие на своих страницах целые области знания, к которым они относятся. Читая такие монографии, читатель повторяет вместе с тем *весь* предмет. Но еще лучшее средство — пересказ, рассказывание о прочитанном, и не только себе самому, а другим. Этим достигается двоякая цель: рассказывая, читатель проверяет самого себя — при рассказывании ясно чувствуются и самим рассказчиком те места, которые ему самому еще темны и требуют выяснения, передумывания. Далее, при таком способе крепче укладывается в голове то, что взято из книги. Кроме того, когда читатель рассказывает какому-либо подходящему слушателю о прочитанном, здесь усвоение идет рядом с действованием, изучение — рядом с распространением знаний; работа *для себя* сопровождается работой *для других* и приобретает таким способом и моральную ценность. Помогает усвоению и реферирование, составление конспектов, делание выписок и т. д. О рефератах нами уже было сказано в другом месте[1]. Что касается до конспектов и выписок, то, говоря о них, прежде всего не следует забывать, что общих правил для их ведения тоже нет и быть не может. Это также вопрос читательской индивидуальности. Если вы, читатель, легче запоминаете факты, чем идеи, — вы, делая выписки, естественно, обратите свое главное внимание на конспекты, излагающие ход *идей*. Если же вы, наоборот, легче схватываете и усваиваете ход рассуждений, вы естественно, будете выписывать *факты* и замените конспектирование выписками. Если вы, читатель, человек настроений, — вероятнее всего, вас заинтересуют меткие афоризмы, встреченные вами в разных книгах. Но больше всего, разумеется, помогает запоминанию практика, действование. Это последнее может выразиться не только в пересказывании прочитанного себе и другим, но и в виде практических занятий по данному предмету — в виде литературных работ, в виде давания уроков и т. д., и т. д., — сфера действий безгранична, и сам читатель может расширять и расширять ее путем своей

[1] «Письма к читателям о самообразовании».

изобретательности. Ведь действование и изобретательность — это и есть жизнь, участие в жизни, творчество жизни. Сюда-то и должно быть обращено, как говорится, «главное внимание души».

Пойдем теперь еще дальше. Как уже было сказано, из читаемых книжек выносится не только знание фактов и идей; чтение создает умение мыслить или помогает ему. Как же читать книгу, как думать над нею и ее содержанием для того, чтобы и эту сторону чтения использовать в наибольшей степени? Мышление над книгой — это то же, что практические упражнения по логике. Любой учебник логики ...дает на этот предмет множество ценных указаний любому читателю. Мыслить над читаемой книгой — это значит вдумываться в значение, во-первых, слов, терминов, в их содержание, т. е. их основные характерные признаки, во-вторых, разбираться в их значении, избегая двусмысленности или неясности их; далее, в-третьих, мыслить над книгой — это значит вдумываться в ее суждения, в ее определения, в методы изложения, в доказательства, практикуемые читаемым автором, в его умозаключения, стремясь понять и проверить общий ход рассуждений его и найти в нем, если придется, ошибки — фактические, логические и всякие другие, отделяя *факты* от объяснения фактов, выводы из фактов — от предположений, правильные обобщения от неправильных и т. д., и т. д. Впрочем, для того чтобы *думать* над читаемой книгой и чтобы возможно больше использовать ее, разумеется, вовсе не требуется предварительного знакомства с наукой логики и начинать свою самообразовательную работу именно с нее (книги по логике — не очень-то популярные книги). «Все правила логики, — справедливо говорил проф. Введенский, * — окажутся уже исполненными сами собой, если только читатель станет исполнять два условия: во-первых, не будет допускать никаких противоречий в своих мыслях; во-вторых, — не будет соглашаться ни с какой мыслью до тех пор, пока не найдет *оснований,* достаточных для того, чтобы *принудить* его согласиться с нею. И правда, когда мы стараемся правильно мыслить, то, как показывает самонаблюдение, все наши заботы и старания сосредоточиваются только на исполнении этих двух условий (в науке логике эти два условия называются «законом противоречия» и «законом достаточного основания»). Правила логики могут исполняться, а потому и мышление может оказываться правильным даже и в том случае, если мы не изучали логику. Иное дело, когда мы станем разыскивать: не сделало ли мышление (писательское или читательское) никаких ошибок. При таких поисках, если мы не изучали логики, иногда мы совсем не замечаем ошибок, иногда же чувствуем какую-то ошибку, но не можем уловить, т. е. объяснить, в чем именно состоит она. Знание логики не искореняет в нас наклонности к ошибкам, но делает нас более чуткими к ним и этим путем содействует правильности мышления. Все руководство логики сводит-

ся к вышеизложенным двум правилам: 1) не допускать в своих мыслях никаких противоречий с самим собой; 2) не соглашаться ни с какой мыслью до тех пор, пока не найдешь основания, достаточного, чтобы под угрозой появления противоречия в твоих мыслях принудить тебя согласиться с нею».

Здесь, быть может, не будет излишним сказать еще о двух приемах, полезных для самопроверки. Как узнать, усвоено ли вами содержание читаемой книги или не усвоено еще? Попробовать применить на деле (изложить себе самому или другим, осуществить технически). В огромном большинстве случаев бывает так: если читатель *действительно* понял содержание читаемого, он в силах и изложить его (но из этого еще не следует обратного: иной читатель может излагать и не понимая, особенно, если он нечестно относится к ясности своего собственного мышления и умеет и может повторять («à la попка») чужие слова и идеи. Другой способ самопроверки сводится по существу к предыдущему же: понять какую-либо общую идею — это уже предполагает умение *конкретизировать* ее, т. е. сводить с заоблачных, отвлеченных высот в жизнь, облекая ее в одежду самых обыденных фактов, — умение найти мостик между этой идеей и обыденщиной, отыскивать ее отблески (положительные или отрицательные) в окружающей среде (общественной или в природе). Не следует забывать и здесь, как всегда, что пробный камень всякой выраженной словами истины — все-таки жизнь, Вселенная. Отделять факт от фикции, то, что есть, от того, что кажется, так же необходимо, как и отделять познанное от *еще не* познанного, доказанное от недоказанного, теорию от гипотезы, и всякое сравнение, подобие, аналогию, символ и не считать и не называть ни фактами, ни объяснениями их никоим образом. А в этом грешны, очень грешны не только начинающие читатели, но и многие убеленные сединами писатели.

Чтение, читательство, дорогой читатель, вовсе не наука. Это *искусство,* и, как таковое, не поддается никаким правилам, если не считать единственного, которое можно выразить так: «Будь чутким, будь бодрым и работящим, будь честно-смелым в своем мышлении, т. е. стой на своих собственных ногах, а не на подпорках в виде всякого рода авторитетов, как бы благоразумны и благолепны они ни казались».

ГЛАВА VII

ГЛАВНЫЕ СТУПЕНИ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ВЫРАБОТКИ ЛИЧНОСТИ. ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ. ОТ КНИГИ К ЖИЗНИ

На предыдущих страницах этого нашего труда мы сосредоточили общие практические указания по вопросу о том, что и как читать. Теперь мы должны познакомить читателя с той системой, которой, по нашему мнению, полезно следовать, серьез-

но занимаясь самообразованием. Эта система должна быть, во-первых, выполнима, практична, удобна; во-вторых, должна охватывать самообразовательную работу с первых ступеней ее до окончательной выработки миросозерцания и проведения его в жизнь. В-третьих, система должна опираться на ряд определенных *практических* приемов, представляющих собой последовательные ступени лестницы, причем для каждой ступени должна быть указываема соответствующая группа книг. Таким образом, знакомя читателя с системой, мы должны знакомить его и с теми книгами (беллетристическими и научными), при помощи которых он имеет возможность вырабатывать путем самообразовательного чтения свою личность вообще, в лучшем, возвышенном смысле этого слова, и свое научно-философское и общественное миросозерцание, в частности.

Повторим вкратце то, что было сказано нами в предыдущих главах, и систематизируем сказанное, для того чтобы читатель имел возможность яснее представить себе весь последовательный ряд ступеней, ведущих от книг к жизни, от теории к практике, от накопления знаний к их применению, от мышления к творчеству новых форм жизни, по пути ее расширения, от выработки миросозерцания к борьбе за него.

Как уже было сказано выше, одним из главнейших принципов, положенных нами в основу всех наших работ на помощь самообразованию, является принцип сближения *книги с жизнью.* Мы никогда не переставали и никогда не перестанем твердить и повторять, что самообразовательная работа только тогда получает свое настоящее значение, когда читатель не только «почитывает», но когда он мыслит и действует, и умеет не только *отстоять* свое мнение, но и *провести* его в жизнь, осуществить, приняв возможно широкое участие в творчестве жизни и ее форм. Жить настоящей, разумной, полной, возвышенной, углубленной, напряженной, красивой жизнью — это значит *творить,* непременно творить; оценка жизни и ее смысла — это значит оценка творчества — того, что человек *сделал,* а не того, что он еще только *намеревался делать.* Исходя из этих соображений о главной цели и о жизненном и житейском значении самообразовательной работы, мы в этой нашей книге стараемся, во-первых, дать некоторые теоретические и практические указания общего свойства, во-вторых, указываем соответствующий библиографический материал, т. е. те книги, при помощи которых любой человек, кто бы он ни был и где бы он ни жил, имел бы возможность, по нашему мнению, вооружить себя знаниями, пониманием и бодрым, рабочим настроением, столь необходимыми для осмысливания и для смелого и радостного расширения своей собственной и общественной жизни.

Спрашивается теперь, мыслимо ли осуществить все вышенамеченное на практике? Опираясь на изучение русских книжных богатств, нами предпринятое еще со времен юности и лишь те-

перь доведенное до конца, мы смело отвечаем на вышепоставленный вопрос *утвердительно.* Хороших книг на русском языке, при всех цензурных стеснениях и авторских и издательских «неумениях», много, очень много. Во всяком случае, много таких книг, с помощью которых всякий желающий может и теперь достигнуть своей цели. Дорога открыта для всех — важнейшее орудие для приобретения знаний, уже накопленных человечеством, т. е. книга, уже существует; а мысль человеческая, мысль, жаждущая истины и справедливости, всегда и везде свободна, если только она сама искренне желает быть таковой. Еще в XIII столетии сказано, что «свободной мысли никто и ничто не в силах положить никакого предела». Если не путем надстрочного, то путем междустрочного чтения, если не путем усвоения уже добытых истин и фактически уже обоснованных идей, то посредством своей собственной работы мысль умеющего думать человека идет, куда ей самой нужно, идет властно и настойчиво, под напором жизни. Идет — и приходит. Ни чужим указкам, ни стеснениям, идущим со стороны, особенного значения придавать во всяком случае не приходится, лишь бы были налицо *факты* и знание их. «Точные и достоверные факты узнавай откуда только можешь; что же касается до мнений о них — *мнения* имей *только* свои собственные» — таково одно из правил самообразования. Все главнейшие *факты* из всех главнейших областей жизни всякий желающий узнать наверное может — они налицо. Мы никогда не устанем повторять это. Всякий желающий может узнать их во всяком случае, если сумеет получить хоть на время научную книгу. Утверждаем, опираясь на факты из нашей переписки, — как ни плохо распространяются книги на Руси, как ни мало проникают они в иные глухие места, как ни трудно достать их, все же доставать их можно. Их *достают,* всегда достают люди, дух которых охвачен горячим и сильным стремлением к свету и правде и которые раз навсегда сказали себе: «Мы тоже люди, и мы должны отстаивать свои права на жизнь — и на светлую и разумную жизнь». Такие люди хоть и бьются, но добиваются, хоть и страдают, но своего достигают, гоняясь за нужной им книгой. Книги есть, книги иной раз лежат, поджидая читателей. Книги можно и должно искать и у частных лиц, у знакомых и незнакомых, и в библиотеках, близких и далеких. Книги можно покупать и в складчину, со скидкой, иные даже очень дешево. Стремясь к самообразованию, нужно изучить и все пути добывания книг. Для того, чтобы приобретать систематические знания и чтобы развивать в себе уменье честно и правильно мыслить и бодро смотреть на мир, не боясь борьбы, любой читатель может на множество разных ладов использовать современную наличную русскую литературу — и беллетристическую и научную. Подробный обзор этой литературы по всем отделам научно-философской и литературно-общественной мысли доказывает, что для широкой и разносторонней работы над са-

мообразованием имеется на русском языке достаточно книг. Имеется и распределение этих книг по главнейшим отраслям знаний и мысли, по главнейшим вопросам, по странам и эпохам, по направлениям, по степеням трудности понимания и, наконец, по трем главнейшим кругам читателей (читатель из среды сельской и фабрично-заводской, читатель из среды городской интеллигенции, или «третий элемент», и читатель-специалист). А имея в своих руках такого рода классификацию книг, или, точнее говоря, книжного содержания, средне образованный человек может и сам разбираться и в вопросах, и в направлениях и выбирать для себя книги, думается нам, и без всякой помощи со стороны. Но может ли разбираться в массе литературного материала читатель начинающий? Разумеется, нет. Такому читателю, будь он даже со средним образованием (увы! у нас немало «начинающих» и среди «окончивших курс»), большие списки даже отличных книг вряд ли помогут. Иного они, пожалуй, даже испугают своими размерами и количеством материала. Для того чтобы помогать начинающему читателю, необходим совершенно иной метод, и вот об этом-то методе самообразовательной работы мы и должны сказать теперь несколько слов, наметить ее план, указать последовательно ступени ее.

Самообразовательная работа, ставящая своей целью не только выработку *миросозерцания,* но и выработку *личности,* предполагает самодеятельность как в области мысли, так и в области чувства, воли, стремлений и других самых интимных переживаний. Одним из орудий такой работы является *чтение,* как беллетристическое, так и научное, возможно систематическое, целесообразное, опирающееся на принцип сбережения сил и времени, а значит — и средств. В основе же этого сбережения сил только и может лежать принцип индивидуализации чтения и всей самообразовательной работы, т. е. приспособления ее к личным особенностям читателя. Особенное значение этот принцип имеет в деле приобретения научных знаний и умения мыслить — работа, которая доставляет читателю больше всего затруднений. Здесь мы будем говорить прежде всего о методе, т. е. о приемах самообразовательных занятий *научных,* систематических и планомерных. В следующей главе будет идти речь о работе в области *интимных переживаний,* при помощи систематического планомерного чтения *беллетристики.*

Вот самая сущность, по нашему мнению, наиболее целесообразного приобретения научных знаний, насколько нам уяснила ее наша библиотечная практика и переписка с читателями.

§ 1. *Первый прием,* или *приступ к самостоятельному приобретению научных знаний,* как мы видели в I главе, должен быть таков: начинать нужно с самоопределения или с сознательной формулировки некоторых характерных черточек своей собственной личности, а именно — с выяснения тех ее черточек, которые имеют особенно важное значение для самообразовательной ра-

боты и оказывают особенное влияние на самый *процесс чтения* и на усвоение книжного содержания. Таких черточек немного — всего лишь несколько, — и любой педагог, любой библиотекарь уже знает по опыту, каковы эти черточки. Список их мы даем в приложении к этой книге, в виде небольшого ряда вопросов, ответы на которые вполне характеризуют данного человека *как читателя*. Для того чтобы охарактеризовать его как такового, вовсе не нужно «познать самого себя» до самой глубины в сократовском смысле, как об этом иные думают. Необходимо сознательно отнестись лишь к *некоторым* своим особенностям, и именно для того, чтобы использовать их. Экспериментальная психология, вырабатывающая, а отчасти уже выработавшая целый ряд приемов для исследования человеческой личности, оказывает в высшей степени важную помощь и в данном отношении. Существуют даже особые атласы по экспериментальной психологии, с помощью которых можно определять более или менее объективно разные характерные особенности своей психики. Правда, иной человек сам лично не может сознательно отнестись к себе и формулировать особенности своей психики, характерные для него как читателя. Но пусть не унывает и такой читатель: для таких, как он, может оказаться полезной помощь со стороны. Таким можно сказать: стремитесь лишь искренне и глубоко к свету и правде жизни, и наверное найдутся люди, которые помогут вам. Во всяком случае, практика наша показала, что достаточно подробные и обстоятельные ответы читателей на поставленный нами ряд вопросов позволяют более или менее безошибочно рекомендовать им действительно подходящие для них книги и составлять на основании сообщаемых данных небольшие программки, приспособленные к личности данного читателя и рассчитанные на 3—12 месяцев работы. Разумеется, чем ближе подойдешь к читателю, чем больше и лучше будешь знать его, тем безошибочнее можно делать ему указания. Повторяем еще раз: если в нашей переписке с читателями и возможны были и бывают ошибки, то вина за них падает, в большинстве случаев, на самого читателя, чересчур поленившегося познакомить нас с собою и приславшего нам чересчур краткие ответы на наши вопросы. Во всяком случае, по существу дела достаточно иметь о читателе даже очень немногие сведения, чтобы уже *реально* помогать ему, и помогать полнее, чем это возможно при помощи списков хотя бы самых лучших книг. Таким образом, по нашему мнению, именно с некоторого выяснения своей читательской индивидуальности и полезно начинать самообразовательную работу. Сюда относится и определение цели, к которой данный читатель стремится и о которой он должен подумать хоть немножко и хоть в самых общих чертах, принимаясь за свое самообразование. Чего собственно я хочу? К чему стремлюсь? Выработать ли общее миросозерцание, не считаясь ни с какими школьными программами? Или подгото-

виться к какому-нибудь экзамену? Или изучить какую-нибудь отдельную науку или какой-нибудь вопрос или область жизни? и т. д. В зависимости от цели находится многое и в распланировке самообразовательной работы. Но какою бы частной ни была цель, которую поставит себе тот или иной читатель, все равно для осуществления всех частных целей общая выработка личности необходима, а потому мы главным образом и будем говорить именно о такой выработке, т. е. прежде всего о расширении кругозора, без чего немыслимо никакое расширение жизни.

§ 2. *Второй прием* — это прием *расширения кругозора,* или «способ трех книг», о котором подробнее будет сказано ниже. Многие начинающие читатели совершенно не знают, с чего начать самообразование, как приступить к нему. Им интересно все в равной степени и ничто в особенности. Многие даже не знают о существовании целых областей жизни и мысли, к тому же крайне важных, даже, быть может, главнейших. Такие читатели должны прежде всего несколько раздвинуть свой кругозор, должны узнать *о существовании* этих областей жизни и мысли, важнейших вопросов в них. Таким читателям, основываясь на некотором изучении читательской индивидуальности (§ 1), необходимо прежде всего указать несколько книг (не меньше 2—4), расширяющих кругозор и дающих самые элементарные и краткие понятия о трех главнейших кругах жизни, а именно — жизни космической, социальной и интимной. Ниже мы покажем, что такими книгами могут быть, напр., книги, рисующие общую картину мировой эволюции, во-первых, во-вторых — книги по всеобщей истории и, наконец, в-третьих, — книги по истории литературы или других проявлений духовной жизни человечества, напр. по этике, религии. Выбор этих книг должен (и может) быть сделан так, чтобы указанная книга возможно сильнее заинтересовала, увлекла данного читателя и показала бы ему, что во Вселенной побольше света, чем сколько он видел до сего дня сквозь свое (подчас намеренно закопченное или завешенное) окошко.

§ 3. *Третий прием* — это прием, который можно назвать *приемом отыскания базиса самообразовательной работы.* Об этом мы уже говорили выше. Главный базис такой работы — это интерес к ней. Узнав о существовании главнейших областей жизни и мысли и почувствовав интерес хотя бы к одной из них, читатель, стремящийся к самообразованию, не может не пожелать и дальнейшего знакомства с тем, что ему показалось наиболее интересным. Что же именно? Для начинающего читателя это не так важно, и, как мы уже доказывали, это в значительной степени все едино и с точки зрения систематичности изучения — с чего бы ни начинать работу. Начинающий читатель должен прежде всего определить, что собственно интересует его больше всего, и, определив это, выбирать книгу именно по данному, от-

носительно говоря, интересующему его вопросу, опираясь при этом опять-таки на свою читательскую индивидуальность. Это определение своего интереса мы и называем *выбором базиса*. Этот выбор базиса, т. е. определение наибольшего интереса, имеет в общей самообразовательной работе громадное практическое значение. Именно с этого и начинается настоящая работа, которая вся и всегда должна состоять в постоянном углублении, расширении и, если можно так выразиться, возвышении (обобщении) знаний. Вся работа, весь ее ход, от начала до конца, должны быть *делаемы интересными*, все должно быть организовано так, чтобы возбуждать *хронический интерес*; другими словами, один заинтересовавший вопрос должен влечь к другому, третьему, десятому, к еще более интересным и глубоким вопросам и заинтересовывать ими, и каждый предыдущий интересный вопрос должен являться базисом последующих. В другом месте мы уже доказывали, что углубление знаний неизбежно приводит к систематической выработке общего миросозерцания, потому что схема знаний, или (что до известной степени то же самое) классификация наук, представляет из себя ряд вполне естественных звеньев, из которых каждое звено является базисом последующего, которое становится, в свою очередь, тем же для дальнейших звеньев. Схема знаний, как мы уже видели, есть единое и неразрывное целое. Другими словами, читатель должен для начала выбрать для себя хоть какой-нибудь, но только по возможности определенный, отдел общей схемы самообразования. Эту схему мы вкратце привели выше. Более подробно мы говорим о ней в наших «Письмах к читателям» и еще подробнее — во «Введении» к 1 т. «Среди книг».

§ 4. *Четвертый прием* — прием *выбора книг*. Здесь вопрос заключается в том, чтобы дать в руки читателя любого типа знание *книг*, и прежде всего наиболее подходящих книг для читателей *его* собственного типа. Спрашивается, какие же книги должен выбирать для себя по интересующему его вопросу данный начинающий читатель? Трудно выбирать их, никогда не видев многих книг и не имея навыка разбираться в них.

Чтобы поставить дело выбора книг в целях самообразования на правильную почву, необходимы особого рода библиографические указатели книг, несколько отличающиеся от тех, которые существуют в настоящее время. Рационально составленные указатели должны содержать: во-первых, описания книг, их содержания; во-вторых, характеристики их изложения, формы; в-третьих, указания на тип читателя, которому соответствует книга данного типа. Библиографические указания должны быть подобраны в таких рациональных указателях таким образом, чтобы по ним, зная тип читателя, можно было подыскать и книгу того же типа. Опыт показывает, что именно при соответствии типа книги с типом читателя этот последний сберегает в наибольшей степени и время, и силы, а значит — и средства.

Чтобы облегчить читателю и эту работу, ниже мы даем описания более 500 книг по всем главнейшим отраслям знания. Эти книги выбраны нами, а описания их составлены следующим образом. Прежде всего мы старались обставить хорошими книгами все вопросы намеченной нами общей программки самообразования — обставить *каждый* ее отдел *несколькими* книгами действительно хорошими. Подбирая же их, мы обращали главное наше внимание на такие книги, из которых читатель мог бы получить прежде всего знание *фактов.* Повторяем еще раз, и не устанем никогда повторять, что в основу самообразовательной работы должно лечь знакомство с фактами, классификация фактов и выводы, лишь на фактах основанные. Нередко читатель, занимающийся самообразованием, гонится лишь за усвоением теорий, мнений, вообще говоря, общих идей. Мы же думаем, что идеи должны и сами рождаться в мыслящей голове и что усвоение чужих идей должно идти лишь постольку, поскольку чужие идеи делаются своими, т. е. находят опору в идеях, уже усвоенных, и фактах, уже узнанных. Выработка идей идет сама собой с накоплением фактов. Поэтому крайне важно при самом же начале работы прежде всего обратить внимание на усвоение фактов, и это независимо от того, подойдете ли вы, по складу вашего ума, к их усвоению индуктивным или дедуктивным способом. Человек, мыслящий индуктивно, впитывает факты непосредственно и затем на них уже возводит здание своего понимания; напротив, человек, мыслящий дедуктивно, усваивает их, подходя к ним от какой-либо общей теории, общей истины, а в них видя лишь иллюстрацию и доказательство ее. Люди, мыслящие индуктивно, встречаются, по-видимому, чаще. То же можно сказать и о людях, мыслящих конкретно. Поэтому нам лишь в редких случаях приходится указывать читателям, к нам обращающимся, книги отвлеченного типа, т. е. без фактов или почти без фактов. Далее, мы старались подбирать книги, имея в виду *несколько типов* читателей, каких именно — об этом см. ниже, в предисловии к нашему «Списку книг» и к таблице распределения книг по типам [1]. Книжки народные, за самыми редкими исключениями, мы оставили в стороне, так как предназначаем этот наш труд для тех читателей, которые уже справились с народными книжками и стремятся к дальнейшему продолжению знаний. Далее, все книги, введенные в наш указатель, описаны нами. Описывая их, мы старались быть строго объективными и ставили своей целью характеризовать *самую книгу* и познакомить читателя с тем, что она дает, а не с тем, какое впечатление произвела она лично на нас, благодаря таким-то нашим личным особенностям. Составляя наши описания книг, мы старались

---

[1] Н. А. Рубакин имеет в виду следующие типы читателей: 1. Читатель с конкретным складом ума. 2. Читатель с абстрактным складом ума. 3. Читатель типа эмоционального. 4. Читатель волевого типа. — *Ред.*

заинтересовать читателей самым содержанием и характером книг. Разумеется, на свете существует неизмеримо большее число прекрасных книг, чем сколько мы указали и описали в этом нашем труде. Но мы здесь и не гнались за описанием *всех хороших* книг. Наша задача при указании подходящих книг заключается в том, чтобы все главнейшие области жизни и мысли обставить хорошими книгами. Разумеется, можно с нами спорить о той или иной книге, равно как и о том, зачем мы рекомендуем такому-то читателю такие-то книги, а не указываем других, таких-то, и тем более можно спорить об этом, что на вкус и на цвет, как известно, товарищей нет. Мы описывали те, а не другие книги, во-первых, потому, что именно они кажутся нам достойными внимания тех читателей, каких мы имеем в виду, судя по их письмам, во-вторых, именно эти книги фактически уже доказали свою пригодность читателям *данного* типа, насколько мы можем судить по переписке с ними; в-третьих, потому, что книги эти сами принадлежат к типу тех книг, которые соответствуют *наиболее распространенным* читательским типам. Мы сами могли бы указать и указали в «Среди книг» целый ряд произведений, которые, по некоторым своим внутренним качествам, иной раз стоят даже и выше тех, которые нами указываются здесь. Но те книги менее доступны, и мы их нередко должны были оставлять в стороне. Далее, иной читатель, быть может, поставит нам в вину и то, что некоторые точки зрения некоторых авторов нами указываемых книг в некоторых отношениях не вполне совпадают между собою, а это может поставить иного читателя в затруднительное положение. Но такое возражение не страшно. Мы не боимся вводить в наши программки-списки и такие книги, которые отчасти разноречат в вопросах детальных. Но, оставляя в стороне *детали,* разумеется, приходится внимательно присматриваться к основным взглядам авторов, и в этом отношении, насколько нам кажется, всегда является возможность сохранить определенное основное единство взгляда. Во всяком случае, не меньшее единство, чем какое наблюдается и в других программах чтения. Задача выбора материала тем более облегчается, если иметь в виду читателя мало подготовленного, которому всегда приходится обращать внимание при выборе книг прежде всего на книги фактического характера, как о том и было сказано выше. Читатель, способный усвоить основную точку зрения научного исследования и этической оценки явлений, в разнице детальных взглядов превосходно разбирается и сам, и детальных противоречий при выборе книг бояться не приходится. В заключение нашего описательного каталога мы даем список книг, из которых читатель мог бы познакомиться с современным научным миросозерцанием и главнейшими течениями научно-философской мысли в этой области, в связи с ее историей. Этот отдел нашего труда является как бы завершением той теоретической подготовки, о какой идет речь в нашей книге. Впрочем,

следует отметить, что книги, указанные в этом отделе, в большинстве случаев предполагают в читателе довольно хорошую научную подготовку.

Но и это еще не самое главное. Есть одна сторона в деле рекомендации книг, на которую необходимо обратить особенно серьезное внимание. Рекомендация книг отнюдь не должна сводиться к навязыванию. Как мы уже говорили много раз, мы никому ничего не желаем навязывать, а призываем самого читателя вырабатывать его собственное мнение и его собственное миросозерцание, не считаясь ни с чьими другими и не боясь никаких эпитетов, ярлыков и кличек, которым, как известно, грош цена. С этой именно целью мы и выдвигаем вперед знакомство с фактами, а не с мнениями. И пусть читатель не боится и противоречий в *чужих* взглядах. Пусть он боится их в своих собственных. Далее, пусть читатель отнюдь не думает, что, прочитав даже 2—3 книги по одному какому-либо вопросу из числа книг, кем-либо указанных, он «уже изучил» этот вопрос. Вовсе он его не изучил, даже прочтя все книги на свете, человек все-таки будет находиться лишь в преддверии знания, потому что знание — вовсе не есть знание *книги,* а знание *жизни.* Чтение книг по какому-либо списку — это лишь первый шаг в области знания. Тот читатель, который, сделав этот шаг, будет видеть в себе уже образованного человека, этим самым лишь блестяще докажет именно свою необразованность и непонимание того, что такое настоящая наука, настоящее научное знание. Наука у него все-таки еще впереди, и все, что о таком человеке, сделавшем первый шаг, можно сказать, есть то, что такой человек уже вышел *из темноты* и уже *начал искать.* Но за первым шагом надо же еще делать и дальнейшие шаги. Каковы же они? Они нам давно указаны, подобно тому, как ученики низших школ уже знают о существовании школ средних, высших и профессиональных. *Вторичные,* дальнейшие шаги прекрасно помогают делать петербургские «Программы чтения для самообразования» и московские «Программы домашнего чтения». Таким образом, мы смотрим на эти «Программы», составленные русскими учеными и литераторами, как на своего рода высшую школу самообразования, и усиленно рекомендуем их нашим читателям. С этой целью мы даем ниже (в отделе «Усвоение знаний») подробный обзор этих программ, а также и других книг о самообразовании, служащих подмогой им, — во-первых, книг теоретических по вопросу самообразования, во-вторых, некоторых указателей для выбора книг.

§ 5. *Пятый прием — прием развертывания программ и вопросов.* Практика показывает, что на читателя, работающего над самообразованием, удручающее влияние производит неумение ориентироваться как в науках, так и в вопросах. Начинающий читатель обыкновенно не знает, о чем собственно идет речь в такой-то науке, каковы ее отделы, какие вопросы к данной науке

относятся и ею выясняются, какова система этой науки, откуда исходит и куда идет эта последняя. Работать над самообразованием необходимо возможно сознательнее. Другими словами, в каждое мгновение работающий должен давать себе отчет о том, какую же часть целого он изучает в данное время и «что к чему». Далее, он всегда должен иметь хоть некоторое представление о том, какой именно путь он уже прошел, занимаясь данной наукой, а какой еще не пройден им. Изучаемая наука должна казаться читателю своего рода светлым коридором с колоннами, и каждая такая колонна — вроде как веха пройденного пути. В самообразовательной работе все должно быть по возможности ясно и отчетливо, и то, что уже пройдено, должно заинтересовывать тем, что еще не пройдено, и что осталось превозмочь. План самообразования должен *раскрывать перед читателем перспективу,* и не только широкую, но и увлекательную. Поговорите со специалистом, любящим науку свою. Какой бы сухой ни показалась вам иная отрасль знания, специалист, ею увлеченный, сможет вам указать, что и в этой сухой области имеются элементы, которые способны охватывать мыслящую душу и увлекать ее в глубину данной отрасли знания. В каждой науке имеется элемент, способный увлекать. Что же это за элемент? В иной науке особенно дает себя чувствовать сила и мощь человеческого ума, в другой — его смелость, в третьей — его порыв вверх, или вширь, или в глубину; иная отрасль знания захватывает своим отношением к человеческим страданиям, напр., история, повествующая о безмерных страданиях человечества, политическая экономия, вскрывающая самые глубокие основы социальной несправедливости и т. д. и т. п. Есть науки, которые прельщают своей логической стройностью (напр., математика), другие — грандиозностью и таинственностью того, что они изучают (астрономия), третьи — своим проникновением в глубь времен прошлых и будущих (геология), четвертые — своим освещением невидимого мира бесконечно малых (физика и химия); есть науки, где привлекает тайна, с которой они стремятся сорвать ее покров (психология); в других захватывает их практическое значение. Можно сказать, что в сущности, привлекательно всякое знание; и одной и той же наукой могут увлекаться разные люди, и каждый по-разному, смотря по своей натуре, своим личным особенностям. Но, чтобы увлекаться какой-либо наукой, необходимо иметь некоторое понятие о ней, — что она такое, и чем она занимается, и что ею сделано до сего дня? Ответить на первый вопрос — это значит дать *определение* данной науки. Ответить на второй вопрос — это значит дать программу ее. Определить что-либо — это значит указать особенности, основные характерные качества, во-первых, родовые, во-вторых, видовые. Такие характеристики всех главнейших наук сделаны нами в особой книге, которая называется «Введение в изучение

главнейших наук. (Главнейшие отрасли знания и общее миросозерцание. Наука и науки)» *.

Но и этого мало. Одни характеристики разных наук еще не могут удовлетворить начинающего читателя, так как они еще не уясняют ему достаточно отчетливо, о чем же собственно идет речь в такой-то науке. Необходимо развернуть перед читателем и *программы* этих наук, указав при этом в виде хотя бы самого краткого конспекта ряд тех вопросов, которые уже выяснила им или еще уясняет каждая наука. В упомянутом нашем труде мы даем и такие программки или конспекты по всем главнейшим наукам. Такой программкой может служить любой более или менее хорошо составленный учебник по данной науке, даже его оглавление, если оно разумно и *систематически* составлено. Одна из задач такого оглавления в том и заключается, чтобы дать в руки читателя возможность систематически обозревать данную отрасль знания, видеть целиком ее *систему*. Практика показывает, что для работы над самообразованием крайне важно иметь в руках такую систему-программку или конспект, развертывающий схему данной науки. Тем более важно иметь в целях выработки общего миросозерцания такие программки-системы по всем главнейшим отраслям знаний. Совокупность таковых и есть не что иное, как система миросозерцания. Такие программы даем мы и в нашем «Введении в главнейшие отрасли знания», воспользовавшись для его составления лучшими, наиболее систематическими и обстоятельными руководствами по каждой отрасли знания, капитальными трудами выдающихся ученых, имена которых уже представляют прекрасную гарантию за научность программ. Список тех руководств, которыми мы пользовались при составлении такого рода программ, дается нами в начале каждой программы. Каждое из этих руководств представляет из себя одно из лучших, наиболее выдающихся пособий по данной отрасли знания. Таким образом, раскрывая перед читателем такую систему, является возможность указать ему и путь к дальнейшему углублению и расширению его знаний, а вместе с тем дать и список капитальных пособий, которые в дальнейших занятиях помогут ему эти знания систематизировать и углубить по программам еще более обширным. Программы, составленные на основании при них же указанных руководств, тем самым уже приурочиваются к этим последним и дают понятие об указанных при них руководствах, а благодаря этому, если иной читатель заинтересуется каким-либо вопросом, входящим в данную программу, он уже знает, в каких книгах искать ответа на заинтересовавший его вопрос. Таким образом, достигается и та цель, о которой было упомянуто выше, так сказать, цель развертывания перспектив.

Но и это еще не все. Конспект-программка не может не давать руководящей нити и в деле приведения в систему тех знаний, какие получаются из других книг. С программой в руках

читатель может приобретать указанные в ней знания и по другим книгам. Ведь не в том суть дела, из каких именно книг приобретать знания, — важно действительно приобретать их. Мы особенно рекомендуем читателям, уже прошедшим первые ступени самообразовательной работы, приобретать знания *по нескольким* книгам, а не по одной, прочитывая об одном и том же вопросе *у нескольких авторов* и сравнивая то, что они говорят об одном и том же. Поскольку у них находится нечто общее, постольку чтение нескольких книг об одном и том же явится для читателя как бы повторением пройденного; поскольку же в них найдется нечто разное — постольку это разное может послужить хорошим материалом для критического мышления. Впрочем, такой прием изучения для многих начинающих читателей оказывается довольно трудным. Мы очень рекомендуем всем, даже начинающим, читателям *сравнивать* читаемую ими книгу (напр., из числа указанных нами по такой-то отрасли знания) с программками, которые мы даем. Уже одно такое сравнение покажет им, что как бы ни была хороша читаемая книга, но и она *всей* области данной науки все-таки не охватывает, и пополнять свои знания необходимо по другим книгам. Далее, нельзя не обратить внимания наших читателей и на неравномерность составленных нами программ, вошедших в вышеупомянутый наш труд. Некоторые из них (напр., программы по зоологии, ботанике) очень кратки, другие (напр., по истории) очень подробны. Эта неравномерность вполне естественна в тех науках, в которых большую роль занимает простая классификация и систематика. Перечислять роды, семейства и виды животных и растений в наших программках мы считали излишним. Кроме того, мы даем лишь очень сокращенные программки и по наукам специальным (напр., по гистологии, теории вероятностей и т. п.), а по некоторым наукам, ввиду довольно далекого их отношения к задачам самообразования, и совсем не даем (напр., по римскому праву). Но совсем другое дело программки по тем наукам, которые изучают общественную жизнь в ее целом (история) или некоторые стороны ее (напр., история государственных учреждений). Ввиду значения этих наук в общей системе самообразования и для выработки миросозерцания мы не боялись увеличивать размеры этих программ. Вводить в них детали даже полезно, лишь бы они не загромождали общие представления о явлениях жизни данной области. Разумеется, составляя программки, мы отнюдь не считались при этом с требованиями каких-либо учебных заведений, средних, специальных или высших. Мы брали знания как таковые. Правда, обширность иных программок может отпугнуть от них иного читателя. Но пусть читатель не боится их размеров. Всякая программка по любой науке может быть как сжимаема, так и расширяема, смотря по личности, силам и запросам читателя. Разумеется, весьма возможно, что не все читатели будут удовлетворены теми программ-

ками, какие введены в нашу книгу; иным читателям они могут показаться неполными, другим — перегруженными, третьих может не удовлетворить формулировка программ, система размещения в них материала; иные могут перетолковывать тот или иной пункт программы не так, как мы толкуем его. Иные могут попенять нам, что мы упустили что-нибудь, хотя бы даже «довольно существенное» и т. п. Так всегда и бывает со всякими программами, кто бы их ни составлял. Позволяем себе думать, что самого-то существенного, основного мы все-таки нигде не упустили, и в этом отношении достаточной гарантией могут служить опять-таки имена ученых, руководствами которых мы пользовались при составлении программ. Что касается до систематичности и формулировки разных пунктов — не в этом главная суть дела. В некоторых случаях мы сознательно оставляли ту формулировку, какая была придана авторами руководств, имея в виду, что программы должны служить, по нашей мысли, и подробными описаниями капитальных руководств по каждой науке. Таким образом, в смысле знакомства с объемом главнейших отраслей знания, и в смысле развертывания горизонта, и в смысле достижения возможно большей систематичности характеристика главнейших наук и собрание программ-конспектов по всем этим наукам представляется дальнейшим углублением рекомендуемой нами системы самообразования. Рекомендуем и самим читателям заняться составлением конспектов тех книг, которые рекомендованы нами во II части этого нашего труда, так, чтобы каждый такой составленный самим читателем конспект был своего рода программой прочитанной им книги. Особенно полезно составлять такие конспекты-программы по *многим* книгам. При составлении же таких конспектов, которые уже были упомянуты, необходимо придерживаться следующих основных правил, естественно вытекающих опять-таки из нашей основной идеи, — приспособления всей самообразовательной работы к *личным* особенностям *данного* читателя: всякий конспект должен содержать именно то, что труднее всего усваивается этим читателем. Таким образом, читатели, которые хуже запоминают факты, должны придавать конспектам характер выписок наиболее интересных *фактов;* читатели, хуже всего усваивающие или запоминающие ход идей автора, должны придавать конспекту вид логического резюме этих *идей.* Интересно затем сравнивать запас знаний, вынесенных из прочитанной книги, с общей программой той науки, к области которой эта книга относится.

Этим и исчерпывается общий ход *теоретической* самообразовательной работы. К ней следует еще прибавить посещение библиотек, курсов, музеев, экскурсии и т. п. Об участии в общественной жизни, которая, разумеется, представляет из себя тоже один из способов расширения кругозора, и к тому же особенно действенный, мы будем говорить ниже.

Но и использование этих программ, эти дальнейшие шаги по пути самообразования, все-таки не есть еще образование, подобно тому как диплом среднего или высшего учебного заведения тоже еще не дает права его обладателю называться образованным человеком. *Настоящий экзамен своей образованности человек держит в жизни, и, чтобы выдержать его, необходимо проявить себя хоть каким ни на есть творцом ее — хоть в какой-нибудь области жизни.* В какой же именно области и кто из читателей и в какой именно степени проявит себя? Это опять-таки вопрос индивидуальности — личного склада ума, характера, темперамента и всяких других особенностей данной личности. Здесь мы приходим к следующему *приему* самообразования.

§ 6. *Шестой прием — прием хронического объединения теории и практики, книги и жизни.* Это объединение необходимо должно начинаться с первых же шагов самообразовательной работы. Мы резко восстаем против тех читателей, которые полагают, что «вот сначала я подготовлюсь теоретически, а затем проявлю себя и практически». Теория и практика никогда не должны быть разделяемы, равно как и книга и жизнь. Если эта последняя действительно данной книгой выражается, книга не может не помочь творчеству жизни. Если же книга сама по себе, а жизнь сама по себе, то в почитывании даже и самых лучших книг решительно нет никакого смысла. Ведь и воры и разбойники плачут иной раз над страданиями Христа, почитывая или слушая Евангелие; а насильники, мироеды и грабители разных рангов умиляются, слушая или даже говоря проповеди и речи на «благообразные темы». Книга должна управлять нашими *мышцами,* да мышцами, не только мыслями, потому что в жизни деятельность не обходится без помощи мышц. Действуйте всем своим существом, до мышц включительно, — это и есть введение книги в жизнь. Необходимо найти такой прием самообразовательной работы, который упорядочил бы и эту сторону дела. Практика наводит нас в этом отношении на следующие приемы: *каждый* отдел самообразовательной программы, *каждый* шаг в самообразовательной работе должен быть обставлен *практическими занятиями.* С этой целью рядом с описаниями книг характера теоретического ниже мы даем небольшой список книг характера *практического,* прикладного — таких книг, которые указали бы не только то, что делать, но и то, как делать. Усвоение теории должно идти параллельно знакомству с практикой. Это одинаково приложимо к читателям как теоретического (созерцательного), так и практического (двигательного) типа. Правда, из читателя первого типа все-таки не выйдет в конце концов практического деятеля. Но и рисованию учат во всех школах, не надеясь сделать из всех учеников хороших художников, а знакомство с приемами практического применения данных знаний все же имеет громадный смысл. Каждый стремящийся к самообразованию должен узнать эти приемы на своем опыте.

Как же их узнать? Мы говорили об этом выше и в наших «Письмах к читателям» (глава X). В чем может выражаться *практическое* узнавание теории? Оно может выражаться разными способами, различными не только по форме, но и по существу, смотря по предмету.

Каждая отрасль знания предполагает практику двоякого рода; во-первых, научную, во-вторых, общественную. Обе эти стороны имеют между собой то сходство, что каждая из них представляет из себя *делание,* не созерцание и мышление только, а *делание,* в состав которого входит как необходимый элемент сознание и воля действующего лица, усиление воли. Воля — это уже напор, стремление, желание проявить свое «я» вовне. Воля — это *ощущение этого напора,* ощущение своей силушки, трепетания своих собственных кровеносных сосудов, не только сознание, но и ощущение, что «вот и я, каков там ни на есть, а все-таки и я могу сделать кое-что, *могу,* именно могу». И делание является уже результатом этого ощущения своей силы (которое, кстати сказать, неотделимо от *веры* в свою силу, и эта вера — вовсе не нечто прирожденное, а *наживное*). Но делание научное — не то, что делание общественное, хотя и у него есть общественная сторона. Научное делание заключается в деятельном отношении к добыванию точных и достоверных знаний, к их расширению; то, что называется «двигать науку», — это тоже научное делание. А чтобы двигать науку, нужно знать те способы, какими это делается и какими уже многое сделано, — иначе говоря, нужно знать *методы*, практикуемые наукой. Знать их надо и для того, чтобы самому судить о доброкачественности материала данной науки и о правильности ее выводов. Тот читатель, который, читая какую-либо книгу, думает, что ее содержание вроде как с неба свалилось, в готовом виде, не знает и не понимает самого главного. Наука — это не есть добытое раз и навсегда знание, наука есть *постоянное узнавание*, не только открытие, а открывание, вечное накопление все вновь и вновь констатируемых фактов, а также накопление идей и методов. Наука есть научное делание, совершаемое тем огромным целым, которое называется человечеством. Наука есть коллективное и общественное делание, и разбираться не только в его результатах, но и в его ходе приходится не только тем, кто пишет учебники да ученые книжки, а каждому из нас за свой страх и совесть. И не зная научных методов, сделать это невозможно.

Но и этого еще мало. Самые-то методы можно узнать лишь тогда, когда мы сами на практике испытаем их, *попробуем,* обнимем собственной волей и — двинем. Итак, надо *это* испытать, попробовать. Одного лишь теоретического знакомства с методами изучаемой науки для самообразования абсолютно недостаточно — никоим образом. Как же испытать и попробовать методы? Это всякому школьнику известно давным-давно. Такое пробование методов и называется *практическими занятиями.*

Мы уже упоминали выше, что нет такой отрасли знания, в которой не было бы соответственных ей практических занятий. Нельзя изучить арифметики, не решая задач; нельзя изучить гражданского и уголовного права, не занимаясь решением задач по этим наукам. Студенты, изучающие историю, возятся со старинными хартиями и рукописями, из которых наука истории черпает свои факты; участвуют в раскопках старинных могил; учатся рыться в сотнях книг, чтобы иной раз написать для своей диссертации какую-нибудь одну страничку, а то и строчку. О значении практических занятий для изучения естественных наук и говорить не приходится. Нельзя знать ботаники, не занимаясь определением родов и видов растений; нельзя изучить физики и химии, не делая опытов и наблюдений. Не пройдя школы практических занятий, никакой студент не сделается действительно знающим человеком и не сможет *двигать науку*. А о том, чтобы принять участие и в этой работе — это *должно стать идеалом* всякого стремящегося к самообразованию. Примеры, которые дает нам жизнь и непосредственные сношения с читателями, убеждают нас, что принять участие в ней *может всякий человек,* накопивший в себе хотя бы «самоуком» некоторый запас точных знаний и познакомившийся с научными методами. Так, напр., мы знаем сотни людей, занесенных злой судьбой в самые далекие и глухие уголки Сибири и тем не менее неустанно работающих над собиранием разного рода этнографических материалов, характеризующих быт, нравы, верования, поверья, язык и старину ныне вымирающих племен и народов; другие люди заняты изучением быта и нравов народа русского, который, к стыду русской науки, тоже далеко не изучен. Есть люди, тоже самоучки, которые собирают с удивительной любовью и знанием дела песни, загадки, пословицы, сказания древности, отсылая результаты своих трудов в Академию наук и в Спб., в местные или столичные музеи, в Имп. географическое общество и т. д. Есть люди, которые извлекают из старинных архивов давно забытые, крайне интересные и важные документы. Есть люди, странствующие по горам и пустыням, лесам и равнинам, собирая зоологические, ботанические и всякие иные коллекции, устраивая из них местные маленькие музеи (иной раз и школьные). Нам приходилось встречать на своем веку крестьян, любителей астрономии, работавших с телескопом и делавших астрономические наблюдения, и делившихся ими с местным астрономическим кружком. Не следует думать, что наука уже знает все и что для того чтобы ее двигать, непременно нужны кабинеты, лаборатории, дорогие приборы, огромные библиотеки и т. д. Эдисон смастерил свой первый фонограф без всякой лаборатории. Многие технические и механические изобретения сделаны нигде не учившимися фабрично-заводскими рабочими. Самая суть этих изобретений не в обстановке изобретателя, а в его уме и воле. По крайней мере, в настоящее

время, думается нам, изобретения и открытия, действительно важные и полезные, заглохнуть уже никак не могут. А изобретать, открывать, двигать науку — это уже значит творить жизнь посредством *научного* делания.

Но и им еще нельзя удовольствоваться. За всяким *накоплением* знаний естественно и логически следует их распространение. Каждое знание, каждая добытая истина, каждая идея, каждое настроение само стремится распространиться. Каждый, кто обладает ими, неизбежно и стихийно делается распространителем их. Неизбежно и стихийно, говорим мы, — хочет он или не хочет этого. Миллионы людей, накопивших в себе знания, понимание и настроение, уже по этому самому являются распространителями их. Распространение же это уже представляет из себя работу общественную, и, говоря о ней, мы из области делания *научного* вступаем в область делания *общественного*.

Распространение знаний стоит на границе обоих этих типов делания и, в свою очередь, в нем наблюдается несколько типов. Есть люди, которые являются распространителями всякого рода духовных богатств бессознательно, стихийно. Другие люди делают то же самое полусознательно, исходя из соображений, напр., профессионального характера, из принципа «надо жить, надо работать, чтобы что-нибудь есть» и т. д. Люди высшего типа делают то же дело вполне сознательно, определенно, планомерно, зная, чего они добиваются, чего хотят и куда идут. Мы лично глубоко убеждены, что каждый человек, занимающийся самообразованием, должен с первого же приступа к своей работе поставить себе за правило, что его самообразовательная работа не должна быть работой для себя только. Знания необходимо копить для того, чтобы распространять. Распространение же их должно идти параллельно с накоплением. Поэтому, занимаясь накоплением знаний и изучением научных методов, необходимо вместе с тем заранее готовить себя к роли распространителя знаний. *Каждый из нас наверное* будет таковым, если еще не стал им уже. Сама жизнь властно требует этого. Родители, заботящиеся об образовании своих детей, волей-неволей перекладывают в них свои знания. Сведущий человек, окруженный менее сведущими, волей-неволей становится источником знания для этих последних. Такой работы распространения знаний не может избегнуть никто из нас. Значит, нам только то и остается делать, что позаботиться заранее о возможном упорядочении и этой работы. Другими словами, мы все должны готовиться к делу распространения знаний — к этому крайне важному типу научного делания.

Но что же это значит — готовить себя к такой роли? Ответ на этот вопрос дан уже давным-давно и наукой, и практикой, и жизнью, и всей русской историей. Есть особая наука о распространении знаний. Кто не знает ее имени? Называется она педагогикой. Что она такое, каковы ее цели и задачи — об этом сказа-

но в другой нашей работе. Как наука педагогика опирается на изучение человеческой психики. Как искусство она вырабатывает и применяет наиболее целесообразные приемы распространения знаний. Особые отделы педагогики, называемые методикой и дидактикой, занимаются этим делом, и познакомиться с тем, что рекомендует в этом отношении новейшая научная педагогика, опираясь на экспериментальную психологию, очень небесполезно каждому из нас. Далее, вопрос о способах распространения знаний трактуется в целом ряде книг (в том числе в работах пишущего эти строки). Каждый стремящийся к самообразованию должен помнить, что и он может *научиться* распространять знания среди таких же нуждающихся в них, каким был и он сам. Знаниями нужно вооружаться, чтобы вооружать ими и других. Вооружаться умением распространять знания нужно с этой же целью. И такая работа тем важнее, чем более глухое то место, где человек живет.

Но область делания не ограничивается и этим. Одно дело — знание жизни, и другое дело — творческая работа в ней. Одним из видов этой творческой работы является создание всякого рода учреждений, ставящих своей целью распространение знаний в возможно широких кругах, и работа в этих учреждениях, направленная не только к их поддержанию и приспособлению к нуждам окружающей жизни, но и к развитию их деятельности, к придумыванию, *отыскиванию* новых путей и способов, ведущих к цели, к какой эти учреждения стремятся. В этом отношении деланию каждого из нас предоставляется выбор очень обширный. Библиотеки, читальни, школы, аудитории народных чтений, клубы, книжная торговля, начиная с особых самостоятельных магазинов и кончая, напр., организацией продажи книг при местных мелочных лавках, рассылки книг, газет, журналов людям нуждающимся, составление каталогов лучших книг (напр., по каталогам местных библиотек) и распространение таких списков, устройство совместных чтений, вырезки из газет и их распространение, и т. д., и т. д., — уже из одного этого перечисления видно, что творческая деятельность в области *просветительной* чрезвычайно велика и разнообразна, и всякий мало-мальски живой человек сам может и должен измысливать пути для нее. Есть ли такие люди на свете, которые *никакими* приемами такой деятельности не смогли бы воспользоваться при известной бодрости, натиске, умении, ловкости, практичности? Нужно вырабатывать в себе все это. Нужно копить не только теоретические, но и практические знания для этого. Нужно копить в себе силу, которая дала бы возможность и делать, и сделать. Нужно проявлять ее. Нужно чувствовать, что проявляешь ее, эту силушку, т. е. свое «я», нечто самое глубокое и светлое, что имеется в душе. А это проявление и есть одно из проявлений *расширения своей собственной жизни.* А чувствуя, что она действительно расширяется, углубляется, делается более полной,

глубокой, разносторонней, возвышенной, напряженной, красивой, вы сами, читатель, не можете не сказать, что *такое* расширение жизни от своего «я» к обществу и человечеству — это и есть самое светлое и дорогое в ней. Сама природа устроила нас такими, что мы радуемся, расширяя наше «я». А что слаще чувства радости? Она, как и любовь, — и есть то, «чем люди живы»...

Но просветительная деятельность есть лишь не что иное, как *один* из видов деятельности. Кроме нее, перед каждым из нас и множество других, которые в своей совокупности и составляют то, что носит обыкновенно название культурной работы. Эта работа охватывает все области жизни — науку, искусство, технику, промышленность, торговлю, всякого рода приложения труда. Все, что нуждается в улучшении, требует и культурных работников. Культурная работа должна или, говоря о России, скажем, *должна бы* кипеть и в недрах общественных организаций. Устройство всякого рода культурных учреждений, сельских, заводских (напр., разных кооперативов — потребительных, ссудо-сберегательных, мелкого кредита, разного рода артелей, товариществ), затем детских садов, мастерских, больниц и лечебниц, всякого рода юридической помощи населению, всякого рода участие в земской, городской и вообще социальной жизни, во всех ее сложных и многообразных проявлениях — все это требует и преданных делу, просвещенных работников и большого труда, внимания, ловкости, практичности и т. д., и все это помогает объединению общественных сил. И нужно ли доказывать, что работа в целях их объединения, быть может, самая важная из всех работ, а отыскивание способов и проложение путей для объединения — одна из настоятельнейших потребностей века? Творчество жизни непременно предполагает и единение сил. Давно сказано: «один в поле не воин», «в единении сила». Недаром и девизом пролетариата всех народов земного шара, без различия государств, племен и рас, уже давно стали слова Маркса и Энгельса — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но вряд ли нужно доказывать, что единение сил предполагает прежде всего единение интересов. Каждый из нас о них-то и должен подумать, кому, каким и чьим интересам он служит, делая то или иное дело, и каким должен служить. Этот вопрос — важнейший вопрос личной жизни каждого из нас, и все мы нравственно обязаны над ним задумываться почаще и поглубже, да и... почестнее решать его. От решения этого вопроса зависит и смысл, и цель нашей же жизни. А кто же из нас хочет, чтобы его жизнь была бессмысленной и бесцельной?

Но решать вышепоставленный вопрос можно лишь одним способом — подумать не только о том маленьком культурническом деле, которое добросовестно делаешь своими, иной раз маленькими силами, а и о том большом, путем служения которому это маленькое дело лишь и может быть осмыслено. Всякое

маленькое дело — это прежде всего то же, что кусок хлеба (говоря материально), или позиция (говоря идеально). Что же касается до дела большого, то его задача формулирована еще Христом и отцами церкви *. Христос ставил на первый план свое служение труждающимся и обремененным. Отцы церкви ставили и решали отрицательно вопрос: «справедливо ли человеку господствовать над человеком» (An justum sit homini hominem dominari?). Лучшие люди всех времен не только мечтали, но и добивались прежде всего, чтобы человек не угнетал человека, человек не грабил и не обманывал человека, ни явным, ни тайным способом, ни с ружьем, ни с дубьем в руках, ни с рабочим договором, арендным контрактом, векселем или рублем как орудиями насилия, ни при помощи несправедливого распределения духовных, юридических, как и материальных благ. Как сделать так, чтобы этих насилий, обманов и грабежей не было на земле? За маленьким культурным делом во все времена стояло и ныне стоит дело большое — создание нового уклада жизни на иных началах, более справедливых и светлых. И именно в сторону его создания или, по крайней мере, его создавания и должна быть направлена наша творческая работа и все силы каждого из нас. Как это сделать и делать? Разные люди разных общественных классов, разные партии отвечают на этот вопрос по-разному. Нам с вами, читатель, остается поискать *своего собственного* ответа и способов, беря вместе с тем их и на свой страх и совесть. Как известно, о практических способах служения большому делу существует также большая литература. Поэтому рекомендуем читателю познакомиться с вопросом о приемах и способах, какими человечество, государство, правительство, разные общественные группы (сословия, классы и т. д.) делали и делают свое большое и основное дело. Об этом трактуют, напр., книги по истории общественных движений (политических, экономических, социальных, религиозных, литературных и т. д.). История и в этом отношении очень поучительна и представляет из себя науку не только отвлеченно-теоретическую, но даже очень практическую. Из всего вышесказанного следует, что литература о делании представляет из себя нечто хотя и очень пестрое, но вместе с тем и очень связное, и в ней естественно намечается целый ряд категорий, а все ее категории представляют из себя как бы ряд ступеней, выводящих человека из узкого круга его личной жизни и ее интересов на арену жизни общественной, все более и более широкой и мировой. Видите ли вы эти все ступени, читатель, и понимаете ли, что и вы — вы, такой какой вы есть, можете идти по ним, и неизбежно вперед и вверх? Дорога открыта. Чтобы идти по ней, вовсе не нужно быть героем. Правда, дорога, быть может, не лишена и неприятностей и толчков. Но их не бойтесь. Они каждого из нас койчему учат. И к тому же очень важному. За «маленьким делом» создавания паллиативов они, эти толчки, раскрывают свои

скрытые, основные причины — объясняют нам дело большое, коренное, растолковывают, кто враг и кто друг. Они, эти толчки, только расширяют кругозор и, как знать?... создают героев. И никто из нас не знает, в сущности, не будет ли самым ходом русской жизни превращен в героя и он, когда обстоятельства этого потребуют. Совестливое и честное отношение к раз понятой истине и справедливости — тоже сила. А практика честной мысли неизбежно ведет и приводит к ее накоплению путем делания. И тоже по ступеням. Разумеется, выбор делания того или иного типа сводится, в конечном счете, опять-таки к вопросу об индивидуальности и о личных особенностях работника. Творчество жизни многообразно. Задача, стоящая перед каждым из нас, — сделать удачный выбор, т. е. выбор, наиболее удовлетворяющий силам и способностям данной личности.

Но, не зная самого делания, обстоятельств, приемов, процессов, наконец, обстановки его, делать такой выбор очень трудно. Чтобы облегчить его, ниже мы даем список книг по разным вопросам делания, как научного, так и общественного. В этот список входят: а) книги о методах различных наук, б) книги о практических занятиях по разным наукам, в) книги о распространении знаний (по методике и дидактике разных наук), г) книги, трактующие о разных видах деятельности в области личной, семейной, общественной, исторической и космической.

Этим мы и закончим наш обзор главнейших шести приемов самообразовательных работ, приемов, ведущих человека от накопления знаний к творчеству жизни, приемов, которые, разумеется, отнюдь не исключают, а, напротив, даже предполагают и другие, направленные к той же основной цели. Об этих последних мы не считаем необходимым здесь распространяться и отчасти говорили уже попутно о них на предыдущих страницах и в «Письмах к читателям». Думается нам, что, усвоив эти шесть приемов возможно конкретнее и пользуясь нашими указаниями подходящих для него книг, описанных в этом нашем труде, читатель и сам справится с большинством трудностей, какие встречаются в самообразовательной работе. Еще и еще раз повторяем: не так она страшна, как кажется многим. Нечего бояться ни ее, ни ее обширности. Ведь и путем самообразования можно проходить курсы и низшей, и средней, и высшей школы. А кто какой пройдет — это смотря по способностям и обстоятельствам. Что касается способностей, то никогда не надо забывать золотого правила: не в том суть дела, чтобы *иметь* богатейшие способности. Какие они у меня — в этом ответственна *природа,* меня создавшая таким, а не иным. Суть дела в том, чтобы *использовать имеющиеся способности возможно производительнее* и сделать в возможно короткое время возможно больше в целях расширения, углубления, возвышения, напряженности и красоты своей и общественной жизни. А как именно я *наличные* мои способности и силы использую — вот это дейст-

вительно вопросы *моей* совести, и за это не кто иной, как я, нравственно ответственен. Опираясь на наши сношения с читателями, мы определенно можем сказать, что *всякий может сделать неизмеримо больше, чем ему самому кажется.* Надо лишь не покладать рук и — дерзать.

Побольше знания *фактов,* самого реального, образного, житейского знания; побольше творчества, поближе к жизни, поменьше опускания рук, побольше веры в себя, в справедливость и истину — остальное «все образуется».

Эту нашу работу мы не можем не закончить стихами нашего старинного друга и товарища И. И. Горбунова-Посадова:

Друзья добра! Не опускайте взор
Перед людьми вражды и святотатства.
Пусть каждый злобы крик найдет у вас отпор
В широкой проповеди братства!

Последовательно наметив общий план и ступени самообразовательной работы, переходим теперь к более детальному обзору их, начиная с области самых интимных переживаний.

ГЛАВА VIII
В ОБЛАСТИ ИНТИМНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ. ЧТО И КАК ЧИТАТЬ ПО БЕЛЛЕТРИСТИКЕ?

I.
ЧТО ЧИТАТЬ?

В предыдущих главах мы говорили об общих принципах самообразовательной практики. Теперь мы будем говорить о деталях ее, и от вопроса об использовании в целях самообразования *чтения вообще* переходим к вопросу об использовании беллетристического и научного чтения: прежде всего *беллетристического,* потому что оно, изображая человека и его жизнь целостно (интегрально), рисуя его и с внешней, и с внутренней стороны, более доступно широким кругам читателей, затем — *научного.* Мы рассмотрим беллетристическое чтение как могущественное орудие для воспитания высших человеческих чувств, настроений и стремлений, чуткости и отзывчивости в области и личных и общественных отношений. Далее мы будем говорить о чтении научном, дающем знания и понимание, которые являются могущественными орудиями для осуществления человеческих стремлений в жизни. В области чувств, настроений и стремлений скрываются, как известно, ответы на мучительнейшие вопросы: «добиваться *чего*? идти *куда*? стремиться к *чему*?» В области знания и понимания скрываются ответы на вопросы, дающие фактическую силу первым: добиваться *как*? идти *как*? Осуществлять свои стремления *как*? Чтение беллетристическое и научное *взаимно* дополняют друг друга. Одно дает силу другому.

Одно предполагает другое. Значит, одно неотделимо от другого, и потому оба должны идти параллельно, отнюдь не в ущерб друг другу.

Итак, будем прежде всего говорить о беллетристическом чтении, сначала о том, *что* читать, затем — как читать, сначала о выборе книг, затем об их использовании в целях выработки в себе чувства красоты (эстетического), душевной (психической) чуткости и, наконец, нравственной и общественной отзывчивости.

Чтение романов, повестей, драматических произведений, стихотворений и т. д. должно входить в программу самообразовательной работы не только как ее необходимая, составная часть, но и как одна из самых существенных частей ее. Беллетристика (предполагаем, разумеется, хорошую беллетристику) рисует перед читателем *живых людей*, личность человеческую, мыслящую, чувствующую, страдающую, стремящуюся, борющуюся с окружающими условиями — политическими, социальными, духовными, в семейной, общественной, мировой жизни. Беллетристика рисует нам личность с ее переживаниями, ее борьбой и страданиями. Никакая другая отрасль литературы не в силах раскрыть перед читателем столь же ярко и образно этого реального, живого человека со всеми его переживаниями, как это делает именно беллетристика. Но ведь чтобы человек лучше всего понимал и уважал человека и стремился к единению с людьми, необходимо, чтобы и в нем были именно эти переживания — переживания и чужого горя, и чужих радостей, и уменье ценить их самих по себе, а значит — ценить и людей, их носителей.

Но беллетристика дает читателю еще нечто не менее ценное: она, так сказать, сводит с отвлеченной высоты вниз к земле и знания, и философию, и вообще отвлеченную мысль. Научные книги полны отвлеченных теорий и идей. Но ведь эти идеи и теории лишь тогда приобретают ценность, когда они спускаются с неба на землю, входят в душу человеческую, завоевывают человека, производят в нем и с ним перемены, видоизменяют его поведение, его отношения к другим людям и к строю всей жизни. Идея или теория не есть только формула — это ошибка, если мы станем понимать их как нечто очень краткое и простое. Всякая теория очень сложна, и это сразу же видно, если только мы попробуем понять и представить ее жизненно-реально. Настоящая, действительно понятая идея не приклеивается, а, так сказать, присасывается к душе, сливается с нею, входит во *всего* человека, делается действительно его плотью и кровью, его составной частью, вплоть до самых интимных уголков. Только вникая в чужую и свою душу, только вдумываясь в личность человеческую, мы можем не только понять, но и — что главное — оценить жизненность идеи или теории. Именно это и помогает делать беллетристика. Рисуя интимного человека, она рисует и воплощения идей и теорий в жизни. И нет иного, лучшего способа оценить и понять их. Прочтите, напр., роман «Братья Карамазовы»

Достоевского. Это произведение столь же беллетристическое, сколько и философское. Прочтите еще роман «Один в поле не воин» Шпильгагена. <...>. Это произведение столько же художественное, сколько и политическое. «Жерминаль» («Углекопы») Золя — роман не только художественный, но и социальный и т. д. Исторические романы «Война и мир» Л. Толстого... «Дочь египетского царя» Эберса представляют из себя не только ценные художественные произведения, воспроизводящие былые времена, но и научные труды — результаты серьезных научных изысканий. Словом сказать, беллетристика может дать и дает читателю как научные знания, так и философские и социальные идеи, не переставая вместе с тем быть беллетристикой и не теряя своей художественности (только мелкие таланты утрачивают эту последнюю, гонясь за воплощением теорий). Из предыдущего следует, что читатель, стремящийся к самообразованию, должен использовать и беллетристику во *всех смыслах* и читать ее так, чтобы почерпать из нее не только то, что обыкновенно из нее черпается («приятное чтение, не оскорбляющее вкуса»), а возможно больше. Самая яркость художественной формы позволяет ждать от беллетристического чтения кой-чего такого, чего многие читатели не могут ждать от чтения научного. Не мешает здесь сказать несколько слов, как это нужно делать.

Огромное большинство читателей, почитывающих беллетристику (и даже *только* беллетристику), обращают свое внимание почти исключительно на сюжеты, фабулы, на общее развертывание романических событий. Другие читатели главным образом восхищаются красотою *формы*, образностью, художественностью изложения, которая в беллетристике играет, разумеется, очень важную роль. Правда, и сюжет, и форма изложения — дело очень важное в этой области литературы. Но все же в деле самообразовательного чтения обращать внимание только на это еще мало. Читая о событиях, описываемых, напр., в романе или поэме, нельзя не поставить и такого вопроса и нельзя не поискать *своего* ответа на него: почему же именно *такие-то* (описываемые здесь) люди при *таких-то* обстоятельствах именно действуют *так*, а не *иначе*, и почему они чувствуют, переживают именно это, а не иное что? Ответы на эти вопросы можно дать, лишь вникнув в души описываемых людей, разобравшись в их душевных и иных качествах, свойствах, в чертах их характера, темперамента, воспитания и т. д., словом, подумав и подумав над всеми описанными людьми.

Но и этого еще мало. Ведь люди-то, когда родятся на свет, сразу попадают в такую или иную обстановку — иной прямо на землю или в грязное тряпье, а иной сразу на шелковую и бархатную подушку; иной в курную избу, а иной — прямо во дворец. Далее, иные родились в такой, а иные в другой век, и в разных странах, в среде разных народов, и, смотря по той обстановке, в какую они попадают, они впитывают и разные привычки и

нравы, получают разное воспитание, усваивают разные верования, понятия и т. д. Значит, чтобы понять *человека* (напр., описываемого в романе), нельзя не принимать в расчет и той обстановки, в которой он живет. Та же беллетристика во многих произведениях великолепно вскрывает все значение обстановки в выработке человеческой личности. Поэтому читатель должен, читая художественное произведение, задуматься и над этим, оценивая не только выводимых людей, героев и героинь, но и *среду*, изображенную в этих произведениях, — будь это среда классовая или сословная (напр., рабочая, крестьянская, купеческая), национальная (русская, немецкая и т. д.), историческая (наши времена, былые времена).

Но и это еще не все. Думая о той или иной общественной среде, нельзя не задуматься и о строе общественной жизни, обо всех условиях и обстоятельствах ее, благодаря которым ведется издавна так, что одни люди при этом страдают, другие же благоденствуют. Нельзя не задуматься о справедливости или несправедливости данного строя, подобно тому, как это сделал Л. Толстой в одном из своих замечательнейших произведений («Неужели так надо?»), познакомиться с которым должен каждый мало-мальски образованный человек. Нужно подумать и о самой сущности современного строя и оценить его, по меньшей мере, с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения отношения человека к человеку — *справедливости* и *несправедливости* этих отношений, во-вторых, с точки зрения *доброжелательности* и *любви*, т. е. самых основ человечности. Высокое художественное произведение *заставляет* читателя волей-неволей думать над жизнью, оценивая не только людей, но и самые способы оценки, размышляя об основных вопросах жизни, о ее цели, смысле, ее правде и неправде и т. д.

Но и это еще не все. Ведь за тем, *что* изображено, стоит тот, *кто* изображал, — за произведением стоит его автор, его творец. Правда, оценивать произведение можно и как таковое, не входя в личную жизнь автора. Но еще глубже можно понять и оценить произведение, если вникнуть в самую работу творчества, а это возможно сделать, лишь вникая в личность творца и круг идей его и в то, что их создало. Кто же автор и что он? Произведение — частичка его души, ее создание. А что есть в этой самой душе? Великая ли она или мелкая? И насколько великая и насколько мелкая? И какому богу или богам она служит? В каком направлении действует? В чью пользу данный автор пишет? Обольщаться нечего — есть произведения, даже выдающиеся, служащие тем не менее богу тьмы, лжи и насилия — узким интересам извращенной или корыстной личности, класса, сословия и т. д. Читатель не должен поэтому останавливать свою мысль на изучении и на оценке только самого *произведения* — он должен перейти от него к изучению и оценке *автора*, иначе говоря, —

познакомиться с его биографией, с его жизнью, с условиями этой жизни.

Но и это еще не все. Надо узнать и оценить и то *направление,* в котором действует или пишет автор. История литературы и истории показывают, что на свете существовало и существует великое множество разных направлений, но главные в их числе были и, надо полагать, еще долго будут только два: одно из них имеет в виду труждающихся и обремененных, иначе говоря, трудящийся народ, трудящиеся классы, их интересы, их вечно тяжелую, беспросветную жизнь, их страдания, на которых главным образом и держится благополучие тех, кто не работает или почти не работает, строя свою жизнь на доходе от чужого неоплаченного труда. Другое направление прямо противоположно этому. Оно защищает право сильного — сильного то физически, то политически, то экономически — право одних людей, меньшинства, на эксплуатацию других — большинства, право подавлять это последнее, «обуздывать» то кулаком, то дубьем, то рублем. Иной раз не так-то легко узнать направление данного автора. Много есть авторов, симпатии и антипатии которых не ясны, а иной раз и безразличны. Но немало и вовсе не безразличных. Читатель должен выработать в себе уменье и чуткость различать, улавливать направление автора, узнавать его настоящее лицо. История литературы дает множество примеров тому, что писатели выступали выразителями разных общественных течений и направлений. Так, напр., Н. А. Некрасов, Гл. Успенский являлись печальниками горя народного, и прежде всего крестьянского, Болеслав Маркевич защищал интересы дворянства и доказывал, что освобождение крестьян — величайшая «бездна» зла и т. д. Были и есть свои защитники и выразители и у духовенства, и у купечества, и финансистов и т. д., и все их интересы и симпатии, сознательно или бессознательно, отразились и на их произведениях. Иногда бывает так, что писатель, описывая, напр., быт крестьян, делает это в интересах дворян-помещиков. Так, напр., целый ряд авторов екатерининской эпохи и в стихах и в прозе рисовал яркими штрихами благоденствие крепостных под властью помещиков, создавая иллюзии благосостояния и благоденствия «мирных поселян» под опекой «барина-отца». <...> Для понимания художественного произведения необходимо вдуматься не только в личность автора, но и в самую суть того направления, тех интересов, классовых, сословных и т. д., которым он в свое время служил. Необходимо частные интересы оценить с точки зрения интересов *всего* общества, *всего* народа — что они ему дали, что от него взяли? Нетрудно понять, что ответы на такие вопросы может дать читателю уже не биография автора и не история литературы, а история вообще, которая в своих течениях порождает и авторов, и интересы, ими выражаемые.

Но данный автор, что бы он ни написал, никогда не стоит особняком. Он один из многих, принадлежащих тому же направле-

нию, тому же веку, тому же народу. И форма, им усвоенная для его произведений, и сюжеты, им выбираемые, и способы, манеры трактовать их — все это тоже обыкновенно не стоит особняком, а является одним из фактов в ряду других литературных и общественных фактов. Чтобы оценить писателя и его произведение, необходимо взглянуть на него и с этой стороны, т. е. со стороны истории литературы и истории литературных сюжетов, идеи, формы. Все они преемственны, все показывают определенный ход развития. Автор от автора, век от века, народ от народа заимствует их, дополняет, развивает, вводит их в жизнь. Каждый автор, каждое произведение есть лишь звено, одно из звеньев длинной цепи литературного развития, которое и изучается *историей литературы*. Правильное, окончательное понимание и оценка литературного произведения со стороны как содержания, так и формы только и возможны исторически. Таким образом, к оценке автора и его направления в смысле содержания еще присоединяется его *литературно-историческая* оценка. Так беллетристика, история литературы и история как бы сливаются, взаимно дополняя и углубляя друг друга.

Из предыдущего в достаточной степени видно, что значит с толком читать беллетристику. Такое чтение открывает действительно большой простор мысли и ведет к пониманию жизни разными путями: во-первых, посредством изучения и обсуждения самых *произведений*, во-вторых, изучения *людей*, переживаний типов, в них изображенных, в-третьих, *авторов* их, в-четвертых, изучения тех *направлений*, как литературных, так и общественных, выразителями которых те явились, наконец, в-пятых, изучением того *века*, той исторической *среды*, которыми были созданы и автор и его произведения. Только познакомившись со всем этим, читатель действительно получит возможность составить свое мнение о данном произведении, о данном авторе.

Но и это еще не все. Что значит *мое* мнение о данных произведениях или авторе? Это значит мнение *субъективное*, мнение *одного* лица, т. е. человека с *таким-то* складом ума, с такими-то особенностями души, характером, темпераментом и т. д. Другие читатели, с другими особенностями, как известно, имеют другое мнение о том же самом произведении. Для оценки всех этих мнений интересно и важно их сравнивать и сопоставлять между собой, а с этой целью знакомиться с *критическими статьями*, написанными разными критиками и историками литературы об определенном произведении. Знакомство с ними, несомненно, помогает читателю вдумываться еще глубже. Разумеется, и к самим критикам и вообще к высказываемым мнениям нельзя не приложить той же мерки, какая, как мы видели, должна быть прилагаема и к авторам. Критики разных литературных и общественных направлений оценивают одно и то же произведение поразному. Интересно сопоставлять и сравнивать их взгляды между собой, разбираясь во всех «за» и «против», ими высказы-

ваемых, и понимая относительность и условность их всех; ведь мнение каждого рецензента и критика все-таки, в конечном итоге, не более как мнение, одно из мнений, им же несть числа, — правда, мнение более или менее сведущего и мыслящего человека, но, во всяком случае, тоже подлежащее критике и проверке. Таким образом, понимание беллетристических произведений еще более углубляется, и читатель, практикующийся в таком углубленном их чтении, действительно делает для себя большое дело, не только расширяя свой кругозор и учась относиться вдумчиво к явлениям жизни и составлять обо всем собственное мнение, но и испытывает при этом такое наслаждение собственным мышлением, какого не знает и не ведает шаблонный читатель шаблонной беллетристической дребедени.

Из всего предыдущего естественно вытекает такой план чтения книг по беллетристике.

1. Читать беллетристические произведения в связи с биографиями их авторов, критикой, историей литературы, историей общественного строя и научно-философской и литературно-общественной мысли.

2. Положить в основу выбора беллетристических произведений не только их непосредственно жизненное, но и историческое значение.

3. С этой целью прежде всего наметить себе наиболее выдающихся авторов как родной литературы, так и иностранной.

4. Далее, из числа произведений каждого такого автора наметить наиболее выдающиеся и характерные — и их-то и читать.

5. Чтение вести от авторов наиболее близких к далеким, т. е. от русских к переводным, от новейших к старинным.

6. После этого читать биографию автора.

7. После прочтения всех намеченных произведений данного автора и его биографии читать по *нескольку* критических статей о них.

8. Познакомившись с целым рядом выдающихся авторов, с их произведениями и биографиями, читать историю литературы того времени, представителями которого эти авторы являлись.

9. Для дальнейшей оценки самой истории литературы данного периода читать книги по истории общественной жизни этого периода и ее строя.

Таким образом, углубляя и углубляя свое чтение, читатель более или менее незаметно переходит от чтения беллетристических книг к чтению научных книг.

II.

КАК ЧИТАТЬ КНИГИ ПО БЕЛЛЕТРИСТИКЕ?

В предыдущей главе мы говорили о том, как *выбирать* книги по беллетристике. Теперь мы будем говорить о том, как *вникать* в литературно-художественные произведения, выбранные для чтения вышеуказанным способом, для того чтобы и из беллетри-

стического чтения сделать для себя могущественное орудие самообразования. Вопрос, который мы теперь ставим и практическому разрешению которого сейчас постараемся помочь в общих и основных чертах, — вопрос крайне важный и обширный, и для лучшего выяснения необходимо несколько расчленить его и наметить в нем главнейшие, наиболее существенные стороны.

Прежде всего, что значит «вникать в литературное, художественное произведение?» Это значит — стремиться понять и оценить его с разных точек зрения, во-первых, со стороны его *формы*, т. е. построения, плана, слога, языка и т. п., во-вторых, со стороны *содержания*, т. е. сюжета, идеи, тех образов, характеров, типов, настроений, которые автор облекает в определенную форму. На читателя, переживающего художественное произведение, действует и форма, и содержание его — то и другое вместе и соединенное теснейшим и неразрывнейшим образом. Существует мнение, что особенностью художественного произведения, отличающей его от произведений прозаических, является его форма. Признавая за этим мнением некоторые основания, все же нельзя не сказать, что *одна* форма, независимо от содержания, во-первых, немыслима, во-вторых, действие ее на читателя не может быть отделено от действия содержания, и во всяком случае эффект, результат чтения, оказывается наиболее мощным и продуктивным лишь при условии наиболее полного соответствия формы и содержания. Говоря о самообразовательном чтении беллетристики, оставим в стороне, по крайней мере для начала, те теории, которые, гонясь за формой, пренебрегают содержанием, сводят поэзию к красивым звукам и т. п. Будем говорить и о форме, и о содержании, как о двух сторонах, органически связанных.

Но и эти обе стороны, каждая в отдельности, возбуждают целый ряд вопросов, очень интересных и важных с точки зрения самообразования. Существует особая отрасль знания, ставящая главной своей задачей изучение *формы* художественных произведений, их происхождение из глубины писательской души и из окружающей обстановки, эволюцию и смену литературных форм в соответствии с ходом общественного развития в течение столетий и тысячелетий. Для того чтобы познакомиться с этой стороной вопроса, необходимо обратиться к книгам, во-первых, по теории словесности, <...> затем к книгам по теории литературы, еще более углубляющим вопрос <...>, в-третьих, к книгам по вопросам художественного творчества (см. III ч. этой книги, главу о добывании знаний) и читательства. В последнем отношении представляет большой интерес, впрочем, отвлеченно и не популярно написанная небольшая книжка Геннекена «Основы научной критики». Подробный обзор литературы по всем этим вопросам дан нами в I и III т. «Среди книг».

В этой главе мы останавливаем наше внимание главным образом на практике беллетристического чтения и поставим на

первый план изучения *форм* художественных произведений в связи с их содержанием. Понимать художественность формы и развивать в себе художественное чутье, эстетическое чувство — такова одна из задач беллетристического самообразовательного чтения, о которой мы прежде всего будем говорить.

Далее мы будем говорить о вникании в *содержание* художественных произведений. Вряд ли нужно доказывать, что вникание именно в художественное произведение, по существу, то же самое, что вникание вообще в ту жизнь, которая в них изображена, разумеется, при том условии, если это произведение действительно художественное. Чем образованнее, разностороннее и вдумчивее читатель, тем глубже он вникает в содержание книги и жизни и тем лучше оценивает и понимает их. Другими словами, в этом отношении приходится сказать читателям: сделайтесь образованнее, развитее, вдумчивее — тогда вы будете читать и беллетристические книги производительнее, чем теперь. Таким образом, вопрос о плодотворности чтения — это вообще вопрос образования, вопрос развития умственного, нравственного, общественного. В этом отношении беллетристическое чтение идет дружным шагом с чтением научным, общеобразовательным. Как мы уже имели случай подчеркнуть, одно помогает другому; мы говорили также, что вникание в содержание художественных произведений имеет особенно важное значение в деле самообразования еще вот с какой стороны: оно помогает пониманию *человека*, человеческой души, ее переживаний, настроений, стремлений, идеалов и т. д. Но ведь понять *человека*, человеческую личность и в себе и в других — это и есть самое важное и первое дело в области самообразования. Поэтому, думается нам, изучение человеческой души и ее переживаний и должно быть сделано главным, центральным пунктом в деле изучения *содержания* литературно-художественных произведений, и первый запрос, который нельзя не предъявить к такому произведению, заключается в следующем: что даешь ты для понимания человека, человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой, и в ее отношениях к психике других людей, с какими ей приходится в данной обстановке и при данных условиях соприкасаться? Таким образом, с вышеизложенной точки зрения, вникание в содержание литературно-художественного произведения сводится *к изучению человеческой души* и, идя еще глубже, к психологии *личности*, данной личности, с которой приходится сталкиваться в жизни, — иными словами, не к психологии общей, а к психологии *индивидуальной*. Таким образом, *индивидуальная психология является основным пунктом вникания в содержание беллетристического действительно художественного произведения.*

Но пойдем еще дальше и глубже и поставим вопрос, какие же именно движения индивидуальной человеческой души заслуживают особенного внимания читателя, стремящегося к самообразованию? Как известно, эти движения бывают крайне разнооб-

разные и тонкие, и области их проявления далеко не одинаковы. Издавна существует обычай различать, говоря о проявлениях человеческой души, две главнейших области или категории этих проявлений: во-первых, область так называемой *личной* жизни, во-вторых, область жизни *общественной*. Такое разделение далеко не из удачных, так как человек представляет из себя целый вихрь *личных* переживаний и в области *общественной* жизни, а общественный элемент не может не входить и в самые личные, интимные уголки души, даже в такие, как, напр., любовь. Поэтому противопоставлять личную и общественную жизнь по существу не приходится. Тем не менее, говоря о самообразовательном беллетристическом чтении и о системе его, полезно сохранить это различие, придав словам «личная» и «общественная жизнь» определенное, возможно строго формулированное значение. Личными переживаниями можно назвать такие, которые не касаются других людей *непосредственно*, общественными же те, которые касаются других людей непосредственно, выражаясь в определенных внешних отношениях данного человека к другому человеку (напр., любовь к людям, к семье, к кружку друзей, к своей общественной группе, классу, национальности, обществу, области, государству, к которому принадлежишь, наконец, к человечеству). Литературно-художественные произведения дают богатейший материал для анализа всех этих переживаний — и личных, и общественных. Одно дело — та внутренняя работа души, от всех, кроме самого меня (да и то не всегда), скрытая, еще не вынесенная мною наружу, — подготовительная работа для моих внешних поступков, отношений — и совсем другое дело — моя душа, уже выразившаяся внешним образом, вступившая в те или иные отношения, которые, в свою очередь, ведут к новым переживаниям и в момент столкновения с внешним миром и в моменты, последующие затем. Беллетристика выражает, может выражать переживания человеческой души, и не выразившиеся еще вовне, самые интимные, и выразившиеся, внешние проявления их при всех таких столкновениях; другими словами, беллетристика помогает понимать, освещая с внутренней, интимной стороны все эти сферы или круги общественной жизни и общественных отношений, начиная с семейных и развертывая их все шире и шире, до всего человечества. В этом освещении общественных отношений с внутренней, интимной, психической стороны беллетристика не имеет для себя равных соперников, и, говоря о самообразовательном чтении, нельзя не ставить задачей использовать все эти *ступени* вникания, во-первых, в смысле переживания и понимания художественной *формы*, во-вторых, в смысле переживания и понимания психологического *содержания*, а в этом последнем отношении: а) в смысле уяснения *личных* переживаний и б) в смысле уяснения *общественных* проявлений этих переживаний.

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА К ЧИТАТЕЛЯМ О САМООБРАЗОВАНИИ

«Письма к читателям о самообразовании» печатались отдельными статьями в дореволюционных журналах. Они были написаны до Октябрьской революции, это объясняет «эзопов» язык, к которому постоянно прибегает автор, чтобы скрыть революционное значение рассматриваемых им фактов и свои оценки тех или иных явлений.

Первым начал публиковать «Письма» в 1911 г. «Новый журнал для всех». В том же 1911 г. некоторые главы «Писем» были напечатаны в журналах «Новая жизнь» и «Школа и жизнь» (№ 17 и 23 на 1911 г.). Ряд глав был несколько позже помещен в прогрессивном журнале «Вестник знания», издававшемся известным популяризатором научных знаний Битнером.

В 1912 г. Н. А. Рубакин стал заведовать отделом самообразования, созданным по его предложению в распространенной русской газете того времени — «Русское слово». В первой половине 1912 г. Рубакин напечатал в ней несколько статей, которые впоследствии вошли в отдельное издание «Писем».

Часть глав из «Писем» была напечатана в Нью-Йорке в газете, выходившей на русском языке, — «Американские новости». В США было опубликовано немало новых и перепечатано старых статей Н. А. Рубакина о самообразовании, а также переизданы и некоторые его книги. По поводу этих «Писем» Рубакин получил огромное число писем, запросов, просьб от русских читателей в Америке.

Отдельным изданием «Письма» вышли в первый раз в Петербурге в 1913 г. в издательстве Н. Н. Карбасникова. Для этого издания они были пересмотрены автором, многое в них было переделано, изменено, дополнено. Были добавлены главы — «Психология самообразования» и «Что такое хорошая книга».

В 1919 г. в том же издательстве Н. Н. Карбасникова вышло второе издание «Писем». Оно сохранило все особенности дореволюционных изданий. Даже напечатано оно было по старой орфографии. Между тем оно появилось тогда, когда читатель старого типа, уже стал исчезать. Поэтому и обращение автора к читателю кажется порой устаревшим, не современным.

Революционная буря, разразившаяся над Россией, затронула в ней все и всех. Исчезли те «медвежьи углы», о которых пишет Н. А. Рубакин, беспросветное существование в отдаленных провинциях. Наступила новая эра в книжном деле, и Россия из страны, бедной книгами, быстро превращалась в страну, где больше всего издают книг и больше всего читают. Жажда знаний, жажда чтения настолько охватила все слои населения, что даже кажущиеся громадными тиражи современных книг исчезают бесследно в самое короткое время. Теперь уже нет отраслей знания, по которым нельзя было бы найти литературы. А ведь Рубакин постоянно указывал на то, что русская литература бедна книгами, по многим вопросам науки вообще нет никакой литературы на русском языке. И «Этюды о русской читающей публике», и «Письма о самообразовании» показывают нынешнему советскому читателю,

какой огромный путь проделала Россия со времен революции. Советские люди могут ясно представить себе, какую огромную роль сыграла самоотверженная работа Рубакина — русского просветителя.

Вместе с тем колоссально выросла и жажда и необходимость самообразования. Рубакин, живя за границей и ведя огромную переписку с читателями о самообразовании, еще не мог в 1919 г. увидеть и понять изменения в психологии читателей и перемены в его восприятии книги. В «Письмах» Рубакин еще пишет языком 90-х годов XIX века и начала 900-х годов XX века.

Хотя после революции 1905 г. в печати можно уже было говорить о многом из того, о чем раньше писать запрещалось, все-таки приходилось высказываться осторожно. Это и объясняет, почему Рубакин говорит в какой-то неясной, не совсем понятной форме о «борьбе за истину и справедливость», о том, как готовиться к этой борьбе, как отстаивать свои убеждения, как не верить официальному мнению.

«Письма о самообразовании» тесно связаны с самым крупным трудом Н. А. Рубакина — «Среди книг», на который он неоднократно ссылается. И в той и в другой работе Рубакин развивает идею о необходимости для каждого образованного человека иметь энциклопедическое образование, которое можно получить только путем самообразования. Им высказана чрезвычайно глубокая мысль о том, что «стремление проникнуть в глубину своей специальности выводит человека за пределы ее». В 1966 г. газета «Комсомольская правда» провела среди своих читателей анкету на эту тему, и все читатели полностью согласились с мыслью Рубакина. Это показывает, что его идеи нисколько не утратили своей актуальности. Содержание «Писем» по-прежнему представляет огромный интерес, мысли, высказываемые автором, сохранили свою ценность и в наше время.

«Письма» ставят проблему не только изучения читателя со стороны, но и изучения его им самим. Они дают схемы для читателя, как определить и выявить свои собственные качества и способности, свои интересы, свои возможности, свой психический тип и как, основываясь на них, выбирать книги для чтения.

Главное, как правильно полагает Рубакин, чтобы читатель верил в себя, в свои силы и возможности, чтобы он сам нашел то, что возбуждает его интерес. И Рубакин показывает, как можно найти этот интерес.

Целью самообразования, по Рубакину, было помочь читателю выйти из той трясины, того болота, в которое его погружала русская действительность до революции. Советскому читателю зачастую трудно представить себе, какой была жизнь трудящихся масс в дореволюционную эпоху.

Рубакин в «Письмах» показывает, что приобретение знаний и правильного понимания действительности нужно всему русскому обществу для борьбы. Рубакин не говорит: для революции, этого бы цензура не пропустила, — оно нужно для пропаганды идей, отвечающих исканию и осуществлению истины и справедливости. Здесь Рубакин строит свою теорию пропаганды и агитации. В наше время инициаторы новой науки — психолингвистики, которая изучает методы словесного воздействия на людей, высоко ценят идеи Рубакина о значении и влиянии слова. В «Письмах» эта теория уже была отчетливо намечена.

В «Письмах» Рубакиным высказана и постоянно повторяется мысль о том, что жизнь надо изучать не по отдельным наукам, а по проблемам, а каждую проблему — в комплексе посредством ряда наук. Целью самообразования, — пишет Рубакин, — является синтез знаний на основании синтеза наук. О математике он пишет в «Письмах»: «математика — идеал научной точности, и... всякое явление природы только тогда может считаться познанным, когда исследовано математически точно и выражено в виде математической формулы» (с. 39). Эта мысль перекликается с известным высказыванием Маркса, с которым Рубакин, несомненно, имел возможность познакомиться (под его редакцией, когда он заведовал издательством О. Н. Поповой, выходили книги Маркса).

Как одну из целей самообразования Рубакин выдвигает в «Письмах» выработку миросозерцания.

Сам Рубакин видел одно из главных достоинств своих популярных книг в том, что они, по его словам, «революционизируют» читателей, толкают их на революционное отношение к действительности. «Письма о самообразовании», несмотря на свой как будто невинный тон, были такой революционизирующей книгой.

«Хорошая книга» для Рубакина — это книга, «служащая истине и справедливости». Однако он не подчеркивает классовой оценки ее. Рубакин не мог расстаться со внушенными ему с детства понятиями добра и зла как понятиями «общечеловеческими» без учета их классовой сущности.

В «Письмах» наметилась и другая излюбленная теория Рубакина: суть дела не в книге, а в самом читателе, поскольку книга является проекцией его психики. Таким образом, содержание книг, по Рубакину, имеет второстепенное значение (см. с. 204). Книга — возбудитель мыслей самого читателя, а не передача ему мыслей автора. Это положение он подробно разрабатывает в «Психологии читателя и книги». В «Письмах» Рубакин неоднократно ссылается для выяснения вопросов психологии читателя на свои «Очерки по психологии читательства», но эти очерки им так и не были полностью опубликованы, появилось лишь несколько его статей в разных журналах.

К каждой книге, к каждому автору, Рубакин устами безымянного читателя предъявляет следующие вопросы: «Ты, автор, написавший эту книгу, каким именно богам служишь своим пером? И каким богам ты приносишь так свою жертву? И для каких богов жертвы требуешь? И от кого требуешь? От себя или от других? Или, быть может, *только* от других... Чьи интересы, чьи нужды, чьи потребности ближе всего и дороже всего твоему сердцу? Что ты говоришь о них и как ты понимаешь их в своей книге?» (с. 71).

Эти вопросы перекликаются с вопросами, поставленными позже М. Горьким в его знаменитой статье — «С кем вы, мастера культуры?»

«Письма к читателям», несмотря на то, что после опубликования их прошло почти 60 лет, не утратили своего интереса для лиц, занимающихся самообразованием и в наше время.

А. Н. Рубакин

* *Стр. 14. «Жажда знаний никогда не может быть удовлетворена...»* — Н. А. Рубакин цитирует статью: Кареев Н. И. Что такое общее образование? — «Русская школа», 1891, кн. 10, октябрь, с. 74.

Стр. 14. ...чтение с туманными картинами... — т. е. с использованием проекционного (или, как его тогда называли, волшебного) фонаря для сопровождения чтения показом экранированных иллюстраций.

* *Стр. 17. ...московские «Программы домашних чтений» и петербургская «Программа чтения для самообразования».* — Первые издавались Комиссией по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве (возникло в 1893 г.); впервые напечатаны в качестве приложения к журналу «Книговедение», 1894; рассчитаны на 4 года обучения для домашнего прохождения университетских курсов по отдельным факультетам. Комиссия издавала также «Библиотеку для самообразования» — серию научно-популярных книг по истории, географии, политической экономии, выходившую под ред. Н. А. Рубакина в издательстве И. Д. Сытина. Петербургская «Программа» выходила от имени Особого отдела Петербургского комитета Педагогического музея военно-учебных заведений. Впервые напечатано в журнале «Историческое обозрение», 1895, т. VIII. Программа имела в виду содействие самостоятельному получению энциклопедического образования. Обе программы неоднократно выходили отдельными изданиями и были рассчитаны на демократическую интеллигенцию. Особым успехом пользовались петербургские «Программы» для первых двух лет обучения, пре-

следовавшие общеобразовательные цели. Подробнее см.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 г.). М., «Книга», 1969, с. 132—139.

* *Стр. 21. В нашей книжке «Вечная слава».* — Полное название: Рубакин Н. А. Вечная слава. Историческая хроника XVI столетия из времен борьбы Нидерландов за свою независимость. Изд. 3-е. М., Е. Трауцкая, 1911.

**Стр. 22. «Миросозерцание и жизненная задача и цель жизни каждого человека определяется...»* — Н. А. Рубакина цитирует кн.: Паульсен Ф. Образование. Пер. с нем. М., М. и С. Сабашниковы, 1900, с. 18.

* Стр. 23 «Истинно образованным мы должны признать *всякого...»* — Н. А. Рубакин с незначительными неточностями цитирует ту же книгу Ф. Паульсена, с. 19—20. Принципиальный объективизм и стремление всегда быть вне полемики часто приводило к тому, что в своих теоретических построениях и практических занятиях Н. А. Рубакин опирался на работы буржуазных философов и психологов, которые, с точки зрения марксистской философии, уже тогда не выдерживали критики. Н. А. Рубакин иногда использовал высказывание того или иного ученого, подходящее к ходу своих рассуждений, однако без критического отношения к концепции в целом, к мировоззрению этого автора. В данном случае Н. А. Рубакин цитирует одного из наиболее консервативных теоретиков немецкой педагогики конца XIX — начала XX вв., о котором как о философе В. И. Ленин пишет в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров (идеалиста Паульсена, имманента Ремке, кантианца Адикеса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен один основной мотив: против «*метафизики*» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественноисторического *материализма*»...» (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 371).

* *Стр. 38. «Все науки... можно распределить на три главные группы».* — Классификация наук, которой оперирует Н. А. Рубакин, сегодня устарела и неприемлема. Классификация наук — одна из актуальных современных философских проблем, от научного решения которой зависит объективность всех книжных классификаций. Подробнее о классификации см.: Кедров Б. М. Классификация наук. Кн. 1—2. М., 1961—1965.

* *Стр. 44. На читателя оказывает наибольшее впечатление та книга...* — Здесь Н. А. Рубакин суммирует свое понимание концепции Э. Геннекена и интерпретирует ее применительно к основным задачам своей работы. Дословно у Геннекена: «Эмоциональный эффект какой-нибудь книги или вообще художественного произведения может сообщиться только лицам, способным испытать, почувствовать те самые эмоции, которые и старается внушить произведение» (с. 71); «Художественное произведение производит эстетическое действие только на тех, душевная организация которых является хотя и низшей, но аналогичной организации художника, которая дала произведение и может быть на основании произведения уяснена» (с. 76) — В кн.: Геннекен Эм. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология). Пер. с франц. Д. Струнина. Спб., 1892.

* *Стр. 44.* — Речь идет о кн.: Пфендер. Введение в психологию. Спб., 1904.

* *Стр. 45. Малапер в своей книге.* — Н. А. Рубакин имеет в виду: Малапер П. Элементы характера и законы их сочетаний. Пер. с франц. Под ред. и с предисл. Н. Рубакина. М., 1913. Судя по всему, эта книга была одной из опорных в теоретических и практических работах Рубакина.

* *Стр. 51. ...составителям самообразовательных Московских и Спб. программ.* — В Московскую комиссию по организации домашнего чтения входило около 300 ученых, среди которых — Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, Алексей Н. Веселовский, Д. Д. Карпинский, А. А. Кизеветтер, Д. М. Петрушевский, С. Ф. Фортунатов и др. Петербургские «Программы» были результатом деятельности Отдела содействия самообразованию при Комитете педагогического музея военно-учебных заведений в Петербурге. В составлении «Программ» принимали участие Н. И. Кареев, В. И. Семевский, Н. А. Рубакин, И. П. Павлов, С. А. Венгеров и др. Подробнее об этих программах см., напр.: Машко-

ва М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., «Книга», 1969, с. 132—139.

* *Стр. 51. От нашей постановки школьного и внешнего чтения не гг. Передоновы выиграют — выиграет жизнь.* — Передонов Ардальон Борисович — главный герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Имя его стало нарицательным для обозначения пошлого и подлого пакостника, доносчика, верноподданного обывателя.

* *Стр. 62—63. ...«Первая моя книга для заметок... начата была...»* — Н. А. Рубакин пересказывает отдельные места из «Автобиографии» Ч. Дарвина по изданию: Дарвин Ч. Собрание сочинений. Под ред. К. А. Тимирязева. В 7-ми т. М., 1907—1908, т. 1, с. 31.

* *Стр. 65. ...не можем не привести превосходных слов. К. Пирсона, формулирующих самую суть научной работы...* — Здесь Н. А. Рубакин цитирует кн.: Пирсон К. Грамматика науки. Пер. с англ. В. Базарова и П. Юшкевича. Спб., «Шиповник», 1912, с. 55. Восторженное отношение Н. А. Рубакина к учению Ч. Пирсона и к этой работе еще раз подтверждает тот объективизм и эклектизм, в которых справедливо упрекал Н. А. Рубакина В. И. Ленин. В оценке Н. А. Рубакина это «капитальный труд, представляющий из себя превосходное введение в понимание науки, научного знания, его основ, задач и методов. По своим взглядам автор имеет много общего со взглядами Авенариуса и Маха, энергично борется как против средневекового догматизма и других ненаучных остатков старого, отжившего миросозерцания, так и против чересчур упрощенного материализма». Действительно, по своим философским взглядам Пирсон близок Маху и Авенариусу; отрицал объективный характер законов природы, утверждая, что их творит человек; в биологических работах пропагандировал реакционные и лженаучные теории расы и крови, естественного отбора в человеческом обществе. Уничтожающая критика взглядов Пирсона дана В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (изд. 1909). — См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18.

* *Стр. 67. Как мы уже упоминали выше, Геннекен возвел изучение вкусов даже в теорию... сделал в начале 30-х годов попытку создать особую науку «эстопсихологию»...* — Положения этой теории изложены в переведенной на русский язык книге: Геннекен Эм. Опыт построения научной критики. (Эстопсихология). Спб., 1892, которую высоко ставил Рубакин. Эстопсихологию Геннекен определяет как науку-синтез эстетики, психологии, социологии. Идея интересная. Однако идеалистические методологические посылки заставляют Геннекена определять произведение искусства как «совокупность знаков, уясняющих душевную организацию автора... раскрывающих душу его почитателей, которых оно выражает, уподобляет автору, наклонности которых в некоторой степени оно видоизменяет». Конечную же цель эстопсихологии создатель ее сводит к «уяснению класса великих художников и к уяснению обширных общественных групп, собравшихся вокруг художника благодаря однородности свойств и общему обаянию...»

* *Стр. 118. Мы чувствуем потребность производить, напечатлевать в мире форму своей активности, — говорит Гюйо...* — Рубакин цитирует книгу, в которую вошли две работы Гюйо при сквозной пагинации: Гюйо М. Задачи современной эстетики. Гюйо М. Очерк морали. Спб., «Общественная польза», 1899, с. 256, 257.

* *Стр. 89. никогда не бравший в руки никакой другой книги, кроме «Векфильдского священника» Голдсмита, сразу принялся за «Ценность жизни Дюринга.* — Рубакин противопоставляет философское сочинение и написанный в духе сентиментализма и легкий для чтения роман английского писателя Оливера Голдсмита.

* *Стр. 126. В чем же, наконец заключается смысл и цель моей жизни перед лицом варварских подвигов Левиафана — «чудища обла, озорна, огромна, стозевна и лаяй»?* — Эти слова представляют собой стих из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида». В свое время стали эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

А. А. Беловицкая

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

В этом томе в несколько сокращенном виде публикуется доклад «Основные задачи библиотечного дела», включенный самим автором в издание Карбасникова (1919 г.) как дополнение к «Письмам к читателям о самообразовании». Доклад этот Рубакин прочел 25 марта 1907 г. при передаче своей библиотеки в дар Петербургскому Отделу Всероссийской Лиги Образования. Сам автор указывает, что вопрос о самообразовании тесно связан с вопросом об организации библиотек и что принципы, изложенные в этом докладе, «находятся в тесиой связи с теми, которые изложены были на предыдущих страницах этой книги». Рубакин рассматривал библиотеку как достояние народа, а не как личную «закрытую» собственность ее владельца. Доклад звучит пророчески по отношению к приближающейся·революции в России и к будущему советскому библиотечному делу. Этот доклад одно из самых ярких и эмоциональных произведений Н. А. Рубакина.

**Стр. 131. ...книжного дела...* — В современном понимании книжным делом следует называть совокупность отраслей практической деятельности, связанных с производством, описанием, хранением, распространением и функционированием в обществе произведений письменности и печати.

* *Стр. 134. ...библиотечное ядро.* — См. т. 1, с. 212 настоящего издания.

ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАНИЯ

«Практика самообразования» вышла первым изданием в 1914 г. в Москве, в издательстве «Наука». Второе издание ее выпущено в 1919 г., уже после революции Государственным издательством. Таким образом, в первые же годы Советской власти партия и правительство нашли нужным, несмотря на острый «бумажный голод», переиздать крупную теоретическую работу Н. А. Рубакина.

«Практика самообразования» — естественное и логическое развитие идей Рубакина о самообразовании, высказанных им в «Письмах к читателям о самообразовании». В «Письмах» определяются цели самообразования, его возможности, его индивидуализация в зависимости от психических типов читателей. В «Практике самообразования» Рубакин дает практические указания для работы над книгами, основанные на выяснении психических типов книг и авторов, на поисках соответствия между типом читателя и типом книги и автора.

Соответственно этому «Практика самообразования» разделяется на две части. Первая часть содержит практические указания для ознакомления читателя с книгами, причем в виде примера для каждого типа читателя указываются и рекомендуются для прочтения и изучения книги, ему соответствующие. Рекомендуя читателю разные книги в соответствии с его психическим типом, Рубакин исходит из того, чтобы сделать каждого человека энциклопедистом.

В своих списках книг Рубакин нередко приводит названия таких книг, которые и он сам считал и мы теперь считаем плохими, вредными. Он любил цитировать слова древнеримского писателя Плиния Секунда (Плиния-младшего): «Нет такой плохой книги, которая в каком-нибудь отношении не была бы полезна». Рубакин утверждал, что из чтения реакционных, антинародных книг читателя нередко делали выводы, прямо противоположные выводам авторов этих книг.

На многих страницах «Практики» Рубакин резко полемизирует с другими авторами, как будто забывая о том, что он сам говорит о полемике и о своем отрицательном отношении к ней. Это противоречие в нем и подметил В. И. Ленин. О нем говорили и другие деятели большевистской партии.

В настоящем издании публикуется полностью, почти без сокращений, первая, вводная часть «Практики самообразования» — главы I—VII.

Главы VIII, IX, X входят в Отдел второй — «Практика самообразовательного чтения» и основаны на книгах, которые в значительной степени уста-

рели, многие почти совершенно неизвестны современному читателю и представляют сейчас библиографическую редкость. Поэтому главы IX и X, посвященные книгам по публицистике и науке, опущены полностью, из главы VIII — о книгах по беллетристике — взяты две главки общего характера, сохраняющие свое значение и сегодня.

Вторая часть книги — подробный указатель литературы для самообразования. В ней даются список и описание 500 книг по всем главнейшим отраслям знания и таблица для выбора книг соответственно личным психическим, социальным и экономическим особенностям читателя. Эту часть книги мы полностью опустили в данном издании, так как, во-первых, указанные в ней книги в настоящее время можно найти только в самых крупных библиотеках, что делает их недоступными для современного читателя, а во-вторых, многие из этих книг сильно устарели.

А. Н. Рубакин

* *Стр. 172. «Народная энциклопедия», изд. Харьк. общества грамотности.* — Правильно: Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. В 13-ти т. М., И. Д. Сытин, 1909—1912. (Харьковское Общество распространения в народе грамотности). Составлена была по тематическому принципу. Тома ее последовательно были посвящены: математике и физике; природоведению; технике; сельскому хозяйству; медицине; антропологии и географии; языкознанию и литературе; русской истории; философии и педагогике; юриспруденции; политической экономии; народно-хозяйственной политике. Подробно об истории организации, подготовки и выпуска энциклопедии см., напр., в кн.: Исторический обзор деятельности Харьковского общества распространения в народе грамотности. 1869—1909. М., 1911. См. также т. 1, с. 213 настоящего издания.

* *Стр. 193. Фаге очень остроумно и правильно сказал, что искусство чтения не что иное, как уменье думать с чужой помощью.* — Здесь Н. А. Рубакин не точно цитирует высказывание французского филолога, члена Французской Академии Эмиля Фагэ: «Искусство, как читать, есть искусство думать с некоторой посторонней помощью». — В кн.: Фагэ Э. Как читать. Пер. с франц. [М., «Звезда» Н. Орфенов, 1912. (Наука. Искусство. Литература)], с. 154.

* *Стр. 215. «Все правила логики окажутся уже исполненными сами собой...* — Здесь Рубакин не вполне точно цитирует кн.: Введенский А. И. Логика. Для гимназий с дополнением для самообразования. Спб., 1910, с. 183—184.

* *Стр. 227. ...сделаны нами в особой книге, которая называется...* — Здесь и ниже Н. А. Рубакин говорит о своей работе: Введение в изучение главнейших наук. Характеристика наук. Программы и конспекты по всем этим наукам. Списки руководств. Под таким названием она обозначена как печатающаяся в изд-ве «Наука» в объявлениях, приложенных ко второму тому «Среди книг» (с. 232). Судя по всему, книга так и не вышла.

* *Стр. 236. Что же касается до дела большого, то его задача...* — Рубакин повторяет традиционную религиозную легенду, хотя сам он не был человеком верующим.

А. А. Беловицкая

I. ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. А. РУБАКИНА ПО ВОПРОСАМ КНИЖНОГО И БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА И ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

1. Критические заметки о литературе для народа. — «Рус. богатство», 1889, № 7, с. 221—239; № 8, с. 169—185; № 9, с. 170—190; № 12, с. 192—199; 1890, № 2, с. 133—147; № 3, с. 168—186.

2. Народная литература и ее радетели. Вместо предисловия к ежемесячным обозрениям вновь выходящих книг для народа. — «Рус. богатство», 1889, № 4, с. 182—199.

3. Опыт программы для исследования литературы для народа. Спб., 1889. 30 с.

То же. — «Рус. богатство», 1889, № 5—6, с. 286—313.

4. Частные библиотеки и внеклассное чтение учащихся. — «Женское образование», 1889, № 6—7, с. 400—418.

5. Заметки по литературе для народа. — «Рус. богатство», 1890, № 10, с. 221—231.

6. Заметка об исторических книжках для народа. — В кн.: Историческое обозрение. Т. 3. Спб., 1891, с. 154—171.

7. К характеристике читателя и писателя из народа. — «Сев. вестн.», 1891, № 4, с. 111—145; № 5, с. 53—73.

8. Новые явления на книжном рынке. — «Неделя», 1891, № 31, с. 978—982.

9. Книжное оскудение. К характеристике читателей из привилегиров. классов. — «Рус. богатство», 1893, № 11, с. 124—165; № 12, с. 78—122.

10. Взыскующие града. (Из наблюдений над рус. читателем). — «Новое слово», 1895, № 1, с. 23—45.

То же. — В кн.: «Искорки», (См. № 14).

11. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. Спб., О. Н. Попова, 1895. 246 с.

12. Читатели — писатели-самоучки. (Из воспоминаний, наблюдений и переписки с читателями из народа). — «Рус. мысль», 1898, № 4, с. 131—154.

13. Битые читатели. (Из новых этюдов о рус. читающей публике). — «Начало», 1899, № 4, с. 1—22.

То же, под загл.: Читательская выучка. — «Образование», 1903, № 1, с. 101—125.

14. «Искорки». Очерки и наброски публициста. Спб., Ф. А. Дубровин, 1901, 284 с.

То же, под загл.: Чистая публика и интеллигенция из народа. Изд. 2-е. Спб., «Паллада», 1906.

То же, под загл.: Искорки. (Из записной книжки публициста). Чистая публика и интеллигенция из народа. Изд. 3-е. Спб., Р. В. Коротаев, 1912.

15. Книжный поток. Факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет. — «Рус. мысль», 1903, № 3, отд. 7, с. 1—22; № 12, отд. 17, с. 161—179; 1904, № 4, отд. 17, с. 155—180.

16. Русские читатели и их обстановка. — «Вестн. знания», 1905, № 1, с. 172—182; № 2, с. 141—155.

17. Читатели между строк. (Разговор в вагоне). — В кн.: В защиту слова Сб. 1. Изд. 2-е. Спб., 1905, с. 38—47.

Там же. Изд. 3-е. 1905. Изд. 4-е. 1906.

18. Книгоноша. (Рассказ). Ростов н/Д., «Донская речь», 1906, 80 с.

То же. Спб., 1910; Спб., 1912.

То же. Отрывок. — «Правда», 1964, 13 марта.

19. Среди книг. Опыт справ. пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразоват. библиотек, а также книжных магазинов. Спб., «Школьное и библ. дело», 1906, 332 с.

20. Основные задачи библиотечного дела. Докл., чит. 25-го марта 1907 г. — «Рус. школа», 1907, № 7—8, с. 174—203.

То же, отд. изд. Спб., 1907.

21. Россия в цифрах. Несправедливое устройство рус. государства, показанное цифрами. Бедность. — Малоземелье. — Податное бремя. Спб., «Работник», 1907. 144 с.

Перед загл. псевд.: С. Некрасов и А. Тонин.

22. Книжный прилив и книжный отлив. — «Соврем. мир», 1909, № 12, с. 1—25.

Отрывок публиковался в кн.: Хрестоматия по истории русской книги. 1564—1917. М., «Книга», 1965, с. 325—327.

23. Круг знаний. Наставления к выбору книг для товарищеских общеобразоват. библиотек. Спб., «Вестн. знания», 1909. 32 с.

24. Психология книжного влияния. — «Новая жизнь», 1910, № 1, с. 172—209.

25. Этюды по психологии читательства. (Внеклассное чтение и его организация). — «Рус. школа», 1910, № 11, с. 153—188; № 12, с. 148—177.

26. Письма к читателям о самообразовании. — «Новый журн. для всех», 1911, № 28, с. 127—132; № 30, с. 109—116; № 31, с. 95—102; № 32, с. 115—122; № 33, с. 99—106; № 34, с. 109—114; № 35, с. 111—118; № 37, с. 123—130; № 38, с. 115—124.

То же. Отд. изд. Спб., 1913; Изд. 3-е. Пг., 1919.

27. Среди книг. Опыт обзора рус. книжных богатств в связи с историей науч.-философ. и лит.-обществ. идей. Справ. пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразоват. библиотек, а также книжных магазинов. Изд. 2-е, доп. и переработ. Т. 1—3. М., «Наука», 1911—1915.

28. Что такое хорошая книга. — «Новая жизнь», 1911, № 6, с. 164—185.

29. Беседы о самообразовании. Из переписки с читателями. — «Жизнь для всех», 1912, № 10, с. 1486—1496; № 11, с. 1664—1678; 1913, № 1, с. 132—148; № 2, с. 335—346; № 3—4, с. 526—538; № 6, с. 832—843; № 10, с. 1425—1434; № 11, с. 1615—1620.

30. Привычка как особый фактор читательской психологии. (Из этюдов по психологии читательства). — «Вестн. знания», 1912, № 1, с. 68—74.

31. О сбережении сил и времени в деле самообразования. Краткий отчет об одном опыте практ. содействия всем стремящимся к самообразованию, примерительно к их личным особенностям, а также к условиям их жизни. Докл., чит. на I Женском съезде по женскому образованию. Спб., 1914. 122 с.

32. Практика самообразования. (Среди книг и читателей). Опыт системы самообразоват. чтения применительно к личным особенностям читателей. М., «Наука», 1914. 260 с. То же. Изд. 2-е. М., Госиздат, 1919.

33. Этюды по психологии читательства. Роль и значение эмоций в процессе чтения. — «Свободный журн.», 1914, март, с. 55—68; май, с. 91—110.

34. Что такое библиологическая психология. Л., «Колос», 1924. 61 с.

35. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М. — Л., Госиздат, 1928. 291 с.

То же. М. — Л., 1929. 308 с.

36. Как заниматься самообразованием. Сборник. М., «Сов. Россия», 1962. 127 с.

Выдержки из книги опубликованы в журнале: «Наука и жизнь», 1963, № 3, с. 62—63.

37. Тайна успешной пропаганды. — В кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикл. психолингвистики. М., «Наука», 1972, с. 130—135.

II. ЛИТЕРАТУРА О Н. А. РУБАКИНЕ

38. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 16.

С. 212: О данных Н. А. Рубакина, приведенных в его статье «Треповская партия в цифрах». («Нар. вестн.», 1906, 31 мая).

39. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 17.

С. 63: О фактах, изложенных Н. А. Рубакиным в его статье «Наша правящая бюрократия в цифрах». («Сын отечества», 1905, 20 апр.).

40. Ленин В. И. Выписки из работы Н. А. Рубакина «Среди книг». Т. 1 — Ленинский сб., 25, с. 309—312.

41. Ленин В. И. Буржуазные дельцы-финансисты и политики. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 23.

С. 258—259: О статье Н. А. Рубакина «Наша правящая бюрократия в цифрах». («Сын отечества», 1905, 20 апр.).

42. Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25.

С. 100: Ссылка на указатель Н. А. Рубакина «Среди книг». (Изд. 2-е, т. 2. М., 1913).

43. Ленин В. И. Определение ликвидаторства. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25.

С. 115: Упоминание о втором томе указателя Н. А. Рубакина «Среди книг». (Изд. 2-е, М., 1913).

44. Ленин В. И. В. А. Карпинскому. 6(19) мая 1914 г. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 48, с. 288.

Просьба прислать первый том указателя Н. А. Рубакина «Среди книг». (Изд. 2-е. М., 1911).

45. Ленин В. И. В. А. Карпинскому. Позднее 10(23) мая 1914 г. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 48.

С. 292: Благодарность за присылку первого тома указателя Н. А. Рубакина «Среди книг». (Изд. 2-е. М., 1911).

46. Ленин В. И. Рецензия. Н. А. Рубакин. «Среди книг». Изд. 2-е. Т. 2. М., «Наука», 1913. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25. с. 111—114.

Впервые была опубликована в журнале «Просвещение», 1914, № 4, с. 106—108.

47. Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26.

С. 87: Об указателе Н. А. Рубакина «Среди книг». (Изд. 2-е. Т. 2, М., 1913) как источнике по библиографии марксизма.

---

48. А умеем ли мы читать? Нар. просветитель Н. А. Рубакин о самообразовании. — «Адыгейск. правда», 1966, 7 окт.

Изложение статьи Л. Иофиной (См. № 98).

49. Аблов Н. Н. Классификация книг, ее история и методы в связи с классификацией наук вообще. Иваново-Вознесенск, 1921.

С. 44—45: О Н. А. Рубакине.

50. Азимков М. В. Изумительный талант. — «Комс. искра», Владимир, 1962, 15 июля.

51. Азимков М. В. В. И. Ленин о работе Рубакина «Среди книг». — «Коллективист», Меленково, Владимир. обл., 1960, 5 апр.

52. Азимков М. В. Н. А. Рубакин. — «Ленинский путь», Владимир, 1962, 13 июля.

53. Андреев Б. Г. О популяризации естествознания. — «Книгоноша», 1923, № 29, с. 12—13.

О книге Б. М. Завадовского. (См. № 92).

54. Андреев Б. Г., Орлов И. Е. Обзор научно-популярной литературы по неживой природе. (1917—1924). Вологда, «Сев. печатник», 1925.
С. 106, 126, 143—144: Книги, написанные Н. А. Рубакиным.
55. Андроников И. Л. Книга о книгах. — «Правда», 1959, 20 авг.
56. Анушкин А. Рубакин в Крыму. — «Курортная газ.», Ялта, 1967, 8 янв.
57. Арефьева Е. П. Библиотека Н. А. Рубакина. — «Книжная торговля», 1967, № 10, с. 39—41.
58. Арефьева Е. П. Библиотечно-библиографическая классификация Н. А. Рубакина. — Первая конф. аспирантов Моск. гос. ин-та культуры. Тезисы докл. М., 1963, с. 64—67.
59. Арефьева Е. П. Библиотечно-библиографическая классификация Н. А. Рубакина. — «Учен. зап. Моск. гос. ин-та культуры», 1964, вып. 11, с. 89—105.
60. Арефьева Е. П. Вопросы теории и практики библиотековедения в трудах Н. А. Рубакина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1965. 20 с. (Моск. гос. ин-т культуры).
61. Арефьева Е. П. Пропаганда книги и руководство чтением в трудах Н. А. Рубакина. — «Книга. Исследования и материалы», 1966, сб. 12, с. 93—112.
62. Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин как книгособиратель и его библиотеки в Советском Союзе. — «Книга. Исследования и материалы», 1963, сб. 8, с. 377—409.
63. Арефьева Е. П. Н. А. Рубакин о комплектовании книжных фондов. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. 9, с. 133—154.
64. Арефьева Е. П. Судьба библиотеки Н. А. Рубакина. — «Лит. и жизнь», 1959, 2 авг.
65. Балика Д. А. Аналитический и синтетический методы изучения читательства. — «Библ. обозрение», 1927, № 1—2, с. 39—69.
66. Балика Д. А. Еще о научной постановке изучения читателя. — «Красный библиотекарь», 1925, № 11, с. 29—42.
67. Банк Б. В. Из истории изучения читателей в СССР. — В кн.: Советский читатель. М., «Книга», 1968.
С. 17—18: О Н. А. Рубакине.
68. Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., «Книга», 1969. 262 с.
См. указатель имен.
69. Белоконский И. П. Николай Александрович Рубакин. (К 25-летию лит. деятельности). — «Рус. ведомости», 1911, 30 марта.
70. Бутина К. И. Рукописное наследие русских библиографов в фондах Библиотеки им. В. И. Ленина. — «Сов. библиография», 1962, № 3.
С. 96: О фонде Н. А. Рубакина.
71. Васильева В. Да здравствует книга! К столетию со дня рождения Н. А. Рубакина. По материалам воспоминаний учительницы В. С. Курбатовой. — «Учительская газ.», 1962, 14 июля.
72. Вахтерова Э. В. Н. А. Рубакин. К его 40-летнему юбилею. — «Вестн. просвещения», 1926, № 4, с. 130.
73. Волошко Е. М. Поэзия революционной бури. Донецк, Кн. изд-во, 1961.
С. 30—34: О. Н. А. Рубакине.
74. Волошко Е. М. Мікола Рубакін. — «Літ. Україна», 1963, 3 сент.
75. Вольценбург О. Николай Александрович Рубакин. К 40-летию его лит.-обществ. деятельности. — «Ленингр. правда», 1926, 30 марта.
76. Вядро Ш. Життя, віддане книзі. — «Архіви України», 1971, № 5, с. 95—97.
Рец. на кн.: Рубакин А. Н. Рубакин. М., 1967.
77. Горбачевский Б. С. Люди, книги, библиотеки. М., Изд-во Всесоюз. книжной палаты. 1963.
С. 85—88: Знаток книжных богатств.
78. Городинский Д. М. Н. А. Рубакин. (1886—1926). — «Красная газ.», 1926, 30 марта.

79. Горький А. М. О «размагниченном» интеллигенте. — Собр. соч. Т. 23. М., 1953, с. 325—327.

В связи со статьей Н. А. Рубакина «Размагниченный интеллигент». (В кн.: На славном посту. Спб., 1900).

80. Гремяцкий М. К вопросу о популяризации естествознания. — «Книгоноша», 1926, № 40, с. 7—9.

81. Григорьева С. «Всегда и прежде всего для России»... (К столетию со дня рождения Н. А. Рубакина). — «Комс. правда», 1962, 13 июля.

82. Гуров П. Психология и библиотечная работа. Вологда, «Сев. печатник», 1925.

С. 35: Критика теории библиопсихологии Н. А. Рубакина.

83. Гуров П. Что дает библиотекарю библиопсихология Н. А. Рубакина? — «Красный библиотекарь», 1930, № 2, с. 49—55.

84. Дар Советскому государству. — 100 000 томов личной библиотеки Н. А. Рубакина. — «Лит. газ.», 1948, 27 марта.

85. Дзиоменко И. И. Рубакинский отдел в Библиотеке им. В. И. Ленина. — «Новое рус. слово», Нью-Йорк, 1963, 31 июля.

86. Довинер В. Неизвестные письма И. П. Павлова. (Н. А. Рубакину). — «Мед. газ», 1963, 22 янв.

87. Дун А. Эпизод из истории русской журналистики. (Новые документы о Н. А. Рубакине). — В кн.: Сборник статей по вопросам философии и политэкономии. Ленинабад — Душанбе, «Ирфон», 1965, с. 159—164.

88. Евсиков И. Предисловие. — В кн.: Рубакин Н. А. Среди шахтеров. Киев, изд-во худож. лит., 1958, с. 3—8.

89. Еще о Рубакине. (От редакции). — «Труд», 1959, 10 дек.

Указаны некоторые неточности в статье В. Тихомирова о Н. А. Рубакине. («Труд», 1959, 12 ноября).

90. Живая энциклопедия. — «Смена», 1962, 14 июля.

91. Жизнь для книги. (Предисловие к публикации писем Н. А. Рубакина к А. М. Горькому). — «Сов. культура», 1962, 17 июля.

92. Завадовский Б. М. Сборник статей по вопросам популяризации естествознания. М., «Красная новь», 1923. 137 с.

О научно-популярных книжках для народа Н. А. Рубакина.

То же, с доп., под загл.: О популяризации естествознания. М., 1926.

93. Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., Госкультпросветиздат, 1955. 607 с.

См. указатель имен.

94. Иванова Л. М. Архив Н. А. Рубакина. — «Веч. Москва», 1956, 10 ноября.

95. Иванова Л. М., Сидорова А. Б., Чарушникова М. В. Архив Н. А. Рубакина. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1963, вып. 26, с. 63—150.

96. Иванова Л. М. Архив Н. А. Рубакина. — «Сов. библиография», 1962, № 3, с. 98—110.

97. Из архива Н .А. Рубакина. Публикации И. А. Сницаренко, Л. П. Балашовой, М. В. Чарушниковой, Э. П. Волковой, А. Б. Сидоровой и Л. В. Гапочко. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1960, вып. 25, с. 423—463.

Письма М. Горького, В. Г. Короленко, Ромен Роллана Н. А. Рубакину.

98. Иофина Л. Рубакин о самообразовании. — «Нар. образование», 1966, № 8, с. 80—81.

99. Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России. — В кн.: Проблемы социологии печати. Новосибирск, «Наука», 1969, с. 18—67.

100. Коничев К. И. Русский самородок. Повесть о Сытине. Л., Лениздат, 1966.

С. 160—168: Н. А. Рубакин.

101. Кравченко А. Н. А. Рубакин о Н. К. Крупской. — «Сов. педагогика», 1961, № 2, с. 124.

Предисловие к публикации очерка Н. А. Рубакина «Надежда Ленина и рабочее движение».

102. Крук Т. К. Николай Александрович Рубакин. (Биогр. очерк). — В кн.: Рубакин Н. А. Как заниматься самообразованием. М., «Сов. Россия», 1962, с. 3—28.

103. Кузмичев В. По поводу привета из Лозанны. — «Журналист», 1929, № 24, с. 767.

О письме Н. А. Рубакина по поводу рецензии на его книгу «Психология читателя и книги».

104. Куфаев М. Н. Книга в процессе общения. М., П. Витязев, 1927. 108 с.

О Н. А. Рубакине см. гл. 3—5.

105. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Л., «Начатки знаний», 1924, 70 с.

С. 54—64: О библиопсихологии Н. А. Рубакина.

106. Литвин-Молотов Г. «Советский Рубакин» нужен. — «Известия», 1964, 17 марта.

107. Личная библиотека В. И. Ленина. — «Правда», 1960, 4 марта. (Корифеи науки).

Об интересе В. И. Ленина к труду Н. А. Рубакина «Среди книг».

108. Лоцман книжного моря. — «Лит. газ.», 1962, 12 июля. К 100-летию со дня рождения Н. А. Рубакина.

109. Люблинский С. Жизнь, отданная книге. Новые материалы о Н. А. Рубакине. — «Книжная торговля», 1967, № 5, с. 49—50.

110. Люблинский С. К истории первого марксистского журнала в России. — «Звезда», 1972, № 4.

С. 197: О Н. А. Рубакине.

111. Лихтенштейн Е. Необъятный мир книжных богатств. — «Коммунист», 1964, № 3, с. 116—121.

112. Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин — выдающийся пропагандист книги. — «Сов. библиография», 1957, № 45, с. 51—65.

113. Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. (1862—1946). М., «Книга», 1972. 176 с. (Деятели книги).

Библиогр.: с. 161—176.

114. Мар Н. Шифр Рб. О библиотеке Н. А. Рубакина в Ленинской библиотеке. — «Лит. газ.», 1963, 4 июля.

115. Маркелов Д. Товарищ. — В кн.: Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы. М., Госполитиздат, 1963, с. 88—91.

О встрече с Н. А. Рубакиным в Лозанне в 1944 г.

116. Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века. (до октября 1917 года). М., «Книга», 1969.

С. 184—209: Н. А. Рубакин.

117. Машкова М. В. Г. В. Плеханов и «Среди книг» Н. А. Рубакина. По архивным материалам. — «Сов. библиография», 1963, № 6, с. 83—101.

118. Мейлах Б. С. Вопросы литературы и литературной критики в работах Ленина. — В кн.: История русской критики. Т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1958.

С. 477: О книге Н. А. Рубакина «Этюды о русской читающей публике» (Спб., 1895).

119. Менделевич Г. (Предисловие к публикации писем Н. А. Рубакина А. М. Горькому). — «Сов. культура», 1962, 17 июля. (Жизнь для книги).

120. Научно-популярную литературу — в массы. С заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС. — «Правда», 1964, 28 февр.

То же. — «Известия», 1964, 28 февр.

121. Негреева Г. Поборник «истины неопровержимой». К столетию со дня рождения Н. А. Рубакина. — «Лит. Азербайджан», 1962, № 7, с. 157.

122. Никулин Л. Да здравствует книга. К 100-летию со дня рождения Н. А. Рубакина. — «Правда», 1962, 15 июля.

123. Новиков-Прибой М. Страницы из жизни А. С. Новикова-Прибоя. — «Знамя», 1969, № 1.

С. 184: О встречах Н. А. Рубакина с А. С. Новиковым-Прибоем в 1908 г.

124. Новосадский И. Книжно-библиотечную дискуссию — на высшую ступень. Против буржуазных теорий в советском книговедении. — «Красный библиотекарь», 1931, № 10, с. 18—26.
Критика теории библиопсихологии Н. А. Рубакина.
125. Новосадский И. Теория книговедения и марксизм. — «Труды Музея книги, документа и письма», 1931, № 1.
С. 11—16: Критика книговедческой теории Н. А. Рубакина.
126. О книгах Рубакина. — «Книгоноша», 1924, № 5, с. 7. Подпись: Культурник.
127. Осьмаков И. «Творчество» буржуазных библиотековедов. — «Красный библиотекарь», 1931, № 8.
С. 9—11: Критика теории библиопсихологии Н. А. Рубакина.
128. Осовцов С. Подвиг библиографа. — «Сов. культура», 1959, 23 июня.
129. Осовцов С. Человек, обогативший русскую культуру. — «Нева», 1959, № 2, с. 183—187.
130. Палей А. Р. Вспоминая минувшее. — «Лит. Россия», 1964, 17 апр.
С. 10—11: О Н. А. Рубакине.
131. Панов А. Почему мы мало и плохо читаем? (По поводу книги Н. А. Рубакина «Этюды о русской читающей публике». Спб., 1895). — «Жизнь Юга. Книжка приложений», 1897, № 2, с. 73—83.
132. Переверзев И. А. Некоторые материалы к изучению жизни и творчества А. В. Перегудова. — В кн.: Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М., 1960. (Орехово-Зуевский пед. ин-т. Орехово-Зуевский краевед. музей).
С. 166—168: Письма Н. А. Рубакина.
С. 168—169: О Н. А. Рубакине.
133. Переверзев И. А. Н. А. Рубакин. К столетию со дня рождения. — «Нар. образование», 1962, № 11, с. 94—95.
134. Писатель для народа. — «Газета-копейка», 1911, 28 марта.
135. Плотников А. Предисловие. — В кн.: Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. М. — Л., 1929, с. 3—13.
136. Покровская З. Первые издания «Капитала». — «Москва», 1967, № 9.
С. 141: О наличии в библиотеке Н. А. Рубакина первого издания 2-го тома «Капитала» Маркса.
137. Популяризация или вульгаризация? (О народных книжках Н. А. Рубакина). — «Книга и пролет. революция», 1920, № 3—4, с. 69—72. Подпись: «Перископ».
138. Поршнев Г. И. Н. А. Рубакин. (40 лет работы среди книг) — «Журналист», 1926, № 4, с. 52.
139. Поршнев Г. И. 40 лет среди книг. (К юбилею Н. А. Рубакина). «Книгоноша», 1926, № 14, с. 3—7.
140. Прокопенко В. Н., Романов В. М. Лоцман книги российской. — «Сов. милиция», 1963, № 11, с. 87—92.
141. Прокопенко В. Н., Романов В. М. Просветитель — патриот. — «Огонек», 1964, № 2, с. 15—16.
142. Прокопенко В. Н. Николай Рубакин и Александр Ульянов. — «Дружба народов», 1966, № 6, с. 226—228.
143. Разгон Л. Живой голос науки. М., «Дет. лит.», 1970.
Последний энциклопедист, с. 125—174.
144. Разгон Л. Э. (Ответ на письмо читателя). — «Книжное обозрение», 1966, 5 авг., с. 10. (Можно ли прочитать в день девять книг).
О числе книг, прочитанных Н. А. Рубакиным.
145. Разгон Л. Под шифром Рб. Книга о Н. А. Рубакине. М., «Знание», 1966. 126 с.
Глава из этой книги была опубликована под заглавием «Пророк самообразования» в журнале «В мире книг», 1965, № 11, с. 37.
146. Разгон Л. Последний энциклопедист. — В кн.: Пути в незнаемое. Сб. 4. М., «Сов. писатель», 1964, с. 472—512.
147. Рассудовская Н. М. Переписка Н. А. Рубакина с читателями из народа по вопросам самообразования. — «Сов. библиография», 1963, № 2, с. 76—82.

148. Рассудовская Н. М. Н. А. Рубакин. (К столетию со дня рождения). — «Библиотекарь», 1962, № 7, с. 31—34.
149. Рубакин А. Н. Народный просветитель. — «Огонек», 1962, № 28, с. 17.
150. Рубакин А. Н. Он был бедняк, простой крестьянин. Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения библиографа и писателя Н. А. Рубакина. — «Молодой ленинец», Томск, 1962, 13 июля.
151. Рубакин А. Н. Предисловие к публикации работы Н. А. Рубакина «Вестники родины» и писем к Н. А. Рубакину. — В кн.: Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы. М., Госполитиздат, 1963, с. 84—85.
152. Рубакин А. Н. Николай Александрович Рубакин. — «Сов. библиография», 1957, № 45, с. 42—50.
153. Рубакин А. Н. Рубакин. (Лоцман книжного моря). М., «Мол. гвардия», 1967. 175 с. («Жизнь замечат. людей»).
154. Рубакин А. Н. Рубакин Николай Александрович — «Краткая лит. энциклопедия», Т. 6, 1971, стб. 409—410.
155. Рубакин А. Н. Сеятель знаний. — «Сов. Молдавия», 1962, 13 июля.
156. Рубакин А. Н. Среди книг. — «Нева», 1964, № 4, с. 170—186.
157. Н. А. Рубакин. — «Ист. вестн.», 1911, № 5, с. 719.
158. Н. А. Рубакин. — «Нива», 1911, № 19, с. 362—363.
159. Н. А. Рубакин. (25-летний юбилей). — «Всеобщая газ.», 1911, 30 марта.
160. Н. А. Рубакин. (К 25-летию лит. деятельности). — «Бюл. книжных и лит. новостей», 1911, № 15—16, с. 133.
161. Н. А. Рубакин. (К 25-летию его лит. деятельности). — «Наш журн.», 1911, № 9, с. 43.
162. Н. А. Рубакин. (1886—1911). — «Ж.-д. жизнь на Дальнем Востоке», 1911, № 17, с. 5—7.
163. Н. А. Рубакин. (1886—1911). — «Школа и жизнь», 1911, 28 марта.
164. Н. А. Рубакин. — «Известия», 1926, 30 марта. Подпись: Лин-ский.
165. Н. А. Рубакин. (К его 40-летнему юбилею). — «Вестн. просвещения», 1926, № 4, с. 130—132. Подпись: Э. В.
166. Н. А. Рубакин. — «Железнодорожник Закавказья», 1962, 14 июля.
167. Н. А. Рубакин. — (Отрывной календарь на) 1962 г. 13 июля. М., Госполитиздат, 1961.
168. Н. А. Рубакин и его работы за последнее время. — «Книгоноша», 1923, № 15, с. 5. Подпись: Б-ч.
169. Рубакин (Николай Александрович). — «Энцикл. словарь. Брокгауз и Ефрон. (Кн.) 53 (т. 27), 1899, с. 196.
170. Рубакин Николай Александрович. — БСЭ. Т. 49, 1941, с. 511—512.
171. Рубакин Николай Александрович. — БСЭ. Изд. 2-е. Т. 37. (1955), с. 276.
172. Рубакин Николай Александрович. — Энцикл. словарь. Т. 3. 1945, с. 134.
173. Рубакин Николай Александрович. — МСЭ. Изд. 3-е. Т. 7. (1959), с. 1259—1260.
174. Рубакин Николай Александрович. — Пед. энциклопедия. Т. 3. 1966, с. 729—730.
175. Николай Александрович Рубакин (1862—1946). — «Сов. книжная торговля», 1962, № 8, с. 42—43.
176. Самообразование. — БСЭ. Изд. 2-е, Т. 38. (1955). С. 18: О книгах Н. А. Рубакина.
177. Сеятель знаний. — «Веч. Ленинград», 1962, 10 июля.
178. Смирнова М. (Предисловие к публикации писем А. Новикова-Прибоя к Н. А. Рубакину). — «Лит. и жизнь», 1959, 19 июля.
179. Смуглый С. И. Выдающийся популяризатор науки и библиограф. (100 лет со дня рождения Н. А. Рубакина) — «Природа», 1962, № 7, с. 89—91.
180. Смуглый С. И. Популяризация и вульгаризация. (Заметки о научно-популярной литературе). — «Наш современник», 1960, № 6, с. 221—222: О Н. А. Рубакине.

181. Сорокин Ю. А. Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина и смежные науки. (К постановке вопроса). — «Книга. Исследования и материалы», 1968, сб. 17, с. 55—68.
182. Сорокин Ю. А. О статье Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды». — В кн.: Речевое воздействие, Проблемы приклад. психолингвистики. М., «Наука», 1972, с. 127—129.
183. Стальбаум Б. Российский энциклопедист. — «Сов. культура», 1967, 9 дек.
По поводу книги А. Н. Рубакина: Рубакин. М., 1967.
184. Старейший русский библиограф. Памяти Н. А. Рубакина. — «Веч. Москва», 1956, 23 ноября.
185. Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., Госполитиздат, 1960. С. 87, 138, 210: О Н. А. Рубакине.
186. Талантливый популяризатор и пропагандист науки Н. А. Рубакин. — «Наука и религия», 1959, № 2, с. 65—70.
187. Тихомиров В. Выдающийся писатель-библиограф. — «Труд», 1959, 12 ноября.
188. Турбин Е. Среди книг. К столетию со дня рождения Н. А. Рубакина. — «Сов. Россия», 1962, 13 июля.
189. Турумин С. Рб — библиотека в библиотеке. К 100-летию со дня рождения Н. А. Рубакина. — «Веч. Москва», 1962, 9 июля.
190. Усиевич Е. Из воспоминаний о В. И. Ленине. — «Новое время», 1958, № 16.
С. 4: Встреча у Н. А. Рубакина в Кларане.
191. Фильков Е. Новое издание книги Н. А. Рубакина «Среди тайн и чудес». — «Новые книги», 1962, № 28, с. 63—64.
192. Фонотов Г. П. Общественно-политическое значение рецензии В. И. Ленина на труд Н. А. Рубакина «Среди книг». — «Сов. библиография», 1960, № 2, с. 23—34.
193. Хлебцевич Е. Идеалистические извращения в литературе по изучению читателя и книги. — «Сов. библиография», 1934, № 1, с. 28—39.
Критика теории библиопсихологии Н. А. Рубакина.
194. Черников Н. (Предисловие к публикации писем Н. А. Рубакина и писем, адресованных к нему). — «Неделя», 1962, 8—14 июля, с. 18. (Без воскресений и каникул).
195. Черняк А. Библиограф, ученый, писатель. — «В мире книг», 1962, № 6, с. 42—45.
196. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1959.
С. 387—389: О библиографической классификации Н. А. Рубакина.
197. Шафир Я. Библиопсихология и вопросы изучения читателя. — «Печать и революция», 1927, № 2, с. 5—15.
198. Шестаков П. М. Популяризатор книги. (К юбилею Н. А. Рубакина). — «Итоги недели», 1911, 28 марта.
199. Шитиков С. Увековечить имя Н. А. Рубакина. — «Вперед», Ломоносов, 1962, 8 февр.
200. Шифман Л. Что такое «рубакинщина»? Библиопсихология как буржуазная теория чтения и работы с читателем. — «Красный библиотекарь», 1932, № 1, с. 14—23.
201. Юбилей Н. А. Рубакина. — «Неделя Вестн. знания», 1911, № 13, с. 5.
202. Юбилей Н. А. Рубакина. — «Речь», 1911, 30 марта.
203. Юбилей Н. А. Рубакина. — «Рус. слово», 1911, 30 марта.
204. Юбилей Н. А. Рубакина. Лит. хроника. — «Книгоноша», 1926, № 10, с. 40.
205. Яновский-Максимов Н. Наследие Рубакина. — «Вопр. лит.», 1959, № 12, с. 147—157.

III. РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ Н. А. РУБАКИНА

208. Ленин В. И. см. № 46.

209. Бахтин Н. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Письма к читателям о самообразовании. М., 1919. — «Пед. мысль», 1919, № 7—8, с. 141—144.

210. Бахтин Н. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1913. — «Пед. мысль», 1919, № 7—8, с. 84—86.

211. Богданов П. М. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Практика самообразования. М., 1914. — «Библиотекарь», 1914, вып. 1, с. 88—89.

212. Богданов П. М. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1913. — «Библиотекарь», 1914, вып. 1, с. 92—94.

213. Иноземцев И. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди тайн и чудес. М., 1960. — «В мире книг», 1961, № 8, с. 14—15.

214. Калишевский А. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1911. — «Библиотекарь», 1911, вып. 11, с. 334—341.

215. Крупская Н. К. (Рец. на кн.:) Письма к читателям о самообразовании. Спб., 1913. — «Нар. просвещение», 1918, № 21, с. 14—15; Пед. соч. Т. 10. М., 1962, с. 22—24.

216. Кузмичев В. О психологии читателя. (Рец. на кн.: Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. М. — Л., 1929). — «Журналист», 1929, № 12, с. 378—379.

217. Лебедев А. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. М., 1911. — «Голос Ярославля», 1911, 1 окт.

218. Львов-Рогачевский Б. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1911. — «Соврем. мир», 1911, № 8, с. 343—351.

219. Мезьер А. В. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Практика самообразования. — «Рус. школа», 1914, № 7—8, с. 6—9.

220. (Рец. на кн.:) Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. М. — Л., 1928. — «Рус. язык в сов. школе», 1929, № 5, с. 156—159. Подпись Л. С.

221. Серебряков Н. П. Гора родила мышь. (Рец. на кн.: Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1911). — «Обская жизнь», 1911, 3 июня.

222. Скабичевский А. (Рец. на кн.:) Этюды о русской читающей публике. Спб., 1895. — «Новости и Биржевая газ.», 1895, 25 мая, с. 2.

223. Скабичевский А. Из дневника старого критика. (Рец. на кн.: Рубакин Н. А. «Искорки». Спб., 1901). — «Рус. мысль», 1901, № 5, отд. 9, с. 14—37.

IV. БИБЛИОГРАФИЯ

224. Масанов Ю. И. Теория и практика библиографии. Указатель лит. 1917—1958. М., Изд-во Всесоюз. книжной палаты. 1960.

С. 41, 42, 44, 45, 58—60, 83, 163: Труды Н. А. Рубакина и литература о нем.

225. Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению. Ч. 1—3. М., Соэкгиз, 1931—1934.

Произведения Н. А. Рубакина и литература о нем приведена во многих рубриках указателя.

226. Труды Н. А. Рубакина. Библиография. — «Записки Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1963, вып. 26.

Приложение, с. 151—206.

Авт.: В. Э. Фридман, Е. А. Тарасова, Е. Л. Лурье, А. Г. Машканцева.

Ankudowicz J. N. A. Rubakin. — «Bibliotekarz», 1960, N 11-12, p. 345—351.

Article sur le livre de N. Roubakine «Ce que c'est que la Révolution russe?» — «La Guerre mondiale», 1917, N 839, 1—2 Juillet.

Bauer V. Bibliopsychologie (Nova Veda o knize) — «Česka osveta», 1925, N 6.

Bayle Ch. La psychologie bibliologique. — «Librairie», 1924, N 239.

Benjami. Un apostolo della cultura proletaria. — «Avanti», 1921, N 166, p. 30.

Besson E. Une science nouvelle. — «Amitiés spirituelles», 1924, N 3—5.
Bethmann M. L'Institut Roubakine de psychologie bibliologique à Lausanne. — Rev. Documentation, t. 16, N 1, p. 17—18.
Bulletin of the International Bureau of Education, 1946, vol. 20, N 81, p. 10.
Cavallaro Fr. Sezione italiana di studii di biblio-psicologica. — «Prim. Scintilla», 1924, N 1.
Feilbogen. Bibliologische Psycologie. — «Internationale Rundschau», 1918, Hf 6.7.
Ferrière A. Nicolas Roubakine. — «La Coopération», 1946, 7 Déc.
Ferrière A. La psychologie bibliologique d'après les documents et les travaux de Nicolas Roubakine. — «Archives de psychologie», 1917, t. 16, N 62, p. 100—132.
Ferrière A. Transformons l'école. [Genève], 1920, p. 93—98.
Forel A. Le mensonge ou erreur chez l'homme normal. Bruxelles, 1925, p. 41.
Gringanz. Pri bibliopsichologia. — «Herold de Esperanto», 1925, II, IV.
Henning H. Rubakins Reformbestrebungen. — «Frankfurter Zeitung», 1918, 17 nov.
K jubilem N. Rubakina. — «Knihovna Časopisu Československych Knihovniku», 1926, N 8—9.
Kellen C. Die bibliologische Psychologie, eine neue Wissenschaft von Büchern und Lesern. — «Deutsche Verlagerzeitung», 1921, N 22.
Koutnik B. Ctenář a Kniha. Praha, 1926, 29 s.
Kosteniczowa K. Nikolay Rubakin. — «Bibliotekarz», 1947, N 9—10, s. 130—131.
Library Journal, 1947, 1-st Jan., p. 94.
Nahirni W. C. The Russian intelligentsia. — «Comparative studies in Society and history», 1962, vol. 4, N 4, p. 403—435.
Nicholas Rubakin and Bibliopsychology. Ed. by S. Simsova. (World Classics of Librarianship.) London, Clive Bingley, 1968, 76 p.
Otlet P. Traité de documentation. Bruxelles, 1934, p. 32—35.
Ein Pionier der Volksbildung, N. A. Rubakin. — «Schweitzer kaufmänisches Zentralblatt». 1947, 18 Jan. Подпись: Th. P.
Privat T. Nicolas Roubakine. — «La Sentinelle», 1946, 28 Nov.
Que es la psicologia bibliologica. — «El Comercio», 1924, N 3, IV.
Raabe Zasłużony Knihovnik Rubakin. — «Wiedza i Zycie», 1928, N 9.
Radlinska H. Rocznik Pedagogiczny», 1924, Warszawa, t. 2, s. 75—78, 384.
Revue de l'Institut Solvay, 1923, N 1, Juillet, p. 155—158. Подпись: NN.
Rolland R. Journal des années de la guerre. Paris, 1952. (v. Jndex).
Salveni S. N. Roubakine. — «Coltura populare», 1923, N 6.
Scharten C. Der Mensch en de geleerde N. Roubakine. — «Telegraaf», t. 17, VIII, 1922.
Schmitt A. Nicolas Alexandrovitch Roubakine. Un pionnier de la culture populaire. — «Coopération», Lausanne, 1958, 1 Mars.
Simsova S. Nicholas Rubakin and Bibliopsychology. — «Libri», 1966, vol. 16, N 2, p. 118—129.
Thomson. Dr. Nikolas Roubakine en de bibliologische Psychologie. — «Algemeen Handelblad», 1921, mars.
Turin L. Dr. N. Roubakin on bibliopsychology. — «Psyché», 1929, apr., p. 74—93.
Zivny Dr. K desny Krise. — «Česka osveta», IX.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Богданов Модест Николаевич (1841—1888) — известный русский орнитолог, зоогеограф; исследователь фауны Поволжья, Кавказа, Арало-Каспийской области, Мурманского побережья; один из зачинателей русской научно-популярной зоологической литературы I-47.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — русский поэт; в историю отечественной литературы вошел как автор стихотворной повести «Душенька» (1778, полное изд. — 1783) I-44.

Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский историк-позитивист и социолог; главный труд — «История цивилизации в Англии» (1857—1861) — был переведен на все европейские языки I-66.

Брандес Георг (1842—1927) — датский историк литературы, литературный критик, публицист; наиболее значительное произведение Брандеса — «Главные течения в европейской литературе XIX в.»; на русском языке дважды выходили сочинения Брандеса (в 1902 г. в 12-ти т. с цензурными искажениями и в 1906—1914 гг. в 20-ти т.) I-49.

Брокгауз — фамилия основателя (1814, Альтенбург) крупнейшей немецкой книгоиздательской и книготорговой фирмы Фридриха Арнольда (1772—1823), его сыновей и внуков, продолжателей дела; в 1890 г. деятельность фирмы перенесена в Россию (правнуками основателя Альбертом и Фрицем) I-172.

Бруно Джордано (Филиппо) (1548—1600) — итальянский философ, борец против схоластической философии и римско-католической церкви I-142.

Бьернсон Бьернстьерне Мартиниус (1832—1910) — норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии, борец за самобытную национальную культуру; в 1893—1897 гг. вышло в переводе на русский язык Полное собрание его сочинений в 12-ти т. I-49.

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ-материалист, родоначальник английского материализма; его основной труд — «Великое восстановление наук», где дана классификация существующих и возможных наук соответственно трем способностям, которые он приписывал человеческому разуму: память, воображение, рассудок I-62; II-62.

Бюхнер (Фридрих Карл Христиан) Людвиг (1824—1899) — немецкий врач, естествоиспытатель, философ, вульгарный материалист; отстаивал идеи мальтузианства, социального дарвинизма; основное произведение — «Сила и материя» (1855); критика и оценка философских взглядов Бюхнера дана в работах В. И. Ленина I-47.

Вешняков Федор Владимирович (1828—1903) — русский антрополог, юрист по образованию, член Московского общества испытателей природы, Парижского антропологического общества I-197.

Верн Жюль (1828—1905) I-43, 99.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — русский историк-позитивист, исследователь истории западноевропейского средневековья, публикатор многочисленных документов по античной истории Англии; педагог, автор учебников I-111, 181.

Владиславлев (псевдоним, настоящая фамилия — Гульбинский) Игнатий Владиславович (1880—1962) — один из виднейших русских и советских библиографов; до сих пор не утратили ценности его труды в области рекомендательной библиографии; наиболее известны: «Русские писатели XIX—XX столетия» (1913, 4-е изд. 1924); «Библиографический указатель новейшей русской беллетристики», серия систематических указателей «Что читать?» (Вып. 1—3, 1911—1914), «Библиографические ежегодники (1911—1914), (1912—1915), задуманные им как продолжение труда Н. А. Рубакина «Среди книг», который вышел под ред. Владиславлева. Он отредактировал «Словарный указатель по книговедению» А. В. Мезьер; в 30-е годы выступал в печати по вопросам истории и практики библиографии, методологии книговедения I-174, 205, 206.

Вольф Маврикий Осипович (1825—1883) — владелец крупнейшей в России издательской и книготорговой фирмы; выпускал классическую художественную литературу, иллюстрированные издания, книги по естествознанию; известные серии: «Живописная Россия», «Золотая библиотека», «Библиотека

знаменитых писателей»; сочинения А. Мицкевича, Г. Гейне, Л. Лессинга, В. Скотта, Ф. Купера, Майн-Рида, Ж. Верна и др.; собрания сочинений А. Мельникова-Печерского, А. Писемского, В. Даля; издавал журналы: «Вокруг света», «Новый мир», «Задушевное слово» и др. I-49, 54, 173.

Вольтер (псевдоним, настоящая фамилия — Аруэ) Франсуа Мари (1694—1788) II-66, 203.

Воронцов Василий Павлович (1847—1918) — русский экономист, представитель субъективной школы в социологии, идеолог либерального народничества; критика социологической концепции Воронцова дана в трудах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова I-6.

Габорио Эмиль (1832—1873) — французский писатель; считается родоначальником детективного жанра; почти все его уголовно-сыщицкие романы в 70—80-е гг. переведены на русский язык I-86.

Гартье Эмиль Карлович (1849—1911) — издатель; в России выпускал журнал «Российская библиография» (1877—1882), который впоследствии редактировал русский книговед Н. М. Лисовский; здесь сотрудничали П. А. Ефремов, В. И. Межов и Г. Н. Геннади; после закрытия журнала организовал антикварную книготорговую фирму «Посредник» I-54.

Гейки Арчибальд (1836—1924) — известный шотландский геолог, профессор геологии Эдинбургского университета I-48.

Гейне Генрих (1797—1856) I-154, 155; II-173.

Геннекен Эмиль (1859—1888) — французский литературовед, журналист, редактор; основная теоретическая работа — «Научная критика» (1888) (в переводе на русский язык — «Опыт построения научной критики»). Идеалистическая концепция («гений сам создает себе среду») лежит и в основе двух его других книг о русских и французских писателях I-191—192, 196, 197, 204; II-44, 67, 245.

Георги Иван Иванович (Иоганн Готлиб) (1729—1802) — русский этнограф, натуралист, академик; по своим взглядам был близок к французским просветителям; в 1772—1773 гг. исследовал озеро Байкал и описал климат, флору и фауну его окрестностей; автор первого обобщающего труда о народах России — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежды, жилищ и прочих достопамятностей». 1776—1777) I-66.

Герасимов Иов (Иевлей) Герасимович (1796—1884) — русский книгопродавец; собственную книжную торговлю открыл в 1820 г. на Апраксином рынке; торговал в основном старинными церковными книгами I-54.

Гете Иоганн Вольфганг (1787—1874) I-49; II-22.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) I-86.

Гольдсмит (Голдсмит) Оливер (1728—1774) — английский писатель, поэт, драматург; более всего известен как автор романа «Векфильдский священник» (1766); впервые роман переведен на русский язык в 1847 г. II-89.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) I-86.

Горбунов-Посадов (псевдоним, настоящая фамилия Горбунов) Иван Иванович (1864—1940) — русский педагог, писатель, публицист, издатель, бессменный руководитель (с 1897 по 1925 г.) основанного по инициативе Л. Н. Толстого издательства «Посредник», выпускавшего книги для народного чтения и самообразования; впоследствии работал в области детской литературы и педагогики II-238.

Горький Максим (псевдоним, настоящее имя и фамилия Пешков Алексей Максимович) (1868—1936) I-21, 196.

Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889) — русский юрист, историк права и публицист, профессор Петербургского университета, представитель буржуазного либерализма. Основной труд — «Начала русского государственного права» (В 3-х т., 1875—1883) II-94.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795 или 1794—1829) — наиболее значительные дореволюционные издания сочинений Грибоедова: Полн. собр. соч.

1885 г. открыл специализированный магазин «Букинист В. И. Клочков»; издал более 600 каталогов редких и замечательных книг I-145.

Кок Поль Шарль де (1793—1871) — французский писатель, продолжатель традиции «фривольной» литературы XVIII в.; многие его бытоописательные романы переведены в 40—50-х гг. на русский язык I-86.

Кольб Георг Фридрих (1800—1884) — немецкий статистик, публицист, политический деятель, историк культуры; основные произведения: «Руководство по сравнительной статистике положения народа и изучения государства» (1875); «История человеческой культуры» (1872—1873) (пер. на русский язык) II-84.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — первое отдельное издание его стихотворений подготовил к печати В. Г. Белинский (1846) I-43, 86.

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, один из основоположников буржуазной социологии и философии позитивизма; значительное место в философской системе Конта занимает проблема классификации наук, которые он располагал по убывающей простоте и общности I-62; II-75.

Коркунов Николай Михайлович (1852—1904) — русский ученый, юрист, автор учебников по государственному и международному праву; для Коркунова характерен социологический подход к изучению государства и права, вместе с тем свойственны идеалистические представления о закономерностях развития общественных явлений II-94.

Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — украинско-русский историк, публицист, критик, писатель; в 1859—1862 гг. профессор Петербургского университета; изучал историю Украины и России, участвовал в работе Археологической комиссии; под его редакцией в 1861—1888 гг. вышло 12 томов «Актов» по истории Украины и Белоруссии I-99.

Косцов Иван Федорович — петербургский букинист, торговал русской иностранной книгой по всем отраслям знаний; торговля просуществовала до 1917 г.; выпустил 15 каталогов; с 1922 г. по 1923 г. совместно с Н. А. Поляковым и Н. В. Базыкиным торговал букинистической книгой (фирма «Экскурсант») I-145.

Котта Бернгард (1808—1879) — известный немецкий геолог; побывал с экспедицией на Алтае для обследования рудных месторождений I-47.

Коцебу Август Фридрих фон (1761—1819) — немецкий писатель, монархист и реакционер, шпион царского правительства и агент Священного союза; автор слащаво-сентиментальных, мелодраматических трагедий, рассказов, а также исторических сочинений и мемуаров; одно из самых полных изданий его сочинений в русском переводе — Театр А. фон Коцебу. Ч. 1—12, М., 1824 II-203.

Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906) — представитель либерального народничества, публицист, сотрудник журнала «Отечественные записки», один из редакторов журнала «Русское богатство»; отрицал капиталистический путь развития России, проповедуя примирение с царизмом; взгляды Кривенко были подвергнуты резкой критике В. И. Лениным, Г. В. Плехановым I-6.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — русский мелкобуржуазный революционер, один из теоретиков анархизма, ученый-географ, позитивист по философским взглядам; все основные принципы нравственности выводил из поведения животных, представление о добре выводит, наблюдая взаимную поддержку внутри видов II-209.

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — в 1891—1896 гг. работала в вечерней воскресной Смоленской школе в Петербурге I-17, 21, 23, 26, 31.

Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — социал-демократ, член партии с 1904 г.; впоследствии — видный советский государственный политический деятель; в 1905—1906 гг. — один из лидеров студенческого революционного движения; с 1911 г. сотрудничал в «Звезде» и «Правде»; в 1914 г. эмигрировал в Швейцарию; с 1918 г. работал в органах Советской юстиции I-9.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — русский писатель, автор исторических повестей, пьес, проникнутых монархическими идеями и отличавшихся выспренностью и напыщенностью слога I-44, 45.

Купер Джеймс Фенимор (1789—1851) I-99.

респондентом Н. А. Рубакина и до конца жизни оставался с ним в дружеских отношениях I-13.

Нордау Макс Симон (псевдоним, настоящая фамилия Зюдфельд) (1849—1923) — французский писатель и публицист, литературный критик, по происхождению немец I-49.

Ньютон Исаак (1642—1727) II-19.

Одоевский Владимир Федорович (1804—1869) — русский писатель, публицист, музыковед, общественный и культурный деятель, популяризатор научных знаний I-43, 44.

Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — русский поэт и драматург, автор популярных в свое время исторических драм «Ярополк и Олег» (1798), «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донской» (1807); лучшее дореволюционное издание сочинений Озерова подготовил П. А. Вяземский (Спб., 1824; Спб., 1828) II-66.

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — крупный ученый-востоковед, академик; с 1930 г. — директор Института востоковедения; автор ряда трудов по этнографии, фольклору, искусству Востока (Индия, Китай, Индонезия и др.) I-85.

Оствальд Вильгельм Фридрих (1853—1932) — немецкий химик и философ-идеалист; критика его концепции «энергетизма» дана В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» I-197.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) I-45, 46, 49, 86, 99.

Павленков Леонид Николаевич (1840—1912) — литератор, журналист, книговед; сотрудничал в нескольких суворинских периодических изданиях («Новое время», «Русский календарь», «Исторический вестник»); в последнем с 1887 по 1896 г. печатал ежегодные статистические обзоры «Периодическая печать и книжное дело в России», которые до настоящего времени не утратили ценности; автор небольшой книжки «Николай Михайлович Лисовский». К 30-летию его деятельности. Спб., А. С. Суворин, 1903 I-41, 42, 43, 46, 52, 89.

Павленков Флорентий Федорович (1839—1900) — русский книгоиздатель демократического направления; напечатал свыше 750 названий книг, среди них — сочинения Д. И. Писарева (8 изданий), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, соч. В. Г. Белинского, А. И. Герцена (впервые в России), выпускал научно-популярную литературу «Иллюстрированная библиотека отечественных и зарубежных классиков для детей», энциклопедический словарь, знаменитую «Жизнь замечательных людей» (198 биографий), собрания сочинений русских писателей I-47, 49, 111, 147, 172.

Павлов Иван Петрович (1849—1936) I-22.

Паллас Петр Симон (1741—1811) — русский естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук; в 1768—1774 г. возглавлял экспедицию Академии в Поволжье, Прикаспийскую низменность, Башкирию, Урал, Забайкалье, Сибирь, результаты которой опубликовал в труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (в 3-х ч., 1773—1788 гг. на нем. яз.) I-66.

Панов Александр Васильевич (1865—1903) — библиограф, журналист, участник нелегальных революционных кружков; стоял на позициях революционного народничества; занимался изучением постановки самообразования в России и практически содействовал ему I-177.

Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — русский издатель и писатель, общественный деятель, член общества «Земля и Воля»; как издатель преследовал научно-просветительские цели; как писатель известен не утратившими ценности воспоминаниями об общественном движении 60-х гг. «Из воспоминаний прошлого» (1905) I-48, 172.

Паскаль Блез (1623—1662) — французский математик и физик, религиозный философ; обосновывал метод экспериментального естествознания II-19.

Паульсен Фридрих (1846—1908) — немецкий философ-идеалист, автор работ по истории, философии, этике и педагогике II-22.

Решетников Федор Михайлович (1841—1871) — русский писатель-демократ I-86.

Рид Томас Майн (1818—1883) I-99; II-86.

Роллан Ромен (1866—1944) I-17, 22.

Россмесслер Эмиль-Адольф (1806—1867) — немецкий ботаник и зоолог I-47.

Ростопчина Евдокия Петровна (1812—1858) — русская поэтесса I-44.

Савихин (псевдоним, настоящая фамилия — Иванов) Василий Иванович (1858—?) — писатель-самоучка, из крестьян Петербургской губернии; был в переписке с Н. А. Рубакиным, получал от него индивидуальные списки книг для чтения; с начала 80-х гг. печатался в «Русском богатстве», «Северном вестнике»; наиболее интересные произведения — автобиографическая повесть «Пробуждение» (1902) и повесть «Прошумела слава» (1902 и 1911); о Савихине Н. А. Рубакин подробно писал в кн.: Крестьяне-самоучки. Список удобопонятных и полезных книг. М., 1893 I-87; II-48.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) I-35, 99; II-200.

Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель и поэт; в России был хорошо известен уже в 20-е гг. XIX в.; до революции неоднократно выходили собрания его романов I-99.

Смит Адам (1723—1779) — английский философ и экономист; основной экономический труд — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776: русск. перевод с несколько измененным названием — т. 1—4, Спб., 1802—1806) занимает выдающееся место в истории классической политической экономии; противоречия трудовой теории стоимости Смита вскрыты Марксом I-53.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ, один из родоначальников позитивизма. Философию понимал как максимально обобщенное знание законов и явлений, т. е. видел только количественное отличие философии от частных наук, выражающееся в степени обобщенности знания; система философских взглядов Спенсера базировалась на его учении о всеобщей эволюции I-62, 138, 139, 181; II-19, 75, 203.

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — старейший деятель революционного движения; член КПСС с 1898 г.; вместе с Н. К. Крупской работала в воскресных школах для рабочих I-6.

Страннолюбский Александр Николаевич (1839—1903) — русский педагог, математик-методист; сторонник педагогических идей Л. Н. Толстого, один из организаторов Василеостровской бесплатной школы для мальчиков, устроенной по образцу Яснополянской; большую работу вел в Комитете грамотности при Вольном экономическом обществе I-83.

Струмилин (Струмилло-Петрашевич) Станислав Густавович (1877—1974) — социалист-демократ, впоследствии видный советский экономист и статистик, академик, член КПСС с 1923 г.; с 1897 г., активно участвовал в революционном рабочем движении; научно-публицистическую деятельность начал в 1905 г. I-177.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — владелец крупнейшей универсальной книгоиздательской фирмы; публицист, театральный критик, писатель, прошедший путь от либерала до крайнего реакционера; издатель реакционной газеты «Новое время»; в изданиях Суворина преобладала гуманитарная книга; художественную литературу выпускал как отдельными изданиями, так и сериями; наиболее известны «Новая библиотека», «Дешевая библиотека», I-44, 49.

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) — владелец издательской фирмы монополистического типа «Товарищество Сытин и К°», самостоятельную деятельность начал как издатель лубочной картины и книги; огромное культурно-просветительное значение издательства Сытина состоит в выпуске самых дешевых изданий собраний сочинений Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова; издавал книги преимущественно сериями и библиотеками; среди серий — «Библиотека для самообразования» под ред. Н. А. Рубакина; издавал книги также

в сотрудничестве с различными просветительскими обществами и организациями: Харьковским обществом распространения в народе грамотности, Петербургским комитетом грамотности, объединением библиотекарей, Вольным объединением писателей, близким Л. Н. Толстому («Посредник»); после революции работал в советской издательской системе I-6, 18, 47, 111, 173; II-57.

Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) — русский дипломат, историк, публицист, монархист по убеждениям; сотрудничал в «Русском вестнике», «Новом времени»; по поручению департамента полиции по материалам Третьего отделения Татищев составил сводку «Революционное движение в России в 1861—1881» II-93.

Тейлор Эдуард Бернетт (1832—1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры; главные труды — «Первобытная культура» (1871) и «Антропология» (1881); наряду с Г. Спенсером создатель идеалистической по своей сути эволюционной школы в истории культуры и в этнографии II-75.

Теккерей, Уильям Мейкпис (1811—1863) I-99.

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920) I-49, 99.

Тиндаль Джон (1820—1893) — английский физик и известный популяризатор науки; выступал с публичными лекциями; почти все курсы лекций были выпущены отдельными изданиями, многие из них переведены на русский язык I-47, 49; II-214.

Тиссандье Гастон (1843—1899) — французский воздухоплаватель и метеоролог; предпринял ряд полетов на воздушном шаре с научной целью; автор научных работ и научно-популярной книги «Воздушный океан», переведенной на русский язык под названием: «Путешествие по воздуху. Рассказы о воздушных шарах и воздушных путешествиях» (1899, совм. с К. Фламмарионом) I-49.

Тихомиров Ксенофонт Иванович (ум. 1913) — издатель, владелец книготорговых фирм «Учебный магазин» и «Начальная школа» I-122, 173, 190.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) II-124.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) I-138; II-68, 71, 141, 197, 240, 241.

Трачевский Александр Семенович (1838—1906) — русский историк либерально-буржуазного направления, автор научных трудов, публикатор собрания документов «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» (В 4-х т. 1890—1894) и многочисленных научно-популярных работ и учебников по русской и всеобщей истории I-99.

Трояновский Александр Антонович (1882—1955) — советский дипломат, член КПСС с 1907 г.; вел партийную работу в Петербурге и Киеве: в 1910 г. эмигрировал в Швейцарию; в советское время служил в Красной Армии; был полпредом в Японии, США; с 1941 г. — работник Совинформбюро I-9.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1819) — русский буржуазный экономист и социолог; один из представителей легального марксизма; в дальнейшем — открытый защитник капитализма; содействовал теоретическому разгрому народничества; некоторые экономические произведения его не потеряли свою ценность и сегодня I-29.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) I-46, 49.

Тэн Ипполит Адольф (1828—1893) — французский философ, эстетик, историк литературы, родоначальник теории натурализма как литературно-художественного направления и основатель культурно-исторической школы, получившей широкое распространение; в концепции «философии искусства» Тэна сочетаются материалистические суждения и исторический идеализм I-142; II-75.

Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — революционер-народоволец, старший брат В. И. Ленина; казнен в Шлиссельбургской крепости I-5; II-41.

Уоллес Альфред Рассел (1823—1913) — английский естествоиспытатель; предпринял ряд длительных путешествий в Бразилию, на Малайский архипелаг; в вопросе о происхождении видов подошел близко к взглядам Ч. Дарвина I-47, 172; II-64.

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1795—1805) II-22.

Шлейден Маттиас Якоб (1804—1881) — известный немецкий ботаник; автор многочисленных научных и научно-популярных работ, часть которых переведена на русский язык I-47.

Шпильгаген Фридрих (1829—1911) — либерально-буржуазный немецкий писатель, поэт, драматург, журналист, теоретик литературы; более всего известен как автор политических романов, отразивших социальную борьбу в Германии в середине XIX века; основное произведение — роман «В строю» (1866; в русском пер. — «Один в поле не воин»); творчество его особенно популярно было в народнической среде II-240.

Штирнер Макс (псевдоним, настоящее имя и фам. — Каспар Шмидт) (1806—1856) — мелкобуржуазный немецкий философ-младогегельянец; уничтожающая критика субъективного идеализма, мелкобуржуазного индивидуализма и анархизма Штирнера содержится в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» II-203.

Эбергс Георг (1837—1898) — немецкий египтолог, автор научных и научно-популярных работ и исторических романов («Дочь фараона», «Уарда», «Император» и др.), которые, не отличаясь художественной глубиной, тем не менее до сих пор сохраняют научную и познавательную ценность II-240.

Эдисон Томас Алва (1847—1931) — выдающийся американский электротехник, изобретатель, основатель крупных электротехнических предприятий и компаний II-232.

Эмар Гюстав (псевдоним, настоящее имя — Оливье Глу) (1818—1883) — французский писатель, автор историко-приключенческих романов; почти все они переведены на русский язык I-86, 99; II-86.

Энгельс Фридрих (1820—1895) II-235.

Южаков Сергей Николаевич (1849—1910) — русский публицист, социолог и экономист, либеральный народник; редактор известной «Большой Энциклопедии» (в 22-х т., Спб., 1900—1909); в области социологии выступал как субъективный идеалист, отрицавший классовую борьбу; взгляды его подвергнуты резкой критике в работах В. И. Ленина I-6.

Яковенко В. И. — издатель, с 1900 г. преемник Ф. Ф. Павленкова I-173.

Янжул Иван Иванович (1846—1914) — экономист, либерально настроенный профессор Московского университета, библиограф; основные труды — в области политэкономии, финансового права, торговли; автор нескольких статей по вопросам цензуры и книжного дела I-65.

СОДЕРЖАНИЕ